

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/91

Журнал «Вопросы истории» в 1992 году опубликует:

Дневники А. В. Луначарского

100 писем Азефа

Письма Х. Г. Раковского Л. Д. Троцкому

Переписку Сталина, Молотова, Тито

Фрагменты рукописи А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»

Размышления Д. А. Волкогонова о минувшей войне и состоянии военно-исторической науки

Главы из книги Э. Бенеша «Демократия сегодня и завтра»

«Книгу мертвых», содержащую представления древних египтян о загробном мире

Исторические портреты Александра III, М. А. Бакунина, П. Б. Струве, А. И. Гучкова, Л. Г. Корнилова, М. С. Грушевского, В. К. Блюхера, И. Броз Тито, короля Фейсала, императора Хирохито, апостола Павла и др.

Статьи советских и зарубежных ученых по актуальным проблемам исторической науки

Будет продолжена публикация мемуаров Н. С. Хрущева, «Очерков русской смуты» генерала А. И. Деникина.

Статьи цикла «История советского общества в новом освещении» и серии «Очерки истории Русской православной церкви».

В приложении к журналу выйдут следующие книги:

Династия Романовых (исторические портреты семнадцати царственных особ)

Мемуары и дневники военного министра царского правительства А. А. Поливанова

Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции

Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви (в 2-х т.т.)

Платонов С. Ф. Учебник русской истории

Цена одного номера журнала — 2 руб. 25 коп.

Подписная цена на год — 27 руб., на 6 месяцев — 13 руб. 50 коп., на 3 месяца — 6 руб. 75 коп. Индекс 70145

Подписная цена на приложение — 89 руб.

Оно предназначается только подписчикам журнала. Индекс 70319

Подписка на журнал и приложение

принимаются всеми предприятиями «Союзпечати» и отделениями связи.

По предложениям читателей создается фонд развития журнала «Вопросы истории». Деньги можно перечислять на расчетный счет № 362402 в коммерческий народный банк 1 ОПЕРУ МГУ Жилсоцбанка (уч-к № 30 МФО 19101) в г.р. Москве с обязательной пометкой «в фонд развития журнала «Вопросы истории». Средства в иностранной валюте направлять на расчетный счет № 67080342 во Внешэкономбанке СССР также с пометкой «в фонд развития журнала «Вопросы истории».

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И. Я. Фроянов** — Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов 3
- Дж. Р. Эдельман** — Прелюдия холодной войны: к истории советско-германских отношений 16
- О. Ф. Сувениров** — Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы 26

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. В. Кулешова** — Фелипе Гонсалес 36

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 50
- Вилли Брандт** — Воспоминания. Продолжение 60

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А. Г. Авторханов** — Технология власти. Продолжение 90

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал **А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение 105
- А. Ф. Керенский** — Россия на историческом повороте. Продолжение 131

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»,
МОСКВА

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Ю. В. Готье и его дневник 150

СООБЩЕНИЯ

В. В. Кондрашин — Голод 1932—1933 годов в деревнях
Поволжья 176

С. Н. Семанов — «Кровавое воскресенье» как исто-
рический феномен 182

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Т. О. Максимова — Газета «Луч» 189

С. П. Карпов — Трапезундский ученый Георгий Ами-
рутци. 195

ИСТОРИОГРАФИЯ

М. В. Дмитриев, Н. Л. Пушкарева — Русские и немцы:
представления друг о друге 200

В. К. Якунин — А. И. Алаторцева. Советская историче-
ская периодика. 1917 — середина 1930-х годов 205

А. А. Дворецкая — С. Герберштейн. Записки о Моско-
вии 207

Р. Е. Кантор — В. В. Согрин. Джефферсон. Человек,
мыслитель, политик 208

Е. С. Яковцев — Р. Дронн. Жизнь и смерть одной импе-
рии. Деколонизация 209

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С. А. Мезин — Возвращаясь к напечатанному 211

Г. К. Цверева — Франко-русско-китайские научные свя-
зи в XVIII веке 212

Л. Н. Бостан — Необходимое уточнение 212

Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов

И. Я. Фроянов

Сохраненный древними летописями рассказ о призвании союзом северо-западных племен варяжского конунга Рюрика с братьями остается еще во многом загадочным для исследователей. Как явствует из летописного повествования, изнуренные взаимными войнами племена сошлись на совет «и реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягам, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь... Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами». И избрашася 3 братья с роды своими, поша по собе всю русь и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборсте, Трувор»¹.

Русские ученые XVIII и XIX вв. обычно относились с полным доверием к Сказанию о призвании варягов. Они спорили лишь по вопросу об этнической принадлежности пришельцев, не сомневаясь в самой реальности сообщаемых летописью под 862 г. событий². Постепенно, однако, складывается мнение, что в рассказе о призвании запечатлено и многое из действительности начала XII в., когда создавалась летопись. Так, Н. И. Костомаров на диспуте с М. П. Погодиным 19 марта 1860 г. о начале Руси говорил: «Наша летопись составлена уже в XII веке и, сообщая известия о прежних событиях, летописец употреблял слова и выражения, господствовавшие в его время»³. О влиянии новгородских порядков поздней поры при создании легенды писал Д. И. Иловайский⁴. Но настоящий перелом здесь наступил благодаря работам А. А. Шахматова, который показал, что Сказание о призвании варягов это — поздняя вставка, скомбинированная способом искусственного соединения нескольких северорусских преданий, подвергнутых глубокой переработке летописцами. Шахматов увидел преобладание в нем домыслов над мотивами местных преданий о Рюрике в Ладогe, Труворе в Изборске, Синеусе на Белоозере и обнаружил литературное происхождение записи под 862 г., явившейся плодом творчества киевских летописцев второй половины XI — начала XII века⁵.

После исследований Шахматова в области истории русского летописания ученые стали значительно осторожнее относиться к летописным известиям о происшествиях IX века. Не обошлось, впрочем, и без крайностей. В. А. Пархоменко, например, призывал «совершенно скептически» отнестись «к летописному повествованию о призвании на княжение Рюрика» и не придавать этому «северному легендарному эпизоду» серьезного научного значения⁶.

Однако не все историки столь недоверчиво воспринимали летописные известия 862 года. В «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского, написанной еще в дореволюционное время, говорилось, что в вопросе о том, как появилась династия Рюриковичей у восточных славян, «всего безопаснее» придерживаться текста летописи⁷.

Фроянов Игорь Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, декан Исторического факультета Ленинградского университета.

Неоднократно обращался к данному сюжету Б. Д. Греков. Следует отметить, что его мнение не осталось неизменным. В ранних изданиях монографии «Киевская Русь» он отмечал, что киевский летописец Сильвестр использовал запись новгородского летописца, приспособив «новгородское сказание к своим собственным целям», назидательным по замыслу: «Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и востаням. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спасителями в IX в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи несли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена — «всташа сами на ся, бысть меж ими рать велика и усобица». Призвание Мономаха в Киев таким образом оправдано, и долг киевлян подчиняться призванной власти, а не восставать против нее». Греков не отрицал полностью факта призвания Рюрика, хотя и сомневался в точности передачи его подробностей. Какие же реальные события увидел исследователь в предании о Рюрике? «Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, — писал он, — то все же можно сделать из известных нам фактов вывод о том, что варяжские викинги частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс. Так началось сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории государства Рюриковичей»⁸.

Очень скоро Греков стал перестраивать в своих суждениях, смещая акценты, а то и вовсе меняя их смысл. Уже в издании 1939 г. он, опираясь на результаты исследований Шахматова, уличает летописца, стремившегося возвеличить род Рюриковичей, в склонности к норманизму. В известиях Повести временных лет о Рюрике автор видит «переделку старых преданий о начале русской земли, освещенную сквозь призму первого русского историка-норманиста, сторонника теории варяго-руси». Вносит он изменения и в историческую канву предания, а что касается призвания, повествует с некоторой неохотой: «Варяжские викинги, — допустим, даже и призванные на помощь одной из борющихся сторон, — из приглашенных превратились в хозяев и частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс. Но сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории Киевского государства началось с момента объединения земель вокруг Киева и, в частности, с включения Новгорода под власть князя, сделавшего Киев центром своих владений». Греков, как видно, круто меняет ход начальной истории Русского государства, переносит главную историческую сцену с севера на юг, из Новгорода в Киев. Давал о себе знать и нарастающий синдром норманизма, парализовавший вскоре исследовательскую мысль. Но некоторое время Греков не находил ничего невероятного в самой личности Рюрика, возглавившего «вспомогательный наемный датский отряд», который прибыл на «новгородскую территорию» по приглашению одной из борющихся сторон. В последней, по смертной публикации «Киевской Руси» 1953 г., куда вошли поправки автора к тексту издания 1949 г., отношение к летописной записи о варягах еще более настороженное: «Есть большое основание сомневаться в точности предания о Рюрике, о котором тенденциозно говорят наши летописи. Несомненно, призвание трех братьев — ходячая легенда, весьма популярная в XI—XII веках. Возможно предположить лишь факт найма новгородцами варяжских вспомогательных отрядов. Такого рода факты имели место и при Владимире и Ярославе. Но это совсем не «призвание», на котором базируются норманисты»⁹.

Приглашенные словами «варяжской наемной дружины» допускал и В. В. Мавродин. Один из новгородских старейшин, полагал он, пригласил на помощь в борьбе с другими правителями «какого-то варяжского конунга, которого летописное предание назвало Рюриком». Явившись с дружиной в Новгород, варяжский викинг «совершает переворот, устраняет или убивает новгородских «старейшин», что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла «без наследия», и захватывает власть в свои руки». Мавродин не уверен, «существовали ли реальные Рюрик, Синеус и Трувор». Но нет никаких оснований «обязательно считать их легендарными»¹⁰.

Стремление автора выявить реальное значение варягов в образовании Древнерусского государства было расценено как сближение с норманизмом, как уступка норманистской концепции. В вину Мавродину было поставлено даже то, что он в отдельных случаях называл варягов «кушцами», тогда как их следовало изображать как «разбойничьи дружины» или, по крайней мере, как «воинов-наемников»¹¹. Эта, с позволения сказать, «критика» являлась веянием времени: в стране начиналась охота на «космополитов». Чтобы избежать обвинений в норманизме, лучше было не замечать конкретных реалий в летописном рассказе о призвании варягов или же свести их к минимуму.

В это тяжелое для исторической науки время появляются труды Д. С. Лихачева по истории летописания. В них затрагивался и вопрос о достоверности известий летописца о Рюрике; «Легенда о призвании трех братьев варягов — искусственного, «ученого» происхождения», — пишет Лихачев, причем в ней имеется «примитивная и отсталая часть», которую взяли на вооружение «современные псевдо-ученые норманисты». Автор подчеркивает ненародный характер легенды, «в основном созданной в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками». Историческое зерно ее невелико. Она была «наруку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство русских князей; легенда утверждала династическую унификацию: все князья —

члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры: такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях¹². Легенда служила и еще одной цели. Так, Русское государство, с точки зрения греков, «было обязано своим происхождением Византии. Законная власть явилась на Русь лишь после ее крещения и была неразрывно связана с церковью. Вот с этой-то греческой точкой зрения и боролись печерские летописцы»¹³. Привлекает внимание то обстоятельство, что автор ищет «историческое зерно» легенды не в событиях, каким она посвящена, а в политических коллизиях времен внуков Ярослава, то есть не в конце IX в., а в конце XI — начале XII столетия. Такое хронологическое переключение, конечно, сглаживало остроту проблемы, но придавало ее изучению некоторую односторонность, недоговоренность и расплывчатость.

Аналогичную хронологическую перестановку произвел и С. В. Юшков. «Уже давно было отмечено, — рассуждал он, — что автор древнейшего летописного свода был далеко не тем летописцем, который добру и злу внимал равнодушно. При работе над своим произведением он планомерно и настойчиво проводил ряд тенденций, которые были интересны Киевской правящей верхушке. В условиях распада Киевского государства надо было всячески подчеркнуть значение государственного единства, значение единой сильной власти, указав, что при отсутствии этой власти неизбежны междоусобицы. Надо было всячески возвеличить правящую династию, показав ее роль в организации Киевского государства». Юшков отдает должное мастерству летописца и отмечает, что его рассказ о призвании князей составлен с большим искусством, так что трудно отделить в нем правду от вымысла. И все же он, по Юшкову, сплошь легендарен. Юшков не видел никакой надобности в гипотезе Грекова, «объясняющей появление норманских варяжских князей в Новгороде приглашением их вместе с военным отрядом и с дружиной одной из враждовавших Новгородских группировок»¹⁴.

Так в исторической науке выхолощивалось конкретное содержание летописных известий о призвании варягов. В них вкладывался лишь идейный смысл, приуроченный к историческим событиям конца XI — начала XII века. Сама же варяжская проблема становилась ареной идеологического и политического противостояния. Красноречиво в этой связи заявление Грекова: «Легенда о «призвании варягов» много веков находилась на вооружении идеологов феодального государства и была использована русской буржуазной наукой. Ныне американско-английские фальсификаторы истории и их белоэмигрантские прислужники — космополиты вновь стараются использовать эту легенду в своих гнусных целях, тщетно пытаясь оклеветать славное прошлое великого русского народа. Но их попытки обречены на провал»¹⁵. Характерно, что эти обвинения звучали со страниц солидного академического издания, свидетельствуя о превращении истории в служанку политики.

В середине 50-х — начале 60-х годов такого рода заявления оценивались как вульгаризация и упрощение сложных вопросов исторической науки¹⁶. Исследование Сказания о призвании варягов продолжалось.

Возникновение легенды о призвании князей Б. А. Рыбаков связал с историей Великого Новгорода: «Стремление новгородцев в XI—XII вв. обособиться от власти киевских князей, широкие торговые связи Новгорода со Скандинавией, использование новгородскими князьями в борьбе с Киевом наемных варяжских отрядов (Владимир и Ярослав в начале их деятельности) — все это в сочетании с тенденцией избирать себе князя и породило в новгородском летописании XI—XII вв. вымыслы о призвании варяжских князей и затем отождествление варягов с русью». Впоследствии Сильвестр, оправдывая призвание Мономаха в Киев, воспользовался новгородской летописью и внес ее рассказ в отредактированную им Повесть временных лет. Рыбаков полагает, что к тому моменту, когда на Севере славянского мира появились варяги, в Среднем Поднепровье уже сложилась Киевская Русь. «Варяги-пришельцы не овладевали русскими городами, а ставили свои укрепленные лагеря рядом с ними»¹⁷. Автор признает реальность Рюрика, но сомневается в двух других героях легенды — Синеусе и Труворе, считая их происхождение анекдотическим. Такое происхождение «братьев» Рюрика «говорит нам и о степени достоверности всей легенды в целом. Она сфабрикована, очевидно, из различных преданий и рассказов, в которых историческая правда слеталась с вымыслом, окружившим описание событий, происходивших за два столетия до их записи. Источником сведений о Рюрике и его «братьях», вероятнее всего, был устный рассказ какого-нибудь варяга или готландца, плохо знавшего русский язык». Важно отметить, что Рыбаков допускает наличие «исторической правды» в легенде. Но еще более существенно то, что он выделял норманский период в истории Руси, охватывающий три десятилетия (882—911 гг.), когда «власть в Киеве захватил норманский конунг Олег, ставший на время киевским князем»¹⁸.

В книге, вышедшей сравнительно недавно, фигурирует уже новгородец, «плохо знавший шведский язык», поскольку «принял традиционное окружение конунга за имена его братьев»: Синеус — *Sine hus* («свой род») и Трувор — *thru varing* («верная дружина»). Достоверность легенды в целом невелика. «Было ли призвание князей или, точнее, князя Рюрика?» — ставит вопрос Рыбаков. Он полагает, что «ответы могут быть только предположительными. Норманские набеги на северные земли в конце IX и в X в. не подлежат сомнению. Самолюбивый новгородский патриот мог изобразить реальные набеги «находников»

как добровольное призвание варягов северными жителями для установления порядка. Такое освещение варяжских походов за данью было менее обидно для самолюбия новгородцев, чем признание своей беспомощности. Могло быть и иначе: желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских поборов, население северных земель могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов. Приглашенный князь должен был «рядить по праву», т. е. мыслилось в духе событий 1015 г., что он, подобно Ярославу Мудрому, оградит подданных какой-либо грамотой». Рыбаков не выделяет теперь «норманский период» в истории Руси конца IX — начала X века. Источники, по его мнению, «не позволяют сделать вывод об организующей роли норманнов не только для организованной Киевской Руси, но даже и для той федерации северных племен, которые испытывали на себе тяжесть варяжских набегов. Даже легенда о призвании князя Рюрика выглядит как проявление государственной мудрости самих новгородцев»¹⁹.

Если Рыбаков рассматривал «призвание Рюрика» как один из возможных вариантов толкования варяжской легенды, то А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев не видят ему никакой альтернативы. Исходя из своих преувеличенных представлений о Ладоге «как первоначальной столице Верхней Руси», они именно ладожан наделяют инициативой «призвания Рюрика», которое, по уверению авторов, будучи «дальновидным» шагом, явилось «хорошо продуманной акцией, позволяющей урегулировать отношения практически в масштабах всей Балтики». По словам Лебедева, историческая канва событий «предания о варягах» ныне «восстанавливается подробно и со значительной степенью достоверности»²⁰. Летописное «сказание о варягах» воспринимается, стало быть, названными учеными как вполне доброкачественный исторический материал, позволяющий воссоздать реальные события конца IX в., пережитые Северной Русью.

Таким образом, в советской историографии существуют три подхода к известиям летописи о призвании варягов. Одни исследователи считают их в основе своей исторически достоверными. Другие — полностью отрицают возможность видеть в этих известиях отражение реальных фактов, полагая, что летописный рассказ есть легенда, сочиненная много позже описываемых в ней событий в пылу идеологических и политических страстей, волновавших древнерусское общество конца XI — начала XII века. Третьи, наконец, улавливают в «предании о Рюrike» отголоски действительных происшествий, но отнюдь не тех, что поведаны летописцем. Кроме того, они говорят и об использовании этого предания в идейно-политической борьбе на грани XI и XII столетий. Последняя точка зрения представляется более конструктивной, чем остальные.

Что можно добавить или возразить по поводу имеющихся в исторической литературе суждений относительно рассказа летописца о призвании варягов? Необходимо прежде всего отделить вопрос об идейно-политическом звучании варяжской легенды на Руси конца XI — начала XII в. от проблемы ее исторического содержания, связанного со второй половиной IX века. Выскажем сразу же несогласие с идеей антигреческой направленности легенды, обусловленной будто бы стремлением отстоять суверенитет Руси, отбросить притязания Византии на «игемонию»²¹. Покушения Константинополя на политическую независимость Руси не находят обоснования в источниках, где «нет и намек на то, будто империя посягала на политическую самостоятельность Руси. Нет и намек на то, что какой-нибудь грек-митрополит (хоть он и являлся агентом империи) претендовал на заметную политическую роль»²². Поэтому «ни о какой вассальной зависимости от Византии, кроме признания авторитета императора и его первенства в системе христианских держав, не может идти речь при характеристике отношений между Русью и Византией»²³.

Нельзя также мотив братьев, представленный в Сказании, ограничивать только идеей «родового единства русских князей» и «династической унификации».

В идейной ткани легенды обнаруживается сложное смысловое переплетение. Новгородские и киевские идеологи по-разному воспринимали рассказ о варяжских князьях, находя в нем то, что отвечало их настроениям и чаяниям. Для Южной Руси конца XI — начала XII в., истокаемой княжескими «каторами», идея братства и единения князей была актуальной. В Новгороде она не имела такой остроты. Зато внутривосточные и некоторые территориальные вопросы приобрели несомненную злободневность. Верховенство Новгорода в волости, куда входили крупные по тому времени города, такие, как давняя его соперница Ладога и набравший силу Псков, — вот что занимало новгородскую общину. В Сказании о варягах этот интерес обозначен достаточно рельефно. Он проглядывает здесь первый раз, когда говорится о том, что старший брат Рюрик сел на княжение в Новгороде, а его младшие братья обосновались в городах, тянущих к волховской столице, и второй раз, когда речь идет о смерти Синеуса и Трувора и об установлении единовластия Рюрика. В Новгородской Первой летописи это выглядит так: «И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а други седе на Белеозере, Синеус, а третей в Изборьске, имя ему Трувор... По двю же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един». Лаврентьевская летопись содержит продолжение данного сюжета: «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик»²⁴. Легко заметить двусторон-

нюю направленность приведенного летописного отрывка: внутриволостную и межволостную. Что это означает?

Новгород, во-первых, заявлял о своих претензиях на господствующее положение в волости, поскольку издревле являлся средоточием верховной власти, распространявшей свое действие на соседние города и земли. Во-вторых, он объявлял города Верхней Волги находящимися в сфере своих интересов, то есть притягал на эти города. Такая политика Новгорода вытекала из конкретной исторической ситуации, сложившейся в конце XI — начале XII века.

К этому времени Новгород заметно продвинулся в приобретении самостоятельности и независимости от Киева. В городе укрепляется местный институт посадничества²⁵. Представители киевской власти вытесняются новгородскими «чиновниками». Так в Ладоге появляется новгородская администрация²⁶. Вместе с тем обостряются внутриволостные отношения с такими крупными городами Новгородской земли, как Псков и Ладога, которые тяготеют к отделению от Новгорода и образованию собственных волостей. Внешне стремление к суверенитету выражалось в попытках обзавестись у себя княжеским столом, что на короткое время удалось Пскову; там нашел себе приют князь Всеволод Мстиславич, изгнанный новгородцами. Военный конфликт произошел у Новгорода с Ладогой, о чем, возможно, говорит летописная запись: «Идоша в Ладогу на воину». Но самое замечательное состоит в том, что ладожане в начале XII в. создают свою версию Сказания о призвании варяжских князей, согласно которой Рюрик княжит сначала в Ладоге, а лишь потом переходит в Новгород²⁷. А. Г. Кузьмин верно почувствовал в ладожском варианте Сказания соперничество двух северных городов. Но он ошибся, сведя это соперничество к первоначальному смыслу всего Сказания. Оно, по нашему убеждению, заключает производный смысл, обусловленный историческими реалиями конца XI — начала XII века. То была идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости. Однако Ладога не сумела добиться поставленной цели, оставшись пригородом Новгорода, тогда как Псков получил со временем желанную свободу.

Сообщение летописца о княжении Синеуса на Белоозере выводит нас на межволостной уровень отношений Новгорода. Само княжение Синеуса, безусловно, вымысел. В IX в., как известно, Белоозера еще не было. Археологически город прослеживается только с X века²⁸. Отсюда затруднения, испытываемые исследователями, при определении «третьего племени-федерата» — участника северо-западного межплеменного союза. А. В. Куза считал, что «им могли быть и меря, и чудь, и даже весь или мурома, упомянутые Повестью временных лет. Вероятно, в роли союзников словен и кривичей устное предание помнило чудь вообще, а не какое-нибудь конкретное племя. Впоследствии летописцы или их информаторы, пытаясь осмыслить давно минувшие события, руководствовались на этот счет своими соображениями». Он склонялся к выводу о замене Ладоги, упоминаемой в устном предании, на Белоозеро, произведенной позднее интерпретатором этого предания²⁹. Нам думается, что Белоозеро не только отсутствовало в первоначальной версии Сказания о «призвании варягов», но и не было заменой другого города. Оно появилось тогда, когда предание стало записываться и переписываться древними книжниками, то есть во второй половине XI — начале XII в., — во время интенсивного формирования городских волостей-земель, или городов-государств, в процессе которого возникали межволостные территориальные конфликты. Новгородская община пыталась расширить свое влияние на Верхней Волге, движимая торгово-экономическими и геополитическими соображениями. Для этого у нее были основания, поскольку уже с IX в. волжская система становится торной дорогой новгородских словен и северо-западных финно-угров в их движении в Залесскую землю. В Белозерье же славяне начали проникать с X в., утвердившись здесь даже раньше, чем в Приладожье. Белоозеро в X в. заселялось преимущественно новгородскими словенами, что способствовало поддержанию связей между белозерцами и новгородцами³⁰.

На рубеже XI и XII вв. Верхнее Поволжье становится театром межволостных и межкняжеских войн. Активную роль в них играют новгородцы, обеспечившие победу Мстислава над Олегом в решающей битве «на Кулачье»³¹. Наивно думать, будто новгородцы втягивались в княжеские междоусобицы помимо своей воли и вопреки своему желанию. Межкняжеская борьба — это нередко поверхностное отражение процессов, происходивших в глубинах народной жизни³². Наступательная политика новгородцев в Верхнем Поволжье вылилась в 30-е годы XII в. в ряд походов. Она несколько ослабла после сокрушительного поражения новгородских полков в сражении при Ждане горе в 1135 году³³.

Представляет интерес в плане истории текста Сказания о варягах и упоминание Ростова среди городов, которые Рюрик роздал своим мужам в кормление. Сама передача городов в кормление, соответствующая историческим реалиям второй половины XI—XII в., указывает на позднее происхождение записи о рюриковом пожаловании. Во время Рюрика, Олега и Игоря княжеским мужам предоставлялось право сбора дани с «примученных» племен, у которых данщики бывали наездами. На этом праве вырос своеобразный вассалитет, характеризующийся К. Марксом как примитивная ленная система, существовавшая «только в форме сбора дани»³⁴.

Ростов попал в рассказ о призвании варягов, возможно, по инициативе князя Мстислава, находившегося под впечатлением от многочисленных военных конфликтов конца XI — начала XII в. из-за

верхневолжских земель. Но если учесть, что редактирование Повести временных лет было поручено Мстиславом некоему новгородцу, то в упоминании Ростова, подчиненного Рюрику, правящему в Новгороде, следует предположить интерес не столько князя Мстислава, сколько новгородской общины и рассматривать данное упоминание как идеологическую форму притязания волховской столицы на влияние в верхневолжском регионе. Не случайно текст редакции Мстислава переносится в новгородские летописи³⁵.

Помимо Ростова в перечне городов, которыми распорядился Рюрик, значится и Полоцк, что опять-таки может быть понято лишь в контексте событий второй половины XI — начала XII века. Отношения Новгорода с Полоцком характеризовались яростной враждой. Особенно много зла причинил новгородцам Всеслав Полоцкий, неоднократно опустошавший и поджигавший их город. Но самый ощутимый удар Новгороду Всеслав нанес в 1065 г.: «Приде Всеслав и възя Новъгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима»³⁶. Беда великая стряслась с Новгородом: враг захватил его святыни, что, по понятиям людей того времени, было настоящей катастрофой, ибо лишало покровительства богов, делая беззащитным перед внешними враждебными силами. Упорную и длительную борьбу вели полоцкие князья с Владимиром Мономахом и Мстиславом, сыном Мономаха. Дело дошло даже до высылки в 1130 г. полоцких правителей в Византию³⁷.

Неприятны к Полоцку у новгородцев и «вскормленного» ими Мстислава было предостаточно, чтобы не упустить возможности выставить «город кривичей» перед читателями летописей как город издревле второразрядный, подчиненный власти новгородского князя. Этим воспользовался новгородский книжник, редактировавший Повесть временных лет по заданию Мстислава. А затем этот политический выпад против Полоцка был использован составителями новгородских летописей. Рыбаков с полным основанием писал, что в результате редакторской работы начала XII в. варяжская легенда «обросла деталями, вставками, новыми генеалогическими домыслами»³⁸. Подобные новации вносились, как мы видели, по политическим мотивам. Политический характер имело и сообщение о призвании варяжских князей как таковом. Оно не оставалось однозначным, а усложнялось со временем.

По наблюдению Рыбакова, «в русской исторической литературе XI в. существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства. Согласно одному взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно другому — Новгород». Исторический труд, призванный «выдвинуть на возможно более заметное место в русской истории Новгород», — «Остромирова летопись», или шахматовский новгородский свод 1050 года, где впервые и было записано Сказание о призвании варягов³⁹. Принимая мысль Рыбакова, что «новгородское посадничье летописание» повествованием о призвании князей утверждало паритет Новгорода с Киевом в создании русской государственности⁴⁰, следует подчеркнуть и практическое значение этого, на первый взгляд сугубо исторического экскурса. Думается, оно заключалось в идеологическом обосновании борьбы Новгорода за независимость от киевских князей, распорядившихся новгородским столом и властно вмешивавшихся во внутреннюю жизнь местной общины.

Из «Остромировой летописи» легенда о призвании варягов перешла в «общерусское летописание», получив в XII в. «совершенно иное толкование». В Повести временных лет третьей редакции, осуществленной по инициативе Мстислава Владимировича, она «приобретала теперь новый смысл, более общий, как историческое объяснение происхождения княжеской власти вообще. Мстислав был вторично выбран новгородцами в 1102 г. Владимир был выбран в нарушение отчинного принципа Любечского съезда в 1113 г. Не исконность княжеской власти с незапамятных времен, как это было у Нестора, а всенародное избрание, приглашение князя со стороны — вот что выдвигалось на первое место. А что место действия переносилось из древнего Киева в окраинный Новый город, любезный сердцу Мстислава, это было не так уж важно»⁴¹.

Не со всеми, однако, положениями Рыбакова можно согласиться. Несколько поспешным представляется тезис, будто в XII в. легенда о призвании варяжских князей получила «совершенно иное толкование». Правильнее было бы сказать, что содержание ее стало более емким и сложным, отвечая запросам не только Новгорода, но и Киева, не только новгородской, но и киевской общины. Легенда приобретает полифоническое звучание. Но самое, пожалуй, существенное заключалось в том, что она теперь в большей мере соответствовала исторической действительности, чем полвека назад. Если во времена Ярослава воля новгородцев («захотели они прогнать варягов-разбойников — и прогнали за море; захотели они призвать такого князя «иже бы владел нами и рядил на по праву» и призвали»⁴²) была скорее желанной, чем реальной, то в начале XII в. наметился перелом в отношениях Новгорода с князьями, а к исходу 30-х годов данного столетия принцип свободы среди князей восторжествовал окончательно. В этих условиях Сказание о призвании князей-варягов превращается в своеобразный манифест политической вольности Новгорода. Сказание также декларировало приоритет Новгорода над Киевом в создании государственности на Руси, что во Введении к Новгородской Первой летописи младшего извода выражено словами: «Преже Новгородочкая волясть и потом Киевская»⁴³. Наконец, в ней проводилась идея «первородности» княжеской власти в Новгороде, ее независимости от Киева и других крупных волостных центров, пытавшихся влиять на замещение новгородского княжеского стола. В этой связи привлекает внимание летописная

фраза: «Новгородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо беша словени». Так читаем в Повести временных лет. В Новгородской Первой летописи текст яснее и короче: «И суть новгородьсти людие до днешняго дни от рода варяжска»⁴⁴. Рыбакову эта фраза кажется неясной и запутанной. Но на самом деле она, по нашему убеждению, таковой не является. Надо лишь вспомнить об особенностях мышления древних народов, наделившего правителей сверхъестественной, божественной силой. Народная фантазия превращала их в родоначальников племен и народов, то есть творила этногенетические предания⁴⁵.

В качестве отечественного примера можно назвать предание о Кие, Щеке и Хориве, сохранившееся в Повести временных лет. По всей видимости, оно, как полагает Д. С. Лихачев, «имело культовое значение и сохранялось в Киеве в связи с почитанием киевлянами своих пращуров»⁴⁶. Именно духом преданий о пращурах веет от слов киевлян, говоривших Аскольду и Диру: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сдешаша градоко сь, изгибоша, и мы седим род их платяче дань козаром». Как видим, «княне» считали себя потомками Кия, Щека и Хорива, а именитых братьев — своими родоначальниками⁴⁷. Этот летописный фрагмент дает ключ к пониманию мотива о новгородцах «от рода варяжска». Согласно ему, прародителями, родоначальниками новгородцев являются варяжские князья, почему «людье ноугородьци» и есть «от рода варяжска», хотя «преже бо беша словени». Эта головокружительная, исходя из современной логики, комбинация выдержана в нормах традиционного мировоззрения древних людей, склонных искать у истоков этнической или политической жизни племен, чужих и собственных, оваянные мифологией фигуры героев. Для новгородцев таковыми были варяги Рюрик, Синеус и Трувор, положившие начало их политического бытия с его особенностями, основанными на свободе призвания и изгнания правителей. Заметим, что здесь имеется еще одно противопоставление новгородцев киевлянам: первые — потомки Рюрика с братьями, вторые — Кия с братьями. Наряду с этим новгородские патриоты, выдумав трех братьев-родоначальников, уравнили Новгород с Киевом, чтившими память Кия, Щека и Хорива.

Такова идея новгородского рассказа о призвании варягов. Но этот рассказ был известен и киевлянам, истолковавшим его на собственный лад. Причины включения новгородского Сказания в Повесть временных лет исследователи объясняли по-разному. Согласно Лихачеву, это было сделано «печерским летописцем» для пропаганды единства и братства древнерусских князей, чтобы восстановить среди них мир и согласие. Мавродин вслед за Грековым связывал использование легенды Сильвестром с целью оправдать вокняжение Владимира Мономаха в Киеве⁴⁸.

Более предпочтительным представляется мнение Рыбакова, согласно которому варяжская легенда, помещенная в Повесть временных лет, проводила идею «всемирного избрания, приглашения князя со стороны», противопоставленную мысли об «исконности княжеской власти с незапамятных времен», какой придерживались прежние летописцы⁴⁹. К сожалению, Рыбаков не обосновал должным образом свою, на наш взгляд, правильную по сути позицию, ограничившись двумя лишь иллюстрациями (избрания Мстислава новгородцами в 1102 г. и Владимира Мономаха киевлянами в 1113 г.), что создает впечатление случайности заключений.

Появление легенды в Киевском своде, по нашему убеждению, обусловливалось переменами в характере княжеской власти. Менялось положение князя в обществе, он превращался в орган общинной власти, пиком выражения которой являлось народное собрание — вече, то есть сходка всех свободных жителей Киева и его окрестностей. В основе этих изменений лежал процесс образования волостей-земель, или городов-государств, где князю хотя и отводилась весьма существенная роль верховного правителя, но подотчетного вечевому собранию. Перемены происходили постепенно, исподволь. Однако их результаты зримо уже обозначились в киевских событиях 1068—1069 гг., когда горожане изгнали князя Изяслава, а на его место избрали Всеслава Полоцкого⁵⁰. Обстоятельства появления в 1113 г. на киевском столе Владимира Мономаха еще показательнее. Он приехал в Киев по решению местного веча, которое пригласило его к себе на княжение. С Владимира Мономаха начинается, вероятно, систематическая практика избрания (приглашения) князей киевским вечем. Сын Мономаха прошел также через избрание, о чем можно судить по словам новгородского летописца: «Преставися Володимиръ великийи Кыеве, сын Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столе отци». А через два десятилетия князья сядят в Киеве уже «на всей воли» киевлян⁵¹. Случалось, конечно, князья захватывали киевский стол с помощью силы. Но «княне» с ними плохо уживались, ожидая удобного момента, чтобы выдворить из города неугодных правителей. Ко времени призвания в Киев Владимира Мономаха в общественном сознании киевлян созрела идея о вечевом избрании князей как естественном и законном способе их замещения. Она вошла в противоречие с принципом, выработанным князьями в 1097 г. на Любечском съезде: «Кождо да держитъ отчину свою»⁵². Договоренность князей осталась пустым звуком. Возобладало народное призвание, борьба за утверждение которого велась не только на вечевых площадях, но и на страницах летописей. Чтобы оправдать новый порядок, надо было осыпать его стариной. Легенда о призвании варягов хорошо подходила для этого. По Рыбакову, «было не так уж важно», что «место действия переносилось из древнего Киева в окраинный Новый город»⁵³. Наоборот, для киевских идеологов очень важно было то, что события начались в Новгороде, куда прибыли «призванные» князья и откуда потом они перебрались в Киев. Только

таким образом удалось бы показать пришлость князей, стороннее происхождение княжеской власти в Киеве. Для этого также потребовалось затушевать местную княжескую династию, ведущую родословие от Кия, что и было сделано в сцене появления Аскольда и Дира в Киеве: «И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градок?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Шек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим род их платяче дань козаром». Аскольд же и Дир остаа в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею»⁵⁴. Рассказ построен так, что Киев выглядит городом без князя, почему Аскольд и Дир просто остаются в нем, не совершая переворота и захвата власти. Отсутствие княжеской власти в городе подчеркивается здесь лексически: Киев, собственно, не «город», а «градок», то есть неполноценный город.

Под пером летописца княжеская власть в Киеве оказывается не только пришлой, но и запятнанной кровью: Олег, приплывший из Новгорода, коварно убивает Аскольда и Дира, сядя на княжение. По этике древнерусского общества времен составления Повести временных лет такое средство вокняжения являлось безнравственным, противоречащим христианским заповедям и морали.

Итак, для того, чтобы провозгласить право вечаго приглашения и избрания князей, киевскому летописцу пришлось отказаться от идеи исконности и непрерывности княжеской власти в Киеве с незапамятной поры⁵⁵, а также бросить тень на ее «учредителей». Конечно, эту идеологическую акцию нельзя назвать прокняжеской. Она была предпринята в соответствии с потребностями киевской общины, что вполне естественно, ибо доминантой социальной жизни являлась община, а не князь или элитарная верхушка. Взгляд на летописцев как на проводников феодальной идеологии, интересов князей, бояр и высших иерархов церкви, широко распространенный в современной исследовательской литературе, представляется однобоким, отчасти даже поверхностным. Выдающийся знаток истории русского летописания М. Д. Приселков говорил: «Самые первые летописные своды Киева XI в. дают нам возможность глубже заглянуть через них в социальную жизнь, поскольку эти летописные своды отражали точку зрения управляемых, а не правителей»⁵⁶. Полагая, «точка зрения управляемых» отражалась также в летописных сводах XII в., примером чего и служит Сказание о варягах в составе Повести временных лет, независимо от того, кому мы обязаны включением ее в летопись — игумену Ивану, иноку Нестору, игумену Сильвестру или безымянному третьему редактору памятника.

Вывдвигая на первое место «всенародное избрание, приглашение князя со стороны» (Рыбаков), киевские идеологи, опиравшиеся для этого на варяжскую легенду новгородского происхождения, поневоле уступали Новгороду первенство в создании государственности на Руси⁵⁷. Отсюда и пошли впоследствии разговоры о старейшинстве Новгорода над Киевом. Но диалектика жизни обращала данную уступку к выгоде для Киева, освоенного Рюриковичами в качестве главной своей «резиденции», названной ими «матерью градов русских», что давало киевской общине основание направлять в Новгород князей и тем самым ставить его в зависимость от себя.

Мы рассмотрели идейную структуру Сказания о призвании варягов, стараясь показать, как использовали его новгородцы и киевляне на рубеже XI—XII вв. при решении своих задач. Каково же историческое содержание Сказания, отнесенное к концу IX в., или к событиям 250-летней давности? Имело ли место призвание варягов? Если имело, то что означало оно?

«Призвание», думается, было, но не на княжение, а для помощи в войне и не трех мифических братьев, а одного варяжского конунга с дружиной. Племенем, которое пригласило варяжский отряд наемников, являлись, вероятно, новгородские словене, боровшиеся за господство в родственном словенском союзе племен и стремившиеся завоевать руководящее положение в суперсоюзе, куда, помимо словен, входили племена кривичей и чудь. Греков и Мавродин, как мы знаем, допускают возможность найма новгородцами вспомогательного варяжского отряда, а Рыбаков, исходя из факта норманских наездов, полагает, что один из подобных наездов «был изображен новгородским патриотом как вполне добровольное приглашение, изъявление воли самих новгородцев»⁵⁸. В последнем случае надо признать факт варяжского завоевания, замаскированный стыдливо патриотически настроенным новгородцем. Вряд ли это было в действительности. Более правдоподобно приглашение норманского конунга с дружиной, превращенное позднее в призвание варягов на княжение. Для такого предположения есть некоторые летописные данные, не учтенные в должной мере новейшими исследователями. В Новгородской Четвертой летописи читаем: «Въсташа Кривици и Словени и Меря и Чюдь на Варягы, изъгнаша я за море, и не даша им дани, начаша сами себе владими и города ставити; и не бе в них правды; и воста род на род; и бысть межю ими рать велия, усобица, и воевати почаша сами на себе. И реша сами к себе: «поищем собе князя, иже бы володил нами и радил ны и судил в правду». И... послаша за море к Варягом... Реша Чюдь, Словене, Кривици Варягом: «вся земля наша добра и велика есть, изобилна всем, а нарядника в ней нет; и поидите к нам княжить и володети нами». Изъбрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша с собою *дружину многу*. И пришед стареишиною Рюрик седе в Новгороде, а Синеус, брат Рюрик, на Белиозере, а Трувор вы Избрьсе; и *начаша воевати всюды*» (курсив мой. — *И. Ф.*)⁵⁹. Бросается в глаза явная несогласованность рассказа о призвании Рюрика в качестве «нарядника», обязанного «володеть, рядить и судить в правду», с известиями о его приезде в окружении большой дружины и начатых им войнах «всюды». Вто-

рое решительно подрывает первое и может быть объяснено только тем, что Рюрик прибыл к словенам для оказания военной поддержки племени, призвавшему варягов на помощь. Можно ли доверять сообщению Новгородской Четвертой летописи? Отбросить, не задумываясь, ее показания — самое простое дело. Но источниковедческий анализ вскрывает сложность состава протографа Новгородской Четвертой летописи: «Соединив ПВЛ в редакции Лаврентьевской — Троицкой летописи с новгородским летописанием, основанным на Начальном своде, сводчик использовал еще несколько сводов, претендовавших на общерусский характер (свод, близкий к Ипатьевской, суздальско-ростовский и тверской своды), в результате чего в первую часть летописи попали и такие известия, которых не было ни в ПВЛ, ни в Новгородской I летописи»⁶⁰. Следовательно, нет причин относиться с полным недоверием к разночтениям в Сказании о призвании князей-варягов Новгородской Четвертой летописи, версия которой могла восходить к сведениям, не дошедшим до нас в других летописных сводах.

Военная помощь, оказанная варягами новгородским словенам, была, очевидно, довольно эффективной, что и побудило их конунга посягнуть на местную княжескую власть. Вспомним схожий случай, происшедший столетие спустя, когда варяги помогли князю Владимиру овладеть Киевом. Войдя в город, варяги заявили Владимиру: «Се град наш; мы пряхом и, да хотим имати окуп на них, по 2 гривне от человека». Это и понятно, ибо власть и тогда и раньше добывалась силой.

«Государственный переворот», сопровождавшийся истреблением словенских князей и знатных людей, признавался рядом советских историков. О нем писал Греков в своих ранних работах, посвященных Киевской Руси. По словам Мавродина, варяжскому викингу, призванному на помощь одним из словенских старейшин, «показалось заманчивым овладеть самим Holmgard — Новгородом, и он, с дружиной явившись туда, совершает переворот, устраняет или убивает новгородских «старейшин», что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла «без наследия», и захватывает власть в свои руки»⁶¹.

О физическом устранении Рюриком новгородского князя и окружавшей его знати можно догадаться по некоторым сведениям Никоновской летописи, уникальным в русском летописании. Под 864 годом в летописи говорится: «Оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его»⁶². В 867 г. «избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородцких мужей»⁶³. Известно, что древняя хронология летописей условна: под одним годом летописцы нередко соединяли события, происходившие в разные годы. Имело место, вероятно, и обратное, то есть разъединение происшествий, случившихся одновременно, по нескольким годам. Последнее, видимо, мы и наблюдаем в Никоновской летописи. Но, разбивая происшедшее на ряд разновременных эпизодов, летописец изменял ход и смысл действий, связанных с переворотом. Получалось, что после захвата Рюриком власти недовольные новгородцы долго еще сопротивлялись насильнику. Именно так и поняли средневекового «писателя» ученые-историки, дореволюционные и советские. «Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами, — рассуждал С. М. Соловьев, — сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоплеменцев и во главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе с новгородцами, его советниками». Однако смуты продолжались, ибо в предании повествуется, «что от Рюрика из Новгорода в Киев бежало много новгородских мужей». Соловьев обращается к «последующим событиям новгородской истории» и встречает сходные явления: «И после почти каждый князь должен был бороться с известными сторонами и если побеждал, то противники бежали из Новгорода к другим князьям на юг, в Русь, или в Суздальскую землю, смотря по обстоятельствам. Всего же лучше предание о неудовольствии новгородцев и поступке Рюрика с Вадимом и с советниками его объясняется рассказом летописи о неудовольствии новгородцев на варягов, нанятых Ярославом, об убийстве последних и мести княжеской убийцам»⁶⁴.

С полным вниманием к известиям Никоновской летописи о Вадиме Храбром с советниками, пострадавшими от Рюрика, относился Мавродин: «Вокняжение Рюрика в Новгороде, — замечал он, — произошло в результате переворота, помимо воли и желания новгородских «мужей» и даже вопреки ей, а это, естественно, породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить навязанную им оружием власть варяжского викинга». Сопротивление новгородских «мужей» было «длительным и сильным»⁶⁵.

Толкование Соловьевым и Мавродиным известий о Вадиме Храбром и «мужах»-новгородцах, возмущенных поведением Рюрика и сопровождавших его варягов, не учитывает воззрений древних людей на власть и способы ее приобретения, отвечая более образу мыслей человека нового времени. Задача же исследователя заключается в том, чтобы взглянуть на события новгородской истории второй половины IX в. с точки зрения их участников.

Начнем с главного героя противной Рюрику стороны — Вадима. Летописец ничего не говорит о социальном статусе Вадима, но именует его Храбрым, оставляя нам хотя и крошечную, но все же зацепку для дальнейших размышлений. Храбрый — это, конечно, прозвище, характеризующее того, кому оно дано⁶⁶. Отталкиваясь от него, определяем род деятельности Вадима как военный. Храбрость на войне —

качество, которое высоко ценилось в традиционных обществах. «Храбр на рати» — одна из наиболее восторженных характеристик древнерусских князей, читаемых в летописях. Князя, особенно прославившиеся храбростью, мужеством и удалством, получали и соответствующие прозвища: Мстислав Храбрый, Мстислав Удатный (Удалой). Возвращаясь к Вади́му Храброму, можем теперь предположить, что перед нами словенский военный предводитель, вождь или князь⁶⁷. В лице же «советников» Вади́ма мы сталкиваемся с ним старейши, с новгородскими старейшинами. Рюрик, убив Вади́ма и соправительствующий с ним старейши, сам становится князем. Скорее всего, захват власти и убийство представителей высшего, говоря современным языком, эшелона власти новгородских словен были единовременной акцией. Но если кровавая драма растянулась на несколько актов, то, бесспорно, не на годы, как это изображено летописцем. Длительное сопротивление новгородцев Рюрику после смерти Вади́ма Храброго и старейши должно быть исключено. Почему?

У первобытных народов верховная власть не всегда передавалась по наследству и доставалась тому, кто, например, победил правителя в единоборстве. Убийства властителей порой следовали одно за другим. Скажем, «за то время, пока Фернанд Перес д'Андрад по пути в Китай нагружал в княжестве Пассиер свой корабль прнаостями, были убиты два правителя. Причем это не вызвало в городе ни малейших признаков волнения; жизнь продолжала идти своим ходом, как будто царевубийство было здесь обычным делом. Однажды за один-единственный день со ступеней трона на пыльный эшафот один за другим ступили три правителя. Обычай этот представлялся народу достойным похвалы и установленным свыше. В обоснование его местные жители ссылались на то, что бог не допустил бы, чтобы царь, его наместник на земле, умер насильственной смертью, если бы он своими прегрешениями не заслужил такой участи». Джеймс Джордж Фрэйзер, из книги которого взяты эти примеры, упоминает о подобном обычае и у древних славян: «Когда захваченные в плен Гунн и Ярмерик убили князя и княгиню славян и пустились в бегство, язычники кричали им вдогонку, чтобы они возвратились и правили вместо убитого князя. Такое предложение вполне соответствовало представлениям древних славян о престолонаследии. Однако беглецы не вняли посулам преследователей, сочтя их простой приманкой, и продолжали бегство до тех пор, пока крики язычников не смолкли вдали»⁶⁸.

Таким образом, убийство Рюриком словенского князя Вади́ма с последующим присвоением княжеского титула нельзя считать чем-то необычным, из ряда вон выходящим. Оно несколько не диссонировало местным обычаям и понятиям об источниках власти правителей и потому едва ли вызвало в народе замешательство, а тем более жажду мести. Бог на стороне победителя — укоренившийся принцип, владевший умами язычников, каковыми и являлись новгородские словене рассматриваемой поры.

Приобретение власти посредством убийства соперника иллюстрирует вся дальнейшая история языческой Руси. Олег, по преданию, убивает Аскольда и Дира, чтобы вокняжиться в Киеве. Ярополк устраняет брата своего Олега. Смертельная опасность нависла над Владимиром. И он, прослышав, «яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море». Собрав множество воинов, Владимир «поиде на Ярополка». Намерение свое он не таил, говоря Блуду, воеводе Ярополка: «Поприй ми! Аще убью брата своего, имети ты хочю во отца место...». Как и следовало ожидать, Ярополк был убит, и «нача княжити Володимер в Киеве един». После смерти Владимира по тем же языческим мотивам Святополк расправляется с Борисом и Глебом, причисленными позднее церковью к лику святых великомучеников, в чем надо видеть не одно лишь воздаяние убиенным братьям за страдания, но и осуждение этого кровавого обычая язычников, греховного с точки зрения христианской морали. Сам Святополк избежал смерти от руки Ярослава благодаря лишь бегству. И все же он «испроверже живот свой» где-то в пустыне «межу Ляхы и Чехы»⁶⁹.

Убив правителя, соперник приобретал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного. Летописец, рассказывая об убийстве древлянским князем Малом киевского князя Игоря, подает это в завуалированной форме сватовства Мала к Ольге, вдове покойного Игоря. Но слова древлян не оставляют сомнений на сей счет: «Се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, яко же хощем». Характерны и слова покорности киевлян, произнесенные под впечатлением гибели своего властителя: «Нам неволя; князь наш убиен...»⁷⁰ В действительности, если верить преданию о мести Ольги, все получилось иначе: женитьба не состоялась, древляне наказаны. Но это не мешает нам находить в нем отзвуки архаических обычаев и ритуалов. В соответствии с древними нравами поступил князь Владимир, который, убив Ярополка, «залеже» его жену, «от нея же родися Святополк». Однако точно сказать, кто был отцом Святополка, Владимир или Ярополк, летописец не мог, а возможно, и не хотел, ограничившись двусмысленностью: «Бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Владимира»⁷¹. Поэтому мы вправе предположить, что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка. Выпукло и колоритно изображен архаический порядок перехода власти в летописном рассказе о поединке Мстислава с Редедей: «В си же времена (1022 г. — И. Ф.) Мстиславу сущю Тмуторокани поиде на касогы. Слышав же се, князь касожьский Редедя изиде противу тому. И ставшема обеима полкома противу себе, и рече Редедя к Мстиславу: «Чего ради губиве дружину межи собою? Но снидewe ся сама бороть. Да аще одолеeши ты, то возмeши имeнь мое, и жену мои, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею, то възму твоe все». И рече Мстислав: «Тако буди». И рече Редедя ко Мстисла-

ву: «Не оружием ся бьева, но борьбою». И яста ся бороти крепко, и надолзе борющимися има, нача изнемогати Мьстислав: «О пречистая богородица помози ми. Аще бо одолею сему, съзжю церковь во имя твое». И се рек удари им о землю. И вын зе ножь, и зареза Редедю. И шед в землю его, взя все именье его, и жену его и дети его, и дань възложи на касогы»⁷². Судя по летописному рассказу, пишет А. В. Гадло, «и «князь касожский», и Мстислав понимали исключительную значимость предстоявшего сражения, и этим было вызвано обоюдное решение обратиться к поединку, то есть к суду высших, сверхъестественных сил, особую связь с которыми каждый из них ощущал и в помощи которых был уверен. Смысл поединка двух вождей и неотвратимость гибели одного из них, несомненно, были понятны и их дружинам, что объясняет их созерцательную позицию на поле боя. Такой способ решения важных политических вопросов в эпоху, о которой идет речь, был широко распространен». Победив касожского князя, Мстислав «приобрел право на власть не только над адыгами, населявшими Кубанскую дельту, но и над всей адыгской общностью, сувереном которой был Редедя. Причем акт единоборства, происходившего открыто на глазах представителей сторон, на паритетных условиях, должен был восприниматься как ритуальная форма передачи власти. Не случайно летопись не говорит ни о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу, ни о битве, последовавшей за поединком. Согласно повествованию о событиях 1023—1024 гг., Мстислав был признан вождем адыгских дружин, и они последовали за ним на Русь, где составили ядро его войск в сражениях с Ярославом»⁷³.

На фоне привлеченных исторических материалов захват власти Рюриком посредством убийства князя словен Вадима не покажется надуманным рассказом. В примерах с Гунном и Ярмериком, Мстиславом и Редедей мы видим случаи, когда власть могла быть передана или передавалась в руки иноплеменников, умертвивших местного вождя.

Таким образом, Сказание о призвании варягов предстает перед нами и в идейном и в конкретно-историческом плане как сложное и многослойное произведение, создававшееся и обрабатывавшееся на протяжении довольно длительного времени, заключающее в себе отголоски различных эпох восточнославянской и древнерусской истории. В этом оно родственно памятникам устного народного творчества, например былинам. Вот почему полностью отрицать причастность Сказания к фольклорной традиции и утверждать сугубо литературное его происхождение нет достаточных оснований. Но соотношение в нем фольклорного и литературного начал должно стать предметом специального исследования.

Примечания

1. Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.—Л. 1950, с. 18.
2. ШАСКОЛЬСКИЙ И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л. 1965, с. 56.
3. См. Современник, 1860, т. 80, отд. 1, с. 279.
4. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Разыскания о начале Руси. М. 1876, с. 238—239.
5. ШАХМАТОВ А. А. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904; ЕГО ЖЕ. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, с. 289—340.
6. См.: ПАРХОМЕНКО В. А. Русь в IX веке. — Известия Отделения русского языка и словесности, 1917, т. 22, кн. 2, с. 128—129; ЕГО ЖЕ. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л. 1924, с. 5, 7.
7. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М. 1966, с. 98.
8. ГРЕКОВ Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.—Л. 1936, с. 170—171, 9; ТО ЖЕ. М.—Л. 1937, с. 170—171, 9; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. М.—Л. 1939, с. 227—228.
9. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь, с. 12, 229; ЕГО ЖЕ. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л. 1945, с. 50; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. М. 1953, с. 452.
10. МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, с. 211—213.
11. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Путаная книга по истории Киевской Руси. — Вопросы истории, 1946, № 8—9, с. 113; ПОКРОВСКИЙ С. А. Новый труд об образовании древнерусского государства. — Советское государство и право, 1946, № 5—6, с. 93; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Из истории образования Древнерусского государства. — Большевик, 1947, № 5, с. 54.
12. ПВЛ. Ч. 2. Комментарии. М.—Л. 1950, с. 115, 237, 238; ЛИХАЧЕВ Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л. 1947, с. 93, 158.
13. ЛИХАЧЕВ Д. С. Ук. соч., с. 159—160; ПВЛ. Ч. 2, с. 113; см. также: АЛПАТОВ М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М. 1973, с. 40.
14. ЮШКОВ С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949, с. 29, 67.
15. Очерки истории СССР. Период феодализма (IX—XIII вв.). Ч. 1. М. 1953, с. 76.
16. ШАСКОЛЬСКИЙ И. П. Ук. соч., с. 6.

17. РЫБАКОВ Б. А. Начало Русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4—5, с. 74; ЕГО ЖЕ. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 37.
18. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. М. 1958, с. 784; РЫБАКОВ Б. А. Обзор общих явлений, с. 36.
19. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 298—300.
20. КИРПИЧНИКОВ А. Н., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Русь и варяги. В кн.: Славяне и скандинавы. М. 1986, с. 193; ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 212, 214.
21. МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. 1971, с. 124.
22. БУДОВНИЦ И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI—XIV вв. М. 1960, с. 62—63.
23. ЛИТАВРИН Г. Г., ЯНИН В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. — История СССР, 1970, № 4, с. 52.
24. Новгородская I летопись (НПЛ). М.—Л. 1950, с. 106—107; ПВЛ. Ч. 1, с. 18.
25. См. ЯНИН В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 59.
26. См.: КИРПИЧНИКОВ А. Н., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 196; КИРПИЧНИКОВ А. Н. Ладога и Ладужская земля VIII—XIII вв. В кн.: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л. 1988, с. 61; ЕГО ЖЕ. Каменные крепости Новгородской земли. Л. 1984, с. 41.
27. НПЛ, с. 19, 203; КУЗЬМИН А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967, с. 46, 53.
28. ГОЛУБЕВА Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М. 1973, с. 81.
29. КУЗА А. В. Новгородская земля. В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М. 1975, с. 147, 155.
30. ДУБОВ И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л. 1982, с. 44; ГОЛУБЕВА Л. А. Ук. соч., с. 194.
31. ПВЛ. Ч. 1, с. 170.
32. ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. 1988, с. 6—7.
33. НПЛ, с. 23, 208.
34. МАРКС К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. — Вопросы истории, 1989, № 4, с. 4; см. также: ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь. Л. 1980, с. 52—54, 60—63.
35. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4, Пг. 1915, с. 11; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь. М. 1963, с. 291—293.
36. НПЛ, с. 17; АЛЕКСЕЕВ Л. В. Полоцкая земля. М. 1966, с. 242.
37. ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 293; АЛЕКСЕЕВ Л. В. Ук. соч., с. 251, 255, 258, 261.
38. ПСРЛ. Т. 4, с. 11; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 294.
39. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 193, 198, 199.
40. Там же, с. 293.
41. Там же, с. 206, 292.
42. Там же, с. 293.
43. НПЛ, с. 103.
44. ПВЛ. Ч. 1, с. 18; НПЛ, с. 106.
45. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 296. Ср.: ФРЭЗЕР Дж. Дж. Золотая ветвь. М. 1980, с. 99—125; СОКОЛОВА В. К. Русские исторические предания. М. 1970, с. 10.
46. Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. М.—Л. 1953, с. 155.
47. ПВЛ. Ч. 1, с. 18, 215.
48. ПВЛ. Ч. 2, с. 237; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 125—126.
49. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.
50. Подробнее о событиях 1068—1069 гг. см.: ФРОЯНОВ И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг. В кн.: Из истории феодальной России. Л. 1978; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. Л. 1980, с. 164; ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Ук. соч., с. 44—46.
51. НПЛ, с. 21, 205; ПСРЛ. Т. 2, стб. 322; см. также: СЕРГЕЕВИЧ В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. 1910, с. 144; РЫБАКОВ Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971, с. 107; ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь, с. 172.
52. ПВЛ. Ч. 1, с. 170.
53. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.
54. ПВЛ. Ч. 1, с. 18—19.
55. См. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.
56. ПРИСЕЛКОВ М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л. 1940, с. 5.
57. Наше наблюдение переключается с тем, о чем в свое время писал Приселков: «Сплетая новгородские преданья с историей киевского юга, литературным путем вступая в борьбу с очевидным для его времени новгородским сепаратизмом, автор готов признать новгородское происхождение правящей династии, выдвигая тем Новгород как колыбель Киевского государства» (там же, с. 34—35).

58. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М.—Л. 1939, с. 452; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 211; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 293—294.
59. ПСРЛ. Т. 4, с. 11; см. также: т. 26. М.—Л. 1959, с. 15; т. 27. М.—Л. 1962, с. 18.
60. ЛУРЬЕ Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976, с. 101.
61. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь М.—Л. 1939, с. 229; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 211—212.
62. КЛОСС Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980, с. 187.
63. ПСРЛ. Т. 9. СПб. 1862, с. 9. Отношение к оригинальным известиям Никоновской летописи IX—XI вв. у исследователей далеко не однозначное. Так, Н. М. Карамзин считал сообщение о Вадиме «догадкой и вымыслом» (КАРАМЗИН Н. М. История Государства Российского. Т. 1. М. 1989, с. 95); И. Е. Забелин, напротив, полагал, что известия Никоновской летописи за 864—867 гг. содержат «столько достоверности, что нет и малейших оснований отвергать их глубокую древность» (ЗАБЕЛИН И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М. 1876, с. 475). О несомненном использовании Никоновской летописью каких-то древних источников писал Мавродин (МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 212). Фраза о Вадиме Храбром вызвала у Рыбакова сомнение, хотя в другом месте Никоновский свод воспроизводит записи «летописи Осколда», начатой в Киеве «в год крещения русов в 867 г. и законченной гибелью князя от руки норманна» (РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 169—173). Согласно Клоссу, древнейшие сведения Никоновской летописи «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя» (КЛОСС Б. М. Ук. соч., с. 187). Косвенные данные позволяют отнести к известиям Никоновской летописи о Вадиме Храбром с определенной долей доверия, о чем речь ниже.
64. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. 1. М. 1988, с. 128, 129.
65. МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 212.
66. По Соловьёву, «Вадим, водим, может быть и нарицательное имя: в некоторых областных наречиях оно означает коновод, передовой, проводник» (СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 296). Думается, что это слишком смелая догадка.
67. У В. Н. Татищева Вадим назван князем: «В сии времена словяне бежали от Рюрика из Новагорода в Киев, зане убил Вадимра храброго князя словенского» (ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. 2. М.—Л. 1963, с. 34).
68. ФРЭЗЕР Дж. Дж. Золотая ветвь, с. 329, 313.
69. ПВЛ. Ч. 1, с. 20, 53—56, 91, 93.
70. Там же, с. 40, 41.
71. Там же, с. 56.
72. Там же, с. 99.
73. ГАДЛЮ А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия. В кн.: Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар. 1988, с. 95, 96.

Прелюдия холодной войны: к истории советско-американских отношений

Дж. Р. Эдельман

Необычное и недолгое сотрудничество СССР и США в годы второй мировой войны на протяжении длительного времени определяет расстановку сил на международной арене. Разгром нацистской Германии и последующее политическое влияние США и СССР сломали сложившийся в Европе баланс сил, определявший структуру международных отношений в течение почти 300 лет — с момента заключения Вестфальского мира в 1648 году. Было покончено с гитлеровским рейхом и ликвидировано могущество Германии, не имевшей себе равных на Европейском континенте на протяжении 75 лет, после ее объединения в 1870 году. Могущество Германии в первой мировой войне было столь велико, что еще в ноябре 1918 г. немецкие войска повсюду стояли за пределами своей страны. Во второй мировой войне СССР, США и Британской империи понадобилось почти четыре года совместных усилий, чтобы уничтожить нацистскую Германию.

Ликвидация германского могущества в центре Европы, крушение императорской Японии, истощение сил Великобритании и паралич Франции после четырех лет немецкой оккупации открыли двери новому международному порядку. Это решающее событие исключило возможность возрождения немецкого милитаризма, бывшего бичом для Европы в 30-е и первой половине 40-х годов XX в. после того, как Германии удалось избежать полного поражения в первой мировой войне. Военная мощь США и СССР, армии которых встретились в сердце Германии на Эльбе в 1945 г., вывели эти государства в качестве будущих сверхдержав на авансцену опустошенной войной мировой арены.

Результаты второй мировой войны коренным образом отличались от ситуации, сложившейся после первой мировой войны, когда Россия была одновременно и политически активной и беспомощной в военном отношении страной, а Америка, придерживавшаяся политики изоляционизма, еще не продемонстрировала своей военной мощи. Теперь обе державы представлялись могущественными как в политическом, так и в военном отношении.

Вторая мировая война и появление сверхдержав. США в течение нескольких десятилетий отказывались от роли мирового лидера, которая могла бы принадлежать стране с мощнейшей в мире экономикой и сильным военно-морским флотом. После весьма запоздалого и короткого (но успешного) вмешательства в ход первой мировой войны США практически сошли с международной арены (за некоторыми исключениями, например, кампании за разоружение в 20-е годы) после неудачи с Лигой наций. В 30-е годы они отказались использовать свою потенциальную мощь с целью остановить нарастающее распространение фашизма в Европе. В этом нашло свое отражение разочарование в результатах первой мировой войны, традиционное американское стремление быть в стороне от европейских конфликтов, всеобщая озабоченность ликвидацией последствий кризиса 1929—1930 гг., ощущение собственной безопасно-

Эдельман Джонатан Р. — профессор университета в Денвере (США, штат Колорадо). Автор работ «Прелюдия холодной войны. Царская, советская и американская армии в двух мировых войнах», «Революционные армии», «Революция, армии и война. Политическая история», и др.

сти, обеспеченной огромными пространствами Атлантического и Тихого океанов, и отсутствием сколько-нибудь серьезной угрозы со стороны держав «оси» Берлин — Рим для Соединенных Штатов вплоть до 1940 года. Сказалась здесь и общая недооценка Западом масштабов нацистской угрозы, как и непонимание, вплоть до конца 30-х годов, истинных целей Гитлера.

Обладая не очень большими сухопутными силами (их численность составляла 176 тыс. человек в 1939 г.), подходящими скорее Болгарии или Румынии, чем огромной державе, США не только не хотели, но и не могли сначала принять серьезное участие в военных действиях в Европе¹. Географическая удаленность от Европы и задержка (до 1943 г.) с выходом на максимальный уровень производства военной продукции из-за недостаточной подготовленности давали о себе знать в первые годы войны. Только в июне 1944 г. США смогли приступить к проведению серьезной кампании против значительной группировки немецких войск в Европе, поставить под угрозу жизненно важные объекты на территории Германии. До этого операции американской армии сводились к атакам на воздушные и морские цели, ограниченным военным действиям в Северной Африке и Италии и обеспечению поставок по ленд-лизу. Боевые же действия в основном приходилось вести британским и советским вооруженным силам. Вряд ли поэтому можно было предположить, что США станут сверхдержавой.

Но Советский Союз представлялся еще менее подходящей кандидатурой в сверхдержавы. Через несколько десятилетий после победоносного шествия императорской русской армии до Парижа в 1814 г. последовал ряд неудач России в ходе Крымской и русско-японской, а также в первые годы первой мировой войны. Тяжелейшие поражения царской армии, в частности при Танненберге, ускорили распад царизма, победу двух революций в 1917 г. и привели к заключению подобного Тильзитскому Брестского мира в 1918 году. После Октябрьской революции 1917 г. ослабленная испытаниями первой мировой (1914—1917 гг.) и гражданской (1918—1920 гг.) войн, Россия вынуждена была отказаться не только от Финляндии и Польши, но и от прибалтийских государств и Бессарабии.

В период между двумя мировыми войнами СССР оставался политическим парией и второстепенным действующим лицом в Европе. Попытки Коминтерна распространить из Москвы революцию во всех странах потерпели крах даже в условиях кризиса 1929—1930 годов. В сфере традиционной дипломатии СССР не добился больших успехов, за исключением дипломатического признания и установления ограниченных экономических отношений с Западом. Чрезвычайно важные военно-политические связи с Германией, символами которых стали соглашения, подписанные в Рапалло и Берлине, а также тайные военные отношения, прекратились с приходом к власти Гитлера в 1933 году. Шаткий союз с Францией так и не стал тем необходимым полноценным военным сотрудничеством, которое могло бы предупредить надвигающуюся военную угрозу. Запоздалое вступление СССР в Лигу наций в 1934 г. завершилось исключением его из этой организации в 1940 г. во время «зимней войны» с Финляндией. Советская поддержка республиканских сил во время гражданской войны в Испании прекратилась задолго до 1939 г., когда стало очевидно, что фашисты под предводительством генерала Франко одержат победу. Иными словами, лишение СССР возможности участвовать в важнейшей Мюнхенской конференции 1938 г. только свидетельствовало о его изолированном положении в европейской политической системе и слабости с точки зрения входящих в нее держав.

О слабости Красной Армии говорили массовые чистки 1937—1941 гг., неудачи в финской войне зимой 1939—1940 гг. и неоднократные поражения в 1941 и 1942 годах. Даже в 1943 г., когда на Восточном фронте произошел перелом, казалось, что в связи с огромными человеческими и материальными потерями и слабостью экономической базы не будет никакой возможности для СССР претендовать на статус сверхдержавы.

Когда эти две столь непохожие на сверхдержавы страны в последний год войны продвинулись в центр Европы, и их сходство и различие были поразительны. Обе страны занимали обширные территории с огромным населением, обладали богатейшими природными ресурсами и большими экономическими возможностями. Будучи наследниками великих революций, они с пренебрежением зирали на старый европейский порядок, считая себя прообразом будущих прогрессивных миров, которые сменяют пришедший в упадок старый мир. Каждая страна, видя себя центром нового порядка, по-своему представляла себе его: США — как международный либеральный капиталистический, а СССР — как международный социалистический. Оба государства имели относительно небольшой опыт во внешних делах и только готовились к роли великих держав, исполненные блестящих надежд на будущее. В 1941 г. США и СССР вопреки своей воле были вовлечены во вторую мировую войну из-за внезапного нападения стран «оси», которые нанесли серьезный урон лучшим для каждого из этих государств родам вооруженных сил — американскому военно-морскому флоту и советским сухопутным войскам. Учитывая историю этих довольно посредственных сухопутных сил за предыдущую половину века, а также их отступление в начале войны, можно было сделать вывод, что они в состоянии одержать победу только над слабым противником, что путь к победе над мощной немецкой армией обещает быть долгим. Вторая мировая война явилась первой и единственной тотальной войной в этом столетии, в которой одновременно участвовали и США и СССР.

Но у этих кандидатов в сверхдержавы даже в 1944 г. было гораздо больше различий, чем сходства, особенно в военной, политической и военно-экономической областях. США обладали большей мощью, а объем их экономики в 4 раза превышал соответствующий советский показатель того времени². С точки зрения политической, США пользовались гораздо большим влиянием в мире, имея в числе своих союзников почти все ведущие мировые державы. США обладали сильным военно-морским флотом, а СССР располагал внушающими страх сухопутными силами. В то время, как к июню 1944 г. Красная Армия была обескровлена, потеряв 5 млн. пленными и почти 6 млн. убитыми, американская армия оставалась свежей, а ее потери ранеными и убитыми составляли менее 100 тыс. человек³. У США были надежные партнеры в лице стран Британской империи, и, позднее, Франции, а СССР вел борьбу в одиночку. Путь к статусу сверхдержавы был относительно долгим, и каждая из стран прошла его по-своему.

Итак, в конце второй мировой войны возникли два мощных в военном отношении государства, будущие сверхдержавы, поделившие поверженную Германию, расположенную в центре Европы. У новой системы сверхдержав вскоре появились и другие отличия от прежней международной структуры. Идеологическое соперничество между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком ещё более усилило раскол старого международного порядка на два мощных блока, относящихся друг к другу с неизменной враждебностью и подозрительностью. Эти различия усилились с появлением ядерного оружия, еще более обособившего сверхдержавы от всех других менее сильных государств, увеличив опасность, исходящую от их соперничества.

Вторая мировая война окончательно уничтожила прежнюю международную политическую структуру и заменила ее новым идеологическим и ядерным порядком, который определялся господством двух сверхдержав. Вторая мировая война в значительной мере похожа на первую, также оказавшую сильное влияние на международную расстановку сил. В некотором смысле их можно считать двумя фазами одной войны. В двух войнах только в результате длительной борьбы коалиции союзных государств — США, России (СССР), Франции и Великобритании — в конце концов удалось одержать победу над странами германского блока. В обоих случаях запоздалое вступление американцев в войну на Европейском континенте имело решающее значение для Великобритании и Франции, которые не могли своими силами сокрушить Германию в Европе. В этих войнах впервые велись современные широкомасштабные боевые действия.

Тем не менее, эти мировые войны во многом различались между собой прежде всего с военной точки зрения. Во-первых, Германия в первой мировой войне, одержав победу над Россией, провела пять крупных наступательных операций весной и летом 1918 г., и в день заключения перемирия немецкие войска повсюду стояли за пределами Германии. После окончания второй мировой войны войска союзников разделили между собой Германию, а немецкая армия согласилась на унижительную безоговорочную капитуляцию. Во-вторых, разложение русской армии в первой мировой войне заставило ее в марте 1918 г. пойти на унижительный Брестский мир, в конце второй мировой войны эта армия с триумфом вошла в Берлин, Прагу, Вену и Будапешт. В-третьих, Франция, сыгравшая важную роль в борьбе союзнических государств во время первой мировой войны, во второй мировой войне была освобождена с помощью вооруженных сил Великобритании и США после четырех лет позорного вишистского правления, немецкой оккупации, коллаборационизма и воспоминаний о поражении 1940 года. Эти военные события практически свели на нет роль Франции как великой державы. В-четвертых, хотя Великобритания и играла ведущую роль в обеих войнах, огромное напряжение истощило ее силы, и ее необратимый упадок начался еще до окончания второй мировой войны. И наконец, уничтожение военной мощи Японии и оккупация союзническими войсками островов покончили с возможностью серьезной угрозы советскому и американскому преобладанию в послевоенный период.

Операции второй мировой войны имели значительные последствия для новой расстановки сил на международной арене после 1945 года. Победы Красной Армии — от Сталинграда, Курска и Орла до Берлина и последующая оккупация Восточной Европы узаконили претензии СССР на статус великой державы — ведь он был самой большой в мире (по размерам территории) страной и второй по величине экономики. Не одержав этих решающих военных побед, СССР не мог бы претендовать на подобный статус (как он не мог бы делать этого и сегодня). Разгром и оккупация Германии и Японии устранили главных соперников СССР в Европе и Азии в военной области. Без подобного исхода второй мировой войны бесспорная военная мощь Германии и Японии, столь наглядно продемонстрированная ими с 1939 по 1942 г., в сочетании со сверхмощной экономикой, созданной этими государствами в послевоенный период, резко ограничили бы притязания СССР. Только их уничтожение как военных держав в 1945 г. позволило Советскому Союзу, опираясь на собственную военную мощь, стать второй сверхдержавой мира.

Для США значение войны не было столь велико, тем не менее, достаточно ощутимо на пути превращения в сверхдержаву. Ни у кого никогда не было сомнений в том, что США обладают огромной экономической мощью — к 1945 г. после разгрома Японии и Германии они производили 50% валового мирового национального продукта⁴. Возникали серьезные сомнения, насколько США могут и хотят участвовать в

создании нового международного порядка, учитывая, что в прошлом они занимали изоляционистскую позицию и после первой мировой войны поспешили уйти из Европы, а также принимая во внимание их позицию в отношении Лиги наций. Еще более серьезными были сомнения в военной мощи США. До первой мировой войны они одержали победы лишь над индейцами, мексиканцами и дряхлеющей Испанской империей — силами, ничтожными в военном отношении, а еще раньше потерпели неудачу в войне 1812 г., когда британский флот сжег Вашингтон. Лишь во время Гражданской войны в Северной Америке было продемонстрировано впечатляющее военное мастерство и даже была обогащена военная наука. Однако впоследствии США, как и раньше, занимали слабые позиции в военной области и вновь оказались далеко позади ведущих европейских держав.

Единственной важной кампанией, проведенной США в первой мировой войне, было их участие в Маас—Аргонской операции в последние месяцы войны (сентябрь — ноябрь 1918 г.). Их потери (71 тыс. человек) не составили и 1% всех военных потерь за время первой мировой войны⁵. Уход от политической ответственности и массовая демобилизация небольшой, да к тому же и слабо оснащенной армии в период между двумя мировыми войнами поставили под вопрос военный потенциал США. К тому же в течение первых двух лет второй мировой войны США не принимали участия в боевых действиях, а в 1942 и 1943 гг. воевали не слишком успешно на периферии европейского конфликта, что также не подкрепляло их притязаний на роль великой военной державы. Итак, достаточно уверенное ведение боевых действий и умение использовать свою мощь в последний год войны имели чрезвычайно важное значение для послевоенных претензий США на роль сверхдержавы, особенно в свете того, что вклад Великобритании все более и более убывал, а Франция играла слабую роль.

Значение вооруженных сил и войн. Именно в данном контексте приобретает первостепенное значение изучение вооруженных сил и войн и их связи с политикой и экономикой. Судьбы народов и великих начинаний традиционно решались на поле боя. Возьмем, например, великие революции. Исход английской, русской и китайской революций определился лишь в результате ряда кровопролитных и продолжительных гражданских войн. Французская революция положила начало вооруженной борьбе с участием многих стран, продолжавшейся около двух десятилетий, пока последнее поражение в битве при Ватерлоо не вынесло революции приговор⁶.

Первая мировая война вызвала распад четырех великих династических империй (Германской, Российской, Османской и Австро-Венгерской) и образование ряда новых европейских государств. Вторая мировая война уничтожила фашизм в Германии и Италии, милитаризм в Японии и привела к установлению нового международного порядка, в котором доминировали две новые сверхдержавы. Войны являлись ускорителями социальных перемен: первая мировая война способствовала победе Февральской и Октябрьской революций в России, а вторая — установлению социализма в Восточной Европе и позднее — в Китае и Вьетнаме. Второстепенными последствиями было то, что первая мировая война привела к значительным переменам в английском обществе, а вторая мировая война — к кардинальным переменам в американском обществе.

Таким образом, военная мощь явилась решающим фактором, сделавшим послевоенный мир таким, каким мы его знаем. В международном плане войны способны быстро преобразовать международный политический и даже экономический порядок. Во внутренней жизни государства войны безжалостно обнажают и коренным образом изменяют сильные и слабые стороны общества. В то же время войны и военная мощь не являются единственными факторами при создании нового международного порядка. Бесспорно значение экономического, политического, технологического, культурного и дипломатического факторов при формировании образа современной эпохи. В данной работе мы пытаемся показать, что военная мощь, на которую часто не обращают внимания и недооценивают ее, должна сама по себе рассматриваться как основополагающий фактор в этом процессе.

Военную мощь нельзя сводить только к функции экономической мощи. Экономический потенциал является необходимым, но недостаточным условием военной эффективности. История нынешнего столетия изобилует примерами, когда военная мощь определенных стран не соответствовала их экономической мощи, а войны выигрывались армиями, и в численности и в техническом отношении уступающими своему противнику. Хотя США и являлись господствующей экономической державой в этом столетии, они традиционно имели слабые сухопутные силы вплоть до конца второй мировой войны. Можно привести другие примеры: неоднократные победы Израиля в пяти войнах против более мощных и лучше оснащенных сил арабов, победа слабо оснащенной Народно-освободительной армии Китая в гражданской войне 1946—1949 гг., победа вооруженных сил Северного Вьетнама над лучше оснащенной армией Южного Вьетнама в 1975 году.

Очевидно, что в войне гораздо большую роль, чем численность и качество личного состава и вооружения, играют, как удачно показал Мартин фон Кревельд, и морально-организационные факторы, которые он определяет как «боеготовность» государства⁷. Речь идет о качестве военного командования, стратегии и тактики, материально-технического обеспечения, внешних связей и военной техники. Военный потенциал — это не только возможности экономики, но и всего общества в целом, включая и прави-

тельственные, и политические, и чисто военные. Таким образом, изучение войн и военной мощи держав дает немало данных о ведущих эти войны народах и обществах, их сильных и слабых сторонах.

Армии не изолированы от общества, наоборот, их структура и возможности отражают структуру и возможности государств в целом. Армии являются слепком тех обществ, в которых они существуют, ведь они создаются государством как высшая форма общественного института, предназначенная для защиты от внутренних и внешних врагов. Отношения между людьми в армии, как правило, являют собой отношения между классами в обществе. Природа насилия в военной области — это крайняя форма насилия, распространенного в гражданской жизни, а способ ведения войны обычно также зависит от морали данного общества и его нравственных ценностей.

Таким образом, с исторической точки зрения, войны и военная мощь весьма существенно влияют на формирование международного политического порядка и внутреннего устройства общества. Характер военных действий и структура военной мощи, в свою очередь, сформировались под влиянием ряда факторов и экономического и не экономического характера, отражающих спектр возможностей данного общества. Во время первой мировой войны военное превосходство Германии по большей части не основывалось на соответствующем экономическом превосходстве над странами Антанты. Во второй мировой войне крупные победы Германии 1939—1942 гг. не подкреплялись ее экономическим превосходством; более того, по численности личного состава и количеству боевой техники немцы и французы в 1940 г. были равны, а в 1941 г. русские превосходили немцев по этим показателям. Аналогично крупные победы русских на Восточном фронте в 1943—1945 гг. также не были отражением сколько-нибудь значительного экономического преимущества над гитлеровским рейхом, более того, они опирались на более слабую экономическую базу.

Одним из последних примеров является холодная война. В 1945 г. валовой национальный продукт (ВНП) США превышал ВНП Советского Союза в 4 раза, а если принять во внимание союзников, то различие между ними было еще больше. Вот почему противостояние, характерное для холодной войны, нельзя вывести только из соотношения политической и экономической мощи.

Литература. Хотя западная печатная продукция, посвященная холодной войне, еще уступает по объему литературе о Французской революции, она становится все более обширной и сложной, как и подобает публикациям, имеющим дело со столь важным предметом. Существует, по крайней мере, два способа разделить эту литературу на определенные группы. Один, исходя из споров, которые ведутся между ортодоксальным, ревизионистским и постревизионистским лагерями по вопросу о причинах холодной войны⁸, другой основан на специфике методов политического, дипломатического или экономического анализа или каком-то их сочетании⁹. С течением времени классификация претерпевает изменения в зависимости от сдвигов, происходящих в американской и западной политике, и перемен в сфере самой науки.

Несмотря на мощный поток работ, в литературе, посвященной холодной войне, остаются чрезвычайно значительные пробелы. Американские ее аспекты анализируются гораздо более широко и умело, чем советские, что связано с преимуществами, которыми пользуются историки США, благодаря своему происхождению, преобладанию данной научной специализации и доступности информации. Поразительно, однако, что хотя политические, дипломатические и экономические причины холодной войны анализируются широко, временами даже исчерпывающе, обычно игнорируется наиболее очевидный аспект этого конфликта — военный. Это тем более удивительно, что именно события военного характера, то есть вторая мировая война, покончили со старым порядком и создали новый, в котором уже не было места для японской и германской мощи. И это тем более удивительно, что и в 1945 и в 1987 г. Советский Союз только в военной области можно было бы, строго говоря, считать столь же великой державой, что и США.

Литература же о военно-политических причинах холодной войны немногочисленна. Наиболее полное отражение военные аспекты нашли лишь в концепции «атомной дипломатии», разработанной Г. Алпровицем и ревизионистами¹⁰. Однако и в ней упор делается на дипломатию, а не на военные события. Кроме того, эта концепция пыгается вырвать из значительно более обширного и многообразного военного контекста, чем это представляется ее авторам, лишь отдельную его составляющую, имевшую ограниченное значение в первые послевоенные годы.

Учитывая влияние войны и военной мощи на современный мир, можно было бы ожидать появления множества книг, посвященных сравнительному анализу военной мощи СССР и США (возможно, и Германии, Англии, Франции, даже Японии) и военно-политических связей, сложившихся в конце второй мировой войны. Однако, несмотря на тысячи книг, посвященных войне, мало работ по этому вопросу. Эти темы почти не освещаются. В некоторых случаях даже проекты подобного сравнительного изучения вызывают протест. Только советская литература пыталась поднимать эти важные проблемы, однако западные ученые, как правило (и совершенно ошибочно), игнорируют эти попытки, усматривая в них стремление русских заявить о своих особых заслугах или же отражение марксистского подхода, не уместного применительно к Западу.

Подавляющее большинство западных авторов, пишущих о второй мировой войне, как и о последовав-

шей за нею холодной войне, рассматривают их дипломатические, политические и экономические аспекты, обходя при этом военные и вопросы государственной безопасности. Р. Гэбриэл писал, что изучение вооруженных сил было всегда в лучшем случае академическим раритетом и, как и прежде, не вызывает особого интереса, за исключением военных специалистов и военных историков¹¹. В более широком плане сравнительные исследования по США и СССР практически не проводились с тех пор, как более двух десятилетий назад появился труд З. Бжезинского и С. Хантингтона¹².

Западные военные специалисты, в основном историки, вновь и вновь анализируют ход войны за обе стороны, — особенно, и это естественно, за США¹³. Гораздо меньше эти авторы пишут о военных действиях Красной Армии. Более того, западные политологи, как правило, не интересуются военными вопросами, а военные специалисты обычно не интересуются политикой или даже относятся к ней с предубеждением. Они предпочитают более безопасные темы — военные операции и кампании. Возьмем, например, двухтомный труд Дж. Эриксона о войне на Восточном фронте, который является мастерской, высоконаучной и очень нужной работой о войне. Однако, прочтя до конца все 1112 страниц этой книги, так и не можешь понять, почему Красная Армия с боями прошла весь путь до Берлина или почему она оказалась там раньше американской армии¹⁴. Как следствие, военные аспекты второй мировой войны, особенно на Восточном фронте, в значительной мере обойдены вниманием.

Почему же столь важные вопросы и аспекты второй мировой войны в значительной степени игнорировались и преуменьшались на Западе на протяжении более 40 лет после 1945 года? Можно назвать три основные причины. Во-первых, объем информации о разных фронтах и отсутствие специалистов, которые могут ее истолковать. На Западе гораздо больше специалистов по США, чем по СССР. Американским ученым легче получить доступ в американские архивы, чем в советские. Это важный аргумент, но ведь русские опубликовали более 15 тыс. работ, посвященных войне. Результат, однако, ясен — «за пределами Советского Союза вышло мало работ о советско-германском фронте во время второй мировой войны по сравнению с обширной литературой о том, как велась война на Западе»¹⁵.

Во-вторых, люди, живущие в странах Запада, и в особенности американцы, никогда не испытывали потребности в том, чтобы переосмыслить историю войны в свете своей предшествующей истории, а также и из-за того, что были в значительной мере удовлетворены ее исходом. Для американцев вторая мировая война была «хорошей войной», которая, по-видимому, не вызывает у них мучительных вопросов. Кроме того, понеся относительно небольшие потери и избежав боевых действий на американской территории, США добились статуса сверхдержавы, экономического процветания и монополии на атомную бомбу. Ужасы разрушительной войны — уничтожение евреев, огромные человеческие потери, которые понесли СССР (20 млн. человек), Польша (6 млн. человек) и Югославия (1,7 млн. человек), огромные разрушения на Восточном фронте — все это казалось американцам чем-то очень далеким. За свою историю Соединенным Штатам, в отличие от России, не довелось испытать ужасы войны на собственной территории, за исключением Гражданской войны в Северной Америке.

И, наконец, третья причина состоит в том, что западные ученые вообще, а американские в частности, не желают поднимать вопросы, причиняющие беспокойство, которые неизбежно встают перед исследователями, работающими над сравнительной военной историей двух мировых войн. Начать с того, что они, как правило, вообще не испытывают интереса к каким-либо военным проблемам или их сравнительно-историческому исследованию. Если бы они проявили такой интерес, это исследование поставило бы перед ними ряд вопросов, касающихся этой войны.

Важные вопросы. Прежде всего, надо понять природу и роль двух будущих сверхдержав в первой мировой войне. Может показаться удивительным, что участие США в первой мировой войне было столь кратковременным, в то время как Россия, вопреки ее большей вовлеченности в военные действия, в конце концов, потерпела поражение. Какие же факторы способствовали тому, что Россия и США сыграли столь ограниченную роль в войне? Почему эти две страны столь многим отличались друг от друга?

Второй вопрос, когда мы обращаем взгляд к 1939 или 1944 г., состоит в следующем: почему вторая мировая война длилась почти шесть лет, если соотношение сил было чрезвычайно благоприятным для союзников?¹⁶ Или, иными словами, почему двум будущим сверхдержавам в союзе с Британской империей и Францией (до ее оккупации) понадобилось так много времени, чтобы разгромить Германию и ее слабых союзников в Италии и странах Восточной Европы? Силы союзников (США, СССР и Великобритании) значительно превосходили силы стран «оси» (Германии, Японии и Италии). Страны антигитлеровской коалиции в 2 раза превосходили страны «оси» по численности населения (372 млн. против 186 млн.), почти в 3 раза по промышленному производству (60% и 17% мирового продукта в 1936—1938 гг.), почти в 4 раза по производству стали (113,4 млн. т против 31,3 млн. т в 1944 г.) и почти в 30 раз по производству нефти (221,8 млн. т против 7,5 млн. т в 1944 г.)¹⁷.

Очевидно, этот вопрос неприятен потому, что основную ошибку допустил не Советский Союз. Безусловно, массовые чистки нанесли урон офицерскому корпусу Красной Армии (погибло 44 тыс. офицеров), а пакт Молотова — Риббентропа, заключенный в августе 1939 г., на 22 месяца ослабил антигитлеровскую коалицию. Однако четырехлетняя борьба Красной Армии на Восточном фронте имела гораздо

большее значение. Ошибка заключалась в том, что западные державы не смогли остановить немецкий и японский империализм в 1930 г., когда он был еще слаб, и даже поддерживали его политикой «умиротворения», как это было на Мюнхенской конференции в 1938 году. Кроме того, война была продолжительной из-за военной неподготовленности союзников, прежде всего США, а вовсе не Советского Союза, который в 30-х годах лихорадочно готовился к войне. Наконец, сыграли роль и такие просчеты специфически военного характера, как чрезмерный упор на стратегические бомбардировки, отсутствие второго фронта в 1943 г. и слабость американских сухопутных сил.

Третий, еще более проблематичный вопрос касается последнего года войны — от высадки в Нормандии в июне 1944 г. до штурма Берлина в мае 1945 года. После июня 1944 г. обе страны, мобилизовав огромные вооруженные силы численностью около 10 млн. человек каждая, стремились разгромить нацистскую Германию, действуя на противоположных сторонах континента. В мае 1945 г. они добились своей цели, поделив Европу относительно поровну между собой: США заняли Францию, Италию, страны Бенилюкса и Западную Германию, а Советский Союз — всю Восточную и Центральную Европу, в том числе Восточную Германию.

Как мог произойти этот относительно симметричный раздел Европы, если, во-первых, учесть огромную асимметрию экономической и политической мощи двух государств, состояние армий ко дню высадки союзных войск в Европе, а также степень и интенсивность сопротивления Германии на обоих фронтах? С экономической точки зрения, США в 1945 г. являлись колоссом, которого совершенно не затронула война. В 1939—1945 гг. США произвели в 8,6 раза больше нефти (1466,1 млн. т против 171,1 млн. т), в 6 раз больше электроэнергии (1678,3 млн. квт против 282,2 млн. квт) и в 5,5 раза больше стали (511,7 млн. т против 93,2 млн. т). Этот разрыв еще более увеличился к 1944 г., когда американский ВВП вырос за время войны на 70% по сравнению с периодом великой депрессии, в то время как советский ВВП в результате германского нападения сократился за время войны на 20%¹⁸.

Во-вторых, у США было гораздо более прочное политическое положение, чем у СССР, и они получали значительно большую помощь от своих союзников, чем Советский Союз. В мае 1945 г. союзники США имели в Европе 2,1 млн., а союзники СССР — 0,3 млн. солдат; кроме того, Россия снабжала оружием войска своих союзников в Восточной Европе, в то время как войска союзнических армий США в основном обеспечивались оружием без их помощи¹⁹.

Армии США и СССР к июню 1944 г. радикально отличались друг от друга боевыми качествами. Красная Армия была обескровлена тремя годами продолжительных широкомасштабных боевых действий от Москвы в 1941 г. до Сталинграда в 1942 г. и Курска и Орла в 1943 г. — в результате чего потеряла 6 млн. убитыми и 5 млн. пленными. Американская же армия была свежа и рвалась в бой, потеряв менее 100 тыс. человек убитыми и ранеными в небольших кампаниях в Северной Африке и Средиземноморье²⁰.

Наконец, позиции немецких войск и их воля к борьбе были сильнее на Востоке, чем на Западе, за исключением контрнаступления в Бельгии в декабре 1944 года. В июне 1944 г. Германия держала на Восточном фронте в 2 раза больше дивизий, чем на Западном, — 189 против 96; в апреле 1945 г. это соотношение оставалось приблизительно таким же (135 против 77), хотя общее число дивизий сократилось²¹. Кроме того, немцы гораздо энергичнее сражались с русскими, чем с американцами. Битвы на Восточном фронте, например в Восточной Пруссии, Будапеште и Берлине, были ожесточеннее, чем на Западе, и стоили жизни 1,2 млн. советских солдат и 0,2 млн. солдат союзнических армий (соответственно)²². В апреле 1945 г. сопротивление немцев на Западе уменьшилось. По данным окончательных официальных сводок о потерях за 11—20 апреля 1945 г., их потери на Восточном фронте составили 43 тыс. человек ранеными и убитыми и 258 тыс. пропавшими без вести (большая часть военнопленные), а на Западном фронте 2500 человек ранеными и убитыми и 268 200 пропавшими без вести (большая часть военнопленные)²³.

Относительные трудности, с которыми пришлось столкнуться США в последний год войны — поставки оружия союзникам, растянутые коммуникации и второй фронт — против Японии, — были менее серьезными. Ни одна из них не угрожала катастрофой, в отличие от тех, что стояли перед Советским Союзом. Американские поставки СССР по ленд-лизу в последний год войны составили 2% военного бюджета США, что принесло непосредственные плоды. Кроме грузовых автомобилей и таких специализированных видов продукции, как авиационное топливо, эти поставки никогда не составляли и 10% объема военного производства Советского Союза, хотя и помогли устранить некоторые трудности²⁴. Коммуникации были главной проблемой для США, однако ее острота в значительной мере смягчалась благодаря использованию Англии в качестве базы поставок и той помощи, которую оказала она в обеспечении господства союзников в Атлантическом океане. У русских были свои проблемы со снабжением, вызванные тактикой «выжженной земли», которую проводила Германия на Востоке, а не на Западе.

Наконец, война с Японией действительно задействовала значительные ресурсы США, в особенности если учесть огромную протяженность коммуникаций и зачастую примитивные базы, которыми могли располагать США на другом конце коммуникаций. Япония была в то время очень слабой страной, она сумела одержать крупные победы в 1941—1942 гг. лишь над слабыми и разобщенными в значительной мере колониальными силами союзников. Победы Японии на первом этапе войны и вызванный ими япон-

ский фанатизм, проявленный на поле боя, как бы заслонили собой реальную слабость императорской Японии. Благодаря островному положению эта страна оказалась чрезвычайно уязвимой для американских военно-воздушных сил и военно-морского флота. Именно этим объяснялось то, что с 1939 по 1945 г. США произвели в 12 раз больше стали и выработали в 7 раз больше электроэнергии, чем Япония. За последние девять месяцев войны потери Японии составили 897 тыс. человек, включая и гражданское население, а США потеряли 320 тыс. человек. Кроме того, Красной Армии приходилось держать на Востоке значительные силы — почти 1 млн. человек против миллионной японской армии в Маньчжурии²⁵.

Итак, вопрос заключается в следующем: как Советский Союз сумел осуществить столь же значительные приобретения в Европе, как США, в последний год войны, несмотря на столь тяжелые трудности? Отсюда возникает и ряд других вопросов. Почему американцы считают, что вторая мировая война была «хорошей войной», а русские видят в ней «беду» или «катастрофу»? Почему Советский Союз (и Великобритания) к 1945 г. истощили все свои силы, а США остались свежими и готовыми к послевоенной эре, которая привела к Рах Атепсапа?

Соответственно, встают вопросы о роли Красной Армии и армии США в войне. Каким образом Красной Армии удалось добиться таких больших успехов в последний год войны, несмотря на огромные человеческие и материальные потери в предыдущие годы войны, опустошительное нашествие Германии и относительно слабую экономику, да к тому же подорванную войной? Ссылки на хорошее политическое руководство, преобразования, осуществленные в сфере экономики, политическую мобилизацию народных масс, население, только что ставшее грамотным, наличие способных армейских офицеров, сильное влияние Коммунистической партии в войсках, — по всей вероятности, не устраивают большинство западных специалистов, не желающих признавать решающую роль Красной Армии в победе союзнических государств и высокую эффективность советской системы. Приверженцы «тоталитарной» теории, неспособные примириться со столь позитивным образом Советского Союза, предпочитают утешать себя тем, что победа над Германией была достигнута благодаря ошибкам немецкого командования, суровым русским зимами и американской экономической, политической и военной мощи.

Еще более их смущает вопрос: как объяснить значительный прогресс русских в военной области во второй мировой войне по сравнению с первой? Ведь во время первой мировой войны русская армия распалась после ряда поражений, Россия перенесла две революции и в 1918 г. была вынуждена заплатить за свою слабость униженным Брестским миром. Тем не менее, хотя во второй мировой войне России пришлось иметь дело с гораздо более мощной немецкой армией (после разгрома Франции немцам удалось развернуть на Востоке в 3 раза больше сил) и при том, что помощь союзников на этот раз была менее значительной, Красная Армия не только изгнала немцев из СССР, но и оккупировала пол-Европы. Как объяснить этот рост русской мощи в период между двумя мировыми войнами?²⁶ Очевидно, этот вопрос еще более неприятен для западных советологов, не желающих видеть ничего положительного в советском опыте. По словам С. Коэна, «исследования о Советском Союзе были сплошь проникнуты антисоветским духом. Примитивного антикоммунизма, исходившего из тезиса, что «коммунизм есть зло», оказалось недостаточно. Ученые стремились показать, что зло это неизбежно присутствовало на всех поворотах истории начиная с 1917 г. и что советские достижения не только ничего не значили, но были прямой противоположностью настоящего прогресса»²⁷.

Однако и американцам можно задать ряд столь же щекотливых вопросов. Во-первых, почему США, надеявшиеся, что британская и советская армии сдержат экспансию Германии, не могли или не хотели бросить сколько-нибудь значительный вызов немецкой армии до июня 1944 года? Чем обернулось это промедление после июня 1944 года? Это непосредственным образом затрагивает такие вопросы, как неподготовленность США к большой войне, расчет на военно-воздушные силы и флот, а не на сухопутные войска, отказ от развертывания второго фронта в 1943 г. и отвлечение сил и средств в район Тихого океана. Тут сказывается и различие между США, которым война непосредственно не угрожала, Советским Союзом, почти половина территории которого была оккупирована противником, и Великобританией, обстреливаемой немецкими ракетами и блокированной немецкими военно-воздушными силами и флотом. Встает вопрос и о трудностях материально-технического снабжения, с которыми столкнулись США, вступив в войну на отдаленном от них Европейском континенте, и о цене, которую они заплатили за изоляцию от самого конфликта.

Второй вопрос еще более важен: почему США не смогли или не захотели претворить свою огромную экономическую и политическую силу в сокрушительную военную мощь в Европе даже спустя пять лет после начала второй мировой войны? Этот вопрос, который позже будут снова задавать в Корее и Вьетнаме, непосредственно касается таких проблем, как американский способ ведения войны, трудности с сухопутными силами, отвлечение экономических ресурсов на удовлетворение потребительского спроса, нежелание нести потери, а также модель управления армией наподобие промышленности.

Возможные ответы. Советские Вооруженные Силы сыграли важнейшую роль в разгромах немецкой армии. В ходе этой войны им пришлось испытать на себе мощные удары немецких сил, варварство захватчиков, опустошение и оккупацию советской территории. Проявив массовый героизм и самопожертвование

ние, Советский Союз создал многочисленные народные вооруженные силы, сумевшие уничтожить немецкую армию, самую профессиональную в мире. К 1945 г. Красная Армия сражалась до последней капли крови. Она потеряла 7 млн. убитыми и 5¹/₂ млн. пленными²⁸. К 1945 г. Советскому Союзу, обескровленному, обессиленному в тотальной войне, как воздух нужен был мир, перестройка экономики, надежные и обеспеченные границы, наконец, демобилизация. В то же время усилия Красной Армии и разгром Германии и Японии (последней — в основном силами США) дали Советскому Союзу реальную возможность претендовать на статус сверхдержавы.

Соединенные Штаты, напротив, точно рассчитали свои издержки и выгоды, столь много добившись в ходе этой войны (они обрели статус сверхдержавы) с минимальными затратами (их потери в войне составили 300 тыс. человек)²⁹. До июня 1944 г. США (они подготовились к войне только к 1943 г.) избегали широкомасштабных боевых действий против хваленной немецкой армии, ограничиваясь операциями мощных военно-воздушных сил и флота, рассчитанными на то, чтобы не давать Германии покоя. В то же время они подталкивали СССР и Британскую империю к тому, чтобы те выматывали свои силы в борьбе с Германией. Даже в последний год войны США, развернув очень скромные по масштабам сухопутные войска, в основном полагались на военно-воздушные и сухопутные силы Британской империи и Советского Союза. К 1945 г. США, которых почти не коснулась война, располагавшие огромным экономическим потенциалом и крупнейшими военно-воздушными силами, флотом и запасами атомного оружия, стали мощнейшей сверхдержавой мира.

Данное исследование, возможно, побудит политологов и историков уделять больше внимания войнам и армиям, которые, как свидетельствует опыт второй мировой войны, явились важными факторами, влияющими на ход истории. Именно события военного характера — разгром и оккупация Германии и Японии и выдающиеся победы Красной Армии, которая в 1945 г. вошла в Берлин, Прагу и Будапешт, — дали СССР возможность претендовать на статус сверхдержавы. Ясно, что притязания Советского Союза на этот статус в 1945 г., как и по сей день, базируются в основном на военной мощи, а не на политическом, экономическом и культурном влиянии, имеющем более ограниченный характер.

Таким образом, необходимо рассматривать военную мощь отнюдь не только в качестве производной от экономической, поскольку иначе роль Советского Союза в войне станет необъяснимой. В такой же степени бесплодным является и простой «подсчет» численности личного состава и вооружения каждой из сторон на поле боя. Надо обратиться к войнам как к отражению всей суммы общественных возможностей, включающих такие факторы, как политическое устройство, экономическая и общественная мобилизации, качество военной организации, а также нравственное состояние армии и общества. Только тогда можно понять, что одни экономические возможности являются необходимым, но зачастую недостаточным условием победы.

Прошло много времени с тех пор, как советские и американские войска встретились на Эльбе в мае 1945 года. По прошествии лет и в ходе холодной войны в течение более четырех десятилетий после 1945 г. мы стали забывать о величайшем в истории вооруженном столкновении. Если бы мы могли вновь осознать то, что многие западные лидеры хорошо понимали в 1945 г., — решающую роль Красной Армии в победе в Европе, значительные достижения советского режима (несмотря на многочисленные ошибки Сталина) по сравнению со слабым и прогнившим царским режимом, трудности, с которыми столкнулись США в том, чтобы воплотить свои экономические возможности в военную мощь и продемонстрировать мощь в экономической и политической областях в 1945 г., — мы смогли бы правильно понять и оценить исходные факторы и события послевоенной эпохи.

Примечания

1. KEEGAN W. Six Armies in Normandy. N. Y. 1982, p. 25.
2. NUTTER G. W. Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton. 1962, pp. 582—593.
3. URLANIS B. Wars and Population. M. 1971, pp. 209—210.
4. MICHEL H. The Second World War. Lnd. 1975, p. 819.
5. URLANIS B. Op. cit., pp. 209—210.
6. См. ADELMAN J. Revolution, Armies and War. Boulder. 1986.
7. См. CREVELD M. van. Fighting Power — German and United States Army Performance 1939—1945. Westport. 1982, pp. 30—31, 174.
8. Ортодоксальную точку зрения см.: SPANIER J. American Foreign Policy Since World War II. N. Y. 1977, а также: FEIS H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton. 1967. Ревизионистская позиция получила отражение в: KOLKO G. The Politics of War: The World and the United States Foreign Policy 1945—1953. N. Y. 1972; а также: WILLIAMS A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland. 1959. Концепции постревизионистов см.: YERGIN D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Secu-

- rity State. Boston. 1977, а также: GADDIS J. L. The United States and the Origins of the Cold War 1941—1947. N. Y. 1972.
9. Примерами дипломатического и политического анализа являются: FEIS H. *Op. cit.*; MASTNY V. *Russia's Road to the Cold War*. N. Y. 1979. Экономический анализ представлен в работах: PATERSON Th. *Soviet-American Confrontation*. Baltimore. 1973; POLLARD R. *Economic Security and the Origins of the Cold War 1945—1950*. N. Y. 1985.
 10. См. ALPEROVITZ G. *Atomic Diplomacy; Hiroshima and Potsdam*. N. Y. 1985.
 11. GABRIEL R. *The Antagonists. A Comparative Combat Assesment of the Soviet and American Soldier*. Westport. 1984.
 12. BRZEZINSKI Z., HUNTINGTON S. *Political Power: USA/USSR*. N. Y. 1964.
 13. См., напр., CLARK A. *Barbarossa — The Russo-German Conflict 1941—45*. N. Y. 1965; ZIEMKE E. *Stalingrad to Berlin. The German Defast in the East*. Washington. 1968; SEATON A. *The Russo-German Conflict 1941—45*. N. Y. 1970; ERICKSON J. *The Road to Stalingrad*. Boulder. 1979; ERICKSON J. *The Road to Berlin*. Boulder. 1984.
 14. См. ERICKSON J. *The Road to Stalingrad*.
 15. Макс Гастингс недавно пришел к заключению, что «даже спустя 40 лет после того, как отгремели битвы, удивительно, как много выходит книг, которые всего лишь отражают удобные шовинистические легенды, и как мало таких, в которых предпринимаются попытки честно исследовать факты» (см. HASTINGS M. *Overlord, D-Day and the Battle for Normandy*. N. Y. 1984, p. 11).
 16. Концепция соотношения сил используется советскими учеными не только для того, чтобы непосредственно сопоставить военные силы двух противоположных сторон, но и для того, чтобы определить соотношение сил этих сторон в более широком смысле, то есть и в политической, и в экономической, и в военной сферах (см. LIDER J. *Correlation of Forces: An Analysis of Marxist-Leninst Concepts*. N. Y. 1986).
 17. VOZNESENSKY N. *The Economy of the USSR During World War II*. Washington. 1948, p. 10; ВОПОНЦОВ Г. Ф. *Военные коалиции и коалиционные войны*. М. 1976, с. 110; ALDCROFT D. *The European Economy 1914—1970*. N. Y. 1978, p. 110.
 18. Основные сопоставимые данные см.: *История второй мировой войны*. Т. 12. М. 1982, с. 192; MILLAR J. *The ABCs of Socialism*. Urbana. 1981, p. 50.
 19. Данные по США см.: ELLIS L. F., WARHURST A. E. *Victory*, p. 406; по СССР, включая и лучший анализ последней стадии войны: *История второй мировой войны*. Т. 12.
 20. Относительно первых 18 месяцев войны генерал Дж. Маршалл докладывал военному министру, что американские потери в целом составили 8800 убитых. (*The War Reports of General of Army George C. Marshall. General of Army H. H. Arnold and Fleet Admiral Ernest King*. Philadelphia — N. Y. 1947, p. 132).
 21. Данные о числе германских дивизий см.: SEATON A. *The Russo-German War, 1941—1945*. N. Y. 1970, p. 458; *War in the East: The Russo-German Conflict 1941—1945*. N. Y. 1977, p. 97; *История второй мировой войны*. Т. 12, с. 217.
 22. См.: MACDONALD Ch. *The Last Offensive*. Washington. 1973, p. 478; *История второй мировой войны*. Т. 12, с. 613.
 23. См. Stalin and His Generals. Lnd. 1970, p. 6.
 24. Более подробное исследование данного вопроса см.: JONES R. *The Roads to Russia: United States Lend Lease to the Soviet Union*. Norman. 1969.
 25. См. также: ADELMAN R. *Op. cit.*
 26. *Ibid.*
 27. COHEN St. *Rethinking the Soviet Experience*. Oxford, pp. 14—15.
 28. URLANIS B. *Op. cit.*, pp. 209—210.
 29. *Ibid.*

Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы

О. Ф. Сувениров

В июне 1934 г. Наркомат по военным и морским делам СССР был преобразован в Народный комиссариат обороны (НКО) во главе с К. Е. Ворошиловым, а 10 июля того же года был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД), нарком — Г. Г. Ягода. Взаимоотношения между этими двумя ведомствами играли немаловажную роль в судьбе Красной Армии с момента ее формирования. В конце июля 1918 г. был образован военный отдел ВЧК, руководивший фронтовыми и армейскими ЧК, преобразованными в январе 1919 г. в особые отделы, которые сохранились и после гражданской войны. В середине 20-х годов они активно участвовали в чистке армии от лиц командного и политического состава, подозреваемых в сочувствии троцкистской оппозиции, а затем и «правому уклону». Всего за 20-е и первую половину 30-х годов, по словам Ворошилова, было уволено из армии 5 тыс. бывших оппозиционеров¹.

Грубое попрание элементарных прав в ходе насильственного проведения коллективизации вызвало в армии значительный рост «крестьянских настроений». Особые отделы проводили активную деятельность по изъятию «социально-чуждых» элементов из армии и Военно-морского флота. Только с 1 ноября 1929 г. по 31 октября 1930 г. из Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) было «изъято» 4473 человека кадрового состава и 5600 человек переменного². В конце 20-х — начале 30-х годов были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров царской армии. Причем дело не ограничилось только их увольнением. В конце 1930 г. начались аресты среди старых специалистов в Военной академии им. Фрунзе. По фальсифицированным (в основном, особыми отделами) данным были сфабрикованы дела о заговоре бывших офицеров, и по ним осудили более 3 тыс. командиров Красной Армии³.

Сотрудники особых отделов не только не подчинялись командирам и комиссарам соответствующих соединений и объединений, но обычно всю свою контрразведывательную, а тем более агентурно-осведомительную работу вели без согласования и даже втайне от командиров и комиссаров, вербуя и насаждая в воинских частях своих секретных сотрудников (сексотов).

В конце 1933 г. в работе «особистов» произошел «прокол». 5 декабря 1933 г. старшего летчика Вахромеева вызвали в особый отдел 209-й авиабригады (Дальний Восток) и, предъявив компрометирующий материал (Вахромеев скрыл свое социальное происхождение — его отец был полицейский чиновник, в годы гражданской войны расстрелянный партизанами) и припугнув, завербовали его, причем «бесцельно», на всякий случай. А через некоторое время, в ходе очередной партчистки, работники особого отдела бригады предали гласности сведения об отце Вахромеева. И тогда он, взбешенный подобным оборотом дела, 11 марта 1934 г. решился на крайний шаг — совершил перелет за кордон.

Дело это стало предметом специального обсуждения в ЦК ВКП (б). Об основных результатах этого обсуждения можно судить по приказу наркома обороны от 7 июля 1934 г., которым до сведения комисса-

Сувениров Олег Федотович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны СССР.

ров и помполитов отдельных частей доводился приказ Объединенного главного политического управления (ОГПУ) от 3 июня 1934 г., адресованный начальникам особых отделов округов, армий, морей, корпусов, дивизий, бригад и уполномоченным особого отдела частей, в котором указывалось, что несмотря на ряд приказов ОГПУ о необходимости вдумчивого и четкого отношения к работе по обслуживанию армии продолжаются случаи грубого нарушения этих указаний, особенно при выборе и применении наиболее целесообразных средств и методов в борьбе с проявлениями контрреволюции в армии; что каждое неправильное применение столь острого оружия, каким является агентурно-осведомительная работа в армии, каждая непродуманность и ошибка в оперативном использовании имеющихся данных неизбежно приносят политический вред, зачастую непоправимый.

«Личный состав Красной Армии, — справедливо подчеркивал подписавший этот приказ заместитель председателя ОГПУ Ягода, — должен быть полностью уверен в том, что действия Особого отдела бьют по явным и неисправимым врагам Советского государства. Каждое мероприятие должно быть проведено до конца таким образом, чтобы оно не вызывало никаких кривотолков и сомнений и не создавало бы обстановки, хоть сколько-нибудь нервирующей состав Красной Армии». В приказе говорилось о необходимости особенно осторожного подхода, максимальной целесообразности при проведении всякого рода мероприятий, касающихся начальствующего состава, а также квалифицированных специалистов специальных частей Красной Армии, и подчеркивалось, что эти задачи выполнимы «только при условии полного отказа от устаревших, негодных и шаблонных методов работы»⁴.

Решением ЦК ВКП(б) был определен новый порядок вызова и допроса военнослужащих особыми отделами. В соответствии с этим и был издан приведенный выше приказ ОГПУ, в котором этот новый порядок определялся следующим образом: «1. Категорически запретить впредь особым отделам ОГПУ вызывать и допрашивать командиров и красноармейцев без ведома и согласования с комиссаром части. 2. В случае несогласия комиссара на вызов военнослужащего, вопрос переносится на разрешение начальника вышестоящего особого отдела, который договаривается с комиссаром соответствующего войскового соединения. 3. Вызовы военнослужащих в особые отделы допускать по следующим поводам: а) для допросов в качестве обвиняемых и свидетелей; б) в качестве экспертов по специальным и техническим вопросам»⁵.

В этом приказе ничего не говорилось о праве особых отделов на вербовку сексотов среди военнослужащих. Но, судя по ряду документов, такая практика продолжалась, причем некоторым из сексотов определялась по существу провокаторская задача — «ставить перед наблюдаемыми антипартийные и антисоветские вопросы, чтобы таким путем вылавливать врагов»⁶. Практика насаждения сексотов без ведома командиров, политотделов и парторганизаций воинских частей приводила к фактическому верховенству органов госбезопасности над партийными организациями и политическими органами в РККА и даже над командирами.

Уже в 1934 г. обязанностью особых отделов была не только борьба против шпионов, лиц, готовящих или могущих совершить измену, а также всех сколько-нибудь негативно настроенных лиц, но и выявление наиболее существенных недостатков в деятельности тех или иных звеньев военного аппарата. Карательные органы действовали в армейских рядах весьма энергично, и за 1934 г. количество осужденных лиц начальствующего состава достигло тысячи человек. Это не могло не вызвать тревоги у руководства НКВД. Ворошилов считал, что подобные результаты свидетельствуют прежде всего о слабо поставленной воспитательной работе, но также и о бездушном, формальном отношении некоторых высших и старших начальников к решению вопроса о мерах воздействия на провинившегося командира. При постоянном наблюдении и тесной связи с подчиненными «не может и не должно быть этих сотен трибунальных дел»⁷.

Новая волна арестов прокатилась по армии в связи с убийством С. М. Кирова. Как явствует из докладной записки члена Военного совета Московского военного округа (МВО) Г. И. Векличева от 23 января 1935 г., адресованной секретарю МК ВКП(б) Л. М. Кагановичу, за период с 1 декабря 1934 г. по 20 января 1935 г. «за открытое проявление контрреволюционных настроений в связи с убийством т. Кирова» органами особых отделов Главного управления госбезопасности было арестовано 43 военнослужащих частей МВО⁸. Из Военно-политической академии был уволен 131 человек, многие из них затем исключены из партии и арестованы⁹.

В целях предотвращения возможных случаев необдуманного применения таких мер воздействия на провинившихся лиц начсостава, как арест или отдача под суд, и повышения ответственности высших и старших начальников за состояние революционной законности в частях, приказом наркома обороны от 3 февраля 1935 г. устанавливался следующий порядок: «а) предание суду начальствующего состава от командира взвода и выше может быть произведено только с моего разрешения, а в мое отсутствие с разрешения моего первого заместителя; б) санкция на арест начальствующего состава от командира взвода и выше, по требованию органов Наркомвнудела и военной прокуратуры, может быть дана только с моего личного разрешения. Только в исключительных случаях, не допускающих отлагательства, санкция на арест по требованию следственных органов и органов Наркомвнудела лиц начсостава не выше 5-й катего-

рии может быть дана командующими войсками округов (армий) и командующими флотами, с обязательным и незамедлительным донесением мне об этом»¹⁰. Одновременно были ужесточены условия зачисления в штат вольнонаемных работников. В соответствии с приказом НКО от 11 февраля 1935 г. они принимались на постоянную работу в РККА только при получении согласия местных органов НКВД¹¹.

Вслед за введением в сентябре 1935 г. персональных военных званий в РККА, постановлением ЦИК и СНК СССР в начале октября устанавливаются специальные звания и для начальствующего состава Главного управления Госбезопасности (ГУГБ) НКВД. Совместным приказом НКО и НКВД от 23 мая 1936 г. вводится правило, что работники полевых особых органов ГУБГ НКВД носят форму и знаки различия военно-политического состава РККА. При этом знаки различия у сотрудников особых отделов устанавливались на две ступени выше, чем у политработников аналогичного звания. Тем самым подчеркивалось особое положение сотрудников НКВД в РККА.

Самым страшным преступлением НКВД перед Советскими Вооруженными Силами стала сознательная фабрикация его аппаратом заведомо ложной версии о существовании в РККА антисоветской военной заговорщической организации. Документальные материалы и прежде всего составленная на основе впервые вводимых в научный оборот документов обобщенная справка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Дело о так называемой антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии»¹², показывают подлинную роль тогдашнего руководства страны и НКВД в создании этой фальшивки.

Первые «показания» о том, что в РККА якобы существует военно-троцкистская организация, были по существу выбиты у некоторых участников готовившегося летом 1936 г. судебного процесса «параллельного троцкистского центра», еще когда наркомом внутренних дел был Ягода. При нем же были возобновлены аресты среди командного состава армии (В. М. Примаков, В. К. Пугна и др.). Однако, по мнению Сталина, Ягода действовал недостаточно энергично¹³. 26 сентября 1936 г. он был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел СССР, и его место занял Н. И. Ежов, заместителями которого были назначены М. Д. Берман, М. П. Фриновский, Л. Н. Бельский.

Сейчас трудно судить, какие именно планы были у Сталина и Ежова осенью 1936 г. в отношении чистки в армии. Ворошилов, составляя конспект своего выступления на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), записывал: «В армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного». Далее он напоминает, что в армии арестовано всего шесть человек в «генеральских» чинах — три комкора (Путна, Примаков и Туровский), два комдива (Шмидт и Саблин) и один комбриг (Зюк); кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. «Ни Примаков, ни Туровский пока не признали своей виновности. — отмечает нарком. — Самое большее, в чем они сознаются, что они не любили Ворошилова и Буденного, и каются, что вплоть до 1933 года позволяли себе резко критиковать и Буденного и меня». Правда, в конце конспекта Ворошилов заявляет, что «не исключено, наоборот, даже наверняка, и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов»¹⁴.

Но доклад Сталина на пленуме «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» ориентировал на выявление и ликвидацию «врагов народа» во всех сферах жизни советского общества, а Молотов совершенно открыто предупредил: «Товарищи военные большевики, вы тут присутствуете. Мы тут в своем докладе о вредительстве в армии не говорили. Но учтите, что если вы думаете, что у вас это дело благополучно, глубоко заблуждаетесь»¹⁵.

1 мая 1937 г. на традиционном обеде у Ворошилова после парада на Красной площади Сталин недвусмысленно высказал угрозы в адрес «врагов», якобы затаившихся среди военных. По свидетельству комкора С. П. Урицкого, Сталин говорил о том, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за столом в октябрьскую годовщину¹⁶. В условиях уже начавшегося в стране массового террора, каждый, слышавший это предупреждение, воспринял его как указание быть послушным воле НКВД и беспощадно расправляться со всеми, на кого укажут особые отделы.

К этому времени прежний начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М. И. Гай был уже арестован (и вскоре без суда, «в особом порядке» расстрелян), а сменивший его И. М. Леплевский буквально ежедневно направлял в адрес Ворошилова и Я. Б. Гамарника «компромат» на военнослужащих с непременной концовкой: 1) «Прошу Вашего согласия на увольнение с последующим арестом»; 2) «прошу Вашей санкции на арест»; 3) «считаю необходимым арест» и 4) «считаю необходимым немедленный арест». Руководители военного ведомства санкционировали такого рода меры.

Гамарник распоряжался судьбой политработников, а все представления особого отдела об аресте командиров направлялись Ворошилову. Уже в апреле — мае 1937 г. таких представлений поступили сотни, и на каждом из них есть резолюция наркома: «Доложить лично», изредка — «уволить из армии», в основном: «Не возражаю», «не возражаю против ареста», «нужно арестовать», «арестовать», «согласен

на арест», «берите всех подлецов», «согласен»¹⁷. Следовательно Ворошилов капитулировал перед НКВД, махнув рукой на судьбу вверенных ему Родиной командиров и политработников, по сути предал их.

Если с 1 января по 30 марта 1937 г. было уволено из РККА по политическим мотивам 577 человек, то с 1 апреля по 10 июня 1937 г. — уже 4370 человек¹⁸. С 14 по 29 мая 1937 г. были арестованы комкоморы Б. М. Фельдман и Р. П. Эйдеман, командарм 2 ранга А. И. Корк, командармы 1 ранга И. Э. Якир и И. П. Уборевич и Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. Переломным моментом в организации «большого террора» в армии явилось расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшееся в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года. К этому времени сотрудники НКВД уже состряпали дело о якобы давно существующем в армии антисоветском заговоре. На совещании был обсужден доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Сославшись на фальсифицированные данные и «признательные» показания арестованных, Сталин в своем выступлении сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансируемый германскими фашистами»¹⁹.

7 июня 1937 г. Ворошилов в секретном приказе сообщает личному составу РККА о заседании Военного совета при НКО и о том, что органами НКВД в Красной Армии раскрыта контрреволюционная военная фашистская организация, в руководящую верхушку которой входили Гамарник, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Примаков, Сангурский²⁰, Фельдман, Путьна и Эйдеман. «Конечной целью этой шайки, — говорилось в приказе, — было стремление ликвидировать Советский Союз и восстановить в СССР ярмо помещиков и капиталистов... готовили убийства руководителей партии и правительства... продавали врагам Советского Союза военные тайны... делали все для подрыва оборонной мощи нашей Родины, для подготовки поражения Красной Армии в будущей войне»²¹. Этот насквозь лживый приказ надлежало прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, на кораблях, складах, в штабах, управлениях и учреждениях РККА.

11 июня 1937 г. в газетах было опубликовано сообщение Прокуратуры СССР о «раскрытом» НКВД заговоре военных. В тот же день состоялся суд. Для придания расправе хотя бы видимости законности, по инициативе Сталина было образовано Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР во главе с председателем его военной коллегии В. В. Ульрихом. В ночь на 12 июня 1937 г. он огласил приговор о лишении военных званий и расстреле всех восьми осужденных, а 12 июня приговор был приведен в исполнение. В тот же день Ворошилов издал приказ № 96, который 14 июня был опубликован в центральных газетах. В нем сообщалось о суде и казни «изменников».

Приходит еще несколько дней и 21 июня 1937 г. издается секретный приказ № 082, подписанный Ворошиловым и Ежовым, в котором говорилось о случаях явки с повинной «лиц командного, начальствующего и красноармейского состава, замешанных в деятельности контрреволюционных фашистских и вредительских организаций или знавших об их существовании, но не сообщивших об этом органам Советской власти». Приказом предусматривалось «военнослужащих, участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и... рассказавших обо всем, как ими совершенном, так и назвавших всех своих сообщников и единомышленников — задержанию и аресту не подвергать и против них уголовного преследования не возбуждать».

Этот санкционированный Сталиным совместный приказ НКО и НКВД представляет собой поистине образец лицемерия. Палачи, нанесящие тяжелейшие раны Красной Армии, прикидываются в нем людьми радеющими лишь о чистой совести заблудших участников несуществующего заговора. Между тем, под непосредственным руководством Ежова в застенках НКВД фабриковалась эта гнусная версия, а Ворошилов, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б) и одним из самых близких к Сталину людей не мог не знать о том, как выбивались у арестованных их «признательные» показания.

Позднее, в ходе советско-финской войны 1939—1940 гг., когда Сталин, резко критикуя Ворошилова за недостаточную подготовленность и неудачи советских войск, однажды в присутствии Н. С. Хрущева особенно распалился и начал гневно отчитывать наркомата обороны, тот тоже вскипел и в ответ бросил Сталину обвинение: «Ты виноват в этом! Ты истребил военные кадры!»²². Ворошилов «забыл» только добавить, что Сталин истребил их руками Ворошилова. Лицемерие руководителя НКО было совершенно сознательным. В заметках для себя Ворошилов записывает в июне 1937 г.: «Авторитет армии в стране поколеблен... Подорван авторитет начсостава... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя, как наркомата, потерпели сокрушительный крах»²³. В докладе же «XX лет РККА и ВМФ» в феврале 1938 г. он заявляет: «Красная Армия после уничтожения военно-фашистской банды и очищения своих рядов от продажной, изменнической мерзости стала неизмеримо более крепкой, еще более чем когда-либо монолитной и спаянной вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг нашего рабоче-крестьянского Правительства»²⁴.

Приказ № 082 успеха не принес. С мест докладывали, что никто из заговорщиков добровольно не является. Через три с половиной месяца, выступая на разборе маневров Балтийского флота 8 октября 1937 г., Ворошилов вынужден был признать: «Был приказ, вы о нем знаете, по которому предлагалось людям, замешанным в контрреволюционных организациях, в противоправительственных действиях, об

этом заявить. Эти люди были бы амнистированы. Это мой и т. Ежова совместный приказ. Обещание амнистировать таких людей было сказано т. Сталиным. Им было сказано, что все эти безобразия будут забыты, и люди признавшие свою вину, по-настоящему заживут. Между прочим, ни один человек с покаянием не пришел. Я разговаривал на эту тему с огромным количеством людей...»²⁵.

С тем большим рвением сотрудники НКВД в центре и на местах пытались убедить руководство партии и государства, а также личный состав РККА в том, что контрреволюционные заговорщические организации и группы опутали все звенья армейской системы, что «дело группы Тухачевского» — лишь вершина контрреволюционного айсберга. Работа «по вскрытию» (а точнее, по фабрикации) разного рода и масштаба антисоветских военных организаций усилилась после того, как летом 1937 г. на совещании в НКВД Ежов бросил фразу, что Сталин считает: «Военно-фашистский заговор должен иметь ряд ответвлений»²⁶.

В 1937—1938 гг. Особый отдел ГУГБ НКВД СССР сообщал в Наркомат обороны не менее чем о 40 «вскрытых» им в армии «заговорщических» группах и организациях. Среди них фигурируют «военно-эсеровская организация в РККА», «антисоветский военный заговор правых в РККА», «созданная Гамарником террористическая группа в Политуправлении РККА», «шпионская вредительская организация в Военгизе», «террористическая организация в ЦДКА», «офицерско-монархическая организация», «заговорщики из Сануправления РККА», «запасной троцкистский центр в Политуправлении КОВО», «контрреволюционная повстанческая организация в ПриВО», «террористическая группа в академии Генштаба РККА», «заговорщическая организация в частях 34-й дивизии и Усть-Сунгарийского УР'а», «филиал заговорщической организации в 69-й сд» и т. п.²⁷. Сообщалось также о различных организациях националистического толка («украинская военно-националистическая организация», а также группы в узбекских, таджикских, киргизских, азербайджанских частях и соединениях), об организациях, напрямую связанных с границей (ПОВ — польская организация войсковая; группа польских диверсантов в системе военных сообщений Киевского военного округа и др.).

Особые отделы охотились прежде всего за крупными военачальниками. Но для того чтобы создать впечатление о разветвленности военного заговора, они не брезговали командирами и в более мелких чинах. Как явствует из доклада заместителя начальника Управления по начальствующему составу (УНС) РККА дивизионного комиссара Е. В. Краснова, с 1 января по 1 ноября 1937 г. из РККА было уволено 10 844 лейтенанта и им соответствующих, 3788 капитанов и им соответствующих²⁸. Наибольшее число увольнений в 1937 г. пришлось на июнь — октябрь, когда в отмену ранее существовавшего порядка, право увольнять и давать санкции на арест комсостава до командира полка и ему соответствующих было предоставлено военным советам округов и флотов.

Воспринимая установку центра «на беспощадное выкорчевывание», на местах все больше стали действовать по принципу: «если ты не уволишь и не посадишь, то тебя самого уволят и посадят». В докладной записке от 11 марта 1938 г. на имя Сталина, Молотова, Ворошилова и Андреева начальник УНС РККА армейский комиссар 2-го ранга Е. А. Щаденко привел следующие данные: с 1 марта 1937 г. по 1 марта 1938 г. из РККА уволено 21 268 человек, в том числе по политическим мотивам 17 413 человек; из них арестовано и осуждено 5329 человек. Среди уволенных за этот год комсостава было 10 683 человека, из них 14 — командующие войсками военных округов, 21 — заместители и помощники командующих войсками округов, 27 — командиры корпусов, 96 — командиры дивизий, 183 — командиры полков и эскадрилий²⁹. По подсчетам акад. А. М. Самсонова, из 837 человек, первыми получивших персональные военные звания в ноябре 1935 г. (от полковника до Маршала Советского Союза), было репрессировано 720³⁰. Из 85 членов сформированного в ноябре 1934 г. — январе 1935 г. Военного совета при наркомате обороны СССР пятеро были доведены до самоубийства, репрессиям подверглись 76 человек, из них двое погибли в тюрьме, а 66 расстреляны. Из 36 видных военачальников и политработников, избранных в феврале 1935 г. на VII Всесоюзном съезде Советов членами ЦИК СССР, в 1937 г. 30 объявлены «врагами народа»³¹.

Из пяти Маршалов Советского Союза уцелели двое — Ворошилов, по сути один из исполнителей репрессий, и его активный пособник Буденный. Умерщвлены трое — М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Из пяти командармов 1 ранга уцелел один — Б. М. Шапошников; успел умереть своей смертью С. С. Каменев; остальные трое — И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов — расстреляны. Из десяти командармов 2 ранга И. И. Вацетис, первый главнокомандующий вооруженными силами Советской республики в 1918—1919 гг. — умер в тюрьме, девять — П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, И. Н. Дубовой, И. Ф. Федько (уже в звании командарма I ранга), А. И. Корк, Н. Д. Каширин, А. И. Седякин, Я. И. Алкснис, И. А. Халепский — расстреляны. Оба флагмана флота 1 ранга В. М. Орлов и М. В. Виктор — расстреляны. Из двух флагманов флота 2 ранга Л. М. Галлер умер в тюрьме в 1950 г., И. К. Кожанов — расстрелян. Единственный в то время армейский комиссар 1 ранга — Я. Б. Гамарник, а также армейский комиссар 2 ранга А. С. Гришин покончили жизнь самоубийством. Остальные армейские комиссары 2 ранга — М. П. Амелин, Л. Н. Аронштам, А. С. Булин, Г. И. Векличев, Г. И. Гугин, Б. М. Иппо, С. Н. Кожевников, М. М. Ланда, А. И. Мезис, Г. С. Окунев, Г. А. Осепян, И. Е. Славин, П. А. Смирнов (в звании армейского комиссара 1 ранга) и А. Л. Шифрес — расстреляны.

1937 год был пиком большого террора НКВД против Красной Армии. Но расправа с военными кадрами продолжалась и в последующие годы. Смерть грозила и тем, кто в грозные годы Великой Отечественной стали командующими фронтами. К. К. Рокоссовский сидел в тюрьме. К. А. Мерецкова неоднократно вызывали в НКВД и вскоре после начала войны арестовали. Сгушались было тучи и над Г. К. Жуковым: он сумел отбиться, направив телеграмму в адрес Ворошилова и Сталина. Неоднократно поступали «сигналы» на И. С. Конева. 19 июля 1938 г. Ворошилову была представлена справка (за подписью старшего лейтенанта госбезопасности Волхонского): «Малиновский Родион Яковлевич — пом. начштаба армейской инспекции БВО. В период империалистической войны был в плену во Франции, откуда возвратился в 1919 г... Имел тесную связь с участниками антисоветского военного заговора»³². На волоске висела и судьба И. Х. Баграмяна. Был заготовлен и мог быть в любую минуту пущен в ход «компромат» на И. Р. Апанасенко, П. И. Батова, М. А. Рейтера, В. Д. Соколовского, М. С. Хозина, А. В. Хрулева и многих других высших командиров РККА.

С переходом к политике большого террора в особых отделах все больше насаждались и закреплялись «кадры», готовые любыми путями и средствами добиваться от арестованных «признания» своей вины и во чтобы то ни стало «доказать» руководству наличие контрреволюционного военного заговора. 12 сентября 1939 г. бывший военный комиссар 4-го кавкорпуса дивизионный комиссар Л. И. Бочаров в жалобе на имя Ворошилова пишет, что следователь особого отдела Центра лейтенант госбезопасности Леонов заявил ему: «Мы все равно докажем товарищу Сталину и Ворошилову, что ты сволочь»³³. 13 января 1940 г. бывший комкор С. Н. Богомяков пишет Ворошилову из тюрьмы: «Проводивший следствие капитан госбезопасности Хорошилкин заявил мне, что я все равно буду расстрелян, поэтому от меня нужны показания, а не сознание, «ибо нас совершенно не интересует, виноваты вы или нет»³⁴.

Приемы добывания «признательных» показаний были весьма разнообразны. 20 сентября 1939 г. бывший начальник Военно-транспортной академии комкор С. А. Пугачев пишет Ворошилову из Бутырской тюрьмы: «С первых же шагов следствия мне было сказано, что... народ и партия требуют от меня признания, что это признание меня полумертвого заставят написать моею собственной рукой, что здесь (в тюрьме) со мной могут сделать все, что угодно и никто за это не будет отвечать»³⁵.

Заключенных шантажировали тем, что они изблечены добровольными признаниями сослуживцев. Характерно в этом плане следствие по делу первого заместителя наркома обороны СССР командарма 1 ранга И. Ф. Федыко. 27 июля 1938 г. особыты Федоров, Агас и Шнайдер на допросе сразу же заявили ему: «Предлагаем приступить к показаниям о преступлениях, совершенных Вами против Советской власти». В ответ Федыко сказал: «Мне нечего показывать, так как никаких преступлений я не совершил. Я — не враг, а честный командир Красной Армии. Все показания против меня — оговор». Тогда особыты прибегли к очным ставкам с бывшими его сослуживцами, уже сломленными в застенках НКВД. На очной ставке с бывшим первым заместителем наркома обороны Маршалом Советского Союза А. И. Егоровым, показавшим, что Федыко — заговорщик, тот заявил: «Нет, категорически отрицаю». Далее следуют очные ставки с пятью другими бывшими высокими командирами, также оговорившими Федыко. Все их показания он отвергает, упорно отстаивая свою честь. И вдруг, перед очередной, седьмой очной ставкой Федыко оговаривает сам себя: «Достаточно, я прошу мне очных ставок больше не устраивать. Я преступник перед Советской властью и дам следствию правдивые показания... Я являюсь активным участником антисоветского фашистского заговора в армии с 1932 г.»³⁶. Впрочем вполне возможно, что цитируемый выше протокол тоже фальсифицирован, хотя он заверен печатью НКВД, но подписи Федыко под ним нет.

Одним из приемов следствия были лживые обещания облегчить положение арестованного, добиться смягчения приговора в случае признания им своей вины. Подсаживали в камеры сексотов, «стукачей». Стряпали дело из показаний уже уничтоженных людей. Упомянувшийся ранее Бочаров на основе представленных сотрудниками особого отдела показаний был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 5 апреля 1939 г. к высшей мере наказания (ВМН), позднее замененной 20 годами тюрьмы. Затем дело было передано на следствие, в ходе которого выяснилось, что семь обвиняемых давали на Бочарова показания «со слов других участников заговора». Провести же очную ставку (а ее требовал Бочаров) с арестованными, изблечающими его, оказалось невозможно ввиду того, что «все они осуждены к ВМН — расстрелу и приговор приведен в исполнение»³⁷.

Широчайшим образом использовалось запугивание. В письме Мехлису командир дивизиона 41-го арtpолка (СКВО) капитан Д. Н. Нешин сообщает, как ему, арестованному в ночь на 20 июня 1937 г., оперуполномоченный особого отдела по полку Башкиров говорил: «Бандюга, все равно получишь 11 лет» (то есть расстрел, ибо тогда предельный срок тюремного заключения определялся в 10 лет). В октябре Нешина предупредили, что ночью он будет расстрелян с составлением протокола «при попытке к бегству»³⁸. По ночам содрогались от криков и стонов избиваемых и уродуемых в «тюрподах» (тюремных подвалах). А в одной из белорусских тюрем для устрашения использовали даже «наглядное пособие» — беспощадно изуродованного человека показывали каждому новому арестованному³⁹.

Не менее страшной для подследственного была угроза ареста, избиения и даже уничтожения его родных. 16 октября 1939 г. из Бутырской тюрьмы пишет Ворошилову бывший член Военного совета Тихо-

океанского флота дивизионный комиссар Я. Ф. Волков: «Одним из решающих условий следствием было поставлено, что если я не буду писать показаний, будет арестована жена, к ней в моем присутствии будут применены те же методы следствия, дети будут уничтожены (дочь 16 лет, сын 12 лет), с запиской проклятия отцу, как не желающему разоружиться врагу и изменнику народа, в отношении братьев, сестер и матерей последуют репрессии»⁴⁰.

Еще более омерзительным был метод унижения арестованных. Побывавший в застенках комиссар 84-й стрелковой дивизии полковой комиссар П. П. Любцев писал Ворошилову о действиях особистов: «Стремилась окончательно убить морально и выбить всякое человеческое достоинство. Когда я пытался говорить, почему они так поступают, разве это следствие, ведь я военный комиссар, то Мерцалов отвечал: «А как же с тобой поступать, ты теперь не комиссар, а г..., если захочу, будешь у меня ж... целовать, держась за штаны следователя, от нас все зависит»⁴¹.

На то, чтобы сломить волю подсудимых, были рассчитаны и условия их содержания. В марте 1939 г. в письме на имя Сталина старший лейтенант С. Б. Торговский рассказывал: «Камера была маленькая, в которой сидело по расчетам устройства только 12 человек, а нас согнали как баранов 90 человек, повернуться было трудно, люди падали в обморок, теряли зрение, цинга разрушала организм, и зубы выпадали... В камере люди сидели в чем мать родила... Люди рады были содрать с себя кожу, лишь бы легче было бы». И далее он также писал: «Сидя весь месяц май (1938 г.) я видел, как во время оправки часовые и конвоиры били людей прикладами, толкали людей прямо в испраженные места и люди пачкались, иначе, с людьми обращались очень зверски, чего я не ожидал и никогда не думал. Кормили, конечно, хуже, чем самый захудалый хозяин свою собаку»⁴². В апреле 1939 г. начальник школы партактива старший политрук А. Я. Крумин обращался к «старшим партийным товарищам» Сталину и Мехлису: «38 дней я находился в камере пыток. Раз в день давали суп без ложек, два раза пусkali в уборную... опрaвлялись в кальсоны, портянки, шапку, галоши... В баню не пусkali месяцами»⁴³.

Следовательский «конвейер», допросы ночью, лишение сна, применение слепящего света, многочасовая и даже многодневная «стойка» и т. д. и т. п. — все эти методы были рассчитаны на то, чтобы сломить волю допрашиваемых. Майор Е. Г. Кулик в декабре 1939 г. писал Ворошилову, что применялись такие меры, как сидение задним проходом на кончике стула до крови, до потери сознания, и такое издевательство, как плевки в рот⁴⁴.

В стране царило узаконенное беззаконие, вершиной которого было данное Сталиным уже в 1937 г. официальное разрешение избиения и пыток подсудимых. 10 января 1939 г. Сталин снова направил секретарям обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий, наркомам внутренних дел, начальникам управлений НКВД шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б) ... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»⁴⁵. Через десять дней, 20 января 1939 г., на места направляется дополнительное шифрованное предписание: «ЦК ВКП(б) доводит до сведения, что применение метода физического давления, который используется НКВД, было разрешено с 1937 года на основе согласия центральных комитетов коммунистических партий (большевиков) всех республик»⁴⁶.

В процессе изучения дела Тухачевского на отдельных листах его были обнаружены пятна бурокоричневого цвета. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. по этому поводу говорится: «В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом»⁴⁷. Один из следователей НКВД, Головлев, занимавшийся «делом Блюхера», показал в 1955 г.: «Блюхера я видел дважды, 5 и 6 ноября. Он был невероятно сильно избит. Все лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим. Допрашивал его Иванов с участием Берии... Я спросил у Иванова, будучи поражен видом Блюхера, — было такое впечатление будто он попал под танк: «Что это значит?..» Иванов мне ответил: «Ему здорово попало»⁴⁸. Маршал был забит до смерти и скончался в мучениях 9 ноября 1938 года. Так обращались в застенках НКВД с Маршалами Советского Союза, еще не лишенными своего самого высшего тогда военного звания.

Упомянутый выше Нешин, вырвавшийся из застенков и решивший несмотря ни на что бороться за справедливость дела, за которое в гражданскую войну отдал жизнь его отец и два старших брата, сумел пробиться к Мехлису и по предложению последнего описал, как ему устраивали «джаз»: «Человек 18—20 работников НКВД меня поставили в круг, начали кричать «сознавайся, сволочь, бандит» и начали толкать и бить кулаками и ногами. Повторяли неоднократно... Что я видел собственными глазами? Били поголовно всех, стояли в положении «смирно» все поголовно... некоторые вскоре умирали... красноармеец 122 сп Терещенко умер вскоре, его били сильно о стену спиной... В кабинет следователя комендант тюрпода Глебов приводил цепную собаку, овчарку — натравливать на арестованных, упорно сопротивля-

ющихся следствию»⁴⁹. Мехлис переслал Сталину доклад Нешина с припиской, что, по его мнению, этот капитан заслуживает доверия.

Бывший политрук полковой школы 63-го кавполка Л. И. Невзоров писал Мехлису 8 мая 1939 г.: «Я видел массу людей, избитых до неузнаваемости в общей бане, а также по камере... слышал душераздирающие крики мужчин, а также женщин... Я испытал на себе: составили сами следователи и написали собственноручно контрреволюционное дело, и требовали, чтобы я подписал — я категорически отказался. Меня вдвоем Лазарев и Афанасьев раздели, посадили на стул и били до тех пор, пока я потерял сознание, один бил ремнем, медной пряжкой, а второй — нагайкой с металлическим наконечником»⁵⁰.

По мере расширения «фронта борьбы с антисоветским военным заговором» роль особых отделов в жизни армии все более возрастала. Будучи совершенно независимыми от НКВД, работники особых отделов и по существующим инструкциям и по все более укоренявшейся практике стали присваивать себе права всемогущих контролеров и вершителей судеб не только по отношению к «подозрительным», а тем более попавшим к ним в руки военнослужащим, но и ко всему личному составу РККА. Особисты писали докладные записки не только об обнаруженных ими антисоветских высказываниях, но и о качестве проведения политзанятий в полку или методологическом уровне лекций по основам марксизма-ленинизма в военной академии, о «непорядках» в работе ее Ученого совета и слабых сторонах деятельности Центрального театра Красной Армии и т. д. и т. п.

На «спецпроверку» в особые отделы уже сами политорганы посылали и списки курсантов военно-политических училищ, и командиров и политработников, избранных в состав парткомиссий, список кандидатов в депутаты Верховных Советов союзных республик, выдвинутых Военными советами и политуправлениями военных округов, и даже список депутатов Верховного Совета РСФСР, уже избранных в 1938 г. от воинских частей. С 1938 г. управление по начсоставу и Политуправление РККА практиковали систему массовой проверки военнослужащих через особые отделы, запрашивались имеющиеся в распоряжении НКВД компрометирующие материалы даже на такие категории военнослужащих, как политруки, курсанты, секретари первичных партийных организаций, лица, подлежащие приему в члены ВКП(б).

В управлении начсостава и Политуправления РККА скопилось большое количество сообщений НКВД, по которым были заведены специальные картотеки на десятки тысяч человек. Даже Ежов высказал Ворошилову недоумение по поводу такого количества запросов. Тогда нарком обороны вдруг «прозрел» и 28 сентября 1938 г. оценил систему массовой проверки командиров и политработников через органы как «безобразную», «результат огульного недоверия», категорически запретил массовые запросы в НКВД о проверке людей и приказал ликвидировать заведенные в УНС и ПУ РККА картотеки по материалам Наркомвнудела⁵¹. Несмотря на эту директиву в войсках продолжалась практика массовой проверки через особые отделы кадрового состава армии и вольнонаемных. По-прежнему проверялись красноармейцы, курсанты, сверхсрочники, средний и младший командный состав. И все лица, проверяемые командованием, до получения соответствующего ответа от особорганов не допускались к работе.

В целях наведения порядка в этом деле 28 августа 1939 г. был подписан совместный приказ НКВД и НКВД «Об упорядочении проверки военнослужащих и вольнонаемных, проводимой через особые отделы НКВД». Приказ предписывал под личную ответственность командиров, начальников и военкомов частей, учреждений и заведений РККА прекратить массовую проверку через особорганы кадрового состава армии и вольнонаемных. Такая проверка сохранялась лишь для номенклатурных работников, утверждаемых в должностях ЦК ВКП(б), а также для командного состава и вольнонаемных, выделяемых для выполнения правительственных заданий, допускаемых к шифровой, мобилизационной работе, секретной переписке и т. п.⁵².

В годы ежовщины в застенки НКВД попали многие тысячи командиров и политработников РККА. Хватка у особистов была мертвая, даже когда речь шла о лицах, которым покровительствовал нарком обороны. В Генштабе РККА служил комбриг, член ВКП(б) с 1917 г. К. И. Соколов-Страхов. Он ведал военно-исторической службой. Поскольку он был женат на племяннице бывшего шефа жандармов Курлова, а в разговорах был недостаточно осторожен, особый отдел НКВД СССР неоднократно ставил перед Ворошиловым вопрос о получении санкции на его арест. Находя причины для этого недостаточно основательными, Ворошилов дважды отказал в такой санкции. Несмотря на это, в августе 1936 г. НКВД снова обращается к наркому обороны. В ответ он предлагает вопрос о Соколове-Страхове разобрать в партийном порядке. Тогда сотрудники Особого отдела подключают к делу начальника секретно-политического отдела (СПО) НКВД СССР комиссара госбезопасности 2 ранга Г. А. Молчанова. Последний обращается с рапортом к Ежову: «СПО считает, что он (Соколов-Страхов. — О. С.) является в партии двурушником, ведет контрреволюционную пропаганду и будучи на свободе представляет безусловную опасность как затаенный злобный враг»⁵³. На рапорте появляется резолюция: «т. Гамарнику. Считаю необходимым арестовать. Просьба дать согласие. Ежов. 22/XI.36»⁵⁴. На присланном Ежовым отношении сохранилась пометка начальника Политуправления РККА: «Нарком дал т. Ежову согласие. Гамарник. 7/1.37 г.»⁵⁵. И начальник военно-исторической службы РККА бесследно сгинул.

Еще более угодлив Ворошилов перед сменившим Ежова на посту наркома внутренних дел СССР

Берией. 19 января 1939 г. маршал обращается к Берии с просьбой: «Дорогой Лаврентий Павлович! Очень прошу Вас приказать передпросить бывшего моего секретаря Петухова... Мне все время кажется это дело темным, тем паче, что все мои попытки получить копию протокола допроса Петухова остались безуспешными. Прошу не отказать в просьбе. Привет. К. Ворошилов». А вот ответ, посланный через 8 дней Берией: «НКО. Маршалу Советского Союза т. Ворошилову К. Е. Материал следствия в отношении арестованного, бывшего для особо важных поручений при наркоме обороны, корпусного комиссара Петухова Ивана Павловича нами перепроверяется. Результаты сообщу дополнительно. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия»⁵⁶. Об ознакомлении наркома обороны члена Политбюро ЦК ВКП(б) с копией протокола допроса, с доказательствами обвинений против его ближайшего помощника в ответе нет и речи. И вообще сразу видно «кто есть кто» во взаимоотношениях НКО и НКВД.

Стоит ли удивляться тому, что в апреле 1939 г. Военный совет МВО официально докладывал о таком факте: «Установлено, что по существу все время командовали бригадой (14-я мотомехбригада. — О. С.) Фирсов и Горбунов, то есть Особый отдел»⁵⁷. Даже Берия был вынужден признать в феврале 1939 г., что сотрудниками особых отделов Белорусского военного округа «огульно ко всем арестованным применялись незаконные методы физического воздействия. В отдельных случаях меры физического воздействия приводили к смерти арестованных. Между отдельными работниками особорганов было организовано «соревнование» на количество арестов и получение признаний арестованных»⁵⁸.

Для упорядочения взаимоотношений между двумя наркоматами был подписан совместный приказ НКО и НКВД от 13 января 1939 г. «О работе особых отделов НКВД». Устанавливалось, что аресты рядового и младшего начальствующего состава особые отделы НКВД военных округов (армий) согласовывают с военными советами округов, а аресты среднего, старшего и высшего командного состава согласовываются Особым отделом НКВД с народным комиссаром обороны. Закреплялся принцип согласования с наркомом обороны при назначении начальника Особого отдела ГУТБ НКВД СССР и начальников особых отделов военных округов, армий, корпусов, дивизий и бригад, а с военными советами округов — назначения оперативных уполномоченных особого отдела при полках, военно-учебных заведениях и складах. Начальникам особых отделов вменялось в обязанность своевременно и исчерпывающе информировать наркома обороны, военные советы округов, соответствующих командиров и комиссаров «о всех недочетах в состоянии РККА и обо всех проявлениях вражеской работы, а также о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих, особенно на начальствующий состав»⁵⁹.

Лишь в начале 1941 г. приказом НКО вместо Особого отдела ГУТБ НКВД СССР было создано 3-е управление НКО с соответствующими отделами в военных округах, перед которыми была поставлена задача вскрытия и пресечения подрывных действий разведок империалистических государств, а также других антисоветских, контрреволюционных проявлений в армии. Но теперь эти органы уже не стояли (как было прежде, когда они находились в ведении НКВД) над армией. Однако сотрудники этого управления оставались на исключительном положении и по-прежнему никому в армии подчиняться не собирались, признавая разве что наркома обороны. Всякое не то что порицание, но даже самое робкое сомнение насчет деятельности особых отделов квалифицировалось как антисоветская вылазка, как «клевета на НКВД» («органы не ошибаются») и беспощадно каралось.

Примечания

1. См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 43.
2. Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 9, оп. 29, д. 26, л. 397.
3. Там же, д. 320, л. 168; Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 43.
4. ЦГАСА, ф. 4, оп. 15, д. 1, л. 38.
5. Там же, л. 38 об.
6. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 12, л. 263.
7. Там же, ф. 4, оп. 15, д. 6, л. 22.
8. Там же, ф. 9, оп. 36, д. 1422, л. 81.
9. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1043, л. 233.
10. Там же, ф. 4, оп. 15, д. 6, л. 22 об. До введения персональных военных званий (22 сентября 1935 г.) командный состав РККА различался по категориям в зависимости от занимаемых должностей. К 5-й категории относилась должность командира роты.
11. Там же, л. 32 об.
12. См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 42—80.
13. В апреле 1937 г. у арестованного Ягоды добивались показаний «на военных». Но он заявил: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался» (там же, с. 46).

14. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1022, лл. 267, 279, 281, автографы.
15. Там же, ф. 9, оп. 36, д. 2376, л. 28.
16. См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 47.
17. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 974, лл. 1—261, автографы.
18. Там же, ф. 9, оп. 29, д. 340.
19. Цит по: Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 53.
20. Из приказа явствует, что по крайней мере до 7 июня намечалось привлечь к суду и начальника штаба ОКДВА комкора М. В. Сангурского. Но на процессе 11 июня 1937 г. он по неизвестным причинам не фигурировал. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован посмертно.
21. ЦГАСА, ф. 4, оп. 15, д. 13, л. 187 об.
22. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. — Вопросы истории, 1990, № 7, с. 104.
23. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1023, лл. 22, 24, 26, автограф.
24. Партийно-политическая работа в РККА, 1938, № 4, с. 15.
25. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1025, л. 45.
26. Красная звезда, 6.XI.1988.
27. ЦГАСА, ф. 9, оп. 41, дд. 7, 11, 16; оп. 39, дд. 76, 79, 82, 83 и др.
28. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 947, л. 18.
29. Там же, л. 91.
30. САМСОНОВ А. М. Знать и помнить. М. 1988, с. 316.
31. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 80; Коммунист Вооруженных Сил, 1989, № 12, с. 80.
32. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1203, л. 121.
33. Там же, д. 1253, л. 219.
34. Там же, д. 1255, л. 7.
35. Там же, д. 1253, л. 91.
36. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 62, лл. 1—23.
37. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1194, лл. 54, 56.
38. Там же, ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 289.
39. Там же, д. 429, л. 264.
40. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1255, л. 109.
41. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 72, л. 227. Мерцалов — заместитель начальника особого отдела 84-й стрелковой дивизии.
42. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1254, лл. 197, 196.
43. Там же, ф. 9, оп. 29, д. 429, лл. 261, 262.
44. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1255, л. 167.
45. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду КПСС. — Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 145.
46. Иного не дано. М. 1988, с. 561—562.
47. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 50.
48. Цит. по: ВИКТОРОВ Б. А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М. 1990, с. 248—249.
49. ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 410, лл. 286, 290, 292.
50. Там же, д. 472, л. 71.
51. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 48, лл. 86, 87.
52. Там же, ф. 4, оп. 15, д. 22, л. 216.
53. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 29, л. 2.
54. Там же, л. 1, автограф.
55. Там же.
56. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1187, лл. 16, 17.
57. Там же, ф. 9, оп. 39, д. 79, л. 21.
58. Там же, д. 83, л. 383.
59. Там же, ф. 4, оп. 15, д. 21, л. 3 об.

Фелипе Гонсалес

В. В. Кулешова

Лидер испанских социалистов Фелипе Гонсалес — одна из самых ярких и привлекательных политических фигур на Западе. Он проделал стремительную карьеру — от руководителя небольшой политической партии, в успех которой верили лишь единицы, до главы кабинета министров Испании.

Что же лежит в основе столь яркого восхождения и столь уверенного успеха? Одни полагают, что Гонсалес вполне закономерно поднялся на политический Олимп, ибо сумел выразить с наибольшей силой и адекватностью объективные тенденции общественного развития в процессе перехода испанского общества от авторитаризма к демократии. Другие исходят из личных качеств Гонсалеса, и именно в честолюбии и властолюбии лидера социалистов видят основу его политического успеха.

При оценке такой сложной политической личности, как Гонсалес, следует особо помнить о том «историческом времени», которое она объективно отразила. На крутом изломе истории испанское общество жило в двух временных измерениях: в «эпоху» франкистской диктатуры до смерти Франко в ноябре 1975 г. и в период демократических перемен, стабилизации и развития парламентской системы. Смена систем ценностей, изживание «франкистского» наследия из жизни, экономики, общественного сознания, утверждение демократических установок в обществе оказались чрезвычайно трудным, противоречивым, болезненным процессом, который затронул все слои общества. В судьбе и политической деятельности Гонсалеса можно видеть многие особенности этого движения к демократии.

Франкизм последнего периода, вынужденный приспособляться к послевоенной Европе, пережил сложную эволюцию¹. Политика модернизации, проводимая правящей элитой с начала 60-х годов, способствовала глубокой трансформации общества: в короткий срок из отсталой, преимущественно аграрной страны Испания превратилась в развитую индустриально-аграрную, выйдя уже в 1972 г. по размерам валового внутреннего продукта (ВВП) на 5 место в Западной Европе и на 8 в капиталистическом мире². В годы экономического «бума» значительно выросли доходы населения (с 517 в 1960 г. до 1360 долл. в 1975, в ценах 1970 г.)³.

Однако, проводя модернизацию в консервативном ключе, диктатура значительную часть средств использовала для закрепления системы широких корпоративно-партийных привилегий, по существу, оплачивающих лояльность партийных, профсоюзных функционеров, государственных чиновников и сановников, тем самым тормозя процесс того относительного выравнивания доходов среднего класса, который характерен для других стран. В Испании сохранялось значительное социальное неравенство (на долю 10% высокообеспеченных семейств приходилось 30% доходов, в то время как 60% наименее обеспеченных получали всего 25%⁴). Особенно ощутимым было отставание в уровне жизни (вдвое ниже средневропейского), качестве социальных систем — здравоохранения, образования, социального обеспечения.

Кулешова Вера Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

Быстрая социально-экономическая перестройка сопровождалась «размыванием» «базовых» стереотипов поведения, вытеснением традиционной крестьянской культуры, тесно спаянной с религией. Активизация экономических связей с Европой, рост туристского потока в Испанию (6 млн. в 1960 г. и 35 млн. в 1965 г.), испанская эмиграция в страны Западной Европы способствовали скорому усвоению европейских стандартов и норм жизни, секуляризации общественного сознания. В сопоставлении с нормами демократии и прогресса современный испанец стал оценивать собственную жизнь и «достижения» режима. Смотрясь в «европейское зеркало», испанец смог увидеть всю убогость мифов и доктрин диктатуры о якобы особых свойствах испанской нации и особом ее пути, отрицающем демократию и либерализм как чуждые «испанскому духу»⁵.

Конфликт между низовой, стихийной, идущей от новой реальности социализацией и теми установками, которые франкизм «сверху» целенаправленно продолжал навязывать обществу, создавал ту базовую напряженность, которая способствовала демократизации массового сознания, развитию оппозиционного движения. Неприятие диктатуры стало характерным для значительной части населения, особенно крупных городов. В демократическое движение включались новые поколения испанцев, которые родились после окончания гражданской войны и никакого режима, кроме франкистского, не знали.

Как показывали опросы общественного мнения, на «выходе из франкизма» только 15% населения идентифицировали себя с режимом, считая франкистские порядки и самыми «здоровыми» и «самыми нормальными». Около трети (25—30%) считали себя приверженцами демократии, однако половина (50%) продолжала сохранять лояльность диктатуре при достаточно критическом к ней отношении⁶. Последняя цифра свидетельствует о том, что такие укоренившиеся черты «авторитарного комплекса», как политическая пассивность, индифферентность, боязнь радикальных перемен, вносили в ориентации масс значительный элемент умеренности. Память о гражданской войне и диктатуре заставляла большинство испанцев опасаться повторения столь страшного опыта и ориентироваться на мирные формы перехода к демократии, на буржуазно-реформистские установки ее западноевропейской модели, которая в сознании большинства становилась альтернативой франкизму.

Политические свободы, плюрализм, парламент, свободные профсоюзы, выборы, обеспечивающие волеизъявление народа, — вот ценности, противопоставляемые демократическим движением практике «реального франкизма». На последнем его этапе в условиях ослабления основных «центров силы» режима в стране существовали тысячи групп, партий, ассоциаций, которые под разными идеологическими знаменами (социализм, христианская демократия, коммунизм, анархизм и др.) вели поиск путей будущего развития страны⁷. Участие в деятельности любой нелегальной организации в те годы было сопряжено не только с отказом от многих возможностей «продвижения», предоставляемых при «лояльном отношении» к режиму, но и со значительной долей риска — ибо режим оставался и антидемократическим, и репрессивным к любому радикальному «инакомыслию». Такой выбор требовал немалого мужества.

Фелипе Гонсалес Маркес, как и многие его сверстники, такой выбор сделал. Второй из четырех детей скромной четы Гонсалесов, он родился 5 марта 1942 г. на юге Испании, в Севилье. В трудные и голодные годы после гражданской войны родители держали небольшую ферму. В атмосфере дружной трудовой семьи сформировались многие черты и привычки Фелипе — трудолюбие, организованность, единство дела и слова, уверенность в том, что только собственные усилия, труд могут принести успех, моральное удовлетворение. Родители Фелипе были далеки от политики, хотя в годы республики его отец симпатизировал социалистам и даже возглавлял в одном из небольших городков Испании просветительскую организацию социалистов — Народный дом.

В колледже и средней школе, где он учился с 1948 по 1959 г., Гонсалес не был ни среди первых учеников, ни в числе отстающих: занимался только в классе, ни дома, ни на досуге не дотрагивался до учебников. Общительный, веселый, жизнерадостный, любознательный, он сразу приобрел много друзей. В первые годы учебы его страстью был футбол. Читал он мало, но после того, как в 13 лет заболел астмой (приступы которой особенно остро проявлялись весной, когда начинали цвести альпийские деревья), он открыл для себя мир книг, читая заповсем, что попадалось на глаза. Именно книги, пробудив огромный интерес Фелипе к истории и жизни общества, оказали влияние на выбор профессии. В 1960 г. он поступает на юридический факультет Севильского университета, хотя родители советовали сыну выбрать более престижную и, по их понятиям, более надежную профессию инженера.

В университете в первой половине 60-х годов особенно рельефно проявились процессы либерализации, пробуждения гражданского общества. Студенты обсуждали новейшие романы Х. Гойтисоло, Х. М. Кастельета, А. М. Матуте, А. Гроссо и других представителей «объективной прозы», осмелившихся рассказать правду о современном испанском обществе, обменивались информацией и нелегальной литературой (в том числе произведениями Маркса, Ленина и др.), которая попадала в страну, знакомились с новинками западной литературы (Ж. П. Сартр, А. Камю, Б. Брехт), с трудами З. Фрейда, философов Франкфуртской школы, а также с испанской литературой 30-х годов, возвращаемой после десятилетия запрета (А. Мачадо, М. Эрнандес, Ф. Гарсиа Лорка и др.). В этой атмосфере рождалась общность восприятия жизни и мира, дружба, которая объединила тесными узами многих студентов той поры.

В университете Фелипе знакомится и со своей будущей женой (поженятся они в 1969 г.), студенткой филологического факультета, активной участницей феминистского движения Кармен Ромеро. Социалистическую ячейку молодежи возглавлял тогда Альфонсо Герра, заводила, интеллеktуал, режиссер и вдохновитель студенческого театра. В эту ячейку в разное время вступили Л. Янес, Г. Галеоте и другие студенты. Гонсалес присоединился к ним в 1962 г. после недолгого пребывания в одной из организаций левых католиков⁸. Объясняя вносиледистви свой выбор, он не раз отмечал, что предлагаемая социалистами альтернатива диктатуре и капитализму была сформулирована в рамках партии, обладающей внутренней демократией, и этот фактор был чрезвычайно важным при принятии им политического решения⁹.

Герра становится ближайшим другом Гонсалеса. Столь разные по природе — категоричный, нетерпеливый, жесткий Герра, снисходительный, настроенный на диалог Гонсалес — они поражали всех единством, абсолютной внутренней синхронностью своей реакции, особенно когда выступали в весьма популярной в Испании форме — чтении лекции вдвоем, когда мысль, высказанную одним, без паузы должен продолжить другой. Объединенная общими задачами «севильская команда» с середины 60-х годов становится важным действующим звеном Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Молодые социалисты используют все легальные возможности для расширения своего влияния; тогда же они организуют Демократическую ассоциацию студентов, которая пытается противостоять фалангистскому студенческому профсоюзу и объединяет в своих рядах всю левую молодежь независимо от идеологических симпатий.

Большое влияние на мировоззрение Гонсалеса, на оценку им испанской ситуации и перспектив борьбы с франкизмом оказала стажировка в католическом университете г. Лувена в 1964—1965 годах. Почти все время он проводил в Свободном университете бельгийской столицы, слушая лекции известных французских социологов А. Турена, М. Дюверже, углубленно изучая проблемы авторитаризма и демократии. Он приспосабливается и к образу жизни чужой страны, и его поражает на этом фоне демократии, свобод и процветания эгоизм, «замкнутость на себя», глубокое равнодушие большинства к судьбам других (особенно эмигрантов, в том числе испанских). Не закончив стажировки, он возвращается в Севилью¹⁰.

В Андалусии Гонсалес с удвоенной энергией погружается в партийную жизнь. Он и его друзья прилагают огромные усилия для объединения всех социалистических ячеек. Профессия юриста (а в 1968 г. Гонсалес организует в Севилье юридическую консультацию по трудовым конфликтам, которая своими выигранными в пользу рабочих делами становится широко известной) позволяет свободно разъезжать по стране, что помогает наладить контакты с социалистическими секциями Бискайи, Астурии, а позже и Мадрида. Председатель ИСРП, 72-летний рабочий-металлист Рамон Рубиаль, вспоминая первую встречу с Гонсалесом в 60-е годы, писал, что он сразу понял — перед ним «личность редкой ясности ума, со знанием партии, ее истории и жизни, с искренним стремлением служить ей с энтузиазмом»¹¹.

Не простым оказалось сотрудничество различных поколений в рамках партии: «старики», прошедшие подполье в 40—50-е годы и в большей степени сохранившие преемственность с радикальной левой политической культурой 30-х годов (особенно в мадридской секции, возглавляемой известным юристом и теоретиком ИСРП Пабло Кастельяно), с определенной настороженностью восприняли активность и деловитость севильцев, претендующих на ведущую роль в ИСРП. Общее руководство партии, ее генеральный секретарь, в прошлом видный деятель Второй республики Р. Льопис, находились во Франции. Они отказывались от сотрудничества с коммунистами, что ставило ИСРП в достаточно сложную ситуацию, ибо КПИ и демокристская Левая демократия занимали ведущее место в демократической оппозиции.

Севильская группа (в 1970 г. Гонсалеса избирают в состав Исполнительной комиссии ИСРП), ставя вопрос о необходимости проведения более активной политики, выступает с критикой руководства, оторвавшегося от общества и от оппозиции в целом. И хотя в этот период достаточно сложно складываются отношения между ними и мадридской секцией, «севильцы» и Гонсалес, получив поддержку основных групп «внутренней» ИСРП, идут на открытый конфликт с руководством партии на XII и XIII съездах ИСРП, проходивших во Франции. На XIII съезде в Сюрене в 1974 г. получает одобрение линия на союз со всеми силами антифранкистской оппозиции, на осуществление сформировавшейся в недрах оппозиции установки на «демократический разрыв» с франкизмом, а 32-летний Гонсалес избирается генеральным секретарем ИСРП.

Именно с этого момента начинается активная перестройка партии, поиски и реализация нового политического курса, который смог бы обеспечить «отстающей» на том этапе партии важные политические позиции при подходе к переломному историческому рубежу. Партия, считает Гонсалес, должна действовать на «опережение событий», научиться управлять ими и тем самым активизировать процесс демократизации¹².

В «большую политику» Гонсалес вошел сложившимся лидером, прошедшим в условиях франкизма трудную школу борьбы, с вполне определенными взглядами как на общие проблемы современного этапа общественного развития, так и на проблемы перехода Испании от авторитаризма к демократии, с достаточно четко обозначенными приоритетами и целями. Разделяя все положения программы ИСРП о необходимости борьбы за социалистическое будущее Испании, рассматривая ИСРП как рабочую марксист-

скую партию, которая с позиций классовой борьбы призвала выступать за интересы трудящихся, за создание социально справедливого общества, Гонсалес особо подчеркивал значение борьбы за демократию, самого демократического этапа для развития рабочего и социалистического движения. В этот период в его политической мысли присутствует и антикапиталистический компонент, но «антибуржуазность ИСРП носила сугубо абстрактный и книжно-догматический характер»¹³.

В его видении гуманного демократического социализма демократия и социализм по существу слиты. «Можно сказать, что социализм есть развитие демократии до крайних пределов — в политическом, социально-экономическом, социально-культурном аспектах»¹⁴, — писал он в популярной книге в первые годы после франкизма. «Социалистическое, самоуправляющееся общество, за которое борются ИСРП и все настоящие социалисты, может быть завоевано только в ходе упорной и последовательной борьбы трудящихся классов и всего народа, добывающихся с каждым разом все больших уровней свободы, больших уровней демократии, равенства, солидарности. В этой борьбе заложены основы глубокой трансформации общества, достижения нового типа отношений между людьми, кардинальным образом отличающегося от современного; все то, что несет этот процесс с собой, можно определить очень кратко — изменение жизни»¹⁵.

Отрицание всех форм авторитаризма, концепция модели социализма, в которой демократия и социализм тесно переплетены, приводят его к мысли о «порочности советской модели», рожденной, по его мнению, в результате «государственного переворота». «Народ в таком обществе перестает быть действующим лицом истории, не имеет политических свобод, и хотя при этом изменяется способ производства, такая модель не воплощает в себе социалистический идеал с социальной и гуманистической точек зрения». Исторический опыт СССР и Китая убеждает, по его словам, «в прямом нарушении и забвении демократии». «В Советском Союзе марксизм превратился в свою антитезу, в свою противоположность. Из критики господствующей идеологии он превратился в господствующую идеологию, идеологию государственную, партийную. Упразднение гражданских свобод определило новую форму гнета, которая состоит в подчинении народа под теоретическим предлогом защиты его интересов»¹⁶.

С точки зрения Гонсалеса, наиболее приемлемой моделью для социалистической партии Испании является деятельность шведской социал-демократии. Шведы доказали свою способность «уважать свободы в процессе поступательного движения к более справедливому обществу. Они, хотя и не изменяют способа производства в современных условиях, но создают достаточно эффективные органы контроля за экономическим развитием общества, достигая наибольшей социальной справедливости»¹⁷. Поскольку такая перспектива выглядела для Испании достаточно удаленной во времени, на первый план выдвигалась борьба за политические свободы, становление и стабилизацию буржуазно-демократической системы с плюрализмом партий и открытым соперничеством их, утверждение, как не раз подчеркивал Гонсалес, «формальных свобод», без которых невозможно никакое «углубление демократии».

Отдавая должное марксистскому методу анализа истории, лидер ИСРП полагал, что современный быстро меняющийся мир требует новых концепций и самостоятельных решений¹⁸.

В одном из своих интервью начала 80-х годов он назвал себя «виталистом», то есть идущим от жизни. «Ничто не изменяется внезапно, ибо существует определенный исторический ритм, который надо уважать, для того чтобы иметь возможность влиять на него»¹⁹. Политическая воля исторического лица, считает он, должна основываться на реальности, но ни в коем случае не должна навязывать этой реальности своего желания, иначе это может превратиться в волюнтаризм²⁰.

Известный деятель оппозиции, лидер Социалистической народной партии (СНП), объединявший университетскую профессуру и молодежь, Э. Тьерно Гальван в первых контактах с Гонсалесом в середине 70-х годов был поражен его умением «отчуждаться» от действительности, видеть вещи как бы нейтрально «сверху», чтобы потом, приняв эту действительность и исходя из ее данных, строить свое политическое действие²¹. Тьерно Гальван назвал это «чувством фатальности» и добавил, что им обладали все великие диктаторы (назвав при этом Гитлера и Наполеона). Это высказывание старого профессора стали часто вспоминать после прихода социалистов к власти.

На последнем этапе франкизма и в новой исторической ситуации после смерти каудильо Гонсалес, пожалуй, как никто другой, проявил себя способным точно учитывать реальное соотношение социально-политических сил (определенную подготовленность и гибкость правящей элиты), сложные и противоречивые характеристики массового сознания, избирать для себя наиболее выгодную позицию, максимально концентрировать силы для достижения собственных целей. Гибкой, расчетливой политикой в 1974—1975 гг. руководство ИСРП сумело добиться на «выходе из франкизма» ведущих позиций внутри демократической оппозиции.

В противовес созданному КПИ в марте 1974 г. Демократическому совету Гонсалес вместе с Левой демократией формирует параллельный «некоммунистический центр» оппозиции — «Демократическое согласие», который своей политикой в интересах самых широких слоев населения обретает поддержку среди оппозиционных франкизму сил. Овладение политической инициативой позволяет Гонсалесу выдвигать

нуться в лидеры оппозиции и представлять ее интересы в переговорах с правительствами монархии уже после смерти Франко.

В соответствии с законом 1969 г. преемником Франко стал Хуан Карлос I, провозглашенный королем Испании 22 ноября 1975 года. Приступив к демократическим преобразованиям, правящие круги считали возможным ступенчатый, контролируемый «сверху» переход к демократической системе, из которой, по их мнению, должны были быть исключены коммунисты. Левые же, выдвинув лозунг «демократического разрыва», путем мобилизации и развития демократического движения стремились добиться реализации всех политических свобод, формирования Временного правительства, которое осуществит подготовку и проведение первых всеобщих выборов.

Соотношение сил, нацеленность массового сознания на мирные формы перехода в конечном счете заставили и оппозицию, и правительства монархии отказаться от первоначальных установок и принять логику компромиссов, а не конфронтации²². Хотя левые не сумели реализовать в полном объеме программу «демократического разрыва» с франкизмом, они добились легализации КПИ. При этом Гонсалес отклонял всякую возможность легализации ИСРП в условиях запрета КПИ, хотя, казалось, социалисты тем самым могли создать себе более выгодное положение по сравнению со своим основным политическим конкурентом в лагере демократической оппозиции. Гонсалес заявил тогда в интервью «Nouvel Observateur»: «Когда правые деятели объясняют нам, будто испанские коммунисты против демократического плюрализма, мы отвечаем им, что они сами уже 40 лет отвергают плюрализм и свободы в нашей стране. Когда коммунисты спрашивают нас, примем ли мы собственную легализацию, если не будет легализована КПИ, мы отвечаем, что не пойдем ни на какой компромисс с правительством и что хотим свободы для всех»²³.

После легализации обеих левых партий (ИСРП в феврале, КПИ в апреле 1977 г.), в условиях подготовки к проведению первых всеобщих парламентских выборов перед левыми остро встали вопросы: какие из партийных программ и лозунгов могут быть поддержаны в условиях открытости и политического плюрализма, какую роль должна взять на себя партия в переходный период становления испанской демократии, кто будет ее политическим союзником, в каких социальных слоях она может найти опору.

Выйдя на поверхность политической жизни, все партии (и ИСРП не была исключением) вынуждены были адаптировать свои идейно-политические установки к тем ценностям, ориентациям, ожиданиям, которыми жил испанский избиратель. Понимая, что радикальный словарь не может быть воспринят всеми общественными слоями, и партия, и Гонсалес стремятся привлечь на свою сторону как радикально настроенных, так и центристских и левоцентристских избирателей. С одной стороны, партия подчеркивала марксистский характер своей деятельности (это подтвердил XXVII съезд партии²⁴, Мадрид, декабрь 1976 г.), нацеленность своей программы на социализм. Гонсалес не устает повторять, что социализм — это длительный и трудный процесс «углубления демократии». С другой — предвыборная программа выдвигает на первый план общедемократические задачи: проведение реформ по демократизации общественно-политической жизни (выступая за создание государства на основах федерализма, республику, если за нее выскажется большинство), модернизацию хозяйственной системы, усовершенствование и улучшение социальных систем государства (здравоохранения, образования и др.), включение Испании в Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС). Отсюда двойственность позиции и терминологии Гонсалеса: словесный радикализм, обращенный к партийной массе, — и умеренность политических действий; марксизм в теории — и прагматизм в политической борьбе, демонстрируемый республиканизм — и контакты с королем.

Испанский избиратель, за 40 лет привыкший к монополии одной партии, к вполне определенному и ограниченному кругу деятелей режима, в условиях многопартийности оказался в сложной ситуации — он с трудом ориентировался в программах более 500 (!) партий и очень часто свои политические позиции определял через личное отношение к лидеру. Выйдя на прямой контакт с обществом, Гонсалес в очень короткий срок сумел внушить доверие, расположить к себе неискушенного, но искренне настроенного на демократию избирателя. Он поразил многих резким различием с привычным обликом политического деятеля — молодой, улыбающийся, демократичный. Социальное происхождение, стиль жизни (вместе с женой и двумя сыновьями живет в скромной квартире в Мадриде), знание Испании привлекли к нему симпатии.

Первые теледебаты, первые массовые выступления показали обществу незаурядность Гонсалеса. Левый журнал писал о нем тогда: «Это характер — не профессионального политика... Ему стоит больших усилий контролировать стихийность собственной природы... Его жизненная сила передается тем, с кем он общается. Публика тотчас поддается его ораторскому искусству: избегать всякого рода теоретизирования, говорить о том, что понятно, и о том, с чем все знакомы... Он сразу устанавливает контакт с людьми; они ему задают вопросы, а он отвечает. Очень часто он прибегает к публицистическим приемам. Его выступления всегда радостны, он умеет смеяться... Использует шутки вполне в андалузском стиле... Его выступления продуманны и хороши по структуре. И самое удивительное свойство Фелипе Гонсалеса — это его способность владеть публикой и повести ее по своему пути»²⁵.

Демократизм общения, знание жизни, живой контакт сделали Гонсалеса «своим» для многих в испанском обществе; «Фелипе» — так несколько фамильярно стала называть его и пресса. И если до выборов его имя было известно лишь политикам, то в ходе предвыборной кампании оно встало в один ряд с именами наиболее известных деятелей, таких, как А. Суарес, С. Каррильо, Х. Руис Хименес, Э. Тьерно Гальван. На первых парламентских выборах 15 июня 1977 г. социалисты получили 5,2 млн., или 29,5% голосов, став после Союза демократического центра (СДЦ) второй партией страны. Это была серьезная победа, для достижения которой ее лидер отдал много сил. ИСРП в то время насчитывала немногим более 50 тыс. человек.

На выборах наибольшее количество голосов (более 6 млн.) и соответственно мест в кортесах (165) получила буржуазно-реформистская коалиция Союз демократического центра, претендующая на «центр», равноудаленный от коммунизма и франкизма. Испанские коммунисты получили 9,2% голосов, испанские правые в лице Народного альянса — 8,3%, СНП, возглавляемая Э. Тьерно Гальваном — 4,5%. Значительное представительство левых сил, отсутствие абсолютного большинства в парламенте, а главное, сложность задач, стоящих перед страной, заставляли СДЦ искать политическую поддержку в левом лагере.

Как известно, испанский переход к демократии совпал по времени с рядом экономических кризисов, которые привели к резкому обострению социально-экономической ситуации, возложив на едва сформировавшуюся партийную систему решение не только задач политической модернизации, но и серьезной экономической и технологической перестройки. Испания поставила цель, как образно заметил известный философ Х. Мариас, «приблизиться не столько к Европе сегодняшнего дня, но к той Европе, которая должна быть. Испания, как охотник, должна поразить цель на лету»²⁶. Общность задач демократической перестройки, и прежде всего создания конституции страны, стабилизации партийно-политической системы, в решении которых были заинтересованы разные социальные слои, создавала достаточно широкую, но вместе с тем не очень прочную возможность диалога и политического компромисса, ибо в условиях кризиса, роста националистических движений и терроризма процессы дифференциации в обществе приобретали новую динамику.

От того, какую позицию займет руководство второй партии страны, во многом зависело развитие политического процесса. Констатируя, что испанский избиратель хочет стабильности и предпочитает иметь синицу в руках, а не журавля в небе, и что за ИСРП проголосовали реформистски настроенные слои трудовой Испании, Гонсалес предложил весьма гибкий политический курс. Он заявил (уже через два дня после выборов), что «партия стала основной альтернативой существующей власти. На муниципальных выборах, которые, мы надеемся, будут проведены в ближайшее время, мы сможем предстать перед страной, возможно, как новое правительство со своей программой и деятельностью». В то же время он подчеркивал, что в испанской ситуации «оппозиция — это часть власти, которая должна выступать от имени тех общественных сил, которые отдали за нее голоса»²⁷. Оппозиционность по отношению к СДЦ и в то же время умеренность, реформизм как доказательство надежности в случае прихода к власти, новые акценты в интерпретации марксизма, а затем и отказ от определения «марксистская» применительно к партии, очень гибкие внешнеполитические контакты — таковы линии политики, принесшей успех социалистам.

Важным было участие лидеров партии в подписании стратегического документа этого этапа, так называемого пакта Монклоа, который зафиксировал переход от конфронтации к диалогу, к поискам решения в «интересах всех», заложил реформистские основы коллективно-договорных отношений между профсоюзами, правительством и Испанской конфедерацией предпринимательских организаций (ИКПО). При переходе к прямым отношениям между профцентрами — Рабочими комиссиями (находившимися под влиянием КПИ), Всеобщим союзом трудящихся (под влиянием ИСРП) — и ИКПО рабочие резко поставили вопрос о «цене перестройки», требуя сохранения рабочих мест, повышения заработной платы, расширения производственной демократии. Предприниматели, со своей стороны, требовали освобождения от пут франкистского социального законодательства и экономической свободы. И профцентры, и ИКПО отвергли проект реформ, предложенный правительством Суареса, в котором виднейшие испанские экономисты попытались совместить политику «справедливого» перераспределения доходов (весьма острую для Испании) с совершенствованием механизмов рыночной экономики и государственного регулирования.

В этот момент много зависело от того, какие позиции займут лидеры КПИ и ИСРП — С. Каррильо и Ф. Гонсалес. После долгих размышлений оба поставили свои подписи под предложенной правительством программой реформ²⁸. Таким образом, под давлением левых партий профцентры были вынуждены принять логику правительства — мириться с жесткой экономией (снижением уровня зарплаты на два пункта ниже уровня инфляции) при условии расширения социальных гарантий²⁹. Необходимость защиты хрупкой испанской демократии, стремление большинства к мирному развитию процесса демократизации (память о гражданской войне становилась важным компонентом этого движения³⁰) стали основными аргументами левых для обоснования такого выбора в пользу политики широких реформ в «духе националь-

ного и социального консенсуса», политики, провозглашенной «пактом Монклоа». Гонсалес заявил, что подобный экономический курс, нацеленный на стимуляцию экономического роста, с неизбежностью «проводила бы и ИСРП в случае прихода к власти, ибо только рост может вывести страну из кризиса и способствовать решению социальных проблем»³¹.

Определенная часть левых сил (в том числе и в рядах КПИ и ИСРП) объявила такую политику компромиссов «попортунизмом» и «ренегатством», и Гонсалес, как и Каррильо, попадает под яростный огонь левой критики. Но для Гонсалеса доказательством жизнеспособности партии является поддержка избирателей, а не верность, как он говорит, схемам и концепциям, выработанным в условиях подполья, далеким от реальности. В мае 1978 г. без предварительного обсуждения в партии он заявляет о необходимости исключить термин «марксистская» из программы партии, аргументируя это тем, что он непонятен широким массам, которые на выборах голосовали за предложенную ИСРП программу, а не за марксизм³². Это было сделано после того, как КПИ на своем IX съезде (апрель 1978 г.) отказалась от определения «ленинская» в рамках той общей эволюции к «центру» политического спектра, которую проделали все партии. Это был рассчитанный и весьма прагматический ход на пути к власти.

Лидер испанских социалистов пытается укрепить свои позиции по всем направлениям одновременно. Тонко и расчетливо играет он на ослабление позиции СДЦ и Суареса и КПИ, подчеркивая, с одной стороны, изначальную недостаточность демократического потенциала СДЦ и политиков, связанных с франкизмом, с другой — выявляя «еврокоммунистический» камуфляж, мимикрию руководства КПИ, продолжающего действовать по авторитарным канонам. В интересах усиления партии, расширения ее влияния на общество после длительных и сложных переговоров проводится включение СНП в состав ИСРП³³.

Гибкость позиции Гонсалеса по вопросам внутренней политики (при обсуждении конституции, реформ по демократизации общества), его широкие внешнеполитические контакты в 1975—1979 гг. (в том числе поездки в 1977 г. в СССР и США), поддержка со стороны Социтерна и Социал-демократической партии Германии (СДПГ) курса в пользу разрядки международной напряженности, развитие добрососедских отношений со всеми странами способствовали росту международного престижа ИСРП и ее лидера. Основные направления внешнеполитической концепции ИСРП — отказ от участия в блоках, который приобрел форму борьбы против включения в НАТО, «европеизм», признание необходимости присоединения к ЕЭС и ориентация на тесные связи со странами третьего мира³⁴ — поддерживаются общественным мнением страны.

Однако всех этих усилий оказалось недостаточно, чтобы на выборах 1979 г., проведенных в соответствии с новой конституцией страны, одержать победу. Большинство избирателей вновь отдали свои голоса СДЦ, а ИСРП опять осталась второй партией страны.

Результаты выборов, практика первого этапа демократизации с особой остротой поставили вопрос о правильности политического курса руководства, резко обострив идеологическую полемику в рядах партии. Отношения между партией и ее лидером вышли на первый план.

С приходом в партию в 1977—1979 гг. (ее численность выросла с 50 до 101 тыс.) реформистски настроенных членов конфликт между социал-демократами и левыми обострился. В преддверии XXVIII съезда партии и на съезде, состоявшемся 17—20 мая 1979 г., представители левого крыла решили «дать бой» Гонсалесу³⁵. Они резко выступили против «социал-демократизации» партии «сверху», требуя разрыва с политикой компромиссов и четкой переориентации партии влево. Отказ от марксизма они оценили однозначно как «переход на прокапиталистические позиции, какими бы защитными фразами он ни прикрывался»³⁶.

На съезде сложилась необычная ситуация: с одной стороны, был одобрен отчетный доклад Гонсалеса (68% — за, 10% — против, 22% — воздержавшихся), с другой — приняты резолюции, предложенные левым крылом. Было сохранено определение ИСРП как «марксистской, классово-демократической, антиимпериалистической партии с федеральной структурой»³⁷, за что высказались 61% делегатов против 31%. После голосования Гонсалес отказался от переизбрания в Исполнительную комиссию ИСРП и от выдвижения своей кандидатуры на пост генерального секретаря, заявив, что не может выполнять резолюции, с которыми не согласен. Это был ультиматум съезду и партии политика, убежденного в негативных последствиях подобной идеологизации партии, оценивающего такой шаг как отрыв от реальности и неизбежную самоизоляцию партии.

В 30-минутном выступлении, которое транслировалось на всю страну, Гонсалес защищал проведенный партией политический курс, отвергнув догматический марксизм как нереалистичный и неприемлемый для решения проблем современного капиталистического общества. Обосновывая отказ от выдвижения своей кандидатуры в состав руководства ИСРП, Гонсалес сказал: «Я занимаюсь политикой не из-за политики, а по внутреннему этическому импульсу, который заставлял меня работать в рядах партии сегодня и всегда. И следует давать хотя бы иногда примеры этики, чтобы никто не думал, что ИСРП — это Фелипе Гонсалес. В нашем обществе распространено мнение, что все партии одинаковы, а это не так. Я остаюсь членом этой партии»³⁸.

Речь генерального секретаря вызвала шок среди делегатов съезда: «Мухика не смог сдержать слез.

А. Герра не поверил своим ушам. Гомес Льюренте принялся убеждать Гонсалеса изменить свою позицию. Фелипе был непреклонен»³⁹. Поскольку большинство критикующих хотело в то же время, чтобы Гонсалес оставался на своем посту, было решено через шесть месяцев провести чрезвычайный съезд и на нем вновь вернуться к вопросу об избрании генерального секретаря. Руководство ИСРП и подготовка съезда возлагались на избранный на этот срок Временный комитет.

Поступок Гонсалеса произвел сильное впечатление и на испанское общество, которое на протяжении 40 лет диктатуры привыкло к жесткой борьбе в верхах за власть и для которого было глубоко чуждо понятие добровольной отставки. Популярность лидера социалистов резко возросла во всех слоях, независимо от политических симпатий.

На Чрезвычайном съезде ИСРП, состоявшемся в сентябре 1979 г., «фелиписты» получили поддержку 96% делегатов. Партия сохранила все определения, кроме термина «марксистская». Марксизм признавался методом анализа действительности, ценным вкладом в развитие социалистической мысли. Ведущая испанская газета писала: «Этот съезд не стал испанским Бад-Годесбергом... Концепции, ценности ИСРП опираются сегодня на марксистскую традицию, но не только марксизм и не все в марксизме составляет основу ее багажа»⁴⁰. Таким образом, Гонсалес как партийный деятель и политик прошел через сложное для себя испытание. После трудной, драматической борьбы, убедив партию в опасности революционного сектанства, сумев перевести ее на новые политические позиции, он утвердился в качестве безусловного лидера ИСРП. В свою очередь, партия в определенной мере оказала сдерживающее влияние на дальнейшую деятельность своего генерального секретаря, отныне вынужденного больше считаться с существующими в партии мнениями.

XXIX съезд партии (1981 г.) проходил под лозунгами достижения власти, дальнейшего смягчения политических позиций, смещения социалистической альтернативы на далекую перспективу.

На волне широкого общественного интереса вышли первые политические биографии Гонсалеса⁴¹, которые помогли утверждению «позитивного имиджа» лидера социалистов в общественном мнении страны. Опираясь на широкий круг источников (речей, выступлений, воспоминаний, интервью), они в доступной форме знакомили широкого читателя (книги выдержали несколько изданий) с политической деятельностью Гонсалеса, его взглядами на самые разные проблемы развития страны. Фотографии дома, родителей, семьи, троих детей (сын Давид родился в 1972 г., Пабло — в 1973 г. и дочь Мария — в 1978 г.) демонстрировали жизнь «как у всех». Свою личную жизнь и Фелипе и Кармен всячески охраняли от посторонних глаз и комментариев. «Люди, живущие на виду, — считает Гонсалес, — прежде всего должны научиться молчать»⁴². Со страниц этих книг он предстал серьезным, глубоким, опытным политиком, нацеленным в своей деятельности на достижение консолидации сил демократии, национального возрождения и экономического процветания Испании.

На фоне кризиса и распада СДЦ, а также раскола КПИ, ИСРП продолжала оставаться в общественном мнении страны сильной и «левой» партией, обладающей планом демократических преобразований и компетентными кадрами. На том этапе получила одобрение оппозиция социалистической партии политике правящей партии, втягивавшей Испанию в НАТО. В 1980—1982 гг. Гонсалес неизменно выступал против того, чтобы столь важный вопрос решался простым парламентским большинством, настаивал на проведении всенародного референдума⁴³.

Накануне внеочередных парламентских выборов 28 октября 1982 г. ИСРП предложила программу «За справедливое и равноправное общество», которая была ориентирована на продолжение процесса демократизации и модернизации, включала важные социальные обязательства по улучшению системы образования, медицинского обслуживания, культуры, социального обеспечения. Главным в этой программе было обещание создать 800 тыс. новых рабочих мест, что в условиях роста и без того огромной армии безработных (2,2 млн. человек) не могло не иметь положительного отклика.

Большинство избирателей на этих выборах проголосовало за социалистов. Они получили поддержку более 10 млн., или 48% избирателей, из них почти половина, то есть 4,5 млн., голосовала за ИСРП впервые! Таким образом, через семь лет после смерти Франко социалисты получили возможность сформировать однопартийный кабинет, а их лидер Фелипе Гонсалес стал главой правительства.

Это была не просто победа, но триумф партии и ее лидера, триумф, который ошеломил страну! К власти пришла сила, вышедшая из антифранкистской оппозиции, в течение многих десятилетий выключенная из нормальной политической жизни, обладающая лишь семилетним опытом испанской демократии. На фоне политиков, воспитанных в традициях авторитарной политической культуры, прошедших «франкистские университеты» власти, приход к ней социалистов, стремящихся делать политику «чистыми руками», вызвал волну энтузиазма, надежд и больших ожиданий.

ИСРП получала большой аванс доверия, вместе с тем существовал и определенный элемент риска — сумеет ли партия стать достаточно эффективной политической силой в условиях тяжелого экономического кризиса, стабилизирующим фактором испанской демократии? Как показали исследования, за социалистов голосовали группы, представлявшие расходящиеся, если не противоположные интересы — как беднейшие слои сельскохозяйственного Юга (в Севилье за ИСРП было подано 62% голосов), так и бес-

печенные слои трудящихся промышленных зон Центра и Северо-Востока⁴⁴. При этом большинство избирателей рассматривали ИСПП как партию левоцентристскую, прогрессивную, стремящуюся к углублению процесса демократизации.

Новая политическая роль изменила всю жизнь Гонсалеса. Вместе с семьей он переезжает во дворец Монклоа — резиденция испанских премьеров, где в 1977 г. был подписан «пакт Монклоа». Чете Гонсалесов, скромной и демократичной по своим привычкам, не сразу удалось адаптироваться к новому стилю жизни и стандартам.

Ситуация, в которой социалисты пришли к власти, требовала срочных и энергичных мер. Темпы роста ВВП упали до 1,2% в год, инфляция, несмотря на все меры, принятые СДП, оставалась на уровне 16% и была одной из самых высоких в Западной Европе, безработица составляла 16,6% самодеятельного населения и охватывала более 2,2 млн. человек, резко возросла социальная напряженность, страну захлестнула волна наркомании, преступности. Опубликованные данные о социальных язвах общества, закамуфлированные в условиях франкизма, показывали сколь сложно, многомерно испанское общество и как много проблем одновременно предстояло разрешить правительству социалистов.

Главным в этой ситуации было добиться социального консенсуса, суметь «пасти сто львов и сто овец одновременно». Это была чрезвычайно сложная, противоречивая задача, для выполнения которой понадобился весь талант и опыт Гонсалеса. Чтобы консолидировать различные социальные силы, он выдвигает идею национального возрождения, преодоления Испанией того разрыва, который все еще ее отделяет от Западной Европы. Если на первом этапе демократизации большинство трудящихся соглашалось на снижение своих требований во имя стабилизации «хрупкой демократии», то после победы на выборах 1982 г. политика «подтягивания поясов» и необходимости жертв со стороны всех социальных слоев велась под лозунгами национального возрождения. При этом сама перестройка и экономический рост становились основой и гарантией как процветания страны, так и благосостояния каждого гражданина. Таким образом социалисты попытались в своей политике и практике увязать идеи национального возрождения, экономического прогресса, демократии и социальной справедливости, и именно на основе этих идей придать новый динамизм обществу.

В своем обращении к нации сразу после выборов Гонсалес призвал все социальные и политические силы страны — предпринимательские организации и профсоюзы, муниципалитеты и партии, общественные организации и непартийные движения — принять участие в реализации, как он определил, «общенациональной задачи» выхода из кризиса и консолидации демократии. Поскольку в процессе экономической модернизации неизбежны жертвы со стороны всех социальных слоев, необходимы, и на этом настаивал Гонсалес, совместные усилия всех⁴⁵. Чудодейственных средств, способных в один день изменить ситуацию к лучшему, ни у кого нет, нет их и у социалистов, заявил Гонсалес, предупреждая, что присущее многим самообольщению демократией, которая будто бы автоматически может решить все проблемы, в такой чрезвычайно социально обостренной ситуации опасно.

Национальное возрождение возможно только на основе совместных усилий всего общества, всех регионов страны — не устает повторять Гонсалес. Такое включение «национальной идеи» в деятельность испанских левых было оценено многими комментаторами (прежде всего иностранцами) как испанский вариант голлизма⁴⁶, как попытка преодоления того разрыва, который все еще продолжал существовать между «двумя Испаниями», как попытка укрепления и формирования «однородной» Испании⁴⁷. И на этом этапе «шведская модель» по-прежнему остается практическим ориентиром в политике Гонсалеса.

Осознавая свою связь с обществом, общенациональный характер предлагаемой им политики, он намеренно дистанцируется от узкопартийных оценок и подходов. «Нельзя управлять, особенно в современной ситуации, в интересах одной партии, следует исходить из интересов преобладающего большинства испанцев»⁴⁸, — заявляет он. Гонсалес привлекает к управлению страной наиболее компетентных специалистов, пришедших в партию уже в годы демократии (с 1975 по 1986 г. число членов ИСПП выросло с 50 тыс. до 200), менее идеологически ортодоксальных, открытых опыту других стран. К началу 80-х годов в партии из числа ведущих экономистов, социологов, политологов, юристов сформировался «мозговой центр», который внес серьезное научное обоснование в программные документы партии.

Заместителем главы правительства стал Герра. Из когорты «интеллектуалов» в свой первый кабинет министров Гонсалес привлек М. Бойера и К. Солчагу, поручив им соответственно посты министра экономики и финансов, промышленности и энергетики. Наиболее спорной, с точки зрения партийных ортодоксов, была фигура Бойера, открыто выступившего в свое время против левого «марксистского» доктринерства на XXVII съезде партии. Он вышел тогда из партии и вновь вернулся лишь после Чрезвычайного съезда. Тем не менее такой выбор Гонсалес сделал, понимая, что только выдающиеся способности и опыт Бойера позволят осуществить намеченные программы. Знакомый с новейшими достижениями западной и мировой экономической мысли, отрицающий идеологические подходы к экономике, сторонник метаризма и жесткой экономики, Бойер попытался решить в этом ключе и сложное испанское уравнение.

Именно очень тонкое выведение равнодействующих при совмещении курса на экономический рост и на развитие и усовершенствование системы социального государства принесло в конечном счете успех

политике социалистов. Эту политику испанские журналисты окрестили «политикой рассчитанной амбивалентности», полагая, что именно она позволила социалистам сохранить позиции ведущей партии почти все 80-е годы.

Первые реформы социалистов коснулись социальной сферы. Были приняты законопроекты о 40-часовой рабочей неделе, об увеличении отпусков до 30 дней, о снижении пенсионного возраста до 65 лет и другие. Предупреждая о «травматичности» предстоящей перестройки, правительство в ряде законов предусматривало возможность досрочного выхода на пенсию, переквалификации, сохранения увольняемым 80% заработной платы до предоставления нового рабочего места и другие⁴⁹. Реформы систем образования, здравоохранения, уголовно-процессуальной процедуры, законы о правах человека, об отмене уголовного наказания за аборт в случае угрозы жизни женщины и многие другие, проведенные в жизнь в 1983—1986 гг., были нацелены на демократизацию общественных и семейных отношений, на укрепление демократических принципов и начал в повседневной жизни. Все эти реформы призваны были стать своеобразными амортизаторами, «смягчающими» неизбежную «травматичность» процесса технологической перестройки экономики страны.

Но социалистам была важна поддержка и со стороны предпринимателей. По существу, ИСПП продолжала в основных своих направлениях курс, начатый СДЦ. План «промышленной реконструкции», предложенный СДЦ в 1981 г., был развит в «плане реиндустриализации», к осуществлению которого социалисты приступили сразу после проведения социальных реформ. Развитие новых, передовых отраслей производства, основанных на микроэлектронике и робототехнике, оздоровление неэффективного и дефицитного госсектора проводились социалистами через стимулирование частного сектора. Уменьшение на 40% налога на прибыль для тех предпринимателей, которые вкладывают свои средства в развитие этих новейших производств, постепенное приведение трудового законодательства к общеевропейским нормам, монетаристские меры в борьбе с инфляцией (девальвация песеты, увеличение цен на нефтепродукты, сокращение государственного сектора, жесткий курс на замораживание зарплат) являли вторую сторону политики социалистов.

Направленность ее на преодоление кризиса и дальнейший рост производства не могла не получить одобрение делового мира, остающегося, однако, как и на первом этапе, недовольным социальной «направленностью» правительства. Его социальные меры, реформа государственного аппарата, усиление борьбы против финансового мошенничества и уклонений от уплаты налогов (испанские экономисты отмечают: до 40% предпринимателей и лиц свободных профессий не указывают реальных размеров своих доходов), национализация в феврале 1983 г. крупнейшего концерна «Гумаса» не раз приводили к обострению отношений между патронатом и правительством, однако правительство и лично Гонсалес прилагали все усилия для разрешения возникающих разногласий⁵⁰, развития устойчивых партнерских отношений.

В условиях отлаживания механизмов функционирования партийно-политической системы, формирования социального консенсуса требовалось постоянное присутствие, посредничество Гонсалеса и на переговорах между предпринимательскими организациями и профцентрами⁵¹, и в контактах с главами региональных правительств, и в общении с лидерами других политических сил; эта огромная по масштабу и результатам работа главы правительства не проанализирована и не оценена в должной мере. Гонсалес стал живой связью политики и жизни, может быть поэтому его деятельность в качестве премьера принесла ожидаемые результаты.

Прежде чем испанская экономика «заработала на подъем», страна прошла через период ухудшения экономической ситуации в 1984—1985 гг., через обострение социальной напряженности, сопровождавшее процесс модернизации, — забастовочное движение, рост числа безработных на 700 тыс. человек (общее число их составило 3 млн. человек, или 21,2%, — один из самых высоких показателей в Западной Европе), размах подпольной экономики. Только в 1987—1989 гг. рост производства (5,4% ВВП в 1988 г.), создание 1 млн. новых рабочих мест позволили приступить к решению проблемы безработицы⁵². Естественно, что на протяжении 1982—1990 гг., в процессе осуществления столь сложной политики компромиссов, задевшей практически все социальные слои, правительство и лично Гонсалес не могли не испытать давления и критики с разных сторон, почувствовать в полной мере «тяжесть власти».

Жесткость в проведении курса правительства (замораживание зарплат, поощрение инвестиций в частный сектор, приватизация ведущих предприятий кризисных отраслей госсектора) заставила «исторических левых» в партии первыми заговорить о «рейтинизме», «тэтчеризме», «неоконсерватизме» Гонсалеса. Соотнося политическую практику социалистов 80-х годов с концепциями партии середины 70-х годов о самоуправляющемся социализме, с тезисами об активном и широком привлечении рабочих к делу управления государством, лидеры левых П. Кастельяно, Л. Г. Льоренте, Ф. Бустело и др. указывали на резкое «поправление» партии. «ИСПП, — писал Бустело, — в течение короткого времени перестала быть не только революционной, марксистской, но уже даже не социал-демократической, перейдя к политике, которую во многих аспектах можно характеризовать как либеральную»⁵³. Как отметил известный английский испанист Р. Карр, «фелипизм видится критиками левого крыла партии как конструк-

тивная попытка под знаменами социал-демократии провести принципы процветающей рыночной экономики»⁵⁴.

Свое несогласие с экономическими реформами Бойера и Солчаги, которые не защищали в должной мере интересы трудящихся, открыто выражали и Всеобщий союз трудящихся, и Социалистическая левая. Острой критике подвергался и Гонсалес за «президентский» стиль руководства, за превращение партии в придаток власти, в корпус управляющих.

Проблема идеологической идентификации партии, справедливости и «эффективности» в современной обстановке «концепции испанского социализма» осознается внутри партии чрезвычайно остро.

Левые, получившие по новому уставу 1983 г. статут «течения мысли», пытаются убедить большинство (сегодня в ИСРП 250 тыс. человек), что двойственность политического курса партии, «социализм тысячи шагов», приводит к загуманиванию социалистической перспективы, разочарованию избирателя, а партию — к идеологическому и моральному вакууму⁵⁵. Другие же прямо заявляют о кризисе левой идеологии и необходимости обновления всего теоретического багажа партии.

Под огонь критики попадает Гонсалес и справа. Основная оппозиционная коалиция Народный альянс (с 1989 г. — Народная партия) так же, как и левые, выступает против «амбивалентности» политики, но стремится «очистить» ее не от «жесткой экономии», а от «социальности» государства, полагая, что это поможет «разблокировать» поступательное движение. Наиболее развернуто против политики Гонсалеса выступил лидер правых М. Фрага Ирибарне в своей книге «Заблокированная Испания»⁵⁶. Особенность ситуации состояла в том, как отметил испанский социолог М. Гарсиа Феррандо, что «ИСРП оставила правых без их привычных в отношении левых аргументов о разрушительных тенденциях революций, таким образом способствуя проникновению и закреплению новых ценностей плюрализма и политической терпимости, формированию общих основ политической жизни»⁵⁷. Более того, отставив католические ценности (проведа массовые демонстрации против легализации абортов, против демократизации школы и пр.), они формировали глубокий консервативный фон, на котором реформы социалистов в «европейском» духе воспринимались в стране как «левые».

Сам Гонсалес (при его основательной социологической подготовке) принимал эту критику и слева, и справа как неизбежную и объективную реакцию на слишком общий характер формулы национального консенсуса, предлагаемой его правительством. Он не поддавался давлению, показывая себя вполне последовательным и жестким политиком, умеющим противостоять обществу, использовать при проведении своего курса существующие в нем настроения. Он весьма точно и расчетливо опирался на данные (очень часто закрытые) опросов, проводимых для правительства Центром социологических исследований. Наиболее ярко это проявилось в дискуссии по вопросу о принадлежности к НАТО.

Критикуя предшествующее правительство за втягивание Испании в НАТО (документ о вступлении страны в политические структуры этого блока был подписан в мае 1982 г.), социалисты в 1980—1982 гг. выступили за замораживание переговоров о вхождении Испании в военные структуры НАТО и проведение референдума по столь важной для общества проблеме. Однако после прихода к власти позиция Гонсалеса стала меняться. Активно ведя переговоры о вступлении Испании в ЕЭС, подчеркивая принадлежность Испании к западному миру, испанское правительство начинает корректировать свои предвыборные позиции и обещания. Пресса развивает тезис, что если уж Испания включена в НАТО, то выход из этой организации привел бы к нежелательному нарушению равновесия в сложном балансе международных сил. Предлагается новая формула участия — сохранение членства в НАТО без подчинения высшему иностранному военному командованию, сокращение американских вооруженных сил на испанской земле и неразмещение на ней ядерного оружия⁵⁸. Проведение референдума откладывалось на неопределенный срок.

Руководство партии добилось одобрения нового курса на XXX съезде партии (декабрь 1984 г.), а перед проведением референдума в марте 1986 г., используя средства массовой информации, правительство сумело создать «условия и атмосферу» для позитивного восприятия своей позиции. Действительно, на референдуме 52% испанцев поддержали правительство⁵⁹. Референдум, в котором Гонсалесу противостоял весьма мощный и объединенный фронт левых сил, показал, как умело играет Гонсалес на «центристских» настроениях испанского избирателя и как осторожно и естественно он способен переходить на новые позиции.

Приверженец релятивизма в политике, Гонсалес сочетает «атлантизм» с открытостью по отношению к странам Восточной Европы, к Советскому Союзу. Вскоре после референдума и незадолго до парламентских выборов в мае 1986 г. он в сопровождении большой группы испанских предпринимателей совершил поездку в СССР. Это был первый визит в СССР главы иностранного правительства после чернобыльской трагедии и потому воспринимался как проявление участия и доброй воли. В ходе переговоров с руководителями Советского государства Гонсалес продвигал стремление Испании к расширению диалога и укреплению доверия между государствами с различными политическими системами, к углублению отношений двустороннего сотрудничества между Испанией и СССР. В своих выступлениях в Москве и на пресс-конференциях по возвращении в Испанию он настойчиво подчеркивал «необходимость

продолжения курса на сокращение ядерных вооружений, укрепления атмосферы доверия между всеми странами, за расширение отношений между Западом и Востоком, между ЕЭС и СЭВ, за создание международной системы безопасности»⁶⁰.

Столь гибкий политический курс во внешней и внутренней политике, несмотря на определенное недовольство во всех слоях общества, в целом на протяжении первой половины 80-х годов находил поддержку. Однако страна начала преодолевать кризис, стали проявляться новые тенденции в жизни общества. Трудовая Испания, шедшая на «жертвы» в тяжелых условиях кризиса, теперь выступила за более справедливое (с учетом показателей роста экономики) перераспределение «общественного пирога». Правительство Гонсалеса встало перед необходимостью уточнения «формулы власти». После долгих, как писала испанская пресса, «алхимических манипуляций», оно в середине 1988 г. предложило пакет реформ и законов (о налогах, о повышении цен на бензин, о введении субсидий предпринимателям, которые содействуют решению проблемы молодежной безработицы, о пенсиях и др.).

Однако и содержание реформ, и «закрытый», «кабинетный» стиль их принятия без обсуждения в парламенте и консультаций с профцентрами вызвали общественный протест⁶¹. Его выражением стала всеобщая политическая забастовка 14 декабря 1988 г., в которой приняли участие 8 млн. человек, или $\frac{2}{3}$ самодеятельного населения, и которая парализовала всю страну. Забастовка показала, что гражданское общество в условиях демократизации развивается намного быстрее, чем власть; что испанский трудящийся не довольствуется своей ролью избирателя в день выборов, но активно настаивает на демократизации исполнительной власти, отчетности и ответственности правительства, требуя формирования механизмов «обратной связи» между правительством и обществом.

Этот день стал одним из острейших в период правления социалистов. Гонсалес испытал шок, не понимая причин взрыва такого недовольства. Ему пришлось признать правоту «улицы» и приступить к многосторонним переговорам с профсоюзами, предпринимательскими организациями. Но и в этих обстоятельствах он достаточно жестко определил пределы уступок со стороны правительства и заявил, что сочетание политики «социальной солидарности» с адекватным экономическим ростом и задачами модернизации требует очень взвешенного перераспределения доходов и определенного самоограничения со стороны всех социальных слоев, в том числе и тех, кто работает.

Переговоры Гонсалеса с профцентрами, учет определенной части требований профсоюзов, обсуждение в печати проблем экономического развития страны, соотношения всеобщих, корпоративных и частных интересов и развернутая аргументация действий правительства позволили ИСРП и Гонсалесу восстановить утраченное доверие, получить необходимую поддержку на выборах 1989 г. (40% избирателей) и вновь сформировать однопартийный кабинет. Опросы общественного мнения хотя и указывали на некоторый «моральный износ» правительства, подтверждали, что альтернативной политической силы испанское общество не видит.

В атмосфере роста общественного недовольства подвергается «пересмотру» политическая биография Гонсалеса. В отличие от апологетики конца 70-х — первой половины 80-х годов, отразившей тогдашние ожидания испанцев, книги второй половины 80-х годов нацелены на развенчание «героя». «Цезарем» испанской демократии назвали его А. де Мигель и Х. Л. Гутьерес в своей книге, выдержавшей 11 изданий⁶². С самого начала политической карьеры, считают они, вся деятельность Гонсалеса была направлена на достижение, захват и узурпацию политической власти, при этом и социалистическая доктрина, и членство в ИСРП были не более чем средством для реализации его амбициозных планов. О «просвещенном деспотизме», консерватизме и даже элементах «неофранкизма» в деятельности Гонсалеса пишет другой историк левых, С. Вилар⁶³.

«Интегризм» Гонсалеса, его эластичность, вмещающая, с одной стороны, ценности левой культуры (демократия, политические свободы, социальная справедливость, равноправное общество и пр.), с другой — установки современного капитализма (экономический рост, модернизация, усовершенствование социального государства), попытка преодолеть рамки воспитавшей его культуры во имя создания демократической общенациональной (отсюда — дистанцирование от партии, прямой контакт с обществом по телевидению и пр.), неприятие Гонсалеса теми, кто сохраняет еще верность «старым знаменам», — суть переходного времени, которое переживает Испания.

Сегодня можно сказать с полным основанием, что несмотря на всю противоречивость своей политики Фелипе Гонсалес остается ведущим политическим деятелем Испании. Именно с его именем связаны в общественном сознании и ее экономические успехи, и консолидация демократии. В столь полном совпадении направления его деятельности с «ходом истории» можно видеть и огромную «удачу и шанс» испанского общества. Лидерские притязания Гонсалеса обретают новые характеристики. Вице-председатель Социалтерна, видный деятель Европейского Сообщества, он видит перед собой новые горизонты, новые возможности. И на вопрос, насколько изнуряюще действует власть, он отвечает словами Андреотти: «Да, власть изнуряет, но больше всего она изнуряет того, кто ее не имеет».

Примечания

1. Подробнее см.: Испания, 1918 — 1972. М. 1975; ПОЖАРСКАЯ С. П. От 18 июля 1936 г. — долгий путь. М. 1977.
2. Испания, с. 390.
3. Западная Европа в современном мире. Т. 1. М. 1979, с. 34.
4. Малые страны Западной Европы. М. 1984, с. 206.
5. МИГЕЛЬ А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М. 1986.
6. LOPEZ PINTOR R. La opinión pública española: del franquismo a la democracia. Madrid. 1982, p. 81.
7. Подробнее см.: БАРАНОВА Т. Н., ЛУКЬЯНОВА Л. И. Испания: истоки и современные тенденции оппозиционного движения. М. 1977.
8. GUERRA A. Felipe Gonzalez. Madrid. 1984, p. 19.
9. Ibid., p. 23.
10. MARQUEZ REVIRIEGO V. Felipe Gonzalez. Barcelona. 1982, p. 67.
11. Cambio-16, 1979, №391, p. 27.
12. GUERRA A. Op. cit., p. 74.
13. ДАНИЛЕВИЧ И. В. Социалистические партии Испании и Португалии. М. 1984, с. 84.
14. GONZALEZ F. Que es el socialismo. Barcelona. 1976, p. 7.
15. GONZALEZ F., GUERRA A. PSOE. Bilbao. 1977, p. 19.
16. Ibid., pp. 27, 28.
17. Los partidos marxistas. Sus dirigentes. Sus programas. Barcelona. 1977, p. 112.
18. GONZALEZ F., GUERRA A. Op. cit., pp. 26—27.
19. MARQUEZ REVIRIEGO V. Op. cit., p. 77.
20. Ibid.
21. TIerno GALVAN E. Cabos sueltos. Barcelona. 1981, p. 616.
22. См. Международное рабочее движение. Т. 6. М. 1981, с. 509—516; Современная Испания. М. 1983, с. 24—53.
23. Nouvel Observateur, 8—14. XII. 1976, p. 51; GONZALEZ F., GUIDONI P. Entretiens sur le socialisme en Espagne. P. 1976.
24. Восстанавливалась нумерация съездов, нарушенная гражданской войной и диктатурой (13 съездов, проведенных в эмиграции, и 13 съездов, состоявшихся до начала гражданской войны).
25. Cuadernos para el dialogo, 18—24. VI. 1977, pp. 27—28.
26. MARIAS J. Cinco años de España. Madrid. 1982, p. 49.
27. Pais, 18. VI. 1977, p. 12.
28. Los Pactos de la Moncloa. Madrid. 1977.
29. Подробнее см.: Современная Испания, с. 81—93.
30. Проблемы испанской истории. М. 1987, с. 121—135.
31. Washington Post, 24. VI. 1977.
32. Pais, 8. V. 1978, p. 11.
33. TIerno GALVAN E. Op. cit., pp. 615—616.
34. ЧЕРКАСОВА Е. Г. Основные проблемы внешней политики Испании и позиция ИСРП (1975—1986). Автореф. канд. дисс. М. 1986, с. 15.
35. Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления. М. 1989, с. 293—298.
36. Blanco y Negro, 1979, № 3516, p. 22.
37. Cambio-16, 1979, № 391, p. 22.
38. Pais, 22. V. 1979, p. 15.
39. Cambio-16, 1979, № 391, p. 22.
40. Pais, 2. X. 1979, p. 10.
41. CHAMORRO E. Felipe Gonzalez. Barcelona. 1980; MARQUEZ REVIRIEGO V. Op. cit.
42. CHAMORRO E. Op. cit., p. 11.
43. ЧЕРКАСОВА Е. Г. Ук. соч.
44. FELIX TEZANOS J. Sociología del socialismo español. Madrid. 1983.
45. Pais, 2. XI, 13. XII. 1982; Cambio-16, 1982, № 570, pp. 20—21; № 579, pp. 26—27.
46. Le Monde, 30. X. 1982.
47. Financial Times, 21. XII. 1982.
48. Cambio-16, 1982, № 570, p. 21.
49. PRIETO F. Le parti socialiste au pouvoir en Espagne. — Etudes, p. 1985, t. 382, № 4, pp. 451—462.
50. Подробнее см.: Испания вступает в 90-е годы. — Мировая экономика и международные отношения, 1990, № 6.
51. БАРАНОВА Т. Н. Роль демократических профсоюзов в решении социально-экономических проблем

испанского пролетариата. В кн.: Профсоюзы и проблемы социально-экономической борьбы пролетариата. М. 1985.

52. *Мировая экономика и международные отношения*, 1990, № 6, с. 105—114.
53. *Cambio-16*, 1987, № 803, pp. 18, 19.
54. *Independent, Lnd.*, 13. IX. 1988.
55. *Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления*, с. 301—313.
56. FRAGA IRIBARNE M. *España bloqueada*. Madrid. 1986.
57. *Sistema*, Madrid, 1984, № 58, p. 120.
58. См. ЧЕРКАСОВА Е. Г. Ук. соч.
59. КРАСИКОВ А. *Испания и мировая политика*. М. 1989, с. 298.
60. *Правда*, 22. V. 1986.
61. Подробнее см.: *Мировая экономика и международные отношения*, 1990, № 6, с. 105—114.
62. GUTIERREZ J. L., MIGUEL A. de. *La ambicion del Cesar*. Madrid. 1989.
63. VILAR S. *La década sorprendente*. 1976—1986. Barcelona. 1986.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Киев снова наш!

И вот дожили мы до того времени, когда наши войска опять вышли к среднему течению Днепра и захватили небольшие плацдармы на правом его берегу. Вы можете себе представить, какая была радость у всех? Возможно, я преувеличиваю, но у меня была особая радость: я ведь «отвечал» за Украину, был секретарем ее ЦК Компартии. К тому же детство и юность я провел, работая на заводах в Донбассе, и сжился с этими районами. Прежде я очень переживал отступление Красной Армии. До сих пор помню ту ужасную картину: сплошные потоки беженцев с детишками, с курами, с гусями, с козами, с коровами. Страшная картина! А теперь мы движемся вперед, на Запад.

1943 год — год радости, победного наступления наших войск. Мы вышли к Днепру, заняли Переяслав, этот исторический город. В нем Богдан Хмельницкий принимал русских послов и подписал договор о том, что Украина входит в состав Российского государства, становится под руку русского царя. Буржуазные националисты проклинали и этот день, и этот город, называли подписанный договор «Переяславской угодой», которая закабалила Украину. Ну, да ведь это националисты... Действия Богдана Хмельницкого были прогрессивны, они сыграли полезную роль в истории и украинского и русского народов. Объединились два великих родственных народа, русские с украинцами, и после этого вместе переживали все радости и горести.

Мы с Ватутиным торжествовали. Ватутин перед войной был начальником штаба Киевского Особого военного округа, много прожил на Украине. Нам с ним уже мерещилась Киево-Печерская лавра над Днепром. Я и сейчас радостно вспоминаю те дни, когда мы изгоняли немцев и подошли к Днепру. На подступах к Днепру случалось, что мы брали в плен (или они сами перебегали к нам со стороны противника) русских, вообще советских людей. Помню, допрашивал я одного из них. Он сам сдался в плен, перейдя линию фронта, молодой человек, довольно решительный. Он рассказал, что в составе немецких войск имеются русские соединения, составленные из военнопленных. Их называли «власовцы», так как командовал этими войсками Власов. Не на нашем участке, а вообще командовал. Его части не были сосредоточены в одном месте и были как бы вкраплены в немецкие войска, но их командующим все-таки считался Власов. Я расспросил этого парня подробно, как он перешел к нам, в каком месте. Он сообщил, что перешел сам, но там остались и другие, которые тоже ищут удобного момента с тем, чтобы перейти к нам. Они записались во власовскую армию только для того, чтобы их послали на фронт, а не оставили в лагере военнопленных, где они были обречены на смерть.

Разведка поработала с этим парнем. Его послали через линию фронта к врагу, и он вернулся и с собой привел еще нескольких власовцев. Немецкое командование буквально засыпало наших солдат листовками с призывом, чтобы они сдавались в плен; что на немецкой стороне действуют русский генерал Вла-

сов и еще какой-то бывший наш генерал, не помню его фамилии. Это тоже был изменник Родины, который перебежал к врагу. Этот перебежчик раньше был секретарем райкома партии в одном из районов Москвы. Просто невероятный случай, но такой случай имел место. Я видел трофейные фотоснимки, их было очень много: оба они, прежний секретарь райкома и Власов в немецкой форме, причем первому немцы присвоили генеральское звание, в Красной Армии он такого звания не имел.

Немцы тогда много распространяли и других листовок, а также открыток — с фотографией сына Сталина. С сыном Сталина Яковом я знаком был не так уж близко, но встречался с ним на квартире у отца, когда бывал там. О нем я слышал только хорошее: это был серьезный человек. Он окончил какой-то институт и был инженером, не знаю, по какой специальности. Сталин его критиковал: «Вот, получил ты звание инженера, а нам нужны военные кадры». И предложил ему поступить в Артиллерийскую академию. Тот ее окончил. Когда началась война, он был уже офицером-артиллеристом, сражался на Белорусском направлении и там попал в плен. После войны было затрачено много усилий, чтобы найти какие-то его следы. Мы ничего не смогли найти. Видимо, его уничтожили. Во всяком случае, он бесследно исчез. Фотоснимки же были такие: Яша гуляет, а на каком-то удалении от него ходит немецкий офицер. Были и другие снимки и даже обращения от его имени. Все это, конечно, было сфабриковано немцами, не производило впечатления и не вызывало никакого доверия не только у людей, которые знали Яшу, но и со стороны наших солдат.

Однажды меня вызвали в Москву. Я выезжал туда чаще всего по вызову, по инициативе самой Москвы, и не помню, были ли случаи, когда я просился приехать сам. Беседы обычно проходили за столом у Сталина. За столом, к сожалению, питейным. Всегда наиболее острые вопросы подымались уже в позднем часу, когда за столом было потрачено много времени, а значит, много съедено и выпито. И вот как-то раз (а это было несколько раньше описываемых событий) Сталин обратился ко мне: «Вот Власов, что же он, изменник? Я этому не верю». Отвечаю: «Я тоже слабо верю в это». Потом раза два или три Сталин возвращался к имени Власова. Сначала это произошло, когда впервые услышали, что какой-то русский генерал Власов сражается на стороне немецких войск. Мы тогда сочли это за немецкую пропаганду, за какую-то уловку.

Прошло некоторое время, и мы стали брать в плен именно власовцев. И когда я попал в Москву, Сталин возвратился к вопросу о Власове: «Что же он, действительно предатель?» Отвечаю: «Сейчас уже не может быть сомнений. Мы берем в плен людей в немецкой форме, и они называют себя власовцами. Видимо, действительно Власов сражается на стороне противника». «Тогда придется, — говорит Сталин, — объявить о том, что он стоит вне закона, что он предатель». «Безусловно, — отвечаю, — это надо сейчас сделать, чтобы наша пропаганда противостояла немецкой, а не то получается односторонняя пропаганда. Мы замалчиваем этот факт и не принимаем никаких контрмер, вроде бы у нас и аргументов нет». Состоялась соответствующая публикация, и началась контрпропаганда в рядах Красной Армии и в партийных организациях по этому поводу.

Однажды, после уже довольно продолжительного «заседания» за столом, Сталин опять поднял вопрос о Власове. Каждый из участников того застолья помнит, что это был «тяжелый» стол. Трудно было дожидаться, когда же он кончится, да и неизвестно, чем кончится. Раз Булганин наедине сказал мне: «Приглашаю тебя, едешь к нему в гости, там тебя поят, кормят, а потом и не знаешь, куда ты поедешь: сам ли домой к себе или тебя отвезут куда-нибудь и посадят». Эти слова не лишены истины. Действительно, такое, видимо, каждый из нас тогда переживал. Случались у Сталина приступы гнева, неожиданные, невероятные вспышки. Верховодили голая власть, неограниченная беспрекословность, порой «награждение» всяческими неприличными эпитетами даже близких к нему людей. Самыми близкими людьми считались до войны Ворошилов, Молотов и в какой-то степени Микоян. На более позднем этапе к ним причислили и Берия. Другие числились, так сказать, близкими людьми второго или, может быть, третьего сорта, потому что они по годам составляли младшее поколение и не прошли столь длительной стадии совместной деятельности со Сталиным. Молотов, например, давно с ним был знаком. Ворошилов — тоже, с дореволюционного времени. А в гражданскую войну, когда Ворошилов командовал армией и отступил к Царицыну, там они со Сталиным сошлись особенно близко.

Вот в таком окружении Сталин и поднял вопрос: «Почему Власов стал предателем?» Отвечаю: «Теперь уже это бесспорно, что он предатель». «А вы его хвалили, выдвигали его». «Верно, — говорю, — я его выдвигал командующим 37-й армией. Ему была поручена защита Киева и он блестяще справился со своей задачей. Немцы не взяли Киева, Киев пал в результате окружения наших войск значительно восточнее Киева. Потом Власов вышел из этого окружения. Я его действительно хвалил и не раз говорил Вам о его достоинствах. А сколько раз Вы сами его хвалили? Вы наградили его, товарищ Сталин, за операцию под Москвой. Ведь когда после падения Киева он вышел из окружения, Вы вновь назначили его командовать армией, и он отличился в наступлении на немцев под Москвой. А потом Вы назначили его на ответственный участок, за Валдай. Там он опять попал в окружение, снова выходил из окружения и опять вернулся. Вы ведь предлагали его назначить командующим войсками Сталинградского фронта, говорили мне, чтобы я назвал имя командующего, и тут же сказали, что наиболее подходят или Еременко, который

лежит в госпитале, или Власов; сказали, что назначили бы Власова, но его нет. Так что и я хвалил, и Вы его хвалили: дела у него были такие, которые заслуживали похвалы. А потом он стал предателем, и теперь уж в этом нет сомнений».

Скажу в дополнение, что Сталин говорил раньше о Власове при всех, и все слышали, как он его хвалил, утверждал, что тот оказался бы наилучшим командующим войсками Сталинградского фронта. Так что после его замечания за столом и моего такого ответа Сталин при мне более не поднимал этого вопроса. Хотя, действительно, случай с Власовым был большим огорчением и для меня. Очень трудно тогда было объяснить, да и сейчас просто невозможно понять, как это произошло, человек стойко сражался, хорошо действовал, производил очень выгодное впечатление, успешно завоевывал симпатию у вышестоящих по службе людей и потом вдруг стал предателем. Отчего бы ему не стать предателем в первый раз, когда он оказался в окружении, командую 37-й армией, которая защищала Киев? А он же вышел! Вышел к нам буквально пешком, когда мы находились уже перед Воронежем. Это произошло накануне наступления наших войск на Московском направлении. Как только он вышел оттуда и как только мы донесли Сталину, что Власов вышел из окружения, то сейчас же получили приказ немедленно отправить его на самолете в Москву. Мы его отправили, и я, признаться, тогда думал, что, может быть, имеются какие-то сведения, компрометирующие Власова, и его хотят в Москве допросить? Позже мы узнали, что он и под Москвою командовал армией, что эта армия действовала очень хорошо, а он был награжден.

В чем же дело? Сложные тогда переживания возникали у людей. Некоторые люди таких переживаний не выдерживали. Полагаю, что он был когда-то раньше завербован, стал вражеским агентом. По натуре он был, видимо, неустойчивый человек и с плохим характером. Считался порядочным коммунистом, но ничего глубоко идейного внутри в нем не было. Сам он по образованию учитель; вероятно, очень лояльно относился к Советской власти в первые годы; может быть, и корыстные цели при этом преследовал, оставаясь в компартии с тем, чтобы занять выгодное служебное положение. Таких, к сожалению, было у нас немало, и думаю, что сейчас таких карьеристов еще больше. Я говорю «карьеристов» условно, потому что завершился карьеризм Власова прямым предательством. Тут уже явление другого характера. Полагаю, что Власов — не исключение. Был позднее полковник Пеньковский, который тоже занимал высокое положение, работал в органах нашей разведки, ему доверяли следить за другими лицами, находившимися за границей. Для этого он не раз ездил туда. Как вдруг перебежал к врагам. К сожалению, Пеньковский тоже был не одинок. Но наиболее яркий из всех случаев предательства — случай с Власовым. И он был наказан по заслугам: его осудили после войны и повесили.

Итак, вышли мы с войсками к Днепру и захватили небольшие плацдармы на правом берегу. Однако Днепр — преграда существенная, и чтобы перебросить через него технику и массу войск, мы хотели создать большой плацдарм. Для начала было решено выбросить на правый берег воздушный десант. Его подготовили, и, казалось, все идет хорошо. Но встал вопрос о погоде. К нам прибыл тогда по рекомендации Генерального штаба ученый-метеоролог, чтобы получше выбрать время выброски десанта. Мы были, конечно, рады, что он приехал. Пользуясь его данными о силе и направлении ветра, выбрали день и час выброски.

Перебрасывал десантников на самолетах генерал Скрипка, командовавший тяжелой бомбардировочной авиацией, и именно ее мы использовали под десант. А когда десант был выброшен, мы вскоре узнали, что парашютисты вместо того, чтобы приземлиться на правом берегу, приземляются или в Днепр, или на левом берегу, буквально на окопы переднего края наших войск. Имели место инциденты, когда наши войска хватили этих парашютистов и буквально душили их. Те начинали объясняться по-русски, но их принимали за власовцев, говорили: «Вы предатели» — и с еще большей озлобленностью расправлялись с ними. А те кричали: «Мы десантники!» Представляете, сколько людей понапрасну погибло в Днепре? Это был такой позор! Приезжий «бог погоды», как нам его отрекомендовали, сразу же «испарился» и убежал в Москву. Негодование у нас по отношению к нему было большое, но я не имел возможности встретиться с ним после высадки десанта. Происходили и такие печальные случаи на войне. Все было возможно, потому что это и есть настоящая война.

Потом уже в более спокойной обстановке, когда я вспоминал о нем, то лучше вошел в его трудное положение, потому что в то время он пользовался очень ограниченными сведениями, чтобы определить, какими в таком-то месте и в такое-то время будет направление течения воздуха и его скорость. Для точного ответа надо иметь метеоданные с обширного района. Конечно, этих сведений не имелось. Какова погода за Днепром, мы совсем не знали. Поэтому я понимал, что здесь не персональная вина, что человек был честен, а его ошибки объяснимы, потому что он не располагал точными исходными данными.

Стали мы готовить переправу через Днепр. А пока ходили вдоль Днепра, смотрели на него и просто радовались. Пели хорошую песню, я и сейчас ее очень люблю, она у меня записана на магнитофоне. Слова к ней написал поэт Долматовский: «Ой, Дніпро». Отличная песня. В тяжелейшие времена нашего поражения, отступления, оставления Украины многие украинцы обретали в этой песне надежду, что вернемся мы на Днепр. И вот мы пришли к нему, священной для украинского народа реке. Вышли же на Днепр севернее Киева 38-я и 40-я армии, а 3-я Гвардейская танковая и 27-я армии — немного южнее

Переяслава. 40-я армия генерала Москаленко (потом ею командовал Жмаченко) вышла в район Ржищева. 38-я армия генерала Чибисова (затем ее возглавил Москаленко) создала себе плацдарм в районе Межигорья. После боев на Курской дуге некоторые другие армии нашего фронта попали в резерв Верховного главнокомандования, им предоставили возможность пополниться и отдохнуть, поскольку фронт в ширину у нас сузился.

Позднее мне рассказывал Москаленко, как он на плоту без мотора переправлялся через Днепр. Плот был составлен из каких-то обломков деревянных построек. Когда он добрался до середины реки, как раз налетели немецкие самолеты. Они бомбили все, что плыло по Днепру, и Москаленко попал в тяжелую обстановку, но благополучно добрался до правого берега и не пострадал. А мы с Николаем Федоровичем Ватутиным переправлялись на правый берег на катере. Посредине реки у нас вдруг заглох мотор. Летали вражеские самолеты, но не бомбили, и только немецкая артиллерия вела огонь вслепую по Днепру, чтобы мешать переправе войск. Вскоре мы расширили свой плацдарм и перебросили войска на Правобережье. 3-ю Гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал Рыбалко, замечательный, уважаемый мною военачальник, мы переправили сначала на Букринский плацдарм, имея в виду ударить оттуда в сторону Киева, с юга. Мы считали, что там ровная местность. Но на Букринском плацдарме она оказалась довольно пересеченной и тяжелой для наступления, а хорошей для обороны.

Дважды мы там наступали, однако успеха не добились, потеряли некоторое количество танков и прекратили наступление. В это время уже надвинулась осень. Шла вторая половина октября, начались дожди, земля раскисла. Это в чем-то нам благоприятствовало, потому что дожди и пасмурная погода мешали противнику вести воздушную разведку. И мы решили прекратить наступление с Букринского плацдарма и переправить танковую армию и силы пехоты опять на левый берег, чтобы перебросить эти войска севернее Киева, в район Межигорья, туда, где расположились села Ново-Петровцы и Старо-Петровцы. Так и поступили. Нам повезло: в то время, когда мы перебрасывали на север танковую армию, была совершенно нелетная погода. Танковая армия прошла уже километров 100, наверное, и в некоторых местах подошла прямо к Днепру, а противник не заметил этой перегруппировки.

Теперь мы стали вести подготовку к наступлению на участке севернее Киева, из района Вышгорода. Там был довольно оголенный плацдарм, а дальше тянулись лес и устье реки Ирпень: в целом небольшое пространство было, но вполне достаточное для сосредоточения войск и нанесения удара по немцам. На крайнем правом крыле нашего фронта, когда мы подошли к Киеву, Верховное главнокомандование передало нам из состава Центрального фронта Рокоссовского 13-ю и 60-ю армии. Командовали ими очень хорошие генералы Пухов и Черняховский, и мы были довольны, получив такие армии перед наступлением на Киев. Ставка предложила нам наступать не там, где мы выбрали место в районе Ново-Петровцев, а еще севернее, ближе к городу Козелец. Это от Киева километрах в 60. Там как раз была расположена 60-я армия, она-то должна была начать наступление, а затем включились бы 38-я и другие армии, стоявшие южнее. Так мы и стали готовиться. Поехали в 38-ю, к Чибисову. Его штаб располагался в лесу, неподалеку от реки Десны. Забыл, как называлось это село, бедное такое, земли там плохие, песчаные.

Когда мы с Ватутиным ехали к Чибисову, я увидел двух повешенных. Тогда был отдан приказ, разрешающий вешать предателей местным жителям с тем, чтобы дать им удовлетворение, потому что над ними эти предатели раньше издевались. Если их ловили, то разрешалось судить их на месте и сразу вешать. И вот висели два человека: один — заросший такой бородой, что она резко оттеняла лицо, черной густой бородой. Видимо, еще не старик, а отпустил бороду. Может быть, он пользовался ею, как маской? Когда мы зашли к Чибисову и он доложил обстановку, я спросил: «Товарищ Чибисов, мы видели двух повешенных. Что это значит? Что это за люди? Какое они совершили преступление и кто их вешал?» Он ответил: «Да, теперь такие стали порядки. Дали им права, вот они поймали и повесили». Мне очень не понравился его ответ. Он, видимо, сам не разобрался, кто там был повешен и за что.

Я вышел из помещения (а тут ходил народ) и спросил: «Вон висят люди. Что это за люди? Вы их знаете?» «Как же, знаем». «Ну, и кто же это?» «Повешен наш кузнец. Это мы его повесили». Потом говоривший назвал и второго повешенного. «За что же вы их? Какое они преступление совершили?» «Когда немцы пришли, кузнец выдавал коммунистов и комсомольцев. Он выдал нашу учительницу, и немцы ее повесили. Поэтому и мы его повесили, как предателя». «А те, которые были старостами при немцах, они убежали?» «Нет, наш не убежал. Это очень хороший, честный человек. Он помогал партизанам, и мы его оберегаем, несмотря на то, что он был старостой. Он был старостой, потому что его назначили, надо же было кого-то назначить. Мы считаем, что он делал все, что в его силах, чтобы спасти село, спасти людей». Я возвратился в помещение и сказал: «Товарищ Чибисов, вот вы говорите, что творят незаконные, а вы бы послушали людей. Они утверждают, что те заслужили свое наказание. А относительно старосты, который был при немцах, считают, что он достоин защиты, и оберегают его. Так что дело обстоит не так, как вы говорите: ловят без разбора и вешают. Нет, они разбираются, кого защитить, а кого наказать». Вообще генерал Чибисов был мне очень несимпатичен. Характер его мне крайне не нравился. Я уже раньше говорил об этом и повторяю сейчас. Потом я еще, видимо, буду возвращаться к этому вопросу.

Итак, мы получили приказ наступать западнее Козельца. Это — ориентир, а не то, что буквально там стояли наши войска. Они уже были за Днепром. Поехали мы и в 60-ю армию. Мне хотелось познакомиться с ее командующим генералом Черняховским. Очень уж он привлекал к себе внимание. Слухи, которые до меня доходили, свидетельствовали о том, что это очень перспективный человек и молодой еще по возрасту генерал. Приехали. Он сразу же произвел на нас впечатление своим умом и докладом, который он сделал со знанием обстановки, расположил к себе. Наступать? Он знал, когда надо наступать! Приказ был спущен, и он тщательно готовился к наступлению, причем довольно категорично сказал, что время, которое ему дали для подготовки наступления, его не устраивает, надо бы еще три дня.

Я уже рассказывал, как реагировал Ватутин, когда Трофименко попросил у него несколько сместить удар с того направления, которое было назначено ранее. А тут Черняховский требует, чтобы отложили наступление на три дня, хотя Ставка приказала наступать такого-то числа. Ватутин вскипел и стал доказывать, что приказ надо уважать и выполнять. Ну, вижу я, что он просто не слушает Черняховского, и говорю: «Николай Федорович, пусть он нам доложит, зачем ему нужно три дня?» И вижу, что у Черняховского тоже глаза уже засверкали и что он тоже может проявить свой характер. «А вот, — отвечает, — почему. У меня сейчас роты имеют такое-то количество солдат. Запасный полк находится на таком-то направлении. Сейчас он на марше, придет тогда-то. Пополнение я смогу дать в роты, которые будут наступать, буквально вечером накануне наступления. А утром — наступать. Командиры рот совершенно не ознакомятся с людьми, которых они получают. Не обнюхаются между собой солдаты, а каждый командир не только не изучит новичков, но даже не познакомится с ними. Как же можно так наступать? Можно лишь людей потерять и не решить задачу. Дайте мне три дня. Придут люди. Я с ними поработаю и тогда буду уверен, что решу задачу, сломлю сопротивление противника, который стоит передо мной, и разовью наступление в том направлении, которое указано в приказе». Я: «Давайте сделаем перерыв в работе, отдохнем».

Сделали перерыв. Хороший выдался денек. Вышли мы из помещения на воздух и отошли с Ватутиным в сторонку. Говорю: «Николай Федорович, дадим ему эти три дня! Позвоним Сталину, я убежден, что Сталин с нами согласится. Какая разница Сталину, сейчас наступать или на три дня позже? Если командующий говорит, что он не ручается за успех и что мы можем поставить под удар наши войска, то лучше сделать так, как рекомендует генерал». Ватутин согласился: «Ладно, позвоним». Он, видимо, дал согласие потому, что уже был пример с 27-й армией: тогда он со мной не согласился, а я Сталину послал шифровку. Конечно, я сделал бы это и в данном случае, потому что для меня слово командующего армией, когда я видел, что он на верном пути и правильно рассуждает, значило многое. Как же я, член Военного совета фронта, могу не поддержать разумное решение, тем более что я был свободен от ложного принципа некоторых военных: приказ отдали, следовательно, его нужно держаться и заставлять выполнять, невзирая ни на что. Ну и что, если приказ отдан? Раз обстановка требует изменения приказа, то самое разумное — изменить его, чтобы учесть то, что выявилось после его отдачи, а потом уже действовать либо в этом же направлении, либо менять направление наступления, в зависимости от обстановки, новых обстоятельств.

В данном случае я был доволен, что Николай Федорович согласился. Говорю: «Вы звоните Сталину. Вы командующий войсками фронта, вам и звонить». Это ему понравилось. Я сам никогда не любил звонить Сталину, должен звонить командующий. Если же я и звонил, то лишь по тем вопросам, о каких считал нужным лично доложить Сталину. Чаще Сталин меня сам вызывал. Одним словом, позвонили Сталину, и Сталин согласился без всякого сопротивления: «Хорошо, разрешаем перенести наступление на три дня». Тогда наступление осуществлялось только нашим фронтом, так что особых других забот по этой линии у Сталина не было. Были, конечно, иные заботы, потому что шла война. Но активные операции проводились в те дни практически только у нас.

Мы пообедали с Черняховским и сказали ему, что его просьба удовлетворяется: ему даются три дня для подготовки войск к наступлению. Сказали также, что к началу наступления мы к нему приедем. Распрощались и отбыли. Мы ехали лесом. Попали на большую поляну, а она вся была усеяна немецкими могилами. Немцы разбили ее на правильные квадраты, каждая могила имела свой березовый крест. Эта картина производила жуткое впечатление: сколько же там побито было людей? Но нам, не стану скрывать, она принесла и какое-то удовлетворение: вот, мол, пришли вы за чужим жизненным пространством и нашли его в этих лесных могилах. Я потом порекомендовал: «Не разрушайте эти могилы, сохраните их в таком виде, как есть. Пусть наши люди смотрят, что захватили завоеватели для себя (как говорили в старое время: три аршина земли)». Думаю, что это кладбище — результат «работы» нашей 5-й армии генерала Потапова, которая сражалась в этом районе, когда немцы наступали здесь в 1941 году.

Вскоре мы получили приказ отставить наступление 60-й армии и наступать на том направлении, где мы предлагали раньше: в районе Ново-Петровцев. Ново-Петровцы от Киева находятся километрах в 27. Нам надо было пробиться вперед через лес, который занимал противник, а наши войска располагались в чистом поле. Когда мы выбирали тут место форсирования Днепра и создания плацдарма, я говорил Чибисову: «Смотрите, лучше всего этот участок», — и показал в направлении через Ново-Петровцы. Я

хорошо знал это место, потому что там прежде были правительственные дачи. Когда-то это был старинный казачий монастырь. В нем жили запорожские казаки, когда старели. Они отказывали свои богатства безродным, а доживали свой век и умирали в этом монастыре. После переезда украинского правительства из Харькова в Киев тут организовали дачи. Там жил Косиор, там жил Петровский, там жил Постышев. Когда я приехал на Украину, то и я там жил вместе с Бурмистенко, Корнийцом и другими товарищами. Так что эту местность я знал: это маленький ровный пятак в окружении гор, с садом и довольно крутым мощным выездом. Я считал, что если мы здесь форсируем реку, то у нас сразу появится оборудованная дорога, по которой могут проходить танки и пехота. Самое главное: этот район недоступен, потому что с запада он прикрывается глубоким, совершенно танконепроходимым оврагом. Имеется только узкая дорога, которую легко можно перекрыть огнем артиллерии. Тут буквально можно выдерживать осаду.

Чибисов доложил мне: «Заняли правительственную дачу» (он даже сказал: «Заняли вашу дачу»). Но ведь ни у кого из нас личных дач не было. Это государственные дачи, и я там жил вместе с другими лицами из руководства республики. И мы стали готовиться к наступлению на этот плацдарм. Когда подготовились, решили поехать с Ватутиным в штаб 38-й армии, к Чибисову. Его штаб находился на большом удалении отсюда, за Днепром. Мы ему сказали: «Переносите свой штаб или в Старо-Петровцы, или в Ново-Петровцы, при наступлении следует быть ближе к войскам». «Есть, — ответил он, как старый офицер, — будет сделано». Он вообще любил обычно отвечать такими стандартными фразами. Но я не доверял ему.

Наш фронтовой штаб стоял немного юго-восточнее Бровар, в селе Требухово. Это недалеко от Киева, то есть на левом берегу Днепра, у болот. Перед тем как поехать в новое расположение армейского штаба к Чибисову, я говорю: «Николай Федорович, позвоните Чибисову, выехал он из старой квартиры? Где он? На новой квартире или где-либо еще?» Ватутин звонит, я стою тут же рядом, мы уже оделись, чтобы ехать. Слышу: «Где вы, товарищ Чибисов? Где ваша квартира? Вы находитесь на новой?» «Да, я на новой квартире». «Хорошо, мы сейчас выезжаем к вам с членом Военного совета. Организуйте встречу, чтобы мы побыстрее нашли вас». Ватутин положил трубку, а я опять говорю: «Николай Федорович, вы уточните, где эта его новая квартира?» Тот опять звонит. Уточняем. Оказывается, там какой-то островок или полуостровок имелся на Днепре и какой-то хутор на нем. Вот он и расположил там свой штаб вместо того, чтобы быть на плацдарме. Я только взглянул на Ватутина и ничего не сказал. А Николай Федорович аж позеленел и начал ругаться. Говорю: «Видите, какой это человек? Очень ненадежный человек. Обманет, как цыган».

Я потому отнесся к нему с недоверием и стал все уточнять, что это был у нас с ним не первый такой случай. Когда мы готовились наступать еще на Курской дуге и пришла очередь действовать 38-й армии, мы тоже перед началом наступления решили поехать в эту армию и там провести совещание. Мы тогда назвали Чибисову точное место — село, где он должен разместить свой штаб. Села тогда все были пустыми, действовал приказ о выселении с переднего края всех крестьян. Чибисов должен был разместить свой штаб близко к переднему краю. С ним ездили его жена и дочь, и он возил с собой чуть ли не корову или козу. Адъютантом у него был его зять. Одним словом, это был какой-то подвижной казачий хутор. Он сам казак. Из-за семьи ему несподручно было прижиматься к переднему краю. И тогда, когда мы ехали в 38-ю армию, я сказал Ватутину: «Спросите его, он на новой квартире?» Чибисов ответил: «Да, на новой». Мы поехали на эту новую квартиру. Прибыли. Село совершенно пустое. У крестьянских хат двери закрыты, на подворье все заросло бурьяном и крапивой. Обычно штаб легко найти. Там всегда вертятся офицеры, видны охрана и линии связи. Тут ничего этого не было. Мы туда, сюда, по дорогам проехали: нет, да и только! Тогда мы остановились около какого-то дома, сели на крыльцо и рассуждаем, а адъютанта послали посмотреть еще раз. Смотрим, едет генерал. Видим, Чибисов.

Ватутин набросился на него: «Как же мы раньше вас приехали? Вы же сказали, что вы на новой квартире?» «Никак нет». Я был просто поражен такой его наглостью. Командующему войсками фронта командарм так отвечает! Я сам ведь был свидетелем того, как Ватутин уточнял, где находится Чибисов. Я об этом докладывал потом Сталину, но Сталин почему-то относился к Чибисову значительно терпимее, чем к другим людям, которые и сотой доли такого не делали. Он знал его по Царицыну как казачьего офицера, который служил в Красной Армии. Это, конечно, большая заслуга, особенно в те времена, когда казачество в основном поднялось против Советской власти. Но все же...

Возвращаясь к Киевской наступательной операции. Приехали мы к Чибисову на хутор и сказали, что надо ему организовать новую квартиру, на правом берегу Днепра, чтобы быть непосредственно с войсками, когда они начнут наступать, а не здесь. Какое же может быть управление войсками через Днепр? Договорились, когда начнем наступление, и уехали. Приехали к себе в штаб, и я сказал Ватутину: «Начнется наступление на этом участке, и если командовать будет Чибисов, то я опасуюсь за исход дела. Чибисов не обеспечит занятие Киева. Хотя и мы в это же время будем у него, но все-таки командует армией он. Он будет распоряжаться, а мы-то не будем его подменять». «Да, верно. А что делать?» «Давайте возьмем на эту армию Москаленко. Поставим вопрос перед Сталиным: пусть он освободит Чибисова и утвердит

Москаленко». Ватутин согласился. Сейчас же мы написали шифровку. Тут Сталин позвонил, и я ему по телефону объяснил обстановку: «Как же можно положиться на такого командующего?» «Согласен, утверждаем», — говорит Сталин. Мы тут же позвонили Москаленко и приказали ему сдать армию своему заместителю, а самому немедленно прибыть в штаб фронта. Оттуда сейчас же направили его в 38-ю армию, чтобы он начал готовить ее к освобождению Киева.

В Москаленко я был уверен: каждый человек имеет те или другие недостатки; как говорится, один бог без греха. Каждый имеет какие-то свои «пятна». Я не буду говорить сейчас о недостатках Москаленко, я уже говорил о них прежде. А что у него положительное, что я высоко ценил, так это его неутомимая энергия. Она проявлялась иной раз весьма бурно, ломая и «культурные растения» в своем развороте. Но направлена она была прежде всего на то, чтобы сломить врага. Когда наступает армия Москаленко, то, если ведутся три дня интенсивные бои, он все три дня не ест. С виду он всегда был как какой-то Кашей Бессмертный, а тут вообще остаются кожа да кости.

Москаленко с радостью принял наше распоряжение. Это было для него честью освободить столицу Украины Киев. Он сказал: «Все сделаю, что в моих силах; убежден, что задачу мы решим и займем Киев. Только прошу, переведите ко мне членом Военного совета Епишева». Епишев был членом Военного совета в 40-й армии, которой раньше командовал Москаленко. Мы позвонили Сталину. Хотя Сталин не знал Епишева, для него это не стало проблемой. «Можете, — говорит, — перемещать». Переместили мы Епишева и назначили его членом Военного совета 38-й армии. Стали готовиться дальше. Перевосстановили сюда же танковую армию Рыбалко. Имелся на этом участке и танковый корпус, очень слабенький, но все же корпус. Им командовал генерал Кравченко. Одним словом, у нас были там неплохие силы. На переднем крае, на участке главного удара наших войск, мы сосредоточили на один километр 307 артстволов, включая минометы, на протяжении четырех километров по линии фронта. До того сосредоточения столь плотного огня на одном участке мы, по-моему, никогда еще не имели. Мы были совершенно убеждены в нашем успехе.

В составе войск нашего фронта была и чехословацкая бригада. Я недавно слушал по радио юбилейную передачу о боях, которые велись под Соколово, у Харькова. Там имелся в составе войск нашего фронта только один чехословацкий батальон. Хорошие были бойцы! Мы с Ватутиным к ним приехали в дни, когда из батальона формировалась бригада. Небольшой она была по численности. Командовал ею полковник Свобода. Мы с Ватутиным беседовали и с ним, и с другими офицерами. Он произвел на нас хорошее впечатление. Хотя он и был беспартийный, старый офицер Чехословацкой армии, но считался близко стоящим к коммунистам. Поэтому он знал, что в его бригаде существует партийная организация и ведет свою работу, но он не принимал никаких мер против такой работы. Лично мы хорошо относились к Свободе. А когда наступали на Киев, его бригаду тоже переправили через Днепр и поставили ее на левом участке плацдарма, в районе Вышгорода, где теперь расположена Киевская гидроэлектростанция.

Итак, все было готово. Командный пункт армии тоже был оборудован. Мы знали, что если командный пункт оборудует Москаленко, то тот окажется буквально под самым носом противника. Мне рассказывал как-то Жуков, что, когда бои велись под Сталинградом, а Москаленко находился севернее, то Жуков решил к нему поехать и посмотреть на ход боя. Жуков: «Ночью я пришел на командный пункт по ходу сообщения. Ждем, когда начнется на рассвете наступление. Рассвело. Глянул: людей вижу в бинокль. Что же это такое? Москаленко говорит мне: «Немцы!». Я ему: «Что ж ты, такой-сякой? Ты хочешь меня в плен немцам сдать? Вот какой!» Жуков был очень обеспокоен и отругал командарма. Нельзя же располагать штаб армии буквально под носом у врага. Да, с какой-то точки зрения это плохо. Но, с другой стороны, такая близость вселяла уверенность в бойцов. Войска чувствовали, что командующий у них находится непосредственно за спиной. А самое главное, что всем ходом артиллерийской подготовки и самим наступлением он управлял не только по донесениям и телефонам, а лично видел все происходящее.

Поехали мы с Ватутиным проверить готовность войск к наступлению. Все было готово. Завтра — наступление. Мы все детально расписали. Дали, кажется, два часа на артиллерийскую подготовку с довольно интенсивным огнем. На флангах, конечно, огонь был менее интенсивным. Мы хотели прорубить «окно» и ввести в него танковую армию. А танковый корпус должен был на правом участке плацдарма выйти к Ирпеню. Мы предупредили Москаленко, что приедем завтра утром к началу наступления. Еще когда готовили наступление, сказали, чтобы нам на армейском командном пункте отрыли отдельную землянку, чтобы не мешать командарму. Он имел бы свою землянку, а мы — свою. Но Москаленко несколько перестарался. Сделали отдельные землянки и для Ватутина, и для меня. Там возник целый город из землянок: командующего фронтовой авиацией Красовского, командующего фронтовой артиллерией Варенцова, командующего артиллерийским корпусом Резерва Верховного главнокомандования Королькова и, конечно, самого Москаленко.

Приехали мы туда на рассвете. Нас встретил дежурный офицер и сказал, что подъезжать к линии фронта нельзя, а надо идти по окопному проходу и следует пригнуться, потому что траншея была неглубокой. Пришли на командный пункт. Он был оборудован хорошо, мы остались довольны. Ватутин посмо-

трел на часы и сказал адъютанту: «Отбеги на такое-то расстояние по ходу сообщения и дай там условный сигнал, пусти ракету для начала артиллерийского огня». Ракета взвилась в стороне, как он приказал, чтобы ею не выявить командного пункта и не вызвать на себя артиллерийский огонь противника. Загудела земля: начала вести огонь наша артиллерия. Это такая, знаете ли, военная симфония. Для нас она была радостной, приятной. Все дрожало. Противник отвечал, но не интенсивно. В завершение артподготовки полетели волнами наши бомбардировщики, а за ними штурмовики «ильюшины».

Я вышел из землянки и смотрю: летит группа самолетов. Не помню, сколько их было. Вижу, летят «илы»: «Это наши завершающие. Скоро и пехота начнет действовать». И вдруг «илы», не доходя до нашего командного пункта, начали стрелять. Снаряды и зрэсы стали рваться на линии расположения командного пункта и на наших артиллерийских позициях. Думаю: что же это такое? Что случилось? Глянул туда, где располагался командующий авиацией Красовский. Нет его! Размышляю: «Наверное, немцы привели в порядок наши трофейные «илы», они под видом наших самолетов пробрались сюда на низкой высоте и расстреливают нашу артиллерию». Кричу: «Где же Красовский? Позовите его!» Пришел он. «Товарищ Красовский, это немцы?» «Нет, товарищ Хрущев. Это наши». «Как так наши? Откуда Вы это знаете? Может быть, немцы отремонтировали что-то из трофейных машин?» «Нет, это наши. По расписанию, вот у меня расписание, в это время должны прилететь «илы» и штурмовать вражеские позиции. Вот они и штурмуют».

Я возмущен. Этот случай свидетельствовал о невысоком уровне подготовки авиации. Спутать свои позиции с чужими было, кажется, просто невозможно. Слева Днепр, уж лучшего ориентира не придумаешь. На юге противник, мы наступаем с севера. Лес до Днепра занят противником, а перед лесом пятючок, чистое пространство, занимают советские войска. Просто не знаю, как тут можно перепутать. Но на войне порою и невероятное становится вероятным. Ясным днем, на местности с четкими ориентирами наши штурмовики, несмотря ни на что, вели огонь по своим войскам. Ну, кончилось и это. То была, действительно, последняя волна. Поднялась наша пехота и двинулась вперед. Сопrotивление врага было слабое. Все у него было разрушено, просто выкошено. Двинулись и танки.

Да, на главном направлении мы все выкосили. Но левый фланг врага подвергся менее интенсивному огню, и там немцы уцелели. Они решили отсюда нас контратаковать, ударив по левому флангу наступающих войск. Мы, глядя с командного пункта, видели, как поднялись в рост немцы и бегут к нам. Все происходило очень близко. На этом направлении, в районе Вышгорода, у нас стояла чехословацкая бригада. Ватугин приказал Свободе контратаковать немцев. Тот атаковал и сбил их наступление. То было последнее усилие врага в районе плацдарма, чехословаки сыграли тут полезную роль и восстановили прежнее положение. Наше наступление продолжалось.

Торжественная минута! Начались бои нового этапа нашего наступления на запад. Мы вышли на западный берег Днепра, дрались за освобождение Киева, матери городов русских и столицы Украины. У каждого из нас подпирал к горлу комок, лились слезы радости. Наконец-то пришло это время! С 1941 г. нас отбросили так далеко, к Сталинграду. Некоторые наши самолеты уже не могли и долететь до Киева. А вот сейчас мы находимся под Киевом и завтра-послезавтра окажемся в самом Киеве. В это время представителем от Ставки приезжал Жуков. По-моему, никого другого и не было. Он появился на второй или на третий день наступления. Помню, как для нас с ним в Ново-Петровском был оборудован погребок, где мы спали ночью, а днем сидели, обменивались мнениями и часто шутили. Когда покинули ночью свою землянку на третий день наступления, прежнего переднего края не существовало. Мы оттеснили немцев далеко в лес, и бои велись уже где-то под Киевом. Мы же били со своего плацдарма на Святошино, то есть западнее Киева, чтобы не дать противнику выскочить из города и не встать на дороге Житомир — Киев. И мы этого добились.

Заместителем командующего войсками фронта стал Гречко. Перед наступлением мы его послали в Межигорье, чтобы он оборудовал себе командный пункт, наблюдал оттуда за ходом боя и помогал организовывать войска. Помню, заходило солнце, стоял теплый вечер, но все-таки осенний, мы вышли в бурках внакидку. Приехал Гречко, докладывает мне. Так как рост у него огромный, а я давно его знал и относился к нему с уважением, то пошутил: «Товарищ генерал, вы, пожалуйста, встаньте подальше. Мне трудно смотреть вам в лицо, когда вы делаете доклад». Он засмеялся, а я попятился назад, и он продолжал докладывать. Суть была ясна: противник разбит. Но мы это знали так же, как и он. И вдруг вдаль раздался взрыв. И в городе поднялся клуб дыма. Зная расположение Киева, я говорю: «Это немцы взрывают завод «Большевик» в западной части города, перед Святошино. Раз взрывают, значит, бегут».

Перед началом нашего наступления я попросил генералов и всех командиров наступающих частей назначить специальные группы, которые, когда наши войска ворвутся в Киев, сразу направятся бы к зданиям ЦК партии, штаба Киевского Особого военного округа, Совнаркома, Академии наук и другим городским центрам с тем, чтобы, если немцы не успели их взорвать или сжечь, но заложили заряды, — обезвредить эти мины и фугасы. Это потом сыграло задуманную роль. И когда начались взрывы, я обратился к командующему артиллерией фронта: «Товарищ Варенцов, прошу приказать артиллерии накрыть Киев беглым огнем». Он недоуменно смотрит на меня. Знает, какой я патриот Киева, как я люблю этот

город. И вдруг я приказываю ему обстрелять Киев? Объясняю: «Почему я хочу это сделать? Если вы сейчас обстреляете город, это ускорит бегство немцев. Мы создадим панику. Враг меньше причинит вреда Киеву. А снаряды много не навредят. Это будет небольшой обстрел, беглый, разрушения легко восстановим. А если немцы задержатся, то они могут заложить фугасы и нанести значительно больше вреда Киеву». Варенцов отдал приказ, и начался обстрел Киева.

Кончился тот день, закончились бои, и мы с Ватутиным ушли к себе — разобраться в происшедшем, наметить действия на завтра, а потом и отдохнуть в отведенных для нас землянках. А Красная Армия вступила в Киев ночью с 5 на 6 ноября. Получился особо торжественный день, как раз накануне юбилея Октябрьской революции. Теперь могут говорить, что мы приурочили освобождение Киева к государственному празднику, и мне ради хвастовства можно было бы и согласиться. Но, честно говоря, вовсе нет. Просто так сложились обстоятельства. Тем не менее, получилось хорошее совпадение во времени. Тогда, правда, официального празднования у нас никакого не состоялось. Но приятно было чувствовать себя победителями.

Наши войска успешно продвигались в направлении Житомира. Противник был разгромлен и не оказывал особого сопротивления. Путь был открыт, хотя силы у нас для развития наступления были небольшие. Я оценивал как большой успех и прорыв вражеской обороны, и разгром его тут, и занятие Киева. Нам помогло то обстоятельство, что тогда мы дважды предпринимали наступление с Букринского плацдарма к югу от Киева. Противник, видимо, стянул туда войска, а нашу перегруппировку войск и перенос наступления на север, к Лютёжскому плацдарму, не заметил. Главные силы у него оставались на Букринском плацдарме, где он ожидал дальнейшего нашего наступления. А мы ударили с севера, и внезапно. Немцы не ожидали тут удара, и войск у них здесь было немного. Пока они начали перегруппировываться, мы эти войска разгромили и вышли на шоссе Киев — Житомир, отрезав путь отступления тем их войскам, которые находились в Киеве, так что они были вынуждены уходить из города в сторону Белой Церкви.

Таким образом, неудачные попытки нашего наступления на Букринском плацдарме сыгнали, наоборот, положительную роль, введя противника в заблуждение. Это помогло нам меньшими усилиями разгромить его с другого направления. Рано утром 6 ноября я послал в Киев своего шофера Журавлева. Я с ним ездил на машине много лет, буквально до последнего дня моей деятельности как Первого секретаря ЦК партии, вплоть до моей отставки. Проездил он со мной в общей сложности, кажется, 32 или 33 года. Я этого-то шофера, дядю Сашу, как его называли мои дети, и послал: «Поезжайте в Киев и потом доложите, как туда получше добраться». Наши войска уже были в Киеве, поэтому путь туда был свободен. По старой, знакомой нам дороге, по которой до войны мы ездили на дачу, он и поехал, как бы с дачи, в Киев, быстро вернулся и говорит, что Киев абсолютно свободен от противника, да и вообще никого нет, пусто, людей на улицах почти не видно.

Сейчас же я с представителями украинской интеллигенции, Бажаном и другими, поехали в город. Просто нет слов, чтобы выразить ту радость и волнение, которые охватили меня, когда я отправился туда. Проехали пригород Киева, вот мы и на Крещатике. Я поднялся к зданию Совета Народных Комиссаров и осмотрел его. Внешне оно было целым. Дом Центрального Комитета партии тоже не был разрушен. Осмотрели и другие сооружения: Академию наук, театры. Все внешне цело. Затем проехали к помещению, где размещался штаб Киевского Особого военного округа. Это здание было отстроено как раз перед войной. После войны именно там разместился ЦК КП(б)У, да и сейчас он там находится. Сильно был разрушен завод «Большевик» и лежал в руинах Крещатик. Когда мы приехали на площадь Богдана Хмельницкого, то там ряд домов еще горел.

Город производил жуткое впечатление. Некогда такой большой, шумный, веселый, южный город, и вдруг — никого нет! Просто слышали собственные шаги, когда шли по Крещатику. Потом мы повернули на улицу Ленина. В пустом городе отдавалось эхо. А может быть, от сильного напряжения складывалось у нас такое представление. Во всяком случае, оно было очень тяжелое. Постепенно стали появляться люди, как из-под земли. Мы поднимались с Крещатика в направлении Оперного театра по ул. Ленина (старое ее название — Фундуклеевской), идем, разговариваем, делимся впечатлениями. Вдруг слышим истерический крик. Бежит к нам молодой человек. Не знаю, в каком он был состоянии. Помню только, что беспрестанно повторял: «Я единственный еврей в Киеве, который остался в живых». Я его как-то успокаивал. Спросил: «Что вы еще хотите сказать?» А он опять повторял то же самое. Я видел, что он был в особом состоянии, близком к психическому расстройству. Спрашиваю: «Как же вы выжили?» «А у меня жена — украинка. Она работала в столовой, а меня прятала на чердаке. Я и высидел все это время на чердаке. Она меня кормила и вообще спасла. Если бы я появился в городе, то меня бы как еврея тут же уничтожили».

Потом стали появляться другие люди. Шел какой-то человек с седой бородой, уже немолодой. Шел с рабочей кошелкой. Когда я работал на заводе, то в такой же кошелке носил себе на работу завтрак и обед. Он кинулся ко мне на шею, стал обнимать, целовать. Это было очень трогательно. Оригинальная потом получилась фотография, какой-то фотограф успел на ходу сфотографировать эту сцену, и потом эта фотография облетела многие журналы и газеты.

Мы ликовали, торжествовали свою победу, освободив родной Киев. Наши войска продолжали наступать, а я с коллегами срочно занялись налаживанием производства и воссозданием на местах государственных и партийных органов, чтобы начать заново всю работу. Прежде всего, надо было организовать хлебозаготовки. В хлебе нуждалась вся страна, народ просто голодал. Требовалось сделать максимум, чтобы получить побольше зерна. В 1943 г. на Украине был очень хороший урожай. Прошла снежная зима, выпали нормальные летние осадки, поэтому и урожай был хорошим. Следовало срочно организовать заготовку хлеба, чтобы оказать стране посильную помощь.

Мне докладывали в те дни, как действовали при занятии Киева отдельные группы, которые я раньше поручил организовать. Каждая группа имела конкретный адрес и свое задание: на какое здание обратить внимание, чтобы обезвредить мины и ликвидировать пожары. Например, в помещении Совнаркома УССР, где у немцев, кажется, был госпиталь, они, когда уходили, подожгли солому. Но наши вскоре ворвались в дом и быстро погасили пожар. Остались только его следы: выгорел паркет в некоторых местах. Такая же участь постигла новое помещение штаба КОВО. Многие здания спасли тогда наши люди, потому что заранее были нацелены на конкретные объекты и сразу попали туда, пока огонь еще не разгорелся. Оперный театр был не затронут. Я вошел в него, хотя меня предупреждали, что он, возможно, заминирован (противник делал нам такие подвохи). Меня туда тянуло, вот я и вошел. Нет, театр не был заминирован. Сохранилась правительственная ложа; та же стояла мебель, те же красовались обои на стенах, вообще все осталось по-старому.

Потом, уже после занятия Киева, Москаленко рассказал мне такую историю о том, как он входил с войсками в город: «Ночью я вступил в Киев с танками. Шел впереди танков, освещал им фонарем шоссе и привел их к Киеву». Он меня попросил, чтобы об этом не узнал Сталин. К тому времени был отдан приказ, в котором строго предупреждались все генералы, чтобы они зря не рисковали своей жизнью, не подставляли себя под пули. Конечно, такое поведение не вызывалось обычно необходимостью и было героизмом на грани безрассудства. Но это ведь Москаленко! А от Москаленко всего можно было ожидать. Я дал ему слово, что не скажу Сталину, потому что Сталин осудил бы его и для примера мог бы даже жестоко наказать за нарушение директивы. Ну, да что мне-то говорить: город занят, Москаленко ввел в него танки и остался жив, а победителей не судят.

Вот так и был занят Киев. Я составил позднее небольшую записку: как проходил бой, как стойко дрались наши войска. Особо отметил артиллеристов. На меня произвела тогда сильнейшее впечатление артиллерийская подготовка. Она, действительно, была самой мощной при мне с начала войны. Пехота тоже действовала хорошо, нечего и говорить, и танкисты воевали славно, но артиллерия особенно запечатлелась в памяти. Поэтому я ее и выделил. Я послал эту записку в Москву, просто хотел порадовать Сталина. Сам радовался и его хотел порадовать, что, вот, к 7 ноября мы заняли Киев. Но был удивлен, когда на второй день взял в руки центральную газету и увидел, что моя записка полностью опубликована в «Правде».

Потом Сталин, когда я приехал в Москву, прочел мне что-то вроде родительской нотации: «Вот вы послали сюда сообщение шифровкой, по секрету, а мы взяли и опубликовали его». Я: «Товарищ Сталин, кто вам докладывал, что это сообщение было зашифровано? Никакого там шифра вовсе не было. Записка была зачитана по телефону. Мы из Киева передали ее по ВЧ, а Поскребышев записал и, вероятно, доложил вам». Сталин спросил у Поскребышева. Тот подтвердил: «Да, да, товарищ Сталин». Сталин почувствовал, как мне показалось, некоторую неловкость: хотел уколоть меня, что я секретничаю в вещах, которые никакого секрета не содержат, а получился вместо того глупый укор.

(Продолжение следует)

Вилли Брандт. Воспоминания

Вторая смерть Сталина

То, что происходило в Советском Союзе, и то, что исходило оттуда, оказало значительное влияние на мою политическую жизнь. В молодости это были сначала большие ожидания, а затем горькие разочарования. Сталинские преступления, переименованные в «злоупотребления», воспринимаются через призму уважения к страданиям и достижениям народов. В Берлине я участвовал в отражении притязаний на власть, выходящих за рамки того, что связывало партнеров по антигитлеровской коалиции. Понимание новых аспектов международной политики, приобретенное не только в боннских кабинетах, помогло мне стать тем федеральным канцлером, который поставил себе целью помимо примирения с нашими западными соседями добиться установления максимально хороших отношений и с восточными. Без Советского Союза это было бы невозможно. Мы не могли также ждать появления личностей, которые будут нам более симпатичны.

Об ответственном партийном секретаре по фамилии Горбачев я еще в последние годы жизни Брежнев ничего не слышал. Потом я случайно узнал, что его продвинул Андропов, этот стремившийся к обновлению бывший шеф секретной службы, который, будучи тяжело больным, занял пост Генерального секретаря. Весной 1985 г., через несколько недель после своего избрания, Горбачев пригласил меня приехать в Москву. Меня сопровождали полдюжины заинтересованных и компетентных товарищей по партии. Во время следующей встречи в 1988 г. я уже не был председателем СДПГ, однако недостатка в важных темах для разговора не было.

5 апреля 1988 г. Горбачев приветствовал меня в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Здесь я в свое время подписал с Косыгиным германо-советский договор. Кроме Эгона Бара, специалиста по вопросам безопасности, меня сопровождал бывший нидерландский министр по сотрудничеству с развивающимися странами Ян Пронк. Его международный престиж был весьма высок. Когда я его представил, Генеральный секретарь признался, что это хороший повод, чтобы перейти к одной из его любимых тем: «После ядерной опасности на втором месте стоит опасность социальных взрывов в странах «третьего мира».

Вскоре эрудированные советники Горбачева причислили вопросы помощи развивающимся странам наряду с угрозой миру и окружающей среде к глобальным задачам, которые выше обычных споров. Один профессор, сторонник реформ, сказал: «Что толку от классовой борьбы, если человечеству грозит гибель...» Эту мысль дополнил вывод, что история остается открытой. Кто стал бы в такой ситуации отстаивать тезис, что общественная система в Советском Союзе в отличие от правых диктатур неизменна?

В своей вышедшей в 1987 г. книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» Горбачев откровенно ссылается на доклад моей комиссии. К этому он вернулся и во время беседы:

«Мы переняли многое из того, что было создано социал-демократами и Социалистическим интернационалом, в том числе и из того, что разработали комиссии Брандта и Пальме». И в той же беседе: «Ваш опыт налицо. Не могли бы вы, со своей стороны, подчеркнуть, в каких вопросах мы придерживаемся сходных мнений?»

Мне могут сказать, что это всего лишь тактика игры, и усомниться в том, действительно ли в вопросах, имеющих значение для выживания человечества, больше нет ничего спорного. Летом 1981 г. в Институте мировой экономики и международных отношений я предложил обсудить ряд тезисов: у человечества будет общее будущее или не будет никакого; нужно не только обуздать гонку оружия массового уничтожения, но и решить острую проблему голода, а также устранить страшную угрозу для окружающей среды. Действительно, смутное понимание этих проблем начало вырисовываться еще в конце эры Брежнева. Поэтому не всякое проклятие в его адрес оправданно. Он, кстати, сказал, что против опасности войны нужно бороться «рука об руку с США».

Я не могу утверждать, что у меня были шансы познакомиться с Советским Союзом хотя бы в общих чертах так же хорошо, как с США. Помимо неоднократного пребывания в столице я лишь немного знаю Ленинград и Крым, по ту сторону Урала — только Новосибирск, а на Юге — Узбекистан. После того как меня там одели в национальный костюм, а «Spiegel» поместил соответствующую фотографию на обложке, мне позвонил Крайский и спросил: «С чего это ты теперь стал переодеваться богемской кухаркой?»

Когда я первый раз посетил Михаила Сергеевича Горбачева в мае 1985 г., как раз исполнилось два месяца со дня его вступления на свой пост. Кто только с тех пор не считал себя вправе высказываться об этом человеке? Какой он деятельный или какой опасный, сколько от него исходит обаяния или сколько в нем сидит лукавства. Приз за наименее компетентную и наименее полезную оценку этой личности достался главе германского правительства. Особенно глупым было предположение, что новое руководство пришло к власти вследствие жесткого курса Запада. Столь же безрассудным было желание, чтобы это руководство потерпело неудачу в проведении новой программы открытости и перестройки, так как в противном случае Советский Союз станет-де еще более опасным. Опять было сказано, что нужно заставить их «вооружаться до смерти». Историческая заслуга Рейгана состояла в том, что он на это не пошел.

В лице Горбачева я еще во время нашей первой встречи в 1985 г. встретил необычайно компетентного, разбирающегося в проблемах, целеустремленного и в то же время гибкого собеседника. Вечный спор о роли личности в истории получил новую и притом особенно яркую окраску. Посвященные не сомневались в том, что в его манере аргументации отразилось многое из того, что в течение многих лет он и его жена неоднократно мысленно проигрывали. Однако даже знатоки советской действительности не подозревали, насколько глубокие изменения произойдут во внутренней и внешней политике.

Характерным для нового внешнеполитического курса была готовность к серьезным переговорам. Это распространялось на ограничение как ядерных, так и обычных вооружений. От экспансионистского курса вне Европы отказались столь же решительно, как и от доктрины Брежнева, нашедшей такое страшное воплощение в 1968 г. в Праге и резко осложнившей обстановку в Восточной Европе. Кроме того, с удовлетворением отмечалась готовность оказывать содействие в урегулировании конфликтов в других частях света, например, в районе Персидского залива и на Юге Африки, в Камбодже и в Центральной Америке. В разговоре с глазу на глаз во время посещения Кремля в мае 1985 г. я спросил Горбачева, действительно ли он собирается вскоре уйти из Афганистана. Он ответил: «Да, если американцы нас выпустят».

Он никогда не зачитывал подготовленные тексты, а заранее тщательно работал над документами и делал кое-какие выписки. Он умел слушать и менять тему разговора. Громько, пока он еще участвовал в переговорах, никогда не вмешивался по собственной инициативе в разговор и открывал рот, только когда его спрашивали. Вопросы военной безопасности с самого начала ставились во главу угла всех дискуссий по внешнеполитическим проблемам. При этом о коренном улучшении отношений с американцами на первых порах не могло быть и речи. Советская версия: отношения с США достигли нулевой отметки, а военная конфронтация затрудняет не только диалог, но и торговлю. Не кто иной, как заведующий Международным отделом ЦК КПСС Борис Пономарев — он известен еще со времен Коминтерна — дал понять, что наступают лучшие времена. Возможно, Генеральный секретарь не считает нужным высказываться по этому поводу, сказал он, но, если бы руководители обеих мировых держав встретились и заявили, что они не хотят третьей мировой войны, это могло бы стать важным сигналом. В ноябре 1986 г. во время встречи на высшем уровне в Рейкьявике действительно было записано, что в атомной войне невозможно победить и вести ее нельзя.

Горбачев еще за полгода до этого сказал: «Советский Союз не доверяет нынешней администрации». В Женеве, продолжал он, в январе 1985 г. возобновились переговоры, но положительных результатов пока не было видно. Наоборот, подтвердились мрачные предсказания. «Мир — это не только США, поэтому мы согласились на новые переговоры. Но кто ждет от нас политический стриптиз, должен знать, что этого не будет. Мы за серьезную политику, а не за игру в политику». Когда я это услышал, уже шла подготовка к встрече с Рейганом. Она состоялась в Женеве в ноябре 1985 года.

Я спросил, не было ли в интересах Советского Союза решиться на смелый шаг и приступить к одностороннему ограничению вооружений. Он ответил, что при напряженном положении односторонние меры — это не смелый, а необдуманный шаг, подвергающий опасности мир во всем мире. Он сослался на Андропова, сказавшего, что Советский Союз не настолько наивен, чтобы предпринимать односторонние шаги. Позднее эту позицию также пересмотрели и самокритично признали, что Советский Союз пренебрег возможностью снизить напряженность. Из-за этого он без нужды и сверх всякой меры дал себя втянуть в гонку вооружений, которая слишком дорого обошлась собственной экономике. Горбачев, развивая свою мысль, вскоре заявил, что межгосударственные отношения должны быть «деидеологизованы».

В своих речах и публикациях новый советский руководитель явно опирался на идеи, развитые Пальме и мной совместно с нашими комиссиями или еще раньше с нашими друзьями из всех стран мира. Прежде всего они сводились к следующему: снижение уровня конфронтации, разумное ограничение военных расходов, предоставление ресурсов для спасения находящегося в опасности человечества.

Об «общевропейском доме» в 1985 г. в Москве речь почти не шла или еще не шла. Горбачев завел полемику: «Американская администрация хочет преодолеть раскол Европы. Что она понимает под расколом Европы? Если это означает ликвидацию военных блоков путем сотрудничества, то мы за это. Если же это означает поглощение Восточной Европы и ликвидацию социалистических порядков, то мы против и не допустим этого. Подобные планы могут даже привести к войне».

Относится ли Горбачев к немцам дружелюбно? Со времени нашей первой встречи в 1985 г. я думаю, что, скорее, да. Давняя традиция, которую он поддерживает, в его время наполнилась новым содержанием. Во всяком случае, во время нашей беседы в 1985 г. советский руководитель сказал: «С нашим отношением к немецкому народу все ясно. Мы отдаем должное вкладу немецкого народа в культуру и цивилизацию, его литературе и техническим достижениям. Советский Союз считал так даже тогда, когда фашисты стояли под Москвой. Мы никогда не путали народ с фашизмом». Антигерманская карта была вынута из колоды уже в связи с Московским договором, что вовсе не являлось чем-то само собой разумеющимся. Таким образом, в Восточном блоке перестал действовать один из связующих элементов. Между тем ведущие советские политики тоже не всегда могли противостоять искушению будить или даже разжигать былую враждебность. Особенно это проявлялось в Париже.

Во время встречи в 1988 г. я попросил объяснить поподробнее, как вообще мыслится перестройка? Прежде чем ответить, он сделал столь же потрясающее, сколь и откровенное признание: очень трудно наполнить содержанием лозунг «Больше демократии, больше социализма». Административно-командная система прошлого не действует и обернулась против людей и трудовых коллективов. Необходимо привести в действие потенциальные силы общества и выбросить за борт унаследованные стереотипы. Это звучало более убедительно, чем упорное требование: «Никаких решений вне социализма! Никакой смены идейных знамен. Мы родились при социализме, живем в нем и не знаем ничего другого». Социализм, который по его утверждению, якобы существует в отрыве от основных предпосылок личной и политической свободы, должен освободиться от всех деформаций. После смерти Сталина Хрущев решительно взялся за дело, но «часто останавливался на полпути». При Брежневе ничто не сдвинулось с места. Поэтому теперь необходима демократизация «при участии всего народа». Главное в перестройке — это «изменение всего нашего мышления», что, как известно, легче сказать, чем сделать.

Он был согласен с тем, что социализм без демократии не действует, и это было не только второй смертью Сталина. Он не хотел этим сказать, что новое руководство готово примириться с существованием более чем одной партии. Вместо этого было сказано, что демократию нужно проводить в рамках партии, которая должна делить власть с общественными организациями. Он обещал своим согражданам и пытался объяснить функционерам, что не должно быть никаких ограничений научных исследований. Вопросы теории не могут и не должны решаться путем администрирования. «Необходимо свободное соревнование умов».

В тех случаях, когда от него ждали реакцию на развитие различных событий в странах «блока», он высказывался подчеркнуто осторожно. Для иллюзий он не оставлял много места. Как он сказал, ему не хотелось бы категорически утверждать, что на периферии плюрализму должно быть предоставлено больше свободного пространства, даже если это поставит под угрозу монополию партии. В то же время он недвусмысленно дал понять, что заинтересован в том, чтобы его страна на и без того изнурительном пути не была еще отягощена заботами «блока». Позднее он сказал: «Пусть они сами разбираются, мы не будем вмешиваться». У меня сложилось впечатление, что в вопросе о том, как пойдет развитие, если отпустить поводья, нет ни малейшей ясности. Историю все же нельзя направить в определенное русло. Но откуда это могли знать именно в Москве?

Кто был за Михаила Сергеевича Горбачева и кто против? Расстановка сил через три или четыре года после его вступления в должность вряд ли изменилась. Его основная опора — это интеллигенция, ученые, деятели искусства, молодые работники партийного аппарата и государственного управления, осознающие необходимость реформ. «Трудящиеся», в массе своей, выжидали, а то и роптали, тем более что положение со снабжением скорее ухудшилось, чем улучшилось, а борьба с алкоголизмом — объективно необо-

димая — воспринималась как бесполезное занятие. Военное руководство, демонстрируя свою лояльность, действовало искренне: у него были свои интересы в обновлении экономики. Брежнев за несколько недель до смерти созвал видных представителей вооруженных сил и сообщил им, что растущие военные расходы вступили в конфликт с реальными экономическими прибылями. Перенес ли КГБ — орган, ведающий вопросами государственной безопасности, — уважение к своему бывшему шефу Юрию Андропову на Горбачева или отстранился от него, для постороннего наблюдателя осталось неизвестным. Да и кто может за пределами Советского Союза знать то, что и внутри-то этой страны является сплошной загадкой?

Так как Горбачеву многое пришлось выбросить за борт (как он того и хотел), он стал спешно искать для себя твердую опору. Этой твердьей мог быть не кто иной, как Ленин, знаменосец русских большевиков и родоначальник Советского Союза. Он ссылаясь на «старика», его новую экономическую политику, которая должна была прийти на смену военному коммунизму, и его предостережения относительно Сталина, которые долгое время замалчивали. Нет ничего удивительного в том, что «старик» приходилось расплачиваться за различные избитые мысли: следует различать общие и конкретные вопросы; правильная политика — это принципиальная политика; коммунистом можно стать лишь тогда, когда усвоишь все богатства прошлого; необходимо полемизировать с противниками, потому что тогда яснее видишь слаботи собственной позиции...

Умные люди, в которых нет недостатка и в Советском Союзе, вряд ли поймут, почему при упоминании имени Ленина должны прекратиться размышления и расспросы? Мысли и дела Ленина тоже не могут долго оставаться неприкосновенными, и их нельзя оградить от критической оценки. Везде, где происходит расширение демократии, старые механизмы управления не срабатывают. В Советском Союзе первоначальная попытка ограничить перестройку, с одной стороны, оживлением экономики, а с другой — ликвидацией вопиющего господства насилия также окончилась неудачей. Если внутренняя динамика процесса демократизации с трудом поддавалась оценке, то бедственное положение со снабжением загадывало прямо-таки загадки.

Трудно понять, почему советское сельское хозяйство через 70 лет после свержения царизма находится в столь плачевном состоянии; почему гибнет более 30% урожая, не дойдя до потребителя; почему уходит так много времени на реализацию идей? Ни одна современная экономика не может обойтись без хозрасчета и без живительных импульсов рынка, как и без шансов на получение прибыли. Горбачев страстно говорил о трудной задаче сокращения какой-то части из 18 млн. государственных служащих и перевода их в сферу производительного труда. Он не скрывал, что в рядах бюрократии растут недовольство и несогласие. Мне было неясно, удастся ли преодолеть это сопротивление, а если да, то каким образом. Но я ни секунды не сомневался в том, что мы должны желать всяческого успеха реформам и реформатору.

Я был глубоко взволнован, когда в апреле 1988 г., едва приехав, услышал о реабилитации и Карла Радека, того самого польского коммуниста с частично немецким прошлым, который на одном из сталинских процессов избежал смертного приговора, но затем погиб в лагере.

Глубоко взволновало меня также известие, что шесть тысяч лежавших в спецхранах книг снова предоставлены в распоряжение историков. Официальное восстановление чести и достоинства жертв террора и беспощадное разоблачение того, что пришлось пережить при сталинском режиме немецким и другим эмигрантам, я нашел в высшей степени достойным одобрения, и не в последнюю очередь из-за их семей. Но я не мог понять, почему в поисках истины с таким рвением пытались установить, ошибался ли такой человек, как старый большевик Николай Бухарин, которого Ленин называл «любимцем партии», в таком-то году меньше, чем в другом? Почему бы не дать разобраться во всем этом историкам? Зачем снова заходить в тупик? Если партия и впредь собирается определять, что истории подтверждать, а что отклонять, то до демократии еще очень далеко. Горбачев в 1987 г., идя гораздо дальше Хрущева, назвал те «настоящие преступления», жертвами которых стали тысячи советских людей. Вина Сталина и его окружения огромна и непростительна, сказал он, «это, товарищи, горькая правда». Горькой в большинстве случаев бывает правда, которую не все хотят слышать. Однако значение того, что сделало новое московское руководство для морального климата в Советском Союзе и у его союзников, вряд ли можно переоценить.

Разговор с глазу на глаз во время визита в мае 1985 г. мне особенно запомнился той откровенностью, с которой Горбачев отвечал на вопросы, по привычке называемые «гуманитарными». Я сказал, что на этот раз у меня три папки, полные петиций. Он кивнул. В первой папке, сказал я, дела лиц немецкого происхождения, ходатайствующих о воссоединении семей; некоторые просьбы уже удовлетворены. Он снова кивнул. Вторая папка, сказал я, содержит дела советских граждан, оказавшихся в тяжелом положении. У нас их называют диссидентами. Он опять кивнул. В третьей папке, сказал я, лежат просьбы о выезде евреев; родственники, живущие у нас и в Израиле, а также из Советского Союза прислали мне письма. Когда я в последний раз в Москве решился изложить подобные дела, меня довольно резко отчитали. Брежнев в 1981 г.: «Я знаю, что у вас много должностей, но не пытайтесь убедить меня в том, что вы стали еще президентом Всемирного еврейского конгресса вместо Наума Гольдмана». Иначе Горбачев: «Кого вы уполномочите обсудить завтра в первой половине дня все эти дела с выделенным мной челове-

ком?» Так оно и случилось, и наши сотрудники смогли помочь урегулированию многих дел, связанных с правами человека, прежде чем улучшилось общее положение.

Кто может сегодня измерить всю важность тех событий, когда были освобождены жертвы произвола, когда можно было посетить Андрея Сахарова в его московской квартире, когда укрепились правовая безопасность, а также свобода мнений и вероисповедания, когда состоялись демократические выборы, какими бы несовершенными они ни были, когда можно было открыто говорить о масштабах террора и лжи, выходящих далеко за пределы нормального понимания. Хорошим признаком нормализации было то, о чем рассказал мне в 1988 г. один почтенный публицист. Его взрослая дочь спросила: «Отец, ведь ты не мог не знать о преступлениях, о которых теперь так много пишут? Почему же ты мне ничего об этом не говорил?» Я невысокого мнения о поверхностных сравнениях, но не кажутся ли вам подобные вопросы очень знакомыми?

Было нелегко увязать воедино весь круг возникших проблем. Но революции обретают форму не на чертежной доске, а в сердцах и умах людей, ее совершающих. Они готовы смириться с системой даже тогда, когда совершенно очевидна ее абсурдность, и с угнетением национального свойства, когда гнев достигает высшей точки. Но неожиданно какое-то событие на периферии становится той каплей, которая переполняет чашу терпения, и создается огромная напряженность, о которой вряд ли кто догадывался, каким образом и как долго она накапливалась. Когда бунтовал Кавказ, да и в других регионах происходили столкновения на межнациональной почве, Генеральный секретарь ошеломил меня своей рассудительностью, сказав, что ему спокойнее, когда проблемы лежат на столе, а не под столом. Несомненно, национальным культурам в Советском Союзе должны быть предоставлены большие возможности для свободного развития. Было очевидно, что манифестации в Прибалтике, исполненные собственного достоинства и вместе с тем самообладания, вызывают особый интерес в Германии и Скандинавии. Советский Союз становится все более европейской страной. Тем не менее необходимо понимать, что уже к концу тысячелетия в нем будут преобладать — по крайней мере численно — нерусские национальности. Возникают все новые вопросы, не ответив на которые нельзя строить «общеευропейский дом».

В разговоре со мной Горбачев особо подчеркнул, что перестройка означает качественный перелом и во внешней политике. Кое в чем мы убедились. Джордж Кеннан, большой знаток американо-русских отношений, был готов поставить свою подпись под заявлением, что «гнилой радикализм сталинского угнетения» принадлежит прошлому и существует возможность значительно облегчить межгосударственное сотрудничество. Я хотел бы, чтобы профессор из Принстона оказался прав.

Мрачная тень Мао

Высокомерным европейцам и американцам необходимо как можно чаще напоминать, что большинство людей живет в Азии: к началу следующего тысячелетия их там будет 3,6 из 6,1 млрд., а в Тихоокеанском регионе Восточной Азии к 2000 году будет производиться 50% мирового валового социального продукта. Хотя мне не везло с планированием моих путешествий в Азию и от многих из них пришлось отказаться, я на собственном опыте убедился в том, что изменения не везде бывают одинаковыми, а Азия меняет свой облик с головокружительной быстротой.

Я не испытываю чувства неполноценности, и меня скорее забавляет, когда яркие поборники всего американского угрожают тем, что США могут перенести свои симпатии с Атлантики на Тихий океан. Проявление любви к более деловитым азиатам? Это вряд ли можно принимать всерьез. Некоторые «игроки» уже убедились, что нет смысла разыгрывать «китайскую карту». Но было бы также неразумно недооценивать развитие событий на Среднем и Дальнем Востоке. Следовательно, необходимо принять к сведению, что, судя по всему, Китай и Индия к середине следующего столетия будут иметь по полтора миллиарда жителей. Или, иначе говоря, в каждой из этих двух стран будут жить примерно столько же людей, сколько их жило в начале столетия во всем мире. Индии и Китаю за последние два десятилетия удалось создать промышленную базу и значительно поднять производство продуктов питания. Существует ли возможность в течение нескольких десятилетий еще раз удвоить урожай? Один из самых образованных ученых мира, Джером Визнер, изобретатель радара и долголетний директор Массачусетского технологического института, обезоружил меня в 1988 г. своим пессимистическим признанием: у него в голове есть решение любой мировой проблемы, кроме проблемы прироста населения.

Это относится не только к Азии, но и ко всему земному шару: резкий рост населения Земли (с тех пор, когда я был еще школьником, оно утроилось) имеет особо тяжкие последствия для Южного полушария, где многим людям почти нечего есть и они страдают от недоедания. Я не могу судить, правы ли демографы в своих утверждениях, что 11 или 12 миллиардов жителей будет означать конце Земли. То, что нам известно, недостаточно для надежного заключения. Репродуктивное поведение культурных слоев общества не поддается упрощенному анализу.

Разве я могу в чем-то упрекать духовных вождей крупных религиозных общин? Но, конечно, можно

задать вопрос, чего стоит ссылка на загробную жизнь, если человечеству грозит опасность в этой жизни? Часто меня воодушевляли добрые слова как протестантов, так и католиков. Так, Иоанн-Павел II говорил в Риме моим коллегам и мне о неизбежной связи между развитием и разоружением и «между решением проблемы отношений Север — Юг и Восток — Запад». Папа Павел VI назвал развитие «синонимом слова мир». С подобного рода чувством ответственности не вяжутся чуждые самой жизни и интересам будущих поколений проклятия в адрес тех, кто пользуется противозачаточными средствами. Планирование семьи относится к регулирующим и неизбежным элементам борьбы человечества за свое выживание.

В преимущественно нехристианской Азии люди всегда были не так щепетильны, как на других континентах. В Китае и в отдельные периоды в Индии руководители этих стран частично путем применения драконовских мер сдерживали рост народонаселения. Кому это кажется чрезмерным, тот уж, во всяком случае, не имеет права подходить к проблеме с оппортунистической или фундаментально-идеологической точки зрения.

Я не так много видел в Азии, но ее жизнеспособность и нужду скорее почувствовал, чем увидел. Кроме Японии и Индии, где я бывал и позднее, во время поездки по берлинским делам, я познакомился с Пакистаном, Бирмой и Шри-Ланкой. Иран я видел во времена шаха; эту миссию мне поручили как федеральному канцлеру прежде всего в связи с ввозом нефти. На землю Китая я ступил лишь в 1984 году. С другими странами — Индонезией и Филиппинами, Кореей и Вьетнамом, — я познакомился через их руководителей, с которыми мне довелось встречаться в Германии или в третьих странах.

Впечатляющим примером того, чего можно добиться благодаря стремлению к модернизации, если внутренние и внешние движущие силы дополняют друг друга, является Япония. Несмотря на то, что они так тяжело пострадали от второй мировой войны (а может быть, именно поэтому?), японцы, пожалуй, еще в большей степени, чем немцы, олицетворяют понятие «экономическое чудо». В 1949 г. можно было только мечтать о том, что 40 лет спустя весь мир будет совершать паломничество во Франкфурт, а еще больше — в Токио, настойчиво добиваясь средств и рекомендаций, чтобы не потерять окончательно контроль над экономическими проблемами и особенно над кризисом, возникшим из-за задолженности «третьего мира».

И кто бы мог подумать, что дисциплина, усердие и умение подражать, унаследованные японцами, в течение нескольких десятилетий приведут к высшим достижениям в области технологии и организации труда? Во время моих посещений мне довелось воочию убедиться в тех огромных изменениях, которые выдвинули островную империю в первые ряды торговых наций. Лишь позже я увидел, несмотря на все различия, важные параллели с промышленным развитием в Германии в прошлом веке: дешевая рабочая сила и выгодные патенты из западных стран. Японцы сумели после второй мировой войны воспользоваться еще одним преимуществом: они очень мало или ничего не тратили на военные цели. Они убедительно опровергли миф о том, что военная техника способствует экономическому росту. Они энергично и эффективно вкладывали средства в гражданскую технологию.

Эксперты, к которым я не отношусь, гадают, отчего, несмотря на все изменения в японской государственной системе, так долго и эффективно сохраняет свое господствующее положение бюрократия и почему подкуп представителей политической власти получил там такое широкое распространение? Коррупция существует и в других местах, в различных с исторической и социальной точек зрения условиях Китая и Индии так же, как в Америке и Европе. А русским и африканским новаторам приходится еще больше, чем другим, бороться с бюрократией, и эффективной эту борьбу никак не назовешь. Следовательно, сравнения не вносят ясность в случай с Японией.

Можно ли считать, что демократию островной империи на Дальнем Востоке все еще характеризует формальный характер и в сочетании с трудолюбием ее обитателей приносит столь своеобразные плоды? В течение почти полувека, прошедшего со времени окончания войны, по существу, так и не были созданы демократические структуры и контрольные механизмы власти.

В беседах с иностранцами, как и на переговорах, японцы демонстрируют самоуверенность, которая до сих пор в них не замечалась. Как в официальной, так и в частной обстановке японцы (женщины при этом никогда не присутствовали) до сих пор лишь в исключительных случаях принимали участие в дискуссиях. Они слушали, задавали вопросы, расспрашивали и только, если их просили об этом отвечали «за» или «против». С особым удовольствием я вспоминаю богатые оттенками, плодотворные беседы с министром иностранных дел Такео Мики, короткое время возглавлявшим также правительство. Он был приятным партнером и вне официальных рамок. Его интересовал мой опыт сотрудничества в Большой коалиции, и он дал мне понять, по какой причине. Его попытка политической модернизации Японии застопорилась. В содружестве социал-демократических партий той части света я встретил коллег, богатство мыслей которых было поистине примечательным. Только теперь, при исправлении допущенных ошибок, они начинают приносить плоды.

Предметом всеобщего восхищения, а также глубокого изучения уже давно являются не японцы, а дети азиатского экономического чуда, которых американцы называют «the four dragons» («четыре дракона»): Южная Корея и Тайвань, Гонконг и Сингапур, за которыми на расстоянии следуют Малайзия и Таи-

ланд. Всеми ими движет трудовая мораль китайцев. Всем им дает стимул и ведет к новым берегам экономики пример Японии. Их опыт показывает, что ничто не может быть столь успешным, как сам успех, а также учит, что прогресс и свобода не обязательно соблюдают равновесие. Несмотря на все неудачи, именно развитие Южной Кореи является особенно вдохновляющим: динамика рыночной экономики все же ведет к подъему политической демократии. Не обязательно смотреть на Юго-Восточную Азию, чтобы прийти к выводу, что долго одно без другого невозможно.

Происходит сдвиг центров тяжести мировой экономики и мировой политики. Стоит ли европейцу из-за этого озабоченно морщить лоб? Я думаю, что нет и еще раз нет. Что может быть опасного в том, что Азиатско-Тихоокеанский регион стал вновь играть важную роль и демонстрирует Старому Свету, что не он один может претендовать на успех? Почему кого-то должно раздражать то, что на политические события мирового масштаба в большей степени, чем когда-либо, оказывает влияние Токио, Дели, пожалуй, также Пекин и некоторые другие столицы? По-моему, скорее достойны сожаления те американцы, которые в 80-е годы считали необходимым скрывать свое очарование Азией за фасадом разочарования в Европе; то тут, то там можно было прочитать и услышать, что европейцы-де «склеротики» и о них нужно просто забыть. В начале десятилетия японцы и «четыре дракона» рассматривали Европу с аналогичных позиций. Лишь широкая перспектива общего внутреннего рынка вразумила их, а вместе с ними и американцев. Старушка Европа неожиданно обрела новый прилив сил. Так быстро меняются времена и оценки.

Не уверен, что из (Западно-) Европейского сообщества получится «четвертая мировая держава», но считаю это возможным. Во времена Никсона, то есть когда американцы вновь открыли для себя Китай, речь шла о геостратегическом балансе между членами «большой тройки». Человек, являвшийся правой рукой Никсона, был за то, чтобы расширить ее до пяти участников. Итак, по воле Киссинджера Западная Европа и Япония должны были войти в число мировых держав. Однако история пошла дальше: кто видел Европу лишь в одном измерении, действовал чересчур поспешно. Не свидетельствовало о дальновидности и то, что не обращали внимания на Индию и Латинскую Америку, особенно на Бразилию. Взгляд, застывший на геополитическом соперничестве, в котором запутались атомные державы и в рамках которого они боролись за «богадельни третьего мира», свидетельствовал об отсутствии чувства реальности — классический пример направленной по неверному пути политики защиты собственных интересов.

Обе сверхдержавы слишком поздно поняли, что эра двух полюсов кончилась, а новые центры притяжения требуют для себя права голоса в многополюсном мире. Например, Индия, с которой я познакомился в первую очередь через одного из величайших людей этого столетия Джавахарлала Неру. Непосредственный контакт с ним у меня установился еще до войны, когда он находился в Берлине, заезжал ненадолго в республиканскую Испанию и посетил Прагу, чтобы на месте выразить солидарность с жертвами мюнхенского соглашения. Этого интеллектуала из высокопоставленной, состоятельной индусской семьи симпатии завели далеко влево, пока он не заметил, что там мало что подходит для его родины. Во время войны мне очень понравилось его своеобразное изложение всемирной истории в форме писем к дочери, которые я рецензировал для одного шведского издательства. Они учили тому, что нельзя рассматривать мир только «европоцентристски», и раскрывали, какое значение имеют неизвестные нам восточные религии.

Когда в 1959 г. я был в Дели, глава правительства дал в мою честь обед в узком кругу. На нем присутствовала его дочь Индира, уже тогда являвшаяся председателем партии Индийский национальный конгресс. Несмотря на это, она вступала в беседу лишь в том случае, когда к ней обращался отец. Неру проявил живой интерес к германским делам. Это повторилось год спустя, когда я встретился с ним в доме его сестры. Она представляла Индию в Лондоне и посещала меня в Берлине. Неру спросил, есть ли решение для Берлина в целом. Как мы себе представляем военный статус Германии в будущем? Мы обсуждали европейские и другие проблемы, опасные для мира во всем мире. После сооружения берлинской стены я послал ему письмо. Он ответил мне, что человеческая сторона нашей проблемы волнует его больше, чем юридические позиции. «Мы должны неустанно трудиться во имя ослабления напряженности».

Весной 1984 г., через 20 лет после кончины Неру, я был гостем его дочери, премьер-министра Индиры Ганди. На этот раз за столом с нами сидели ее сын Раджив и невестка Соня. Они вели себя так же сдержанно, как когда-то мать. Ее [первому] сыну предстояло несколько месяцев спустя возглавить правительство. Его мать убили у ворот того сада, в котором мы вели долгие дискуссии о проблемах отношений между Севером и Югом и Востоком и Западом, причем нас снимали для британского телевидения. Она оказалась не столь властной, как я ожидал, но зато в важных вопросах более напористой, чем это сохранилось в моей памяти. Когда я был канцлером, она посетила Бонн. В Германии я с ней встречался также в качестве министра иностранных дел. В конце 1977 г., возвращаясь из Токио с конференции Социалистического интернационала, я видел ее в Дели в необычной для нее роли политического деятеля оппозиции. Чтобы не вызвать неудовольствия тогдашнего правительства, наш посол не пригласил ее на прием. Я велел немедленно послать ей приглашение, и в благодарность за это мне пришлось выслушать горькие жалобы на подлость этого мира вообще и ее политических противников в частности.

Некоторые из них считали, что их в свое время арестовали по указанию премьера. Я, как обычно,

выступил в защиту политических заключенных. В августе 1976 г. в письме к Тито, который играл в движении неприсоединения заметную роль, я скорее с удивлением, чем с возмущением заметил, что мои друзья, Крайский и Пальме, как и я сам, навлекли на себя такими ходатайствами гнев госпожи Ганди.

Во время встречи в июне 1984 г. для нее наиболее важным был вопрос, можно ли привести в движение застывшие фронты мировой политики. «Когда же европейцы изъяснят готовность действовать совместно со значительными силами из рядов неприсоединившихся государств? Почему не оказать совместно давление на сверхдержавы, чтобы привести к общему знаменателю такие темы, как гонка вооружений и мировая экономика?» Об этом же думал и я.

Я поддержал усилия «Инициативы четырех континентов», в рамках которой весной 1984 г. главы правительств Швеции, Индии и Греции объединились с президентами Мексики, Аргентины и Танзании. Как и они, я считал, что мир — это слишком важное дело, чтобы доверить его только Белому дому и Кремлю. Тогда на повестке дня, в том числе и во время моих бесед с Индирой Ганди, стоял актуальный вопрос: можно ли вначале прекратить (заморозить) размещение ядерного оружия, чтобы таким образом содействовать переговорам о сокращении арсеналов? Кроме того, мы были едины в том, что следует обратить больше внимания на взаимосвязь между смягчением напряженности и развитием сотрудничества.

Госпожа Ганди в марте 1983 г. стала председателем движения неприсоединения, которое росло численно, но, по сути, становилось более разжиженным. Как и я, она считала необходимым проведение новой встречи на высшем уровне, чтобы обсудить на ней экономические вопросы, представлявшие наибольший интерес для развивающихся стран. Она еще успела дать поручения, которые должны были обеспечить подготовку встречи с серьезной повесткой дня. Ее авторитет был непререкаем, и ее очень не хватало неприсоединившимся странам, которые (если их не считали вспомогательным отрядом коммунизма) наталкивались в западных столицах на высокомерие, дополненное скукой.

Генеральный секретарь китайской компартии Ху Яобан высказал мне в начале лета 1984 г. в Пекине несколько пожеланий, которые я должен был передать в адрес Индии: Пекин-де надеется, что отношения между обеими странами будут «и впредь улучшаться», чему способствовал бы отказ Индии от «субгегемонистских» устремлений по отношению к ее соседям. Госпожа Ганди отнеслась к этому скептически: «А они что делают?» Тем не менее наметился успех для Китая, успех в отношении трех требований, от выполнения которых зависело улучшение отношений с Советским Союзом: сокращение войск на совместной границе, конец оккупации Афганистана русскими и Камбоджи вьетнамцами. Индии это не могло нанести видимого ущерба.

При Радживе Ганди Индия не отказалась от своих амбициозных притязаний на роль блюстительницы порядка в своем регионе. Несмотря на большой прогресс в области обеспечения населения, на стране продолжает лежать гигантское бремя внутренних проблем: сепаратистские движения, бедственное положение примерно 250 миллионов человек, не имеющих прожиточного минимума, последствия слишком долгой обособленности от западной технологии.

Ху Яобан — этот быстрый в движениях, остроумный коммунист-реформатор — был снят в 1987 г. за чрезмерную «либеральность». Его смерть весной 1989 г. вызвала в Пекине студенческие демонстрации, которые были жестоко подавлены. Молодежь, требовавшая меньше принуждения и больше демократии, добивалась посмертной реабилитации Ху. Он на несколько ходов опередил свою партию. В начале лета 1986 г. во время его визита в Бонн я вел с ним оживленные беседы. Ху Цили, отвечавший в Политбюро за идеологию, приехал в Федеративную Республику уже в ноябре 1985 года. Когда власть имущие в 1989 г. задушили демократическое движение, он поплатился за свой интерес к нему. С другими высокопоставленными лицами Китая я встречался, когда они обращались к нам в связи с улучшением межгосударственных отношений.

В 14 лет Ху Яобан принял участие в Великом походе Мао. После этого он испытал довольно обычные в жизни коммунистического функционера взлеты и падения. В Пекине Генеральный секретарь объяснил мне свою политику открытости и экономических реформ. Успехи, особенно в сфере снабжения продовольствием, были очевидны, но жилищный кризис в больших городах являл собой ужасную картину. В остальном эта коммунистическая страна рисовалась уже не только в серых или синих тонах, а полной красок и звуков. Представители интеллигенции рассказывали доверительно, что им пришлось претерпеть при режиме «банды четырех». При случае говорили по секрету о политических заключенных, о требовании соблюдать права человека, о борьбе за демократию. Во время автомобильной поездки мое внимание привлекли выстрелы, доносившиеся со стороны стадиона. Один из сопровождающих, отличавшийся особой тактичностью, дал мне («но только между нами») понять, что речь идет «всего лишь» об уголовниках...

Меня несправедливо обвиняли в том, что я ради Советского Союза не уделял должного внимания отношениям с Китаем. Но дело обстояло не так просто. Более того, я никогда не шел за теми, кто считал, что, разыгрывая «китайскую карту» или подчеркивая преимущества маоизма по сравнению с ленинизмом, они добиваются выгоды для Европы и Германии. Кроме того мне были крайне отвратительны эксцессы «культурной революции», которые я долго не мог забыть. Я никак не мог понять, почему у нас и в Америке к Китаю с точки зрения прав человека подходят с более коротким аршином, чем к другим.

В Бонне еще во времена Аденауэра и Мао господствовали сколь умиленные, столь и ужасающие представления о противоречии между обеими великими «коммунистическими» державами. «Старик с Рейна» в 1955 г. с довольной ухмылкой рассказывал о том, как в Москве Хрущев тяжело вздыхал по поводу «своего Востока», а потом многозначительно добавил: «Уже сейчас китайцев 600 миллионов (!). Они-то и убедят русских, что им следует достичь взаимопонимания с Западом». В декабре 1960 г. в Бонне Аденауэр заявил, что, по его мнению, Кеннеди, вступающему в следующем месяце на пост президента, очень скоро придется заняться китайским вопросом; Америка должна решить, идти ли ей с Китаем или с Россией. Даже если высказывались явные сомнения в правильности этого вывода, он оставался при своем «или-или». Де Голль, хотя он этого прямо и не говорил, считал, что трудности в отношениях между Китаем и США не должны пойти во вред Европе.

Предположение, что из советско-китайского конфликта можно извлечь пользу, я считал неверным. Во время первого чтения Восточных договоров в феврале 1971 г. я предупреждал тех, кто возлагал надежды на «чудо-оружие»: «Китай тоже таковым не является». Однако я давал решительный отпор попыткам предписывать нам порядок урегулирования межгосударственных отношений и защиты наших нормальных интересов. С этой точки зрения и по просьбе экспортирующей экономики Людвиг Эрхард в 1964 г. стал добиваться определенной формализации отношений с Китаем, чем вызвал недовольство Америки.

Когда пришло время подумать об установлении официальных отношений с Китаем, перед политиками ФРГ встала задача поставить в известность об этом как США, так и Японию и Индию. Что касается Советского Союза и восточноевропейских стран, с которыми мы собирались нормализовать отношения, то мы были просто обязаны информировать их. Мы не должны были ни за что на свете создать впечатление, что стремимся извлечь выгоду из напряженности. Но это совсем не значило, что мы должны были быть в шорах.

На прошедшей в 1976 г. в Токио под моим председательством конференции наших послов в странах Азии было решено, что Китайская Народная Республика не должна оставаться белым пятном на нашей политической карте. Более того, в наших интересах было, «чтобы Китай развивался самостоятельно и приобщался к сотрудничеству с семьей народов». Но как бы ни был важен Китай для дальнейшего развития международной политики, «не подлежит сомнению, что урегулирования европейского, а тем самым и германского вопроса нельзя достигнуть без или против воли Советского Союза». На сессии Совета НАТО в 1969 г. я также призывал не делать ставку на постоянный и неизменный советско-китайский конфликт.

В 60-е годы мои советские собеседники ужасались по поводу «культурной революции». Посол в ГДР Абрахимов взывал в 1966 г. к общим ценностям европейской культуры. Его коллега в Бонне Царапкин пытался найти у нас понимание того, что Москва из-за Дальнего Востока должна иметь безопасный тыл в Европе. Тито, вскоре после этого ставший жертвой старческих иллюзий в отношении Китая, тоже говорил, что он очень озабочен тем, что пекинское руководство рассчитывает на новую мировую войну. Бен-Гурион, глава израильского правительства, питал почти такие же надежды, как Аденауэр. Во время похорон первого федерального канцлера он дал мне понять, что его интересует только будущее ЕЭС и Китая.

Хрущев, как нам стало известно позже, кипел от ярости по поводу «азиатской хитрости, вероломства, мстительности и лжи» Мао. «От этих китайцев никак не добьешься ясного ответа», — жаловался он. В устах Брежнева (в сентябре 1971 г. в Ореанде) это звучало так же, но только подробнее: «Европейцу очень трудно понять китайцев». Хозяин Кремля сказал буквально следующее: «Мы с вами знаем, что эти стены белые. Но если бы сюда явился китаец, он бы настаивал на том, что они черные». Политика Китая «в основе своей антисоветская, шовинистическая и националистическая», кажется, он еще сказал «кровожадная». В такой ситуации царь, дескать, объявил бы войну. Он же стремится к улучшению отношений; в ближайшее время Китай, мол, не будет представлять военную опасность.

Для меня изложение советской позиции имело особенно большое значение, потому что незадолго до этого, летом 1971 г., Никсон извещил о своем предстоящем визите в Пекин. По этому поводу Брежнев сказал, что он-де не имеет ничего против отношений других государств с Китаем. Никсону, если он туда поедет, будет нелегко. В начале того лета американский президент сказал мне, что он хорошо понимает, почему отношения с Советским Союзом имеют для нас приоритетное значение. Он бы на нашем месте поступил так же. Чтобы не возникло недоразумений, он пояснил: «Для нас большая игра — это игра с Советами». Я дал ему понять, что знаком с картой мира и не дам ни левым, ни правым маоистам заставить меня поставить не на ту карту. Если встанет вопрос о нормализации, мы своевременно сообщим об этом Москве и Вашингтону, как, разумеется, Индии и Японии.

В октябре 1972 г. наши отношения, благодаря поездке Шееля в Пекин, были нормализованы. Когда Брежнев весной следующего года был в Бонне, он, проявляя какое-то нервное любопытство, все же спросил во время небольшой прогулки в присутствии только переводчика, собираюсь ли я нанести визит Мао. Этот визит ни тогда, ни позже мной не планировался. Однако я прекрасно понимал, какое значение имеет Китай не только в общем и в перспективе, но и в данной ситуации. С конца 1971 г. Китайская

Народная Республика являлась одной из стран, «тасовавших карты» в ООН, и ее представитель сидел в Совете Безопасности. Она проявляла также активность в Восточном Берлине и в других столицах стран Варшавского пакта, причем тенденция была однозначна: помешать улучшению наших отношений с Советским Союзом.

Во время моего визита в 1984 г. Ху Яобан разъяснил мне, почему Китай заинтересован в сохранении мира во всем мире и (в отличие от того, что было при Мао) в поддержании «равной дистанции» к Вашингтону и к Москве. Интерес к Европе и ее стремлению к единству был огромным, как, впрочем, и интерес к европейской социал-демократии. Намечалась нормализация отношений с Москвой. Только что заключили соглашение с англичанами о возвращении КНР богатого Гонконга. Начиналось установление культурных, экономических и туристических контактов с Тайванем, который еще недавно считался как бы объявленным вне закона.

В правительственной резиденции для официальных гостей я встретился с Дэн Сяопином, невысоким, полным энергии человеком, который, однако, уже не совсем ясно произносил отдельные слова. Он определял основные направления политики, числясь официально председателем комиссии советников при ЦК и председательствуя в могущественном военном комитете. Я цитирую из разговора, который мы вели за столом, сервированным посудой кайзеровских времен: «Мне поручено дать в Вашу честь обед... Мне уже восемьдесят лет. Моя голова работает уже не так хорошо. Но Аденауэр, когда он стал канцлером, тоже был довольно старым человеком». «Ваш визит к нам слишком краток. Вам нужно приезжать почаще. Как у Вас со временем?... Для нас Вы в любое время желанный гость... Только побывав в Китае, начнешь его понимать. Я хотел бы, чтобы Вы основательно познакомились с Китаем». «Свой путь к коммунизму я нашел на французских фабриках. В 1926 г. я ехал из Парижа через Франкфурт и Берлин в Москву. В Берлине я пробыл одну неделю. Там все было очень аккуратно, правда, мне не хватало парижских кафе». «Китай — еще относительно отсталая страна. Наши проблемы — это технология и квалифицированные кадры. Своими силами мы с этим не справимся. При изоляции нельзя развиваться. Отсюда наша политика открытости для внешнего мира». «У нас много старых членов партии. Многие из них состоят в ней несколько десятилетий. В качестве переходной системы мы создали комиссию советников. Однако старые функционеры уступают место более молодым. Вместе с тем мы предоставляем в их распоряжение свою мудрость... Речь идет о том, чтобы путем передачи мудрости и опыта придать новому поколению уверенность и стабильность».

В заключение, после того как я сказал: «Вероятно, соответствует действительности, что Китай не хочет, чтобы его использовали как карту в игре, так же, как и я не хочу разыгрывать ее сам во вред другим», он заметил: «На свете все еще есть игроки. Будущее покажет, что в этом правильно, а что нет».

Кому в таких случаях неясно, что многое из того, что происходит сегодня, становится понятным лишь на фоне старых религиозных и философских систем? В начале 1988 г. на конгрессе в Мадриде приехавший из Китая старый человек подвергся дружескому допросу: «Можно ли рассчитывать на то, что уже при жизни следующего поколения значительно поднимется благосостояние?» Ответ: «Конечно, лет через сто мы достигнем некоторого прогресса».

Прежде чем пригласить меня к столу, Дэн завел речь о беседе между Аденауэром и Черчиллем, в которой фигурировали гунны. Под ними, вероятно, подразумевались китайцы? Я перевел разговор на другую тему, указав на то, что «старик» связывал с полезной ролью Китая большие надежды. Если бы тема гуннов была затронута несколько лет спустя, я нашел бы более подходящий ответ. Пока студенты и рабочие, требовавшие отставки ужасного старца, ничего не добились. Человек, о котором в мире создалось столь романтическое представление, снова стал насаждать террор и страх. Он еще раз осуществил то, на что никогда не смотрел иначе, назвав теперь смертную казнь «воспитательной функцией». И мир в ужасе отвернулся.

«Смена обоев»

Изменения в сознании, охватившие главным образом творчески активные слои населения и проникшие даже в высшие эшелоны правящих партий, начались в Восточной Европе задолго до Горбачева. Импульсы и сообщения, поступающие из Москвы, придали происходившим в разное время изменениям в странах, расположенных между Германией и Россией, неравномерное ускорение и оказали свое воздействие даже там, где считали, что вихрь перестройки только мешает, или, как идеолог политбюро Хагер в Восточном Берлине, спрашивали, обязательно ли менять обои в своей квартире, если великий сосед затеял ремонт? Это был многоплановый процесс. Стремление к демократическим решениям, социальному многообразию и экономической выгоде неоднократно находило свое выражение еще до того, как в Советском Союзе стали всерьез говорить об обновлении. А вопросы необходимости предоставления большей независимости и новых форм равноправного сотрудничества начали обсуждать задолго до того, как на Москве-реке были разработаны планы европейского строительства.

На пути к новой трактовке понятий было и остается еще много завалов, которые необходимо расчистить. Например, с тех пор как венгерский мятеж в октябре 1956 г. можно называть своим именем, а именно народным восстанием, а не контрреволюцией, было необходимо, по крайней мере, формально восстановить честь тех, кто пал жертвой судебного убийства в его самых страшных проявлениях. Однако если тогда в Будапеште бесчинствовала не фашистская нечисть и народ не был ею обманут, то почему же тогда не дать массовым демонстрациям в Восточном Берлине в июне 1953 г. объективную оценку? А именно: сначала как протест рабочего класса против жалких условий жизни и повышения производственных норм, затем как стремление добиться права на самоопределение в общем и проведения свободных выборов в частности, которое ежечасно наполнялось новым содержанием и охватывало все новые города и промышленные районы. Пока не загрохотали танки.

Глава германской и германо-советской послевоенной истории, в которой описываются события июня 1953 г., нуждается в исправлении. Правда, руководству Единой партии в этом случае не пришлось бы вдобавок ко всему аннулировать показательные процессы против уклонистов из собственных рядов с соответствующими заказами палачу. Ульбрихт, что бы о нем ни думали, уклонился от выполнения наглых требований советского аппарата и не последовал примеру Балкан, Праги и Будапешта. Иногда этому немецкому коммунисту, следовавшему каждому повороту советской политики, даже приходило в голову приводить в качестве аргумента особое положение Германии. Он, вероятно, указывал и на то, что кадры КПП понесли огромные потери не только вследствие гитлеровских преследований, но и сталинских чисток.

Между находящимися у рубежей Советского Союза странами с самого начала существовали значительные различия, которые объяснялись не только историческими причинами, но и разнообразными интересами державы-гегемона, с одной стороны, и не совпадающими интересами соответствующих партийно-государственных аппаратов — с другой. Господствующая роль советских оккупационных и (или) контрольных властей во многих местах вызвала неверные представления. И к несколько высокопарному тексту Варшавского пакта в течение многих лет относились серьезнее, чем он того заслуживал, если критически оценивать обстоятельства его появления. В отношении СЭВ, который на Западе называют «Камекон», опасность переоценки была не столь велика.

Легко ли было мне и людям моего поколения отождествлять сферу действия Варшавского пакта с понятием «Восточная Европа»? В школе мы, скорее, понимали под этим Балканы. Однако после раздела континента быстро укоренилась привычка называть так пространство между Балтийским и Адриатическим морями. Американские и прочие упростились с необыкновенной легкостью причислили к «Востоку» Веймар и Дрезден, Прагу и Братиславу, а также другие центры европейской культуры, расположенные еще чуть ближе к России. Неудивительно, что та Центральная Европа, о которой думали, что она исчезла, в конце концов получила новые очертания, хотя они не всегда и не везде достаточно четко выражены.

Летом 1947 г. я провел несколько дней в Праге и был немало удивлен тем, какой активный, почти кипучий интерес проявляют чехи к своему послевоенному государству. Полгода спустя от этой оживленности не осталось и следа — господствовало грубое единообразие, принесенное в страну государственным переворотом. Коммунисты не удовлетворились тем, что они были самой сильной партией, они хотели все решать одни. Население не получило никакой выгоды даже от того, что они организовали проведение безобразной кампании по изгнанию судебных немцев. И в Польше, Венгрии, на Балканах страдания одних народов переплетались со страданиями других. Это было, как при демонстрации фильма с конца. Коммунисты страдали вместе со своими народами, показав примеры высокой самоотверженности, но после этого они взяли на себя роль вершителей судеб и стали преследовать тех, с кем еще до недавнего времени стремились сотрудничать. В своих собственных рядах они развернули безрассудную «охоту на ведьм». Однако судьба народов не исчерпывается их поражениями, к которым относится как раз духовное и моральное опустошение.

Народы вновь обрели свое «я». На европейском Востоке происходили глубокие изменения, однако их ощутили лишь с некоторым опозданием и не во всех случаях достаточно ясно. Культурное и религиозное наследие, преодолеть которое окончательно никому не удалось, вновь дало о себе знать и вскоре превзошло все остальное. Вновь окрепнувшее чувство собственного национального достоинства имело тем большую силу воздействия, чем больше казалось, что оно выросло из неуверенности и беспомощности великой восточной державы. Советский Союз, так это воспринималось всеми, поглотил у своих западных рубежей больше, чем он мог переварить. Остальное доделала привлекательность западной действительности, хотя и преувеличенная. Более того, ощущение единства с людьми Западной Европы было живо в народах стран, расположенных между Германией и Россией, еще до того как началось соревнование в произнесении речей и создании картин на тему «общего дома».

В Берлине я чувствовал, а во времена восточной политики надеялся, что «европеизация» Европы, особенно в ощущениях и мышлении многих людей «на Востоке», будет прогрессировать. Как это в обозримом будущем можно будет частично претворить в жизнь, стало важной темой (и, конечно, не только для меня) еще в 70-е годы. Всегда, когда кто-то хотел, чтобы я объяснил ему особенности другой части

Европы, неизбежно приходилось указывать на разницу между географической картой и рельефом. После 1945 г. еще достаточно было двухцветной черты. Тут и там были нанесены пунктиром изменения линии границы, для политического выравнивания особого цвета не требовалось. То, что изменилось и четко проявилось в последние годы, нельзя было больше должным образом изображать на двухцветной карте. Для этого, скорее, подходит рельефная карта с возвышенностями и низменностями, дающая представление о живой истории.

В 1985 г. Горбачев вступил в должность Генерального секретаря. За этим последовал пост президента. С ним к рычагам власти пришли люди, принадлежащие к поколению, выросшему после Октябрьской революции. Вне прямой связи со сменой руководства в Кремле, а в основном по возрастным причинам наметились кадровые изменения в большинстве государств Восточного блока, кроме Польши. Мое впечатление: новый человек в Москве предпочел выиграть время и не спешить знакомиться с рядом новых лиц. Мой вывод: старое руководство останется на своем месте дольше, чем оно само рассчитывало. Для Горбачева речь шла о гораздо большем, чем просто более молодые или старые лица. Он стремился освободиться в военном и финансовом отношении от некоторых дорогостоящих обязательств в рамках своего пакта, а тем более в других частях света. Интересы политической стратегии и народнохозяйственного баланса дополняли друг друга.

В Восточном Берлине, где я в 1985 г. был принят по всей форме, было бы неприлично спрашивать Эриха Хонеккера, кто же будет его преемником. Но, разумеется, от него не укрылось, что в высших эшелонах власти ГДР, хотя и шепотом, обсуждают, кто станет генеральным секретарем СЕПГ вместо человека, когда-то приехавшего с берегов реки Саар? Но фамилии всех претендентов вскоре перестали обсуждать. То, что Хонеккер останется председателем Госсовета, и не только формально, считалось решенным делом. Но именно в ГДР речь шла не только о первом человеке. Типичным для руководящих органов был преклонный возраст их членов. Все они накопили свой жизненный опыт в основном в период между мировыми войнами и в борьбе за выживание до 1945 года. Что делают в столь «затруднительном положении»? Ссылаются на предстоящий съезд партии, который в случае надобности можно отложить или приблизить.

Когда Хонеккер в 1987 г. нанес свой все время откладывавшийся визит в Федеративную Республику, он одержал маленькую победу над теми русскими, которые постоянно препятствовали его поездке на берега Рейна. Он считал, что линия, проводившаяся им в начале 80-х годов, находит свое подтверждение: ухудшение отношений между мировыми державами не обязательно должно отражаться на отношениях между обоими германскими государствами, без нужды этого допускать нельзя. По отношению к Горбачеву его позиция отличалась сдержанным дружелюбием и отсутствием какого-либо раболепия. Хонеккер уже имел дело с другими кремлевскими руководителями и располагал, если он хотел ими воспользоваться, каналами информации, не ограничивавшимися аппаратом Генерального секретаря. Хорошо зная, что будучи в советской столице я мог наблюдать за антиалкогольной кампанией, не пользовавшейся особой популярностью, он спросил: «Ведь мы и дальше пойдем немецким путем?» Своим, скорее, шутивным ответом я вовсе не добивался того, чтобы перед обедом (про протоколу это был «завтрак») подали водку. Но тем не менее это произошло, и тайный умысел состоял в том, что соотечественники достали западногерманский напиток, название которого было созвучно фамилии советского Генерального секретаря.

В Будапеште Янош Кадар считал, что изменения «у русских» подтверждают его правоту, однако не считал для себя необходимым из-за этого продлевать пребывание на своем посту. Он устал и был доволен тем, что в очень тяжелых условиях смог предотвратить для своего народа худшее, его желание уйти в отставку не удовлетворили, причем не последнюю роль здесь наверняка сыграл совет «советским друзьям». Обстоятельства, при которых весной 1989 г., за несколько месяцев до смерти, его лишили последних постов, показались мне неподобающими и недостойными. Я это выразил таким образом, что меня поняли и в новом Будапеште.

Среди руководителей Восточного блока Кадар был тем, с кем я, несмотря на все формальности, больше всего сближился. Он и верные ему члены руководства, еще не деформированного ожесточением, помогли нам ориентироваться в условиях, когда это трудно было сделать. При этом они не забывали о выгоде для Венгрии. Кадар разрешал людям путешествовать и свободно выражать свои мысли. Какое-то время он был единственным партийным руководителем в блоке, который мог бы выставить свою кандидатуру на выборах. Его страстное желание состояло в том, чтобы Европа снова объединилась, а раскол в рабочем движении в один прекрасный день был преодолен. В его служебном кабинете висела картина, изображающая Мао в Москве вместе с другими вождями «международного движения», и он не снял ее и тогда, когда русские стали гнушаться этим. На меня произвело еще большее впечатление то, что он сказал весной 1978 г. в загородной резиденции для гостей, во время долгой вечерней беседы с глазу на глаз: «Собственно говоря, неужели мы должны еще раз повторять сражения 1914 или 1917 года? Разве нет совершенно другого рода вопросов, которыми сегодня и в будущем должны заниматься социалисты?» В принципе против этого трудно было возразить. Но несмотря на всю свою житейскую мудрость, он был очень далек от четкого представления о демократическом социализме в отличие от некоторых своих

сотрудников. Но в то же время он был здесь более последователен, чем многие представители следующего поколения.

В начале 50-х годов Кадара, как и Гомулку в Польше, арестовали по обвинению в титоизме. Он подвергался пыткам. Об этом он со мной никогда не говорил, однако давал понять, что его до последних дней жизни угнетала судьба, которую партия в 1949 г. уготовила своему «наследному принцу», министру внутренних дел Ласло Райку. Райку обещали, что если он своим ложным признанием поможет «делу», то сможет потом где-нибудь жить под чужим именем. Вместо этого его повесили. Утверждение, что меньше чем десятилетие спустя Кадар, а не советская сторона, обещал Имре Надю и его товарищам, укрывшимся в югославском посольстве, свободный выезд из страны и не сдержал слова, мне кажется неубедительным. В 1956 г. он как венгр и коммунист (именно в этом порядке) считал необходимым достичь соглашения с оккупационной державой.

Густав Гусак, когда я в 1985 г. нанес ему визит в Праге, даже не пытался скрыть свою немощ. Казалось, что он прямо-таки просит о назначении преемника. Когда его наконец освободили от обязанностей генерального секретаря, это не прозвучало как сигнал к обновлению. Когда-то действительно Злата Прага не желала приобретать нового блеска. Она уже многие годы выглядела серым городом, пропитанным каким-то кислым запахом.

Господствующая партия не смогла ни собраться с духом, чтобы назвать поименно совершивших преступления, списываемые на счет сталинизма, ни исправить пагубную и неверную оценку Пражской весны, а тем более, чтобы осудить «контрреволюцию», приписываемую коммунистам-реформаторам, пользовавшимся поддержкой народа. Пострадавшие от этой «весны», главным образом интеллектуалы, собирались под знаменем «Хартии-77», оказывая в основном тихое, но упорное сопротивление. Правящий аппарат не смог справиться ни с травмой 1968 г., ни с идеями Хартии.

В Софии Тодор Живков, занимавший свой пост дольше всех остальных, а именно с 1954 г., также не боялся говорить об ожидаемой замене: при нем-де страна продвинулась далеко вперед (что легко можно было заметить не только по многим признакам политической открытости, но и, в первую очередь, по внушительному прогрессу в технологии), теперь нужна свежая кровь. Тем не менее ничего не изменилось: он остался и пережил в политическом смысле своих преемников, о которых слишком рано заговорили.

В 1985 г. я не был в Бухаресте. То, что тамошний вождь скорее самоизолируется, чем откроется, было совершенно очевидно. Еще когда в начале лета 1978 г. я прибыл из болгарской столицы в румынскую, меня охватило чувство, будто я попал из довольно приятной атмосферы в едва переносимую обстановку низкопоклонства. При этом во мне не было никакой предвзятости, наоборот, на основании его прежней самостоятельности я был, скорее, расположен к этому человеку. Но если где-то оправдано выражение «культ личности» (в том числе среди тех, кому за столом разрешалось слушать и аплодировать), то это Румыния Чаушеску. В дальнейшем человек, стоящий во главе государства, даже не считал нужным отвечать на письма, посылаемые ему в связи с бесцеремонным неевропейским обращением с меньшинствами или запретом контактов с бывшими высокопоставленными лицами, например, с министром иностранных дел. Бесспорно, что извращения Бухареста не укладывались в сознании европейцев. Может ли служить утешением то, что «government by neurosis» (правительство, пребывающее в неврозе. — *Ред.*), как известно, и под коммунистической маской ведет в тупик? Какими страданиями вымощен этот тупик и как трудна будет обратная дорога!

Горбачев, не колеблясь, дал ясно понять, что ради собственных интересов Советский Союз вынесет и больше, чем «смену оboев» у своих соседей. Разумеется, он не мог желать, чтобы где-то всерьез поставили вопрос о выходе из Варшавского пакта. Но он никому не хотел угрожать. Так называемая «доктрина Брежнева», которая в 1968 г. после ввода войск в Чехословакию приобрела печальную известность, должна была кануть в прошлое. Теперь русские руководители ссылались на положительный пример, данный Финляндией. Во всяком случае, Генеральный секретарь в Москве не возражал против того, чтобы его европейские соседи развивали как можно продуктивнее свои отношения с Западом, налаживали тесное сотрудничество с организациями, первоначально направленными против (коммунистического) Востока. А если таким образом удастся устранить предрассудки (в том числе в пользу Советского Союза), то тем лучше. С новой точки зрения Москвы, было также неплохо, что со стороны участников Варшавского пакта чаще, чем прежде, вносились самостоятельные предложения по вопросам европейской безопасности. Наоборот, благодаря этому мог лишь скорее тронуться лед там, где он еще не растаял.

Хонеккеру и его команде руководителей, отнюдь не блещущих юношеской свежестью, удалось добиться относительных успехов в экономике — в их сфере действия, в условиях их системы и, во всяком случае, по сравнению «с русскими», о которых говорили: «Вот когда они достигнут нашего уровня, тогда мы их послушаем». Поставки из ГДР имели существенное значение. Еще более высокомерно, в неприятном русском тоне высказывались о «польском хозяйстве». Однако когда незадолго до Горбачева кремлевское руководство переключилось на изоляцию Федеративной Республики, Хонеккер со своими соратниками проявил упрямство и оставил стрелку компаса в положении: «Мы верны курсу разрядки». Откровенная заинтересованность немцев в выживании на Востоке и Западе была столь весома, что правители

в обеих частях Германии, несмотря на все, что их разделяло, акцентировали внимание на согласии. Новая холодная война, которая не исключена, не должна стать тяжелым бременем для людей по ту и другую сторону разграничительной линии, а тем более, вылиться в военное столкновение. Внутривнутриполитическая приверженность позициям догматизма не мешала «восточногерманской» стороне определять свои собственные внешнеполитические интересы и при случае проявить свой взгляд на проблемы там, где «русским» это казалось нежелательным.

Впрочем, только ли присущие нынешнему поколению черты мешали руководящей команде ГДР произвести критический анализ собственной истории и собственных представлений? И только ли они привели к абсурду, вроде той оси Восточный Берлин — Бухарест, единственное рациональное зерно которой заключалось в упрямом желании показать Горбачеву и его людям, что «мы тоже кое-что собой представляем»? Нет, есть более глубокие причины, и они затрагивают существование государственности, не имеющей собственного лица. Что еще остается там, где и национальная общность не может обеспечить внутреннее единство? Грань между осуществлением насильственной власти и германским самоутверждением слишком тонка, чтобы и более молодое руководство могло продолжительное время спокойно ее преступать.

О Польше и Венгрии говорили как о более «прогрессивных» странах Восточного блока, дальше других продвинувшихся по пути к открытости и демократизации. С таким необычным сочетанием можно согласиться, хотя в остальном сравнения неуместны. В Венгрии и Польше давным-давно проводилась линия на разнообразие в культуре, а требования незамедлительно ввести политический плюрализм раздавались не только извне и снизу, но и со стороны части руководства, имевшей определенный вес. При этом наблюдались весьма типичные отклонения: в Венгрии преобладали силы реформаторов-коммунистов, продвигавшие вопреки всем ленинским лозунгам многопартийную систему, включая возможность отставки, если такова будет воля избирателей. Развитие в Польше пошло по пути, который не только не был предопределен на заседаниях «круглого стола» между правительством и оппозицией, но и не соответствовал представлениям тех, кто выступал от имени «Солидарности».

«Солидарность» как новый, выходящий за традиционные рамки профсоюз — это можно было понять. «Солидарность» как движение, в котором совместно действовали интеллигенция и рабочие и которому была обеспечена поддержка со стороны церкви, — это также можно было себе представить. Просто Польша вновь стала Польшей. То, что у этой церкви были достаточно длинные и гибкие руки, чтобы благословлять почти всех, кто хотел в этом участвовать, не являлось чем-то само собой разумеющимся. И все же тот, кто понятия не имеет о стихийности и ее анархо-синдикалистских и левокоммунистических толкователях (или предшественниках), кто не знаком с их корпоративными склонностями, пусть и не думает, что ему удастся понять «Солидарность». Госпожа Тэтчер была немало удивлена, когда на балтийском побережье Польши обыкновенные «trade unionists» выразили свое удовлетворение ее визитом и почитание. Но и это была «Солидарность» до того, как она «вросла» в структуры правительственной власти как оппозиция господствующему режиму, охватывающая весьма многочисленные и весьма различные силы.

Суть вопроса и констатация эпохального значения: социализм без демократии бессмыслен и неэффективен. Понимание этого подразумевает не только то, что ни одна партия не обладает монополией на истину, но и то, что ни одному классу не принадлежит монополия на прогресс. И оно глубже, чем признание того, что исход процесса, который мы называем историей, нам неизвестен.

Ведь дело было не только, а возможно, и не столько в «надстройке». Практика показала, что для того чтобы приспособить (если вообще еще что-то можно приспособить) плановую экономику, дела которой все более ухудшаются, к современным требованиям, необходимы структурные изменения с большей свободой как для производителя, так и для потребителя. Не было даже намека на то, что оторвавшиеся от действительности планирующие ведомства идут в ногу с техническим прогрессом. Напротив, они повсюду сдерживали творческую и личную инициативу. Так было доказано, что осуществить социальную справедливость в условиях рыночной экономики трудно, но без нее — просто невозможно.

Такому человеку, как Войцех Ярузельский, это можно было не рассказывать. Он и сам это знал. Это было воскресным утром в декабре 1985 года. Я находился в Варшаве, чтобы совместно с гостеприимными польскими хозяевами отметить 15 годовщину подписания нашего договора. После незабываемого концерта из произведений Шопена в доме, где родился композитор, последовал завтрак в весьма приятном и интересном обществе в одном из бывших дворцов Радзивиллов. Жена Ярузельского Барбара преподает в Варшавском университете германистику, в совершенстве владеет немецким языком и прекрасно знает немецкую литературу прошлого и настоящего. Генерал — патриот до мозга костей, осознающий трагичность того, что попутного ветра больше нет: «Вы сказали, что Европе нужна Польша. Нас это радует. Но добавьте еще, пожалуйста, что и для сохранения мира нужна стабильная Польша». «Поляки любят, чтобы ими восхищались независимо от того, борются ли они или страдают за рубежом или в своей стране... Но я прошу Вас понять, что мы наконец-то хотим стать нормальным народом». «Государство без демократии может лишь какое-то время быть сильным. На длительный срок оно может быть сильным только в том случае, если будет демократическим». «Я не хочу быть препятствием для примирения».

Он был более сложный человек, чем думало большинство его противников; не только отличным офицером и организатором военного дела, но и деятелем, сознающим свою связь с уходящей корнями в европейские традиции культурой. В нем не было ни капли раболепия по отношению к великому соседу на Востоке. Вот его слова: «Нам в Сибири тоже не всегда хорошо жилось».

В 1981 г. я спросил у Брежнева, что он думает о Ярузельском и о положении в Польше. Он сначала показал на жалко выглядевшего, страшного «кардинала партии» Сулова. Того буквально трясло от злости, ибо он был вынужден отправиться на предстоявший польский партсъезд. Там он не смог оказать никакого заметного влияния. Вскоре после этого он умер. Когда мы на следующий день ехали в машине, Брежнев сказал о Ярузельском: «Мы его знаем. Он долгое время был министром обороны. Другой кандидат, которого мы знаем еще лучше, вероятно, не наберет большинства». Этим другим человеком был Стефан Ольшовский.

То, что польская партия полностью исчерпала себя, дошло до советского руководства со значительным опозданием. В декабре 1980 г. военное руководство в Москве выступало еще за интервенцию, но не нашло политической поддержки в первую очередь у Брежнева. Выход — чрезвычайная диктатура, называемая в тексте польской конституции «военным положением». Самообман части тогдашнего руководства состоял в том, что они считали, что могут выбраться из болота, уцепившись за фалды генеральского мундира. Результат: Ярузельский не только среди своих сограждан, но и в широких кругах за рубежом стал одиозной фигурой. Даже в Социалистическом интернационале почти не было возможности приводить более или менее сдержанные доводы, а в Вашингтоне, как и в Париже, германский федеральный канцлер подвергся несправедливым нападениям. Слабое утешение: можно было задать вопрос упрямам в Москве, Восточном Берлине или Праге, знают ли они, сколько раз перевернулся бы в своем саркофаге Ленин, если бы он узнал, в чем теперь состоят характерные особенности коммунистического государства в Европе. «Во главе его стоит генерал, но церковь пользуется гораздо большим влиянием, чем партия».

Германскому социал-демократу зачастую было трудно подобающим образом общаться с правящими кругами (это относится не только к Польше) и, несмотря на это, не дать никому оснований для ошибочного предположения, что он считает борьбу демократических оппозиционных сил политическим фольклором. Это верно, что мне лишь весной 1988 г. позволили посетить Андрея Сахарова в его московской квартире, но в этом, как и во многих других случаях, мне удалось своими многочисленными критическими замечаниями способствовать его возвращению из ссылки. В 1985 г. я не смог совместить «официальный» визит в Варшаву с поездкой в Гданьск, куда меня пригласил Лех Валенса, но мне удалось подробно побеседовать с целым рядом его сотрудников. С Ярузельским я долго говорил о возможности выезда за границу для профессора Бронислава Геремека, которому предстояло стать в 1989 г. председателем фракции «Солидарности» в сейме. Перед самым моим отъездом генерал пришел в резиденцию для гостей, чтобы ознакомить меня с бессмысленными возражениями польских органов безопасности. Задолго до этого я во время продолжительной беседы с Генеральным секретарем Эдвардом Герекком ходатайствовал за Адама Михника, беспокойный и свободолюбивый дух которого постоянно приводил к конфликтам (в том числе, заканчивавшимся лишением свободы) с начальством. Интересно, что подумал бы добряк Герек, когда Михник, во-первых, стал главным редактором оппозиционной газеты в Варшаве, а во-вторых, вдобавок ко всему получил приглашение приехать в Москву, чтобы распространять там свои своеобразные тезисы?

Безраздочное первенство в вопросе мелочных придирок удерживали чешские аппаратчики. Одним из моих добрых знакомых (хотя мы с ним никогда не встречались) был Иржи Гаек, министр иностранных дел во время эры Дубчека, принадлежавший к левым социал-демократам, которые после войны примкнули к компартии. Он знал меня лучше, чем я его, потому что он сидел в концлагере Фульсбюттель вместе с одним моим близким норвежским другом, журналистом, а впоследствии статс-секретарем Улофом Брунвандом. Гаек был одним из инициаторов создания «Хартии-77». За это ему отомстили и тем, что не приняли его сына в высшее учебное заведение. Гусак клятвенно обещал мне, что все будет в порядке. Однако государственная безопасность и на этот раз решила показать, что она значит больше, чем президент страны. В конце концов Гаек-младший в результате долгих хлопот смог выехать на учебу в Осло. Отца я увидел впервые в жизни, когда в июне 1989 г. находился в Стокгольме, а он возвращался оттуда в Прагу. Еще в начале того года ему не разрешили участвовать в обеде, который федеральный президент фон Вайцеккер дал в Бонне по случаю моего 75-летия.

Отношения со старыми и новыми (а также возрождающимися) партиями в другой части Европы требуют большого внимания. Для ответа на вопросы о будущем необходимы мудрость и мужество. Однако без честного анализа прошлого ничего сделать нельзя.

Это относится и к СЕПГ. Впрочем, кто знает, как до конца тысячелетия сложатся обстоятельства в так называемой Восточной Европе? Насколько тесной будет связь всех этих стран или некоторых из них с Советским Союзом? Как в ближайшем будущем пойдет развитие отношений с Европой Сообщества? У меня нет ответов, но мне кажется очевидным, что возврата к тому, что было под сенью Сталина, не будет.

Краеугольные камни

В своем богатом воображении Михаил Горбачев создал образ Европы как «общего дома», чем добился значительного успеха. На Западе еще большего, чем в своей стране. Притом образ был не так уж нов, а пафос, с которым он преподносился, нередко превосходил ясность концепции. Когда я добрых 20 лет тому назад впервые встретился в Нью-Йорке на уровне министров иностранных дел с Андреем Громыко, он тоже счел нужным указать на то, что мы живем «под общей европейской крышей». Или должны бы жить? Позднее последовало самоуверенное заявление известного русского клоуна: ему, мол, ничего не стоит разместить в своем доме представителей 20 наций. Это было не столь сенсационно, а, скорее, симпатично и участливо.

Образ «общего дома» внушает мысль, что его жители должны ладить друг с другом. И что вместе они многое могут сделать для своего благополучия, вместо того чтобы, как это происходило в течение многих поколений, превращать жизнь в сущий ад — не в общем доме, но все же на общей территории. Впрочем, и новая крыша не обязательно должна побуждать людей только к дружелюбию. Все равно, прежде чем построить дом, следует выяснить: насколько далеко простирается участок. Вероятно, все же не до Владивостока? Где нужно вбить опоры, где поставить забор? И какая сохранится связь Америки с Европой?

Многие годы после окончания второй мировой войны обе полуевропейские мировые державы спорили о том, какая из них имеет право распоряжаться Европой, в то время как управляющие, жильцы и квартиранты мучились с распределением этажей, квартир и комнат, а также оборудованием. Как можно называть дом «европейским», если порядок в нем определяют не те, кто там вырос и живет? Шанс, представившийся нам в начале 70-х годов, был небольшим. Речь шла о том, что Европа примет участие в усилиях по достижению разрядки между обеими мировыми державами, а не будет от них отстранена. Проектирование «общего дома» намного превосходило бы наши возможности. Речь шла о сколько-нибудь нормально «цивилизованном» соседстве между рассорившимися жильцами и их потомками, ни больше, ни меньше.

Один из следующих шагов, если это допускали общие условия и этому не противились участники, должен был состоять в сведении воедино элементов добрососедства. При этом мы, безусловно, имели в виду, что коммунистическая система не вечна и в один прекрасный день повсеместно можно будет снести лишние заборы и ненужные ограждения. Я дал это понять, когда в 1960 г. был выдвинут кандидатом в канцлеры, но ни разу после этого. Это выглядело бы чересчур наивно.

Да и кто мог знать, возникнет ли при существующих противоречиях не только между блоками государств, но и между общественными системами тема «общего дома»? А если возникнет, то когда? Правда, уже тогда существовала уверенность, что кое-что можно выиграть благодаря общим столам под открытым небом. То, что было достигнуто малыми шагами, политикой договоров и общеевропейским началом в Хельсинки, все еще не оправдывало ожидания многих участников. Тем не менее даже скромные изменения пошли европейцам на пользу. Разве не наиболее очевидным показателем этого явилось увеличение числа поездок между обоими германскими государствами?

Мы в своей части Европы, во всяком случае, действовали правильно, не дав возможность мировым державам самим решать, под какими лозунгами и на каких участках конфликт между Востоком и Западом будет демилитаризован, а также изменит свой характер. Это были наши собственные дела, и речь здесь шла о выигрыше пространства для делового сотрудничества и расширения контактов между людьми. Чувство реальности позволяло и позволяет предположить, что части Европы нельзя ни растворить в туманной целостности, ни включить в самые совершенные планы строительства, однако в процессе, который нельзя рассчитать до мелочей, между этими частями, как частями, государствами, сообществами установятся новые, вероятно, продуктивные взаимоотношения.

С представлением об «общем доме» связана иллюзия о доме, в котором не бывает нарушений неприкосновенности жилища, а если это произойдет, то не останется безнаказанным. Это представление пробудило полные надежды или тягостные, но в любом случае чрезмерные ожидания того, что нам принесут перемены на Востоке. Объявились не только глашатаи близкого счастья; на горизонте появились также хорошо натренированные предвестники несчастья, которые неустанно указывали на опасность успешных реформ в бывшем Восточном блоке. Во многом это была чепуха. Во всяком случае, вероятнее всего, что Советский Союз останется великой, а потому потенциально опасной военной державой, даже если его будут постоянно сотрясать волнения, а нагнетание проблем усилится. Нет необходимости углубляться в историю, чтобы убедиться в том, что внутренние потрясения не всегда находят свое выражение во внешнем миролюбии.

Советский Союз в обозримом будущем будет находиться под определяющим влиянием только одной партии, даже если ей частично удастся осуществить реальное обновление и она только по названию будет коммунистической. Сбивающая с толку односторонность, наложившая свой отпечаток на мышление русских задолго до Ленина, не исчезнет еще в течение длительного времени, а возможно, и никогда. Другими

словами: в Советском Союзе не так скоро установится демократия западного образца, и это должен помнить каждый, кто хочет участвовать в строительстве «европейского дома».

Тем не менее было бы глупо игнорировать исторический перелом, связанный с именем Горбачева. Я уверен, что начатое не будет признано бесспорным. И надеюсь, что достигнутое не будет уничтожено. Впрочем, даже если политическое, идеологическое, экономическое разделение Европы и мира сохранится без существенных изменений, то мирное сосуществование все равно останется объективной необходимостью. В мире, каким он стал на пороге нового столетия, вряд ли есть место для иллюзий, будто возможны абсолютные и окончательные решения. Организация и строительство Европы ни на миг не казались мне застывшей схемой или дилеммой, я их всегда представлял себе как гибкий и в основе своей сложный поэтапный план. Я никогда не был высокого мнения о тех, кто делал вид, будто какая-то часть, какой бы важной она ни была, заменяет собой целое. В самом начале своего канцлерства я заявил: внешняя политика моего правительства — это, в первую очередь, европейская политика. Однако это означало больше, чем только западноевропейская политика, мы пытались придать ей общеевропейскую ориентацию.

После первого года пребывания в должности канцлера я в начале ноября 1970 г. изложил перед бундестагом свои цели общеевропейской политики «на ближайшее десятилетие». Все это было уже знакомо: расширение ЕЭС за счет желающих вступить в него государств; создание экономического и валютного союза; западноевропейское дипломатическое сотрудничество в целях создания политического союза; партнерство с Америкой, чтобы и таким образом взять на себя политическую ответственность за судьбы мира. К этому я добавил в качестве пятого, но не менее важного пункта: «Не в последнюю очередь искать и использовать в интересах всех сторон имеющиеся в данный момент возможности общения и сотрудничества с государствами Восточной Европы».

Эту линию внешней политики я изложил в своей речи при вручении мне Нобелевской премии в декабре 1971 года. В свое время она была обрисована Томасом Манном. «Возвращение Германии в Европу, ее примирение с ней, ее добровольное... вступление в систему европейского мира» — об этом писатель говорил еще до окончания войны. Через Европу Германия вернется к самой себе и к созидающим силам своей истории, сказал я в Осло и дополнил: страдания и неудачи нас многому научили, и эту насущную задачу ставит перед нами разум. Будущее Европы не в прошлом. Помимо объединения на Западе существуют шансы для европейского сотрудничества в интересах мира — «если бы я не знал, какие практические и идеологические препятствия еще предстоит преодолеть, я бы в данном случае говорил даже о европейском мирном союзе».

«За большую Европу» — таков был призыв, с которым я выступил в апреле 1972 г. на конгрессе в земле Северный Рейн-Вестфалия. В присутствии Жана Монне я призывал к социальной Европе и констатировал, что и эта тема для нас не нова. «Монне и его комитет содействия еще десять лет назад предложили создать комиссию по сотрудничеству между Сообществом и восточноевропейскими государствами. Еще будучи бургомистром Берлина, я посвятил себя решению этой задачи. Сейчас, когда мы отрешились от иллюзий, политическое развитие, скорее, свидетельствует о том, что можно найти возможность осуществить прежние задумки».

Западноевропейская интеграция, с одной стороны, и сотрудничество между Западной и Восточной Европой — с другой, не противоречат, а дополняют друг друга. «Если будет достигнут прогресс в области общеевропейского сотрудничества, это не повредит западноевропейскому единству. Точно так же прогресс в деле западноевропейского единства не нанесет ущерба общеевропейской безопасности и сотрудничеству. Расширенное сообщество формируется не как блок против Востока: оно может, в том числе благодаря укреплению социальных компонентов, стать существенным механизмом европейского мирного порядка».

И далее: «Советский Союз и восточноевропейские страны начинают все больше осознавать реальность существования Общего рынка и исходить из нее. В пользу этого говорит собственный интерес, ибо как можно достичь расширения экономических и научно-технических отношений между Восточной и Западной Европой без Сообщества в качестве наиболее компетентного партнера?» Наша политика в области отношений между Востоком и Западом — это «составная часть постепенно вырабатываемой политики Западной Европы в этой области, кроме того, она согласована с Атлантическим альянсом». При этом мы исходили из понимания ее «обоюдного и взаимного значения для прочной организации мира в нашей части света».

Если в чем-то и проявлялась преемственность моего политического мышления и моих действий, то именно в данной области. Это все же не помешало злонамеренным и весьма пристрастным критикам вопреки здравому смыслу приписать мне склонность к действиям в интересах Востока. Тот или иной профессор новейшей истории, отдавая дань моде, вопреки фактам заявлял, что моей политике разрядки не хватает солидной увязки с Западом. Те же упреки явились предметом длительных дискуссий с председателем ХСС Штраусом в бундестаге незадолго до моей отставки с поста канцлера. Создание европейского единства, заявлял я тогда, во-первых, остается нашей исторической задачей. Однако попытки обратиться

это единство против Америки не найдут у меня одобрения. Во-вторых, стержнем европейского единства остается примирение и дружба с французским соседом. «Мы не хотим выбирать между Вашингтоном и Парижем, и никто нас к этому не сможет принудить». В-третьих, усилия по достижению разрядки и сотрудничества между государствами Востока и Запада не противоречат атлантическому сотрудничеству и западноевропейскому единству. «Наоборот, наша Восточная политика, или то, что под этим подразумевают, началась на Западе и всегда будет самым тесным образом связана с Западом». В западном единстве мы видели хорошую предпосылку для постепенного развития общеевропейского сотрудничества. К этому я добавил: с европейской точки зрения, не следует относиться с недоверием, а тем более враждебно к американо-советскому диалогу. Дословно: «Разумеется, европейцы должны следить за тем, чтобы соблюдались их сегодняшние и будущие интересы, но они также не должны допустить, чтобы неправильно понятое европейское усердие подтолкнуло их самих и других к неразумным действиям». Идеалы будущего не должны служить оправданием игнорирования сегодняшних забот. У меня не было намерений «противопоставлять политику западного партнерства и единства усилиям по сотрудничеству между Востоком и Западом или устраниваться от всеяющей растущее уныние проблематики отношений между Севером и Югом». Наше время не должно стать временем грубых вулгаризаторов, а также «временем тех, кто, не сознавая этого, находится в плену у прошлого».

Другими словами, в моем понимании, западноевропейское единство занимало особое, выдающееся место, но оно не должно было осложнять процессы развития, идущие на пользу всему континенту. Сотрудничество между государствами Востока и Запада в практических областях имело свое, особое значение и могло даже привести к большей безопасности. Атмосфера менялась к лучшему частично потому, что Вашингтон и Москва по-новому оценили свои двусторонние интересы, а отчасти и потому, что европейские партнеры по обе стороны «железного занавеса» по-новому оценивали ситуацию. Коллективную безопасность начали переводить на язык практической политики. Так, не только в общих словах, но и весьма конкретно заговорили о том, до какого уровня можно снизить военные потенциалы.

Это развитие в первой половине 80-х годов позволило преодолеть тенденцию, заставлявшую нас опасаться дальнейшей или новой конфронтации. Решающим прорывом, хотя большинство это не сразу осознавало, стала Стокгольмская конференция по мерам укрепления доверия, явившаяся продолжением хельсинкского процесса. Осенью 1986 г. здесь было достигнуто далеко идущее соглашение по вопросам проверки соблюдения обязательств. Согласованная система воздушного и наземного наблюдения начала действовать в начале 1987 года. Помимо этого, стороны должны за несколько месяцев уведомлять о предстоящих передвижениях крупных соединений. В Вене переговоры об обычных вооружениях, ведущиеся частично между членами обоих союзов, а частично с участием всех европейских государств, вступили в 1989 г. в стадию, которая, возможно, приведет к их успешному завершению. Если будут согласованы верхние пределы численности танков, войск, артиллерии и самолетов, а затем и для «тактического» атомного оружия, мы получим основы новой структуры европейской безопасности. Участники путем инспекций на местах, а также надлежащей регистрации смогут убедиться в соблюдении соглашений.

Такая система ограниченных вооружений не означает, что альянсам наступил конец. Кто спешит поставить на повестку дня вопрос о роспуске союзов, тот не учитывает действительного положения вещей. Однако было и остается желательным, чтобы они изменили свой характер, взяв на себя при новых европейских структурах функции защитного колпака. Преобладающее влияние, которое Соединенные Штаты и Советский Союз со времен второй мировой войны оказывают на Европу, будет и дальше ослабевать. Обе мировые державы во многих отношениях будут по-прежнему связаны с судьбой континента, но не смогут сдерживать процесс европеизации Европы. Трудно себе представить межблоковую организацию европейской безопасности, в которую не будут втянуты «полуевропейские» великие державы. Так было во время процесса, начавшегося в середине 70-х годов в Хельсинки, то же самое происходит и на венских переговорах. И это все более отчетливо понимало руководство Советского Союза; раньше Москве никогда бы не пришлось в голову назвать североамериканское присутствие в Европе «значительным фактором мирного сосуществования».

Это не дает ответа на вопрос о будущей организации военной безопасности для Западной Европы и развивающегося (как быстро?) в сторону политического союза ЕЭС. Тема соразмерности западноевропейской коллективной и собственной ответственности, с тех пор как президент Кеннеди 25 лет тому назад предложил НАТО структуру двух столпов (здесь — Северная Америка, там — Западная Европа), не стала ни более увлекательной, ни менее важной. Попытки продвинуться в этом направлении мало к чему привели как в НАТО со своей «Еврогруппой», так и вне ее с тем Западноевропейским союзом, который в свое время был создан в качестве дополнительной узды для предотвращения нежелательного развития Германии. В частности, без ответа остался вопрос о ядерном потенциале Франции и Великобритании и его роли в европейском контексте. Германская политика, следуя доброму совету, не стала покушаться на то, что нам все равно не могло принадлежать, не говоря о том, что это вообще не имело никакого смысла.

Люди, стремящиеся во всем к совершенству, снова и снова склонны представлять себе дальнейшее развитие Европы или как охватывающее весь континент Сообщество или как новое образование, состо-

ящее из общеевропейских структур. История редко оказывается перед альтернативой. Я считаю и то и другое неверным, а рассчитываю вместо этого на значительное расширение диапазона различных степеней сотрудничества. Несомненно, что когда-нибудь под крышей Сообщества будет жить больше европейцев, чем те, которые сегодня нашли здесь свое жизненное пространство. Вероятно, что та или иная страна пополнил его членство, но подлинного расширения на Восток не произойдет. Параллель с расширением на Юг, которое в свое время вопреки всем пророчествам оказалось весьма успешным, здесь неуместна, в том числе и в первую очередь из-за существующей принадлежности к НАТО.

Из-за членства в НАТО после перехода к демократии я разделял сомнения моих испанских единомышленников. Югославы опасались того, что если в другой части Средиземноморья изменятся стратегические обстоятельства, они подвергнутся советскому давлению. Тогда также говорили о принятии Сирии в Варшавский пакт. Положение изменилось, и Фелипе Гонсалес добился вступления не только в ЕЭС, но и в Атлантический союз без полной интеграции и на выгодных для своей страны условиях.

Впрочем, мне кажется вероятным многоплановое сотрудничество различной интенсивности между ЕЭС и восточными государствами, включая Советский Союз. Этим государствам пригодятся на их пути критически настроенные, но готовые прийти на помощь партнеры. Это будет путь и к тому, чтобы стать ответственными участниками важных международных организаций.

Я не исключаю появления той или иной новой межблоковой организации для всей Европы. Если ЕЭС предложит другим принять участие в своей экологической политике, это имело бы смысл и заслуживало всяческого одобрения. А если соседние страны совместно предпримут охранительные меры, которые можно осуществить только выйдя за пределы государственных границ, блоковое мышление отпадает само по себе. Чем быстрее будет создано эффективное, снабженное необходимыми средствами и полномочиями общеевропейское ведомство по охране окружающей среды, тем лучше. Резко возросшее экологическое сознание должно способствовать тому, чтобы мы не потеряли еще больше времени.

Помимо борьбы с новой опасностью, угрожающей обществу, Востоку и Западу стоит заняться совместным решением задач по преодолению глобального противоречия между Севером и Югом. Усилия, выходящие за рамки традиционной помощи развивающимся странам, повысили бы престиж Европы не только в других частях света, но и в глазах собственного подрастающего поколения. Различные формы конкретного европейского сотрудничества — государственные или негосударственные — кажутся ему более привлекательными, чем официальные тексты и манифестации.

Заключительный акт Хельсинки и рекомендации последующих конференций содержат много материала не только для совместных документов, но и, если хотите, для конвенций, то есть обязывающего европейского права, а также, если хотите, для совместных действий. В рамках страсбургского Совета Европы (23 члена вместе с Финляндией, ставшей в 1989 г. из ассоциированного полноправным членом) с 1949 г. принято более ста конвенций, главным образом по юридическим, техническим и культурным вопросам. Выдающуюся роль при этом сыграла конвенция по защите прав человека.

Я всегда придавал принципиальное значение тому, чтобы, опираясь на нее, можно было сказать как греческому режиму полковников, так и турецкой военной диктатуре: Европу можно теперь воспринимать только с правами человека, и тот, кто хочет к ней принадлежать, обязан их придерживаться. После того как восточноевропейская точка зрения сблизилась с западной, ни для кого не могло стать неожиданно стремление некоторых стран Восточной Европы к сотрудничеству с Советом Европы (что из этого получится — вопрос другой). Совет же неотделим от прав человека и вообще от притязаний своих граждан на права человека. В сравнении с тем, что могло бы быть, повышение роли Страсбурга невелико. Но если сравнить с тем, что было, то история, кажется, сделала большой скачок.

Трещины

Нацистские и посленацистские изгнания обеднили Европу. Демократическое право для этнических групп могло бы создать прочную основу, на которой разнообразные национальные и культурные силы развернулись бы в собственных и общих интересах. Там, где более или менее централистское национальное государство уступает место коллективным европейским структурам, отдельные регионы приобретут больший собственный вес. В этом смысле значительные изменения начались прежде всего в Испании, а также и во Франции.

В Советском Союзе укреплением региональных компетенций, очевидно, не обойтись. В повестке дня изменений, которые необходимо предпринять в срочном порядке, наряду с экономикой первостепенное место занял национальный вопрос. Нерусские народы вряд ли удовлетворятся обещаниями мнимого федерализма, что, имея в виду неопределенность грядущих лет, возможно, является самым сложным фактором.

На Балканах, особенно в Румынии, национальные меньшинства постоянно подавляются. А в Югославии после смерти Тито, как казалось, еще раз был брошен вызов федеральной конституции. Угрожающая

Федеративной Республике Югославии серьезная опасность распада ни в коем случае не соответствует и не будет соответствовать разумным интересам Европы. Друзья этой страны, к которым я себя отношу, могут только советовать не откладывать в долгий ящик необходимые экономические и демократические реформы. Интенсивное участие в прогрессивном европейском сотрудничестве могло бы принести определенные плоды.

Будучи ведущим членом движения неприсоединения, Югославия, видимо, иногда переоценивала свои возможности. Но в целом эта страна оказывала (и за пределами Европы) конструктивное влияние. Это относится в определенной мере ко всем неприсоединившимся демократиям: швейцарцы и австрийцы, шведы и финны своим поведением в европейском и международном контексте устранили клише, возникшее в начале холодной войны, — исторически обусловленный нейтралитет более не рассматривается как аморальная беспринципность.

Однако каждый раз, когда в европейской структуре обнаруживались трещины, а то и разрывы, речь снова и снова заходила о немцах. Как сложатся отношения между их обоими государствами? Растворятся ли они, как это долгое время казалось, в противостоящих блоках, и вопрос о более тесном общем будущем отпадет сам собой? Или в процессе изменения взаимоотношений между Востоком и Западом все же получится общая крыша, государственная или негосударственная? Пожелают ли этого немцы вообще, вопреки всем трудностям и, с западной точки зрения, неудобствам? И выразят ли соседи, когда потребуются нечто большее, чем общие слова, свое доброжелательное отношение? Дадут ли они, например, согласие на возникновение в Центральной Европе государства, которое по количеству жителей, экономической мощи и прочему потенциалу займет доминирующее положение? Или новое доверие уже оттеснило старый страх? Доверие, выросшее из новых европейских структур?

Многие из моих сограждан, а также многие из тех, кто говорит от их имени, с большей охотой избегают подобных вопросов. Им проще представлять себе дело так, будто, во-первых, для каждого народа существует естественное право на одно государство, а, во-вторых, будто западные державы приняли на себя по отношению к Федеративной Республике обязательство помочь немцам вновь достичь государственного единства, того единства, которого в 1871 г. добился Бисмарк и которое распалось вследствие второй мировой войны.

Даже люди, которым это следовало бы знать лучше, чем другим, спрашивали: разве американцы, русские и англичане летом 1945 г. на Потсдамской конференции, а потом вместе с французами в Союзном контрольном совете не подали сигнал о том, что они намерены сузить территорию германского рейха, но не навсегда расчленить? Германия должна получить возможность «вернуться в круг цивилизованных наций», говорилось тогда, а до тех пор она будет рассматриваться экономически как единое целое. А разве на третий год после окончания войны, когда коалиция победителей распалась и был заказан план государственной реорганизации западных зон, не обошли мир слова о временном состоянии? И разве из вступления к Основному закону Федеративной Республики Германии не следовало, что в будущем предстоит всего лишь снова соединить то, что в результате распада военной коалиции победителей оказалось разделенным глубоким рвом?

Так не могло продолжаться вечно, но многим, особенно тем, на кого возлагалась особая политическая ответственность, было трудно принять во внимание следующий основной фактор европейской истории: вопрос о государственном устройстве Германии всегда решался, прямо или косвенно, его соседями, а их у Германии не мало. Так и в одном из следующих раундов решение о национально-политическом будущем, каким бы оно ни было, будут принимать не только немцы, а также не только державы — победительницы второй мировой войны.

Оборотная сторона медали: извращения германского национализма живы в сознании соседних народов и значительной части остального мира. Так разве могут они на вечные времена исключить, что произойдет накопление национально-революционной энергии, нацеленной не на разрушение, и она при известных обстоятельствах, даже без категорического требования сверху, вырвется наружу? Можно предположить, что местом действия будет та часть разделенной Германии, где люди не так обеспечены, как в другой. Почему, по какому праву и на основе какого опыта мы должны исключить, что в один прекрасный день в Лейпциге и Дрездене, Магдебурге, Шверине и Восточном Берлине не сотни, а сотни тысяч людей выйдут на улицы с требованием о предоставлении гражданских прав? В том числе и права на переселение из одной части Германии в другую? Они поставили бы в затруднительное положение не только русских, но и союзников из-за прав, сохраняемых за Германией как единым целым. И может быть, они даже будут действовать без оглядки на тот тип самодовольных соотечественников на Западе, которые с большей охотой сделают все что угодно, но только не поделятся с теми, кому в конце войны вышал более тяжкий жребий.

Что же касается держав-победительниц, то члены советского руководства никогда не пытались сблизить меня предложениями относительно единства. Не было даже намека на это. Они ограничивались общими словами по поводу перемен как существенного фактора истории и не желали даже думать о том, что рано или поздно им придется ограничить выдвинутую далеко на Запад зону их непосредственного вли-

яния в Европе. Когда в Бонне Горбачева и сопровождавших его лиц спрашивали о перспективах их политики по отношению к Германии, они ограничивались ни к чему не обязывающими фразами. В Париже происходил обмен улыбками, и господа главы государств напоминали о том, что, в конце концов, существует известная ответственность четырех держав. Напротив, к видимым значительным переменам относится то, что новое руководство в Восточной Европе (в том числе в Польше!) больше не считает установленный статус-кво в Германии отвечающим их собственным интересам.

Что же касается Соединенных Штатов, то, благословив нашу политику договоров, Вашингтон не скрывал в конфиденциальных беседах, что он не связывает с ней надежды на приближение так называемого воссоединения. По ту сторону Атлантики были склонны считать раскол континента эпохальным событием и возлагали мало надежд на «ветры перемен», которым когда-то присягал Кеннеди. Зачем изображать вещи сложнее, чем они есть на самом деле? Ричард Никсон польстил нам, заявив, что ключ к Европе находится в Германии. Летом 1971 г. он мне сказал: «Европе понадобится время, но немцы до конца столетия будут играть в этом мире значительную роль». Когда я в конце 80-х годов читал лекции в нескольких американских университетах, то был уверен, что от Калифорнии до Новой Англии меня каждый раз будут спрашивать, когда и как произойдет «re-unification» (воссоединение). А следующий вопрос гласил: «Вернутся ли тогда, наконец, американские солдаты?»

Гарольд Вильсон и Эдвард Хит прекрасно умели в сдержанных выражениях высказывать тревоги британской политики. Почти так же, как их коллеги в Париже, попечители дипломатического наследия в Лондоне, с одной стороны, испытывали угрызения совести, а с другой — питали робкую надежду. В 1939 г. они мало чем могли помочь Польше, как за год до этого Чехословакии. С их точки зрения, растворение меньшей части Германии в так или иначе развивающейся Восточной Европе было не самой плохой из возможных перспектив.

Во Франции от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана без существенных различий действовало правило, по которому следовало всегда помнить об опасности единого германского государства, но, чтобы не попасть в затруднительное положение, как можно меньше говорить об этом. Даже такой умный человек, как Жан Монне, вполне серьезно считал, что западноевропейская интеграция вполне может заменить немцам ФРГ национальное единство, достичь которого невозможно. Между тем в глазах общественности Федеративная Республика не была свободна от подозрения, что она может установить планку для ЕЭС вообще и для Валютного союза в частности настолько высоко, что получит «свободу действий» на Востоке.

Жорж Помпиду, этот взвешивающий каждое слово сын провинции Овернь, летом 1973 г. сказал: «Францию будет весьма беспокоить даже невооруженная нейтрализация Центральной Европы и все, что к этому может привести». Но еще за два года до этого он говорил: «Придет день, когда Восток решится пойти по пути либерализации». Поэтому (об этом шла речь еще при де Голле) Запад не должен представлять как блок, в котором не происходит никаких изменений. Во время похожей на завещание беседы в Бонне в июне 1973 г. президент Помпиду заявил, что Франция будет аплодировать, если ГДР перестанет быть коммунистической, что приблизит час воссоединения. Но это все же просто невероятно. Что же тогда? Осторожно нарисованную мной перспективу национального единения в условиях продолжающегося раскола Париж не счел убедительной. Ведь прошло всего два года с тех пор, как президент дал себя на какой-то миг убедить, что в Крыму я, якобы, договорился с Брежневым о выходе из западного союза. Вскоре и французы поняли, что это был чистейший вздор. Однако то, что немцы дают мировой прессе повод для крупных заголовков, с точки зрения парижского «*classe politique*» (политического урока. — *Ред.*), уже само по себе говорило о многом. Западные союзники с самого начала наблюдали за нашими усилиями в области восточной политики со смешанным чувством понимания и скептицизма. Правда, в Париже критический взгляд становился все острее, а взаимопонимание отступало на второй план.

В начале лета 1987 г., когда я уже оставил пост председателя партии, Миттеран пригласил меня на обед, где задал мне неожиданный вопрос: стоит ли все же воссоединение на первом месте в таблице о рангах германских интересов? Я поправил его с учетом злободневности ситуации, успокоив таким образом. «Что, на первом месте у вас стоит не национальный вопрос, а экология?» — переспросил он. — «Ведь это же типично немецкий романтизм». Вот так нелегко бывает добиться того, чтобы тебя понял сосед, а в данном случае еще и друг. Совершенно превратно французские партнеры понимали и движение сторонников мира, считая его далеким от действительности и к тому же проявляемым исподтишка «пацифизмом». Было почти невозможно объяснить им взаимоотношения между враждующими — и притом такими дисциплинированными — немецкими братьями.

Миттеран очень удивился, когда в начале 1981 г. в первый период избирательной кампании, которая в мае того же года привела его в Елисейский дворец, мы встретились в «восточногерманском» отеле, и один самодовольный первый секретарь пытался его убедить, что с социализмом в ГДР все обстоит наилучшим образом. Глава французских социалистов — типичный француз — еще более удивился, увидев особое отношение ко мне со стороны властей ГДР. В то время, когда Миттеран с одним из моих сотрудников находился в Тюрингии, откуда в 1940 г. он бежал из плена, я приехал из Берлина на машине к мес-

ту нашей встречи у «Хермсдорфер кройц» (развязка на автостраде под Лейпцигом. — Прим. ред.). Чтобы никто не мог вступить со мной в контакт, на автостраде было перекрыто все движение. На контрольно-пропускном пункте во Франконию француз с некоторым удивлением заметил, как предупредительно ко мне относятся и что нам обоим отдают честь. Вероятно, он думал про себя: «Кто поймет этих немцев?»

Во время одной из первых наших встреч в начале 70-х годов Миттеран очень эмоционально рассказал мне о двух своих побегах из немецкого лагеря для военнопленных. Мы договорились когда-нибудь проехать на машине по маршруту, который он вместе со своим товарищем-священником прошел пешком, прежде чем их поймали в Швабии. Вскоре он стал президентом Французской Республики. За семь лет до этого он почти достиг своей цели, получив 49,3% голосов. Когда он говорил об этом, в его голосе звучала горечь обиды (и желание добиться реванша). Он был убежден, что добиться успеха ему помешали восхваления немцев в адрес его соперника Жискара д'Эстена. В 1975 г., год спустя после поражения, премьер-министр Ширак на обеде, данном в его честь в Гамбурге Гельмутом Шмидтом, пытался меня убедить, что Миттеран своей легковесностью обеспечит победу коммунизма во Франции. В социал-демократических кругах также возникли обеспокоенность и недоверие, когда Миттеран в связи с проведением конференции партийных лидеров в Хельсингере заявил, что руководимая им партия одержит верх над компартией, а не наоборот. Самоуверенности ему было не занимать. После его заявления Гарольд Вильсон сказал германскому федеральному канцлеру: «И ведь он это не только говорит, он верит в это».

У других партнеров по Европейскому сообществу все более тесный союз между Бонном и Парижем не вызывал особых симпатий. Англичане в течение ряда лет сами себе мешали играть более важную роль. В немецких делах они, правда, заслуженно пользовались славой корректных партнеров. Страны Бенилюкса сложившиеся германо-французские отношения устраивали больше, чем их противоположность. Испанцы и португальцы старались не выгладеть чрезмерно зависимыми от Франции. К самым верным приверженцам немцев, что в Бонне не всегда ценилось должным образом, относились часто сменяющиеся, но в основном на удивление успешно действующие представители итальянской политики: де Гаспери и Пьетро Ненни, Альдо Моро, Андреотти и Кракси, а также Энрико Берлингуэр. Социал-демократ Джузеппе Сарагат, будучи президентом Италии при посещении Освенцима тихо произнес: «Это совершили нацисты, а не немецкий народ...»

У немцев было больше друзей, чем они думали или признавали, и гораздо больше, чем это иногда казалось. Однако с мнимым правовым обоснованием якобы продолжающегося существования рейха, да к тому же в границах 1937 г., трудно было рассчитывать на успех. Доброжелательных заявлений в пользу абстрактного «воссоединения» можно было легко добиться, однако (новые) союзники Федеративной Республики в этом отношении ограничивались признанием на словах. Все остальное на фоне происходящих событий казалось действительно странным.

Соседи поняли лучше, чем сами немцы, что вопрос о будущем Германии, хотя он неизбежно встанет в процессе европейского сотрудничества, в данный момент несвоевременен и неуместен и должен пока что остаться без ответа. Бескровное «вос» (соединение) звучит сегодня и будет звучать завтра еще менее убедительно, чем оно звучало вчера. Расстановка политических сил в мире и европейские реальности и впредь не сулят простого соединения. Да и кто поверит, что в один прекрасный день произойдет «аншлюс» ГДР к Федеративной Республике и все будет в полном порядке?

Конечно, история не окончена, и она припасла еще немало приятных и не очень приятных сюрпризов. Однако это не дает никаких оснований для потери чувства реальности.

Я нахожу дополнительные подтверждения правильности политики, направленной на то, чтобы смягчить режим на границе, сохранить национальную сущность и проложить путь европейскому мирному порядку. Я исходил из факта раскола и воспринимаю как успех то, что импровизированные формы сотрудничества между Бонном и Восточным Берлином столь долго сохраняются и развиваются. Но разве я из-за этого забыл о праве на самоопределение? Нет и еще раз нет! Оно закреплено в Уставе Объединенных Наций и в принципе неделимо ни между народами, ни внутри одного народа. Да и чем бы было западное сообщество, если бы оно не олицетворяло именно это право? При всем понимании опасений наших соседей за нами должно остаться право напоминать им об этом.

Договор об основах отношений между обоими германскими государствами, заключенный при наличии известных разногласий по национальному вопросу, себя оправдал. Договор о транспорте позволил упростить различные стороны повседневной жизни. Внутригерманская торговля и практическое сотрудничество во многих областях принесли одной стороне большую выгоду, чем другой. Федеративной Республике некоторые урегулирования обходятся недешево. Но она хочет и может себе это позволить. Может быть, для того, чтобы успокоить угрызения совести, ибо нам живется гораздо лучше?

Политика малых шагов, вызвавшая в свое время много споров, стала основным содержанием межпартийных отношений. А когда Франц Йозеф Штраус в конце своей жизни выступил за предоставление ГДР дополнительного кредита, его критиковали не те, с кем он подолгу не находил общего языка. Напротив, от него отвернулись люди, которые сами придерживались крайне правых убеждений.

Преимущества внутригерманского урегулирования для ГДР, и притом не только для ее правителей, можно было легко себе представить. На то, что правительство разрешит поначалу ограниченный, а затем все более нарастающий, и не только в направлении с Запада на Восток, поток посетителей, первое время никто не мог даже надеяться. И все же давление сверху немного ослабло, но внизу хотели и хотят больше. Гораздо большего. Желание значительной части граждан ГДР переселиться в Федеративную Республику (и там «воссоединиться» лично или с семьей) не могло и не может быть удовлетворено. Они не могут хотя бы на время оставить эту мысль. Там, где выехали двое, тотчас же появляются десять новых претендентов на выезд.

Руководство ГДР кичится своей государственно-экономической политикой и тем, что оно действует успешнее других в Восточном блоке. Однако и здесь проявляются недостатки бюрократического централизованного планирования. А коммунисты, именующие свою партию Единой, не воспринимают критические замечания граждан. Им не дают слова, и они не чувствуют себя причастными к происходящему в государстве. Только некоторые протестантские церкви проявили мизерную долю готовности к диалогу, решиться на который государство и партия не хотят, да и не способны.

Я не раз убеждался в патологическом страхе могущественных руководителей службы безопасности ГДР перед реакцией граждан. После Эрфурта прошло много лет, но и сегодня они не желают идти на риск, связанный с несанкционированными собраниями и демонстрациями. Когда в 1985 г. после долгих стараний, проявив некоторое упрямство, я добился разрешения на поездку в Веймар, толпу, собравшуюся приветствовать меня, особенно не церемонясь, разогнали в течение нескольких минут. Три года спустя не состоялась лекция, которую я должен был прочитать по приглашению церкви в Восточном Берлине на тему «Противоречия между Севером и Югом», и телевизионная программа, в которой мне предстояло принять участие в Ростоке, городе, близком мне с детства.

Единая партия старалась (не без успеха), и отнюдь не к восторгу польских и чехословацких соседей, возродить прусско-германские традиции. В эту картину удачно вписывается то обстоятельство, что группа вокруг Хонеккера по своим взглядам и чувствам близка «общегерманскому» сопротивлению против Гитлера. Председатель Госсовета обратился ко мне во время поездки по Восточному Берлину в 1985 г.: «А где были Вы, когда меня здесь 50 лет тому назад арестовали как подпольщика?»

В ГДР из этого не могло вырасти национальное самосознание. Формула «социалистическое государство немецкой нации» была и остается бескровной. На Западе складывается все благополучно, его притягательная сила не сломлена, а языковых барьеров не существует. У граждан ГДР и Федеративной Республики общего больше, чем им предлагают наши электронные средства массовой информации.

То, что правящая элита ГДР сочтет выгодным снизить уровень сверхвооружения в центре Европы, не было чем-то само собой разумеющимся. В основном речь шла о социал-демократических инициативах, способствовавших накануне Венских переговоров налаживанию неофициального, но содержательного диалога между обеими Германиями по вопросам безопасности. В этом при сохранении различий в общественных системах четко проявилась часть объективной общности, выходящей за рамки экономики и культуры.

Менее результативной оказалась попытка западных социал-демократов и восточных коммунистов вести диалог по несовместимым позициям более цивилизованно, чем это было в прошлом. Очень скоро была найдена правильная и важная основа: идеологическую дискуссию следует также подчинить интересам мира. Как-никак, это нашло понимание у экс-догматиков. Из практических соображений также решили, что немцам не пристало выступать мнимыми зачинщиками всякого рода конфликтов. Однако спор между социал-демократией и коммунизмом (а как долго это был не только спор!) решен историей. Продолжать его не имеет смысла, хотя необходимо и впредь протестовать против бессильного высокомерия идеологов.

В Федеративной Республике мало говорят о резком различии между объединением Европы и немецким единством. Данный вопрос не обсуждается ни основательно, ни публично. За этим стоит не только растерянность, но и страх перед меняющимися датами и перспективами. Простые формулы первых послевоенных десятилетий больше не дают результатов, а новых пока не видно.

В процессе изменений, происходящих в Европе, перед немцами по-новому возникает старый вопрос: возможно ли единство только под крышей общего государства или оба немецких государства, если они будут продолжать существовать, смогут на каких-то иных началах установить друг с другом более тесные взаимоотношения? И если различие в системах настолько уменьшится, что оно больше не будет играть существенной роли? И если одна часть будет в такой же степени принадлежать к Европе, как и другая?

Кто мог бы заранее определить ту форму, в которой найдет свое выражение национальная общность, если ее не будет больше блокировать стремление других к власти или противоречие между системами?

А Берлин? А стена? Город будет жить, а стена рухнет. Однако изолированное решение берлинского вопроса, не согласованное с далеко идущими изменениями в Европе и в отношениях между обеими Германиями, всегда было иллюзией и с течением времени не стало более вероятным.

Берлин будет находиться в особом положении столько же времени, сколько он служил столицей империи кайзера, и дольше, чем Веймарской республике и третьему рейху. Вопреки опасениям не только пессимистов он не дрогнул под давлением извне и его не разъели внутренние недостатки. Если бы после блокады или после 17 июня 1953 г. кто-то напророчил это Рейтеру и мне, мы бы недоверчиво покачали головами. Перспектива оборонительной борьбы нам виделась лишь на ближайшие несколько лет.

Между тем обе части старой столицы сегодня не так отдалены друг от друга, как это было три или два десятилетия тому назад. Западный Берлин прочно связан с Западом и благоразумно ищет для себя задачи, решение которых имело бы смысл для обеих (или всех) частей Европы. Планы строительства важны и в Берлине. Нужно только знать, что жизнь идет в основном не по планам. Ни в Берлине, ни в других местах.

Но одно несомненно: материал для строительства послевоенного порядка не останется лежать там, куда он попал в сумятице тех лет. Разумеется, из него не получится то, что когда-то было. Я не знаю, какую еще роль играют мирные договоры и ведут ли они к нормализации положения или, скорее, закрепляют status-quo. Германии будет труднее, чем другим, заделать трещины, идущие через всю Европу. Но тем не менее она должна попытаться это сделать. Почему для Германии должно быть плохо то, что хорошо для Европы? Что важно для Европы в целом, то гораздо важнее для ее центральной части.

Свободное пространство

Столетие великих взлетов и падений не кончилось. В этом столетии много произошло, и оно оставляет весьма смешанные чувства. Кто, как ни я, родившийся в 1913 г., не может пожаловаться на недостаток печального опыта и горьких разочарований. Но разве не было и воодушевляющих примеров? Люди обладают способностью избавляться от беды и нужды. Люди также обладают способностью восставать против угнетения и диктатуры. При этом я не переоцениваю возможности народов исправлять ошибки тех, кто был бы обязан править разумно.

Немца-европейца моего поколения и моих убеждений радует сознание, что эта часть света имеет перед собой большое будущее и пошла на благородный риск создания союза свободных народов. Он чувствует облегчение от того, что немцы пережили падение в пропасть и сумели возместить нанесенный им ущерб. В большей части своей страны они получили и использовали великолепный шанс вновь доказать свои способности продуктивно сотрудничать.

Извлекать уроки из истории? Если народ это делает, то не обходится без боли. Но какую он при этом находит благоприятную почву для преодоления невзгод и возврата своего достоинства? Однако всегда важно сохранять память и ничего не забывать. Не означает ли отрицание индивидуальной вины и отказ от коллективной ответственности желание взвалить на плечи последующих поколений большую ношу, чем они по справедливости должны нести?

Когда я пошел в школу, прошло немногим больше года после окончания первой мировой войны. Двойная надежда на то, что европейцы запомнят минувшую катастрофу, а немцы дадут простор развитию демократии, оказалась обманчивой. Когда я в двадцать лет оказался за пределами страны, я уже пережил то, что никогда не сотрется из моей памяти. Речь идет о захвате власти теми, кто создал преступный нацистский режим, о крахе тех, кто наблюдал за гибелью Веймарской республики. Где нет места гражданскому мужеству, там свобода недолговечна. А где в нужный момент не защищают свободу, там ее можно вернуть лишь ценой огромных жертв. В этом заключается урок нашего столетия.

Мне повезло, что я уже в ранней юности открыл для себя Европу. Однако я видел мало доказательств энергичного сопротивления силам тьмы и серьезного продвижения на пути к свободе. Отрезвлению способствовали преступления сталинизма, которые долгое время недооценивались. То, что войну, которую желал Гитлер, он выиграть не сможет — это уже особый вопрос. Европейский Север, где я нашел пристанище, дал мне представление не только о внешней, но и об укorenившейся глубоко в народе культуре и демократии. Я чувствую глубокую благодарность по отношению к скандинавам.

Когда кончилась вторая мировая война, мне было за тридцать. Я вернулся в разрушенную Германию, стал депутатом бундестага, мне пришлось выдержать испытание в Берлине. Я недооценил глубину и продолжительность раскола континента и моей страны. Но не будущую силу европейской демократии. Но не мощь Соединенных Штатов. В Федеративной Республике ведущие политические партии вопреки склонности многих оглядываться назад достигли согласия об основных элементах порядка, бравших свое начало в демократических традициях Запада. Конституционный консенсус оказался прочным, а это было особенно ценно.

В свои 50 лет я стоял у истоков тех усилий, которые должны были противостоять бесчеловечному разделу. Немцы должны были внести конкретный вклад в разрядку. В духовной близости с единомышленниками в Европе и Америке мы даже считали себя способными уладить злокачественный конфликт,

называемый холодной войной. 25 лет тому назад я сказал, что настало время обратить внимание на создание единой Европы, но это осталось почти незамеченным.

Альберт Эйнштейн когда-то заметил, что атомная бомба изменила все, кроме мышления людей. Мое мышление в процессе конфронтации, в условиях которой оказался Берлин, не осталось неизменным. И привело меня к пониманию того, что в эпоху атомного оружия только совместное обеспечение мира может гарантировать будущее.

Когда рабочему парню с северного побережья исполнилось 65 лет, он уже в течение довольно долгого времени являлся председателем социал-демократической партии, в свое время был членом и главой федерального правительства, а незадолго до этого стал президентом международного объединения социал-демократических партий. Я продолжал активно участвовать в делах, касавшихся не только западной части Европы, но и заботился о развитии отношений между богатыми и бедными народами, отдавая этому сил больше, чем прежде.

Если бы я захотел только перечислить огромные перемены, происшедшие со времен моей юности в Германии и во всем мире, то для этого понадобилась бы целая книга. Человек, вышедший из самых низов, законно гордится тем, что формальное образование не является больше привилегией избранных, а с материальными условиями жизни широких слоев общества дело обстоит не так уж плохо. Большинство нынешних государств ушедшее поколение не знало, потому что их еще не существовало, а центры тяжести внутри сообщества государств резко сместились. Многие технические достижения, кажущиеся нам сегодня обычными, являются продуктом последних десятилетий. Научно-техническая революция продолжается. Но мудрость и мораль отстают от технического прогресса.

В старости меня радуют ощутимые достижения в области прав человека и гражданских свобод. Сначала в центре Европы. Потом на Юге, который малодушные умники списали еще полтора десятилетия тому назад. А вот теперь и в Восточной части, которую некоторые так называемые статус-кво-стратеги раньше времени хотели уступить Советскому Союзу. В других частях света — не в последнюю очередь в Латинской Америке, в важных регионах Азии, частично в Африке — жива идея, что каждый народ должен быть самоуправляем. Все это не бесспорно, и наивный оптимизм моей юности сегодня нигде больше не прорастает. Кто может развеять знание о человеке, о том, на что он способен и в каких целях его можно использовать? И тем не менее, многое из того, на что я сначала поставил, а потом пытался развить, теперь начинает постепенно приобретать многообещающие формы.

К рациональной политической деятельности относится правильное определение приоритетов. Когда в начале лета 1987 г. я ушел в отставку с поста председателя партии, то сам себя спросил: что, помимо мира, для тебя всего важнее? И ответил: свобода. Я определил это как свободу совести и мнений, свободу от нужды и страха. Без хлеба и с тайной полицией не может быть демократии. Без плюрализма и с притязаниями на монополию — тоже. Я добавил к этому: навязывать счастье — значит задушить свободу.

То, что я воспитан на традициях рабочего движения и на идеях европейской социал-демократии, конечно, не моя заслуга. Ее слабости, особенно на немецкой почве, я познал так же, как и ее величие. Готовность к страданиям сосуществовала с решимостью бороться. Авторитарный коммунизм оказался ложным путем, усеянном огромными жертвами и выможенным экономическими и социальными неудачами.

Необходимо постоянно удерживать равновесие между гражданскими свободами и социальной справедливостью. Социальное государство лишь тогда свободно, когда оно устраняет опасность буйного расцвета бюрократии, не дает себя связать перспективным планированием и ставит на первый план личную ответственность всех членов общества. Все дело в свободном пространстве.

Без сильной социал-демократии Германии не обойтись. Ее этические импульсы еще сильны. Левые в Европе будут привержены социал-демократическим идеям или же они потеряют свое влияние. Названия партий при этом играют второстепенную роль. Если воедино сольются различные идеологические течения, то они могут обрести большую силу.

Политические деятели, преклоняющиеся перед догмами или претендующие на место на пьедестале государственной непогрешимости, не заслуживают доверия. Несговорчивость и упрямое отстаивание собственных заблуждений не вписываются в рамки честного отношения к соседям и согражданам. А недоверие уместно в том случае, когда недоказанная сила обстоятельств или мнимые национальные интересы или постоянные геостратегические величины приводятся в качестве аргументов, чтобы все оставить по-прежнему и не вызывать никаких критических вопросов. И под знаком демократии нас подстерегают глупость и низменные поступки.

Без терпения ничего не получится. Но приходишь в ярость, когда очевидные вещи чересчур медленно или вообще не находят своего выражения в соответствующей политике, из-за этого разбазариваются общественные средства. Это не в последнюю очередь относится к вопросам, выходящим за пределы одной страны или затрагивающим все человечество. Давно известно, что наша планета не сможет долго вынести предсказанный прирост населения, истощение природных ресурсов и ущерб, наносимый окружающей среде. Уже в течение длительного времени мы живем за счет грядущих поколений. И политическим

руководителям требуются мужество и сила воли, чтобы взяться за решение задач, которые явно относятся не только к сегодняшнему дню. Неизбежного и прямого пути к рациональным действиям и прогрессу человечества нет. Вступить на него можно только в условиях демократии.

Опасность самоуничтожения человечества не будет устранена, даже если дело не дойдет до атомной войны. Влияние отдельной личности на угрозу существованию по-прежнему ограничено. Однако мы убедились в том, что наша страна, а тем более Европа имеют кое-какой вес. Один из выводов, который я сделал в своей жизни, состоит, между прочим, в том, что не бывает безвыходных ситуаций.

Я удовлетворен своей жизнью, ибо содействовал тому, чтобы слово «немец», понятие «мир» и перспектива европейской свободы воспринимались как единое целое.

К прошлому возврата нет

На одной из последних страниц рукописи моих «Воспоминаний» я летом 1989 г. высказал предположение, что в один прекрасный день в Лейпциге и других городах ГДР «не сотни, а сотни тысяч людей выйдут на улицы», чтобы потребовать свои права. Но и я не мог предвидеть все детали того, что после этого происходило неделя за неделей и привело к коренному и в то же время мирному перевороту осенью 1989 года. Кстати, подчеркивая роль населения в открытии новой эры, мы этим нисколько не хотим принизить вклад северных округов ГДР.

Берлин стал (а разве могло быть иначе?) тем местом, где сливались воедино чувства немцев и к которому было приковано внимание изумленной мировой общественности. В ночь с 9 на 10 ноября стена по широкому фронту стала проницаемой; за этим последовали драматические изменения вдоль германо-германской границы. Больше чем за месяц до этого Михаил Горбачев сказал в Восточном Берлине, что жизнь наказывает опоздавших. Вскоре в «столице ГДР» произошли первые, но тем не менее заслуживающие внимания изменения в высших эшелонах государственной власти и в руководстве господствовавшей в течение более 40 лет партии, время которой теперь на исходе.

В тот день, 10 ноября, я вместе с бургомистром Момпером, федеральным канцлером Колем и министром иностранных дел Геншером выступал на массовом митинге перед Шёнебергской ратушей и вспоминал август 1961 г., когда я на том же месте должен был вывести своих сограждан из состояния горького разочарования. Все было не так просто, как в стародавние времена. Теперь дело было не в том, чтобы противостоять опасности, грозящей извне. И не в призывах не обращать внимания на «перегородку», не дать из-за нее отвлечь себя от дела самоутверждения и созидательного труда. Как очевидец многих тысяч встреч, я был тронут до глубины души: город наполнился неподдельным весельем, не было ни следа агрессивности.

Единство, которым так долго буквально заклинали всех этих людей, осуществилось «снизу» и втянуло в свою орбиту не только разделенные семьи. Мною овладело чувство огромного облегчения, смешанного с надеждой, что теперь мы справимся и с другими стоящими перед нами задачами. Мои мысли возвращались к августу 1961 года. Какой путь мы проделали с тех пор! Мы не удовлетворились призывом: «Стена должна исчезнуть!», а сказали себе и другим: Берлин должен жить вопреки стене, а наш народ должен сплотиться, а также осознать свой долг перед Европой вопреки многократному и углубившемуся расколу.

И вот мы снова на площади перед Шёнебергской ратушей, переименованной в 1963 г. в площадь Джона Кеннеди. На этот раз сюда пришли многие тысячи людей «фон дрюбен» («с той стороны», то есть из ГДР. — *Прим. ред.*). Я обратился к ним с речью и не стыдился своих слез. Меня очень тронули телефонные звонки и полученные после этого письма со словами благодарности. Как важно было противодействовать суровым последствиям раскола с помощью малых шагов до тех пор, пока не стали возможны большие. Сегодня это вряд ли кем-нибудь оспаривается. И только сегодня мы начинаем осознавать все значение тех маленьких вех! Что было бы с нацией, если бы не удалось соединить семью!

В тот ноябрьский вечер в Берлине я сказал, что никто не подозревал, что немцы сплотятся именно таким образом, и никто не должен делать вид, будто ему известно, каким образом люди с этой и с той стороны установят новые взаимоотношения. Весь вопрос в том, чтобы они смогли соединиться в условиях свободы. «К прошлому в другой части Германии наверняка возврата больше не будет. Ветер перемен, который с некоторого времени веет над Европой, не мог обойти Германию. Я всегда был убежден, что забетонированный раскол и линия раздела из колючей проволоки и полосы смерти противоречат историческому развитию». Какое внутреннее удовлетворение испытываешь, когда вспоминаешь то, что написал тем летом: «Берлин будет жить, а стена падет!»

Я просил сограждан и соотечественников правильно понять процесс изменений и по-настоящему в него включиться: «Я знаю, что наши соседи на Востоке Европы понимают, что нами движет, и что это вписывается в новое мышление и новый образ действий, которые вдохновляют и самих жителей Центральной и Восточной Европы. Мы можем заверить наших соседей, а также великие державы, что мы не

стремимся к такому решению наших проблем, которое противоречило бы нашим обязанностям по отношению к миру и по отношению к Европе». Мы руководствуемся убеждением, что Европейское Сообщество должно развиваться дальше, а раздробленность нашего континента должна быть постепенно, но окончательно преодолена.

Доминирующей темой стало (в гораздо большей степени, чем это соответствовало наиболее распространенным предположениям) сращивание различных частей Европы. Вновь провозглашенное единство немцев, на которое в большой степени наложило свой отпечаток возрожденное самосознание в восточной части Германии, стало прекрасной и важной главой. «Ветер перемен», разумеется, был связан не только с переменой климата в странах, расположенных между Германией и Россией, но и с изменением реалий и настроений внутри великой восточной державы. Однако почему я должен извиняться за то, что изменения в разделенной Германии, несмотря на все разумные соображения, держали меня в постоянном напряжении?

Положение коренным образом изменилось, когда немцы в ГДР взяли решение своей судьбы в собственные руки. «Сам народ» поднял голос за то, чтобы наконец рассеялся туман мелочной опеки и лишений. Не в последнюю очередь народ требовал права на правдивую информацию, свободу передвижения и свободу объединений, а также на соответствующую экономическую выгоду. Было ясно, что народное движение выльется в свободные выборы. Свободные выборы, которые действительно соответствовали бы этому названию. И хотя я прекрасно понимаю тех, кто решил переселиться, все же считаю, что участие в деле обновления на месте событий стоит того и потому заслуживает поощрения.

Свое выступление на площади Кеннеди 10 ноября 1989 г. я закончил такими словами: «К прошлому возврата нет. Сюда относится и то, что о нас, живущих на Западе, будут судить больше не по вчерашним более или менее привлекательным лозунгам, а по тому, что мы готовы сделать сегодня и завтра, что мы в состоянии сделать и с духовной, и с материальной точки зрения. Что касается духовного, то я надеюсь, что ящики письменных столов не пусты. Я надеюсь, что кассы кое-что выдадут. И я надеюсь, что в календарных планах мероприятий осталось место для того, что необходимо теперь. Испытанию подвергается готовность к солидарности, к компромиссам, к новому началу, а не к поучениям. Сейчас нужно вновь сплотиться, сохранить ясность мыслей и как можно лучше сделать то, что соответствует как нашим немецким интересам, так и нашему долгу перед Европой».

Берлин стал городом многомиллионных встреч и привлек к себе внимание средств массовой информации всего мира. Однако только Лейпциг, некогда рыночная площадь Европы и центр германской книжной торговли, этот город старого бюргерского духа, который был колыбелью немецкой социал-демократии, смог стать местом проведения наиболее мощных, многомесячных манифестаций. Это было место, где умные русские и рассудительные немцы предотвратили опасность кровавого столкновения. Генеральный секретарь Хонеккер уже подписал приказ о приведении в действие вооруженных сил. Войскам было выдано боевое снаряжение. В последний момент включился «совет шести» и смог предотвратить превращение 9 октября в «кровавый понедельник». Впрочем, советская сторона не намеревалась использовать свои войска, чтобы помочь коммунистам из СЕПГ удержаться у власти. И даже тогда, когда в Дрездене, как позднее стало известно, уже заняли свои позиции танки. Я был уверен, что говорю от имени подавляющего большинства своих соотечественников от Эльбы до Одера, от Балтики до Рудных гор, когда на митинге в Берлине (и не только там) констатировал: «Никто не желает осложнений с советскими войсками, находящимися еще на немецкой земле».

Дабы не возникло недоразумений: когда я в середине октября 1989 г. побывал с лекциями в Москве, где я также провел важные беседы, у меня сложилось четкое впечатление, что советское руководство не намерено в одностороннем порядке сокращать свое военное (называемое «стратегическим») присутствие в ГДР. Кроме того, там стремились не допустить срыва поставок промышленных товаров из ГДР. Германский вопрос обсуждался по многим аспектам, но четкая позиция не вырисовывалась. Разумеется, хотели, чтобы послевоенная граница между Германией и Польшей была признана окончательной. А помимо этого? О выходе ГДР из Варшавского пакта никто и думать не хотел. Однако каждый, в том числе и в высших эшелонах советского руководства, рассчитывал на то, что оба германских государства установят между собой более тесные взаимоотношения. То, что западные державы-гаранты независимо друг от друга и с некоторыми нюансами сообщили советской стороне, по довольно злорадным слухам, якобы содержало больше оговорок.

Как бы ни были важны наши собственные дела, мы не должны забывать, что для Горбачева и его соратников на первом плане стоят колоссальные трудности внутри страны, во-первых, и дальнейшая разрядка отношений с США, во-вторых, а вовсе не германский вопрос. Серьезность намерений первого человека в Кремле вызывала у меня еще меньше сомнений, чем прежде. Однако мне показалось, что противоречия скорее еще больше обострились, а противостоящие ему силы — окрепли. Можно надеяться, но нельзя быть уверенным, что, если трудности со снабжением приведут почти к хаосу, у мирного обновления останется еще шанс на успех.

Что касается другой части Германии, ГДР, то к недовольству, долгое время заглушаемому, прибави-

лось большое количество как внешних, так и внутренних обстоятельств, благодаря которым поначалу разобщенные, робкие акции протеста превратились в мощное массовое движение, принимающее импульсы от соседей и передающее их дальше. Далеко идущие изменения в Польше и Венгрии вызвали живой интерес, в то время как сегования СЕПГ по поводу усилий реформаторов в Советском Союзе давали повод для недовольства. К сожалению, вновь проявились разжигаемые чересчур ревностными коммунистами антипольские настроения, которые считали уже ушедшими в прошлое. С другой стороны, ход событий в ГДР оказывал воздействие на Чехословакию — небольшое возмещение за то, что войска Варшавского пакта при позорном участии ГДР в 1968 г. причинили этому свободолюбивому и чтящему свои традиции народу. В ноябре 1989 г. стремительно проложила себе дорогу оппозиция, включая и тех, кто продолжал жить надеждами Пражской весны.

В конце лета поднялась и начала быстро расти волна беженцев. Это были в основном молодые, не знавшие материальной нужды, хорошо образованные граждане ГДР, устремившиеся через Венгрию и Австрию в Федеративную Республику. Для семей и предприятий это имело глубокие последствия. Непрочность старого порядка проявилась и в этом. Венгерское правительство игнорировало протесты Восточного Берлина. В Праге и Варшаве власти разрешили большому количеству людей, нашедших убежище в посольствах, выехать в Федеративную Республику. Восточноберлинское руководство оскандалилось и к тому же оказалось в изоляции.

Людам запало в душу, что в ГДР на коммунальных выборах весной 1989 г. имела место массовая фальсификация результатов. Фальсификация не была чем-то новым, но на фоне общего недовольства она была последней каплей, переполнившей чашу терпения, и осложнила жизнь преемнику Хонеккера Эгону Кренцу. Груз прошлого был слишком тяжел. Разобщенные оппозиционные группы именно в этом процессе нашли для себя точку соприкосновения.

Потом сдержанное негодование вызвали незаконные действия полиции, направленные в начале октября опять-таки главным образом против молодых демонстрантов в Берлине, Дрездене и других городах: грубое обращение при задержании органами безопасности и содержании под арестом, издевательства над молодыми женщинами и все прочее, что типично для поведения чувствующих себя неуверенно ландскнехтов. То, что речь шла не об изолированном скандале у немцев, так как в Праге вплоть до последних дней перед крутым переломом также избивали демонстрантов, и даже в Варшаве оказалось почти невозможным привлечь к ответственности виновных в явном превышении власти, — не могло служить утешением.

В ГДР клич «Мы — народ!» заглушил все и сделал смехотворными притязания одной партии. Люди сами взялись за дело, соблюдая самодисциплину, но во всеуслышание. Они настаивали на требовании, чтобы их наконец-то принимали всерьез как граждан и избавили от опеки. Государственная власть, отступив перед соблазном насильственной конфронтации и исследовав призыву советской стороны соблюдать сдержанность, пошла на примечательные уступки. Переход к правдивой информации свершился фактически за одну ночь. Талантливые журналисты со свежей головой и без всякого напряжения принялись за дело и продемонстрировали, что новости и при переходном режиме можно делать интересными. Однако широкая публика, как и большая часть слуг народа и партийных функционеров, уже давно привыкла к западным программам. Желанию без особых формальностей ездить из Германии в Германию, насколько это в тот момент было возможно, пошли навстречу. Может быть, даже хотели создать небольшой хаос, чтобы дать новую пищу требованиям «навести порядок».

Единая партия быстро видоизменялась, ее не обошли стороной различного рода расчленения, в ней проявились тенденции к расколу. Росло число членов, отказывающихся платить взносы. Под давлением партийных масс был созван внеочередной съезд. Уже накануне его стало ясно, что из конституции придется вычеркнуть «претензию партии на руководящую роль». К менее привлекательным формам выражения кризиса относился поиск «козлов отпущения», который должен был скрыть тот факт, что в бедственном положении ГДР много виновников. Но и некоторые лидеры так называемых блоковых партий хотели бы поскорее забыть, что они до сих пор не возражали руководству СЕПГ, а, как правило, ему во всем поддакивали.

Уже летом 1989 г. удивительным, пожалуй, даже сенсационным образом начали объединяться новые политические силы. Повсюду они выросли из групп по защите гражданских прав, мира и окружающей среды, которые могли действовать только полулегально. Деятели и организации евангелической церкви взяли на себя как защитные, так и миротворческие функции. Роль, которую сыграла церковь при формировании новых сил в ГДР, трудно переоценить, равно как и деятельность священников всех церквей. При этом церковь поначалу хотела «всего лишь» взывать к совести государственного руководства.

Не случайно в начале октября 1989 г. в доме одного священника недалеко от Берлина в ГДР была вновь создана социал-демократическая партия; подготовка к этому началась в августе. В эти последние недели лета другие аналогичные инициативы также окончательно сформировались. «Новый форум», «Демократический прорыв», «Демократия — теперь». Некоторых из участников я уже знал давно. Другой из СДПГ (ГДР. — *Прим. ред.*) я посетил вместе с председателем СДПГ Гансом-Йохеном Фогелем вечером 10 ноября, когда праздновалось падение стены.

То, что было, никогда не вернется. Но конца пути еще не было видно, а осложнение обстановки исключать было нельзя. Тем более что положение в ГДР оставалось неустойчивым. Было известно, что это можно изменить только в том случае, если люди будут уверены, что процесс реального участия граждан в управлении государством будет непрерывно расширяться и в обозримом будущем можно будет рассчитывать на ощутимое улучшение материального положения, а отношения с Федеративной Республикой получат новую основу. В то же время было очевидно, что, вероятно, пройдет не так уж много времени, пока демократическое движение не укрепит свои позиции в результате свободных выборов.

Из рядов оппозиции были слышны серьезные сомнения в целесообразности ускоренного проведения выборов. Как можно добиться равных шансов без организационной подготовки, без доступа к средствам массовой информации и без хотя бы минимальных финансовых средств партии? А разве при выдвижении кандидатов, если не предоставлять все делу случая, можно было действовать опрометчиво? Те, у кого были серьезные сомнения, даже ставили вопрос, не следует ли перед парламентскими выборами созвать Учредительное собрание? И не нужно ли также за «круглым столом» закрыть вопрос о тяжелом наследии и урегулировать переходный период? Кто может отрицать, что подобные рассуждения, безусловно, были убедительны? Однако я посоветовал беречь время. Революции не имеют обыкновения ждать, пока закончится обсуждение всей повестки дня или пока «инциденты» будут улажены бюрократическим путем. Случалось, что вторая фаза революции становилась насильственной потому, что на первой фазе чересчур медлили и слишком мало импровизировали.

Очевидным было нежелание уверенных в себе новых сил терпеть чью-либо опеку. Широкие слои населения ГДР также были недовольны, когда к их успехам, достигнутым в тяжелых условиях, относились без должного уважения. Они также были недовольны, когда о результатах их труда говорили как об имуществе несостоятельного должника. Единство с более счастливой частью своего народа на Западе они представляли себе не как простое поглощение, хорошо понимая, что стоят на пороге глубоких, а следовательно, болезненных экономических реформ. Взаимосвязь с событиями, происходящими в Европе в целом, передается и людям, которые мало что знают об этих процессах, но имеют смутные предчувствия.

Нетрудно было убедиться и почувствовать, что первостепенным был и остается вопрос о слиянии двух частей нашего континента. Вопреки очевидным трудностям тот факт, что оба германских государства еще до великого перелома стали важными партнерами в Европе и для Европы, объективно оказался преимуществом.

На Венских переговорах о сокращении войск и обычных вооружений Бонн и Восточный Берлин не мешали друг другу. Наоборот, еще при старом руководстве СЕПГ они сотрудничали без каких-либо конфликтов. Существенные предпосылки для этого создал (на неофициальной основе) Эгон Бар. В этом отношении полемика против контактов с ГДР на партийном уровне была чересчур пристрастной. Главное всегда заключалось в ответе на вопрос «зачем?» По собственному опыту знаю, что помощь находящимся в стесненных обстоятельствах отдельным лицам и семьям зачастую можно было оказать, только применив необычные для Запада способы, потому что там в них нет необходимости.

Обе германские стороны полностью разделяли выводы не только хельсинкского Заключительного акта, но и последующих конференций. Я был уверен, что деидеологизация и демократический поворот в ГДР дадут новый толчок сотрудничеству в общеевропейском масштабе. Так оба государства являются членами Экономической комиссии ООН для Европы (ЭКЕ) с штаб-квартирой в Женеве, где у них есть возможность привести в действие этот, уже много лет простаивающий механизм. Помимо того ГДР, как и другие страны бывшего Восточного блока, может свободно ознакомиться с работой Совета Европы в Страсбурге (не путать с Европарламентом). Однако по-прежнему более важен вопрос, каким образом можно было бы укрепить связь с Европейским сообществом, Комиссия в Брюсселе, как и правительство ГДР (и правительство Федеративной Республики), проявила интерес к этому.

Подходы, относящиеся только к Германии, дадут немного. Но если обе части Европы сблизятся, то кто сможет назвать причину, по которой Германия и ее части окажутся выключенными из этого процесса? Скорее, вопрос состоит в том, насколько можно учесть интересы безопасности и каким образом.

Подобные соображения были также положены в основу проекта германо-германского плана поэтапного сближения, представленного федеральным канцлером Колем 28 ноября 1989 г. бундестагу. В этом вопросе социал-демократы были в основном согласны с партиями правительственной коалиции. В тот день я снова был в Берлине, чтобы ознакомить сенатора Эдварда Кеннеди с новыми реалиями. Я мог ему сказать, насколько теперь близки к осуществлению предвидения его брата-президента: «Единство между немцами, а также между обеими Германиями возросло и оно дополняется сознанием солидарной ответственности за нашу часть света. Однако при всем уважении к ответственности каждого, сначала и в первую очередь необходимо заняться тем, что волнует людей. И это не только у нас и не только в ожидании появления новой Германской федерации. Напротив, это относится и к отношениям с соседними странами, в которых на повестке дня стоит вопрос о демократическом, социальном и экономическом обновлении».

Может быть, на Западе тому или иному правительству было нелегко привести бытовавшие ранее

мнения к общему знаменателю с новыми обстоятельствами. Заблуждается тот, кто думает, что Германией еще можно «распоряжаться»; это больше невозможно.

Конечно, не имея собственного четкого представления, не стоит взывать к державам, ставшим почти 50 лет тому назад победительницами. Страсть рассчитывать на фантазию сильных мира сего (или даже просить о «репетиторстве»), прежде чем выразить в соответствующем виде письменно или устно собственные представления, должна наконец пройти так же, как и мышление категориями «или—или».

Возведение двугосударственности в догму никогда не было убедительным. Желание видеть в увеличенном национальном государстве единственный вывод из положений Основного закона — тоже. Единство через самоопределение — такова задача, поставленная перед нами творцами Конституции. Для ее выполнения существует не один путь. За ее игнорирование ответственных политиков обвиняют в неумении решать национальные и европейские проблемы.

Конец коммунизма с его авторитарным господством партии и командной системой управления экономикой, очевидно, необратим. Процесс демократических реформ может вызвать возражения. В Центральной и Восточной Европе, как и в некоторых регионах Советского Союза, происходит, на мой взгляд, возрождение свободной социал-демократии. Но она может быть лишь одним в ряду других движущих факторов. Будущая объединенная Европа, как я это понимаю, не должна быть и не будет окрашена в один цвет.

Благоприятное воздействие, вызванное крушением сталинского и послесталинского господства, распространяется далеко за пределы Европы. В других частях света озабочены тем, что, если финансовый потенциал высокоразвитых стран будет использоваться в интересах Восточной Европы, их помощь развивающимся странам еще более сократится. Эта тревога небезосновательна. Ее можно и нужно устранить. Теперь более, чем когда бы то ни было, необходимо использовать во всем мире для борьбы с голодом и нуждой часть средств, освобождающихся благодаря сокращению вооружений. Это значит, что по мере возможности надо привести в соответствие национальные интересы, европейский долг и глобальную ответственность.

Я не забываю, сколько неопределенности и риска ждет нас на лежащем перед нами пути. Но то, что раньше приходилось отстаивать, преодолевая сомнения и упорное сопротивление, имеет сегодня явный шанс осуществиться. И это доставляет огромное удовлетворение.

Технология власти

А. Г. Авторханов

ХII. Бухарин ищет «союзников»

Начавшаяся борьба между «правыми» и группой Сталина поставила троцкистов и зиновьевцев перед тяжелым решением: как быть? Идеологически в нынешнем споре Сталина с Бухариным они стояли ближе к Сталину («правая опасность — главная опасность в партии и стране»), психологически они не могли поддержать Сталина, так как слишком велики были раны, нанесенные им Сталиным в союзе с тем же Бухариным. Политически ориентация на группу Сталина означала бы для них катастрофу: полное идейное, на этот раз добровольное, разоружение перед Сталиным. В этом случае троцкисты и зиновьевцы похоронили бы себя в глазах партии как ортодоксальное «ленинское течение» внутри партии, на что они до сих пор претендовали. Еще менее приемлема была группа Бухарина. Не Сталин, а Бухарин был ведущим, главным идеологом и теоретиком разоблачения платформы и троцкистов, и зиновьевцев, а потом и «объединенного троцкистско-зиновьевского блока» (1926 г.). Без пропагандной машины и теоретической лаборатории Бухарина Сталин погиб бы еще в первой схватке с троцкистами, не говоря уже об объединенном блоке троцкистов и зиновьевцев. Нельзя забывать, что на первых этапах развертывания дискуссии за «ленинское наследство», иначе говоря, за власть, центр тяжести лежал в области теоретической и программной. Аппарат ОГПУ был пущен в ход для физической расправы только после идеологической победы. Идеологическая расправа с троцкистами и зиновьевцами закончилась на XV съезде партии (декабрь 1927 г.).

С 1928 года началась физическая расправа — троцкистов и зиновьевцев начали десятками и сотнями ссылать в Сибирь. Идеологически дискредитированные как антиленинцы, особенно после антисталинских демонстраций 7 ноября 1927 года (в день годовщины Октябрьской революции) в Москве (Троцкий) и в Ленинграде (Зиновьев), троцкисты и зиновьевцы легко были сданы в руки ОГПУ. Теперь Бухарин и остался один на один со Сталиным, и Сталин приступил к осаде сначала «школы Бухарина» (теоретическая критика), а потом и группы Бухарина (политическая критика). В этих условиях приходилось отвечать на вопрос «как быть»? К началу похода против Бухарина многие из ведущих лидеров троцкизма, в том числе и сам Троцкий, были сосланы. Но у Троцкого остались подпольные группы в Москве, которые продолжали нелегальную работу против Сталина. К этим группам принадлежали и некоторые из тех, которые подписали заявление о капитуляции и поэтому избежали ссылки и были восстановлены в правах членов партии. У зиновьевцев, наоборот, рядовые члены были репрессированы, а сами Зиновьев и Каменев, безоговорочно подписав капитуляцию и признав Сталина «великим вождем», а Троцкого «историческим врагом» народа, остались в Москве. Зиновьев и Каменев, конечно, не были искренни, и Сталин им ни на йоту не верил, но в тот период такое самобичевание «старых большевиков» и льстивые восхваления ими Сталина как «вернейшего соратника» Ленина лили воду на сталинскую мельницу.

Новый раскол в Политбюро, совершенно неожиданный для Зиновьева и Каменева, поставил и их перед тем же вопросом: «как быть, с кем пойти?» Сами бухаринцы великолепно понимали, что, апелли-

руя в борьбе со Сталиным к старым оппозиционным группам, они рискуют сами оказаться в роли беспринципных банкротов в политике. Для Сталина такой поворот бухаринцев в сторону троцкизма давал неоценимые тактические козыри, тогда как Бухарин мало выигрывал, так как основные кадры Троцкого и сам Троцкий, как уже указывалось, были не только политически, но и физически изолированы.

При всем этом бухаринцы понимали, что блок возможен только на основе единой платформы по ведущим вопросам внутренней и внешней политики, но такая платформа с Троцким исключалась. Что касается Зиновьева, то сам он был весьма неподходящим человеком для нелегальных переговоров, еще более — для блока с ним. Он уже дважды заключал блок с Троцким и оба раза изменил ему в самый критический момент. Восторженный трибун революции, когда ее победа обозначалась наверняка, он легко впадал в панику, если надо было рисковать головой. Так было с ним и накануне решающих дней октябрьского переворота большевиков, когда он на секретных заседаниях ЦК 10 и 16 октября 1917 года дважды голосовал с Каменевым против вооруженного восстания. В ночь октябрьского переворота он вообще исчез неизвестно куда, создавая себе алиби, хотя его друг Каменев вместе с Троцким лично руководил из Смольного института ходом восстания. Наверное, этим объяснялось то, что когда «правые» решили повести переговоры с зиновьевцами о создании блока против Сталина, то они обратились не к Зиновьеву, а к Каменеву. Более того, «правые» были склонны вообще исключить Зиновьева из новой комбинации, если Каменев и зиновьевцы согласятся на совместные действия без Зиновьева.

Эти переговоры повел от имени «правых» летом 1928 года Бухарин с Каменевым. Беседа происходила с соблюдением всех условий конспирации на квартире Каменева. Присутствовал лишь один Сокольников — «посредник» и друг Каменева. Информировав Каменева подробно об основных пунктах разногласий внутри Политбюро и о настроениях отдельных его членов, Бухарин сделал конкретное предложение о блоке. Каменев почти со стенографической точностью записал исповедь Бухарина, считая себя морально обязанным довести до сведения Зиновьева содержание беседы Бухарина. В тот же день Каменев предъявил Зиновьеву свою «запись беседы». Приятно удивленный Зиновьев увидел в откровениях Бухарина совершенно неожиданные перспективы для своего возвращения к власти. Но вскоре собственноручная запись Каменева очутилась и у Сталина. Можно себе представить, как был обрадован Сталин, получив в свои руки столь гибельное для бухаринцев оружие. «Правые уже в гробу — дело только за могилкой», — торжествовал он.

После этого провала бухаринцы относились ко всяким предложениям представителей бывших оппозиций весьма скептически. Троцкисты у бухаринцев пользовались и как идейная сила, и как антисталинские фанатики лучшей репутацией. Причем троцкисты, несмотря на разгром и ссылку их руководителей, продолжали непримиримую борьбу против «эпигонов Октября» и «сталинской реакции». Мужество, бесстрашие и готовность на личные жертвы выгодно отличали троцкистов от зиновьевцев. В этом отношении троцкисты как союзники были бы весьма реальной силой, но идеологическая пропасть между «левыми» и «правыми» была той мертвой зоной, куда не осмеливались вступить ни доктринеры-бухаринцы, ни идеалисты-троцкисты. Редкие лица из обеих групп поднимались выше обеих доктрин в смысле понимания исторических перспектив. Борьба шла не за ленинизм, а за власть, — ни левые, ни правые этого не понимали. Сталин это понимал отлично. Поэтому, цепляясь за буквы ленинизма, и левые и «правые» стремительно падали на дно, а Сталин столь же стремительно шел к вершине власти. Ее он достиг ровно через год, в декабре 1929 года, когда впервые вся страна прочла на страницах «Правды»: «Сталин — вождь партии и лучший ученик Ленина». Это было как бы юридической документацией исторического переворота...

Когда начались массовые высылки, особенно высылки руководящих лидеров, троцкисты радикально изменили тактику. С ведома или без ведома своего руководства, но они в своей массе прекратили открытую борьбу против «партии» и перешли к нелегальным методам. Открыто бороться против сталинского ЦК сейчас было и практически невозможно. Уже XV партийный съезд объявил проповедь троцкизма несовместимой с пребыванием в партии. Поэтому тот, кто принадлежал ранее к троцкистам, а теперь хотел оставаться в партии или вернуться в партию, должен был публично объявить (видные троцкисты — в печати, рядовые — на партийных собраниях), что они признают «генеральную линию» правильной, Сталина вождем, а Троцкого врагом партии. Для троцкистов это было тяжелой и противной их натуре задачей. Все-таки они вынуждены были так поступать, так как другого пути обратно в партию не было. Хотя Сталин относился с подозрением к их возвращению или покаянию, но в тот период это было ему выгодно в борьбе с бухаринцами.

Поэтому троцкистов массами восстанавливали в партии, возвращали из ссылки, и некоторые из них вновь выдвигались на руководящие посты. Упорствовал только Троцкий и несколько его лучших друзей. Однако большинство троцкистов признало Сталина только на словах, чтобы на деле бороться и дальше за дело Троцкого. Троцкисты этого толка были почти во всех звеньях органов государственного управления, за исключением самого партийного аппарата и органов политической полиции. Несмотря на тотальный разгром, последовавший за «планом Маленкова», троцкисты имели сильнейшее влияние и среди московского студенчества. Почти половина состава преподавателей общественных наук в московских вузах

была из бывших или настоящих троцкистов, другая половина была явно бухаринская. Меньше всего было влияние троцкистов в рабочей среде, еще меньше — в крестьянстве. Там и здесь господствовало пробухаринское настроение.

Я уже сказал, что, вернувшись в партию или открыто покаявшись в своих «грехах», троцкисты изменили тактику борьбы со Сталиным. Они создали свои собственные группы и кружки, которые вербовались исключительно из коммунистов и ставили своей целью развертывание нелегальной работы как в партии, так и среди рабочих. Соответственно были выработаны и методы работы — в партии вести индивидуальную обработку членов партии в антисталинском духе, в рабочей среде вести нелегальную работу путем массового и систематического распространения прокламаций, листовок и лозунгов. Первые листовки этого рода посылались из Алма-Аты, подписанные самим Троцким. За ними последовали воззвания к московским «большевикам-ленинцам» от бывшего командующего Московским военным округом Муралова, к «соратникам и единомышленникам» — от Мрачковского и др. В Москве они перепечатывались на гектографе и потом распространялись по всей стране самыми различными путями через Союзпечать, вложенные в официальные издания (через своих людей); через почту — как заказные письма к местным парторганизациям и их руководителям; через торговые и кооперативные организации — как оберточная бумага к торговым посылкам.

Воззвания, составленные в Москве, носили всегда анонимный характер: «группа большевиков-ленинцев», «ленинская группа», «группа старых большевиков», «группа рабочих большевиков». Организованные группы троцкистов (официально они называли себя «большевики-ленинцы» в противоположность «большевикам-сталинцам») существовали почти во всех исследовательских учреждениях Коммунистической академии.

ХIII. Политические комиссары над «правыми»

После осуждения платформы «правой оппозиции» в Политбюро Сталин сделал и соответствующие организационные выводы: взял всех трех лидеров под строгий контроль своих «политкомиссаров», которые должны были обеспечить проведение «генеральной линии» в Совнаркоме СССР (председатель Рыков), в ВЦСПС (председатель Томский), в газете «Правда» (главный редактор Бухарин) и в Коминтерне (секретарь Политсекретариата Бухарин — должность председателя исполкома была ликвидирована после снятия Зиновьева). «Политкомиссарами» были назначены близкие к Сталину люди, которым были обеспечены места будущих членов Политбюро в зависимости от того, насколько они сумеют оправдать свое назначение — не только контролировать «правых», но и компрометировать их как руководителей. В качестве таких политических комиссаров были прикомандированы: к Рыкову — Серго Орджоникидзе, к Бухарину — Савельев (позднее Мехлис), к Томскому — Л. Каганович (как член президиума ВЦСПС, бывший одновременно третьим секретарем ЦК ВКП(б)). По линии Коминтерна к Бухарину был назначен Мануильский, но уже при более строгом контроле всей делегации ВКП(б) в Коминтерне во главе с Молотовым (Сталин, Мануильский, Молотов, Каганович, Пятницкий, Куусинен, Скрыпник, Шацкий, Ломинадзе). Бухарин формально не был выведен из состава делегации, но ему было запрещено непосредственно сноситься с другими делегациями и секциями Коминтерна.

Эти политические комиссары (они официально назывались представителями ЦК) фактически руководили ведомствами «правых» лидеров. Так, например, ни одно распоряжение председателя правительства Рыкова не имело юридической силы, если оно не было подписано одновременно и Орджоникидзе. Заверстанная и подписанная главным редактором Бухариным «Правда» не могла быть отдана в печать, если Савельев ее не визирует. Ни одно постановление президиума ВЦСПС, принятое большинством голосов его членов, не могло быть направлено по профсоюзам, если на него накладывал свое вето Каганович. Молотов как второй секретарь ЦК должен был разработать систему контроля партийного аппарата над советским аппаратом, в котором работали лица, имевшие когда-либо то или иное отношение к «правым». Последние были поставлены в такие условия, при которых не было никакой возможности вести плодотворную работу. Будучи членами Политбюро и руководителями ведомств, они вынуждены были обращаться к своим «заместителям», не членам Политбюро, и согласовывать с ними каждый шаг и каждое действие — от устных распоряжений по наркоматам до очередной передовой в «Правде».

Эти «заместители» постоянно пользовались своим правом вето, что парализовало всякую правительственную, профсоюзную или редакционную работу. По всем этим вопросам потом приходилось обращаться в Политбюро как к арбитру, но арбитр, как правило, решал всегда в пользу «заместителей». Такая практика, конечно, не могла долго продолжаться. Сперва «правые» решились на негласное самоустранение. Они санкционировали только те распоряжения, которые давались их «заместителями», или принимали на заседаниях только те решения, по которым те вносили предложения. Но тогда сами «заместители» стали жаловаться в Политбюро на своих шефов, устраивавших «итальянскую забастовку». На работу

являются, но не работают. Политбюро начало угрожать более серьезными организационными мерами воздействия.

Тогда бухаринцы сами сделали отсюда организационные выводы: они подали заявление об отставке со всех руководящих постов: Рыков — с поста председателя Совнаркома СССР; Томский — с поста председателя ВЦСПС; Бухарин — с поста главного редактора газеты «Правда». Теперь казалось, что Сталин добился своего — добровольного ухода со сцены лидеров «правой оппозиции». Однако Политбюро по предложению того же Сталина отклонило отставку, предложило им продолжать свою работу, но записало им новую «статью обвинения». Она гласила: «капитулянты». «Правые» хотят «капитулировать» перед классовым врагом, «правые» испугались «наших трудностей роста», «правые» «дезертируют с фронта социалистического строительства», «правые» — «штрейкбрехеры социализма». В целях этого нового обвинения, казалось, была спровоцирована и сама отставка «правых». В этом смысле она действительно достигла цели в кругах партийного актива, сочувствовавшего «правым». Как бухаринцы, так и сочувствовавшие «правой оппозиции» ожидали, что «правые» лидеры, готовясь к очередному съезду партии, будут держаться на своих, по существу решающих в государстве, постах, пока не будет дан генеральный бой на самом съезде. «Бухарин, Рыков, Томский готовят бомбу против заговорщицкой группы Сталина на XVI партсъезде» — таково было весьма распространенное мнение в антисталинском активе партии. Вместо этого произошла беспринципная игра в парламентаризм — «отставка». «Правые» неправимо уронили этим опрометчивым шагом свой моральный престиж.

На этот раз положение спас Сталин, отклонив эту отставку. Еще не поздно сделать соответствующие политические выводы. Надо любой ценой ускорить созыв съезда. Да и мотивировка отставки «правых» должна была заставить ЦК запросить решение съезда по спорным вопросам. «Правые» подавали в отставку, но «капитуляции» тут, собственно, никакой не было. «Правые» заявляли, что, поскольку аппарат ЦК узурпировал у них власть и сознательно создал невозможные условия работы, они вынуждены оставить свои посты, но что они по-прежнему убеждены в гибельности политики большинства ЦК, которая расходится со всеми директивами партийных, в частности XIV и XV, съездов. «Правые» оставили за собою право доложить очередному съезду свои взгляды и защищать их на этом съезде. «Нынешняя линия большинства ЦК приведет объективно к установлению диктатуры партийной олигархии для государственно-крепостнической эксплуатации рабочих и военно-феодалных грабежей крестьянства. Мы предупреждали ЦК и хотим предупредить партию от этого гибельного для партии и советского государства пути. Разговоры о «правой оппозиции» служат дымовой завесой для усыпления бдительности партии перед этой величайшей опасностью... Какой выход? Выход только один: назад к Ленину, чтобы идти вперед по Ленину! Другого выхода нет. Мы в состоянии убедить партию в этом. Поэтому мы требуем немедленного созыва очередного съезда партии». Таков был, приблизительно, смысл данного заявления «трех» об их отставке.

Заявление это тогда не было оглашено (впервые оно было оглашено на апрельском пленуме ЦК 1929 года уже как обвинительный документ против «правых»), но оно стало известным в партии. Оно в значительной мере способствовало и сближению троцкистов с бухаринцами. Троцкисты считали, что если Бухарин и не «капитулировал» перед Сталиным, то он, несомненно, капитулировал перед Троцким, который уже в «Новом курсе» предвидел основные контуры нынешней политики ЦК. Бухарин, с запозданием более чем на четыре года, пришел со своей группой к тем же выводам. Отсюда и произошло сближение между троцкистами, возглавляемыми известным советским философом Н. Каревым, и Стэнном, лидером группы «правых» в нашем Институте. На теоретическом фронте СССР оба они были звездами первой величины. Так как троцкисты не могли открыто выступить, то Кареву пришлось «капитулировать» перед Стэнном. Он предложил своей группе прекратить борьбу против «правых», а всякие теоретические выступления против сталинизма строить в духе концепции бухаринской школы. То же самое сделали троцкистские группы и в других учебных и научно-исследовательских учреждениях (Мадьяр — в Коммунистической академии, Миф — в ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при КУТВ им. Сталина, Плотников — в РАНИОН и т. д.).

Таким образом, то, что не удалось Бухарину сверху, в беседе с Каменевым, легко удалось лидером местных групп снизу. Тот же контакт был установлен и с бывшими зиновьевцами в Ленинграде, где была раньше основная база Зиновьева (О. Тарханов, Г. Сафаров, Ральцевич и др.), и с национал-коммунистами Скрыпника в Харькове. В других национальных республиках у «правых» были свои группы в Средней Азии (секретарь ЦК Узбекистана Икрамов, председатель Совнаркома Файзулла Ходжаев, председатель Совнаркома Туркменистана Курбанов), в Азербайджане (Ахундов, Мусабеков, Буниат-Заде), в Грузии (Буду Мдивани — троцкист, Орахелашвили — бухаринец). В московских «землячествах» из националов в оппозиции к Сталину находились Рыскулов (зам. председателя Совнаркома РСФСР), Коркмасов (зам. председателя Комитета нового алфавита), Нурмаков (зам. секретаря ЦИК СССР) и др.

Как я уже указывал, многие из секретарей обкомов сначала открыто поддерживали группу Бухарина, но после центрального совещания при ЦК они замолчали, хотя не было известно, как они, да и другие, поведут себя на съезде партии. Только немедленным партийным съездом должно было предупредить их

окончательное поглощение аппаратом ЦК. Уже начавшаяся смена секретарей в Москве и в других районах страны была грозным предупреждением. Надо было спешить. Но чем настойчивее «правые» требовали созыва съезда, тем подозрительнее Сталин к этому требованию относился. Время работало на него. Но тогда оставался выход, предусмотренный уставом партии: по требованию нескольких партийных организаций «правые» имели право создать организационный комитет по созыву экстренного съезда, если ЦК отказывался его созывать. Нашли бы «правые» голоса для этой цели в нескольких областных организациях? Я смею утверждать, особенно в свете последующих событий, что нашли бы. Но Бухарин, Рыков и Томский решительно отказывались встать на этот путь, чтобы не быть обвиненными в фракционности в случае своего поражения. Они хотели действовать в рамках «законности» и хоронить Сталина с его же «законного» согласия. Они плохо знали Сталина, но Сталин их знал отлично. Пугая их жупелом фракционности и авторитетом партийной законности, Сталин действовал вполне «законно»: нещадно чистил руками Молотова партийный и советский аппарат от явных и потенциальных бухаринцев.

В этих условиях был созван в декабре 1928 года VIII съезд ВЦСПС, на котором произошла первая открывающая проба сил «правых» и сталинцев в профсоюзном движении. Для страны, для рабочего класса это был обычный очередной съезд профессиональных союзов. Для ЦК, для сталинского большинства и бухаринского меньшинства съезд был важнейшей проверкой сил. Ведь надо иметь в виду, что ЦК большевиков управлял страной как-никак «для пролетариата, через пролетариат и во имя пролетариата». Само государство называлось «рабочим государством», а его социальную сущность нарекли грозным именем: «диктатура пролетариата». Не диктатура большевистской партии, а именно диктатура пролетариата. Когда-то Зиновьев написал, что у нас, в конечном счете, диктатура партии, так как партия находится у власти (Зиновьев не был тогда в опале), Сталин во время «новой оппозиции» придрался и к этому: «Как это так, диктатура партии? Нет, у нас не диктатура партии, а диктатура пролетариата». Этот самый пролетариат в лице своих избранных делегатов на местных съездах собирался теперь в Москве говорить о своих нуждах и пожеланиях.

Понятно, какое это имело для Сталина значение в свете происходивших в Политбюро разногласий. В Центральном совете профсоюзов и в его президиуме Сталин имел очень незначительное влияние — только одна маленькая группка в лице Шверника, Андреева, Лозовского, Лепсе и недавно назначенного сюда Л. Кагановича. Все другие члены Совета, его президиума и руководства отраслевых Центральных комитетов профессиональных союзов были сторонниками Томского. Таково было положение и на местах. Выборы на VIII съезд дали чисто «правое» большинство. Дело объяснялось, видимо, тем, что Политбюро все еще скрывало от рабочих, что их «лидер» Томский является «правым оппортунистом» и «тред-юнионистом». Это обстоятельство создавало парадоксальное положение. Надо было получить от пролетариата осуждение «правого уклониста» Томского и его друзей по группе Рыкова, Бухарина, Угланова, но требовать этого открыто, да еще от такого явно «правооппортунистического» съезда было невозможно. Изобретательные мастера сталинской школы и здесь нашли выход: под видом «критики и самокритики» сталинцы один за другим выходили на трибуну с «разоблачениями» «бюрократившегося аппарата» ВЦСПС, с заявлениями о забвении руководителями ВЦСПС «интересов и нужд» рабочих, о проникновении в ряды советских профсоюзов чуждой буржуазной идеологии, об опасности тред-юнионистского перерождения руководителей, о «правой» опасности в профсоюзной практике. Все это было направлено в первую очередь против Томского и его коллег в ВЦСПС — Догадова, Мельничанского, Артюхиной, Полонского, Шмидта и др.

Еще смелее и откровеннее была критика на заседаниях фракции ВКП(б) съезда. Здесь Каганович прямо потребовал признать работу президиума ВЦСПС неудовлетворительной, что было равносильно провалу кандидатуры Томского на пост председателя Центрального совета профессиональных союзов. Первое же голосование показало, что фракция ВКП(б) не разделяет оценки секретаря ЦК партии Кагановича о работе Томского. Из почти трехсот партийных делегатов за предложение Кагановича (ЦК) голосовал едва один десяток. Получился открытый бунт «пролетариата» против «своей» диктатуры. Каганович, который предназначался на пост председателя ВЦСПС вместо Томского, впервые за всю свою службу Сталину не справился с порученной задачей. Посланный ему на помощь второй секретарь ЦК Молотов дезавуировал Кагановича. Молотов заявил, что Томский является членом Политбюро и работает по поручению партии. Хотя у него есть ошибки, как они могут быть у каждого, но предложение оценить работу президиума ВЦСПС как неудовлетворительную является со стороны Кагановича неправильным, что доказывает, что и Каганович может ошибаться. Каганович получил публичную пощечину, но престиж ЦК был спасен. Коммунисты умеют жертвовать собой в интересах партии!

Но инцидент с резолюцией Кагановича и вынужденное отступление ЦК показали, что не один Томский «правый», а весь «пролетариат», даже в лице его коммунистического авангарда съезда, «обуржуазился». Он не хочет своего счастья. Его надо принудить к этому счастью. Сталин отныне понял, что «парламентское» решение спорных вопросов или парламентское устранение негодных соперников — дело действительно «буржуазное». Довольный тем, что вовремя сумел исправить свою оплошность и таким образом избежать «гражданской войны» против «пролетариата», ЦК поспешил закрыть съезд. На следу-

ющем, IX, съезде из делегатов VIII съезда присутствовал только тот один десяток, который голосовал за Кагановича. Но Каганович лидером профессиональных союзов не стал. Эту роль ЦК передал Швернику, единственным положительным качеством которого было и осталось умение молчать, когда дело обстоит слишком плохо.

XIV. Бухарин и Томский

Биография Бухарина не написана. Между тем его влияние в формировании идеологии и программы Октябрьской революции было много сильнее влияния Сталина и едва ли уступало влиянию Троцкого, который большевиком стал, собственно, после июльских дней 1917 года. Единственный источник, из которого можно черпать некоторые подцензурные сведения о Бухарине, — это литературно-биографический очерк о Бухарине Д. Марецкого в «БСЭ» 1927 года. Еще один год, и у нас не было бы и этих сведений из дореволюционной биографии Бухарина. У Марецкого я и беру важнейшие даты. Однако настоящая драма, а, стало быть, и настоящая биография Бухарина как политика и идеолога началась, собственно, после 1927 года.

Николай Иванович Бухарин родился 27 сентября ст. ст. 1888 года. Отец его, Иван Гаврилович, был учителем городской начальной школы. Бухарину было 17 лет, когда он вступил в революционный кружок учащихся. В 1906 году он вступил в партию большевиков в Замоскворецком районе, он становится профессиональным пропагандистом партии. В 1907 году Бухарин поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета, продолжая подпольную работу в партии. К 1908 году Бухарин настолько известен в партии, что его избирают членом Московского Комитета. В 1909 году Бухарин дважды арестовывается за нелегальную революционную работу. Арестованный уже третий раз в 1910 году, он ссылается в Онегу, откуда ему удается бежать. Вскоре он эмигрирует в Германию и поселяется временно в Ганновере.

В 1912 году Бухарин впервые встречается с Лениным (в Кракове), с которым впредь, при всех теоретических и политических разногласиях, никогда не порывает близких отношений. Ленин предлагает Бухарину активно сотрудничать в большевистской прессе («Правда», «Просвещение»). Бухарин, с оговоркой сохранения свободы в теоретических вопросах, принимает приглашение. В 1912 году он переезжает в Вену, где продолжает участвовать в большевистских эмигрантских делах, слушает одновременно лекции Бем-Баверка и Визера, подготавливает свою первую теоретическую работу «Политическая экономия рантье» и пишет ряд других критических работ против Струве, Туган-Барановского, Оппенгаймера, Бем-Баверка. Здесь же, в Вене, Бухарин впервые знакомится со своим будущим убийцей — Сталиным, который только что бежал сюда из ссылки. Бухарин же помогает Сталину в составлении известной работы, принесшей Коба-Джугашвили славу «марксистского знатока» по национальному вопросу, — «Марксизм и национальный вопрос» (первоначально эта работа называлась «Социал-демократия и национальный вопрос»). Бухарин не только подбирал и переводил для Сталина цитаты из К. Реннера, Отто Бауэра, но и редактировал литературно всю работу в целом, после чего она и была принята Лениным к печатанию в журнале «Просвещение» (1913 г.). Перед войной 1914 года Бухарин был арестован австрийской полицией как «русский шпион», но освобожден благодаря вмешательству тех же лидеров австрийских социал-демократов, которых Бухарин и Сталин бичевали в «Просвещении». Из Австрии его выслали в Швейцарию.

Из Швейцарии он через Францию и Англию в 1915 году переезжает по чужому паспорту в Швецию, где связывается со шведской левой с.-д. (Хеглунд) и ведет интернационально-ленинскую пропаганду против войны. Шведская полиция арестовывает Бухарина как «агента Ленина» и высылает в Норвегию. В 1916 году Бухарин нелегально переезжает в США, где редактирует эмигрантскую газету «Новый мир». После Февральской революции 1917 года Бухарин выезжает из Америки через Японию в Россию. Сейчас же после возвращения из-за границы он принимает деятельное участие в подготовке октябрьского переворота, входит в состав ЦК, руководит октябрьским переворотом в Москве, становится главным редактором «Правды», произносит от имени ЦК большевиков известную речь перед Учредительным собранием.

Во время сепаратных брестских переговоров с Германией Бухарин резко выступает против позиции Ленина, создает в Москве «группу левых коммунистов» с собственным органом «Коммунист» и слагает с себя обязанности главного редактора «Правды». После неудавшегося восстания «левых эсеров» Бухарин вновь присоединяется к Ленину. Бухарин — один из организаторов Коминтерна (Ленин, Зиновьев, Троцкий и Бухарин) и бессменный член его Президиума до 1929 года.

Писать Бухарин начал довольно рано, а немецкий язык, как рассказывал сам Бухарин, изучил специально, чтобы читать классиков немецкой философии и, конечно, Маркса и Энгельса в оригинале. Первая его научная работа, «Политическая экономия рантье», была написана, когда ему было всего 24 года. Как экономист и социолог в большевистской партии он не имел конкурентов. Во многих случаях он был ортодоксальнее Ленина. Он часто расходился по теоретическим вопросам с Лениным («империализм»,

«теория о взрыве государства», о характере «пролетарского государства», «законы экономики переходного периода», «национальный вопрос» и т. д.). Ленин не раз прямо или через свою жену Крупскую (накануне VI съезда партии в августе 1917 года, когда Ленин скрывался) признавал правоту Бухарина в спорах между ними.

Работоспособность Бухарина поражала всех — он ежедневно редактировал «Правду» с декабря 1917 года (с маленьким перерывом во время брестского кризиса в 1918 г.) до апреля 1929 года, постоянно писал ее передовые, активно участвовал в работах Политбюро и Президиума Коминтерна, делал многочисленные доклады, читал лекции студентам, редактировал журналы «Большевик», «Прожектор», был членом Коммунистической академии и Академии наук СССР (с 1928 г.), аккуратно следил за отечественной и мировой литературой и при этом писал как архаикакадемические, так и архипопулярные книги. Понятно, что в глазах революционной молодежи октябрьского поколения Бухарин был «теоретическим Геркулесом». Живой и бойкий, он и физически был силачом. С детства он занимался гимнастикой, не бросая ее и во время эмигрантских скитаний. Осенью 1928 года, когда в связи с его сорокалетием Бухарин был избран почетным членом отряда юных пионеров Москвы и на него торжественно надели пионерский галстук, он дал детям «честное пионерское слово», что отныне не будет курить. Конечно, общеизвестна слабость тиранов играть в «детолюбие», но Бухарин и по этой части был искреннее Сталина, и поэтому московские пионеры его больше знали как «дядю Колю», чем ведущего члена правящей верхушки в Кремле.

При всем фанатичном преклонении перед Марксом и Энгельсом (в вопросах философии Бухарин ставил Энгельса выше Маркса) он не был, однако, ни начетчиком, ни «цитатным» марксистом. Западноевропейскую постмарксистскую экономическую, философскую и социологическую литературу он знал не хуже любого университетского профессора. Весьма склонный к абстрактному теоретизированию в области политической экономики и социологии, он был «ищущим» марксистом типа Каутского и Плеханова и популяризатором Маркса («Азбука коммунизма», «Теория исторического материализма») на большевистский лад. Отсюда и амбиции у Бухарина были солидные — он считал себя призванным модернизировать марксизм как в политической экономии, так и в философии, применительно к условиям начала XX века. Экономическая работа на эту тему была начата Бухариным еще при Ленине, но потом отложена из-за дискуссии с Троцким, а философскую монографию в том же плане Бухарин закончил уже в одиночной камере на Лубянке, о чем мне рассказывал, тоже в тюрьме, один из его соседей по камере.

Экономическая работа Бухарина после смерти Ленина так и не увидела свет, если не считать введения к ней, опубликованного как самостоятельный труд («Маркс и современность»), кажется, в 1933 году в сборнике Академии наук СССР, посвященном пятидесятилетию смерти Маркса. Но и этот труд, пройдя через фильтр Сталина, стал неузнаваемым — все «антимарксистские ереси» Бухарина были просто выкинуты. В авторский текст включена всяческая отсебятина бдительных цензоров Политбюро (Мехлиса, Минина, Юдина...).

Второй раз я увидел Бухарина на новогоднем вечере под Москвой в 1928 году. Когда мы с Сорокиным прибыли туда, он вел довольно оживленную беседу в одной из соседних к залу комнат. Не помню, о чем велся разговор, но хорошо помню, как его прервал грузно ввалившийся в комнату человек, одетый в косоворотку с самыми причудливыми узорами. Подпоясанный ярко-красным кушаком, в длинных легких сапогах, с черным, загорелым, слегка монгольского типа лицом коচেгара, он, собственно, и напоминал не то коচেгара, не то промотавшегося татарского купца. Человек властным движением руки указал на дверь в зал: «Прошу к столу!»

Сейчас же из всех боковых дверей люди двинулись туда. Места за большим длинным столом занимали без всякой церемонии — кто, где и с кем хотел. Потушили электрический свет и зажгли свечи. Огромные стенные часы в дубовой оправе показывали без пяти двенадцать. Человек-кочегар занял хозяйское место, посмотрел на свои карманные часы и повелительно произнес: «Товарищи!» Все встали. Шум моментально прекратился. Как бы спеша, тикали часы, словно свидетельствуя о бешеном беге времени. Человек говорил скудно, вяло, без блеска... «За счастье народов, за счастье рабочего класса, за счастье партии! За новый год — за новое счастье!» Пробило 12 часов. Бокалы зазвенели. Это был Томский.

Мы находились в гостях у лидера советских профессиональных союзов на его даче в Болшеве. Литограф по профессии, Томский был типичным функционером дореволюционного русского профессионального движения. Он не получил достаточного образования, чтобы стать русским Бебелем, но был человеком большого практического ума, своеволия и решительности.

Не наделенный природой хитростью, а школой — дипломатичностью, он в политических дискуссиях, как говорится, «рубил с плеча». Томский великолепно понимал и видел интеллектуальное превосходство над собою многих из образованных вождей большевизма, но до истины он старался доходить своим, «рабочим умом» и перед авторитетами не преклонялся. Даже Ленина он считал слишком «интеллигентом», чтобы понять рабочих, и нередко случалось, что он публично его критиковал. Так было во время профсоюзной дискуссии, когда в припадке гнева Ленин обрушился на Томского и сослал «рабочего лидера» в туркестанские пески. Знойные пески, видимо, уменьшили пыл Томского, и в новой борьбе против Троцкого

Томский подает голос из «провинции», на этот раз — в пользу Сталина. Его немедленно возвращают в Москву и ставят вновь во главе профессиональных союзов.

Томский оправдывает надежды и расчеты Сталина — профсоюзы, руководимые Томским, становятся, по терминологии Сталина, «приводным ремнем» партии в рабочие массы. Награда не заставила себя долго ждать: Томский был введен в Политбюро. Но Томский ошибался, когда думал, что он введен туда как профессиональный лидер, наподобие лидеров английских тред-юнионов, чтобы играть в правлении «рабочей партии» роль самостоятельного представителя советских профессиональных союзов. Сталину он нужен был и как «рабочая ширма», и как «рабочее» оружие одновременно, для целей, о которых не догадывался далеко не один только Томский. Когда же Томский это понял, он резко повернул профсоюзное руководство против Сталина, и на время создалось в стране новое «двоевластие» — рабочая власть во «Дворце труда» (резиденция ВЦСПС) и партийная власть в Кремле. Когда официальная советская власть в лице председателя Совета народных комиссаров Рыкова и теоретика партии в лице главного редактора «Правды» Бухарина заключили единый фронт с лидером ВЦСПС Томским против сталинского крыла ЦК, казалось, что дни Сталина сочтены. Под знаком этого «двоевластия» и проходил весь 1928 год.

У порога нового года Томский был настроен весьма оптимистически, хотя в Политбюро уже лежало его первое заявление об отставке с должности председателя ВЦСПС, если Сталин не откажется от троцкистской программы «огосударствления профсоюзов».

После Томского на вечер больше политических тостов не было. Бухарин произнес тост в стихах, в которых, к общему удовольствию присутствующих дам, воздал должное «прекрасному полу». Поэты не остались в долгу. Начали сыпаться мадригалы на красавиц, пародии на мужчин, остроты о политиках, еврейские анекдоты, кавказские шутки. Наконец, предложили слово и Сорокину. «Не анекдот, а боль, — начал Сорокин серьезным тоном, как бы отрезвившись специально для данного рассказа, — а было это в прошлом году. Политбюро решило доказать Троцкому на деле, что рабочие и крестьяне не только преданы партии и ее ленинскому ЦК, но каждый из них готов умереть за дело партии. Для эксперимента вызвали в ЦК из провинции трех «представителей трудящихся» — донбасского рабочего, тверского крестьянина и минского кустаря-еврея. Вызванных подняли на последний этаж здания ЦК и привели на балкон, где в полном составе их ожидало Политбюро. Сталин обратился к рабочему: «В интересах партии Ленина требую от вас, товарищ рабочий, прыгнуть с этого балкона и своей жертвенностью доказать преданность рабочего класса нашей партии!» Рабочий отказался. С теми же словами Калинин обратился к своему земляку-крестьянину. Крестьянин тоже отказался. Тогда Каганович обратился к кустарю-еврею, но еще не кончил Каганович своих напутственных слов, как еврей рванулся к перилам. «Стой, — сказал Сталин, — для нас вполне достаточно вашей готовности умереть за дело партии, не надо прыгать, но вот объясните теперь товарищу Троцкому мотивы вашего героического порыва». «Очень просто, — ответил еврей, — лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!»

От анекдотов вскоре перешли к песням. Один артист Большого академического театра исполнил несколько арий из «Евгения Онегина» и «Дона Карлоса». Какая-то восходящая звезда из того же театра спела «Письмо Татьяны», ряд цыганских романсов, из которых я хорошо запомнил «Прощай, моя деревня». К часам трем или четырем ночи приехал «Генерал». К нашему удивлению, он был совершенно трезв и один. Томский его встретил торжественным тостом. Все выпили за его здоровье. Через некоторое время «Генерал», Бухарин и Томский удалились в соседнюю комнату. Они уже больше не показывались. Гости начали расходиться с гнетущим чувством неопределенности перед лицом только что наступившего Нового года. Те, кто жил политикой, догадывались, что если уж «Генерал» трезв под Новый год — не быть в том году не только счастью, но и покою.

Тот, кого я называю «Генералом», в октябрьские дни был моряком на одном из кораблей в Балтийском флоте и активно участвовал в перевороте большевиков в Петрограде. После переворота его морская карьера окончилась, но зато из младшего морского офицера (он, кажется, был мичманом) во время гражданской войны он сразу попал в «генералы», так как в «адмиралах» тогда особой нужды не было. Он сделал блестящую карьеру и выдвинулся в ряды ведущих полководцев Красной армии из школы Фрунзе. Когда последний принял от Троцкого командование армией (1925 г.), «Генерал» был переведен в Москву.

Подготавливая снятие Троцкого, Сталин твердо рассчитывал, что пост военного руководителя страны он предложит своему человеку, а своими были все те, которые принадлежали к так называемой «военной оппозиции» (1919 г.). За спиной «военной оппозиции» (Егоров, Ворошилов, Буденный, Щаденко, Минин), выступавшей на словах против Троцкого, а на деле против Ленина — Троцкого, стоял сам Сталин. Боясь открытой схватки с Лениным и Троцким, Сталин исподтишка провоцировал против них «партизанских генералов»!

Когда на VIII съезде партии (март 1919 г.) «военная оппозиция», заручившись гарантией поддержки со стороны Сталина, организовано выступила против председателя Революционного военного совета и наркома военно-морских сил Троцкого, Ленин резко обрушился на оппозиционеров и потребовал от съезда осуждения их взглядов. Трезвый политик, Сталин быстро «переориентировался» и на съезде выступил в защиту... Троцкого! Этого требовали сейчас его личные интересы. Впоследствии это свое

вероломство Сталин испустил выдвиганием «оппозиционеров» на руководящие посты вычищаемых из Красной армии троцкистов, но многие из них потом кончили свою жизнь все же в застенках НКВД.

Характерно, что сталинская литература, столь щедрая на разоблачение всяких «оппозиций», всегда старается молчаливо обходить историю с «военной оппозицией». Даже в сталинской «Истории партии» сказано об этой оппозиции только вскользь и в весьма характерных выражениях²: «На съезде выступила так называемая военная оппозиция... но вместе с представителями разгромленного «левого коммунизма» «военная оппозиция» включала и работников, никогда не участвовавших ни в какой оппозиции, но недозволенных руководством Троцкого в армии». Задним числом Сталин реабилитировал своих «оппозиционеров», в первую очередь, конечно, Ворошилова. Вскоре под опытным ножом сталинской «медицины» умер Фрунзе... Наркомом по военным и морским делам был назначен Ворошилов. Когда последний привлек в наркомат своих людей, «Генерал» был переведен в Кремль, в штаб комендатуры Кремля по линии «правительственной охраны».

По решению ЦК, в штаб комендатуры и в правительственную охрану направлялись только те из членов партии, которые в определенном смысле слова стояли «вне политики». Конечно, они были коммунисты, но никогда не примыкали ранее к тем или иным группировкам в самом ЦК. Задача правительственной охраны — охранять не только жизнь и безопасность членов правительства, но и его легальное «статус-кво». ЦК хорошо знал опыты исторического прошлого русских охранных войск, когда они неоднократно становились орудием дворцового переворота. Инстинкт самосохранения подсказывал осторожность.

Юридически «правительственная охрана» подчинялась через ОГПУ (НКВД) правительству, а фактически — кремлевской комендатуре. Но штаб кремлевской комендатуры утверждался по персональному представлению «Особым сектором» на заседании Оргбюро ЦК, а формально — правительством на тех же основаниях, что и руководство ОГПУ. Другими словами, в стране существовали два ОГПУ, совершенно независимые друг от друга: внешнее ОГПУ, для надзора над народом, и внутреннее ОГПУ — для надзора над правительством.

При этом внутреннее ОГПУ имело свою агентурную сеть и во внешнем мире, в том числе и в самом внешнем ОГПУ, тогда как для внешнего ОГПУ было великой тайной то, что делалось по сети внутреннего ОГПУ, то есть кремлевской комендатуры и правительственной охраны. Такая организация была выгодна во всех отношениях, а главное — оберегала Сталина от возможных заговоров со стороны и, стало быть, и от заговора внешнего ОГПУ. «Генерал» как раз принадлежал к штабу этого внутреннего ОГПУ. Такое же своеобразное «распределение труда» установилось и в самом ЦК, особенно после смерти Ленина.

XV. Нелегальный «кабинет Сталина»

После изгнания троцкистов и зиновьевцев и до появления «правой оппозиции» руководящие органы ЦК состояли (декабрь 1927 г.) из:

Политбюро — члены: Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин, Томский; кандидаты: Петровский, Угланов, Андреев, Киров, Микоян, Каганович, Чубарь, Косиор.

Оргбюро — члены: Сталин, Молотов, Угланов, Косиор, Кубяк, Москвин, Бубнов, Артюхина, Андреев, Догадов, Смирнов А. П., Рухимович, Сулимов; кандидаты: Любов, Михайлов В. М., Лепсе, Чаплин, Шмидт.

Секретариат — члены: Сталин (генеральный секретарь), Молотов, Угланов, Косиор, Кубяк; кандидаты: Москвин, Бубнов, Артюхина³.

Как уже указывалось, ни в одном из высших органов Сталин не имел твердого большинства. В Политбюро из девяти голосов (я считаю только членов) Сталин имел три голоса — Сталин, Ворошилов, Молотов. Бухарин тоже имел три голоса — Бухарин, Рыков, Томский. Три члена — Калинин, Рудзутак, Куйбышев — колебались между этими двумя группами, склоняясь в решающие моменты то в сторону Сталина, то в сторону Бухарина.

В Оргбюро у Сталина было пять голосов (Сталин, Молотов, Косиор, Андреев, Рухимович), у Бухарина тоже пять голосов (Угланов, Догадов, Смирнов, Сулимов, Кубяк). Три голоса — Бубнов, Артюхина, Москвин — были «нейтральными». В Секретариате Сталин имел относительное, но твердое большинство — Сталин, Молотов, Косиор против двух — Угланова и Кубяка.

Таким образом, в высшем органе партии, который руководил всей текущей работой партии и правительства, — в Секретариате — Сталин был хозяином. До Политбюро и даже до Оргбюро Сталин доводил только вопросы, предренные в Секретариате, для утверждения их «постфактум». Самое же главное — Сталин узурпировал власть Оргбюро по организационным вопросам. Все вопросы назначения и смещения высших чинов партийного аппарата, хозяйства, армии, профсоюзов, дипломатии, то есть вопросы компетенции Оргбюро, решались теперь Секретариатом ЦК. Эта узурпация Оргбюро была, в конечном счете,

узурпацией власти Политбюро. Политбюро сделалось лишь ширмой всевластного Секретариата. Члены Политбюро нередко узнавали «новости» Секретариата из вторых рук.

Аппарат государства — аппарат партии и администрации — подбирался без ведома Политбюро в полном согласии с новым уставом партии. Устав гласил, что «текущей исполнительной и организационной работой руководит Секретариат». Да кому же ею и руководить, как не Секретариату? Ведь Политбюро и Оргбюро заседают периодически и состоят из лиц, находящихся вне ЦК, а Секретариат — постоянный, живой и действующий орган ЦК.

Если Секретариат был легальным органом власти Сталина, то аппарат ЦК, подобранный самим Сталиным как генеральным секретарем, являлся его могущественным оружием в деле укрепления и удержания этой власти. Постепенно вытеснив из аппарата ЦК старых большевиков, Сталин воссоздал его заново. При Ленине как Секретариат ЦК, так и его рабочий аппарат имели только технически-исполнительские функции. Люди, поставленные руководить Секретариатом и аппаратом, имели лишь одну задачу — следить за выполнением решений Политбюро, Оргбюро и пленумов ЦК.

Ни одного самостоятельного решения, не основанного на директивах названных органов, ни Секретариат, ни тем более аппарат ЦК не принимали. Поэтому туда избирались или назначались люди с хорошей репутацией «исполнителей». Сам Сталин был избран туда в качестве такого «исполнителя», правда, не по предложению Ленина, как сталинцы потом утверждали, а по заговору Зиновьева—Каменева—Сталина против Ленина—Троцкого. Но, разделавшись с Троцким, а потом и с Зиновьевым и Каменевым, Сталин, готовясь к последней схватке с Бухариным, незаметно, но радикально прежде всего очистил аппарат ЦК от бухаринцев. Чтобы не вызывать у вычищаемых подозрений, а у Бухарина — протестов, лица, освобожденные из аппарата ЦК, получали по советской или хозяйственной линии крупные назначения. Их «повышали» для уничтожающего понижения.

Так, уже к 1929 году реорганизация аппарата ЦК закончилась созданием в самом ЦК, как тогда говорили, «незаконного Кабинета Сталина» (впоследствии этот «Кабинет Сталина» получил в партийных документах легальное название — «Секретариат т. Сталина»). В официальном постановлении ЦК 1929 года о реорганизации ЦК и аппарата ЦК указывалось, что необходимость реорганизации ЦК и аппарата местных парторганизаций вызывается в первую очередь огромным усложнением задач партруководителей в условиях реконструктивного периода, особенно в области «подбора, распределения и подготовки кадров»⁴. Этот реорганизованный аппарат ЦК имел теперь следующие отделы — оргинструкторский отдел, распределительный отдел (отдел кадров), отдел культуры и пропаганды, отдел агитации и массовых кампаний. Во главе отделов были поставлены члены ЦК, преданные Сталину (Каганович, Бауман, Стецкий, Варейкис, Д. Булатов).

Зато «Кабинет Сталина» состоял из молодых фанатиков, не членов ЦК. Людям этим никто в первое время не придавал никакого значения. Их привыкли рассматривать как технических сотрудников Сталина, как преданных своему делу службистов безо всякой претензии на «большую политику». Они ведут протоколы на заседаниях ЦК, дают справки по самым различным вопросам, приносят чай и бутерброды для заседающих, точат карандаши своему шефу. При всем этом, как это подобает лакеям, хотя бы и партийным, они внешне подчеркнуто покорны, послушны и до приторности услужливы перед любым из членов ЦК: «Изволите вызвать вашу машину, Николай Иванович (Бухарин)», «К вашим услугам, Алексей Иванович (Рыков)!» «Не прикажете ли бутерброд, Михаил Павлович (Томский)?» «Есть, товарищ Сталин (хозяину)!»

Таковы были те, из которых Сталин составил свой «негласный кабинет». Вот их имена: Товстуха, Поскребышев, Смиттен, Ежов, Бауман, Поспелов, Мехлис, Маленков, Петерс, Урицкий, Варга, Уманский. У каждого из них был и официальный титул. Товстуха значился в списке сотрудников ЦК как «помощник секретаря ЦК» (это была чисто техническая должность, вроде начальника канцелярии — институт помощников секретарей существовал и на местах). Поскребышев был помощником помощника, то есть Товстухи, по сектору учета и информации. После смерти Товстухи Поскребышева назначили помощником секретаря и начальником «Особого сектора», а Смиттена — помощника Поскребышева «по партийной статистике» — на его место. Ежов заведовал сектором кадров, Поспелов — сектором пропаганды (помощник — Мехлис). Маленков был заместителем Поскребышева по «Особому сектору» и протокольным секретарем Политбюро. Когда Ежова перевели на заведование отделом кадров Наркомзема (1929 г.), Маленков был назначен начальником «Сектора кадров».

Я уже указывал, что этот нелегальный «Кабинет Сталина» впоследствии получил официально-легальное наименование: «Секретариат т. Сталина» (не смешивать с «Секретариатом ЦК»!). Любой большой и малый вопрос внутренней и внешней политики, прежде чем обсуждаться на заседаниях руководящих органов ЦК, обрабатывался и по существу предreshался в «Кабинете Сталина», потом уже передавался в соответствующие официально-легальные отделы ЦК, а с дополнительными заключениями самих отделов (эти заключения лишь официально воспроизводили «предreshения» специалистов из «Кабинета Сталина») вопрос поступал на решение Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Если на заседаниях этих органов возникали крупные разногласия, что, конечно, нередко случалось, то спорный вопрос передавался в

существовавшие или периодически создаваемые «Комиссии Политбюро». Такие комиссии, состоявшие преимущественно из членов ЦК, работающих вне его аппарата, целиком зависели от аппарата ЦК (то есть от того же самого «Кабинета Сталина») как в отношении данных для обоснования того или иного проекта, так, главное, и в отношении его последующего проведения через высший партийный орган. Получался заколдованный круг, из которого выход находил только один Сталин как генеральный секретарь ЦК: саботаж неугодного ему решения.

В основе всей организационной политики «Кабинета Сталина» лежал испытанный принцип, который Сталин провозгласил в качестве лозунга партии лишь через два года, — «Кадры решают все!» Будущий биограф Сталина, которому будут доступны документы сталинского «Кабинета», с величайшим изумлением установит тот простейший факт, что не Политбюро, состоящее из старых большевиков, а технический кабинет, состоящий из молодых, внешне скромных, в партии и стране не известных, но способнейших исполнителей воли своего хозяина, направлял мировую и внутреннюю политику СССР. И это путем «подбора, распределения и подготовки кадров», так как «кадры решают все».

«Кабинет» подбирал «кадры» партии, армии, государства. «Кабинет» был в первую очередь «лабораторией фильтрации кадров». Судьба и карьера члена партии любого ранга, от секретаря местного парткома (впоследствии до секретаря райкома партии включительно) и до наркома СССР, зависели от соответствующего «сектора» «Кабинета». Но, чтобы назначать новых, надо было убирать старых, по возможности без шума и скандалов. Об этом заботился «Особый сектор», руководимый Поскребышевым. Внешне он не был каким-либо «особым» сектором. Его существование в аппарате ЦК, ранее под именем «секретного отдела», было само собою разумеющимся фактом. Он хранил секретные документы партии и правительства и был как бы простым партийным сейфом. Когда же был окончательно оформлен «Кабинет Сталина», секретный отдел ЦК просто исчез, с тем чтобы появиться в составе «Кабинета» уже под другим и еще более таинственным названием: «Особый сектор». Да и существовал он отныне, действительно, тайно. Только после окончательной победы Сталина — после XVII съезда партии — было сообщено о его существовании.

В чем же были его функции? В официальной партийной литературе вы будете тщетно искать ответа на этот вопрос. Неофициально же было о нем известно следующее. «Особый сектор» должен был быть органом надзора за верхушками партии, армии, правительства и, конечно, самого НКВД. Для этого у него была собственная агентурная сеть и специальный подсектор «персональных дел» на всех вельмож без различия ранга. Сталин, сидя у себя в кабинете или находясь где-нибудь на отдыхе, имел постоянный контакт с закулисной жизнью партийных и государственных верхов Москвы. Даже личная переписка людей из высших слоев подвергалась бдительной цензуре сетью «Особого сектора» — исключение не делалось и для собственных единомышленников, точь-в-точь, как это делал и «черный кабинет» царской охранки или Меттерниха. Таким образом, Сталин знал, чем дышит его враг и друг в собственном окружении.

По мере накопления «минус пунктов» в личном деле вельможи его судьба уже предreshалась в «Особом секторе». Предreshалась, но не решалась. Для официального решения существовали и официальные органы ЦК, в зависимости от ранга очередной жертвы: если он был членом ЦК, его судьба решалась в Секретариате и редко — в Оргбюро, если же он был высоким чиновником, но не членом ЦК, то его просто снимал соответствующий отдел ЦК. Если же Сталин видел, что дело не обойдется без скандала, то он часть материалов, дискредитирующих того или иного высокого члена партии или даже члена ЦК, передавал официальному партийному суду — ЦКК (позже КПК). Там тоже сидели свои «несменяемые судьи» — Шкирятов, Ярославский, Сольц, Янсон, Орджоникидзе.

Так «Особый сектор» освобождал места, которые немедленно заполнял «Сектор кадров» сначала Ежова, а потом Маленкова. Удивительно ли после всего этого, что наркомы дрожали перед Товстухой и Поскребышевым, а члены ЦК ползали перед Ежовым и Маленковым. И эти лица числились в списке аппарата ЦК лишь «техническими сотрудниками» ЦК! «Техника в период реконструкции решает все», — сказал Сталин по другому поводу. Его собственная «техника» над ЦК в руках поскребышевых и маленковых в Москве предreshила и судьбу партии. Не выбранные партией, а назначенные «Сектором кадров» секретари обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий на местах, железная воля к единичной власти самого главного «конструктора» всего этого заговора — такова была обстановка в партии, когда Сталин двинулся в «последний и решительный бой» за «ленинское наследство».

Что могли ему противопоставить Бухарин и его группа? Очень немногое: академические меморандумы на имя ЦК и платонические заклинания в своей правоте на его заседаниях. С точки зрения «интересов страны и интересов самой партии» бухаринцы апеллировали и к разуму, и к чувству партии. В интересах захвата всей власти и установления личной диктатуры и над партией, и над страной Сталин апеллировал к сокровенным чувствам партийных карьеристов и организованной силе партийного аппарата.

Знающий свое дело, Сталин не спешил к выводами. Он давал оппозиционерам возможность высказаться на закрытых заседаниях ЦК; более того — он сознательно провоцировал их на выступления. Порою он искусственно создавал у своих противников впечатление собственного бессилия... Или иногда совершенно уходил в тень, за кулисы, оставляя за собой возможность для отступления в случае надобности. Но

тем настойчивее, тем целеустремленнее действовал аппарат. «Дело не в Сталине, а в том дьявольском аппарате, в руках которого он находится», — сказал в разгаре борьбы сам Угланов. Такое впечатление о себе у своих врагов мог создавать только Сталин.

Уже во время борьбы против Троцкого в союзе с Зиновьевым и Каменевым, а потом в борьбе против Зиновьева и Каменева в союзе с Бухариным и Рыковым у Сталина была не только эластичная тактика, но и во всех деталях разработанная стратегия — ликвидация всей «ленинской гвардии» старых большевиков, чтобы создать собственную партию — партию Сталина. Две ступени, два важнейших и решающих препятствия к этой конечной цели были относительно легко преодолены, причем преодолены, главным образом, не столько при помощи своего авторитета, сколько авторитета в партии Бухарина, Рыкова и Томского.

Сам Сталин внес в эту судьбоносную борьбу свой организационно-комбинаторский гений и изумительное чутье величайшего из сыщиков в политике. Его горе-союзники по борьбе с Троцким и Зиновьевым были лишены и того морально-этического преимущества в политической борьбе, которым владел Сталин: абсолютной свободы от всякой морали, от всякого морального чувства. Когда на глазах у этих же союзников Сталин пользовался в борьбе с «левой оппозицией» (Троцкого) и «новой оппозицией» (Зиновьева) методами самой очевидной фальсификации и сознательной провокации, бухаринцы лишь восхищались высоким классом изобретательности Сталина. Он прибегал при молчаливом согласии бухаринцев к самым виртуозным номерам политической дрейфусиады в отношении организатора октябрьского переворота — Троцкого и троцкистов в таком масштабе и формах, которых Ленин не применял даже в отношении своих политических врагов. И это сходило ему с рук без звука протеста со стороны бухаринцев.

Сталин — «этот дрянной человек с желтыми глазами», — по запоздалому свидетельству Крестинского, настолько загипнотизировал своих союзников, что те просмотрели ту внутреннюю революцию в партии, которую провел Сталин и против них. Я говорю об аппарате партии. То, что делалось в Центральном Комитете партии, мы видели. Еще лучше, еще основательнее Сталин поработал над созданием собственного аппарата на местах — в областях, краях, национальных республиках.

Начиная с 1928 года на местах уже не было ни одного законно избранного секретаря партийной организации, как того требовали «устав» партии и пресловутая «внутрипартийная демократия». Старые выборные секретари под тем или иным предлогом освобождались от партийной работы. Иногда их назначали, как я уже говорил относительно Москвы, на высокие административные, дипломатические, а главным образом на хозяйственные должности, лишь бы избавиться от них в партийном аппарате. На место снятых «Сектор кадров» через легальный орган ЦК — оргинструкторский отдел — направлял чистокровных сталинцев. Когда привыкшие к шуму о внутрипартийной демократии и к еще номинально действующему уставу партии местные партийные организации начали отказываться принимать «рекомендуемых» Москвой секретарей, то ЦК ввел практику (вопреки тому же уставу) назначения местных секретарей сверху. Для проведения их без скандала через местные пленумы партийных комитетов ЦК теперь вместе с назначенными секретарями посылал на место и одного из инструкторов ЦК. Инструктора докладывали пленумам, что это есть «воля ленинского ЦК».

Трудно было спорить с такой могучей «волей». Если же где-либо высказывали недовольство по поводу этой новой практики или против навязывания данной организации совершенно не известного ей человека в качестве руководителя, то сеть «Особого сектора» быстро создавала дело об «антипартийной группе» в такой-то организации, которое обычно кончалось тем, что охотников пошуметь быстро исключали из партии решением другого подсобного органа Сталина — партколлегии ЦКК. В отношении подбора и назначения местных секретарей Сталин как бы руководствовался мудрым рецептом Макиавелли — не назначать наместниками людей местных. Склонные к «сепаратизму», они легко могут изменить «государю». Нельзя им давать, кроме того, и засиживаться на одном и том же месте, надо их часто перетасовывать. Организационная практика Сталина на местах придерживалась этих принципов весьма строго.

К концу 1928 г. завершился и этот процесс перестройки низового аппарата по сталинскому образцу. Отныне основные кадры секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий состояли из людей, пропущенных через «Особый сектор» и назначенных «Сектором кадров» «Кабинета Сталина». В самих местных аппаратах, начиная с обкома, также был введен институт «особых секторов», которыми заведовали исключительно лица, присланные из Москвы «Особым сектором» и «Сектором кадров». Формально заведующий «спецсектором» подчинялся секретарю обкома (крайкома, ЦК местной партии), но фактически он был подотчетен только «Кабинету Сталина». В распоряжении этого местного «Особого сектора» находилась особая сеть «партинформаторов» вне парткома и весьма квалифицированный штат работников в самом аппарате партийного комитета (от 3 до 10 чел.) — сам заведующий, один или два инструктора, шифровальщик, протоколист, особая машинистка и т. д.

Никаких прав «спецсектор» не имел, не имеет и сейчас. Вся его задача — в организации правдивой и исчерпывающей информации для «Особого сектора» в ЦК. Заведующий «сектором» постоянно участвует во всех заседаниях бюро и секретариата обкома (крайкома, ЦК) как протоколист, имея при себе «особую

машинистку», являющуюся одновременно и стенографисткой. Директивная связь ЦК с обкомами проходит через этот «спецсектор» — шифрованные телеграммы, секретные директивы ЦК поступают в «спецсектор», и он доводит их до сведения секретаря в расшифрованном виде. Сам секретарь обкома передает Москве свои секретные доклады, ответы, решения через этот же сектор. Кроме обычных почтовых связей и правительственных проводов, в распоряжении «спецсектора» находится и отдельная «фельдъегерская служба» по линии НКВД (МВД) — то есть своеобразные внутренние «дипломатические курьеры», которые доставляют в Москву и из Москвы на места наиболее важные партийные и правительственные документы. Эти курьеры более неприкосновенные лица, чем даже какой-либо министр советского правительства. Они снабжены личными мандатами за подписями министра госбезопасности, гарантирующими им не только личную неприкосновенность, но и экстраординарные права на любые услуги со стороны партийных и советских властей при исполнении ими служебных обязанностей. Такова была техника организации партийного аппарата «Кабинета Сталина» накануне открытого выступления так называемой правой оппозиции в начале 1929 года.

Я уже говорил, что с середины 1928 года споры между Сталиным и будущими «правыми» носили характер скорее теоретический, нежели практический. Подробности о разногласиях Бухарина со Сталиным по важнейшим вопросам большой практической политики в Политбюро, даже в кругах членов ЦК, знали очень немногие (зато члены «Кабинета Сталина» в лице Ежова, Маленкова, Поскребышева, Поспелова и др. о них не только знали, но и принимали в них ближайшее участие на стороне Сталина).

Сам Бухарин, по настоянию Рыкова, воздерживался выносить спор на пленум ЦК. Томский, наоборот, был сторонником решительной развязки или, во всяком случае, коллективной отставки всей «тройки», чтобы этим продемонстрировать свое несогласие со сталинским курсом. Но цель Сталина была другая — подготовить партийный аппарат и партийный актив к уничтожению его противников в открытых боях, представив их как новую, на этот раз «правую оппозицию». Кличка «оппозиция» постоянно была в истории ВКП(б) той вечно искомой мишенью, против которой всегда можно было мобилизовать и неразборчивую партийную массу, и вполне разбирающихся партийных карьеристов. Сталин вел дело к этому, он вел по-своему, по-сталински, то есть мастерски в смысле конспирации и виртуозно в смысле провокации. О конспирации уже говорилось, что же касается провокации, то тут мне запомнился один очень яркий эпизод, рассказанный «Генералом», который я и хочу сейчас изложить.

XVI. Сталин встречает Новый год

В то время, когда Томский поднимал бокал за здоровье рабочего класса, Бухарин читал сентиментальные стихи советским «гранд-дамам», а полупьяные участники новогоднего бала поздравляли друг друга с «Новым годом, с новым счастьем», на другом конце Москвы, на такой же, как у Томского, даче, тихо, сухо и деловито встречала Новый год и ковала новое счастье группа серых, безвестных, но энергичных молодых людей. Ни музыки, ни елки, ни даже тостов. Лишь монотонная проповедь «отца», апостола, самого старшего из присутствующих, быстро воспринимаемая его вернейшими адептами. Изредка сухие и деловые ответы. Уединенность сборища, таинственность обстановки, озабоченно-деловые лица присутствующих и гнетущая тишина в большой длинной комнате составляли резкий контраст шумно-веселому балу в Болшеве.

Это собрались на дачу у Кагановича члены «Кабинета Сталина», в числе которых был и наш «Генерал». Встречей руководил Каганович. Докладывал сам «отец». Докладчик нарисовал предварительно «ужасающую» картину готовящегося истребления аппарата со стороны «заговорщиков» против партии — Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова... Сталин доказывал присутствующим, что первой жертвой этого «истребления» по замыслу «заговорщиков» «должны быть вот мы с вами, весь партийный аппарат сверху донизу». Более того — «заговорщики» хотят уничтожить и военные кадры партии, заменив их троцкистами и бывшими специалистами из царской армии. И объективно, и субъективно программа правых «заговорщиков» направлена на реставрацию капитализма в стране. Именно потому, что без уничтожения партийного аппарата невозможна подобная реставрация, первый удар направлен против нас. Но «заговорщики» достаточно умные люди, чтобы понять, что нормальными методами свободной партийной дискуссии, хотя бы на пленумах ЦК или на съезде партии, им не одолеть уже сложившийся «ленинский аппарат» партии. Поэтому «заговорщики» прибегают к явно провокационным трюкам и приемам. Даже больше — они стали на путь вымогательства и шантажа отдельных членов ЦК и руководителей Красной армии. Пользуясь теми или иными недостатками или ошибками в прошлом у ряда наших руководящих товарищей, бухаринцы готовят удар и по ним. Это им тем более легко делать, многозначительно добавил Сталин, что странным образом копии всех личных дел наших кадров из «Особого сектора» очутились в руках Бухарина.

Когда заведующий персональным учетом Смиттен начал оправдываться, заявляя, что эти документы никак не могли попасть к Бухарину, Сталин вопрошающе посмотрел на Поскребышева. «К сожалению,

Иосиф Виссарионович прав», — с апломбом ответил Поскребышев. «Но как быть, как исправить эту ошибку нашего аппарата и одновременно обезвредить бухаринцев?» — спросил Сталин. И сам же ответил: «Вот мы с Лазарем Моисеевичем и Вячеславом Михайловичем договорились о следующем: пока бухаринцы еще не успели реализовать украденные документы, мы должны предупредить наших людей, наших членов ЦК и руководителей армии о той провокации, которую готовят против них бухаринцы. Для этого есть только один путь — сотрудники аппарата ЦК, допущенные к работе в «Особом секторе», должны немедленно выехать на места и ознакомить этих товарищей с выписками и з их личных дел, которыми против них хотят воспользоваться бухаринцы».

Сталин закончил свое изложение одним строжайшим предупреждением — «выписки эти предъявляются соответствующим товарищам не как выписки из их личных дел, а как перехваченный ЦК материал бухаринцев». После ознакомления товарищей с выписками командированные должны взять у каждого из них письменное объяснение по двум вопросам: 1. Что может сказать этот товарищ в свое оправдание по существу обвинения, которое выдвигают против него бухаринцы? 2. Если он опровергает этот компрометирующий его материал, то чем он объясняет поведение группы Бухарина?

Роли были распределены. Новогодняя встреча кончилась. Прямо с этой встречи «Генерал» приехал к Томскому и изложил весь план Сталина Бухарину и Томскому в присутствии Сорокина. Какова была реакция у Бухарина и Томского на план Сталина, Сорокин не рассказывал, но я живо помню реакцию кружка Зинаиды Николаевны, когда мы через два или три дня после Нового года обсуждали этот план на ее квартире.

Мы собрались довольно поздно вечером, но так как инициатор данной встречи, «Генерал», все еще отсутствовал, делились пока впечатлениями от встречи Нового года. Разговор как-то не клеился, тем более, что Сорокин был почти безучастен, хотя Зинаида Николаевна старалась вывести его из «равновесия», что ей явно не удавалось. Только «Нарком» на этот раз был очень оживлен и без умолку хвалился своими, по всей вероятности, мнимыми, успехами на охоте под Новый год, так что Сорокин при каждом его новом удачном выстреле недоверчиво покачивал головой или строил насмешливую гримасу. Когда же «Нарком», уничтожив сонмы уток, куропаток, зайцев и пару лисиц, начал целиться в волка, Сорокин резко оборвал «выстрел»: «Давайте оставим холостые выстрелы. Лучше расскажи, почему у тебя не хватило пороха на московском активе, когда надо было стрелять в Кагановича?» «Но я никогда не охотился сразу за двумя зайцами, как ты на активе в ИКП», — рассердился «Нарком». «Заяц за зайцем не охотится», — ответил Сорокин. «Перестаньте говорить глупости», — вмешалась Зинаида Николаевна.

Очень кстати раздался звонок. Явился, наконец, «Генерал». «Я совершенно уверен, что Зинаида Николаевна, а вместе с нею и вы будете снисходительны ко мне за опоздание, если я поведу свой рассказ с конца», — начал «Генерал». Он сообщил, что был на инструктивном совещании в ЦК и что на рассвете на специальном «юнкере» летит на Кавказ для обработки руководителей края. «Генерал» изложил «план Сталина» и рассказал, кто куда направляется из аппарата ЦК для его проведения в жизнь. «Чудовищное дело Бейлиса против всей ленинской гвардии, — вот сущность плана», — заключил свое сообщение «Генерал». «Почему же ты едешь тогда?» — недоумевающе спросила Зинаида Николаевна. «Разве тебя не информировал Сорокин?» «Он просто рассказал, что Бухарин не верит в успех подобной провокации, Рыков с этим согласен, Томский, как всегда, бросается в другую крайность, а о твоей поездке и речи не было». «Поеду ли я и куда, я, собственно, узнал только вчера». «Но знают ли об этом «наши»?» «Разумеется». «Ну, и?» «Ну что об этом толковать, Зинаида? «Отцвели цветы, облетели листья», и не революционеры мы больше», — ответил «Генерал» и, тяжело вздохнув, добавил: «Только один Томский остался верным и революции, и самому себе, а остальные, извините за выражение, просто бабы!»

«Я думаю, что Николай Иванович прав, когда думает, что члены ЦК партии настолько умны, чтобы не поверить дешевой провокации», — вмешался в беседу Резников. «Да, это слишком птицы стреляные, чтобы их могли ловить на тухлой мякине Сталина», — вставил свое слово охотник-«Нарком». «В том-то и дело, что тут вовсе не «тухлая мякина», а действительно серьезные обвинения, дискредитирующие членов партии, но неподносимые им от нашего имени». «Я этому не верю», — упорствует «Нарком». Сдерживая внутреннее возмущение, «Генерал» неторопливо вынимает из портфеля напечатанные на официальном бланке ЦК выписки «из материалов правой оппозиции» и начинает читать: «Белов, командующий Северо-Кавказским военным округом, был левым эсером, переписывается с сосланными троцкистами, поочередно живет с женами работников своего штаба...; Андрей Андреев, секретарь крайкома партии, до революции был активистом в меньшевистском профсоюзе, во время войны — «оборонцем». После революции растратил крупные суммы денег ЦК Союза железнодорожников, но от суда увильнул. Хронический пьяница...; Филипп Махарадзе — председатель правительства Грузии, втайне вместе с национал-уклонистами и грузинскими меньшевиками в эмиграции готовит выход Грузии из СССР...; Мирзоян — секретарь ЦК партии Азербайджана, был на секретной службе Англии на Кавказе, крадил детей в армянской церкви...; Фабрициус — командующий особой кавказской Красной армией, бонапартист и морфинист...»

Список был довольно длинный, со многими пикантными подробностями, которые присутствующие

слушали с возрастающим недоумением. Под каждым именем политическое обвинение чередовалось с обвинением «бытовым» — пьяница, развратник, растратчик, морфинист. В те годы такие обвинения выглядели так же грозно, как и политические. Закончив список, «Генерал» вопросительно посмотрел на «Наркома», но последний меланхолично заметил: «Знаете, судя по тому, что мне лично известно о некоторых из перечисленных товарищей, я утверждаю, что сведения о них отвечают действительности». «Но не забывай, что они собраны не нами, а аппаратом ЦК, а преподносятся этим товарищам от нашего имени, это ведь и подлость, и шантаж одновременно», — старается «Генерал» вдолбить эту истину в голову «Наркома». Но «Нарком» продолжает твердить свое: «Однако факты от этого не перестают быть фактами». Резников одобрительно поддакивает, Сорокин и Зинаида недоумевающе переглядываются, «Генерал» от возмущения теряет дар слова.

Политическая дискуссия перешла в простую ругань, что, в свою очередь, вывело из терпения даже стоического «Наркома». Казалось, что острая перебранка между «Генералом» и «Наркомом», в которой стороны не щадили и лично друг друга, грозит всеобщим скандалом. Недвусмысленный намек «Генерала» на политическую честность «Наркома» вызвал контробвинение обиженного: «Рассказывая нам здесь о заговоре аппарата ЦК и сам участвуя в его проведении в жизнь, «Генерал» ведет двойную игру: Сталину он служит делом, а нам — для алиби. Это уже вызвало взрыв. Разъяренный «Генерал», схватив со стола графин, со всей силой размахнулся им по «Наркому», но тот вовремя увильнул, и графин разможжил голову главному виновнику: с шифоньерки полетел на пол разбитый вдребезги мраморный бюст Ленина. Раздосадованный неудачей «Генерал» одним прыжком очутился перед «Наркомом» на другом конце стола, собираясь схватиться с ним врукопашную, но Сорокин всем своим грузным телом закрыл «Наркома». «К нему ты можешь подступить только через мой труп!» — сказал Сорокин. «Генерал» имел основание верить ему и заметно охладел, Зинаида вывела «Наркома». Сорокин стал стыдить «Генерала». Резников потребовал щадить и так уже слабые нервы Зинаиды. «Генерал» замолчал, но это было молчание глупо оскорбленного человека. Сорокин догадывался, что буря впереди.

Надо было скорее начать переговоры о «перемирии». За них и взялись Зинаида и Сорокин. Об извинении «Генерала» первым перед «Наркомом» не могло быть и речи. Но формально извиниться первым должен был именно он как зачинщик взрыва. Поэтому «Нарком», охотно соглашаясь на мир, требовал соблюдения справедливости: первым руку должен подать «Генерал». Изобретательная в этих случаях Зинаида нашла компромисс — одновременно повели за руку навстречу друг другу: Зинаида — «Наркома», а Сорокин — «Генерала». Перемирие состоялось. Остальное доделала водка — она цементировала мир на русский лад: взаимные душеизлияния и сердечные тосты чередовались до раннего утра. К шести часам «Генерал» уехал на аэродром...

(Продолжение следует)

Примечания

1. Вот что пишет по этому поводу Троцкий: «Особое место в Красной армии и военной оппозиции занимал Царицын, где военные работники группировались вокруг Ворошилова... В кругах Ворошилова с ненавистью говорили о спецах, о военных академиках, о высоких штабах, о Москве... Сталин несколько месяцев провел в Царицыне. Свою закулисную борьбу против меня он сочетал с доморощенной оппозицией Ворошилова и его ближайших сподвижников. Сталин держал себя, однако, так, чтобы в любое время можно было отскочить... Как только Ленин заболел, Сталин добился через своих союзников переименования Царицына в Сталинград. Массы населения не имели понятия о том, что означает это имя (в действительности город был переименован в 1925 г. — *Ред.*). И если сейчас Ворошилов состоит членом Политбюро, то единственным основанием для этого является тот факт, что в 1918 г. я вынудил его к подчинению угрозой выслать под конвоем в Москву» (Л. Троцкий. *Моя жизнь*, ч. II, стр. 171, 173, 175).
2. История ВКП(б), 1945, стр. 224.
3. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. 1933, стр. 455.
4. «Партийное строительство», 1930, № 2.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Т о м в т о р о й. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г.

Г л а в а X. *Результаты победы Керенского: одиночество власти; постепенный захват ее Советами; распад государственной жизни. Внешняя политика правительства и Советов*

Керенский победил. Значение этой победы сказалось не только в отношении военной мощи страны, где армия осталась без вождей, но и в области государственного управления, где остались одни вожди без «армии». Перед страной встал вновь кардинальный вопрос о построении верховной власти, ибо прежняя власть разбилась окончательно в «бескровной победе» над корниловским выступлением. Таково было мнение не только «побежденных», но и «победителей». Газета Горького («Новая жизнь». — *Ред.*) говорила: «Бессильная в самостоятельной борьбе с контрреволюцией, неспособная к положительной творческой работе в деле обороны и борьбы с разрухой, живущая целиком за счет авторитета и поддержки Совета и его руками выводящая страну из-под смертельного удара корниловщины, — наша власть чувствует себя достаточно «независимой» и «неограниченной»... в пределах Зимнего дворца».

В центре стояла по-прежнему — одинокая и уже обреченная всем ходом предшествовавших событий — фигура Керенского. Разгромив действенные силы несоциалистической России, он призывал ее вновь к участию в коалиции, ведя борьбу за попираемые права буржуазии и не видя вне союза с нею иного исхода, как «ликвидация всего Временного правительства, с премьер-министром во главе».

Революционная демократия в лице Петроградского совета, огромным большинством голосов левых с. р-ов и большевиков, требовала устранения от власти не только партии народной свободы (официальное название партии кадетов. — *Ред.*), но и всех цензовых элементов и передачи ее в руки исключительно «революционного пролетариата и крестьянства». Если верить Штейнбергу, из 165 резолюций разных провинциальных организаций не менее 115 высказались за переход всей власти в руки революционной демократии, причем солдатские комитеты оказывались часто левее рабочих. К этому времени из состава президиума Совета должны были выйти Чхеидзе, Церетели, Скобелев и Чернов как слишком «умеренные». В состав президиума вошли большевики и левые с. р-ы. Новый председатель Совета Бронштейн (Троцкий), сменивший Чхеидзе, считал, что народные массы уже вполне подготовлены к восприятию советской власти, но «после жестокого урока июльских дней стали только более благоразумными, отказались от собственной инициативы и ожидают призыва свыше»...

Прежние вожди — Церетели, Чхеидзе, Чернов и друг., словом, вся та социалистическая интеллигенция, которая вначале стояла во главе Советов, потом группировалась вокруг исполнительных комитетов и в течение шести месяцев пыталась руководить судьбами революции, оказалась, как и Керенский, в пустом пространстве. За ними не было больше никого. Они продолжали священнодействовать по инерции, все еще произнося установленные ритуалом речи, в которых, однако, доминировала явно — смер-

тельная тревога за будущее и, может быть, тайно — заглушаемое раскаяние за погубленное прошлое. Выбора не было. Если раньше в числе различных комбинаций можно было еще говорить об однородном социалистическом министерстве, когда большинство состояло из умеренных элементов (оборонческий блок), то при новом соотношении сил вопрос стоял значительно проще: или коалиция с буржуазией, имевшая за собой по крайней мере одно преимущество — давность, или — «вся власть большевистским Советам». Независимо от общегосударственного значения этого вопроса, он имел для них и чисто личное: первая комбинация оставляла их на авансцене политической жизни страны, вторая низвергала в подполье...

Остановившись и а первом решении, исполнительные комитеты, очевидно, только лишь для соблюдения революционных традиций, вели длительные, нудные и неискренние переговоры с Керенским. Вначале появилось ультимативное требование устранения от власти кадет[ов] — единственного организованного представительства демократии и буржуазии, под предлогом их участия в деле Корнилова, — требование, делавшее фактически невыполнимой идею коалиции. Потом, в результате страстных словопрений состоялся компромисс, в силу которого непосредственное руководство делами государства впредь до окончательного формирования кабинета временно возложено было на пятичленную директорию¹. Постановление исполнительных комитетов ставило окончательное разрешение вопроса в зависимость от решения созываемого ими съезда всей организованной демократии («Демократическое совещание»)¹.

Наряду с преобладающим элементом «революционной демократии» из состава Советов, комитетов, Демократическое совещание заключало в себе и значительные контингенты просто демократии, вкрапленные в городские и земские самоуправления, профессиональные союзы, кооперативы и т. д. Совещание должно было, по мысли инициаторов, установить единый демократический фронт, организовать власть и составить постоянный «революционный парламент» для руководства ею впредь до Учредительного собрания.

Эта идея и возможность одностороннего захвата власти вызвали большую тревогу и протесты не только в стане буржуазии, но даже в среде самой демократии; так, Совет кооперативных съездов заявил, что «Всероссийское совещание должно быть общенациональным и должно быть создано государственной властью. В нем должны быть представлены все слои населения»...

Надежды и страхи не оправдались. Совещание проявило поразительное отсутствие чувства государственности и полный разброд мысли, полное отсутствие среди демократии какого бы то ни было единства взглядов даже по основным вопросам государственной жизни. Этот раскол и немощность как нельзя более ярко определились в резолюции по тому главному вопросу, ради которого собиралось совещание. Голосование формулы за необходимость коалиции дало 766 голосов против 688; поправка об исключении к. д. — принята 565 голосами против 483; наконец, после этого резолюция в целом о необходимости коалиции отвергнута 813 голосами против 183.

Это голосование нанесло, несомненно, моральный удар демократии и лишило всякого авторитета Демократическое совещание. Чтобы выйти из положительно непристойного положения, вожди революционной демократии, сняв совершенно вопрос о коалиции, с огромным трудом провели новое постановление, в силу которого будущее правительство должно было руководствоваться «программой 14 августа»², из состава совещания выделялся представительный орган — предпарламент³, причем, «в случае привлечения в состав правительства и цензовых элементов», таковой должен был пополниться делегатами от буржуазных групп; наконец, предусмотрена была ответственность правительства перед парламентом.

Почти вся пресса, хотя и по различным побуждениям, напутствовала безвременно угасшее Демократическое совещание однообразной эпитафией: «В потоке слов погибла еще одна революционная иллюзия».

Неудивительно, что Керенский счел возможным игнорировать все положения совещания. И после знаменитых заседаний в Малахитовом зале, где в бесконечном словесном турнире еще раз столкнулись представители революционной демократии и «цензовые элементы», к 26-му сентября было достигнуто, наконец, соглашение, в силу которого признана была коалиция и независимость правительства; предпарламенту, переименованному в «Совет российской республики»³, решено было дать законосовещательный характер и предоставить созыв его правительству.

Наконец, после длительных споров совместными усилиями двух борющихся сторон выработана и опубликована декларация, заключающая в себе обычные перепевы программ, воззваний, резолюций, имевших один общий недостаток — нереальность в обстановке войны, голода и анархии. И хотя «основными и первейшими задачами» своими правительство поставило «защиту родины от врага внешнего, восстановление законности и порядка и доведение страны до полновластного Учредительного Собрания», т. е. именно те задачи, которые поставлены были и «корниловской программой», но оставалось совершенно неясным, какими методами будет добиваться верховная власть своей цели. Методами государственного принуждения или правительственной кротости?

Немедленно откликнулся Петроградский совет, возглавленный в эти дни Бронштейном (Троцким), резолюцией от 25-го сентября: «Совет заявляет: правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы — рабочие и гарнизон Петрограда — не окажем никакой поддержки... Весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: в отставку!.. И опираясь на этот единственный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд Советов создаст истинную революционную власть. Совет призывает пролетарские и солдатские организации к сплочению своих рядов»...

Итак, открытая война объявлена. Какой же отклик находила эта борьба за власть вождей среди их «армий» — народных масс — этого многоликого сфинкса, в котором каждое течение находило основание своего первородства. Никакого. Народ интересовался реальными ценностями, проявлял глубокое безразличие к вопросам государственного устройства и, видя ежедневное ухудшение своего правового и хозяйственного положения, роптал и глухо волновался. Народ хотел хлеба и мира. И не мог поверить, что хлеб и мир немедленно не могут дать ему никто: ни Корнилов, ни Керенский, ни Церетели, ни Ленин.

* * *

В атмосфере полного недоверия, в непрестанных больших и малых кризисах, отвлекавших время, внимание и силы, нарушавших душевное равновесие, Директория и Временное правительство нового состава⁴ продолжали свою работу в сентябре и октябре. Теперь не было уже ни одного класса, ни одной партии, ни одной социальной и политической группировки, на искреннюю поддержку которых могла рассчитывать власть. Она держалась только в силу инерции; только потому, что правая половина верхних слоев русского народа боялась нового катаклизма, левая считала его пока преждевременным, а нижние слои непосредственно правительством не интересовались.

Между тем распад всей государственной жизни с каждым днем становился все более угрожающим. В 1-м томе приведен схематический очерк внутреннего состояния и хозяйственной жизни страны, и на этих вопросах я остановлюсь теперь лишь в самых кратких чертах. Все первопричины разрухи оставались в силе, и лишь элемент времени расширил и углубил ее проявления.

Самоопределялись окончательно окраины. Туркестан пребывал в состоянии постоянной дикой анархии. В Гельсингфорсе открывался явочным порядком финляндский сейм, и местные революционные силы и русский гарнизон предупреждали Временное правительство, что не позволят никому воспрепятствовать этому событию. Украинская центральная рада приступила к организации суверенного учредительного собрания, требовала отдельного представительства на международной конференции, отменяла распоряжения главнокомандующего Юго-западным фронтом, формировала «вольное казачество» — не то опричнину, не то просто разбойные банды — угрожавшее окончательно затопить Юго-западный край.

В стране творилось нечто невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест под многоговорящими заголовками: Анархия, Беспорядки, Погромы, Самосуды и т. д. Министр Прокопович поведал «Совету Российской республики», что не только в городах, но и над армией висит зловещий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом — сплошное пространство, обьятое анархией, и нет сил преодолеть его. На всех железных дорогах, на всех водных путях идут разбои и грабежи. Так, в караванах с хлебом, шедших по Мариинской системе в Петроград, по пути разграблено крестьянами, при сочувствии или непротивлении военной стражи, 100 тыс. пудов из двухсот. Статистика военного министерства за одну неделю только в тыловых войсках и только исключительных событий давала 24 погрома, 24 «самочинных выступления» и 16 «усмиренных вооруженной силой».

В особенности страдала страшно прифронтовая полоса. Начальник Кавказской туземной дивизии в таких, например, черных красках рисовал положение Подольской губернии, где стояли на охране его части... «Теперь нет сил долгие бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметаю все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбирают казенные склады спирта, напииваются, поджигают дома, тромят не только помещичьи, но и крестьянские имения... В каждом селе развито винокурение, с которым нет возможности бороться, вследствие массы дезертиров. Самая плодородная страна — Подолия погибает. Скоро останется голая земля».

Замечательно, как своеобразно и элементарно объясняла революционная демократия эти неотвратимые последствия социальной классовой борьбы и безвластия, которые должны были лежать тяжелым камнем на ее душе: «В различных местностях России толпы озлобленных, темных, а часто и отуманенных спиртом людей, руководимые и натравливаемые темными личностями, бывшими городскими и уголовными преступниками, грабят, совершают бесчинства, насилия и убийства... Может считаться точно установленным, что во всем этом погромном движении участвует смелая и опытная рука черной контрреволюции... Погромная антисемитская агитация и проповедь вражды, насилия и ненависти к инородцам и евреям являются, как показал опыт 1905 года, наилучшей формой (?) для торжества контрреволюционных настроений и идей»...⁵

Комитет призывал местные Советы зорко следить за происками контрреволюционеров и подавлять вооруженной силой их погромные попытки и агитацию. Эти призывы находили благодатную почву в революционной массе, действительно разбавленной более чем ста тысячами амнистированных преступников, совершенно чуждых контрреволюционным побуждениям и заполнявших чиновные места на всех ступенях советской иерархии. Все же не советское и не уголовное поступило в разряд контрреволюционеров.

Со времени корниловского выступления ко всем прежним революционным учреждениям «для борьбы с контрреволюцией» присоединились еще расцветшие пышным цветом по всей стране особые «революционные комитеты», «комитеты спасения и охраны революции», ознаменовавшие свое существование всевозможными насилиями. Правительство, «свидетельствуя от имени всей нации о чрезвычайных заслугах этих комитетов», признало, однако, необходимым упразднить их: «Самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться как с действиями самоуправными и вредными республике»⁶. А в тот же день из недр Исполнительного комитета вышел приказ⁷, чтобы органы эти «ввиду продолжающегося тревожного состояния работали с прежней энергией»...

Впрочем и само правительство было настолько одержимо боязнью контрреволюции, что для борьбы с нею в начале октября восстанавливало «охранные отделения» старого режима, с их кругом ведения, характером и приемами. Только название дано было новое — «особые отделы общественной контрразведки» — и в состав включались представители Советов, городских управлений и магистратуры.

Правительство было бессильно справиться с анархией и кроме воззваний не делало к этому никаких попыток. Местный представитель его, губернский комиссар, был едва ли не наиболее трагикомической фигурой правительственного аппарата. Без какой-либо силы — среди вопиющего бесправия и торжествующего беззакония... Назначаемый «по соглашению с подлежащим комитетом общественных объединенных организаций» и обязанный «действовать в единении с комитетом», он подвергался, однако, единоличной ответственности за законность и правильность своих распоряжений⁸.

Власть терпела и не могла порвать цепей, приковывавших ее к Советам — даже теперь, когда Советы порвали с ней окончательно.

В деревнях земля давно была взята и поделена. Теперь догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезывали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации, возглавлявшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передавшей им земли «в порядке, имеющем быть установленным законом, и без нарушения существующих норм землеустройства»...

Советы подвергали секвестру и социализации одну за другой фабрики и заводы, и в то же время шло массовое закрытие промышленных заведений — к половине октября до тысячи, создавая быстро растущую безработицу и выбрасывая на улицу сотни тысяч обозленных, голодных людей — готовые кадры будущей Красной гвардии.

Государственная экспедиция допечатывала девятнадцатый миллиард кредитных рублей, и бездонное народное чрево поглощало бесследно обесцененные бумажные деньги; в то же время агитация против банков и в пользу конфискации капиталов приостановила вклады, нарушила кредитный оборот и вызвала хроническое состояние денежного голода.

Министр путей сообщения Ливеровский в отчаянных посланиях читал отходную железнодорожному транспорту, а в то же время Викжель организовывал всеобщую железнодорожную забастовку. В дни войны и голода! Забастовка состоялась фактически — где три дня, где дольше, пока правительство не подчинилось требованиям железнодорожников и не ассигновало им прибавки содержания в 705 миллионов рублей. Но и эта капитуляция не удовлетворила Викжель, который продолжал предъявлять различные требования политически-правового характера, держа все время власть и командование под угрозой возобновления забастовки.

В такой обстановке протекала работа Временного правительства в последние два месяца его существования.

Что народные массы, освобожденные от всяких сдерживающих влияний, опьяненные свободой, потеряли разум и принялись с жестоким садизмом разрушать свое собственное благополучие, это еще понять можно. Что у власти не нашлось силы, воли, мужества, чтобы остановить внезапно прорвавшийся поток, это также неудивительно. Но что делала соль земли, верхние слои народа, социалистическая, либеральная и консервативная интеллигенция, наконец, просто «излюбленные люди», более или менее законно, более или менее полно, но все же представлявшие подлинный народ — это выходит за пределы человеческого понимания.

Перечтите отчеты всех этих Советов, демократических, государственных и проч. совещаний, комитетов, заседаний, предпарламентов, и вас оглушит неудержимый словесный поток, льющийся вместо огнегасительной — горючую жидкость в расплавленную народную массу. Поток слов умных, глупых или бредовых; высокопатриотических или предательских; искренних или провокаторских. Но только слов. В них

отражены гипноз отвлеченных формул и такая страстная нетерпимость к программным, партийным, классовым отличиям, которая переносит нас к страницам талмуда, средневековой инквизиции и спорам протопопа Аввакума^{III}. Они облечены внешней искренностью и внутренней ложью — не только у людей злой воли, но иногда и в устах честных и правдивых. У последних — ложь во спасение.

Историк и мыслитель, изучая впоследствии течение русской революции по этим человеческим документам, вряд ли сумеют установить правильное понимание ее законов, если не обратятся в область патологии: не только для истории, но и для медицины состояние умов, в особенности у верхнего слоя русского народа, в годы великой смуты представит высокоценный неисчерпаемый источник изучения.

Не удивительно, что после «Московского государственного совещания», «Демократического совещания», «Совета Российской республики» и кратковременного «Учредительного собрания 1918 г.» в глазах многих людей либерального образа мыслей возникло сомнение в непогрешимости основной демократической догмы, перевоплощенной в русской пословице: «Глас народа — голос Божий».

* * *

В области внешних сношений положение России становилось все более тяжелым и унижительным. Министр иностранных дел Терещенко^{IV}, в стремлении своем быть приемлемым для революционной демократии, безнадежно запутался в сочетании идей интернационализма, преобладавшего в Совете, «революционного оборончества», не искренно проводимого Исполнительным комитетом, и национальной обороны, исповедуемой «цензовыми элементами». Эта тройственность составляет характерную особенность всех его актов. И в последней декларации правительства от 25 сентября механическое смешение всех трех идеологий выразилось в такой дипломатической форме: «...Правительство будет неустанно развивать свою действительную внешнюю политику в духе демократических начал, провозглашенных русской революцией, сделавшей эти начала общенациональным достоянием (?), стремясь к достижению всеобщего мира и исключая насилие с чьей бы то ни было стороны». Какие начала: Ленина, Цедербаума (Мартова), Гурвича (Дана), Чернова или... Милюкова? «Временное правительство... все свои силы положит на защиту общесоюзнического дела, на оборону страны, на решительный отпор всяким попыткам отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли, на изгнание неприятельских войск из пределов родной страны».

В этом изложении достаточно определенно проводились в политике — status quo, в стратегии — отказ от полной победы и переход от наступления к активной обороне. Только сокровенный смысл фразы «защита общесоюзнического дела», предназначенный для успокоения союзных стран, нарушал несколько общий тон «декларации бессилия», как назвала этот акт печать.

Такая внешняя политика имела своим прикладным результатом лишь возможность длительного пребывания на посту г. Терещенко и встречала осуждение решительно со всех сторон. Слева ее считали «прямым продолжением внешней политики царизма... не заключающей в себе ни демократического, ни революционного элементов⁹. Справа говорили о «стиле официального лицемерия», которым о чести и достоинстве России отказываются говорить, о национальных интересах говорят с большой осторожностью¹⁰. Любопытно, что сам г. Терещенко в различных интервью определял нашу внешнюю политику как «политику парадоксов»...

Декларацией предусматривалась посылка на конференцию союзных держав в числе уполномоченных правительства и лица, «облеченного особенным доверием демократических организаций». Таковым оказался М. Скобелев. Ему дан был выработанный Центральным исполнительным комитетом наказ, который перейдет в историю как яркий показатель того политического, морального и патриотического уровня, на котором стояли умеренные вожди революционной демократии. П. Милюков в Совете республики дал тонкий анализ этого постыдного акта, разделив содержание его на «три концентрических круга мыслей»: общепацифистский¹¹, стокгольмский¹² и специально-советский, представлявший переложение стокгольмского, исправленного в духе утопизма, и... германских интересов. От более точного определения этого последнего «круга мыслей» он воздержался. Но было ясно, что это просто предательство Родины, для которой безразлично, поступают ли ее интересами за сребреники или даром.

Национальные интересы России, ее будущие судьбы и возможность мирного существования, понесенные ею великие жертвы, чудовищное расстройство народного хозяйства обеспечивались в этом акте только следующими положениями: «Непременным условием мира является вывод немецких войск (а австрийских и турецких?) из занятых областей России. Россия предоставляет полное самоопределение Польше, Литве и Латвии». И дальше — общее требование: «Все воюющие отказываются от требования возмещения всяких издержек в прямом и скрытом виде». Нигде более в наказе имя России не упоминалось.

Забота об интересах союзников ограничивалась восстановлением Бельгии, Сербии¹³, Черногории и Румынии в прежних границах, возмещением убытков Бельгии и материальной помощью Сербии и Черногории из... интернационального фонда, т. е. и за счет союзных и нейтральных держав!

Идея самоопределения вылилась по существу в отторжении от России — Литвы и Латвии, от Румынии — Добруджи и от Турции — Армении; в сохранении за Германией ее колоний, Познани и польской Силезии (в Эльзасе и Лотарингии допущен был плебисцит); за Австрией — румынской Трансильвании и всех славянских земель; только в итальянских областях ее допускался плебисцит. Зарубежные поляки, чехословаки, южные славяне, румыны, по-видимому, не заслуживали самоопределения... Масарик^V, с большой горечью напоминая о забытых, указывал Совету, что такое одностороннее толкование им идеи самоопределения народов сближает его совершенно с взглядами немецкого империализма.

Неудивительно, что это выступление русской демократии произвело в центральных странах весьма благоприятное впечатление: австро-германская печать отозвалась сдержанным одобрением «перемене курса русской политики», а канцелярский официоз «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» обмолвился даже такой знаменательной фразой: «Этот дух программы русской демократии, по-видимому, воспринял нечто от того примирительного духа, которым проникнуты речи, произнесенные в германском рейхстаге, по поводу ноты папы, а также заявление графа Чернина в Будапеште». Воспринял, несомненно, — через благодать Стокгольмского банка, Циммервальд, руссоненавистничество и духовное затмение.

Наконец, для осуществления скорого мира наказ требовал заключения его «через уполномоченных, выбранных органами народного представительства», для чего нужно было изменение конституций всех воюющих стран — и не иначе, как «на всемирном конгрессе».

Все эти «парадоксы» официального политического курса и откровения неофициального были бы, однако, лишь пустым словопрением, без всякого реального значения, если бы они не давали почвы и оправдания тем сумбурным настроениям, которые царили в армии — армии, не желавшей знать никаких «целей войны», а жаждавшей немедленного мира во что бы то ни стало. Так смотрели на нашу дипломатию и союзники. С развалом армии она теряет всякий авторитет и влияние на союзническую политику.

В союзных правительствах, парламентах, в печати, не исключая части социалистической, за редкими исключениями отзывались на откровения русской революционной демократии поучающе-снижительно, с иронией или с осуждением, но не придавали им слишком серьезного значения. Крупная английская печать находила, что идеи джентельменов из Совета представляются весьма интересными и будут иметь, вероятно, большое значение... после окончания войны и заключения мира. Клемансо^{VI} резко высказывал удивление, что Советы, имеющие в своем активе только поражения, «навязывают французам с их длительными блестящими успехами условия мира, внушенные их мечтаниями».

Что касается социал-демократии союзных стран, то хотя в недрах ее происходил процесс расслоения, и меньшинство все более принимало облик русского большевизма, значительное большинство оставалось верным принятым с начала войны идеям национальной обороны. Почти в то же время, когда составлялся скобелевский наказ, французская социалистическая конференция в Бордо выносила резолюцию, которая, наряду с проповедью общепацифистских идей, высказывалась за поддержку буржуазного правительства и за решительное продолжение войны до победы. Союзников глубоко интересовал и тревожил один главный вопрос — о русском фронте.

26 сентября к министру-председателю явились посланники Англии, Франции и Италии и обратились к нему с коллективным заявлением от имени своих держав, что «общественное мнение их стран требует отчета у правительства по поводу материальной помощи, оказанной России; что русское правительство должно доказать свое стремление использовать все средства, чтобы восстановить дисциплину и истинный воинский дух в армии»¹⁴. Камбон^{VII} объяснял этот шаг созданным в парижских кругах убеждением, что «Временное правительство может, опираясь на верные войска, восстановить боеспособность армии и раздавить большевиков». А Сонино^{VIII} в беседе с нашим послом сообщил, что «коллективное выступление имело именно целью дать поддержку Временному правительству»... Как бы то ни было, такое выступление явилось тревожным фактом в особенности в связи с упорными слухами о возможности заключения союзниками сепаратного мира.

Позднее, в начале октября, слухи о сепаратном мире получили уже реальное обоснование: после неудачного выступления папы, немецкое правительство в лице министра иностр. дел Кюльмана^{IX} сделало неофициальное заявление Франции через Бриана^X, что оно готово обсуждать вопрос об Эльзасе и Лотарингии, о Триесте и восстановлении независимости Бельгии, на условиях компенсации на Востоке... Рибо во французском парламенте, лорд Сесиль^{XI} в английском, подтверждая верность союзу, ответили решительным отказом; их заявление успокоило правительство и русскую общественность, вызвав в России смешанное чувство досады за себя и умиления по адресу союзников. Министр Прокопович на кооперативном съезде в Москве заявил о нашем отчаянном международном положении: «Мир приближается к нам. Но мир неслыханно позорный для России, мир исключительно за наш счет. Нас спасает пока только благородство союзников, отвергающих делаемые Германией, выгодные для них, но гибельные для нас мирные предложения». Но, «быть может, чаша терпения их скоро переполнится».

Трудно теперь, после четырехлетнего опыта подходить к мотивам, двигавшим действиями международной дипломатии, с точки зрения чистого альтруизма. Его, конечно, не было. Был холодный, ясный расчет. Не даром Рибо называл предложение Кюльмана «ловушкой». Самый факт открытия сепаратных

переговоров произвел бы в России глубочайший переворот не только в политических взаимоотношениях, но и в психологии русского народа, бросив его в объятия Германии и тем смешав все карты новой игры. Наконец, даже «удачный» исход переговоров, приведя к чрезмерному усилению Германии, нисколько не менял бы того напряженного состояния, которое царило в Европе до войны, не уничтожал, а наоборот увеличивал опасность германского империализма, стремления к политической и экономической гегемонии. Немецкий бронированный кулак, благодаря взращенной в течение трех лет злобе и чувству мести, стал бы вновь огромной угрозой европейскому миру. И в особенности угрозой — если не бытию, то великодержавности Франции, которой с устранением России предстояло в будущем жуткое политическое одиночество.

Вот почему отсечение даже больного духовно и парализованного физически члена Согласия обрело на бесцельность и бесполезность все громадные жертвы, усилия и затраты союзников. И когда в дни, приближавшие нас к роковому исходу, за две недели до большевистского переворота, во французском парламенте новый министр иностранных дел Барту^{XI} с большим подъемом говорил: «Мы единодушно утверждаем, что питаем доверие к России!» А Тома перебил: «Надо оказать ей действительную помощь!», — в этом диалоге французских государственных людей отразились не столько вера и желание, сколько смертельный страх за судьбы своей родины.

Глава XI. Военные реформы Керенского — Верховского — Вердеревского. Состояние армии в сентябре, октябре. Занятие немцами Моонзунда

После корниловского выступления во главе военного министерства Керенский поставил произведенного им в генералы Верховского и во главе морского — адмирала Вердеревского, который только что был освобожден из-под следствия по обвинению его в неисполнении приказа Временного правительства под влиянием флотского комитета. Главной причиной, которая послужила к выдвигению этих лиц, была их удивительная приспособляемость к господствующим советским настроениям, постепенно переходившая в чистую демагогию. Этот элемент ярко окрашивает их двухмесячную деятельность.

Любопытную характеристику обоим дает сам Керенский¹⁵. Вердеревский, по его мнению, умный и очень дипломатичный человек, который ради ограждения от дальнейшего поношения, может быть, даже истребления морских офицеров стал «исключительным оппортунистом». Верховский «был не только не способен овладеть положением, но даже понять его». Он был выдвинут политическими игроками слева и быстро поплыл «без руля и без ветрил» прямо навстречу катастрофе... Верховский ввел в свою деятельность «комический элемент». К этому определению можно добавить еще легкую возбуждаемость на почве не то истерии, не то пристрастия к наркотам... Но Верховский в свое время резко выступил против Корнилова, и это обстоятельство сыграло, по признанию Керенского, решающую роль: «Принимая во внимание колеблющееся поведение во время корниловского выступления всех других желаемых кандидатов, мне буквально не из кого было выбирать, а между тем с обеих сторон — правой и левой — проявилось внезапное желание видеть на посту военного министра — военного человека»... При таких условиях ничто не могло изменить трагической судьбы русской армии.

Исложив немедленно после своего назначения Исполнительному комитету свою программу, заслужившую его одобрение, военный министр приступил к работе, носившей необыкновенно сумбурный характер, не оставившей после себя никакого индивидуального следа и как будто заключавшейся исключительно в том, чтобы излагать грамотным военным языком безграмотные по смыслу советские упражнения в военной области.

Реформы начались с нового изгнания лиц командного состава. В течение месяца было уволено «за контрреволюцию» 20 высших чинов командования и много других войсковых начальников. Они были заменены лицами, по определению Верховского, имевшими в своем активе «политическую честность, твердость поведения в корниловском деле и контакт с армейскими организациями». В каком-то самоослеплении Керенский в конце сентября заявил «Совету республики» о необыкновенных результатах этого механического отсеивания: «Я счастлив заявить, что в настоящее время ни на одном фронте, ни в одной армии вы не найдете руководителей, которые были бы против той системы управления армией, которую я проводил в течение 4 месяцев». Как будто в разъяснение этого заявления Верховский, продолжавший эволюционировать, теперь уже решительными шагами, в сторону большевизма, там же, в Совете, счел нужным обратить внимание армейских организаций на одну очень характерную черту армейского быта: «И сейчас, при новом режиме, появились генералы, и даже в очень высоких чинах, которые определенно поняли, куда ветер дует, и как нужно вести свою линию».

Несомненно, тяжкое обвинение командного состава, вытекающее из слов Керенского, преувеличено: на общем фоне обезличенных начальников, сведенных на степень «технических советников», кроме типа Черемисова существовал еще тип Духонина. Между нравственным обликом одного и другого — непроходимая пропасть. Но все те, кто по разным побуждениям примирились внешне с военной политикой правительства, в душе считали политику эту губительной и ненавидели творцов ее.

Вопрос о революционных организациях оставался в прежнем, если не в худшем положении. Накануне своего удаления от должности, 30 сентября, Савинков успел выпустить приказ с изложением общих оснований реорганизации этих институтов, в редакции, отвергнутой в свое время Корниловым. Власть комиссаров была усилена. Им предоставлены прокурорские обязанности в отношении войсковых организаций в смысле наблюдения за закономерностью деятельности последних, надзор за печатью и устной агитацией и регламентирование права собраний в армии. Вместе с тем, на комиссаров возложено было уже официально наблюдение за командным составом армии, аттестация лиц, «достойных выдвижения», и возбуждение вопроса об удалении начальников, «не соответствующих занимаемой ими должности». Тягость положения командного состава усугублялась тем, что приказ не предусматривал границ комиссарского усмотрения (политика, служба, военное дело, общая преступность?) и не определял точно решающей инстанции.

Войсковым комитетам, наряду с руководством общественной и политической жизнью войск, предоставлялся контроль над органами снабжения и опять-таки надзор за командным составом и аттестование его путем сбора «материалов о несоответствии данного начальника занимаемой им должности». Революционный сыск, возведенный в систему и оставивший далеко позади черные списки сухомлиновско-мясоедовского периода, повис тяжелым камнем над головами начальников, парализуя деятельность даже крайних оппортунистов.

Официальное лицемерие продолжало возносить армейские революционные организации как важнейшие «устои демократической армии» — очевидно, не по убеждению, а по тактическим соображениям. В союзе с ними, хотя и весьма неискреннем, все те, что группировались вокруг Керенского, видели известный демократический покров политического курса и последнюю свою надежду. Порвав с ними, власти нельзя было сохранить даже неустойчивое равновесие и неминуемо приходилось сделать последний шаг вправо или влево: к Советам и Ленину или к диктатуре и «белому генералу». А покров почти истлел.

Какой авторитет могли иметь в армии комиссары — представители Временного правительства, если, например, комиссар Северного фронта Станкевич, посетивший в сентябре Ревельский гарнизон, имея задачей «защитить Временное правительство», встречает такой прием: «...Я чувствовал всю тщету попыток, так как само слово «правительство» создавало какие-то электрические токи в зале, и чувствовалось, что волны негодования, ненависти и недоверия сразу захватывали всю толпу. Это было ярко, сильно, непреодолимо и сливалось в единый вопль: Долой!» В других местах отношение солдатской массы к правительству если и не проявлялось так экспансивно, то, во всяком случае, выражало полнейшее равнодушие или пассивное сопротивление, ежесекундно готовое вылиться в открытый бунт.

Комитеты также изменяли постепенно свой облик. Многие высшие комитеты, которые с весны не переизбирались, сохраняли еще прежние традиции оборончества и условной поддержки правительству («постольку, поскольку»), теряя постепенно связь с войсками и всякое влияние на них, тогда как другие и большинство низших переходили окончательно в большевистский лагерь. Из среды комитетов и помимо них текли непрерывно в Петроград делегации и там, минуя Зимний дворец, направлялись в Петроградский совет, черпая в недрах его советы, указания и надежды.

Особенно угрожающее положение занимали флотские организации. Если главный общепартийский комитет завел междоусобие даже с оппортунистической Ставкой Керенского, то Центрофлот^{XIII} предъявлял уже ультиматумы Керенскому и Вердеревскому, угрожая «прервать с ними дальнейшие отношения» и побудить к тому же своих избирателей. А когда в конце сентября Керенский, ввиду немецкого десанта, призывал флот «опомниться и перестать вольно и невольно играть в руку врагу», не замедлил ответ от Съезда представителей Балтийского флота: «Потребовать немедленного удаления из рядов правительства Керенского как лица, позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом великую революцию, а вместе с ней весь революционный народ»...

К концу сентября в основание реформ положена была докладная записка, подписанная Духониным и Дитерихсом¹⁶. Записка Духонина представляет попытку согласования основных начал военной службы с «завоеваниями революции» и поэтому вся проникнута была двойственностью идеи и половинчатостью мер. Поставлено было требование «полного прекращения какой бы то ни было агитации в войсках, независимо от партий», которое сейчас же вступало в неумолимое противоречие с организацией комиссарами и комитетам предвыборной кампании. Устанавливалось два положения военнослужащего — «на службе» и «вне службы», причем во втором — все являлись равноправными гражданами, ограниченными лишь «правилами общественного порядка и гигиены». Восстанавливалась дисциплинарная власть начальников и право предания ими подчиненных суду, но первая — условно («если дисциплинарный суд в 24 часа не вынесет решения»), а второе в значительной мере парализовалось предоставлением расследования — выборным комиссиям. Восстановлено отделение чести — только прямым начальникам.

Начальник, по мысли записки, становился «представителем власти правительства», а комиссар — только его помощником «по части проведения в армии начал государственности». Но этот помощник, «в случае явного направления деятельности начальника вразрез правительственных интересов», имел право

«применять решительные меры для поддержания правительственной власти». Компетенция комитетов, правда, сильно ограничивалась и устанавливалась их ответственность. Записка признавала возможным отказаться от смертной казни, «если все эти меры будут проведены полностью». Вместе с тем записка намечала целый ряд мер по изменению уставов и насаждению военного и технического образования. Словом, вся реорганизация армии, рассчитанная на длительный период, была поставлена так, как будто Ставка имела впереди много времени и жила в нормальной обстановке, а не имела дела с массой, давно переставшей повиноваться, работать и учиться.

Но и эти робкие попытки восстановления армии оставались в области теоретических предположений. Вводить их в жизнь должно было военное министерство, а Верховский, предвидя события, ставил свою деятельность в зависимость от взглядов Совета. Кажется, единственное мероприятие проведено им было скоро и легко — это роспуск из армии четырех старших возрастных классов, который окончательно укрепил солдат в мысли о предстоящей демобилизации.

На практике никаких мер к поднятию дисциплины не было принято. Впрочем, сделать это было бы тем более трудно, что идеология воинской дисциплины у руководителей вооруженных сил проявлялась официально в формах весьма неожиданных: Верховский, в согласии с мнением Советов, видел главную причину разлуки «в непонимании войсками целей войны» и предлагал Правительству и Совету «сделать для каждого человека совершенно ясным, что мы не воюем ради захватов, своих и чужих». Ни Рига, ни занятие немцами Моонзунда, очевидно, не уясняли вопроса в глазах военного министра. Керенский по требованию Совета приостановил приведение в исполнение смертных приговоров в армии, т. е. фактически отменил смертную казнь; Вердеревский проповедовал, что «дисциплина должна быть добровольной. Надо сговориться с массой (!) и на основании общей любви к родине побудить ее добровольно принять на себя все тяготы воинской дисциплины... Необходимо, чтобы дисциплина перестала носить в себе неприятный характер принуждения»¹⁷.

Официальное лицемерие продолжало поддерживать легенду о жизнеспособности фронта. Еще 10 октября Верховский говорил «Совету республики»: «Люди, которые говорят, что русской армии не существует, не понимают того, что они говорят. Немцы держат на нашем фронте 130 дивизий... Русская армия существует, исполняет свою задачу и исполнит ее до конца». А через несколько дней в заседании комиссии «Совета республики» заявил: у нас нет более армии, необходимо заключить немедленно сепаратный мир с немцами¹⁸.

* * *

Такое направление военной политики расчищало пути большевизму в армии. Те самые комиссары и председатели фронтового и армейских комитетов Юго-западного фронта, которые вели со мной столь успешную и победную борьбу в августе, на съезде своем в Киеве в половине октября с большой тревогой обсуждали вопрос, какие меры необходимы, чтобы остановить допущенную, в связи с выборами в Учредительное Собрание, преступную агитацию, переходящую в призыв — бросить окопы и идти домой.

Эту своеобразную «поддержку» получала армия главным образом от тыла. Армия, погрязшая в своих собственных грехах и беззакониях, имела все же право обратиться с недоуменным вопросом к тылу: Воюем мы или не воюем? «К тылу, к стране, ко всей Российской республике и прежде всего к революционной демократии. Не сваливайте вину на буржуазию, потому что армия обращается не к ней, а к вам — революционерам и демократам, потому что не буржуазия, а вы — большевики, меньшевики и социалисты-революционеры — называете солдат товарищами. Или товарищеская верность до смерти, или слово «товарищ» — лживое слово... Так писал 3 октября не кто иной, как официоз революционной демократии «Известия».

Тыл ответил словом и делом: — Не воюем. Определеннее всех говорил большевизм. В армию, как мы знаем, он пришел с прямым приглашением — отказать в повиновении начальникам и прекратить войну, найдя благодатную почву в стихийном чувстве самосохранения, охватившем солдатскую массу. Впереди предстояла дождливая осень, холодная зима, с неизбежными тяжелыми лишениями, осложненными сильнейшим расстройством тыла. Делегаты, отправляемые со всех фронтов в Петроградский совет с запросами, просьбами, требованиями, угрозами, слышали там иногда от немногочисленных представителей оборонческого блока упреки и просьбы потерпеть, но находили зато полное сочувствие в большевистской фракции Совета, унося с собой в грязные и холодные окопы убеждение, что мирные переговоры не начнутся, пока вся власть не перейдет к большевистским Советам.

Осенью в одном из заседаний Петроградского совета прибывший с фронта офицер Дубасов сказал: «Солдаты сейчас не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут... Это заявление, как передавал газетный хроникер, произвело «непередаваемое впечатление». Было бы напрасно, однако, в этом рефлекторном движении искать признаков сожаления или раскаяния. Оно объясняется тем обстоятельством, что в прогрессирующем развале армии была, очевидно, такая черта, переход которой считался угрозой даже для... большевизма. По

крайней мере, по словам Троцкого, одним из побудительных мотивов к скорейшему захвату большевиками власти было опасение, что «события на фронте могут произвести в рядах революции чудовищный хаос и свергнуть в отчаяние рабочие массы»¹⁹.

Петроградский гарнизон, не переставший играть роковую роль в судьбах революции, составлял предмет исключительного внимания большевистских руководителей. В середине октября Керенский пришел к необходимости осуществить корниловский план подчинения Петроградского военного округа главнокомандующему Северным фронтом и вывода на фронт частей Петроградского гарнизона. Мера эта уже запоздала. Гарнизон решительно отказал в повиновении, и Петроградский совет всеми доступными мерами противодействовал выводу частей из столицы. Такое отношение усилило в значительной степени влияние Совета и самыми тесными узами связало судьбу гарнизона с судьбой большевизма.

В стране не было ни одной общественной или социальной группы, ни одной политической партии, которая могла бы, подобно большевикам и к ним примыкающим, так безотговорочно, с такой обнаженной откровенностью призывать армию — «воткнуть штыки в землю». Ибо, хотя в среде, пропитанной духом интернационализма, само слово «Родина» было изъято из обращения, но чувство к ней тлело еще в сердцах. Армии предстояло сыграть решающую роль в октябрьском перевороте: как прямым содействием ему Петроградского гарнизона, так и отказом фронта от борьбы и сопротивления.

* * *

Верховский был прав в одном: русская армия, помимо своей воли, невзирая на разлагающие влияния извне и изнутри и бессилие власти, «исполняла свою задачу» — правда, весьма односторонне — в интересах союзников: русский фронт все еще удерживал против себя 127 вражеских дивизий²⁰; в этом числе — 80 немецких, т. е. одну треть состава германской армии. Глубина общего развала русских войск учитывалась немецкой главной квартирой, и Гинденбург говорил, что для него не существует совершенно препятствий на русском фронте, в отношении которого он руководствуется только мотивами целесообразности. Петроград казался поэтому весьма заманчивой целью и гипнотизировал общественное мнение по обе стороны линии фронта. У нас — вызывая сильнейшее беспокойство за участь столицы, за рубежом — возбуждая чрезмерно большие иллюзии.

Гинденбург и Людендорф иронизируют над этими настроениями людей, которые настолько не владеют нервами, что «потеряли всякое понятие о времени и пространстве» и не могут хотя бы «прикинуть циркулем расстояние от фронта до Петрограда». Гипноз русской столицы подчинил себе и немецкие войска и их начальников, стремившихся продолжать наступление хотя бы до Нарвы. Гинденбург свидетельствует, что с этим стремлением приходилось вести серьезную борьбу, чтобы отвлечь внимание от Риги и перенести его к берегам Адриатического моря.

Еще с лета немецкая главная квартира решила перенести всю потенцию борьбы исключительно на Запад, отнюдь не расходуя силы и средства на Востоке, не втягивая в длительные операции армию и флот, держа там войска сосредоточенно и наготове, в ожидании дня окончательного крушения русской армии и только способствуя его приближению моральным растлением русских солдат и в особенности широкой организацией братания; в октябре братание приняло исключительные размеры на всем огромном фронте от Риги до Тульчи. Но даже и такая необыкновенно благоприятная для центральных держав обстановка на Востоке не могла спасти их положение.

Для возможности продолжения кампании немцам нужен был мир с Россией во что бы то ни стало. Еще в середине лета Людендорф подготовил проект перемирия, получивший одобрение союзных немцам правительств, канцлера и императора, и с величайшим нетерпением ждал возможности осуществления его. Пока же шли только частные переброски и замена частей, бывших на русском фронте, другими, более слабыми морально и потрепанными в боях на Западе. Общее расстройство транспорта вызывало у немецкого командования беспокойство — успеют ли железные дороги перебросить огромную массу войск, которая освободится после падения русского фронта, к началу весны на Запад, где должна была решиться участь кампании, союзных стран и немецкого народа[?]

Это обстоятельство, вопреки общей пацифистской тенденции немцев на нашем фронте, побудило их дать новый толчок (Рига) для ускорения процесса распада русской армии и парализования «мозга России» нервующей, непосредственной угрозой столице путем занятия Моонзундского архипелага.

Для широкой публики обеих мировых группировок — это был поход на Петроград. Для немецкой главной квартиры — только частная операция, вызванная кроме необходимости психологического воздействия на нас — желанием создать выход накопившимся воинственным настроениям в стране и армии и дать работу германскому флоту, который на почве долгого бездействия и пропаганды «независимых с. д.» только что пережил тревожные дни мятежа. Попутно занятие Моонзундского архипелага создавало выгодное стратегическое положение, отдавая в руки немцев Рижский залив и морские пути к Риге, создавая новую близкую базу для морского и воздушного флота и ставя под серьезную угрозу правый фланг нашего Северного фронта при возможности высадки где-нибудь у Гапсала и Пернова.

29 сентября сильный германский флот, насчитывавший в своем составе до 12 дредноутов, до 12 крейсеров и большую минную и транспортную флотилию, появился вблизи островов; в тот же день под прикрытием части флота немецкий десант в составе одной пехотной дивизии и бригады самокатчиков начал высадку в Тагалахтской бухте, производя одновременно небольшую демонстрацию против Даго. Наши сухопутные войска на Эзеле, за исключением некоторых артиллерийских частей, не оказали никакого сопротивления, и немцы на другой день появились уже у дамбы, соединяющей острова Эзель и Моон, и в Аренсбурге; островные батареи наши были частью сметены огнем немецкой судовой артиллерии, частью захвачены войсками десанта. Одновременно, кроме судов, прикрывавших высадку, обозначилось наступление германского флота в трех направлениях:

На юге к Ирбенскому проливу сосредоточилась эскадра в составе нескольких дредноутов, 6 крейсеров и многих миноносцев, имея целью прорваться в Рижский залив, вход в который, после падения Церельских батарей, оказался совершенно свободным и требовал лишь серьезного траления ирбенских вод.

Минный отряд — не менее 20 судов — прорвался 29-го в Саезлунд, угрожая отрезать сообщение о Эзеля по Моонской дамбе и нашу флотилию, находившуюся в Рижском заливе, — от Балтийского моря. Небольшой отряд наших миноносцев отразил неприятеля. 1 октября немецкие миноносцы, поддержанные огнем дредноута, повторили свой маневр, но после горячего боя наш, трижды меньший численно, отряд, потеряв потопленным миноносец «Гром», заставил противника повернуть назад.

В то же время еще одна эскадра из трех дредноутов, в сопровождении миноносцев и подводных лодок, появилась в устье Финского залива, сев.-восточнее мыса Дагерорта, угрожая выходам из Моонзунда.

В ночь на 4-е южная германская эскадра, закончив траление, проникла в Рижский залив. Здесь произошел длительный неравный бой с ней эскадры адмирала Бахирева²¹, в результате которого, после гибели корабля «Слава» и тяжелых повреждений, нанесенных прочим судам эскадры, она вынуждена была отойти во внутренние воды Моонзунда.

Главные силы Балтийского флота участия в операции не приняли. На решение это повлияли, несомненно, не только безнадежность обороны Рижского залива без участия сухопутных войск и технические неудобства плаванья в моонзундских водах, но и моральное состояние личного состава Балтийского флота. К 7-му весь архипелаг (Эзель, Моон, Даго) был в руках немцев. Они взяли в плен до 20 тыс. человек, около 100 орудий и богатую военную добычу. Началась демонстративная высадка немецкого десанта на материке южнее Гапсала. Эскадра Бахирева благополучно ушла в Финский залив.

После страстных столкновений в августе вокруг вопроса о поведении войск при падении Риги, Ставка и буржуазная печать теперь воздерживались от непосредственной оценки. Зато яркую и до боли обидную картину нарисовали нам печать и органы самой революционной демократии. От них мы узнали, что из состава русских полков, занимавших Моонзундские позиции, наиболее активные элементы устремились к моонской дамбе и к плавучим средствам, а масса с огромным воодушевлением рвалась... сдаваться в плен. Бросая оружие, с музыкой и пением.

Единодушный отзыв начальников и комитетов свидетельствовал также о высоко доблестном поведении в бою экипажей флотилии Бахирева. Не хочется отравлять душу ядом сомнений. Пусть останется еще одно светлое воспоминание недолгой, но яркой вспышки национального самосознания, жертвенного подвига, воинского долга. Но и к этому отрадному явлению тянулись уже грязные руки с тыла: людей, далеких и в большинстве чуждых боевой страды, торговавших и Родиной, и совестью, и просто... мануфактурой.

С фальшивым пафосом и в волнующей своим бесстыдством форме «Съезд представителей Балтийского флота» 5-го октября из Гельсингфорса обратился по радиотелеграфу к «народам мира»: «Братья! В роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы посылаем вам привет и предсмертное завещание... Наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу... Мы выполним (свое обязательство) не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего лишь милостью революции. Мы исполняем верховное повеление нашего революционного сознания. И наша борьба с отечественными хищниками дает нам святое право призвать вас, пролетарии всех стран, твердым перед лицом смерти голосом к восстанию против своих угнетателей».

Как бы то ни было, новое национальное несчастье должно было, казалось, всколыхнуть дремавшее народное самосознание и заставить, по крайней мере, политические верхи переменить свое отношение к вопросу национальной обороны и соединить свои силы для борьбы. Этого не случилось. Расчеты Людендорфа оправдались вполне. Петроградом действительно овладело паническое настроение, но страна и армия в толще своей отнеслись к новому поражению совершенно равнодушно. В разных сферах русской общественности и в правящих кругах балтийская катастрофа вызвала самые разнообразные, подчас неожиданные отклики.

Буржуазные элементы и печать в жуткой тревоге за судьбы страны призывали к борьбе с немцами. Умиравшие исполнительные комитеты также призывали демократию, но в несколько иной форме:

«стойко защищать родную землю» и «напрячь все силы для обороны столицы», угрожаемой вражеским нашествием и... «погромной агитацией, которую явно ведет контрреволюция».

Совет решил, что Керенский желает отдать немцам столицу и что спасение Петрограда и страны заключается в переходе власти в руки Советов и в скорейшем заключении мира. Войсковые организации присоединились частью к оборонческой, частью к большевистской точке зрения. Петроградская дума также откликнулась многоречивыми заседаниями, образованием центрального комитета общественной безопасности» и новых пяти комиссий.

Временное правительство постановило эвакуировать Петроград. Это решение, вызванное не столько стратегической обстановкой, сколько желанием освободиться от невыносимого гнета петроградской революционной демократии встретило дружный и резкий отпор в ее рядах: переезд правительства в Москву, по словам Троцкого, изменил бы условия борьбы, и Петроград мог оказаться отрезанным от всей России...

Но наиболее безотрадную картину распада явил собою «Совет Российской республики». После долгого обсуждения вопроса об обороне государства, 18-го октября на голосование Совета было поставлено борющимися в нем партиями шесть формул, все шесть были отвергнуты, и вопрос снят с обсуждения; «Совет Российской республики» в дни величайшей опасности и накануне большевистского переворота не нашел ни общего языка, ни общего чувства скорби и боли за судьбы Родины. Поистине и у людей не предубежденных могла явиться волнующая мысль: одно из двух: или «соборный разум» — великое историческое заблуждение, или в дни разгула народной стихии прямым и верным отображением его в демократическом фокусе может быть только «соборное безумие».

Глава XII. Большевистский переворот. Попытки сопротивления. Гатчина. Финал диктатуры Керенского. Отношение к событиям в Ставке и Быхове

Огромная усталость от войны и смуты; всеобщая неудовлетворенность существующим положением; неизжитая еще рабья психология масс; инертность большинства и полная безграничного дерзания деятельность организованного, сильного волей и беспринципного меньшинства; пленительные лозунги: власть — пролетариату, земля — крестьянам, предприятия — рабочим и немедленный мир... Вот в широком обобщении основные причины того неожиданного и как будто противного всему ходу исторического развития русского народа факта — восприятия им или вернее непротивления воцарению большевизма. И это в стране, где «степень экономического развития... и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата делают невозможным немедленное и полное освобождение рабочего класса»... Где «без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классово-борьбой со всей буржуазией, о социалистической революции не могло быть и речи...» Так по крайней мере думал и писал не кто иной, как Ленин в 1905 году²².

Власть падала из слабых рук Временного правительства, и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы. Этим фактом в октябре 1917 года был произнесен приговор стране, народу и революции. Троцкий имел основание сказать в Совете за неделю до выступления: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны... Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил». Действительно, весь процесс захвата власти происходил явно и открыто.

Северный областной съезд Советов, Петроградский Совет, вся большевистская печать, в которой работал под своим именем и скрывшийся Ленин, призывали к восстанию. 16-го октября Троцкий организовал военно-революционный комитет, к которому должно было перейти фактическое и исключительное право распоряжения Петроградским гарнизоном. В последующие дни, после ряда собраний полковых комитетов, почти все части гарнизона признали власть революционного комитета, и последний в ночь на 22-е объявил приказ о неподчинении войск военному командованию.

Исполнительный комитет возмущенно протестовал: «Только безумцы или непонимающие последствий выступления могут к нему призывать. Всякий вооруженный солдат, выходящий на улицу по чьему-либо призыву, помимо распоряжений штаба округа, .. явится преступником против революции...» Это воззвание было актом лицемерия. Ибо те же люди, когда они, казалось, обладали властью, в конце апреля говорили Петроградскому гарнизону: «Товарищи солдаты! Без зова Исполнительного комитета (Петроградского Совета) в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами». Не все ли равно, чьими руками хоронилась правительственная и военная власть — апрельской «семерки»²³ или октябрьской «шестерки»²⁴... С 17-го октября при полном непротивлении служащих из казенных складов выдавалось оружие и патроны по ордерам революционного комитета рабочим Выборгской стороны, Охты, Путиловского завода и друг. 22-го в различных частях Петрограда состоялся ряд митингов, на которых виднейшие большевистские

деятели призывали народ к вооруженному восстанию. Власть и командование находились в состоянии анабиоза и делали бесплодные попытки «примирения» с Советом, предлагая усилить его представительство при штабе округа. Только 24-го октября в заседании «Совета республики» председатель правительства решился назвать то положение, в котором находилась столица, восстанием.

Заседание это, не имевшее никакого реального влияния на ход событий, представляет, однако, большой интерес для характеристики настроений правивших кругов и демократии. Из речи Керенского страна узнала о великом долготерпении правительства, почитавшего своей целью стремление, «чтобы новый режим был совершенно свободен от упрека в неоправдываемых крайней необходимостью репрессиях и жестокостях». Что достоинства этого режима вполне признаны даже организаторами восстания, считающими, что «политические условия для свободной деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России». Что до сих пор большевикам «предоставился срок для того, чтобы они могли отказаться от своей ошибки», но теперь все времена и сроки вышли и необходимы решительные меры, на принятие которых власть испрашивает поддержку и одобрение Совета.

Только в правой, «цензовой» части правительство нашло нравственную поддержку. Демократия в ней отказала. Поставленная на голосование формула левого блока (с.-д. меньшевики и интернацион., лев. с. р-ы с. р-ы) вместо поддержки выразила осуждение деятельности правительства и потребовала немедленной передачи земли в ведении земельных комитетов и решительных шагов к началу мирных переговоров; что касается ликвидации выступления, то она возлагалась на «комитет общественного спасения», который должны были создать городское самоуправление и органы революционной демократии. Формула прошла 122 голосами против 102 (прав. блока) при 26 воздержавшихся; в числе последних были нар. социалисты (Чайковский^{XIV}), часть кооператоров (Беркенгейм) и земцев.

Мотивы такого решения революционная демократия привела с полной откровенностью устами Гурвича (Дана)^{XV}: предстоящее выступление большевиков, несомненно, ведет страну к катастрофе, но бороться с ним революционная демократия не станет, ибо «если большевистское восстание будет потоплено в крови, то, кто бы ни победил — Временное правительство или большевики — это будет торжеством третьей силы, которая сметет и большевиков, и Временное правительство, и всю демократию». Что касается левых с. р-ов, то, по свидетельству Штейнберга, накануне открытия «Совета республики» между ними и большевиками состоялось полное соглашение и последним обещана полная поддержка в случае революционных выступлений вне Совета²⁵. Итак, пусть гибнет страна во имя революции!

Вопрос решился, конечно, не речами, а реальным соотношением сил. Когда 25-го в столице началось вооруженное столкновение, на стороне правительства не оказалось никакой вооруженной силы. Несколько военных и юнкерских училищ вступили в бой не во имя правительства, а побуждаемые к тому сознанием общей большевистской опасности; другие, считавшиеся лояльными, части, вызванные из окрестностей столицы, после моральной обработки их посланными Троцким агитаторами отказались выступить; казаки полки сохраняли «доброжелательный» к большевикам нейтралитет. Весь остальной гарнизон и рабочая красная гвардия были на стороне Совета; к ним присоединились прибывшие из Кронштадта матросы и несколько судов флота.

Снова, как восемь месяцев тому назад, на улицы столицы вышел вооруженный народ и солдаты, но теперь уже без всякого воодушевления, с еще меньшим, чем тогда, пониманием совершающегося, в полной неуверенности и в своих силах и в правоте своего дела, даже без чрезмерной злобы против свергаемого режима.

Описания жизни обеих столиц в эти дни свидетельствуют о невероятной путанице, нелепости, противоречиях и о той непроходимой, подавляющей пошлости, которая, вместе с грязно-кровавым налетом, облекла первые шаги большевизма. Вообще самый переворот перейдет в историю без легенды, без всякой примеси героического элемента, заслоня декорациями из «Вампуки» и подлинные личные драмы и великую трагедию русского народа. Не многим лучше была обстановка и в противном лагере: наступление на Петроград войск Краснова, отъезд — бегство Керенского, диктатура в Петрограде в лице глубоко мирного человека доктора Н. М. Кишкина, паралич штаба Петроградского округа и метание «комитета спасения», рожденного Петроградской думой.

Только военная молодежь — офицеры, юнкера, отчасти женщины — в Петрограде и в особенности в Москве — опять устлали своими трупами столичные мостовые, без позы и фразы умирая... за правительство, за революцию? Нет. За спасение России.

* * *

Генерал Алексеев в эти дни принимал самое живое участие в работе «Совета республики», предоставляя свой авторитет, свой богатый опыт и знание русской армии — либеральному блоку и, в частности, находясь в постоянном общении с к. д.-ским центром. Одновременно он проявлял большое участие в судьбе бездомного нищего офицерства, выброшенного буквально на улицу — в результате обстоятельств корни-

ловского выступления и непрекращавшихся гонений солдатской среды. Ему удалось, в качестве почетного председателя одного благотворительного общества, путем изменения устава его, распространить благотворительную деятельность на пострадавших воинов. Общество с тех пор стало оказывать негласную помощь офицерам, юнкерам, кадетам и другим военным лицам, в целях спасения их от преследования большевиков, а впоследствии и направления их на Дон. Помощь оказывалась самая разнообразная: советом, деньгами, одеждой, фальшивыми пропусками на большевистских бланках, железнодорожными билетами и удостоверениями о принадлежности к одному из казачьих войск или самоопределяющихся окраин.

Еще 25-го видели характерную фигуру генерала Алексеева на улицах города, уже объятого восстанием. Видели, как он резко спорил с удивленным и несколько опешившим от неожиданности начальником караула, поставленного большевиками у Мариинского дворца с целью не допускать заседания «Совета республики». Видели его, спокойно проходившего от Исакия к Дворцовой площади сквозь цепи «войск революционного комитета» и с негодованием обрушившегося на какого-то руководителя дворцовой обороны за то, что воззвания приглашают офицерство к Зимнему дворцу «исполнить свой долг», а, между тем, для них не приготовлено ничего — ни оружия, ни патронов... Приблизженные генерала крайне беспокоились за его судьбу, при резком с его стороны противодействии, принимали некоторые меры к его безопасности и настоятельно советовали ему выехать из Петрограда.

В ближайший день вечером в конспиративную квартиру, в которую перевезли генерала Алексеева с Галерной, прибыл Б. Савинков в сопровождении какого-то другого лица и с холодным деланным пафосом, скрестив руки на груди, обратился к генералу: «Итак, генерал, я вас призываю исполнить свой долг перед Родиной. Вы должны сейчас же со мной ехать к донским казакам, властно приказать им сесть на коней, стать во главе их и идти на выручку Временному правительству. Этого требует от вас Родина».

Присутствовавший при разговоре ротмистр Шапрон стал горячо доказывать, что это — бессмысленная и непонятная авантюра. Сегодня еще он беседовал с казачьим советом, который заявил, что надежд на 1-й, 4-й, 14-й донские полки, бывшие в составе Петроградского гарнизона, нет никаких. Казаки сплошь охвачены большевизмом или желанием «нейтралитета», и появление генерала, не пользующегося к тому же особенным их расположением, приведет только к выдаче его большевикам. Шапрон указал, что если кому-нибудь можно повлиять на казаков, то, вероятно, скорее всего «выборному казаку» Савинкову. «Где же ваши большие силы, организация и средства, о которых так много было всюду разговоров?», — закончил он, обращаясь к Савинкову.

Генерал Алексеев отклонил предложение Савинкова, как совершенно безнадежное. Опять патетическая фраза Савинкова: «Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, исполню за него». И в эту же ночь он уехал. Но не к полкам, а в Гатчину, к Керенскому.

Эпизоды вооруженной борьбы под Петроградом описаны подробно и красочно многими участниками²⁶. Я не могу внести в них ничего нового. Остановлюсь лишь на общей картине, чрезвычайно характерной как эпилог первого восьмимесячного периода революции, в котором, как в фокусе, отразилась вся внутренняя ложь революционной традиции, приведшей к нелепым противоречиям в области политического мышления верхов, к окончательному затмению сознания массы, к вырождению революции.

Гатчина — единственный центр активной борьбы: Петроград агонизирует, Ставка бессильна, Псков (штаб Черемисова) стал явно на сторону большевиков: генерал Черемисов, предав и своего благодетеля Керенского, и Временное правительство, еще 25-го приказал приостановить все перевозки войск к Петрограду, склоняя к этому и главнокомандующего Западным фронтом. В Гатчине собрались все.

Керенский — сохраняющий внешние признаки военной власти, но уже оставленный всеми, по существу, — не то узник, не то заложник, отдавший себя на милость «царского генерала» Краснова, которого он «поздравляет» с назначением командующим армией... армией в 700 сабель и 12 орудий!²⁷

Савинков, который два месяца тому назад с таким пылом осуждал «мятеж» генерала Корнилова, теперь возбуждающий офицеров гатчинского гарнизона против Керенского и предлагающий Краснову свергнуть Керенского и самому стать во главе движения... В поисках «диктатора», создаваемого его руками, он отбрасывал уже всякие условные требования «демократических покровов» и от идеи власти, и от носителя ее.

Циммервальдовец Чернов, прибывший неизвестно с какой целью и одобряющий решение лужского гарнизона «сохранять нейтралитет»...

Верховный комиссар Станкевич, приемлющий и пораженчество и оборончество, но прежде всего мир — внутренний и внешний и ищущий «органического соглашения с большевиками ценой максимальных уступок».

Представители «Викжеля», который держал вначале «нейтралитет», т. е. не пропускал правительственных войск, потом выставил ультимативное требование примирения сторон. Господа Гоц, Войтинский, Кузьмин и т. д.

И среди этого цвета революционной демократии — монархическая фигура генерала Краснова, который всеми своими чувствами и побуждениями глубоко чужд и враждебен всему политическому комплоту,

окружающему его и ожидающему от него военных действий спасения — своего положения, интересов своих партий, демократического принципа, «завоеваний революций» и т. д.

Поистине трагическое положение. Здесь — обломки Временного правительства; в Петрограде — «комитет спасения», не признающий власти правительства. Здесь на военном совете обсуждают даже возможность вхождения большевиков в состав правительства... Какие же политические цели преследует предстоящая борьба в практическом, прикладном их значении? Свержение Ленина и Троцкого и восстановление Керенского, Авксентьева²⁸, Чернова²⁹?

Особенно мучительно переживало это трагическое недоумение офицерство отряда; оно с ненавистью относилось к «керенщине» и если в сознательном или безотчетном понимании необходимости борьбы против большевиков стремилось все же на Петроград, то не умело передать солдатам порыва, воодушевления, ни даже просто вразумительной цели движения. За Родину и спасение государственности? Это было слишком абстрактно, недоступно солдатскому пониманию. За Временное правительство и Керенского? Это вызывало злостное чувство, крики «Долой!» и требование выдать Керенского большевикам. Столь же мало, конечно, было желание идти и «за Ленина».

Впрочем никаким влиянием офицерство не пользовалось уже давно; в казачьих частях к нему также относились с острым недоверием, тем более, что казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут «против народа». Офицерский корпус в эти дни вступал в новую, наиболее тяжелую и критическую фазу своего существования: на той стороне, как говорил Бронштейн (Троцкий), было также «большое число офицеров, которые не разделяли наших (большевистских) политических взглядов, но, связанные со своими частями («loyalement attachés»), сопутствовали своим солдатам на поле боя и управляли военными действиями против казаков Краснова»³⁰.

В результате этого общего великого «недоумения» шли небольшие стычки, в которых сбитый с толку «вооруженный народ» в лице солдат, казаков, матросов, красногвардейцев, то постреливал друг в друга, то бросал оружие и уходил, то целыми часами митинговал — совместно оба лагеря. Вчерашние враги, сегодняшние друзья спорили до одури, воспалялись истеричными криками какого-нибудь случайного оратора и расходились с еще более затемненным разумом, унося глухую злобу одинаково — против правительства и командиров, Ленина и большевиков. И у всех было одно неизменное и неизбывное желание — окончить как можно скорее кровопролитие.

Окончилось все 1-го ноября бегством Керенского³¹ и заключением перемирия между генералом Красновым и матросом Дыбенко^{XVI}. Судьба жестоко мстила теперь творцам истории о «корниловском мятеже», повторяя в обратном, уродливом преломлении все важнейшие этапы его. Все те элементы, на которых опиралась правительственная власть в борьбе против Корнилова, теперь отвернулись от нее: вожди революционной демократии уже делили ее ризы; Советы отрекались от правительства; армейские комитеты один за другим составляли постановления о нейтралитете; «Викжель» остановил перевозку правительственных войск. Совет народных комиссаров, возглавивший Российскую державу 26-го октября, писал декреты об «изменниках народа и революции» и ввергал в тюрьмы членов Временного правительства. Единственными элементами, к которым можно было обратиться за помощью для спасения государственности, по иронии судьбы, оказались все те же «корниловские мятежники» — офицеры, юнкера, ударники, текинцы, все тот же 3-й конный корпус. Только уже лишенные сердца, ясного стимула борьбы и вождя.

* * *

1-го ноября ген. Духонин, ввиду безвестного отсутствия Керенского, принял на себя верховное командование и приказал прекратить отправку войск в Петроград. Он призывал фронт сохранять спокойствие, в ожидании «происходящих между различными политическими партиями переговоров для формирования Временного правительства».

Подчинившись всецело политическому руководству комиссара Станкевича и Общеармейского комитета, Ставка отказалась от всякой активной борьбы. Такое положение в отношении «правительства народных комиссаров» — без борьбы и без подчинения — не могло быть долговечным. 7-го ноября Совет народных комиссаров «повелел» Верховному главнокомандующему тотчас же «обратиться к военным властям неприятельской армии с предложением немедленного приостановления военных действий, в целях открытия мирных переговоров». Духонин 8-го ответил по аппарату комиссару по военным делам Крыленко, что он также считает «в интересах России — заключение скорейшего мира», но что это может сделать только «центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной». В тот же день Совет комиссаров «за неповиновение и поведение, несущее неслыханное бедствие трудящимся всех стран и в особенности армиям», сместил Духонина, предписав ему «продолжать ведение дел, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий» — Крыленко. Духонин, опираясь на решение Общеармейского комитета, не признал возможным оставить свой пост.

Положение Ставки, между тем, становилось критическим. Техническое управление фронтом принимало все более фиктивный характер, так как отдельные части, дивизии, корпуса, целые армии мало-

помалу переходили на сторону большевиков. Крыленко на фронте 5-й армии вступал уже в переговоры с немецким командованием, и вскоре в Ставке получены были сведения о движении матросского эшелона с новым «Главверхом» на Могилев сквозь сплошное расположение правительственных войск, объявивших себя «нейтральными». В Могилеве в это время Общеармейский комитет, Чернов, Авксентьев, Скобелев и друг. представители революционной демократии вели нескончаемые разговоры о создании новой власти, потонув в партийных догмах и, как будто не замечая, что они одни, совершенно одни — никому ненужные, никому неинтересные — среди взбаламученного и их руками народного моря.

Быхов переживал чрезвычайно больно новое народное несчастье. Много раз мы обсуждали события. Ген. Корнилов входил в сношения со Ставкой, с Советом казачьих войск, Довбор-Мусницким и Каледниным. 1-го ноября он обратился к Духонину с письмом, которое я привожу в подробном извлечении и с пометками Духонина, рисующими взгляд Ставки на тогдашнее положение: «Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить ход событий, принявших гибельное для страны и армии направление главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзнуть, или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии.

По тем неполным, отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно станет таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть. Имеющихся в Вашем распоряжении Георгиевского батальона, наполовину распропагандированного, и слабого Текинского полка далеко не достаточно.

Предвидя дальнейший ход событий, я думаю, что Вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые прочно обеспечивая Ставку, дали бы благоприятную обстановку для организации дальнейшей борьбы с надвигающейся анархией.

Таковыми мерами я считаю: 1. Немедленный перевод в Могилев одного из Чешских полков и Польского уланского полка. Пометка: «Ставка не считает их вполне надежными. Эти части одни из первых пошли на перемирие с большевиками».

2. Занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями Польского корпуса, усилив дивизии последнего артиллерией за счет казачьих батарей фронта. Пометка: «Для занятия Орши и Смоленска сосредоточена 2-я Кубанская дивизия и бригада Астраханских казаков. Полков 1-й польской дивизии из Быхова не желательно (брать) для безопасности арестованных. Части 1-й дивизии имеют слабые кадры и потому не представляют реальной силы. Корпус определенно держится того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела России»³².

3. Сосредоточение на линии Орша—Могилев—Жлобин всех частей Чешско-Словацкого корпуса, Корниловского полка, под предлогом перевозки их на Петроград и Москву, и 1—2 казачьих дивизий из числа наиболее крепких. Пометка: «Казачи заняли непримиримую позицию не воевать с большевиками».

4. Сосредоточение в том же районе всех английских и бельгийских броневых машин с заменой прислуги их исключительно офицерами.

5. Сосредоточение в Могилеве и в одном из ближайших к нему пунктов, под надежной охраной, запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат для раздачи офицерам и волонтерам, которые обязательно будут собираться в указанном районе. Пометка: «Это может вызвать эксцессы».

6. Установление прочной связи и точного соглашения с атаманами Донского, Терского и Кубанского войск и с комитетами польским и чехословацким. Казаки определенно высказались за восстановление порядка в стране³³, для поляков же и чехов вопрос восстановления порядка в России — вопрос их собственного существования. Вот те соображения, которые я считал необходимым высказать Вам, добавляя, что нужно решиться, не теряя времени».

Безотрадный взгляд Ставки на общее положение обрисовался и в письме генерал-квартирмейстера Дитерихса к генералу Лукомскому. По словам Дитерихса, главное усилие Духонину и ему приходилось направлять для того, чтобы удержать на месте армию — в сущности большевистскую и дать собраться новому правительству, которое, «какое бы оно ни было, первым вопросом поставит мир». «К вам, представители всей русской демократии, — говорил Духонин в своем обращении к стране, — к вам, представители городов, земств и крестьянства — обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряньте духом и дайте истрадавшей земле Русской власть, — власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилия, крови и штыка».

Но надежд на это объединение было немного, так как, по словам Дитерихса, «борьба с большевизмом как бы отошла на задний план, а на главный выдвигается партийность и личности... Искренней же, бескорыстной поддержки нет ни от кого, в том числе и от казачества, ибо оно поставило девизом — поддержку только коалиционного правительства»... Ставка как будто защищала идею могилевских организаций — однородное социалистическое министерство от народных социалистов до большевиков включительно, с Черновым во главе — против донского «либерализма». Это уже значительно суживало базу «всенародности», отзываясь оппортунизмом хотя и последовательным, но в данных условиях вовсе беспо-

членным и бесполезным. Действительно, к середине ноября могилевское совещание революционной демократии распалось, не придя ни к какому соглашению. Общармейский комитет объявил «нейтралитет» Ставки как военно-технического аппарата, обещая ей вооруженную защиту, явно неосуществимую за отсутствием войск.

Было ясно, что Ставка, обезличенная долгими месяцами керенского режима, упустив время, когда еще были возможны организация и накопление сил, не может стать моральным организующим центром борьбы.

Глава XIII. Первые дни большевизма в стране и армии. Судьба быховцев. Смерть генерала Духовина. Наш уход из Быхова на Дон.

В первые же дни после переворота Совет народных комиссаров издал ряд оглушительных декретов: предложение всем воюющим державам немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия переговоров о демократическом мире; о передаче всей земли в распоряжение волостных земельных комитетов; о рабочем контроле в промышленных заведениях; о «равенстве и суверенитете народов России... вплоть до отделения и образования самостоятельных государств»; об отмене судов и законов и т. д.

Однако за смелыми, казалось, до безрассудства действиями новой власти чувствовалась еще полная неуверенность ее в успехе, а в народных массах — недоумение и колебание. В широких кругах, не только чисто обывательских, но и зрелых политически, царило убеждение, что новый режим — только злокачественный нарыв на теле революции, который очень скоро вскроется, оздоровив, наконец, немощный, отравленный организм страны. — Две недели. Эти «две недели» — плод интеллигентского романтизма — и потом в течение долгих лет черной ночи озаряли тьму своим обманчивым светом, чередуясь с днями отчаяния и безнадежности...

Тем временем в стране шла борьба, принявшая наиболее реальные формы в трех ее проявлениях: в центробежном стремлении окраин, в противодействии местных самоуправлений и в сопротивлении и саботаже со стороны городской демократии.

Объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии — Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь... Это явление, неся внешние признаки государственной целесообразности в непризнании самозванной центральной власти, заключало в себе серьезную опасность для будущего, как в ослаблении и, может быть, порыве внутренних исторических связей некоторых окраин с Россией, так, главным образом, в полном разъединении материальных и моральных сил при предстоящей борьбе с большевизмом. Внешне как будто все обстояло благополучно: Киев, Новочеркасск, Екатеринодар, Тифлис заговорили о федерации и коалиционном составе центрального правительства. Но на практике картина получалась иная: Украина «аннексировала» уже Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, часть Таврической губерний; Дон вел тяжбу с Украиной о границах, и, из-за пустого в сущности вопроса Екатерининской ж. дороги, обе «высокие стороны» придвигали к «пограничным» пунктам гарнизоны; самоопределившиеся «горские народы» огнем и оружием начали уже разрешать спорные исторические вопросы с Терекком; Тифлис накладывал руку на огромные общегосударственные средства Кавказского фронта. Но наиболее губительной и предопределившей весь исход борьбы явилась идея, воспринятая по убеждению национальными шовинистами и по заблуждению — лояльным элементом: сначала отгородиться совершенно в территориальных, областных, национальных рамках не только от районов, пораженных большевизмом, но и от сравнительно «здоровых» соседей, заняться внутренней организующей работой и накоплением сил, а потом уже выступить активно сообразно со сложившейся политической обстановкой. Эта глубоко ошибочная идея давала большевизму время и возможность, действуя по «внутренним операционным направлениям» стратегического и политического фронта, разбить по частям и смести разрозненные противодействовавшие силы.

Политические действительные элементы октябрьский переворот разбил на три группы: 1) решительно отрицающих большевизм — в том числе к. д-ты, народные социалисты, кооператоры, группа Единства, правые с. р-ы и большинство профессиональных союзов; 2) приемлющих соглашение с большевиками — с-д, меньшевики и 3) большевики с примыкавшими к ним левыми с.р-ами и интернационалистами. В зависимости от численного или интеллектуального преобладания той или другой группы, в городах сохранялись и возникали самые разнохарактерные центры местного управления, как то: правительственные комиссары, общественные комитеты спасения, городские самоуправления и, наконец, большевистские военно-революционные комитеты. Иногда одновременно существовало несколько органов власти. Шла борьба, местами принимавшая ожесточенный и кровавый характер, и в этой борьбе решающее значение получила опять-таки тыловая чернь — армия. Мартиролог русских городов, все более растущий, носил характер трагический и однообразный: по получении известия о падении Временного правительства в городе образовывалась обыкновенно общественная власть; подымался гарнизон; после краткой борьбы, иногда жестокого артиллерийского обстрела, власть сдавалась, и в городе начинались повальные обыски, грабежи и истребление буржуазии.

Весьма длительную и упорную борьбу, хотя и чисто пассивную, повела городская демократия — в широком смысле этого слова, главным образом, служилый элемент. Служащие государственных и общественных учреждений, инженеры, техники, писцы, железнодорожники, телеграфисты, телефонисты, лица либеральных профессий — прямо или косвенно отказывались служить новому режиму, не пугаясь угроз и насилий, терпеливо перенося отсутствие заработка и содержания, изгнание из квартир и лишение пайков. Это сопротивление как будто грозило остановить весь государственный механизм нового «крестьянско-рабочего» правительства, которое не на шутку испугалось «саботажа буржуазии», призывало ее образумиться и грозило жестокой расправой.

Фронт был покорен «миром». Союзные правительства через своих военных представителей протестовали перед Ставкой «против нарушения условий договора 23-го августа 1914 г.» и грозили, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжелые последствия». Духонин и общепартийный комитет рассылали воззвания и приказы. Главнокомандующий Юго-западным фронтом генерал Володченко признал гражданскую власть Центральной Рады, оставив за собою оперативную свободу. Этот фронт и Румынский, где наличие румынской армии сдерживало буйные порывы, внешне еще держались. Закавказье переживало дни смертельного страха за свою судьбу перед лицом турецкого нашествия и перестраивало фронт на национальных началах.

Но мало-помалу становилось совершенно ясно, что все это только последние пароксизмы «оборончества». Северный и Западный фронты перешли в подчинение советской власти, а от края и до края русских линий началось стихийное, ничем уже непредотвратимое «сепаратное заключение мира» — армиями, полками и даже ротами.

В эти же дни, в середине ноября, по всем железнодорожным линиям непрерывной вереницей потянулись эшелоны немецких войск с востока на запад.

* * *

В связи с падением Временного правительства юридическое положение быховцев становилось совершенно неопределенным. Обвинение в покушении на ниспровержение теперь ниспровергнутого строя принимало совершенно нелепый характер. Кто наши обвинители, наши судьи, какой трибунал может судить нас? Перед нами встал вопрос, не пора ли оставить гостеприимные стены Быховской тюрьмы, тем более, что вся совокупность обстановки указывала на возможность и необходимость большой работы. Генерал Корнилов, истомленный вынужденным бездействием, рвался на свободу. Его поддерживали некоторые молодые офицеры. Но генералы были против: ничего определенного о формировании нового правительства не известно; нам нельзя уклоняться от ответственности; сохранилась еще законная и нами признаваемая военная власть Верховного главнокомандующего, генерала Духонина, а эта власть говорит, что наш побег вызовет падение фронта.

Падение фронта! Этот фатум тяготел над волей и мыслью всех военачальников с самого начала революции. Он давал оправдание слабым и связывал руки сильным. Он заставлял говорить, возмущаться или соглашаться там, где нужно было действовать решительно и беспощадно. В различном отражении, в разных проявлениях его влияние наложило свою печать на деятельность таких несхожих по характеру и взглядам людей, как император Николай II, Алексеев, Брусилов, Корнилов. Даже когда разум говорил, что фронт уже кончен, чувство ждало чуда, и никто не мог и не хотел взять на свои плечи огромную историческую ответственность — дать толчок его падению — быть может, последний. Кажется, только один человек уже в августе не делал себе никаких иллюзий и не боялся нравственной ответственности — это Крымов...

Вопрос остался открытым. Однако вскоре мы узнали, что Корнилов приказал Текинскому полку готовиться к походу, назначив в один из ближайших дней выступление. Побеседовали совместно — Лукомский, Романовский, Марков и я — и решили, чтобы мне переговорить по этому поводу с Корниловым. Я пошел к Верховному. «Лавр Георгиевич! Вы знаете наш взгляд, что без крайней необходимости нам уходить отсюда нельзя. Вы решили иначе. Ваше приказание мы исполним беспрекословно, но просим предупредить по крайней мере дня за два». «Хорошо, Антон Иванович, повременим».

Некоторая подготовка, между тем, продолжалась. Составили маршрут на случай походного движения с текинцами. Приготовили поддельные распоряжения от имени следственной комиссии Шабловского об освобождении пяти генералов³⁴ на случай, если бы текинцы остались, чтобы не подводить их и коменданта. Изучали железнодорожный маршрут на Дон. Дело в том, что по инициативе казачьего совета, атаман просил Ставку отпустить быховских узников на поруки Донского войска, предоставив для нашего пребывания станицу Каменскую. Ставка колебалась. Корнилову не нравилась такая постановка вопроса, и он решил, в случае осуществления этого проекта, покинуть в пути поезд, чтобы не связывать ни себя, ни войско.

Но к середине ноября обстановка круто изменилась. Получены были сведения, что к Могилеву движутся эшелоны Крыленко, что в Ставке большое смятение и что там создано определенное решение

капитулировать. Наши друзья приняли, по-видимому, энергичные меры, так как, если не ошибаюсь, 18-го в Быхове получена была телеграмма безотлагательно начать посадку в специальный поезд эскадрона текинцев и полуроты георгиевцев для сопровождения арестованных на Дон.

Мы все вздохнули с облегчением. Что готовит нам судьба в дальнем пути, это был вопрос второстепенный. Важно было выбраться из этих стен на свет Божий, к тому же вполне легально, и снова начать открытую борьбу. Быстро уложились и ждали. Прошли все положенные сроки — не везут. Ждем три, четыре часа... Наконец получается лаконичный приказ — телеграмма генерала Духонина коменданту — все распоряжения по перевозке отменить.

Глубокое разочарование, подавленное настроение. Обсуждаем положение. Ночь без сна. Между Могилевом и Быховом мечутся автомобили наших доброжелателей из офицерского комитета и казачьего союза. Глубокой ночью узнаем обстоятельства перемены Ставкой решения. Представители казачьего союза долго уговаривали Духонина отпустить нас на Дон, указывая, что в любую минуту он — Верховный главнокомандующий, если сам не покинет город, может стать просто узником. Духонин согласился, наконец, вручить казачьему представителю именные распоряжения о нашем переезде на имя коменданта Быховской тюрьмы и главного начальника сообщений, но под условием, что эти документы будут использованы лишь в момент крайней необходимости. Казачьи представители нашли, что 18-го этот момент настал. Духонин, узнав о готовящейся посадке, отменил распоряжение, а явившимся к нему казачьим представителям сказал: «Еще рано. Этим распоряжением я подписал себе смертный приговор».

Но утром 19-го в тюрьму явился полковник Генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову: «Через четыре часа Крыленко придет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов». Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта и сказал ему: «Немедленно освободите генералов. Текинцам изготovitься к выступлению к 12 часам ночи. Я иду с полком»...

Духонин был и остался честным человеком. Он ясно отдавал себе отчет, в чем состоит долг воина перед лицом врага, стоящего за линией окопов, и был верен своему долгу. Но в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией, он безнадежно запутался. Любя свой народ, любя армию и отчаявшись в других способах спасти их, он продолжал идти, скрепя сердце, по пути с революционной демократией, тонувшей в потоках слов и боявшейся дела, заблудившейся между Родиной и революцией, переходившей постепенно от борьбы «в народном масштабе» к соглашению с большевиками, от вооруженной обороны Ставки как «технического аппарата» к сдаче Могилева без боя.

В той среде, с которой связал свою судьбу Духонин, ни стимула, ни настроения для настоящей борьбы он найти не мог. Его оставили все: общearмейский комитет распустил себя 19-го и рассеялся; Верховный комиссар Станкевич уехал в Киев; генерал-квартирмейстер Дитерихс укрылся в Могилеве и, если верить Станкевичу, это он уговорил остаться генерала Духонина, сдавшегося было на убеждения ехать на Юго-западный фронт. Бюрократическая Ставка, верная своей традиции «аполитичности», вернее беспринципности, в тот день, когда чернь терзала Верховного главнокомандующего, в лице своих старших представителей приветствовала нового главноверха!..

Еще 19-го командиры ударных батальонов, прибывших ранее в Могилев по собственной инициативе, просили разрешения Духонина защищать Ставку. Общеармейский комитет перед роспуском сказал «нет». И Духонин приказал батальонам в тот же день покинуть город. «Я не хочу братоубийственной войны, — говорил он командирам. — Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона»...

Благословив других на борьбу, сам остался. Изверился, очевидно, во всех, с кем шел. «Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а, может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

И он погиб. На другой день толпа матросов — диких, озлобленных, на глазах у «главноверха» Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась.

* * *

В смысле безопасности передвижения трудно было определить, который способ лучше: тот ли, который избрал Корнилов, или наш. Во всяком случае далекий зимний поход представлял огромные трудности. Но Корнилов был крепко привязан к текинцам, оставшимся ему верными до последнего дня, не хотел расставаться с ними и считал своим нравственным долгом идти с ними на Дон, опасаясь, что их иначе постигнет злая участь. Обстоятельство, которое чуть не стоило ему жизни.

Мы простились с Корниловым сердечно и трогательно, условившись встретиться в Новочеркасске. Вышли из ворот тюрьмы, провожаемые против ожидания добрым словом наших тюремщиков-георгиевцев, которых не удивило освобождение арестованных, ставшее последнее время частым. «Дай вам Бог, не поминайте лихом»...

На квартире коменданта мы переоделись и резко изменили свой внешний облик. Лукомский стал великолепным «немецким колонистом», Марков — типичным солдатом, неподражаемо имитировавшим разнузданную манеру «сознательного товарища». Я обратился в «польского помещика». Только Романовский ограничился одной переменою генеральских погон на прапорщицьи.

Лукомский решил ехать прямо на встречу крыленковским эшелонам — через Могилев — Оршу — Смоленск в предположении, что там искать не будут. Полковник Кусонский на экстренном паровозе сейчас же продолжал свой путь далее в Киев, исполняя особое поручение, предложил взять с собою двух человек, — больше не было места. Я отказался в пользу Романовского и Маркова. Простились. Остался один. Не стоит придумывать сложных комбинаций: взять билет на Кавказ и ехать ближайшим поездом, который уходил по расписанию через пять часов. Решил переждать в штабе польской дивизии. Начальник дивизии весьма любезен. Он получил распоряжение от Довбор-Мусницкого «сохранять нейтралитет», но препятствовать всяким насилиям советских войск и оказать содействие быховцам, если они обратятся за ним. Штаб дивизии выдал мне удостоверение на имя «помощника начальника перевязочного отряда Александра Домбровского»; случайно нашелся и попутчик — подпоручик Любоконский, ехавший к родным, в отпуск. Этот молодой офицер оказал мне огромную услугу и своим милым обществом, облегчившим мое самочувствие, и своими заботами обо мне во все время пути. Поезд опоздал на шесть часов. После томительного ожидания, в 10½ ч. мы наконец, выехали.

Первый раз в жизни — в конспирации, в несвойственном виде и с фальшивым паспортом. Убеждаюсь, что положительно не годился бы для конспиративной работы. Самочувствие подавленное, мнительность, никакой игры воображения. Фамилия польская, разговариваю с Любоконским по-польски, а на вопрос товарища-солдата: «Вы какой губернии будете?» Отвечаю машинально — Саратовской. Приходится давать потом сбивчивые объяснения, как поляк попал в Саратовскую губернию.

Со второго дня с большим вниманием слушали с Любоконским потрясающие сведения о бегстве Корнилова и быховских генералов; вместе с толпой читали расклеенные по некоторым станциям аршинные афиши. Вот одна: «Всем, всем»: «Генерал Корнилов бежал из Быхова. Военно-революционный комитет призывает всех сплотиться вокруг комитета, чтобы решительно и беспощадно подавить всякую контрреволюционную попытку». Идем дальше. Другая — председателя «Викжеля», адвоката Малицкого: «Сегодня ночью из Быхова бежал Корнилов сухопутными путями с 400 текинцев. Направился к Жлобину. Предписываю всем железнодорожникам принять все меры к задержанию Корнилова. Об аресте меня уведомить». Какое жандармское рвение у представителя свободной профессии! Настроение в толпе довольно, впрочем, безразличное. Ни радости, ни огорчения. Любоконский пытается вступать с соседями в политические споры, я останавливаю его. Где-то, кажется, на станции Конотоп, пришлось пережить неприятных полчаса, когда красноармейцы-милиционеры заняли все выходы из зала, а их начальник по странной случайности расположился возле нашего стола... Не доезжая Сум, поезд остановился среди чистого поля и простоял около часа. За стенкой купе слышен разговор: «Почему стоим?» «Обер говорил, что проверяют пассажиров, кого-то ищут».

Томительное ожидание. Рука в кармане сжимает крепче рукоятку револьвера, который, как оказалось впоследствии... не действовал. Нет! Гораздо легче, спокойнее, честнее встречать открыто смертельную опасность в бою, под рев снарядов, под свист пуль — страшную, но, вместе с тем, радостно волнующую, захватывающую своей реальной жутью и мистической тайной.

Вообще же путешествие шло благополучно, без особенных приключений. Только за Славянском произошел маленький инцидент: в нашем вагоне, набитом до отказа солдатами, мое долгое лежание на верхней полке показалось подозрительным, и внизу заговорили: «Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский?...» (следует скверное ругательство). «Поверни-ка ему шею!»

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому, сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись; за беспокойство угостили меня чаем.

И с ним встреча была возможна; по горькой иронии судьбы в одно время с «мятежниками» прибыл в Ростов бывший диктатор России, бывший Верховный главнокомандующий ее армии и флота Керенский, переодетый и загримированный, прячась от той толпы, которая не так давно еще носила его на руках и величала своим избранником. Времена изменчивы...

Эти несколько дней путешествия и дальнейшие скитания мои по Кавказу в забитых до одури и головокружения человеческими телами вагонах, на площадках и тормозах, простаивание по много часов на узловых станциях — ввели меня в самую гущу революционного народа и солдатской толпы. Раньше со мной говорили как с главнокомандующим и потому по различным побуждениям не были искренни. Теперь я был просто «буржуй», которого толкали и ругали — иногда злобно, иногда так — походя, но на которого по счастью не обращали никакого внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся.

Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая

через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп на чальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни: царил одно желание — захватить или уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось. Сплошная апология невежества. Она одинаково проявлялась и в словах того грузика угля, который проклинал свою тяжелую работу и корил машиниста «буржуем» за то, что тот, получая дважды больше жалованья, «только ручкой вертит», и в развязном споре молодого кубанского казака с каким-то станичным учителем, доказывавшим довольно простую истину: для того чтобы быть офицером, нужно долго и многому учиться. «Вы не понимаете и потому говорите. А я сам был в команде разведчиков и прочесть, чего на карте написано, или там что — не хуже всякого офицера могу».

Говорили обо всем: о Боге, о политике, о войне, о Корнилове и Керенском, о рабочем положении и, конечно, о земле и воле. Гораздо меньше о большевиках и новом режиме. Трудно облечь в связные формы тот сумбур мыслей, чувств и речи, которые проходили в живом kaleйдоскопе менявшегося населения поездов и станций. Какая бесприсветная тьма! Слово рассудка ударялось как о каменную стену. Когда начинал говорить какой-либо офицер, учитель или кто-нибудь из «буржуев», к их словам заранее относились с враждебным недоверием.

А тут же какой-то по разговору полуинтеллигент в солдатской шинели развивал невероятнейшую систему социализации земли и фабрик. Из путанной, обильно снабженной мудреными словами его речи можно было понять, что «народное добро» будет возвращено «за справедливый выкуп», понимаемый в том смысле, что казна должна выплачивать крестьянам и рабочим чуть ли не за сто прошлых лет их потери и убытки за счет буржуйского состояния и банков. Товарищ Ленин к этому уже приступил. И каждому слову его верили, даже тому, что «на Аральском море водится птица, которая несет яйца в добрый арбуз и оттого там никогда голода не бывает, потому что одного яйца довольно на большую крестьянскую семью». По-видимому, впрочем, этот солдат особенно расположил к себе слушателей кощунственным воспроизведением ектеньи «на революционный манер» и проповеди в сельской церкви: «Братие! Оставим все наши споры и раздоры. Сольемся воедино. Возьмем топоры да вилы и, осеня себя крестным знаменем, пойдем вспарывать животы буржуям. Аминь». Толпа гоготала. Оратор ухмылялся — работа была тонкая, захватывавшая наиболее чувствительные места народной психики.

Помню, как на одном перегоне завязался спор между железнодорожником и каким-то молодым солдатом из-за места, перешедший вскоре на общую тему о бастующих дорогах и о бегущих с поля боя солдатах. Солдат оправдывался: «Я, товарищ, сам под Бржезанами в июле был, знаю. Разве мы победили бы? Когда офицера нас продали — в тылу у нас мосты портили! Это, брат, все знают. Двоих в соседнем полку поймали — прикончили».

Меня передернуло. Любоконский вспыхнул: «Послушайте, какую вы чушь несете! Зачем же офицеры стали бы портить мосты?» «Да уж мы не знаем, вам виднее»...

Отзывается с верхней полки старообразный солдат — «черноземного» типа: «У вас, у шкурников всегда один ответ: как даст стрекача, так завсегда офицеры виноваты». «Послушайте, вы не ругайтесь! Сами-то зачем едете?» «Я!.. На, читай. Грамотный?» Говоривший, порывшись за бортом шинели, сунул молодому солдату засаленный лист бумаги. «Призыва 1895 года. Уволен в чистую, понял? С самого начала войны и по сей день, не сходя с позиции в 25-й артиллерийской бригаде служил... Да ты вверх ногами держишь!» Солдаты засмеялись, но не поддержали артиллериста. «Должно быть «шкура»...³⁵, — процедил кто-то сквозь зубы.

Долгие, томительные часы среди этих опостылевших разговоров, среди невыразимой духоты и прямой ругани одурманивают сознание. Бедная демократия! Не та, что блудит словом в Советах и на митингах, а вот эта — сермяжная, серошинельная. Эта — от чьего имени в течение полугода говорили пробирающийся теперь тайно в Новочеркасск Керенский, «восторженно приветствуемый» в Тифлисе Церетели и воцарившийся в Петрограде Ленин.

Приехали благополучно в Харьков. Пересадка. Сгрудились стеною для атаки вагона ростовского поезда. Вдруг впереди вижу дорожие силуэты: Романовский и Марков стоят в очереди. Стало легче на душе. Ни выйти из купе, ни даже приоткрыть дверь в коридор, усталый грудой тел, было невозможно. Расстались с Любоконским. Поближе к Дону становится свободнее. Теперь в купе нас всего десять человек: два торговца-черкеса, дама, офицер, пять солдат и я. Проверил документы и осматривал багаж только один раз, где-то за Изюмом, вежливый патруль полка Пограничной стражи. У черкесов и у солдат оказалось много мануфактуры.

Все обитатели купе спят. Только два солдата ведут разговор — шепотом, каким-то воровским жаргоном. Я притворяюсь спящим и слушаю. Один приглашает другого — по-видимому, старого приятеля — «в дело». Обширное предприятие «мешочников», имеющее базы в Москве и Ростове. С севера возят мануфактуру, с юга хлеб; какие-то московский и ростовский лазареты снабжают артель «санитарными билетами» и проездными бланками. Далее разговор более тихий и интимный: «Хорошо бы прихватить черкес-

скую мануфактуру... Можно обделать тихо — в случае чего припугнуть ножиком — народ жидкий; лучше — перед Иловайской; оттуда можно свернуть на Екатеринослав»...

Неожиданное осложнение для нелегального пассажира. Через несколько минут дама нервно вскопчила и вышла в коридор. Очевидно, и до ее слуха что-нибудь долетело. На ближайшей большой остановке мешочники вышли в окно за кипятком. Я предупредил черкеса и офицера о возможности покушения. Черкесы куда-то исчезли. Из коридора хлынуло в купе, давя друг друга, новое население. Перебравшись с трудом через спящие тела, перехожу в отделение к друзьям. Радостная встреча. Поздоровался с Романовским. Марков сгорает от нетерпения, но выдерживает роль — не вмешивается.

Здесь гораздо уютнее. Марков — денщик Романовского — в дружбе с «товарищами», бегаёт за кипятком для «своего офицера» и ведет беседы самоуверенным тоном с митинговым пошибом и ежеминутно сбиваясь на культурную речь. Какой-то молодой поручик, возвращающийся из отпуска в Кавказскую армию, посылает его за папиросами и потом мнет нерешительно бумажку в руке: дать на чай, или обидится?..

Удивительно милый этот поручик, сохранивший еще незлобие и жизнерадостность, думающий о полку, о войне и как-то конфузливо скромно намекающий, что его, вероятно, уже ждут в полку два чина и «Владимир». Он привязался за время пути к Романовскому и ставил его в труднейшее положение своими расспросами. Иван Павлович на ухо шепнул мне: «Изогнал я до противности». Поручик увидел меня. «Ваше лицо мне очень знакомо. Ваша летучка не была ли во 2-й дивизии в 16-м году?» 2-я дивизия действительно входила в состав моего корпуса на Румынском фронте. Я спешу отказаться и от дивизии, и от знакомства.

Но вот, наконец, цель наших стремлений — Донская область. Прошли благополучно Таганрог, где с часу на час ожидалось прибытие матросских эшелонов. Вот и Ростовский вокзал — громадный военный лагерь с каким-то тревожным и неясным настроением. Решили до выяснения обстановки соблюдать конспирацию. Марков остался до утра у родных в Ростове. Кавказский поручик предупредительно предлагает взять билеты на Тифлис и озаботиться местами. «Нет, милый поручик. Едем мы вовсе не в Тифлис, а в Новочеркасск; а во 2-й дивизии мы с вами действительно виделись и под Рымником вместе дрались. Прощайте, дай вам Бог счастья...» «А-а!» — он застыл от изумления.

В Новочеркасск прибыли под утро. В Европейской гостинице — «контрреволюционный штаб» — не оказалось ни одного свободного номера. В списке жильцов нашли знакомую фамилию — «полковник Лебедев». Послали в номер заспанного швейцара. «Как о вас доложить?» «Скажите, что спрашивают генералы Деникин и Романовский», — говорит мой спутник. — «Ах, Иван Павлович! Ну и конспираторы же мы с вами!»...

В это чуть занимавшееся утро не спалось. После почти трех месяцев замкнутой тюремной жизни свобода ударила по нервам массой новых впечатлений. В них еще невозможно было разобраться. Но одно казалось несомненным и нагло кричало о себе на каждом шагу: большевизм далеко еще не победил, но вся страна — во власти черни.

И не видно или почти не видно сильного протеста или действительного сопротивления. Стихия захлестывает, а в ней бессильно барахтаются человеческие особи, не слившиеся с нею. Вспомнил почему-то виденную мною раз сквозь приотворенную дверь купе сцену. В проходе, набитом серыми шинелями, высокий, худой, в бедном потертом пальто человек, очевидно, много часов переносивший пытку стояния, нестерпимую духоту и главное всевозможные издевательства своих спутников, истерически кричал: «Проклятые! Ведь я молился на солдата... А теперь вот, если бы мог, собственными руками задушил бы!...» Странно — его оставили в покое.

* * *

Поздно вечером 19-го ноября комендант Быховской тюрьмы сообщил георгиевскому караулу о полученном распоряжении освободить генерала Корнилова, который уезжает на Дон. Солдаты приняли это известие без каких-либо сомнений. Офицеры караула капитан Попов и прапорщик Гришин беседовали по этому поводу с георгиевцами и встретили с их стороны сочувствие и доброе отношение к уезжающему.

В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих «тюремщиков» за исправное несение службы, выдал в награду 2 тысячи рублей. Они ответили пожеланием счастливого пути и провожали его криками «Ура!»... Оба караульные офицера присоединились к текинцам. В час ночи сонный Быхов был разбужен топотом коней: Текинский полк во главе с генералом Корниловым шел к мосту и, перейдя Днепр, скрылся в ночной тьме.

Из Могилева двинулся навстречу 4-й эскадрон с командиром полка. Командир не сочувствовал походу и не подготовил полк к дальнему пробегу, но теперь шел с ним, так как знал, что не в силах удержать ни офицеров, ни всадников. Не было взято ни карт, ни врача, ни фельдшера и ни одного перевязочного пакета; не запаслись и достаточным количеством денег. Небольшой колесный обоз, взятый с собой, обслуживался регулярными солдатами, которые после первого же перехода бежали.

Текинский полк шел всю ночь и весь день, чтобы сразу оторваться от могилевского района. Следуя в общем направлении на юго-восток и заметая следы, полк делал усиленные переходы, преимущественно по ночам, встречая на пути плохо еще замерзшие, с трудными переправами реки и имея впереди ряд железнодорожных линий, на которых ожидалось организованное сопротивление. В попутных деревнях жители разбегались или с ужасом встречали текинцев, напуганные грабежами и разбоями вооруженных шаек, бороздивших тогда вдоль и поперек Могилевскую губернию. И провожали с удивлением «диких», в первый раз увидев солдат, которые никого не трогают и за все щедро расплачиваются.

В техническом отношении полковник Кюгельген вел полк крайне не искусно и не расчетливо. В первые семь суток пройдено было 300—350 верст, без дневок, по дорогам и без дорог — лесом, подмерзшими болотами и занесенной снежными сугробами целиной, — по двое суток не расседывали лошадей; из семи ночей провели в походе четыре; шли обыкновенно без надлежащей разведки и охранения, сбивались и кружили; пропадали отсталые, квартирьеры и раненые...

Был сильный мороз, гололедица; всадники приходили в изнеможение от огромных переходов и бессонных ночей; вероятно страдали от холода и, как говорит один из участников, в конце концов буквально «отупели»; лошади, не втянутые в работу, шли с трудом, отставали и калечились. Впереди — огромный путь и полная неизвестность. Среди офицеров сохранялось приподнятое настроение, поддерживаемое обаянием Корнилова, верностью слову и, может быть, романтизмом всего предприятия: из Быхова на Дон, больше тысячи верст, в зимнюю стужу, среди множества преград и опасностей, с любимым вождем — это было похоже на красивую сказку... Но у всадников с каждым днем настроение падало, и скоро... сказка оборвалась; началась тяжелая проза жизни.

На седьмой день похода, 26-го, полк выступил из села Красновицы и подходил к деревне Писаревке, имея целью пересечь железную дорогу восточнее станции Унечи. Явившийся добровольно крестьянин-проводник навел текинцев на большевистскую засаду: поравнявшись с опушкой леса, они были встречены почти в упор ружейным огнем. Полк отскочил, отошел в Красновицы и оттуда свернул на юго-запад, предполагая обойти Унечи с другой стороны. Около 2 ч. дня подошли к линии Московско-Брестской железной дороги около станции Песчаники. Неожиданно из-за поворота появился поезд и из приспособленных «площадок» ударил по колонне огнем пулеметов и орудия. Головной эскадрон повернул круто в сторону и ускакал³⁶; несколько всадников — свалилось; под Корниловым убита лошадь³⁷; полк рассыпался. Корнилов, возле которого остались командир полка и подполковник Эргардт, отъехал в сторону.

Долго собирали полк; подвели его к Корнилову. Измученные вконец текинцы, не понимавшие что творится вокруг, находились в большом волнении. Они сделали все, что могли, они по-прежнему преданы генералу, но... «Ах, бояр! Что мы можем делать, когда вся Россия — большевик...», — говорили они своим офицерам.

«Подъехав к сборному пункту полка, — рассказывает штаб-ротмистр С., — я застал такую картину: всадники стояли в беспорядке, плотной кучей; тут же лежало несколько раненых и обессиленных лошадей и на земле сидели и лежали раненые всадники. Текинцы страшно пали духом и вели разговор о том, что все равно они окружены, и половины полка нет на лицо и поэтому нужно сдать большевикам. На возражение офицеров, что большевики в таком случае расстреляют генерала Корнилова, всадники ответили, что они этого не допустят, и в то же время упорно твердили, что необходимо сдаваться.

Офицеры попросили генерала Корнилова поговорить с всадниками. Генерал говорил им, что не хочет верить, что текинцы предадут его большевикам. После его слов стихшая было толпа всадников вновь зашумела и из задних рядов раздались крики, что дальше идти нельзя и надо сдаваться. Тогда генерал Корнилов вторично подошел к всадникам и сказал: «Я даю вам пять минут на размышление; после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляете сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдать большевикам».

Толпа всадников напряженно затихла; и в тот же момент ротмистр Натансон, без папахи, встав на седло, с поднятой вверх рукой, закричал толпе: «Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон садись!»

Вывели вперед штандарт, за ним пошли все офицеры, начал садиться на коней 2-й эскадрон, за ним потянулись остальные. Это не был уже строевой полк — всадники шли вперемешку, толпой, продолжая ворчать, но все же шли покорно за своими начальниками. Кружили всю ночь и под утро благополучно пересекли железную дорогу восточнее Унечи.

В этот день Корнилов решил расстаться с полком, считая, что без него полку будет легче продвигаться на юг. Полк с командиром полка и семью офицерами должен был двигаться в м. Погар, вблизи Стародуба, и далее на Трубчевск, а Корнилов — с отрядом из всех остальных офицеров (одиннадцать) и 32 всадников на лучших лошадях пошел на юг, на переправу через Десну, в направлении Новгород-Северска. Отряд этот наткнулся на засады, был окружен, несколько раз был обстрелян, и, наконец, 30-го отошел в Погар. Здоровье генерала Корнилова, который чувствовал себя очень плохо еще в день выступления, окончательно пошатнулось. Последний переход он уже едва шел, все время поддерживаемый под

руки кем-либо из офицеров; страшный холод не давал возможности сидеть на лошади. Считая бесцельным подвергать в дальнейшем риску преданных ему офицеров, Корнилов наотрез отказался от их сопровождения и решил продолжать путь один.

В сопровождении офицера и двух всадников он, переодетый в штатское платье, отправился на станцию Холмечи и, простившись с ними, сел в поезд, отправлявшийся на юг. Командир полка послал телеграмму Крыленко приблизительно такого содержания: «Вышолняя приказание покойного Верховного главнокомандующего, генерала Духонина! Текинский полк сопровождал на Дон генерала Корнилова; но 26-го полк был обстрелян, под генералом Корниловым убита лошадь, и сам он пропал без вести. За прекращением задачи, полк ожидает распоряжений».

Но распоряжений не последовало. Пробыв в Погарах почти две недели, отдохнув и устроившись, полк в составе 14 офицеров и не более чем 125 всадников двинулся на юг, никем уже не тревожимый; принимал участие где-то возле Новгород-Северска в бою между большевиками и украинцами на стороне последних, потом после долгих мытарств попал в Киев. И в январе, ввиду отказа украинского правительства отправить Текинский полк на Дон и последовавшего затем занятия большевиками Киева, полк был распущен. Десяток офицеров и взвод всадников с января сражались в рядах Добровольческой армии.

В ночь на 3-е декабря в арестантском вагоне под сильным украинским караулом везли в Киев двух отставших и пойманных текинских офицеров. Один из них, ротмистр А., на станции Конотоп в сопровождении караульного офицера был отпущен в буфет за провизией. На перроне его окликнул хромой старик, в старой заношенной одежде и в стоптанных валенках: «Здорово, товарищ! А Гришин с вами?» «Здравия... здравствуйте, да...» Старик кивнул головой и исчез в толпе.

«Послушайте, да ведь это генерал Корнилов!» — воскликнул караульный офицер. Ледяной холодок в сердце, неискренний смехок и сбивчивая речь в ответ: «Что вы, ха-ха, как так Корнилов, просто знакомый один...» 6 декабря «старик» — по паспорту Ларион Иванов, бегенец из Румынии, — прибыл в г. Новочеркасск, где его ждали с тревожным нетерпением семья и соратники.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Министр-председатель — Керенский; иностран. дел — Терещенко; воен. — Верховский; морск. — Вердеревский; поч. и тел. — Никитин.
2. Московского государственного совещания.
3. Состав коалиционный типа Московского совещания.
4. Мин.-предс. — Керенский; заместитель его и мин. торг. и пром. — Коновалов; иностр. дел — Терещенко; воен. — ген. Верховский; морск. — адм. Вердеревский; вн. дел — Никитин; юстиции — Малянтович; пут. сооб. — Ливеровский; финан. — Бернацкий; призреи. — Кишкин; труда — Гвоздев; нар. проsv. — Салазкин; продв. — Прокопович; землед. — Маслов; без портф. — С. Третьяков; гос. контр. — С. Смирнов.
5. Постановление Центр. исполн. комит. Советов в начале октября 1917 г.
6. Указ 4 сентября.
7. Резолюция «комитета народной борьбы с контрреволюцией».
8. Положение, утвержденное в конце сентября.
9. Гурвич.
10. Милюков.
11. Положения этого рода встречали критику, но не осуждение.
12. Манифест организационного комитета Стокгольмской конференции 4 октября.
13. Ей предоставлялся доступ к Адриатическому морю.
14. Из секретн. дипломат. переписки, опубликованной большевиками.
15. «Прелюдия большевизма» (англ.).
16. 1-й генерал-квартирмейстер Ставки.
17. Из речей в «Совете республики».
18. После этого заседания уволен от должности военного министра.
19. Троцкий «L' avènement du bolchevisme».
20. Перед революцией против нашего фронта было 157 неприятельских дивизий.
21. Лин. корабли «Гражданин» и «Слава», крейсер «Баян» с миноносцами.
22. «Две тактики социал-демократов в революции» (правильное название «Две тактики социал-демократии в демократической революции». — *Ред.*).

23. По постановлению И[сполнительного] к[омитета] 21 апреля власть над Петроградским гарнизоном вручена была: Чхеидзе, Скобелеву, Бинасику, Скалову, Гольдману, Филиповскому и Богданову.
24. В бюро военно-революционного комитета под руководством Бронштейна (Троцкого) вошли: Лазимир, Антонов[Овсеенко], Садовский, Подвойский, Сахарков (Сухарьков. — *Ред.*).
25. Окончательный союз заключен синедрионом в составе представителей центральных органов: от большевиков г.г. Бронштейн (Троцкий) и Розенфельд (Каменев), от л. с. р-ов Натансон, Кац (Камков) и Шрейдер.
26. Ген. Краснов, комиссар Станкевич, Я. Миллер и т. д.
27. Части корпуса распоряжением ген. Черемисова были разбросаны по всему Северному фронту, а сосредоточению их препятствовал Черемисов, военно-революционные комитеты и Викжель.
28. Был назначен Керенским его заместителем.
29. Военно-революционные организации прочили Чернова на пост председателя нового правительства.
30. «L' avènement du bolchevisme».
31. В показании, данном большевикам 1-го ноября 1917 г., генерал Краснов приводит, между прочим, такую фразу из своего последнего разговора с Керенским: «Если вы честный человек, вы должны сейчас же ехать в Петроград под белым флагом, отыскать революционный комитет, с которым и вступить в переговоры как глава правительства». В своей статье «На внутреннем фронте» («Архив рус. революции, т. 1») Краснов признает, что помог Керенскому бежать: «... Как ни велика вина ваша перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь»...
32. Ген. Довбор-Мусницкий отдал приказ, чтобы польские войска, отнюдь не вмешиваясь в русские дела, подавляли, однако, беспощадно силою оружия всякие посягательства на имущество и безопасность мирных жителей без различия национальности — в районе их расположения.
33. К сожалению, — только общеказачий совет и казаки правительства.
34. Остававшихся последними.
35. Так называли сверхсрочных в солдатской среде.
36. 1-й эскадрон прошел западнее и более к полку не присоединился; за Клинцами в м. Павличи он был разоружен большевиками и отправлен в Минск, где некоторое время офицеров и всадников держали в тюрьме.
37. Вынесла его из огня и пала.

Примечания редакции

- I. Демократическое совещание (Всероссийское) было созвано эсеро-меньшевистским руководством ЦИК Советов в Петрограде 14—22 сентября 1917 года. Цель его — укрепить позиции Временного правительства — не была достигнута, функции этого органа были переданы Предпарламенту.
- II. Предпарламент (Временный совет Российской республики) был создан на Демократическом совещании 20 сентября 1917 г. как представительный совещательный орган всех российских партий на период до созыва Учредительного собрания. Большевики вышли из Предпарламента. 25 октября (7 ноября) 1917 г. он был распущен Петроградским ВРК.
- III. Аввакум Петрович (1620/21—1682) — глава и идеолог русского раскола. В 1646—1647 гг. — член «Кружка ревнителей благочестия». Выступал против реформы Никона, вел борьбу с официальной церковью. Высылался из Москвы в Тобольск и Даурию (1653 г.), в Мезень (1664 г.), в Пустозерск (после осуждения на церковном соборе 1666—1667 гг.). В последнем месте ссылки 15 лет провел в земляной тюрьме, написал «Житие» и другие произведения. Сожжен по царскому указу.
- IV. Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — крупный землевладелец, капиталист-сахарозаводчик, финансист. Примыкал к прогрессистам. После Февральской революции — министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства (соответственно первое и третье коалиционное). Арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами. После освобождения эмигрировал.
- V. Масарик Томаш (1850—1937) — президент Чехословакии в 1918—1935 годах.
- VI. Клеманс Жорж (1841—1929) — премьер-министр Франции в 1906—1909, 1917—1920 годах. Председатель на Парижской мирной конференции 1919—1920 годов. Выступал за установление военно-политической гегемонии Франции в Европе.
- VII. Камбон Жюль Мартен (1845—1935) — французский дипломат. В 1907—1914 гг. — посол Франции в Германии; в 1915—1919 гг. — генеральный секретарь МИД Франции. Член французской делегации

на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., активный участник подготовки Версальского мирного договора.

- VIII. Соннино Сидней (1847—1922) — премьер-министр Италии в 1900 и 1909—1910 гг., министр иностранных дел в 1914—1919 годах. Принимал участие в подготовке Лондонского договора 1915 г., втянувшего Италию в войну на стороне Антанты.
- IX. Кюльман, фон — министр иностранных дел Германии, глава (председатель) ее делегации на переговорах в Брест-Литовске.
- X. Бриан Аристид (1862—1932) — неоднократно в 1909—1931 гг. премьер-министр Франции и министр иностранных дел.
- XI. Лорд Сесил Роберт — активный пропагандист идеи создания Лиги наций как средства против новых войн.
- XII. Барту Луи (1862—1934) — премьер-министр Франции в 1913 г., с 1894 г. — неоднократно министр, с 1934 г. — министр иностранных дел. Сторонник советско-французского сотрудничества и коллективной безопасности в Европе, активный противник фашизма. Убит 9 октября 1934 г. в Марселе террористами, связанными с нацистами.
- XIII. Центрофлот (Центральный исполнительный комитет военного флота при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов России) (июнь—ноябрь 1917 г.) состоял в основном из меньшевиков и эсеров. Распущен военными моряками — делегатами II Всероссийского съезда Советов.
- XIV. Чайковский Николай Васильевич (1850/51—1926) — революционер-народник, член кружка «чайковцев»; в 1904—1910 гг. — эсер; с февраля 1917 г. — трудовик. В гражданскую войну — глава и член ряда контрреволюционных правительств.
- XV. Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета, ВЦИК. В 1922 г. выслан за границу за антисоветскую деятельность.
- XVI. Дыбенко Павел Ефимович (1889—1938) — советский военачальник, командарм 2-го ранга (1935 г.). Член РСДРП с 1912 г., матрос Балтийского флота. В 1917 г. — председатель Центробалта. В Октябрьскую революцию — член Петроградского ВРК и Коллегии по военным и морским делам, в 1918 г. — нарком по морским делам. В период интервенции и гражданской войны командовал группой войск, Крымской армией; начдив. С 1928 г. — командующий войсками ряда военных округов. Член Реввоенсовета СССР, ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XXI. Подготовка мятежа

Описывая заключительные стадии и провал корниловского мятежа, я уделил все внимание внешней канве событий в том виде, как они представлялись тогда мне и другим членам Временного правительства. В этой главе я изложу более полную историю подготовки этого неудачного переворота, используя поздние свидетельства явных и закулисных участников заговора. Все это стало результатом напряженной работы, которой я занимался более 20 лет (1917—1937 гг.). Именно столько лет потребовалось, чтобы все причастные к заговору сказали правду. Я видел в этом цель трудов своих не только потому, что стремился отвести от себя все безосновательные обвинения в связи с этим заговором, но и потому, что хотел в полной мере восстановить истину о решающей роли корниловских заговорщиков в деморализации русской армии и, следовательно, в гибели свободной России.

Заговор с целью установления военной диктатуры возник в первые же дни после Февральской революции на основе широко разветвленного, но аморфного движения с участием некоторых групп офицерства и ряда ведущих петроградских финансистов. В движении в той или иной степени участвовало немало влиятельных лиц, роль которых в его организации была неодинакова.

Наиболее видными участниками движения со стороны финансистов были А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский¹. В апреле 1917 г. Путилов основал «Общество содействия экономическому возрождению России», в которое немедленно вошли директора всех банков и крупнейших страховых компаний. Когда в конце апреля 1917 г. Гучков вышел из кабинета, его пригласили занять пост председателя общества. Официальной целью общества был сбор средств в поддержку «умеренных» кандидатов на выборах в Учредительное собрание с тем, чтобы «противодействовать социалистическому влиянию на фронте и по всей стране». В действительности же, как признали позднее и Путилов, и Гучков, собранные ими на эти цели 4 млн. руб. было решено передать генералу Корнилову, который только что был назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта.

Еще одной ключевой фигурой движения был В. С. Завойко, которого Корнилов взял с собой на фронт в качестве своего «ординарца». В прошлом финансист, уездный предводитель дворянства, Завойко был тесно связан с крупным нефтяным магнатом С. Г. Лианозовым. Учитывая все эти данные биографии Завойко, весьма необычно выглядит решение генерала Корнилова взять с собой на фронт этого немолодого финансиста на столь скромную должность, не дающую даже права на офицерское звание. Сам же Корнилов утверждал, что на его решение в огромной степени повлияли литературные способности Завойко².

В апреле 1917 г. с фронта в Петроград прибыл барон Петр Врангель — офицер аристократического гвардейского полка, который прославился участием в кавалерийской атаке на германскую батарею. Свой

приезд в Петроград барон Врангель объяснил двумя причинами: желанием принять участие в подготовке офицерского корпуса для борьбы за установление военной диктатуры и стремлением подыскать на роль диктатора подходящего генерала с «демократическим именем». Поначалу барон Врангель и два его ближайших друга, граф Пален и Шувалов, склонялись к кандидатуре генерала П. А. Лечицкого. Не приняв окончательного решения, проведя несколько бесед с Завойко, они вскоре установили контакт с Корниловым.

Начало заговорщической деятельности генерала А. М. Крымова также относится к весне 1917 года. По словам генерала Деникина, Крымов считал в то время, что армия находится на грани распада и что нет никаких надежд на успешный исход войны. В соответствии с этим он стал вербовать офицеров, в основном из своего 3-го конного корпуса, для участия в тайной группе, которая подготовила бы условия для броска с юга на Петроград и Москву.

В начале мая под эгидой Верховного главнокомандующего генерала Алексеева был создан Союз офицеров армии и флота. Этот союз возник в тот период, когда представители самых разных профессий — врачи, учителя, инженеры и т. д. — основывали союзы для улучшения своего положения и защиты своих интересов. У рядовых солдат были «солдатские комитеты», а у офицеров своей профессиональной организации до той поры не было. Учитывая трудное положение офицеров, сложившееся в то время, князь Львов и я благословили Алексеева на создание офицерской организации и делали все возможное для защиты ее от нападков левых демагогов.

К сожалению, в Центральном комитете Союза офицеров с самого начала сформировалась тайная, очень воинственная политическая группа. Действуя, без сомнения, под руководством генерала Алексеева, она поставила перед собой задачу координировать действия антиправительственных офицерских организаций на фронте, в Петрограде и Москве, а также установила тесные контакты с движением гражданских лиц, стремившихся к установлению диктатуры. Связь с гражданскими лицами была возложена на полковника Генерального штаба Л. Н. Новосильцева, который был избран председателем Центрального комитета Союза. Новосильцев — выходец из аристократической московской семьи — являлся членом Центрального комитета кадетской партии и был избран в IV Думу, хотя вскоре отказался от депутатского мандата. Играя активную роль в правом крыле своей партии, он имел широкие связи в либеральных и консервативных кругах Москвы.

Политические связи между Союзом офицеров в Ставке и гражданскими лицами в Москве и Петрограде осуществлялись с соблюдением величайшей осторожности. Представление о том, как устанавливались такие контакты, дает эпизод, описанный Владимиром Львовым, который в то время все еще занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. Владимир Львов рассказывает: «Это было в июне месяце 1917 года... Я сидел за письменным столом в кабинете обер-прокурора Святейшего Синода в здании Святейшего Синода, как вдруг раздался звонок телефона. Меня вызывали, спрашивая, когда можно меня видеть. Я отвечал, что кончил свои занятия в Синоде, автомобиль подан и что через пять минут могу быть у того, кто меня вызывал. «Вот и прекрасно», — ответили мне. Я сел в автомобиль и уехал на квартиру, где меня ждали.

Вошедши в столовую, я застал там хозяина квартиры Шульгина, члена Государственной думы, и полковника Новосильцева, председателя Центрального комитета Союза офицеров при Ставке. Не успел я поздороваться, как Шульгин огорашивает меня заявлением, что готовится переворот, о котором он меня предупреждает, дабы я вышел в отставку. Я не придал значения заявлению Шульгина, думая скорее, что он по каким-то соображениям желает заставить меня подать в отставку, и отвечал, что в отставку я выйти не могу, пока не созван церковный собор. «Когда же собор будет созван?» — спросил меня Шульгин. «15 августа», — отвечал я. «Но помните, что после этого числа вы обязательно должны выйти в отставку». «Я согласен», — ответил я. Продолжать дальше разговор на эту тему мне, состоявшему членом Временного правительства, было крайне неудобно, а потому я резко прервал разговор, предложив Шульгину поехать со мной в автомобиле обедать»³.

Лишь в конце 1936 г. в полной мере выяснилась та роль, которую сыграли петроградские финансисты в подготовке корниловского мятежа. Из разного рода мемуаров, опубликованных в то время, стало известно, что в апреле 1917 г., когда «Общество экономического возрождения России» приняло решение о передаче генералу Корнилову 4 млн руб., Гучков отправился для встречи с ним в Ставку. Именно к этому времени и относится начало конкретной подготовки переворота. Следующий шаг описан П. Н. Финисовым⁴, видным членом центральной организации заговорщиков в Петрограде: «В мае 1917 г. на квартире Ф. А. Липского, члена совета Сибирского банка, собрались, кроме хозяйки, генерал Л. Г. Корнилов, К. В. Николаевский, П. Н. Финисов, быв. член Думы Ф. Аладьин и полковник Шувалов. На этом собрании был учрежден «Республиканский центр»⁵. Поначалу все выглядело так, будто своей главной задачей «Республиканский центр» считал ведение антибольшевистской пропаганды на фронте и по всей стране, а также субсидирование многочисленных военно-патриотических организаций, возникших в Петрограде.

Однако уже в начале июля, в период германского контрнаступления, большевистского восстания

4 июля и Тарнопольского прорыва, «Республиканский центр» занялся тем делом, ради которого и был создан. Еще раньше офицерские группы заговорщиков начали готовить захват Петрограда «изнутри», который должен был совпасть с подходом к столице войск генерала Крымова. Один из участников этого заговора, гвардейский полковник Винберг⁶, признал, что их планы предусматривали захват всех броневых автомобилей в Петрограде, арест членов Временного правительства, а также арест и ликвидацию наиболее видных эсеров и социал-демократов. Ко времени подхода к столице войск генерала Крымова все ведущие революционные силы должны были быть подавлены и разоружены, что делало бы задачу генерала Крымова лишь к восстановлению в городе закона и порядка.

Только в июле руководители «Республиканского центра» осознали, что их организация служит прикрытием для подрывной деятельности Путилова, Гучкова, Вышнеградского и их сообщников. Но даже и тогда они были в абсолютном неведении о существовании «Общества экономического возрождения России», поскольку финансовая поддержка центра осуществлялась через частные банки и деловые компании. Однако когда их работа развернулась в полном объеме и в военную секцию центра Ставка назначила полковников Дюсиметьера и В. И. Сидорина⁷, размеры такой помощи должны были возрасти.

Финисов пишет: «Первая связь «Республиканского центра» с «Обществом экономического возрождения России» возникла после июльского восстания. Липский получил тогда от Н. Х. Денисова⁸ из Гурзуфа письмо или телеграмму с просьбой прислать ответственного представителя «Респ. центра» в Крым по важному делу. Ни Липский, ни Николаевский покинуть Петербург не могли. Послал меня. Приезжаю в Гурзуф и в кабинете Н. Х. Денисова встречаю А. И. Путилова. Осведомленный уже Денисовым Путилов просил меня вновь рассказать подробно о «Респ. центре». Выслушав и одобрив, он сказал: «Передайте Липскому и Николаевскому, что мной организовано «Общество экономического возрождения России», которое охотно вас поддержит. Вернусь в Петербург в конце июля, и тогда поговорим»⁹. Уехав из столицы 2 или 3 августа в Одессу, Николаевский оставил записку с указанием, сколько денег нужно выдать за счет «Общества экономического возрождения» разным воинским организациям и «на контр-разведывательные органы. К этому времени из ставки было получено, сначала по прямому проводу, а затем лично от полковника Сидорина и полковника Пронина, сообщение, что вторичное выступление большевиков должно состояться 2—3 сентября. От нас требовалась полная готовность. Выяснилось, что нужно около 500 000 руб. для захвата броневых частей и радио-станции в Царском Селе, передвижения из Луги в Петербург броневых отрядов капитана Орла и затопления барж с камнями морского канала, чтобы препятствовать подходу военных судов из Кронштадта»¹⁰.

Все эти три последовавших друг за другом события — встреча представителей Центра с Путиловым, выделение финансовых средств «Республиканскому центру» на военные нужды и сообщение, полученное от Сидорина и Пронина, — явились, без сомнения, результатом прямых переговоров между заговорщиками в Ставке и руководителями «Общества экономического возрождения России».

Свою заговорщицкую деятельность Новосильцев, Пронин, Сидорин и другие члены Центрального комитета Союза офицеров держали в секрете от Верховного главнокомандующего генерала А. А. Брусилова и его начальника штаба генерала А. С. Лукомского. Однако тот факт, что эта деятельность не составляла секрета для преемника Брусилова генерала Корнилова, позднее подтвердил Деникин, наиболее искренний из всех генералов. В написанной им статье Деникин не оставил ни малейших сомнений в том, что Корнилов не только был в курсе тайной деятельности заговорщиков, но, по сути дела, возглавлял военный заговор, направленный на свержение Временного правительства¹¹.

После назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим его пост командующего Юго-Западным фронтом занял Деникин, который ранее командовал Западным фронтом. В конце июля, отправляясь к месту своего нового назначения, Деникин прибыл в Ставку для встречи с новым Верховным главнокомандующим, который в то время был занят разработкой проекта военных реформ. Деникин принял участие в совещании, на котором рассматривался этот проект, и рассказал о том, что было после совещания: «По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующие слова: «Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами... Я им говорю: предайте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают, что хотят... Могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?» «В полной мере». Мы сердечно обняли друг друга и расстались»¹².

В своих воспоминаниях генерал Деникин более сдержан, чем в статье в «Последних новостях», но вместе взятые эти материалы со всей убедительностью свидетельствуют, что генерал Корнилов занял свое место в Ставке уже будучи заговорщиком и немедленно приступил с помощью своих сообщников из Союза офицеров к осуществлению подготовленного ранее плана. Почти сразу же от генерала Деникина потребовали подтвердить его обещание об оказании помощи. По предложению Корнилова он направил в Ставку Верховного главнокомандующего генерала Крымова, которого ранее рекомендовал на должность командующего 11-й армией. Поступая таким образом, Деникин делал вид, будто он или не знал или не захотел согласиться с ранее сделанной рекомендацией штаба Корнилова. Со своей стороны в качестве

военного министра, получив такую рекомендацию о назначении генерала Крымова на пост командующего 11-й армией, я сообщил о ней членам Временного правительства и информировал Ставку Верховного главнокомандующего о нашем согласии.

Судя по всему, это был обманный ход, сделанный с целью усыпить мою бдительность, ибо, в то время как военное министерство утвердило назначение генерала Крымова командующим на фронте, он на самом деле отправился в самый канун открытия Государственного московского совещания в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. В Ставке Корнилов поручил ему разработать план захвата Петрограда, и мы знаем из мемуаров генерала Лукомского, что Корнилов, отправившись на Государственное московское совещание, взял с собой Крымова.

В это же самое время Деникин предпринимал все от него зависящее, чтобы обеспечить поддержку заговорщиков вооруженными силами, находившимися под его командованием. Вот что он писал: «Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил: «В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами... Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально «для изучения бомбометного и минометного дела»; фактически они будут отправлены в Петроград в офицерский отряд. «Распоряжение о командировании офицеров — со всеми предосторожностями, чтобы не поставить в ложное положение ни их, ни начальство, — было сделано»¹³.

Я подозреваю, что встреча с молодым офицером, который передал генералу Деникину секретное послание Корнилова, на самом деле состоялась несколько ранее — 20 августа, до падения Риги, поскольку 21 августа, сразу же после падения Риги, генерал-квартирмейстер И. П. Романовский, ближайший сподвижник Корнилова, направил телеграмму начальникам штабов всех фронтов, в которой содержалась инструкция¹⁴ об откомандировании в Ставку офицеров на специальные курсы «для ознакомления с системой бомбометов и минометов». Совершенно очевидно, что к тому времени, как были отправлены эти инструкции, все штабы уже были информированы об истинной цели этих «курсов».

Молодые офицеры, отобранные для этой миссии, начали прибывать в Петроград приблизительно за десять дней до корниловского ультиматума. Некоторые из них позднее были арестованы и дали показания чрезвычайной комиссии по делу генерала Корнилова и его соучастников. Показания одного из этих офицеров хранятся в советских архивах и опубликованы в сборнике документов по корниловскому делу¹⁵. «25 августа с. г. я получил предписание выехать в Ставку Верховного главнокомандующего якобы «для изучения бомбометов и пулеметов английского образца». Прибыв в Ставку 27 августа, я встретил на вокзале капитана Генерального штаба Роженко, который дал предписание немедленно отправиться в штаб для испытания минометов и бомбометов английского образца. Вместе с приказанием он дал мне такую инструкцию: на днях в Петрограде ожидается выступление большевиков, которые хотят захватить власть в свои руки и арестовать Временное правительство. Поэтому вас, офицеров, мы посылаем туда для водворения порядка. Вместе с этим он дал мне адреса, к кому явиться в Петрограде за получением дальнейших инструкций и распоряжений, а именно: 1) Сергиевская улица, № 46 — генерал Федоров; 2) Фурштатская, № 28, кв. 3 — полковник Сидоренко или хорунжий Кравченко; 3) Фонтанка, № 22 — полковник Дюсиметьер. Нас было много, около 46 человек; поэтому нам дали отдельный классный вагон. В нем ехали офицеры разных полков III и X армий. Капитан Роженко говорил, что было вызвано из полков разных фронтов более трех тысяч офицеров в Петроград под различными предлогами».

К 10 августа все приготовления к захвату Петрограда, включая отвод войск с Северного фронта в разгар германского наступления и их переброску в Петроград и Москву, были завершены генералами Корниловым, Крымовым и Романовским без ведома генерала Лукомского. В своих мемуарах генерал Лукомский весьма живо описывает ту роль, которую он сыграл в этих событиях¹⁶. «Если не ошибаюсь, 6/19 или 7/20 августа генерал квартирмейстер генерал Романовский доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отъехать распоряжение о сосредоточении в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). Эти части находились в резерве Румынского фронта, и за несколько дней до этого доклада генерала Романовского у меня был разговор с генералом Корниловым о необходимости для усиления Северного фронта перевести значительную кавалерийскую группу с Румынского фронта».

«Но почему же в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки?» — спросил я генерала Романовского. «Я не знаю. Передаю Вам точно приказание Верховного главнокомандующего». «Когда Вы его получили и каким путем?» «Вчера, после двадцати трех часов, генерал Корнилов меня вызвал и приказал доложить Вам об этом сегодня утром». Мне все это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно мне, а через генерал-квартирмейстера; непонятно было, почему выбран указанный район сосредоточения... Я пошел к генералу Корнилову. Сказав ему, что генерал Романовский передал мне его приказание, я попросил объяснить, почему выбран для конницы указан-

ный район сосредоточения. Генерал Корнилов мне ответил, что он хочет сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда легко было бы, в случае надобности, перебросить ее на Северный фронт или на Западный, что выбранный им район наиболее удовлетворяет этому требованию. Я сказал, что нам вряд ли есть основание опасаться за Западный фронт, где имеются достаточные резервы, и было бы лучше сосредоточить конницу в окрестностях Пскова. Но Корнилов остался при своем решении. «Я, конечно, сейчас же отдам необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что вы что-то недоговариваете. Выбранный вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или на Москву, но, на мой взгляд, он менее удачен, если идет речь лишь об усилении Северного фронта. Если я не ошибаюсь и вы действительно что-то недоговариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт или полностью скажите мне ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника».

Генерал Корнилов несколько секунд подумал и ответил: «Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил. Прошу вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова; а мы с вами подробно поговорим после моего возвращения из Петрограда». После этого генерал Корнилов вернулся к разговору, бывшему у меня с ним до его поездки в Петроград.

Как вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца; указывают на 28—29 августа/10—11 сентября. Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир и свои армии, находящиеся на нашем фронте, бросить против французов и англичан. Германские агенты-большевики, как присланные немцами в запломбированных вагонах, так и местные, на этот раз примут все меры, чтобы произвести переворот и захватить власть в свои руки.

По попытке 20 апреля (3 мая) и 3—4 июля (16—17 июля) я убежден, что слизники, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если Временное правительство чудом останется у власти, то при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов останутся безнаказанными. Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался.

Вы правы. Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав совета рабочих и солдатских депутатов. Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться. Но вперед ничего никому говорить нельзя, так как гг. Керенские, а тем более Черновы, на все это не согласятся и операцию сорвут.

Если же мне не удалось бы договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придется ударить по большевикам и без их согласия. Но затем они же будут мне благодарны, и можно будет создать необходимую для России твердую власть, независимую от всяких предателей. Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся. Пойдете ли Вы со мной до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ищу?»

Я, зная генерала Корнилова как безусловно честного и преданного родине человека, ответил, что верю ему, вполне разделяю его взгляд и пойду с ним до конца... Генерал Корнилов мне ответил: «Теперь я Вас прошу никакой армии не принимать, а остаться у меня начальником штаба. До сих пор я с Вами не говорил, предполагая, что Вы захотите принять армию. Я уже кой-что подготовил, и по моим указаниям полковник Лебедев и капитан Роженок разрабатывают все детали. У вас как у начальника штаба слишком много работы, а потому уж доверьтесь, что я лично за всем присмотрю и все будет сделано как следует. Во все это посвящены мой ординарец Завойко и адъютант полковник Голицын».

Я, к сожалению, на это согласился и никакого участия в разработке операции не принимал. Как последующее показало, сам генерал Корнилов, за неимением времени, подготовкой операции не руководил, а исполнители, не исключая и командира корпуса генерала Крымова, отнеслись к делу более чем легкомысленно, что и было одной из главных причин, почему операция впоследствии сорвалась. 12/25 августа в Ставку приехал генерал Крымов, но так как генерал Корнилов до отъезда в Москву на Государственное совещание не имел времени с ним поговорить, то предложил ему ехать с ним в Москву, чтобы переговорить дорогой».

Окончательное соглашение между генералами Корниловым, Крымовым и Калединым¹⁷ было достигнуто в Москве в личном поезде Верховного главнокомандующего. Поскольку пребывание генерала Крымова в Москве держалось в тайне, Милюков не упоминает о нем в своей книге «История второй русской революции», когда касается своих переговоров с Корниловым и Калединым в Москве и объясняет, что

координацию своих планов военных действий против правительства они провели во время Государственного совещания.

23 августа после встречи со мной в Петрограде Владимир Львов побывал в московской гостинице «Националь» у Аладьина, где встретил И. А. Добрынского¹⁸. Вскоре после прихода Львова в номер зашел ординарец и вручил Аладьину письмо из Ставки, которое он вскрыл и тут же прочитал. Это был приказ Верховного главнокомандующего генералу Каледину о переброске к Москве его донских казаков. Приказ был немедленно передан Каледину¹⁹.

План захвата Петрограда и установления военной диктатуры был разработан до созыва Государственного московского совещания. Во второй половине августа стала стремительно приближаться дата отставки Владимира Львова, на которой настаивали в беседе с ним Новосильцев и Шульгин. Настало время установить более тесные контакты между заговорщиками в армии и теми группами гражданских лиц, которые знали о предстоящем перевороте и выступали в его поддержку.

«Около этого времени группа молодых офицеров из Ставки, — пишет С. И. Шидловский²⁰, — пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов Думы; было устроено совершенно тайно небольшое собрание, на котором офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения Думы, что на фронте и в Ставке все готово для свержения Керенского и что только нужно согласие Государственной думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и, так сказать, под ее покровительством. Члены Думы отнеслись к э тому предложению с большой осторожностью, стали подробно расспрашивать офицеров о том, что организовано да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что никакого значения придавать делаемому предложению нельзя, и поэтому отказались даже разговаривать по этому предмету с Корниловым. Из всех членов Думы поехал к Корнилову в его поезде один Милюков, имевший с ним разговор, содержание которого мне неизвестно»²¹.

Члены Думы, проявив политическую зрелость, отказались осуждать с генералом Корниловым замыслы, в которых не увидели шансов на успех. Однако они ничего не предприняли, чтобы остановить заговорщиков, и даже не посчитали нужным сообщить об этих замыслах наиболее заинтересованному лицу, а именно мне! О сути своих продолжительных бесед с Корниловым и Калединым Милюков и не заикался вплоть до того времени, когда правду о своем участии во всем этом деле в какой-то степени раскрыли Деникин и Финисов²², и лишь после этого он признал, что такие беседы действительно имели место, о чем он упоминает во второй части своей книги «История второй русской революции»²³.

«Теперь, как Корнилов лично мне говорил при свидании в Москве 13-го августа,.. момент открытого конфликта с правительством Керенского представлялся в его уме уже совершенно определенным, вплоть до заранее намеченной даты, 27 августа. Это представляет в несколько ином свете недавно опубликованные свидетельства, которые не в полной мере совпадают с моими показаниями. Я уже касался другого аспекта нашей беседы и желал бы вновь напомнить о нем. В личной беседе с Корниловым в Москве (13-го августа) я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским — и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и ген. Каледину, посетившему меня в те же дни. Все это, видимо, соответствовало, что и подтвердилось позднее, намерению Корнилова сохранить Керенского в кабинете.

Могу добавить к уже сказанному следующее: генерал Корнилов не входил во все детали предстоящего переворота, однако он выразил желание получить поддержку конституционных демократов в случае реорганизации в критический момент кабинета министров. Я ответил, что мы не сможем поддержать его, если, как свидетельствует тональность его высказываний, дело дойдет до кровопролития или насилия. На это Корнилов ничего не ответил. В заключение беседы я заметил, что со стороны генерала Корнилова крайне неблагоприятно окружать себя людьми вроде Аладьина, который выходил из вагона Корнилова, когда я входил в него»²⁴.

Таким образом, после беседы с Корниловым Милюков знал точную дату переворота, знал о предложении убрать кадетов из Временного правительства, знал о намерении пустить в ход силу. Но он предпочел умолчать обо всем этом. Шидловский и другие руководители Прогрессивного блока, которые беседовали с молодыми офицерами, направленными генералом Корниловым, заняли такую же позицию. Если бы я знал о двуличии Корнилова, если я хотя бы за две недели получил известие о готовящемся перевороте, я был бы способен положить конец этой опасной игре судьбой России. Однако Милюков и другие, кого Корнилов посвящал в свои планы, хранили молчание, движимые симпатией к его замыслам и желанием оказать ему, по крайней мере, пассивную поддержку.

Перед возвращением в Ставку Корнилов вызвал к себе в вагон руководителей «Общества содействия экономическому возрождению России» Путилова, Вышнеградского и Мещерского²⁵. Мещерского в то время в Москве не было, пришли лишь Путилов и Вышнеградский. Об этой тайной ночной встрече позднее рассказал Путилов²⁶, уже после того, как с разоблачениями выступили Деникин, Милюков и ряд других лиц. И в его рассказе не содержится полной правды, зато в нем немало лживых утверждений, вроде тех, будто генерал Корнилов заявил, что действует «с полного согласия Керенского», будто они вплоть до

Государственного московского совещания в глаза не видели генерала, будто Верховный главнокомандующий и слыхом не слыхал о деньгах, которые они собрали для него, и будто Корнилов обратился к ним только потому, что знал их как людей состоятельных, и т. п.

И все же из рассказа Путилова со всей очевидностью можно сделать один главный вывод. Генерал сообщил им, что он посылает в Петроград корпус для разгрома большевиков, но одного разгрома мало. Их надо еще и арестовать. А чтобы избежать уличных боев и не допустить бегства большевиков из их штаб-квартиры в Смольном институте, следует оказать поддержку генералу Крымову внутри города²⁷. Корнилов также попросил предоставить ему средства для содержания верных людей и получил ответ, что такие средства уже собраны и могут быть переданы в любое время. На это он сказал, что прямых контактов в подобных делах следует избегать, и добавил: «Я сообщаю Вам фамилии четырех полковников Генерального штаба: Сидорин, Дюсиметер, Пронин и... (Путилов скрыл фамилию четвертого человека — полковника Новосильцева). Если с Вами войдет в контакт кто-либо из них, знайте, что они действуют от моего имени».

В своих мемуарах видный член Центрального комитета партии кадетов Владимир Дмитриевич Набоков²⁸ так описывает события, предшествовавшие 27 августа: «Это было в двадцатых числах августа (1917 года), во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петербургу. Утром ко мне позвонил Львов и сказал мне, что у него есть важное и срочное дело, по которому он пытался переговорить с Милюковым как председателем Центрального комитета и с Винавером как товарищем председателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были в отъезде), и потому он обращается ко мне и просит назначить время, когда бы он мог со мной повидаться. Я несколько запоздал возвращением домой и, когда пришел, застал Львова у себя в кабинете. У него был таинственный вид, очень значительный.

Не говоря ни слова, он протянул мне бумажку, на которой было написано приблизительно следующее (списав я текст не мог, но помню очень отчетливо): «Тот генерал, который был Вашим визави за столом, просит Вас предупредить министров к. д., чтобы они такого-то августа (указана была дата, в которую произошло выступление Корнилова, пять дней спустя; кажется, 28-го августа)... подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности». Это было несколько строк по середине страницы, без подписи.

Не понимая ничего, я спросил Львова, что значит эта энигма, и что требуется, собственно говоря, от меня? «Только довести об этом до сведения министров к. д.» «Но, — сказал я, — едва ли такие анонимные указания и предупреждения будут иметь какое бы то ни было значение в их глазах». «Не спрашивайте меня, я не имею права ничего добавить». «Но тогда, повторяю, я не вижу, какое практическое употребление я могу сделать из Вашего сообщения». После некоторых загадочных фраз и недомолвок, Львов наконец заявил, что будет говорить откровенно, но берет с меня слово, что сказанное останется между нами, «иначе меня самого могут арестовать». Я ответил, что хочу оставить за собой право передать то, что узнаю от Львова, Милюкову и Кокошкину, на что он тотчас же согласился.

Затем он мне сказал следующее: «От Вас я еду к Керенскому и везу ему *ультиматум* (курсив мой): готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому к Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни». На дальнейшие мои вопросы, имевшие целью более определенно выяснить, в чем же дело, Львов упорно отмалчивался, заявляя, что он и так уже слишком много сказал. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но несомненно сказано, что ультиматум исходит из Ставки. На этом разговор закончился и Львов поехал к Керенскому. Насколько можно судить из тех сведений, которые впоследствии были опубликованы, Львов в этом первом разговоре с Керенским совсем не выполнил того плана, о котором он мне сообщал... О разговоре своем я в тот же вечер сообщил Кокошкину, а также и другим нашим министрам (Ольденбургу и Карташову), с которыми виделся почти ежедневно... Помню, что я просил их обратить внимание на поведение Керенского в вечернем заседании. Впоследствии они мне сообщили, что Керенский держался как всегда, никакой разницы». Если бы Владимир Набоков исполнил свой долг, сообщив немедленно мне о встрече со Львовым, все же была бы возможность предотвратить катастрофу. Вместо этого мои коллеги по кабинету хранили молчание и наблюдали в тот вечер за моим поведением.

Во время своего первого визита Львов действительно не вручил мне никакого ультиматума, поскольку это и не предполагалось делать. Из разговора с И. А. Добрыньским, состоявшегося в Москве, он узнал, что вопрос о военной диктатуре предполагалось обсудить на секретном совещании в Ставке, куда был приглашен сам Добрыньский. Полагая, что такое разрешение нарастающего политического кризиса будет иметь для России фатальные последствия, Львов предложил провести реорганизацию правительства, включив в него и Корнилова, и меня. В своих мемуарах Львов пишет, что Добрыньский согласился представить этот план на рассмотрение участников совещания в Ставке. Вот как описывает Львов то, что за этим последовало²⁹

«20-го августа ко мне вновь в номер заходит Добрынский и с радостью объявляет, что план мой на секретном совещании принят. Правда, думали остановиться на военной диктатуре, но он выступил с речью против, в защиту моего плана, и совещание в конце концов этот план одобрило. Затем он прибавил, что глупою ночью он был введен в кабинет Верховного главнокомандующего, и Корнилов с глазу на глаз сказал ему, что решил быть военным диктатором, но никто знать об этом не должен. Прощаясь с ним, Корнилов сказал: «Помните, что вы меня не видали и я вас не видел». «Одно решение не совпадает с другим», — заметил я. Добрынский признался мне, что и он не вполне понимает, что происходит в Ставке. Кто был на секретном совещании, Добрынский не говорил и я не считал себя вправе его расспрашивать. «Однако все-таки надо действовать в духе моего плана», — сказал я. Добрынский со мной согласился. Я тотчас же вызвал по телефону брата моего, Николая Николаевича Львова, видного общественного деятеля, рассказал ему все и просил переговорить с московской общественностью относительно образования национального кабинета. Брат мой согласился и уехал.

На другой день, 21 августа, в мой номер входит Добрынский и говорит, что со мной хочет познакомиться Аладьин, бывший член 1-й Государственной думы, лидер трудовиков. Я выразил свое согласие: вошел Аладьин в форме лейтенанта английской службы. Поздоровавшись со мной, он стал жаловаться на Керенского, что тот не желает его видеть, а между тем Аладьин собирался ему всю правду в лицо сказать... Через несколько минут Аладьин сказал мне, что получил из Ставки письмо от Завойко. «Кто этот Завойко?» — спросил я. «Это ординарец при Корнилове», — отвечал Аладьин. — В письме содержится очень важное поручение. Я сидел целых два часа у князя Львова, желая с ним поговорить наедине, но у Львова столько было народу, что я не улучил удобной минуты». «Могу я узнать, в чем заключается поручение?» — спросил я. «Вот вам то место из письма, которое относится до поручения», — сказал мне Аладьин, показывая мне бумажку, в которой буквально было написано следующее: «За завтраком генерал, сидевший против меня, сказал: «Недурно бы предупредить ка-де., чтобы к 27-му августу они вышли все из Временного правительства, чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избегнуть неприятностей». «Кто такой этот генерал?» — спросил я. «Это Лукомский». «А у кого же завтрак?» — продолжал я. «У Верховного главнокомандующего». «Какую же цену имеет письмо простого ординарца?» «Дело в том», — пояснил мне Добрынский, — что Корнилов сам никогда никаких писем не пишет. Все идет через Завойко, и письмо Завойко равносильно приказанию самого Корнилова». Я ахнул и понял все значение предупреждения в письме Завойко. «Предупреждение настолько важное, — сказал я, — что я могу съездить в Петроград и передать эту бумажку в Центральный кадетский комитет». Аладьин согласился. Затем я рассказал Аладьину о моем плане и спросил его, как он думает, если я поеду к Керенскому и убежду его перестроить правительство, чтобы успокоить Ставку. Аладьин согласился, что будет очень хорошо, если я добьюсь от Керенского согласия вступить в переговоры. Быть может удастся предотвратить что-то такое, что готовится к двадцать седьмому августа.

«Что же готовится?» — спросил я. Аладьин отвечал решительным незнанием. Когда он ушел, я опять спросил Добрынского, заходить ли мне к Керенскому, чтобы начать с ним переговоры на основах моего плана? На что Добрынский горячо поддержал необходимость видаться мне с Керенским, говоря, что секретное совещание в Ставке уполномочило его меня об этом просить».

Посоветовавшись со своим братом, Владимир Львов решил отправиться для встречи со мной в Петроград. Тем же вечером, 21 августа, он выехал в столицу с тем, чтобы передать послание Завойко Центральному комитету партии кадетов и договориться со мной о приеме. На следующий день у него состоялась встреча с Набоковым, которая уже была описана, а после этого беседа со мной, затем он немедленно возвратился в Москву.

По приезде 23 августа в Москву он сообщил своему брату, что я согласился на создание национального кабинета. Оказалось, что брат уже обсудил этот вопрос с некоторыми из политических лидеров, включая В. Маклакова³⁰. «Нелегко для нас, — заметил Николай Львов, — быть по одну сторону с Керенским, но мы это сделаем». После ухода брата Львов отправился к Добрынскому, которого застал за беседой с Аладьиным. По свидетельству Львова, оба выразили удовлетворение «согласием Керенского» вести переговоры с другими политическими лидерами и Ставкой³¹.

Именно в этот момент ординарец из Ставки вручил Аладьину письмо, в котором содержался приказ генерала Корнилова Каледину, что и заставило Львова немедленно отправиться в Ставку в качестве посредника. Разделяя точку зрения Львова, Добрынский вместе с ним отправился в тот же вечер на встречу с генералом Корниловым. Однако 24 августа Владимир Львов не смог переговорить с Верховным главнокомандующим, не смог и достать обратного билета в Москву! Генерал Корнилов не спешил принять «посланца Керенского» частично потому, что рядом с ним не было в тот день его политического наставника Завойко.

А пока с 21 по 24 августа Львов метался между Петроградом, Москвой и Могилевым, в Ставке было принято крайне важное решение. Вот что писал об этом Финисов: «Когда в Петербурге «все было готово», Ставка вызвала 21 августа телефонограммой ответственных лиц «Республиканского центра» для доклада. Николаевский — в отъезде. Полковники Сидорин и Дюсиметьер не могут оторваться от военной

организации. Просят Липского и меня ехать в Ставку. Вечером в тот же день, в усадьбе Липского (Саблино, Ник. ж. д.) состоялось совещание, на котором, с участием военного юриста полковника Р. Р. Раупаха, были окончательно разработаны проекты: о составе правительства... об аграрной реформе, об осадном положении в Петербурге и т. д. Со всеми этими материалами мы и поехали в Ставку, к генералу Корнилову...

В 12 часов ночи начальник главной квартиры князь Трубецкой ввел нас в кабинет покойного государя, где уже находились ген. Л. Г. Корнилов, ген. А. М. Крымов, ген. И. П. Романовский, ген. А. С. Лукомский и четверо или пятеро военных (один — генерал, остальные полковники). Корнилов сказал нам, что только что у него был Савинков, с которым все согласовано. Однако правительство против назначения ген. Крымова и против включения Дикой дивизии в корпус, посылаемый в столицу. Приехал из Петербурга также В. Н. Львов с каким-то поручением, но с каким — неизвестно, так как ген. Корнилов с ним еще не говорил... После этого мы сделали подробный доклад, доложив, между прочим, и новый список министров. Корнилов тут же внес в список некоторые изменения (убрав, например, министра путей сообщения П. П. Юренева, заменив его Э. П. Шуберским)³². Мы указали на чрезвычайное озлобление в офицерской среде и просили вызвать Керенского в Ставку, чтобы сохранить его жизнь, так как случайное убийство могло вызвать настоящую катастрофу... Корнилов одобрил весь план. При этом Верховный главнокомандующий прибавил, что окончательный состав правительства он обсудит с Керенским... Было это в ночь с 23 на 24 августа³³.

Лично я не думаю, что слова Корнилова могли ввести в заблуждение участников того решающего ночного бдения. Они понимали, что генерал ведет двойную игру. Он не мог утверждать, будто на встрече с Савинковым «все согласовано», ибо за день до этого он обещал Савинкову и Барановскому предоставить конный корпус в распоряжение Временного правительства, не назначать генерала Крымова на пост командующего этим корпусом и не включать в него Дикую дивизию.

Однако уже 25 августа генерал Крымов в качестве главнокомандующего «особой Петроградской армии» издал секретный приказ, объявив военное положение в Петрограде, Кронштадте, Петроградском военном округе и Финляндии. Одновременно он направил командиру Дикой дивизии генералу Багратиону секретный приказ, требующий подавить в Петрограде революционных рабочих и солдат.

В конце концов, вечером 24 августа генерал Корнилов нашел время для встречи с Владимиром Львовым. Львов изложил свой компромиссный план и предложил сформировать национальное правительство. Ответ генерала был довольно туманным. Он сказал, что во время Государственного московского совещания в ходе личной беседы выразил мне свою поддержку, однако я чрезмерно завишу от Советов и т. д. В заключение генерал Корнилов сказал: «Впрочем, приходите завтра в 10 часов утра для окончательного ответа». Ниже приводится свидетельство самого Львова об этой второй встрече³⁴.

«На другой день в 10 часов утра я всходил по лестнице губернаторского дома, в котором помещался Корнилов. На верхней площадке меня встретил пожилой вольноопределяющийся, плотный, высокого роста, с проседью брюнет. Он представился мне: «Завойко». Завойко извинился за Верховного главнокомандующего, прося меня подождать. Сам он, Завойко, только что вернулся с какой-то поездки. Вчера и ночью его в Ставке не было. Мы сели в зале, смежной с кабинетом Верховного главнокомандующего... «Я хочу созвать Земский собор», — сказал мне Завойко. Я посмотрел на него с удивлением и подумал: «Кто такой господин Завойко, который собирается созывать Земский собор».

Пока Завойко излагал мне свои взгляды на Земский собор, дверь кабинета открылась. Я вошел в кабинет к Корнилову и сел бок о бок с ним у письменного стола. Корнилов начал мне говорить твердо, уверенно. В нем не заметно было вчерашней нерешительности. «Передайте Керенскому, — сказал мне Корнилов, — что Рига взята вследствие того, что предположения мои, представленные Временному правительству, до сих пор им не утверждены. Взятие Риги вызывает негодование всей армии. Долше медлить нельзя. Необходимо, чтобы полковые комитеты не имели права вмешиваться в распоряжения военного начальства, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все фронтовые и тыловые части были подчинены Верховному главнокомандующему. По сведениям контрразведки, доставленным мне, в Петрограде готовится большевистское восстание между 28 августа и 2 сентября. Это восстание имеет целью низвержение власти Временного правительства, провозглашение власти Советов, заключение мира с Германией и выдачу ей большевиками Балтийского флота. Ввиду столь грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода, как немедленная передача власти Временным правительством в руки Верховного главнокомандующего».

Я перебил Корнилова. «Передача одной военной власти или также и гражданской?» — спросил я. «И военной, и гражданской», — пояснил Корнилов. «Вы мне позволите все это для памяти записать?» «Пожалуйста», — сказал Корнилов и протянул мне карандаш и бумагу. «Быть может лучше просто совмещение должности Верховного главнокомандующего с должностью Председателя Совета министров», — вставил я. Корнилов смутился. «Пожалуй, можно и по вашей схеме», — сказал Корнилов. «Конечно, все это до Учредительного собрания», — заметил Корнилов. «Затем, — продолжал он, — предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную

безопасность возьму под свою охрану... Кто будет Верховным главнокомандующим — меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством».

Я сказал Корнилову: «Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам». Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал: «Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я составлю свой кабинет. Я не верю больше Керенскому, он ничего не делает». «А Савинкову вы верите?» — спросил я. «Нет, и Савинкову я не верю. Я не знаю, кому он нож хочет всадить в спину, не то Керенскому, не то мне», — отвечал Корнилов. «Если вы такого мнения о Савинкове, отчего же вы его вчера не арестовали, когда он был здесь?» Корнилов молчал. «Впрочем, — продолжал Корнилов, — я не могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции».

Тут совершенно неожиданно в кабинет вошел без доклада ординарец Завойко, который перебил Верховного главнокомандующего, сказал наставительным тоном, как говорят ученику: «Нет, нет, не министра юстиции, а заместителя председателя Совета Министров». Я удивленно посмотрел на Корнилова, тот на ординарца. Вид у Корнилова был сконфуженный. «Так вы мне прикажете все это передать Керенскому?» — спросил я у Корнилова. Отвечал Завойко: «Конечно, конечно, важна законная преемственность власти».

Я откланялся Корнилову и вышел из кабинета. Завойко пригласил меня к себе завтракать; он помещался тут же в доме. Я прошел к нему и застал в его кабинете Добрынского и еще незнакомого мне господина. Завойко познакомил нас — «профессор Яковлев». Затем Завойко, сев у письменного стола, достал лист бумаги, на котором было что-то написано, и стал читать вслух. То был манифест Корнилова к армии, в котором Корнилов, называя себя сыном казака, брал на себя верховную власть во имя спасения Родины. Прочтя манифест, Завойко выгнул из письменного стола еще бумагу и стал читать. То была прокламация Корнилова к солдатам. В ней солдатам обещалось по возвращении домой нарезать по 8 десятин на каждого. Оказывается, что это была аграрная программа, выработанная сидевшим передо мной профессором Яковлевым. Завойко сунул мне по экземпляру каждого. Я машинально положил их в карман, не зная, для чего он мне их дал».

Львов далее рассказал о том, как Завойко на листе бумаги написал слова: «Керенский — заместитель председателя Совета министров», а затем фантастический состав будущего кабинета, в который должны были войти он, Аладин и Филоненко³⁵. Львов, пораженный до глубины души всем происходящим, сказал, что может быть лучше до формирования кабинета пригласить для консультаций в Ставку разных политических лидеров. На это Завойко ответил Львову предложением пригласить в Ставку всех, кого он пожелает, и сам вызвался оформить эти приглашения от имени Верховного главнокомандующего. В результате была послана за подписью В. Львова телеграмма о том, что генерал Корнилов приглашает видных партийных и гражданских руководителей, в том числе Родзянко, немедленно прибыть в Ставку. Предмет обсуждения: формирование кабинета. Немедленный ответ крайне желателен. За разъяснениями о числе приезжающих и времени прибытия следовало обращаться в Ставку к князю Голицыну.

Затем Завойко и Добрынский отвезли Львова на вокзал, и Завойко вновь повторил ему содержание ультиматума, который ему следовало предъявить мне на следующий вечер (26 августа). Вручив мне ультиматум Корнилова, Львов сообщил, что он может не успеть к нашему разговору с Корниловым. Затем, не сказав мне ни слова, он направился к Милюкову с тем, чтобы предупредить его о возможном большевистском восстании. В ответ Милюков заверил Львова, что такого восстания не будет. В раздражении от того, что Милюков подтвердил мои слова, он выхватил из кармана обращение и прокламацию Корнилова и протянул их Милюкову... «А мне это совсем неинтересно», — реагировал Милюков.

В отчаянии заговорщики вступили на путь провоцирования большевистского восстания. Вот один из фантастических эпизодов, описанный Финисовым в «Последних новостях» от 6 марта 1937 г.: «За несколько дней до того нам точно стало известно, что большевики отложили выступление на неопределенный срок. Выступать без этого повода мы не считали возможным... Мы решили поэтому прибегнуть к крайней мере. Полки генерала Крымова продолжали двигаться к Петербургу. Не воспользоваться этим было бы преступлением. Если повода нет, его надо создать. Специальной организации было поручено... вызвать «большевистское» выступление, т. е. разгромить Сенной рынок, магазины, одним словом, поднять уличный бунт. В ответ должны были начаться в тот же день действия офицерской организации и казачьих полков генерала Крымова. Это поручение было возложено на генерала В. И. Сидорина, причем тут же ему было вручено 100 000 руб. на эту цель (из этой суммы ген. Сидорин истратил только 26 000 руб. на подготовку «большевистского бунта»)... Момент же искусственного бунта должны были определить мы, т. е. полк. Дюсиметьер и я, после свидания с ген. А. М. Крымовым, переслав приказ шифрованной запиской в Петербург».

В 4 часа пополудни 28 августа Финисов и полковник Дюсиметьер выехали из Петрограда с тем, чтобы переговорить с генералом Крымовым. Встретившись с ним в селе Заозерье близ Луги, Финисов и Дюсиметьер сообщили генералу о провокационном большевистском мятеже. Генерал Крымов поддержал эту идею, считая, что без выступлений большевиков в Петрограде его распропагандированные казаки на

Петроград не пойдут. В 8 утра послали с мотоциклистом через Гатчину зашифрованную записку генералу Сидорину с приказом: «Действуйте немедленно, согласно инструкциям».

Однако Сидорин решил вначале посоветоваться с генералом Алексеевым, который категорически воспротивился выступлению и заявил: «Если вы пойдете на такую меру, то я застрелюсь! А перед смертью оставлю записку с объяснением причин». Сидорин подчинился, отменил распоряжения и вернул «Республиканскому центру» неизрасходованные деньги... Однако несмотря на это была все же предпринята попытка спровоцировать инцидент на Сенной площади. Атаман Дутов позднее рассказывал Владимиру Львову, что он пытался создать видимость «большевистского» восстания, провоцируя толпу грабить магазины, но из этой затеи ничего не вышло.

Без всякого сомнения, после того как заговорщицкая организация в Петрограде отказалась от идеи фиктивного большевистского мятежа, генерал Алексеев понял, что «удачное наступление» на столицу провалилось и следует немедленно прекратить все дальнейшие военные операции. В 11 час. 29 августа полковник Барановский передал мне донесения от командира гарнизона в городе Луга полковника Вороновича, в котором сообщалось, что казаки под командованием генерала Крымова отказались идти на Петроград и выступили с угрозами в адрес своего командующего. Было крайне важно не допустить каких-либо противоправных действий в отношении генерала, и я направил в Лугу друга Крымова, полковника Генерального штаба Самарина, с тем, чтобы он доставил Крымова в Петроград ко мне в Зимний дворец. Сообщив об этом полковнику Вороновичу в Лугу, Самарин отбыл в Ставку Крымова. Лишь в 1936 г. я узнал, что по пути в Лугу Самарин посетил штаб-квартиру генерала Алексеева, чтобы получить «инструкцию»³⁶. Генерал Алексеев «санкционировал» мой приказ доставить Крымова в Петроград, добавив, что перед этим желал бы переговорить с Крымовым.

В течение всей ночи 30 августа Крымов консультировался с Алексеевым. О своем прибытии в Петроград он сообщил мне лишь в 10 часов утра. При моем разговоре с Крымовым присутствовали оба товарища военного министра — генерал Якубович и генерал Туманов, а также председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела Корнилова И. С. Шабловский.

Генерал Крымов, честный и мужественный солдат, начал беседу с заявлениями, что его корпус двигался к Петрограду с целью помочь Временному правительству и никаких враждебных действий против него проводить не планировалось. Видимо, под воздействием ночного разговора с генералом Алексеевым, он постарался утаить цель продвижения к столице, повторив фальшивую версию, пущенную в ход друзьями Корнилова. Однако ложь претила натуре Крымова. И он тут же, перестав заперяться, достал сложенный пополам листок бумаги и произнес: «Это — приказ». Прочитав приказ № 128, я вручил его председателю комиссии. Генерал Крымов далее признал, что в начале августа он находился в Ставке, где тогда разрабатывались военные мероприятия, связанные с движением к столице. Он также сообщил, что согласно плану, принятому тогда, предполагалось поделить город на отдельные военные сектора и что он был назначен генералом Корниловым на пост командующего особой «Петроградской армии».

Я уверен, что положение для него стало невыносимым, ибо он почувствовал себя безнадежно запутавшимся в сетях лжи. Он, во-первых, не заявил откровенно о своей причастности к делу, во-вторых, § 4 приказа начинался с лживого заявления относительно большевистских бунтов в столице. Я задал ему вопрос, почему он прибег к этому очевидному вымыслу. Ответ его был расплывчатым, видимо, он не пожелал бросить тень на своих сообщников в столице, которые обещали организовать большевистский мятеж в канун его прибытия в Петроград.

Генерал Крымов покинул мой кабинет свободным человеком. Единственным ограничением его свободы был вызов Шабловского на следующий день в 5 часов в Чрезвычайную комиссию для расследования и дачи показания. Однако генерал Крымов в комиссию не явился. Он отправился на квартиру своего близкого друга ротмистра Журавского и там застрелился. Он оставил объяснительную записку, которую передали Чрезвычайной комиссии и которая, возможно, сохранилась в архивах этого дела.

Дело Крымова помогло разоблачить двойную игру генералов. Первоначальный план имел целью захват столицы в надежде заставить правительство врасплох. И даже после провала заговора, поняв, что им не удалось провести Временное правительство, они по-прежнему придерживались своей лживой версии. Крымов был единственным человеком, который сумел взглянуть правде в глаза. А генерал Корнилов упорно отказывался признать эту правду, яркое свидетельство этого — интервью, которое он дал французскому корреспонденту Клоду Ане³⁷.

«Если бы я был тем заговорщиком, каким рисовал меня Керенский, если бы я составил заговор для низвержения правительства, я, конечно, принял бы соответствующие меры. В назначенный час я был бы во главе своих войск, и, подобно вам, я не сомневаюсь, что вошел бы в Петроград почти без боя. Но в действительности я не составил заговора и ничего не подготовил. Поэтому, получив непонятную телеграмму Керенского (с требованием прибыть в Петроград), я потерял двадцать четыре часа. Как вы знаете, я предполагал, что или телеграф перепутал, или что в Петрограде восстание, или что большевики овладели телеграфом. Я ждал или подтверждения, или опровержения (телеграммы). Таким образом, я пропустил день и ночь: я позволил Керенскому и Некрасову опередить себя... Железнодорожники полу-

чили приказы: я не мог получить поезда, чтобы приехать в окрестности столицы. В Могилев мне дали бы поезд, но меня арестовали бы в Витебске. Я мог бы взять автомобиль, но до Петрограда 600 верст по дурным дорогам. Как бы то ни было, в понедельник, несмотря на все трудности, я еще мог бы начать действовать, наверстать потерянное время и исправить сделанные ошибки. Но я был болен, у меня был сильный приступ лихорадки и не было моей обычной энергии».

Во всем этом бессмысленном и противоречивом заявлении имеется лишь один пункт, соответствующий истине: моя вечерняя телеграмма с вызовом Корнилова в столицу вызвала страшный переполох в стане заговорщиков. Они потеряли голову, их охватила паника. Вот тогда-то к обращению Корнилова был добавлен лживый вводный абзац, сочиненный Завойко: «Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Гос. думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Гос. думы Алексей Аладин. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества»³⁸. Этой выдумкой Завойко позднее недобросовестно воспользовался генерал Алексеев в своей кампании лжи против Временного правительства и меня лично.

Признания Деникина и Сидорина, как и мемуары Финисова, опубликованные в 1936 и 1937 гг., не оставляют сомнений в том, что именно генерал Алексеев играл в деле Корнилова центральную роль, на что впервые пролил свет Милюков в письме, датированном 12 сентября 1917 года. Он был главным соперником генерала Корнилова и других руководителей готовящегося переворота, включая Сидорина и Крымова. Он также подготовил политические обоснования для захвата Корниловым власти. В критические дни мятежа он постоянно поддерживал связь с генералом Корниловым через генерала Шапрона, зятя Корнилова³⁹.

Утром 28 августа, отдав приказ генералу Сидорину прекратить подготовку фиктивного большевистского восстания, Алексеев в сопровождении Милюкова посетил меня, чтобы предложить себя в качестве посредника между мной и Корниловым. И он и Милюков полагали, что это будет на руку Корнилову, в неизбежную победу которого они твердо верили. Позднее тем же днем Алексеев пригласил к себе Маклакова и попросил его немедленно отправиться в Ставку на совещание по созданию правительства во главе с Корниловым. Маклаков так пишет об этом⁴⁰.

«Генерал Алексеев позвонил мне по телефону и попросил встретиться с ним. Встреча состоялась в его поезде. В отличие от меня, он считал, что часы правительства сочтены. По его словам, речь идет просто о том, какие решения примет Корнилов после победы. Он попросил высказать мое мнение по этому вопросу. Его «оптимизма» я не разделял и мнение о создавшейся ситуации у меня сложилось некоторое время назад. Я считал, что ключевую роль играет не личность, а характер режима. Если настойчиво поддерживать состояние «революции», то [революционный] процесс будет продолжаться и заговор неизбежно рассыплется, как карточный домик. Следовательно, если Корнилов желает показать, что он сильнее правительства, и если он намерен положить конец революции, ему следует вступить на путь соблюдения «законности».

Законность эта исчерпала себя с отречением великого князя Михаила, и, следовательно, придется вернуться к исходной позиции. Он будет вынужден руководствоваться манифестом об отречении императора Николая II, который является последним актом законности, восстановить монархию, конституцию и народное представительство; ему следует согласиться с неизбежностью управлять в духе конституции... Если новое правительство, которое вы хотите поставить вместо нынешнего, будет по-прежнему «революционным», оно недолго продержится. В заключение я сказал ему: «Не странно ли, что наши роли поменялись? Вы, генерал, адъютант императора, член его свиты, выступаете против монархии. Я же, член оппозиции, ее отстаиваю». «Вы правы, — произнес генерал. — Я против монархии потому, что слишком хорошо знаю ее». Это замечание произвело на меня сильное впечатление. «Возможно, — заметил я, в свою очередь, — но я разбираюсь в наших политиках лучше, чем Вы, и потому не ожидаю ничего путного от вашей затеи».

В своей книге, посвященной событиям в России осенью 1917 г., французский дипломат Фернан Гренар, который жил в то время в России, писал следующее: «Союзники России были ослеплены желанием любой ценой заставить ее продолжать войну. Они были неспособны осознать разницу между возможным в то время и невозможным. Своими попытками изолировать Временное правительство от народа страны они все больше играли на руку Ленину. Они не могли понять, что дальнейшее участие России в войне будет неизбежно сопровождаться внутренней междоусобицей и нестабильностью переходного периода. Своими назойливыми призывами — почти что приказами, обращенными к Керенскому, о восстановлении нормальной жизни в стране — они демонстрировали неспособность видеть реальные условия, в которых он работал, и лишь вносили дополнительную сумятицу, которую он пытался преодолеть»⁴¹. Брюс Локкарт, который во время войны служил в британском консульстве в Москве, придерживался таких же взглядов на политику союзников в отношении России.

Подлинные намерения союзных держав в отношении Временного правительства после падения монархии станут известны лишь после того, как будут опубликованы секретные документы соответствую-

ющих стран. Тем не менее, один вывод можно сделать уже сейчас: продолжение Россией войны против Германии после падения монархии привело отнюдь не к противоборству России и ее союзников, с одной стороны, против Германии и Ленина — с другой, а к созданию противоестественного треугольника: Россия и Временное правительство, Корнилов и союзники, Людендорф и Ленин. Сам Корнилов покинул сцену 30 августа, однако и после этого его сторонники продолжали попытки, направленные на подрыв позиции Временного правительства.

Одну вещь упустили из виду союзники, когда стали оказывать поддержку Корнилову. Им и в голову не приходило, что, захватив власть, военный диктатор не будет способен продолжить империалистическую войну, что все его силы поглотит гражданская война. Более того, они не понимали, что, по мнению многих русских сподвижников Корнилова, продолжение войны против Германии «после разложения армии в результате революции» было бы чистым безумием. И действительно, к осени 1917 г. не только большевики, но и широкие круги либеральной и консервативной общественности, склонявшиеся в пользу Корнилова, исключали возможность победы союзников. Говоря словами Троцкого, произнесенными в самый канун Брест-Литовска, такая победа представлялась невозможной.

Казалось, что дело Корнилова ничему не научило союзников, что позорный провал заговора не заставил их пересмотреть свое недоброжелательное отношение к Временному правительству. Все выглядело так, будто кое-кто в Париже и Лондоне самым активным образом способствовал успеху дела Людендорфа—Ленина и падению правительства, которое в тяжелейших условиях продолжало помогать своим «союзникам» на поле брани.

25 сентября Терещенко с мрачным видом сообщил мне, что три посла союзных стран намерены передать мне вербальные ноты. Встречу с ними я назначил на следующий день, пригласив сопровождать меня министров Коновалова и Терещенко. Нота трех держав была зачитана дуаейном дипломатическому корпусу послом сэром Джорджем Бьюкененом. Лишь однажды я видел посла в таком волнении — в тот день, когда он был вынужден передать решение своего правительства об отказе предоставить царю и его семье право проживания на английской территории во время войны. Истинный дипломат, сэр Джордж всегда отличался сдержанностью и умел владеть собой. Какое же глубокое эмоциональное потрясение переживал сэр Джордж, если пальцы его дрожали, щеки покрыл стыдливый, почти что девичий румянец, а на глаза навернулись слезы. Таким он мне запомнился на той встрече.

Рядом с сэром Джорджем сидел новый французский посол Нуланс, который считался экспертом французского сената по финансовым и аграрным вопросам. Бог знает, каким образом он оказался назначенным на пост посла. В отличие от британского дипломата Нуланс чувствовал себя превосходно и, судя по всему, испытывал удовольствие от того, что союзники наконец-то решили проявить твердость в отношении Временного правительства. Итальянский посол Марчезе Карлотти играл роль стороннего наблюдателя. Совместная нота звучала весьма и весьма определенно: в ней содержалась угроза прекратить всю военную помощь России⁴² в случае, если Временное правительство не предпримет немедленных мер, судя по всему в духе корниловской программы, для восстановления порядка на фронте и по всей стране.

Ультиматум союзников о восстановлении порядка, подорванного безрассудными действиями Корнилова, вызвал у меня возмущение. И возмущение нарастало все время, пока я слушал ноту. Меня так и подмывало взять ноту и опубликовать ее в печати вместе с объяснениями, кто помогал Корнилову и как эта помощь осуществлялась! Но такой шаг означал бы конец союзничества и вынудил бы поставить охрану у зданий посольств союзников. И я заставил себя сохранить спокойствие.

Я возвратил ноту сэру Джорджу и предложил послам сделать вид, будто ее никогда не существовало, чтобы союзники не публиковали ее у себя дома, а Временное правительство также не проронило бы о ноте ни слова. Предложение было принято, и послы удалились, видимо, не в самом лучшем расположении духа. Сразу после этого я отправился к послу США Дэвиду Фрэнсису и попросил его направить президенту Вильсону телеграмму со словами благодарности в связи с неучастием Соединенных Штатов в этом недружественном акте.

На следующий день Терещенко направил нашим дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме две шифровки следующего содержания: № 1. Французский, английский и итальянский послы выразили желание быть принятыми совместно министром-председателем и сделали ему сообщение, в котором указывают, что последние события внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну, вследствие чего общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России. Для того, чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие, русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников.

№ 2. Министр-председатель в своем ответе трем послам отметил, что Временное правительство примет все меры к тому, чтобы шаг их не получил в общественном мнении страны истолкования, способного вызвать раздражение против союзников. Он указал при этом, что нынешнее тяжелое положение России в значительной степени обусловлено наследием прошлого режима, правительство которого встречало в свое время за границую поддержку и доверие, быть может не отвечающие его заслугам. Он обратил также внимание на опасные последствия, которые влечет за собой колебание союзников в деле снабжения нашей армии военными припасами, причем результаты таких колебаний сказываются на фронте через два-три месяца после того, как они имели место. В отношении войны, то А. Ф. Керенский указал, что на нее в России всегда смотрели и смотрят как на общенациональное дело, а потому он считает излишним настаивать на жертвах, понесенных русским народом.

Имперализм центральных держав представляет наибольшую опасность для России, и борьба с ним должна вестись в тесном единении с союзниками. Россия, более других потерпевшая от войны, не может закончить ее, не обеспечив своей территориальной неприкосновенности и независимости, и будет продолжать борьбу, каково бы ни было международное напряжение. Относительно мер к восстановлению боевой способности в армии министр-председатель указал, что эта задача приковывает все внимание правительства и что сегодняшняя поездка в Ставку его военного министра и министра иностранных дел вызвана именно необходимостью разработки соответствующей программы. В заключение А. Ф. Керенский отметил по поводу коллективного характера выступления послов, что Россия все же является великой державой»⁴³.

Эти телеграммы вызвали переполох в правительствах союзных стран. Через несколько дней представители России сообщили в телеграммах о своих встречах с министрами иностранных дел в столицах трех союзных держав. Наиболее полным и содержательным было сообщение нашего поверенного в делах в Лондоне Набокова о его встрече с министром иностранных дел Англии А. Дж. Бальфуrom: «Сославшись на вашу телеграмму за № 4461, я сообщил Бальфуру о ее содержании. Я напомнил ему, что в начале августа на последней межсоюзнической встрече состоялся обмен мнениями о совместном демарше послов в Петрограде и что тогда при поддержке Томаса я смог убедить союзников в несвоевременности и вреде такого шага. Я сообщил Вам об этом в телеграмме за № 620. Крайне прискорбно, сказал я Бальфуру, что мне заранее не сообщили о готовящейся акции. Бальфур заявил, что общественность о ней не будет информирована. Строго конфиденциально он сообщил, что лично выступил против такой идеи и жалеет, что миссия передать заявление вашему правительству легла на британского посла как дуайена дипломатического корпуса. Обратите внимание, сколь неуклюже Бальфур пытается «снять с себя ответственность» и взвалить ее на плечи других союзников, из его тщательного подобранных слов я сделал вывод, что сама инициатива исходит не отсюда. Союзники, как я полагаю, осознали свою ошибку, и считаю, что, чем скорее об этом прискорбном инциденте можно будет забыть, тем лучше».

Терещенко направил русскому послу в Вашингтоне специальное уведомление следующего содержания: «Сегодня министр-председатель принял послов Англии, Франции и Италии, которые от имени своих правительств сообщили о необходимости принять меры для восстановления боеспособности армии. Такой шаг не мог не произвести на Временное правительство крайне неблагоприятного впечатления, учитывая особо то обстоятельство, что наши союзники полностью осведомлены о неустанных усилиях правительства при ведении войны против нашего общего врага. Прошу вас строго доверительно передать Лансингу, как высоко Временное правительство оценило воздержание американского посла от участия в упомянутом коллективном шаге».

Как выяснилось, уверенность Набокова в том, что союзники осознали свою ошибку, оказалась безосновательной. Изменений к лучшему в отношении союзников к новому, демократическому правительству в России не произошло. Союзники были полны решимости не поддерживать с Россией связей, основанных на доверии и дружбе, до тех пор, пока власть не перейдет к сильному военному диктатору. Американцы также сделали выбор в пользу такой политики, которая толкнула Россию к Брест-Литовску и привела всю Европу к последующим потрясениям. Следующее описание перемен в поведении Америки, сделанное американским исследователем, в комментариях не нуждается.

«В августе 1917 г. Соединенные Штаты приняли решение отказать в поддержке рожденной мартовской революцией России до тех пор, пока «нормальный процесс» брожения не кончится и не будет восстановлен порядок с помощью «неограниченной военной власти». Эта политика, детище апатии и отсутствия проницательности, в дальнейшем получила новый стимул в убеждении, будто Керенский слишком обхаживает радикалов, в уверенности, будто «мы с этим поделаться ничего не можем», и в выводе, будто «положит этому конец какая-нибудь сильная личность». Игнорируя многочисленные предупреждения самых различных лиц, что такая политика представляет огромную угрозу интересам Соединенных Штатов, американцы придерживались этого курса вплоть до того времени, когда в ноябре 1917 г. большевики захватили власть»⁴⁴.

Наши европейские союзники прекрасно знали, что с самого начала войны Россия находилась в состоянии полной блокады⁴⁵ и что Февральская революция была результатом неожиданного развала монархии.

Они знали, что исчезновение прежнего режима сопровождалось развалом всей административной машины. Они знали, что все это произошло в разгар войны, участия России в которой они так жаждали. Они знали, что революционная Россия вела напряженную борьбу, чтобы избежать уничтожения и обеспечить свое будущее. Они знали, что Россия, опираясь на волю народа, едва-едва преодолела невероятные трудности первых недель развала и анархии и что к августу новая, народная Россия внутренне окрепла. Они знали, и об этом писал Уинстон Черчилль в своей книге «Неизвестная война», что выиграть войну без России невозможно⁴⁶. Они знали, что вследствие провала наступления союзных армий под руководством генерала Нивеля весной 1917 г. боеспособность англо-французских войск была равна нулю. Они знали, что военные операции русских войск летом и осенью того года спасли Западный фронт и сорвали план германского Генерального штаба разгромить союзников до прибытия помощи из Соединенных Штатов. И, зная все это, союзнические правительства установили контакты с теми, кто плел нити заговора, чтобы заменить законное русское правительство диктатурой. Почему они это делали? Ответ на этот вопрос я получил спустя много лет после того, как навсегда покинул Россию.

Приложение

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО 3-ИМ КАВАЛЕРИЙСКИМ КОРПУСОМ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. М. КРЫМОВА⁴⁷. 29 АВГУСТА 1917 Г.

1. Объявляю копию телеграммы министра-председателя и Верховного главнокомандующего.
2. Копия телеграммы Верховного главнокомандующего генерала Корнилова.
3. Получив телеграмму министра Керенского, командировал генерал-майора Дитерихса в штаб Северного фронта, к главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому за получением приказаний. Генерал Клембовский приказал мне передать, что он не вступил в верховное командование армиями, так как он и все командующие признают в это тяжелое время верховным командующим лишь одного генерала Корнилова, все распоряжения которого действительны. А казаки давно постановили, что генерал Корнилов несменяем, о чем и объявляю всем для руководства.
4. Сегодня ночью из Ставки Верховного командующего и из Петрограда я получил сообщение о том, что в Петрограде начались бунты. Голод увеличивается еще и оттого, что обезумевшие от страха люди при виде двигающихся к Петрограду своих же войск разрушили железные дороги и тем прекратили подвоз продовольствия к столице. И каких же войск испугались? Тех, которые присягали на верность новому строю, тех, которые на Московском совещании, громко заявили, что лучшим правлением для России они считают республиканский образ правления. Напрасны ложные наветы, что части войск, двинутых в сторону Петрограда, направляют для изменения существующего строя. Уже из телеграммы генерала Корнилова вы видите, что он признает и считает, что лишь одно Учредительное собрание может сказать свое последнее слово, какому государственному строю надлежит быть у нас. За другим нас посылают. Вы недавно читали в газетах о громадных взрывах пороховых заводов в Казани; теперь получите сведения, что хотят взорвать пороховые заводы вблизи Петрограда, начинаются бунты и в это время, когда враг у ворот нашей столицы, имеющей большое количество заводов, работающих на оборону. Теперь, как никогда в столице должен быть порядок.

Для поддержания этого порядка мы и посылаем вас. Я твердо верю, что никто из вас не хочет видеть гибели и позора своей родины.

Г л а в а X X I I. Союзники и правительство России

Вплоть до свержения царя все иностранные дипломатические представители вели себя, строжайше придерживаясь этикета и протокола. Никому из них, конечно же, и в голову не приходила мысль вмешиваться во внутренние дела России. Но стоило произойти перевороту, как ситуация круто изменилась. От дипломатических норм поведения не осталось и следа. Впервые дипломатический корпус посчитал для себя возможным входить в контакты с кем угодно. Официально это, конечно же, не возбранялось и раньше, однако на деле иностранные дипломаты вращались лишь в придворных кругах и в высшем обществе. Теперь же в свободной России любой из них получил возможность идти, куда ему заблагорассудится, посещать какие угодно совещания и собрания. Некоторые из дипломатов предпочитали придерживаться прежних порядков и продолжали бывать лишь в своих излюбленных салонах, другие же поспешили завести друзей в среде только что вернувшихся политических изгнанников, еще вчера считавшихся преступниками.

Большинство дипломатов союзнических стран критически, а порой и враждебно относились к Кре-

менному правительству. Нас обвиняли в слабости, бесхребетности, нерешительности и во многих других грехах. По примеру рядовых солдат и рабочих эти дипломаты очень скоро овладели искусством использовать во зло вновь обретенные свободы. Свобода общения на деле скоро обернулась установлением более тесных отношений с теми, чьи симпатии разделили некоторые посольства и отдельные военные атташе союзных стран. Со временем это приняло форму явного поощрения деятельности тех лиц, которые в глазах иностранцев представляли истинными патриотами. Поэтому неудивительно, что весьма скоро их отношения к сложившейся ситуации плюс широкие связи в столице дали возможность почти всем членам дипломатических миссий союзных стран найти благожелательных слушателей среди злейших врагов Временного правительства как в Петрограде, так и в Ставке Верховного главнокомандования.

Крайне левая оппозиция нашла поддержку в Берлине. А правые круги получили ее в посольствах и в высших сферах Петрограда. Самое удивительное во всей этой ситуации было то, что левые болтуны называли членов нашего правительства «наемниками британского капитала», а правые демагоги в посольских гостиных — рабами Советов и полубольшевиками.

Я вполне могу понять чувства этих дипломатов и военных атташе. Они не мыслили себе Россию без царя. В их глазах армия, которой офицеры не могли командовать без помощи комиссаров военного министерства, не была армией. Правительство, наполовину состоящее из социалистов и не проявляющее былой силы, не было правительством. Все это так. Однако отнюдь не умонастроения и взгляды местных представителей союзных стран были важны в данном случае — тут сказывалось всего лишь влияние на них социальных групп, с которыми они поддерживали самые тесные связи. Суть дела была в том, что за всем этим крылось нечто гораздо более важное.

Союзные правительства почувствовали, и вполне справедливо, что революция вывела Россию из членов Антанты, и коль скоро они были заинтересованы в продолжении военных действий на русском фронте, им пришлось самым внимательным образом отнестись к разговорам в дипломатических кругах о «неопытности» русских министров. И соответственно, придти к выводу, что им следует преследовать сепаратные военные политические цели и не принимать в расчет интересы России. Таков был ход их рассуждений.

Сегодня общепринятая точка зрения такова, что июльское наступление 1917 г. явилось авантюрой, в которую Россия была вынуждена ввязаться под давлением союзников. В действительности же, возобновление боевых действий на фронте было продиктовано интересами России и выражало логику революции. Явившись в какой-то степени результатом движения протеста против сепаратного мира, революция могла отстоять свободу и демократию лишь в случае успешного завершения войны. Более того, как только мы почувствовали отношение к нам союзников, мы поняли, что лишь возрождение боевого духа и демонстрация силы вынудит их проявить несколько большую осмотрительность при решении вопроса, какую из наших дипломатических нот можно игнорировать!

Почему же французское и британское правительства пользовались любой возможностью для саботажа политики Временного правительства? Я долго размышлял и ад этим, однако многое прояснилось для меня лишь после того, как я в качестве эмигранта стал жить за границей. Именно тогда впервые в жизни я вошел в контакт с реальной Европой и ее правящими кругами. Враждебное отношение союзников к новой международной политике России было вполне естественным, ведь в конце концов они мыслили старыми категориями предвоенной Европы, а мы уже оставили этот мир позади и приступили к выработке (в нашем манифесте от 27 марта) новых ценностей в международных отношениях. Сегодня никому в Европе заявления Временного правительства не покажутся вызывающими и неприемлемыми.

До падения русской монархии между правительствами России и Запада была полная гармония в вопросе о целях войны; в конце концов, все великие державы того времени по своей идеологии были империалистическими. Эксперты обоих враждебных лагерей ожесточенно торговались, какая территория перейдет к той или иной стране. На межсоюзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 г., тогдашний полномочный представитель и будущий президент Франции Гастон Думерг и министр иностранных дел России Н. Н. Покровский, который сменил на этом посту Б. В. Штюрмера, уже приступили к обсуждению вопроса о послевоенных границах Франции и России. Помимо Эльзаса и Лотарингии и Саара французы намеревались установить на левом берегу Рейна, принадлежавшем Германии, независимый протекторат, а русское правительство настаивало на принятии соглашения о включении в состав Российской империи в качестве автономной провинции всей Польши (то есть районов, входящих в состав Австрии, Германии и России).

По окончании конференции Покровский сообщил М. Палеологу о согласии России с французскими требованиями, касающимися западных границ Германии. 26 февраля русский посол в Париже А. П. Извольский передал в Россию текст ноты, врученной ему на Кэ д'Орсе, в которой Франция предоставляла России полную свободу при решении вопроса о ее западных границах. Однако его сообщение случайно попало в руки Временного правительства, которое в ответ на это поспешило провозгласить независимость Польши, высказавшись за воссоединение принадлежавших ей земель в России, Германии и Австрии⁴⁸.

Этот пример свидетельствует о том, что новая Россия и ее западные союзники уже не придерживались единых взглядов на цели войны. Однако это различие выявилось уже в ходе первых встреч нового министра иностранных дел и представителей союзников. Говоря дипломатическим языком, мы заявили: «Временное правительство предлагает, чтобы все державы совместно пересмотрели цели войны, и констатирует, что Россия, со своей стороны, готова в интересах скорейшего заключения мира отказаться от своей доли притязаний при условии, что другие союзные державы поступят так же».

Целое лето потратили мы на то, чтобы убедить английское и французское правительства провести в кратчайшие сроки конференцию для обсуждения этих вопросов. А оба правительства все это время потратили на то, чтобы избежать созыва такой конференции. Лишь после начала нашего наступления они, наконец, пошли на уступку, но и после этого начавшиеся переговоры, к которым они относились без всякого интереса и внимания, месяцами тянулись без каких-либо результатов. И в Лондоне и в Париже просто не желали понять или, скорее, признать, что наша революция пошла значительно дальше, чем просто свержение монархии; она знаменовала собой начало долговременного процесса полной перестройки духовной жизни нации.

В наши дни после пережитых Европой бесчисленных революций и контрреволюций, государственные деятели имеют более четкое представление об этих процессах. Но в ту пору союзники, видимо, полагали, что такое событие всемирного значения, как свержение русской монархии, вряд ли отразится на внешней политике страны. А уж если такое и произошло, то лишь в результате грубых ошибок стоящих у власти слабых и безвольных людей, судя по всему, явно находившихся под каблуком у большевиков.

В конце концов в 1917 г. Германия попала в критическое, если не безнадежное, положение. Ее военные специалисты осознали, что силой оружия Германии войну уже не выиграть. Австрия и Турция по сути дела потерпели полное поражение и тяжелыми жерновами повисли на шее Германии. После июля католическая и социал-демократическая фракции в рейхстаге сообща высказались за скорейшее достижение мирного урегулирования. Тогда почему же Антанте столь упрямо держалась своих чрезмерных и нереалистических требований?

Я уже упоминал, что 28 августа, в самый тревожный день корниловского мятежа, среди многочисленных «посредников», настаивавших на том, чтобы Временное правительство вступило в сделку с мятежными генералами, были и западные союзники России. Вечером того дня дуайен дипломатического корпуса сэр Джордж Бьюкенен нанес визит министру иностранных дел Терещенко и от имени правительства Англии, Франции и Италии вручил ему ноту следующего содержания: «Представители союзных держав встретились под председательством сэра Джорджа Бьюкенена, чтобы обсудить положение, возникшее в связи с конфликтом между Временным правительством и генералом Корниловым. Подтверждая свои обязательства оставаться на своих постах для оказания, в случае необходимости, помощи своим согражданам, они в то же время считают своей важной задачей сохранить единство всех сил в России во имя продолжения победоносной войны и, исходя из этого, единодушно объявляют во имя гуманизма и в стремлении избежать невосполнимых потерь о готовности предложить свои добрые услуги с единственной целью служения интересам России и делу союзников».

С самого начала корниловского мятежа по Петрограду поползли слухи, что некоторые представители союзников выражают симпатии делу генерала. Если же учесть, что эти слухи отражали надежды определенных лиц в русском Генеральном штабе, то они представлялись вполне правдоподобными. Болтливые языки разносили их по городу, а правые газеты настойчиво твердили о поддержке Западом планов восстановления в России сильного «национального» режима. В создавшихся условиях у нас не было неоспоримых доказательств этого и убедительной информации, что союзные правительства вводят в заблуждение Временное правительство.

Чтобы положить конец слухам и не допустить падения авторитета союзников в массах на фронте и в тылу, я дал указание военному министерству опубликовать на следующее же утро в печати заявление, в котором наряду с другими пунктами упомянуть, что «генерал Корнилов не может рассчитывать на поддержку союзных держав» и что «державы надеются на скорейшую ликвидацию мятежа». Однако, как заявил впоследствии Миллюков, «в интересах союзников было бы, чтобы их именем не пользовались против Корнилова»⁴⁹.

Вот почему Временному правительству и была вручена вербальная нота с предложением рассматривать мятежного генерала как равноправного партнера в рамках государственной системы и примириться с ним, используя посредничество иностранных правительств и, как я предполагаю, на их собственных условиях! К счастью для союзников, эта весьма циничная нота никогда не была опубликована в России в ее подлинном виде.

29 августа кандидат союзников на пост диктатора России потерял все политические позиции, а 30 августа Временное правительство направило одного из коллег генерала в Ставку Верховного главнокомандования, чтобы очистить ее от заговорщиков. На следующий день, 31 августа, в печати появилась примечательная заметка, составленная как безобидное сообщение от лица «друзей».

Вечером 28 августа, именно в тот день, когда Терещенко вручили «миротворческую» ноту от имени

предполагаемых «посредников», командующий британским танковым дивизионом на юго-западном участке фронта получил от генерала Корнилова приказ оказать немедленную помощь его, Корнилова, войскам, продвигавшимся в то время к Петрограду. 19 сентября, по настойчивой просьбе очень обеспокоенного английского посла, я после тщательного обсуждения с Терещенко дал указание опубликовать официальное заявление, в котором говорилось: «В связи с распространяемыми слухами, будто британские бронемашинны принимают участие в наступлении генерала Корнилова, из авторитетных источников поступило сообщение, что эти слухи являются полным вымыслом и всякая основывающаяся на них информация есть не что иное, как злостная клевета, имеющая целью посеять семена недоверия между нами и союзниками, а следовательно, подрвать наше могущество».

Это официальное заявление, в котором опровергалась очевидная правда, было опубликовано не только с моего согласия, но и по моему распоряжению. Этот шаг был продиктован заботой о высших национальных интересах. Отныне можно было не сомневаться, что российское Верховное командование уже не сможет приказать британскому танковому дивизиону выступить на Петроград, то есть против Временного правительства, без предварительных консультаций с военными властями в Лондоне и Петрограде, как не сможет и британский посол вручить «коллективную» ноту Временному правительству без указаний кабинета в Лондоне и согласия французов и итальянцев.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Путилов являлся директором Русско-азиатского банка и имел прочные деловые связи с известным сталелитейным заводом, названным его именем. Вышнеградский был сыном министра финансов в правление Александра III и считался самым влиятельным деятелем в банковских и финансовых кругах.
2. Следует отметить, что Завойко приходился племянником жене Путилова.
3. Впервые об этой встрече Владимир Львов упомянул в довольно искренних воспоминаниях о своей роли в корниловском движении, которые были опубликованы в Париже в газете «Последние новости» 27 ноября 1920 года.
4. Деловой партнер Путилова.
5. Последние новости, 27. II. 1937.
6. ВИНБЕРГ Ф. В. В плену у обезьян. Киев. 1918.
7. Оба входили в законспирированную ячейку Центрального комитета Союза офицеров.
8. Финансовый и промышленный магнат на юге России.
9. Финисов не знает, что Путилов сказал Николаевскому и Липскому по возвращении в Петроград.
10. Последние новости, 27. II. 1937.
11. Последние новости, 19. XI. 1937.
12. Генерал А. И. ДЕНИКИН. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж. 1921, с. 198.
13. Генерал А. И. ДЕНИКИН. Ук. соч., с. 210—211.
14. Согласно заведомо ложным инструкциям Романовского, эти курсы должны были проходить в течение десяти дней под руководством «майора английской службы Финлейстена».
15. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М. 1959, с. 452—453.
16. Цит. по кн.: Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. Берлин. 1922, с. 222—230.
17. Атаман донских казаков.
18. Довольно загадочная фигура. В свое время он работал в Министерстве земледелия, позднее выполнял роль курьера между Корниловым и Калединым.
19. 27 августа генерал Корнилов направил генералу Каледину телеграмму следующего содержания: «Керенский разослал по всем железным дорогам телеграмму, что я смещен с должности главковерха и на мое место назначен Клембовский с местопребыванием в Пскове. Я отказался сложить с себя обязанности Верховного главнокомандующего. Деникин и Балувев идут со мной (что касается Балувева, это было неправдой) и послали протест Временному правительству по поводу моего смещения. Клембовский решил по получении официального извещения правительства о своем назначении отказаться от него. Если Вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству и копию мне» (цит. по кн.: Революционное движение в России, с. 447).
20. Председатель Прогрессивного блока в IV Думе.
21. ШИДЛОВСКИЙ С. И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин. 1923, с. 141.
22. Свидетельства об этом были опубликованы в «Последних новостях» (6. III. 1937).

23. МИЛЮКОВ П. Н. История второй русской революции. Т. 1., вып. 2. София. 1921, с. 174.
24. Несмотря на столь нелестную характеристику Аладьина, Милюков, судя по всему, не знал, что Аладьин в действительности посетил генерала Корнилова не в качестве бывшего члена Думы, а как весьма важный тайный агент Англии.
25. Директор так называемого Международного банка.
26. Последние новости, 24.I.1937.
27. Деньги, которые предоставил Путилов в июле «Республиканскому центру», предназначались именно на эти цели.
28. НАБОКОВ В. Временное правительство. — Архив русской революции. Т. 1. Берлин. 1921, с. 43—45.
29. Последние новости, 30.XI.1920.
30. Лидер правого крыла партии кадетов.
31. Давая показания на заседании Чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова 14 сентября 1917 г., Владимир Львов заявил: «Хотя Керенский не дал мне каких-либо полномочий вести переговоры с Корниловым, я все же счел возможным заявить от имени Керенского о его желании реорганизовать правительство».
32. Шуберский в качестве заместителя министра транспорта постоянно находился в Ставке и входил в число заговорщиков.
33. Последние новости, 27.II.1937.
34. Последние новости, 7.XII.1920.
35. Комиссар Временного правительства в Ставке, который присоединился к заговорщикам.
36. См. Последние новости, 14.XI.1936.
37. Это интервью, данное сразу после краха заговора, до ареста Корнилова, изложено в книге: ANET C. La Revolution russe. Т. 2, р. 154 (цит. по кн.: МИЛЮКОВ П. Н. История второй русской революции. Т. 1, вып. 2. София. 1922, с. 262—263).
38. КЕРЕНСКИЙ А. Ф. Дело Корнилова. М. 1918, с. 141.
39. Позднее Шапрон был генералом в белой армии.
40. МАКЛАКОВ V. A. La Chute du regime tsariste: Interrogatoires (complètes rendus sténographiques, p. 85).
41. GRECARD F. The Russian Revolution. P. 1933.
42. Примечательно, что английским министром, ответственным за военные поставки, был в то время Уинстон Черчилль.
43. Цит. по кн.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л. 1957, с. 513—514 (*прим. ред.*).
44. WILLIAMS W. A. Russian-American Relations, 1791—1947. N. Y. 1952, p. 91.
45. С момента вступления Турции в войну Россия оказалась отрезанной от Средиземноморья и очутилась в состоянии полной блокады. Она получала лишь 2% своего прежнего импорта и вывозила только 1% прежнего экспорта. Владивосток был единственным портом, открытым для связей с внешним миром. Порт Мурманска не действовал вплоть до ноября 1916 года. В эти годы почти полной блокады России Англия и Франция, конечно же, получали крупные поставки товаров из Канады, США, Австралии, Индии и других стран.
46. CHURCHILL W. The Unknown War. N. Y. 1931.
47. Рабочий путь, № 2 18(5).IX.1917, с. 3.
48. См. Собрание секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел (комиссиariat иностранных дел, декабрь, 1917), № 42. Секретные архивы министра.
49. МИЛЮКОВ П. Н. История второй русской революции Т. 1, вып. 2. София. 1921—1924, с. 254—255.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Ю. В. Готье и его дневник

Юрий Владимирович Готье (1873—1943), профессор Московского университета и директор библиотеки Румянцевского музея, начал вести свой дневник 8 июля 1917 г., в тот день, когда А. Ф. Керенский стал во главе Временного правительства вместо князя Г. Е. Львова, на третий день немецкого контранступления на Восточном фронте, через три дня после «икольских дней» в Петрограде. Взялся он за перо, как объясняет в первой своей записи, «вопреки всем своим прежним мыслям на этот счет: я именно не хотел писать ни записок, ни заметок, ни дневника, ибо всегда думал, что этой дряни достаточно писано и без меня». Побудило его к ведению дневника ощущение рокового для России характера происходящих событий («эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории») и вытекающее из этого чувство ответственности профессионального историка перед будущими поколениями. Последнюю свою запись Готье сделал на пятом году Советской власти, 23 июля 1922 г., в обостренной политической атмосфере: шел процесс над эсерами, готовилась высылка за границу выдающихся представителей «буржуазной» интеллигенции, деятелей запрещенных политических партий.

Уставший, опасавшийся обысков, Готье решил прекратить свои записи, составившие к лету 1922 г. объемистую рукопись, и передать их на хранение знакомому американскому профессору Ф. Гольдеру (1877—1929), находившемуся тогда в Москве по поручению Г. Гувера. На Гольдера были возложены некоторые функции в связи с деятельностью известной гуверовской организации АРА по ввозу и распределению продовольствия голодающим в России; одновременно он собирал материалы для созданной в 1919 г. в Стэнфордском университете (Калифорния) Гуверовской библиотеки по вопросам войны, революции и мира. Дневник и некоторые другие бумаги Готье были отправлены Гольдером в Стэнфорд вместе с прочими собранными для библиотеки материалами.

Вернувшись в Стэнфорд к началу 1923/24 учебного года, Гольдер, очевидно, не трогал дневника Готье. После смерти Гольдера дневник пролежал, никем не замеченный (он был без подписи, отсутствовали и всякие пометки, ярлыки), 53 года — до 1982 г., когда был опознан американским библиотекарем-библиографом Э. Касинцем, искавшим в архиве Гольдера материалы по истории советской библиографии.

В отличие от большинства опубликованных дневников, записи Готье благодаря вышеуказанным обстоятельствам не подвергались авторской переработке, «подчистке», и эту их особенность нельзя упустить из виду.

От времени революции и гражданской войны сохранилось очень мало дневников, особенно писанных на советской территории. Время было тяжелое для всех; многим заниматься записями мыслей и впечатлений было некогда, а часто и негде; хранить такие материалы становилось опасно. Среди людей, обладавших привычкой писать и необходимым досугом, мало кто сочувствовал тогда большевикам. Из немногих увидевших свет дневников указанного времени самыми известными являются работы писателей (которые вскоре либо скончались, либо эмигрировали): А. А. Блока, З. Н. Гиппиус, И. А. Бунина, В. Г. Короленко¹.

На русском языке дневник Готье публикуется впервые². Подготовка текста к печати представляла

значительные трудности. Почерк Готье довольно изменчив и не всегда разборчив. Бумага, чернила, перья неоднородны, а к концу дневника часто явно невысокого качества. Неразобранные места отмечены в публикации отточием, заключенным в квадратные скобки. Зачеркнутые автором слова, если они меняют смысл фразы, помещены в квадратные скобки с пометой «далее зачеркнуто». Имена и фамилии, написанные сокращенно, даются полностью, если это не вызывает сомнения. Текст публикуется в соответствии с действующими ныне правилами орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда представлялось желательным сохранить написание подлинника с познавательными целями (например, поиск Готье формы прилагательного от слова «большевик», соответствующей словообразовательным нормам русского языка). С той же целью сохранена двойная датировка — историку культуры может быть интересен процесс перехода на григорианский календарь.

При отборе фактических сведений для примечаний составители стремились избегать того, что можно легко найти в третьем издании Большой Советской энциклопедии.

Ю. В. Готье родился 18 июня 1873 г. в Москве, в семье коммерсанта, владельца большого книжного магазина на Кузнецком мосту. Дело было основано прадедом Юрия Владимировича, сыном французского эмигранта, приехавшего в Россию при Екатерине II, выходца из третьего сословия древнего галльского города Сен-Кантен в Пикардии, на севере Франции³. Вместо того чтобы взяться за семейное дело, Юрий решил посвятить себя науке. Магазин был продан отцом в 1895 г., за год до смерти. Будущий историк с 1891 по 1895 г. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, где слушал лекции и участвовал в семинарах профессоров В. О. Ключевского, В. И. Герье и П. Г. Виноградова, молодого приват-доцента П. Н. Миллюкова.

По окончании университета Готье прошел год военной службы, а потом стал преподавателем истории: до 1902 г. — в московских гимназиях, затем на Высших женских курсах проф. Герье. Преподавательскую деятельность он сочетал со службой в Московском архиве Министерства юстиции, а с 1898 г. (вплоть до ареста в 1930 г.) — в библиотеке Румянцевского музея, где со временем стал главным библиотекарем и заместителем директора.

С 1903 г. он начал преподавать в Московском университете. Его магистерская и докторская диссертации были изданы⁴. 18 апреля 1915 г. Совет Московского университета избрал Готье экстраординарным профессором, а 13 сентября 1917 г. он был утвержден ординарным профессором. В университете Готье преподавал до середины 20-х годов, когда вместе с большинством коллег-историков перешел в созданный тогда Институт истории РАНИОН. С 1907 по 1917 г. он был также профессором Межевого института, а с 1913 по 1918 г. и Народного университета им. А. Л. Шанявского.

После ликвидации в 1919 г. историко-филологического факультета Московского университета Готье начал читать курс археологии на новом факультете общественных наук и стал членом Академии истории материальной культуры (преемницы Императорской археологической комиссии и предшественницы Института археологии АН СССР⁵). В 1922 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Готье принадлежал к блестящей плеяде учеников Ключевского (М. К. Любавский, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский⁶), изучавших, главным образом, социально-экономическую историю России до XIX века. Он пользовался репутацией особенно скрупулезного архивного исследователя, отличался широтой интересов, знанием иностранных языков⁷.

Жизнь Готье, в том числе и в те годы, когда он вел дневник, была связана прежде всего с двумя учреждениями: Московским университетом и Румянцевским музеем. Он подробно описывает драматичные события, происходившие в них, в одном случае, с точки зрения профессора, в другом — преданного своему учреждению администратора; часто приводит мнения коллег и сослуживцев. Перемены, происходившие в университете и в библиотеке, — финансовый кризис, ухудшение материальных условий в обоих учреждениях, а также их политизация (постепенное вторжение партийно-государственной власти в управление) и «демократизация» (включение партийцев в административный и профессорский состав); требование (и в какой-то степени его реализация) участия низших служащих и технических работников в управлении; создание рабфаков и т.п. — Готье воспринимал в общем крайне отрицательно, усматривая в них угрозу «с трудом накопленному скромному культурному наследию страны».

Дневник является ценным документом по истории академических и культурных учреждений первых лет Советской власти, а также по истории умонастроений профессиональной интеллигенции, в особенности профессуры. Записи Готье дают яркую и для советского читателя, пожалуй, необычную, хотя, разумеется, не всестороннюю, картину жизни в Москве во время революции и в первые послереволюционные годы прежде всего научной среды, типичным представителем которой во многих отношениях он был. Готье много ездил по стране — в Петроград, Новгород, Иваново-Вознесенск, Тверь, Сергиев Посад; летом часто жил в деревне. Ему приходилось бывать в разных государственных учреждениях как в Кремле, так и вне его стен, встречаться с представителями нового режима, например с М. Н. Покровским,

А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, которую знал с детства — как и он, она выросла во французской колонии Москвы.

Ко всему, с чем ему приходилось сталкиваться, Готье относился со свойственной ему наблюдательностью, а свои впечатления фиксировал с замечательной пронизательностью и остротой пера. В отличие от подавляющего большинства людей его круга, он почти тотчас же после Октябрьского переворота почувствовал, что власть большевиков не будет кратковременной; в октябре 1917 г. предвидел скорый позорный мир с Германией; предсказывал тактику большевиков по отношению к Учредительному собранию. Юрий Владимирович подмечал зародыши явлений (скажем, предрасположения к политическому доносительству или того, что Ленин позднее назвал «комчванством»), которые позже приобрели широкое распространение.

Общие социально-политические взгляды Готье, как и его отношение к кризису в стране, представлены в записях недвусмысленно, без всяких оговорок и поэтому не нуждаются в комментариях. В общем их можно охарактеризовать как элитарные. Но это была элитарность не аристократа и не интеллигент-революционера, а представителя русского недворянского профессионально-образованного общества. Придерживаясь, безусловно, западной ориентации, он в то же время был глубоко патриотичен и не без подозрительности взирал на махинации западных держав и «международного капитала».

У Готье не было расположения к какому-нибудь отдельному классу общества или даже к русским вообще, тем более «к народу» (он был весьма далек от всяких народнических иллюзий). Привержен он был стране в целом, России, «единой и неделимой», цементом которой было наднациональное государство. Историка глубоко печалило очевидное отсутствие в русской революции именно «общерусского патриотизма», чувства государственности. «В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оного». Готье, с его «общерусским патриотизмом» (или национализмом), был ошеломлен разложением страны. Междоусобную борьбу партий и национальностей во время войны с немецким империализмом он считал совершенно неприемлемой, а непрерывное ухудшение условий жизни потом, во время гражданской войны, отчасти приписывал все тому же отсутствию общерусского патриотизма.

При чтении дневника следует иметь в виду еще одно соображение: как отметил немецкий историк Д. Гейер, «время, в которое появился дневник, уравновешенным размышлениям не способствовало»⁸. Готье относился весьма критически к большевикам. Для него они представляли собой смесь отрицательных свойств интеллигенции (фанатизм, равнодушие к законности и т. д.) и черни, или «горилл», как он часто называет в дневнике простонародье, толпу⁹. С неприязнью относился Готье к большевикам (и революционерам вообще) еврейского происхождения. По отношению к ним он обычно употребляет унижительное «жид», чего никогда не делает, говоря о неревлюционно настроенных своих коллегах-евреях в академическом, литературном или библиотечном мире, к которым относился вполне корректно. Нельзя не признать, что в условиях обостренных национальных чувств всплыли на поверхность в психологии этого умеренно-либерального интеллигента определенные струи шовинизма, в частности антисемитизма — явление, впрочем, довольно типичное для революционной поры. Готье не щадил и представителей старого режима: некоторые из его самых ядовитых эпитетов были направлены против старой бюрократии и лично Николая II, которого он считал моральными и интеллектуальными ничтожеством.

Во время революции 1905 г. Готье примкнул к кадетской партии, но вышел из ее рядов уже весной 1906 г. из-за тактических разногласий. Не будучи связанным ни с какой политической партией, он в 1917 г. обвинял кадетов наравне с левыми партиями в политической амбициозности и индифферентности к интересам страны в целом.

Социально-политические взгляды Готье были, пожалуй, типичны для академической интеллигенции его поколения. Они перекликаются с темами, затронутыми в «Вехах» еще в 1909 г., а также в «послереволюционном» их продолжении — сборнике «Из глубины»¹⁰. В обоих изданиях принимали участие университетские коллеги Готье. Ясно, что он разделял взгляд большинства авторов сборников на русскую революцию как кризис духовных и моральных ценностей, но особенно близок к анализу Готье был прагматический исторический анализ современного кризиса в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» редактора сборника П. Б. Струве. Он начинал статью словами: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором», а вину за национальную катастрофу возлагал в первую очередь, на монархию (ее негибкость) и интеллигенцию (ее «отщепенство»).

Статьи сборника «Смена вех» (Прага, 1921), посвященного анализу революции и отражавшего, как и предыдущие, в основном взгляды академической среды, также затрагивали близкие сердцу Готье национальные и государственные темы (их комментарий имеется в ряде записей), но он не мог принять идею, что большевики сделали исполнителями национальной миссии. Еще менее приемлемым для него было выраженное в сборнике мнение о «гениальности» и «государственности» русского народа. Такие идеи Готье приписывал «трогательной наивности русской интеллигенции».

В общем, в диапазоне академической мысли того времени о русской революции, взгляды Готье

можно отнести к прагматической середине. Не для него были метафизические построения некоторых авторов сборника «Из глубины» о судьбе страны или романтические идеи о народной воле, характерные для «сменовеховцев».

О своих религиозных взглядах Готье пишет мало. Мы знаем, что он ходил в церковь, отмечал главные православные праздники. Как историк Руси он высоко ценил культурно-историческое значение церкви в русской жизни. Хорошо знал Библию. Небезразлично относился к слухам о чудесах и приметах; всерьез интересовался сохранностью мощей преподобного Сергия Радонежского, которые увидел в Троице-Сергиевой Лавре в 1919 году. В то же время он критически относился к состоянию церкви и духовенства в описываемое время.

В Справочнике 1930 г. об ученых Москвы о Готье сообщалось: «Готье Ю. Вл., д-р русск. истории, чл.-корресп. Академии наук СССР, гл. библиограф и зам. дир. Публ. библиотек СССР им. Ленина, д. чл. И-та истории РАНИОН, уч. сотр. ГАХН, хран. ГИМ; русск. история XVII—XIX вв., русск. археология (Железный век). Машков пер., 1-а, кв. 45»¹¹. Спустя несколько месяцев после выхода справочника все изменилось.

Как известно, период «мирного сосуществования» между новой и старой наукой по инициативе сверху быстро завершился. В конце 1928 г. в результате реформы Академии наук число академиков увеличилось с 45 до 90. Когда они не пропустили при выборах на новые места нескольких коммунистов, партия ответила «чистой» Академией наук. С октября 1929 г. начались аресты среди историков, продолжавшиеся до середины 1931 года. Первым был арестован С. В. Рождественский в Ленинграде. Акад. С. Ф. Платонова, близкого друга Готье, у которого он обычно останавливался, когда бывал в Петрограде-Ленинграде, арестовали в январе 1930 года. До Готье очередь дошла в июле. Вместе со своими московскими коллегами и друзьями М. К. Любавским (только что избранным в академики), Д. Н. Егоровым, С. В. Бахрушиным, А. И. Яковлевым, С. К. Богоявленским и В. И. Пичетой (доставленным из Минска) Готье был привезен в Ленинград.

К осени 1930 г. академики С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев и Е. В. Тарле и еще более 120 ученых (не все они были историками), сотрудников академических учреждений и учебных заведений, а также некоторые их родственники, друзья, знакомые подверглись аресту по «делу четырех академиков», или «делу Платонова». Платонов обвинялся в организации с помощью других арестованных монархического заговора, а также в том, что он якобы был назначен в премьер-министры нового правительства; Готье же в том, что будто бы возглавлял московскую «секцию» конспиративной организации. Публичного процесса не было — то ли обвинения оказались слишком фантастичными для того времени, то ли твердый отказ акад. Платонова идти на поводу у следователей не дал возможности организовать представление. Пятеро из «заговорщиков» по приговору Коллегии ОГПУ были расстреляны; большинство арестованных историков посланы на разные сроки. Готье приговорили к 5 годам ссылки¹².

В 1934 г. были восстановлены исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов, возобновилось преподавание истории, в том числе истории России, в школах, и почти все уцелевшие ссылки историков¹³ вернулись в Москву и Ленинград на старые места. Готье с 1934 г. начал преподавать в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), существовавшем с 1931 г.; в университет он вернулся только в 1939 г. (в том же году он был избран академиком), продолжая преподавать в МИФЛИ до эвакуации в Ташкент в 1941 году. После возвращения из ссылки Юрий Владимирович возобновил обычную напряженную работу: написал ряд глав для нового учебника для вузов по истории России, несколько статей по истории России XVIII—XIX вв., книгу о петербургской миссии Бисмарка, до сих пор неопубликованную¹⁴. В 1937 г. была переиздана его магистерская диссертация, в 1941 г. увидел свет законченный в 1921 г. второй том капитального труда по истории областного управления в России XVIII века¹⁵.

Скончался Готье в Москве 17 декабря 1943 г. после тяжелой болезни.

Публикация, подготовка текста, вступительная статья и примечания профессора Стэнфордского университета (Калифорния, США) Т. ЭММОНСА и профессора Государственного Пенсильванского университета (в отставке) С. В. УТЕХИНА. Они приносят искреннюю благодарность всем лицам, оказавшим содействие предоставлением фактических сведений, указаниями и советами.

Примечания

1. Дневник Ал. Блока, 1917—1921. Л. 1928; БУНИН И. А. Окаянные дни. Лондон. 1973; КОРОЛЕНКО В. Г. Из дневников 1917—1921 гг. В кн.: Память. Исторический сборник. Вып. 2. Париж. 1979; ГИППИУС З. Петербургские дневники (1914—1919). Нью-Йорк. 1982.
2. Английский перевод дневника Готье был опубликован в 1988 г.: Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e: Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922. Princeton. 1988.
3. TASTEVIN F. Histoire de la colonie française de Moscou. Depuis les origines jusqu'à 1812. М.—Р. 1908.

4. ГОТЬЕ Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. 1906; ЕГО ЖЕ. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения. 1727—1775. М. 1913.
5. Лекции по предыстории Восточной Европы были изданы: ГОТЬЕ Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания Русского государства. Л. 1925; ЕГО ЖЕ. Железный век в Восточной Европе. М. — Л. 1930.
6. Первый ученик Ключевского, П. Н. Милюков, тоже был учителем большинства названных ученых. К этой же школе можно причислить и таких московских историков, как А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, не бывших «аспирантами» Ключевского.
7. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. К. Академик Юрий Владимирович Готье. — Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, 1944, № 3; ПИЧЕТА В. И. Академик Юрий Владимирович Готье. — Исторические записки. Т. 15; см. также Юрий Владимирович Готье (Материалы к библиографии трудов ученых СССР. Серия истории, вып. 1). Сост. Н. М. Асафова. М. 1941.
8. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1989, № 37, Hf.3, S. 451 (рецензия на английское издание дневника).
9. Слово «гориллы» для определения толпы или черни в революционных событиях Готье, вероятнее всего, заимствовал у И. Тэна, одного из его любимых писателей, который часто употреблял это слово в работах, посвященных истории Французской революции конца XVIII века. См. HALKIN L.-E. *Initiation à la critique historique*. P. 1982, p. 37. Возможно, интерес к Тэну возник у Готье под влиянием его учителя Герье, который высоко ценил этого мыслителя и историка и много о нем писал, в том числе и о его трудах по истории революции (см. обобщающую работу В. И. Герье «Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна» (СПб. 1911).
10. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1909; «Из глубины». Сборник статей о русской революции. М. 1918. Издание последнего было приостановлено большевистской цензурой. Какая-то часть тиража была выпущена в 1921 году. Готье, по-видимому, не был знаком с этим изданием.
11. Наука и научные работники СССР. Ч. IV. Научные работники Москвы. С приложением Перечня научных учреждений Москвы. Л. 1930.
12. Остается неясным, куда был отправлен Готье и в каких условиях он там жил. По словам автора статьи «Дело» четырех академиков», который сам был сослан по этому делу, Готье был отправлен в Ухто-Печорские лагеря. По сведениям В. С. Брачева, автора новейшей статьи о «деле» Платонова, использовавшего некоторые материалы архива КГБ, Готье, как и Платонов, был сослан в Самару. См.: РОСТОВ А. «Дело» четырех академиков. В кн.: Память. Исторический сборник. Вып. 4. Париж. 1981; БРАЧЕВ В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова. — Вопросы истории, 1989, № 5, с. 129.
13. Из москвичей умерли в ссылке Любавский и Егоров, из ленинградцев — Платонов и Рождественский.
14. См. библиографию работ историка, составленную Н. М. Асафовой.
15. ГОТЬЕ Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.—Л. 1941.

Мои заметки

Ю. В. Готье

Futurá est Russia, nós futúti cum illa¹.

Горьким словом моим посмеюся².

*Славянство не стоит понюшки табаку.
Пир был готов, но званые оказались
недостойными его*

(кн. Д. М. Голицын)³.

«Слово о погибели русской земли»⁴

8—16 июля 1917 г. Finis Russiae⁵. Войска перестали быть войсками. Россия потеряла возможность защищать самое себя⁶. Основная причина, конечно, столетнее растрепывание старого режима. Он вызвал своим падением отклонение маятника влево и господство сил, развившихся в подполье и годных только для разрушения. Разрушение армии, предпринятое во имя подпольных лозунгов, рассчитанных на борьбу с царизмом, дало именно те плоды, которые оно должно было дать: обращение армии, сражавшейся два с половиной года, в толпу распропагандированных бандитов⁷. Я думаю, что Россия уже выкинута из международной игры и расчетов: германцам открывается случай, жданный ими — достигнуть всех намеченных целей на востоке. Восстановление смертной казни⁸ — мера запоздалая и вряд ли принесет пользу и толк. Россия погибает, подточенная Николаем II и добитая собственной революцией. Теперь (16 июля) мне кажется, что ближайшее время сложится так: в течение месяца закончится поражение остатков русских армий, а осенью пойдут погромы внутри. Кто будет защищать нас от них? Быть может, германцы?

Участь России, околешего игуанодона или мамонта, — обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран, вероятнее всего от Германии. Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова⁹ — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены. Старый режим своим чудесно организованным кадром охранки¹⁰ и тому подобной мерзости создал отличную сеть для организации всяких темных сил — они и действуют.

Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего. Жить остается только для того, чтобы кормить и хранить семью — больше нет ничего. Окончательное падение России как великой и единой державы вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от своих собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства *union sacrée* — эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории. Переживая его, к величайшему горю, стыду и унижению, я, образованный человек, имевший несчастье избрать своей ученой специальностью историю родной страны, чувствую себя обязанным записывать свои впечатления и создать этим очень несовершенный, очень субъективный, но все же исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем. Я делаю это вопреки всем своим прежним мыслям на этот счет: я именно не хотел писать ни записок, ни заметок, ни дневника, ибо всегда думал, что этой дряни достаточно писано и без меня.

Крестьяне, с которыми я говорил сегодня в Запрудье, и некоторые Почепские¹², реагируют слабо: чтобы играть роль в мире, надо обладать большей сознательностью. Мы годны

действительно только, чтоб быть навозом для народов высшей культуры, и в нашей истории были правы только отрицатели, начиная с Курбского, Хворостинина и кончая Чаадаевым, Печериным¹³ и т. п. Если кто торжествует, то только императрица Александра Федоровна.

17 июля. Газеты несколько лучше. От 15 июля рождается надежда, что ценой отдачи всей Галиции¹⁴, ценой осложнения без того отвратительного украинского вопроса (ибо ведь вся зарубежная Украина¹⁵ опять во власти немцев), ценой гибели сотен тысяч людей, идиоты поумнеют. Старания Керенского создать настоящее коалиционное правительство¹⁶ с исключением авантюриста Чернова¹⁷ и тому подобных авантюристов, идеологов-дураков, а может быть, и мошенников, заслуживают всякого сочувствия, но все же не поздно ли? Не слишком ли долго вопили и орали и сбивали с толку несчастного русского человека — глупого, темного, не подготовленного ни к какой «Республике» (так говорит Иван Павлов с Почепа).

Немцы ловко ведут свою игру: измена справа, измена слева и снизу. Отчего ни в одном народе, втянутом в войну, нет столько измены, как в русском: 1) от темноты, 2) от того полного отсутствия чувства солидарности и отечества, 3) оттого, что левые идеологи уже 100 лет носятся с федерациями¹⁸, 4) от темной и антикультурной лживости, которую отмечают еще сказания иностранцев 17-го века. Этой чертой «русской свиньи» сумели хорошо воспользоваться немцы. Для России революционной стоит задача — или перемениться или же безвозвратно лететь в пропасть!

18 июля. Мысль обращается все к тому же. Тихий день без почты. Чувство полного равнодушия, с одной стороны, чувство сожаления, что народ, от которого мог бы выйти прок, совершает над собой самоубийство. Чем мы будем — Московским государством, Китаем или Турцией? Хватит ли сил подняться? Хоть Керенский и вспомнил в совете рабочих депутатов — о тяжком млате, но, пожалуй, мы только стекло, которое дробят. В всяком случае, из всех народов воюющих — мы оказались наиболее слабонервными и, т. к. мысль Гинденбурга верна — победят крепкие нервами, то победят все кроме нас и логически должны [с] нами мириться: мы ответим за всех и более всего за собственную глупость, темноту и нечестность. Как часто мы все думаем: хорошо, что больше нет мамы! С немцами мы во всяком случае не бойцы: они безусловно выше нас во всем и прежде всего в личной стойкости и доблести; их можно ненавидеть, но не уважать нельзя.

19 июля. 3 года войны. Хорошая годовщина во всех отношениях — кроме естественного разорения, утомления и т. п. — еще поражение и позор бегства и измены. В Галиции, как будто (я не строю иллюзий), сегодня (см. по газетам от 16-го) чуть-чуть лучше — катастрофа — еще не финальная, может быть. Но уже тотчас «временное правительство» играет назад. Дело идет уже не о реорганизации его, а только о каких-то частичных поправках. Проклятые руководители из «социалистов» (я не выключая отсюда ни Керенского, ни Церетели¹⁹, которые сейчас играют первую скрипку, хотя они, несомненно, лучше других) остаются и останутся тупыми доктринерами и сорвут всякую приличную комбинацию, чтоб отстоять архимерзавца Чернова²⁰. Для отрезвления, очевидно, мало одной катастрофы — надо еще. Нельзя делать революцию и вести войну одновременно, надо от чего-нибудь отказаться; так как революция выше России, то, значит, надо выходить из войны, губить Россию и спасать революцию!

20 [июля]. Московское совещание²¹? На что оно и кому оно нужно? Министры-«социалисты» расскажут на нем, что все из рук вон плохо. Да здравомыслящий человек и без них знает, что наша революция во всем ухудшила положение России, даже сравнительно с проклятой памяти Николаем II. Единственно практически путное, что они могли бы нам сказать — это, что надо кончать войну. Но Керенский едва ли это скажет, по крайней мере сейчас. Керенский — искренний и сильный человек, но я его считаю величайшим злым гением России. В февральские и мартовские дни кто организовал совет рабочих депутатов и другие органы разложения? Кто вызвал сдвиг революции в сторону «диктатуры пролетариата»²²? Керенский, Чхеидзе, Скобелев²³ и К°, то есть крайние левые члены Думы. Нужды нет, что Керенский попал во временное правительство первого состава «на свой страх»²⁴ — этим он, сев на два стула, стянул их тонкой ниткой; одной рукой он скреплял, другой разрушал. Керенский — самый даровитый из этих злых гениев, и он потом спохватился и почувствовал себя государственным человеком и, может быть, государственным человеком; но все же в первые дни создавая совет рабочих депутатов, он более сделал для разрушения России, чем во все последующее время для ее укрепления. Оттого с него больше всех и взыщется. Ведь не с Чхеидзе же взыскивать, не русского и, по общему негласному признанию, «кристального» дурака, как, впрочем, и подобает грузину? Теперь вся эта так называемая демократия²⁵ начинает понимать, что она не может поправить дело: надо отрешиться от лозунгов. Но этого они не смогут сделать, так же, как и оставить власть (которую они захвати-

ли как долгожданную добычу) — поэтому выход один: бесконечные переговоры и разговоры и гибель России. К этим переговорам и разговорам я отношу и московское совещание.

Русский народ — народ-пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России. Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество: русскому всегда кого-нибудь жалко — поэтому он предпочитает жалеть себя и любить свое горе, чем жалеть другого, причинив тому зло — эгоизм наизнанку. Наши летописи, «Слово о полку», песни про царя Ивана, сказания о Казани, о смуте — воспевают и рассказывают преимущественно поражения. Куликовская битва, стояние на Угре, Бородино, Плевна — наши величайшие победы — были на самом деле или полупоражениями или замаскированными поражениями. Более всего наша военная слава говорит о поражениях и неудачах — Нарва, Бородино, швейцарский поход Суворова и т. п. Доктрина непротivления злу — формулированная Толстым — есть тоже радость горя, унижения, неудачи и поражения. Отсюда и современная доктрина «пораженчества»²⁶, абсолютно непонятная после свержения монархии, но тем не менее пышно расцветшая именно теперь. Ведь одними германскими шпионами дела не объяснить: их семья, как и в вопросе чистой измены, пало на добрую почву. Это наша психология — полная противоположность психологии германского народа с его доктриной Deutschland uder alles²⁷ и культом силы и торжества; ceteris paribus²⁸ при столкновении этих двух народов русский должен быть побежден; а когда все остальное и без того неравно? — ответа не требуется.

Кстати, об измене. С большевиков маска сорвана, а с украинцев еще нет. Чем более я думаю, тем более убеждаюсь, что и там все дело не обходится без немецких денег²⁹. Свидетельствую здесь: зимою 1916 года пресловутый Грушевский³⁰, которому я по долгу службы и как гонимому человеку сделал все для того, чтобы ему было лучше заниматься в Румянцевском Музее, говорил со мною (в Румянцевском зале, около своего стола) в тот момент, когда разговор пошел о возможности мобилизации людей свыше 50 лет, — как бы ему устроиться где-нибудь в писари, в штаб или канцелярию. Такой цинизм [зачеркнуто: такая низость]; подобный разговор с абсолютно чужим человеком не может исходить от чистого и честного человека. Как об нем многие говорили уже давно — это австрийский агент, так же как, вероятно, и все его аггелы³¹; а остальные, как всегда и везде в России — дурачье.

Что мог бы я сделать большего, чем писать эти горькие строки, я — профессор, специалист по русской истории? Сколько я ни думал, я не находил другого ответа, как ничего. Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента; в 1905, когда я был в к.-д. партии³², никто мною не воспользовался, никто меня ни к чему не применил и не втянул; в этом «кружке добрых друзей и знакомых» мне милостиво предоставили быть темным рядовым; единственное, что я слышал — это был совет П. Н. Милюкова (моего учителя)³³ пропагандировать в войсках (я был тогда призван в Японскую войну)³⁴, чего я, по моему глубокому убеждению, не должен был делать и не стал, конечно, делать. (Я думаю, что теперь Милюков держится иных мыслей.) Ни Милюков, ни Кизеветтер³⁵, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к.-д. партии; а [далее зачеркнуто: потом] тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания³⁶ сам вышел из партии до правительственных репрессий, и на всю мою жизнь стал «диким». Как дикий я могу заставить слушать себя только в собственной газете, вроде «Кремля» Иловайского³⁷, или на митингах; но первое не стоит повторять, даже если бы у меня были деньги, ибо это бесполезно; а на митингах слушают партийных ораторов и только, да опять же я на это не гожусь. Все, что я мог бы сказать, настолько не вяжется с «лозунгами»³⁸ царствующих самодержцев идиотизма, что и с этой стороны распространение моих мыслей в данное время было бы и затруднительно и бесполезно. Остаются частные разговоры и учебная аудитория, где я всегда старался быть объективным и никогда не говорить того, чего я сам не думаю. Теперь, с падением старого режима, в аудитории, может быть, будет несколько легче и свободнее дышать, но, может быть, и аудитории никакой не будет? Вероятно, в будущем году русская молодежь найдет нужным делать все, что угодно, но только не заниматься, и опять на долгое, может быть, время прекратит хоть какой ни на есть, но все-таки процесс своей цивилизации и распространения знаний. Если это будет так, то и останется только писать горькие строки.

21 июля. Два дня подряд работали на сенокосе, как следует, за рабочих (Нина, Л. Ег.³⁹ и я). Физический труд дает несомненное удовлетворение и успокаивает (конечно, на время). Отмечаю это как также результат переживаемого времени. Не это ли элементарное удовлетворение заставляет ленивых и квольных русских людей «опрощаться»; не в этом ли, то есть не в лени ли русской и в никчемности, секрет толстовства, интеллигентных земледельческих колоний⁴⁰ и тому подобной чепухи?

Все время неотвязная мысль: почему сметен событиями цвет русской деловой интеллигенции, например, земские деятели, дельцы земского и городского союзов⁴¹, из которых, конечно, вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы? Я думаю, что это следствие Разинского или Пугачевского характера, который принимает всякое русское политическое движение. Разрушительные лозунги, которыми фанатики и провокаторы полвека поднимали народ против преступного и глупого правительства, не могли дать иных результатов, когда сто миллионов взбешенных собак, сидевших на цепи, были спущены. Все люди, культурно более высокие, чем народная темнота, и сбитые совершенно с толку полуинтеллигенты, независимо, есть у них деньги или же они такие же трудовые бедняки, как 99% русского народа, были объявлены врагами народа — буржуями; к ним такое же отношение, как прежде к барам. В отдельных случаях это доходило весной до выгонки врачей, земских служащих, т. е. пресловутого третьего элемента (это было в Приволжье, где дух Разина и поныне витает).

Отчего в России после революции забыли о войне и стали под огнем немецких пушек перестраиваться и политически и социально, т. е. допустили нечто настолько чудовищное, что трудно этому поверить? Кроме всероссийской дикости, это надо объяснять еще тем, что целые сто лет, а может быть и больше, все внимание 99% русских было обращено на внутреннюю политику и на борьбу с режимом (это видно по публицистике, по разработке русской истории, по тысяче признаков). Когда с дураков спали оковы, они стали чесать себе спины, по которым их всегда били, не замечая, что над их головами занесен меч пострашнее старого кнута. Можно было бы сказать, quem Jupiter perdere vult, dementat⁴², если [бы] дело не касалось искони безмозглого народа. Я с начала марта видел неперемное условие укоренения русской свободы и счастья России в укреплении военных сил, предсказывая в противном случае гибель страны, свободы и всех залогов лучшего будущего. Кажется, дело идет теперь именно к этому.

Вспоминаются слова, сказанные мне А. А. Кизеветтером в день похорон кн. С. Н. Трубецкого⁴³ (в первых днях октября 1905 г.), что крайние правые (правительственные) и крайние левые элементы трогательны в своем единодушии в деле принесения вреда России — это верная мысль, наяву сбывающаяся в наши дни. Александра Федоровна и Ленин могут служить ее символами.

Необычайно уродливое явление — отсутствие русского вообще и в частности великорусского патриотизма. В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский⁴⁴, украинский, белорусский, — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оно. Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись, или же понятие общерусского и великорусского настолько отождествилось с режимом политическим, который существовал до последнего времени в России, что и ненависть к этому режиму перенесена была на все общерусское и вызвала эту атрофию общерусского патриотизма. Частный, областной патриотизм, культивируемый в бывшей России, есть один из самых дурных видов партикуляризма; он погубил много славянских государств, погубит и наше.

Одним из последствий происходящих перемен будет полное исчезновение всякого славянофильства в каком бы то [ни было] виде. Попытки сближения со славянами — культурные и политические — всегда были *tirés par les cheveux*⁴⁵. Но теперь Россия не исполнила единственного, чего от нее всегда ждали и требовали славяне, — не защитила их и не спасла, а сама пала; культурно же для тех же самых славян всегда была ближе Австрия. С другой стороны, если царская Россия не спасла славян и сама вылетела в трубу, то свободная русская демократия, провозглашая лозунг интернационализма, этим самым вовсе вычеркнула из своей программы всякую близость к славянству. К этому надо прибавить, что болгары, это — увы! — долгое время любимое детище наше, объявили себя не славянами⁴⁶. Царство небесное славянофильству, славяноведению, панславизму, братушкам, милой и светлой идеологии, шантажам, глупости и многообразным спекуляциям на ни с чем не сравнимой русской глупости.

22 июля. Бывший праздник. Газеты от 18, 19, 20. На фронте дело улучшается мало, и надежды слабые. Внутри те же безобразия — слова, митинговые речи, споры, свары. Останавливает внимание телеграмма совета Московского Университета (интересно, сколько там было народа? и как прошел он: вероятно, прений не было) и в ней умные заключительные слова: «Не дайте сказать, что революция погубила Россию»⁴⁷. Так же сильные и интересные обращения к временному правительству московских торгово-промышленников⁴⁸ и некоторые речи членов Думы в их частном совещании⁴⁹. Теперь, после неслыханного разгрома и позора, раздаются голоса, к которым, как говорит дядя Эдуард Владимирович⁵⁰, «можно при-

соединиться». Они не раздавались ранее, потому что их считали бы контрреволюцией. И так уже социал-хулиганы совета рабочих депутатов вопят о контрреволюции! Еще раз приходится сожалеть, что Государственная Дума в угоду кому-то пресекла свою деятельность. Неужели это сделал Милюков⁵¹? Но трезвые голоса все же слабы. Керенский, этот соловей на бесптичье, и К^о, заседающая во временном правительстве, целую неделю тянут переговоры о национальном правительстве: да здравствуют лозунги, пусть гибнет Россия⁵². Московское совещание, если и будет, то будет пуфом! Помещенные в газетах речи Ллойд Джорджа, Бонар Лоу⁵³ и некоторые отзывы французской печати не оставляют сомнения, что Россия выбита из международных расчетов.

23 июля. Гнет на душе хуже, чем когда-либо. От неврастении или от предчувствия следующих очередных мерзостей? Ведь предел скорби нами еще далеко не достигнут. Читал эти дни курс истории западных славян Любавского⁵⁴. Теперь наш черед гибнуть от отсутствия национального самосознания и здорового инстинкта самосохранения в международной борьбе за существование.

Хочется записать также и деревенские впечатления, хотя и они так же безотрадны. Более, чем когда-либо, я убеждаюсь, что русская деревня есть царство анархии. Когда она спокойна, то жить хорошо; когда она приходит в кинетическое состояние, то — спасайся, кто может. Так как здесь крестьяне почти все снабжены купленными землями⁵⁵, то общее состояние, как я предвидел еще с марта, спокойное, но есть отдельные очаги — например, Мокей-Гора⁵⁶. Очаг поддерживается мужиками, вздорными хулиганами, сбитыми с толку и потерявшими равновесие людьми, считающими себя членами партии, не то с.-д., не то с.-р.⁵⁷ (разобраться они сами не могут, вроде Федора Александрова), рабочими, пишущими письма из Питера (Бочков), и, наконец, вздорными, жадными и глупыми людьми вроде Замологиных⁵⁸. Отношения обострились перед севом и сенокосом, когда был сделан натиск на Загранье. Теперь (временно?) очаг затих; одна из причин, вероятно, то, что на Замологиных, у которых у самих 40 десятин, крестьяне Запрудья и частью Горы сделали особый натиск и заставили их откупаться деньгами; после этого они присмирели — отстаивают свое и на чужое не зарятся. Другие причины мне не ясны. Но, конечно, очаг может всегда вспыхнуть. По отношению к нам не было до сих пор никаких враждебных проявлений.

Недели две назад, по поводу переписи⁵⁹, я ездил в волостной комитет⁶⁰ с Мариеттой⁶¹ и беседовал с председателем — Сушигорицким⁶² крестьянином Василием Семеновичем Красавцевым. Это неглупый, даже не без дипломатичности, полунинтеллигентный крестьянин, очевидно с.-р., в достаточной мере распропагандированный; говорят, где-то сидел при старом порядке. Впечатление от него скорее хорошее; однако, видно, как он упивается своим положением и авторитетом — в нем уже виден будущий чиновник республики.

Мариетта рассказывала, как она заседала в продовольственном комитете⁶³, самое интересное — это роль Сушигорицкой учительницы, фанатички с.-р., которая зудит и зудит одно и то же о земле, а затем, что все эти партийные деятели и честные русские граждане прежде всего решали вопрос о своем жаловании. Иначе, конечно, и быть не могло.

24 [июля]. Газеты от 21 и 22. Платить за обучение придется, конечно, и русскими областями. Пожалуй, впрочем, и этим не проймутся. Внутренний развал, однако, за эти дни еще хуже внешнего. «Временное правительство» распалось, и 22 его не было. Главный факт — конечно, уход Керенского и Чернова⁶⁴. Последний достаточно разоблачен, но что значит уход Керенского? Быть может, он опять войдет в какую-нибудь комбинацию? А может быть, это значит, что искренний и честный идеолог разочаровывается в том кабаке, который представляет собою русская революция? Во всяком случае, эта последняя с каждым днем все более и более становится похожей на позорнейшую комедию. Интересно желание поганой мокрицы И. И. Скворцова-Степанова обратиться Московскую городскую думу в нечто вроде Конвента — предложение поименного голосования с эстрадами для публики, набитыми большевиками (по вопросу о восстановлении смертной казни⁶⁵).

Стремление г. Керенского создать особый батальон или эскадрон из уволенных генералов продолжается⁶⁶. Увольнение Брусилова (см. интервью с ним в «Утре России»⁶⁷ от 22-го) оставляет дикое впечатление. Не менее диким кажется мне братъ Корнилова⁶⁸ с Юго-Западного фронта в тот момент, когда там положение критическое. Вспоминаются стихи Лермонтова: «Мне хочется сказать великому народу: Ты жалкий и пустой народ!»⁶⁹.

Что нужно было бы сейчас сделать — приостановить все свободы, все гарантии, все декларации и преждевременные реформы и заняться одной только армией: ибо только армия может обеспечить жизнь России. Но этого не сделают, и Россия погибнет. Позор народу подлецу и самоубийце!

25 июля. Сегодня все утро думал один и с Нинкой о положении общем и частном. Оно

безвыходно, как то, так и другое. Армии нет, денег нет, вождей нет, никто не хочет работать, все «демократические» слои развращены до мозга костей, кто политиканством, кто «землицей». В городах и в деревне полная анархия. Железные дороги в развале; неурожай в значительной части России. Внешняя война проиграна; внутренняя обостряется. Жизнь этой зимой представляется кошмаром. Спасти может чудо, а чудес не бывает — и Николай Чудотворец отступился. Проиграна война, революция, и в корень подорвана всякая будущность того, что останется от России! Воровство было, остается и останется — верить в России возможно только отдельным лицам; в массе — сплошная недобросовестность.

Каковы могут быть будущие международные отношения «остатков России»? С союзниками они испорчены, ибо на что им русская падаль? Германия будет заискивать, чтоб лучше нас съесть, и мы, конечно, на эту удочку попадемся. Так как все же война кончится компромиссом, то будут две системы — Западные державы + Америка + Япония : Австрогермания. Первая система будет достаточно сильна, чтоб бросить Россию, которая и сделается экономической и политически добычей Германии, тем более, что последней казна Запада будет закрыта.

Главные причины гибели России: I) Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недальновидность)⁷⁰; II) Неудовлетворительность реформ Александра II: вызванное к жизни крестьянское сословие не получило достаточно прав⁷¹; правительство не умело поладить с новыми внесловными общественно-политическими деятелями; III) Непрактичность, тупость, ограниченность идеологий и практических стремлений революционеров от 1860 до 1917 г.; IV) Недостаток честности, казнокрадство, не позволившее создать органов обороны⁷²; V) Темнота, явившаяся последствием продолжавшейся той же внутренней политики при Александре III и Николае II; III, IV и V создали измену, так ярко расцветшую в 1914—1917 гг.⁷³; VI) Пангерманизм; VII) Ошибки революции — следствие I—V.

26 июля. Вчера вечером была у нас Александра Павловна, дьяконица, со всеми своими потомками. Разговор с Николаем Павловичем — учителем в заводском высшем начальном училище в Луганске на заводе Гартмана⁷⁴; много интересных подробностей о большевиках; нового мало, но его рассказы о маленьком центре подтверждают мои думы; характерно, что все бывшие «ярые монархисты», все негодяи и мошенники теперь превратились в большевиков.

Газеты от 23 июля. Керенский вновь берет власть⁷⁵. На фронте дела не лучше. Ген. Корнилов ожидает еще многих неудач на всех фронтах. Отчет о заседании гг. деятелей в Зимнем дворце производит убогое впечатление⁷⁶. У меня не осталось впечатления, что Керенский справится со своей задачей. Развал всей России несомненно идет вперед гигантскими шагами, и дело органического процесса воссоздания каких [бы] то ни было остатков из того, что прежде называлось Россией, еще не намечается. И теперь далее слов мы, конечно, не пойдем. Логически мыслят и действуют только вожди большевиков, которые по различным соображениям — контрреволюции, измены или своекорыстия — ведут к гибели России окончательно. Революционеры и эмигранты, умевшие только подкапываться под Николая II, обнаруживают свое умение только разрушать страну; едва ли поможет делу то, что они теперь «говорят» о ее спасении.

27 июля. Вчера видел тушу Окси — пока она жила, была свиньей; теперь она туша, которой будут лакомиться. Не символ ли судьбы России, которой будут лакомиться немцы, как после Schweinschlacht⁷⁷. Утром — длинный разговор с дядей Эдуардом все о тех же проклятых вопросах; почти полное сходство в мыслях и выводах. Разрушительные силы — революционеры, эмигранты, бывшие террористы, раз их главная цель была достигнута, должны бы были уступить свое место элементам, пытавшимся строить еще при старом режиме — земские и городские союзы, военно-промышленные комитеты и т. д. — но, захватив пирог власти, они отшлипнут от него только когда не будет ни пирога, ни власти, ни России. Право голосования неграмотных создает такое положение: всеобщее голосование не есть тайное, и тайное не может быть всеобщим. Почва для всяческих фальсификаций — необозримая.

Интересно, удастся ли что-нибудь Керенскому? Многое говорит за то, что нет; ибо партии не могут возвыситься до того, чтобы целое считать выше части — Россию выше партии; а все вопросы решаются только партиями и вне их нет ничего⁷⁸. 1917 подобен 1611. Будут ли Минин и Пожарский, а Керенский — тот больше похож на Ляпунова⁷⁹. Сон удастся еще пока сохранить, но потеря работоспособности — полная. Тяжко переживать крах всех иллюзий, как бы неосновательны они ни были.

28 июля. Проводили Л. Ег. Любовались чудесным восходом солнца — контраст с душевным настроением. Все те же мысли и тот же гнет. Мы не способны снести совершающегося

переворота — он слишком труден, как трудно зараженному организму перенести сразу две острых болезни. Какой народ, такой и порядок, такое и правительство⁸⁰. Сколько ни думай, ничего не надумаешь и не сможешь предвидеть. Если бы хватило сил стать истинным фаталистом!

29 [июля]. Вчера мне пришли в голову мои переживания после Цусимы в 1905 г. Сначала острая душевная боль, потом чувство тупого равнодушия и, наконец, некоторая легкость и надежда, что война стала психологически невозможной и что все равно ей скоро придет конец. Вчера у меня были совершенно такие же мысли, хоть я и сознавал огромную разницу в положении: тогда погиб флот, посланный на заведомую гибель петербургским правительством и двором. Теперь свободный, но в корень развращенный рабством и революционной пропагандой народ сам себе нанес поражение, которое может иметь совершенно такое же значение. Чтение газет сегодня (от 25, 26 и 27) не усилило во мне, но и не изгладило вполне этого чувства. Отовсюду несутся голоса о продолжении борьбы; но ведь и тогда говорили так же. Выдержим ли мы? Правдивая речь Ллойд Джорджа, с хорошей отповедью в сторону России: «поражение России может вызвать только глубокое сожаление», но «народ, который сходит со своего прямого пути, не есть великий народ». Мы вздумали удивить и научить Европу; но яйца курицу не учат, а тем более, когда они всмятку, как мы. Характерно страшное падение рубля, но удивляться этому не приходится. Сами по себе военные известия за эти три дня скорее даже лучше, чем раньше, но надолго ли? Что касается нового правительства⁸¹, то оно не дает гарантий прочности и долговечности. Выпутается ли Керенский? Хотелось бы надеяться, но в душе такая надежда слаба. Сила и энергия только могут спасти погибающую Россию. Если бы образовался искренний союз между Керенским и в[е]рх[овным] главном[андующим]⁸² и если бы удалось восстановить армию и хоть бы остановить внутренний развал! Но ведь все это — мечты — и только! Характерно изречение какого-то большевика в Московской думе — что о родине нечего заботиться, т. к. «ее всю не разгромят»; просто и примитивно; дума, для с.-рской и демократической, составила все же неплохую резолюцию о смертной казни.

30 июля. Сегодня утром мне прислали из волостного комитета рассылного с требованием вернуть списки, порученные Мариетте, и с приглашением кому-то на какое-то заседание, которое, может быть, будет, а может быть, нет — вероятно, так везде практикуется! Мариетта вчера читала выдержки из письма мужа⁸³; пишет, что начинает разочаровываться в русском народе. Пора! Вспоминаю его мнение по дороге сюда, что «социалисты знают, куда ведут Россию». Завели... Состояние духа без перемен; душа вынута.

31 июля. Газеты от 28 и 29. Сообщения сравнительно приличны. К сожалению, на западе все смолкло опять. У нас, по-моему, опасно около Брод⁸⁴; так ли это, покажут следующие газеты. Общее настроение не улучшается, хотя, может быть, полученный *leçon de chose*⁸⁵ и не останется без результата для города Глупова⁸⁶. Все-таки интересно, спасет революция сама себя или нет. Ее спасение в создании вновь армии, а в армии-то весь вопрос и есть, как он и был с первого дня после переворота. Вчера долгий разговор с Николаем Антиповым⁸⁷ с Горы: поразительная смесь пылкости, своеобразного и сильного патриотизма, недоверия, революционного протеста и нелепости.

1 августа. Состояние духа без перемен. Гоняли в Рожково за маслом: не привезли, потому что вчера отдавали за 2.50, а сегодня просят 4. Нина и Мариетта поехали в Щербово [и] Сандово⁸⁸ за сахаром. Что-то привезут? Не привезли ничего нового. Около Брод отразили немцев.

2 августа. Газеты от 30 июля. На войне сравнительно прилично. Надолго ли? Некоторые признаки отрезвления — вроде издания распоряжения о праве закрытия съездов, собраний и т. п.⁸⁹. Но наряду с этим все та же дичь и глупость в тысяче разных видов и образов. В частности, опять обостряется поганый украинский вопрос из-за побоища солдат-украинцев с кирасирами. Так как в обострении вопроса — прямая выгода Германии и полная аналогия с германскими планами, то несомненно, что здесь или прямая измена или провокация изменнических темных сил. Какова будет следующая катастрофа, которая нас ждет? В «Русских ведомостях» от 29 или 30 июля письмо с.-р. Б. Воронова, протестующего против запрета ему от Московского комитета с.-р. участвовать в «Русских ведомостях». Запрет, напечатанный тут же, подписан Рудневым — новым Московским городским головой⁹⁰. О, безмозглая тупость!

3 августа. Читал брошюрку Леонида Андреева «Гибель»⁹¹. Много верных мыслей, схожих с моими — гибель от голода и от разложения армии. Но если все погибнет, то он, Леонид Андреев, не проклянет своей матери-России. А я ее проклянута, т. к. она есть соединение всех русских людей, которые своей рознью губят и себя и Россию. Ведь в лучшем случае весь

остаток жизни придется всем прозябать, видя, как исчезает не только государство-Россия, но и тот легкий, тонкий, хрупкий налет культуры, те культурные ценности, которые в России все-таки создались. Пугачевщина нынешнего времени распространяется не только на материальные, но и на духовные ценности.

Несколько наблюдений над местной жизнью. Загранице — сокращение скота, захват крестьянами посевов, вызываемый не возможностью [для] помещика обработать данную площадь, но жадностью к захватам, питаемого пропагандой. Болото — то же самое: уменьшение скота с 80 голов до 30; Шварцовское имение — тоже; Юрьева — распродажа скота; Калустина⁹² — распродажа скота: значит, в 1918 г. удобрения не будет, и местный суглинок будет приходить в первобытное состояние. Вот сельскохозяйственный прогресс, вытекающий из политики с.-д. и с.-р. Так дело обстоит в Вельегонском уезде; а как же должно оно обстоять в хлебородных местностях России?

4 августа. Какие цели и какой смысл войны могут быть сейчас? Отчего не двигаются на западе? 1) не могут? 2) потерявши надежду на Россию, ждут Америки? В первом случае — дело Германии выиграно, и она заплатит только колониями и Месопотамией, но зато вознаградит себя в Малой Азии и в России, и все-таки Mitteleuropa⁹³ будет создана с поглощением $\frac{3}{4}$ славян, которые окончательно обнаружили свою полную безмозглость и антигосударственность. Во втором случае — дело отодвинуто, по крайней мере, на год; выдержим ли мы этот год или нет? Или же доживем до финального распада и катастрофы? или же заключим сепаратный мир по всей немецкой воле?

5 августа. Газеты и известия от 31, 1, 2, 3. Ничего особенно страшного на фронте. Продолжающийся голод, что надо спасти Россию. Единственный важный и интересный факт — увоз Николая II из Царского Села куда-то, чуть ли не в Тобольск⁹⁴. Это, будто бы, было решено еще временным правительством 5—22 июля — третьего состава. Я думаю, что это результат боязни контрреволюции. Других причин и оснований не придумать. С. А. Котляревский пережил в правительственных сферах князя Львова и остался заведовать иностранными исповеданиями, с оставлением профессором, в качестве товарища обер-прокурора Св. Синода⁹⁵. Ласковое теля сосет уже не двух, а много больше маток.

6 августа. Вчера вечером традиционный объезд пастората; нудная скука у попа Дубовикова; более приятное сидение у Александры Павловны: они, все-таки, живые люди. Сегодня у обедни, после чего ответные визиты у Николая Антипьева и у Ивана Терентьева⁹⁶. Те же речи и впечатления, что и раньше. Целый день дивная погода, пахнет осенью. Не хочется думать о всем, что происходит. Еще одно соображение: русский народ совершенно развращен рабством и пропагандой революционеров. Всегда эти *extrémités se sont touchées*⁹⁷.

8 августа. Вчера не записывал, потому что ездили в Залужье. Погода по-прежнему дивная. Возвращались красивой дорогой через Расторопово. Разговор с Шурой В.⁹⁸ — те же мысли; говорит, что махнул на все рукой и старается веселиться в пределах тесных Залужских возможностей. Много разговора о грядущем голоде, который скажется и в деревне, но в других отношениях, чем в городах. Кандидатуры в волостное земство Шура не выставляет⁹⁹; быть может, это ошибка, быть может, соображение — пусть сами разберутся — и верно.

Газеты от 4 и 5. На фронте все то же; англо-французы опять перешли в наступление. У нас внутри Керенский и К^о стараются сохранить свое лицо перед советом рабочих депутатов, а те стараются подчеркнуть и доказать, что все еще не вылетают в трубу. Речи blackman'a¹⁰⁰, как называет Чернова Лялька¹⁰¹, — речи темного демагога, может быть, большого злодея. Интересны для сравнения настроения на торгово-промышленном съезде в Москве¹⁰² («Русские ведомости» 4 авг.). Внутренняя борьба вся еще впереди. В Залужье узнали о постоянном недомогании Тали Томилловской — ей грозит участь матери! Лерик¹⁰³ перекочевал в Москву. Это мне менее нравится.

9 августа. Газеты от 6. Все более и более [усиливается] впечатление о двойственности Керенского и К^о и о том, что новая волна русской революции ширится и растет. Это волна против порядков, водворившихся после переворота. А «товарищи» твердят все одно и то же; они, как всегда, и глупы и нетерпимы. Как выйдет из этого Керенский — чем он будет в конце концов — партийным с.-р. или русским государственным деятелем¹⁰⁴? Эти дни читал в «Русском архиве» (1888) записки К. Н. Лебедева за Крымскую войну и записки П. Х. Граббе о Кавказской войне и о дворе Николая в сороковых годах¹⁰⁵. Беспрепятно размышления, которые направляются в наши дни. Очевидно, что успехи России за 70 лет в отношении цивилизации, управления государством, социальных отношений — более чем призрачны. Московское совещание начинает приобретать интерес — что там наговорят правительству¹⁰⁶?

10 августа. Растет чувство апатии ко всему, происходящему в мире; конечно, до нового сильного удара. Может быть, действует близость отъезда и дивная погода. Вчера приехала Юлька Веселага с дочерью. Рассказывает, что на выборах в волостное земство кто-то дал лозунг бойкота помещикам; поэтому члены волостного комитета Шура и Колюбакин¹⁰⁷ не попадут в волостное Залужское земство. Дает тон учитель Митрофанов, которому Шура оказал много услуг; он же и первый в списке. Истинно русская привычка, хорошо знакомая картина!

11 августа. Вчера составляли список избирателей по Раменскому обществу (до 38% грамотных, до 19% мобилизованных; в Крутецком¹⁰⁸ было 28% и 15%; процент грамотных — считая только людей выше 20 лет). Список общий составлялся из списков по деревням. При этом обнаружилось: 1) что председатель волостного комитета, г-н Красавцев, составлявший список избирателей по Запрудью, из 60 избирателей ухитрился сделать три алфавита; 2) в других списках по деревням подобные же небрежности; следовательно, население не подготовлено даже к тому, чтоб составить списки; 3) за каждую фамилию при переписке платят по 4 копейки (! это неслыханная цена); кто же получал деньги за нас, точнее за Мариетту, которую г-н Красавцев просил взять на себя составление? Не удивлюсь, если взял он сам.

Продовольственная управа¹⁰⁹ назначает цену на пуд новой ржи 3 рубля 80 коп., причем налагает на «усадьбы»; а крестьяне уже спекулируют: спешат, запасаясь разрешением продовольственной управы, раскупить хлеб в Загранье по этой цене, не стесняясь говорить (например, Иван Иванович из Андрейцева, брат нашей Прасковьи¹¹⁰), что покупают в запас, а не по нужде. Вероятно, будут и случаи перепродажи, чтоб нажить со своих. Нечестность и развращенность народа сказывается и в этом.

В избирательный комитет по указанию волостного комитета, т. е., вероятно, того же г-на Красавцева, избраны Иван Терентьев, Федор Павлов и Мариетта. Первые два — мужики-кулаки, собственники, приобретатели — чтоб им не попасть в гласные волостного земства, где людям момента нужны противоположного характера типы; а Мариетта — чтоб сказать, что к общему делу были привлечены и «помещики», ведь Мариетта для нынешних хозяев абсолютно безвредна.

12 августа. Газеты за 8, 9 и 10. Немцы полезли на Ригу. Пока еще ничего решительного¹¹¹. Если будет то же, что в Галиции, то, может быть, будет способствовать дальнейшему протрезвлению; если же сумеют и смогут отразить — то, может быть, это будет способствовать укреплению какой-нибудь власти. Советы рабочих депутатов что-то опять начинают шебаршить; впрочем, для падения их авторитета полезен инцидент с членами румынского посольства: пьяный прапорщик, член исполнительного комитета совета рабочих депутатов, оскорбляет их действием¹¹². Характерно для русской революционной демократии. Московское совещание № 1 (малое, интеллигентское) заставляет думать, что Керенскому и К^о наговорят много хорошего на большом совещании № 2. Какие-то паровозные бригады заявили, что если к 20 августа не удовлетворят их требований, то они устроят забастовку и будут пропускать только военные и санитарные поезда. Вот от чего и от кого зависит бытие России; вот как идет в августе 1917 г. исцеление России.

14 августа. Газеты от 11 и 12; натиск на Ригу не развился еще пока в такую же катастрофу, как в Галиции. Что будет далее? В остальных частях фронта положение приличное, так же как и в Румынии. Большевики пытаются сорвать московское совещание; приемы все те же — угроза забастовкой; Московская революционная дума и совет рабочих депутатов сидят между двух стульев, осуждают эту попытку большевиков и в то же время косятся на совещание, считая его контрреволюционным¹¹³. Малое Московское совещание уже изобразило собою loyal opposition¹¹⁴ справа — общего языка не слышно; его не найдут и на большом государственном совещании. На малом совещании очень характерно выступление И. А. Ильина¹¹⁵, который в речи, несомненно, очень блестящей, укорял в недостатке патриотизма и в контрреволюционных тенденциях Керенского и, особенно, Чернова. А давно ли, в начале марта 1917, на общем собрании всех преподавателей Университета тот же И. А. Ильин вотум о поддержке правительства и о войне до конца ставил в зависимость от того, вышибут ли «старшие преподаватели», т. е. профессора, из своей среды Статкевича, Веселовского¹¹⁶ и др. Украинцы срамятся и проваливаются везде на городских выборах; может быть, в конце концов провалится и пресловутая рада¹¹⁷.

Вчера я ничего не записал. Ездили кататься, смотреть будущую станцию Топорово¹¹⁸. У меня затеплилась радостная мысль о будущем благополучии — дождемся ли мы его? Езды всего 1¼ часа!! На возвратном пути видели в Почепе Мариетту в роли члена избирательной комиссии, проверяющую списки; вечером в Загранье было собрание для того, чтобы наметить кандидата в гласные от двух Заграний и Дунаевского хутора; наметили Мариетту, кото-

рая, кажется, очень довольна, но, конечно, в гласные не попадет, ибо из 12 намеченных кандидатов надо выбрать 6 или 8; бугры¹¹⁹ выберут без сомнения своих. Цена 3 р. 80 к. за помещицью рожь, оказалось, установлена единолично председателем продовольственного комитета и его секретарем — Щербовской учительницей; и это характерно для русской демократии! Списки по деревням Раменью, Андрейцеву, Завражью и Почепу, составленные крестьянином-милиционером¹²⁰, ниже всякой критики.

17 августа. Москва. Не записывал два дня. Первый день сборы, второй день дорога. Сегодня прибытие в Москву. Впечатление удручающее, как со стороны внешне режимной, так и со стороны моральной. В Музее развал, разруха и запустение: барышни ленятся, служители-товарищи — источник многих затруднений в будущем. Придется решать ряд вопросов, чтобы как-нибудь вести дальше библиотеку. Настроение в городе скверное. Разочарование, невольное поправение: ужасы впереди и вокруг; видимое безнадежное разочарование совещанием; оно простирается и на Керенского; им, видимо, очень недовольны, так как это только яркий и темпераментный партийный деятель, но не государственный человек — на беспитчие соловей. Ответ на Московское совещание — два прорыва, у Черновиц и в Румынии, и угроза железнодорожной забастовкой. Святая Русь не меняется. В Москве по-прежнему царство товарищей, так же как и на железнодорожных станциях. Состояние — безразличия, грусти и апатии.

20 августа. Московская суета не позволяет записывать каждый день: придется подводить итоги впечатлений по мере возможности. Пользуюсь для этого поездкой в Пестово¹²¹ в ожидании, пока оседлая жизнь в своей квартире создаст нормальные условия. Известия с фронта не так плохи, как можно было бы ожидать 2—3 дня назад. Но никакая опасность и никакой ужас в будущем не устранимы и не устранимы, пока 15 миллионов мобилизованных, но деморализованных дикарей продолжают существовать в качестве русской армии. Сильный сдвиг в общественном мнении сравнительно с маем. Я, конечно, имею в виду те круги, с которыми мне приходится общаться. Это сдвиг вправо; приближается признание внутреннего краха русской революции. В мае многие, сомневавшиеся в революционных способностях русского народа, еще все же надеялись и, во всяком случае, молчали; теперь слышатся открытые и громкие голоса, доказывающие полную несостоятельность так называемой «революционной демократии». А эта последняя продолжает делать глупости: к числу их отношу протест против смертной казни в Петроградском совете рабочих депутатов, заведомо бумажный. Впрочем, в дальнейшей потере авторитета разных советов можно видеть только благо. Впервые можно наметить и голоса контрреволюционные, по крайней мере по отношению к присяжной «революционной демократии». Они, по-видимому, будут группироваться около армии¹²².

Положение Керенского и К° безвыходное: они не могут не усилить боеспособности армии, т. к. дальнейшие победы немцев могут привести даже к монархической реставрации; но боеспособная армия с авторитетным командным составом — есть сама по себе опасность для всяких временных правительств и учредительных собраний.

В Румянцевском Музее — разруха и развал: это микрокосм в макрокосме России. Леня обуяла всех, начиная с моих непосредственных помощников¹²³. Канцелярия и смотрительская часть хуже, чем когда-либо. Предстоит трудная и неблагодарная работа по поднятию трудоспособности. Удастся ли что-нибудь сделать?

В «Русском Слове»¹²⁴ появилась жирным шрифтом частная корреспонденция о «прорыве» под Ригой и переправе немцев через Двину. Завтра, вероятно, узнаем официально. Удивляться нечему. Умирающий организм перестает себя обслуживать. Несмотря на привычку, все-таки приступ апатии и грусти.

21 [августа]. Пестово. Новые известия будут только завтра; томление и гнет; вспоминаю разговор с Пичетой¹²⁵ в Москве: он говорил, что латыши потому радикально переменили свое настроение, что русские опустошили их страну хуже, чем германцы; из страха перед русским варварством они стали германофилами; значит, бросаются в пасть тигра, чтоб избавиться от когтей медведя. Все это — увы! — очень похоже на правду. Перечитывал «Les dimanches d'un bourgeois de Paris»¹²⁶ Мопассана, нашел место, хорошо подходящее к современной России: «Vous avez une montre, n'est ce pas? En bien, cassez un ressort et allez la porter à ce citoyen Cornut, en le priant de la raccommoder. Il vous répondra, en jurant, qu'il n'est pas horloger. Mais, si quelque chose se trouve détraqué dans cette machine infiniment compliquée qui s'appelle la France, il se croit le plus capable des hommes pour la réparer séance tenante. Et quarante mille braillards de son espèce en pensent autant et le proclament sanas cesse»¹²⁷. Чем дальше, тем меньше ум мыслит выход из теперешнего положения.

22 [августа]. Все подтвердилось о Риге¹²⁸. Дальнейший шаг по пути к гибели, ибо на то,

чтоб опомнились, рассчитывать нельзя. В Москве с внешней стороны обычное равнодушие. Чувствуется, что маразм овладевает понемногу не одним мною. Вечером — известие об аресте Михаила Александровича¹²⁹ — Керенский и К° поражают реакцию справа. Наступает крах не революции, а всего народа. Русские оказались несостоятельны перед всем миром. Сейчас Россия — это корабль, который еще держится на воде, но уже потерял способность управления.

23 [августа]. Все развивается по программе. Если немцы и не дойдут до Петрограда, то паника и разговоры об эвакуации идут своим чередом. Как приедет Нинка? Пожалуй, попадет в волну беженцев¹³⁰. Сегодня разговор с дядей Эдуардом; потом с Егоровым, Савиным¹³¹ и Любавским. Все те же мысли и мнения. Крах и гибель! На кладбище внес постоянный взнос за содержание могил.

24 [августа]. Все утро лезла дрянь, как давно не лезла. Мы, т. е. цивилизованные люди, считавшие себя русскими — маленькая группа людей, потерянных в мире. Отечество от нас отошло, за нами не стоит никто; «народ» нас сметает, ни одно другое общество нас в свою среду не примет. В течение всего дня я слышал только речи, схожие с моими мыслями, смешанные с безумной и беспредельной тревогой. В Музее уговаривал швейцаров так расположить их службу, чтоб можно было открыть читальный зал до 8 часов. С трудом удалось достигнуть компромиссного соглашения с этими нахальными тунеядцами. Жду Нинку, чтоб не разлучаться в это ужасное время.

25 [августа]. Известия в том же духе. В Петрограде — паника — этот бич наших дней — la grande peur¹³². Характерно известие о том, что многие рабочие просят расчета — это показывает трусость товарищей-большевиков. Сегодня опять говорил со многими — и опять везде то же чувство недовольства Керенским и К° и чувство совершившейся гибели России. Долгая борьба между царизмом и революцией за обладание Россией заканчивается на наших глазах разрушением и гибелью цели и объекта борьбы. Русские головотяпы продолжают искать на себе блох, в то время как немцы закидывают им петлю на шею. Жалкая дрянь! Настроение такое, что никого видеть не хочется.

26 [августа]. Целый день думаю, как едут Нинка с Володей. Боюсь всяких неприятных сюрпризов в Бологом¹³³. Настроение без перемен. В Музее сегодня со многими говорил о невозможном положении библиотечной работы: те, с кем я говорил, охотно соглашались. Был у меня в Музее С. С. Подолинский¹³⁴ по поводу передачи в Музей бумаг его деда. До 27 марта он был Лифляндским вице-губернатором; он говорил, что, по его мнению, участь Риги уже давно была предreshена; я его спрашивал, каково его мнение об убийстве Столыпина, его родственника, которого он и сейчас поклонник — можно ли думать, что его убили из дворца, а не террористы. Он ответил, что и он думает то же, т. е. что убийство было замыслено людьми дворца.

27 [августа]. Все воскресенье — отлучка по случаю приезда Нинки; сидели целый день в Мертвом переулке¹³⁵, и я старался не говорить о всем, что мутило. Нинка приехала в прямом Кашинском вагоне¹³⁶ третьего класса — самое умное и удачное, что она могла сделать; вследствие ее усталости, да и моей также, легли в 9½ часов.

28 [августа]. Утром, собираясь в Пестово, прочел расклеенное от городского головы объявление о требовании Корниловым смещения Керенского¹³⁷. Перевертывается еще одна страница русской революции. Вечер в Пестове, куда слухи не достигают.

29 августа. С утра по телефону говорил Шамби и даже Гартунг¹³⁸ — это последнее показывает, насколько велико возбуждение и слухи в Москве. Пока разобраться трудно, но видно, что дело не ограничится пустяками. Завязывается большая борьба. Как ей воспользуются немцы? Приехал Шамби, но ничего нового не привез. Вечер провели спокойно, без новых известий или слухов.

30 августа. В успех Корниловского движения не верится. Одуревшая, озверевшая бывшая Россия, конечно, и теперь не найдет в себе здравого смысла, и все пойдет так, чтоб было как можно хуже, а для Германии полезнее. Очень характерно помещенное вчера в газете воззвание Южина и Собинова — «комиссаров» государственных театров в Москве¹³⁹, чтоб граждане не курили в зрительных залах, фойе и других непоказанных местах, т. к. от этого может возникнуть пожар. Это символизирует культурный уровень русской революции. В русской истории боролись два мирозозерцания: мессианизм (Третий Рим, Славянофильство, гром победы раздавайся¹⁴⁰ и... желание чему-то научить демократии Запада) и обличающие (Котошихин, Хворостинин, увлечение французским и католицизмом, Чаадаев, И. С. Тургенев устами Потугина¹⁴¹) — уввы, теперь ясно, что второе имеет все преимущества над первым!

30 [августа] [так в подлиннике; видимо, — 31]. Корниловская попытка, несомненно, и безвозвратно рухнула. Вместо того чтобы ждать, пока Керенский и К° со всеми аггелами

падут, как зрелый плод, неумные, но решительные генералы, младеически неопытные в политике и ранее всегда (далее зачеркнуто: отрицательно) пренебрежительно относившиеся к политике, выступили вождями предприятия, не имевшего под собой почвы. В результате Керенский укрепитя и произойдет сдвиг влево, а может быть, начнется и террор слева. Я это пишу без достаточного знания фактов, а только по своим домыслам; может быть, что все объяснится и иначе. Говорят за верное, что Керенский развелся и [далее зачеркнуто: вчера] на днях женился на какой-то артистке; идущие далее утверждают, что венчание было в Зимнем дворце — *Se non é vero...*¹⁴². Как все это печально и грустно — по-русски! Днем разговор с Георгиевским¹⁴³, вернувшимся из Петербурга: солдаты грызут семечки, обыватель в панике перед немцами, в государственных учреждениях прежние чиновники пишут по-прежнему бумажки, но поражены тем же маразмом, как и везде, как и в нашем Музее; разговор с историками — Яковлевым, Бахрушиным, Богословским¹⁴⁴; мнения вполне схожи: крах народа, возможность выйти из положения только стихийным путем, сплошное разорение русского сельского хозяйства, неумение и нелепость теперешних деятелей — словом, безысходная гибель; мнения об авантюре Корнилова — также схожи с моим.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Готье переводит на латинский язык выражение, которое по-русски звучит нецензурно. Судя по постановке ударений, он хотел придать этой фразе стихотворный размер. Написана она не вместе с другими эпиграфами, а вертикально на правом поле первой страницы рукописи.
2. Слова из Библии. Книга пророка Иереми, 20,8.
3. Князь Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737) якобы произнес эти слова в 1730 г. после неудачной попытки заменить самодержавие ограниченной монархией.
4. «Слово о гибели русской земли» — заголовок сочинения неизвестного автора (вероятно, XIII в.).
5. Конец России (лат.).
6. Контрнаступление германских и австро-венгерских войск 6—15 июля не только ликвидировало успехи июньского наступления российских войск на Юго-Западном фронте, но и отодвинуло линию фронта на восток.
7. Поражение объяснялось, главным образом, нежеланием солдат воевать и массовым дезертирством под влиянием антивоенной и пораженческой пропаганды, а также слухов о предстоящем (или уже начавшемся) переделе земли. При беспорядочном бегстве солдат с фронта в течение второй недели июля было немало случаев мародерства, чем, в значительной степени, было вызвано восстановление смертной казни.
8. Смертная казнь, отмененная императрицей Елизаветой Петровной и введенная позднее для виновных в некоторых государственных и воинских преступлениях, была отменена Временным правительством 12 марта, но восстановлена 12 июля в Действующей армии; фактически почти не применялась.
9. Мясоедов Сергей Николаевич (1865/1915) — полковник отдельного корпуса жандармов, офицер контрразведки; был обвинен в шпионаже, признан виновным и повешен. Вскоре стали высказываться сомнения в его виновности, впоследствии поддержанные рядом историков (см., напр., Олденбург С. С. Царствование императора Николая II. Тт. 1, 2. Белград. 1939; Мюнхен. 1949; Katkov G. Russia 1917: The February Revolution. Lnd. — N. Y. 1967; Катков Г. М. Февральская революция. Париж. 1984; Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd. 1917. Seattle. 1981). В либеральных кругах виновность Мясоедова не подвергалась сомнению и воспринималась как свидетельство гнилости режима. Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — бывший военный министр, в описываемое время находился под арестом по обвинению в злоупотреблениях и измене; на суде в августе — сентябре 1917 г. обвинение не подтвердилось.
10. Охранка — охранные отделения (органы политического сыска в крупных городах Российской империи) и ведавший ими отдел Департамента полиции. Охранные отделения были ликвидированы в первые дни Февральской революции (официально — 4 марта.).
11. Священного союза (фр.)
12. Загрудье, Почен — села в Весьегонском уезде Тверской губ., неподалеку от принадлежавшего Готье небольшого имения Новое Загранье, где он с семьей находился в описываемое время.
13. Хворостинин Иван Андреевич — князь (ум. в 1625 г.), «отдаленный духовный предок Чаадаева», по

- выражению В. О. Ключевского. *Печерин Владимир Сергеевич* (1807—1885) — общественный деятель, философ, поэт, утопический социалист. Настроениям Готье созвучны мысли Чаадаева о неразвитости в русском народе представлений о долге, справедливости, праве, порядке.
14. Галицией после первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) называлась административно-территориальная единица в составе Австрийской империи (позднее — австрийской части Австро-Венгрии), в которую, наряду с другими территориями, входили земли, населенные преимущественно украинцами. В начале первой мировой войны российские войска заняли почти всю Галицию, но к лету 1917 г. в их руках оставалась только часть ее восточных земель.
 15. Кроме Восточной Галиции, Северная Буковина и Угорская Русь. Буковина с 1774 г. принадлежала Австрии (с 1849 г. как отдельная административная единица); Угорская Русь с XI в. входила в состав Венгрии. Российские войска занимали короткое время в 1915 г. часть Угорской Руси, а Буковину — дважды в течение войны, к лету 1917 г. она оставалась в их руках.
 16. *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) возглавил правительство 7 июля после ухода из него кадетов и первого главы Временного правительства — князя Г. Е. Львова. 13 июля оставшиеся министры уполномочили Керенского реорганизовать правительство на основе паритета между членами социалистических партий, представленных в Советах, и несоциалистами.
 17. *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — профессиональный революционер; в описываемое время — министр земледелия Временного правительства. Считая, что земельный вопрос должен быть разрешен Учредительным собранием, проводил политику поощрения радикальных действий волостных земельных комитетов, отмены (законом от 29 июня) столыпинского законодательства о землеустройстве, запрещения сделок на землю. Политика эта в либеральных кругах воспринималась как пагубная (см.: Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин. 1922; его же. Перед бурей. Нью-Йорк. 1953).
 18. Мысль о преобразовании государственного устройства России на федеративных началах была впервые сформулирована в «Конституции» декабриста Н. М. Муравьева.
 19. *Церетели Ираклий Георгиевич* (1881—1959) — летом и осенью 1917 г. наиболее влиятельный руководитель меньшевистского крыла революционной демократии; был политическим лидером министров-социалистов, делегированных в правительство Советами (см. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Тт. 1, 2. Париж. 1973).
 20. Против оставления Чернова в правительстве решительно возражали кадеты и представители торгово-промышленных кругов, не только недовольные его земельной политикой (в проведении которой он, по их мнению, превышал свои полномочия), но и считавшие его как участника Циммервальдской конференции и автора статей, распространявшихся германскими властями среди русских военнопленных в Германии, пораженцем, а следовательно, лицом, не заслуживающим доверия (кроме того, ходили слухи, что в 1905 г. он был причастен к экспроприациям). Партия социалистов-революционеров (ПСР), наоборот, оставление его в должности ставила условием своего участия в правительстве.
 21. Государственное (часто его называют Московским) совещание (12—15 августа 1917 г.) было созвано Временным правительством для ознакомления общественности с его взглядами и намерениями (главным образом по военным и экономическим вопросам), выявления общественного мнения и демонстрации общественной поддержки правительства. Состояло из депутатов всех четырех Государственных дум и представителей различных общественно-политических организаций (кооперативов, городских дум и земских собраний, Советов, профсоюзов, торгово-промышленных кругов, армии и флота, национальных группировок, академических учреждений, духовенства и т. д.); всего в совещании участвовало около 2500 человек.
 22. Интересно, что Готье сразу обратил внимание на этот лозунг, выдвигавшийся тогда только большевиками.
 23. *Чхеидзе Николай Семенович* (1864—1926) как председатель Петроградского Совета, а с июня и ВЦИК, формально как бы возглавлял революционную демократию. *Скобелев Матвей Иванович* (1885—1938/39) — один из главных организаторов и товарищ председателя Петроградского Совета, в описываемое время также заместитель председателя ВЦИК. Погиб в заключении.
 24. Во Временное правительство первого состава (2 марта — 5 мая) входили, главным образом, члены различных партий, но оно не называлось коалиционным. «Коалиционным» летом 1917 г. обычно именовалось правительство, составленное из делегированных в него представителей как несоциалистических, так и социалистических партий. Керенский не был формально уполномочен войти в правительство ни Трудовой фракцией Государственной думы, ни ПСР.
 25. *Демократия*, или революционная демократия — в 1917 г. самоназвание общественно-политических элементов, составлявших и поддерживавших социалистические партии и группировки (включая большевиков и анархистов) и руководимые ими организации (Советы, профсоюзы, фабзавкомы, армейские, земельные, и продовольственные комитеты, Красную гвардию и т. п.).

26. Идейным обоснованием пораженчества был выдвинутый Лениным во время мировой войны тезис, что задача революционных социалистов обеих воюющих сторон — добиваться поражения своих правительств (и превращения войны в «мировую гражданскую»). С точки зрения Ленина, свержение монархии не меняло положения, так как власть оказалась в руках «буржуазного» правительства. До Февральской революции пораженцами были только часть большевиков и несколько других небольших групп левых социалистов (главным образом в Петрограде и на Балтийском флоте).
27. *«Германия превыше всего»* — слова из немецкой патриотической песни.
28. При прочих равных условиях (*лат.*).
29. 5 июля в печати появились сведения о получении большевиками денег от германского правительства, исходившие из официальных источников.
30. *Грушевский Михаил Сергеевич* (1866—1934) — украинский историк и политический деятель. За австро-германскую ориентацию в 1914 г. сослан в Симбирск. После Февральской революции сторонник автономной Украины в составе Российской федерации; глава Центральной рады и Украинской народной республики. В 1930 г. в разгар репрессий против украинской интеллигенции, обвинявшейся в буржуазном национализме, переселен в Москву, что для него было формой ссылки.
31. Злые духи (*церк.*).
32. *Конституционно-демократическая партия (кадеты)* — главная партия интеллигенции, в основном леволиберального направления; пользовалась поддержкой среди левых кругов дворянства и буржуазии, а также части состоятельных крестьян и квалифицированных рабочих. К середине 1917 г., после распада более правых партий, оказалась единственной крупной несоциалистической партией.
33. *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943) — крупный историк и видный политический деятель; сторонник конституционной монархии английского образца, с середины 1917 г. — парламентской республики. В кадетской партии возглавлял центр и левое крыло. В его «Истории второй русской революции» (Вып. 1—3. София. 1921—1923; основной текст написан в ноябре 1917 — августе 1918 г.) развиваются мысли, во многом сходные с мнением Готье. В 1893—1894 гг. Готье учился у Милюкова в Московском университете (см. воспоминания Готье «Университет (Из записок академика Ю. В. Готье)». — Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982, № 4; перепечатаны в кн.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М. 1989).
34. К началу русско-японской войны Готье было 30 лет, но в свое время по окончании университета он поступил в армию вольноопределяющимся, учился в военном училище и, вероятно, был произведен в прапорщики запаса.
35. *Кизеветтер Александр Александрович* (1866—1933) — видный историк, ученик В. О. Ключевского. В 1911 г. ушел из Московского университета, преподавал на Московских высших женских курсах и в Народном университете Шанявского; после Февральской революции вернулся в университет. С декабря 1917 г. — член-корреспондент Академии наук, в 1922 г. был выслан из страны и, вероятно, исключен из Академии в 1928 г. вместе с другими эмигрантами (см. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881—1914 гг. Прага. 1929).
36. «Выборгское воззвание» было революционным шагом, так как роспуск Государственной думы, согласно Основным законам 1906 г., был конституционной прерогативой монарха. Многие члены кадетской партии были недовольны радикальным тоном и содержанием воззвания и вскоре вышли из нее.
37. *Иловыйский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — историк и публицист. В 1897—1913 гг. был издателем и редактором консервативно-монархической газеты «Кремль» в Москве.
38. Автор берет слово «лозунги» в кавычки, вероятно, потому, что в описываемое время оно стало широко употребляться в пропаганде и агитации леворадикальных партий.
39. *Готье* (урожд. Дольник) *Нина Николаевна* (ум. в 1919 г.) — первая жена Ю. В. Готье. «Л. Ег.», несколько раз упоминаемая в дневнике, по-видимому, жила вместе с семьей Готье (может быть, только в Загране), но не была ее членом.
40. Идея земледельческих колоний интеллигенции имела распространение в народнических кругах в 70—80-х годах XIX века.
41. Временное правительство первого состава пыталось отчасти опереться на земских деятелей: 5 марта все губернаторы и исправники были заменены председателями губернских и уездных земских управ (по совместительству) в качестве комиссаров Временного правительства.
42. Кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума (*лат.*).
43. *Трубецкой Сергей Николаевич*, князь (1862—1905) — в 1905 г. первый выборный ректор Московского университета. В сентябре, когда, пользуясь автономией университета, революционные агитаторы превратили аудитории в арену митингов, Трубецкой, чтобы получить возможность возобновить занятия, пытался убедить правительство ввести свободу слова.
44. Готье, вероятно, имеет в виду азербайджанцев, которых было принято называть закавказскими татарами.

45. Притягиваемы за волосы (*фр.*).
46. 1 октября 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав. В некоторых националистических кругах союз с Турцией против Сербии и России идейно подкреплялся упором на тюркский, а не на славянский элемент в этногенезе болгар.
47. 18 июля в газете «Русские ведомости» была опубликована телеграмма Совета Московского университета Керенскому, в котором со ссылками на исторический опыт выражалась «уверенность, что спасение страны... возможно лишь при образовании единой твердой власти, преследующей общенациональные цели». Телеграмма заканчивалась словами: «Россия гибнет. Памятуя, что всякое промедление приближает нас к крушению свободы, не дайте истории сказать, что Россию погубила революция».
48. 15—19 июля в газетах появились заявления Петроградского, Московского и Всероссийского торгово-промышленных союзов по вопросу о реорганизации Временного правительства, в которых высказывались мнения о политическом положении в стране, сходные с мнением Готье.
49. Последняя сессия IV Государственной думы была официально прервана 27 февраля, но депутаты продолжали собираться на частные совещания. На первом совещании, 27 февраля, был образован Временный комитет Государственной думы, который, по соглашению с Петроградским Советом рабочих депутатов, создал Временное правительство. Временный комитет тоже продолжал иногда собираться. Формально IV Государственная дума была распущена Временным правительством 6 октября, перед открытием Совета республики.
50. *Готье Эдуард Владимирович* (ум. в 1921 г.) — дядя Ю. В. Готье, врач-терапевт, профессор.
51. Готье, вероятно, имеет в виду либо что Дума подчинилась указу о перерыве ее сессии, либо что Временный комитет Думы признал полноту власти за Временным правительством, а не сделал его ответственным перед собой. На втором решении, наряду с Керенским, действительно особенно настаивал Милюков, главным образом чтобы облегчить отношения с Советом рабочих депутатов.
52. Перефразировка латинского изречения: «Fiat justitia, pereat mundus» («да свершится правосудие, пусть гибнет мир») — то есть, хотя бы ценой гибели мира.
53. *Бонар Лоу А.* (1858—1923) — британский политический деятель, лидер Консервативной партии. В 1916—1918 гг. — канцлер казначейства (министр финансов) в коалиционном правительстве Д. Ллойд Джорджа.
54. *Любавский Матвей Кузьмич* (1860—1936) — историк, преемник Ключевского (1901 г.) на кафедре русской истории Московского университета; преподавал также на Московских высших женских курсах. После ухода с поста ректора университета А. А. Мануйлова (1911 г.) на его место был избран Любавский, придерживавшийся умеренно-консервативных (правооктябристских) взглядов; в апреле 1917 г., после возвращения в университет либеральных профессоров, его сменил М. А. Мэнзбир. С 1917 г. — член-корреспондент Академии наук, с 1929 г. — действительный ее член. В июле (или августе) 1930 г. арестован по «делу Платонова», 2 февраля 1931 г. исключен из Академии, в августе приговорен к ссылке на три года; ссылку отбывал в Уфе, где и умер.
55. То есть не только надельными общинными, но и приобретенными в частную собственность, скорее всего (хотя тверское земство выдавало суды крестьянам на покупку земли еще в 1870-е годы) при содействии Крестьянского поземельного банка, учрежденного в 1882 году.
56. *Мокей-Гора*, или просто Гора — село по соседству с Заграньем.
57. Обе партии в описываемое время распались на несколько течений, различавшихся, главным образом, отношением: 1) к войне (оборонцы, «революционные оборонцы», интернационалисты, пораженцы), 2) к Временному правительству (входившие в него; поддерживавшие его; считавшие, что его нужно не поддерживать, а оказывать на него «революционное давление»; утверждавшие, что его нужно свергнуть). Среди эсеров, кроме того, различались: а) сторонники разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, б) формально придерживавшиеся того же мнения, но поощрявшие радикальные действия земельных комитетов, в) агитировавшие за немедленный захват крестьянами помещичьих, государственных и других не принадлежавших им земель. Большевики летом 1917 г. действовали, по большей части, как самостоятельная партия, но во многих местах (даже в Москве) существовали объединенные организации РСДРП.
58. Помещики, имение которых находилось по соседству с Заграньем.
59. Вероятно, речь идет о Второй сельскохозяйственной переписи, которая проводилась летом и осенью 1917 года.
60. Волостные комитеты были учреждены циркуляром Земского отдела Министерства внутренних дел губернским комиссарам Временного правительства от 20 марта в качестве временных органов местного самоуправления впредь до создания волостного земства. Циркуляр предписывал привлекать к участию в них местных землевладельцев и интеллигенцию. Большинство в этих комитетах обычно состояло из крестьян, их состав часто менялся в сторону все большей радикализации, и к описываемому времени они мало отличались в этом отношении от волостных земельных комитетов.

61. *Куторга Мариетта* — родственница Готье, постоянно жившая в Загране.
62. *Сушигорцы* — волостной центр, большое торговое село с земской больницей.
63. Продовольственные комитеты (общегосударственный, губернские, городские, уездные и волостные) были созданы Временным правительством (в связи с введением 25 марта государственной хлебной монополии) «для заведования продовольственным делом». По составу и образу действий были сходны с земельными комитетами.
64. Чернов подал в отставку 20 июля, мотивируя ее необходимостью иметь свободу действий для защиты себя от клеветы. Керенский 21 июля заявил об уходе со всех постов, ссылаясь на свою неспособность создать правительство с достаточно широкой политической базой. Говорили об отставке и некоторые другие министры. Но едва ли можно сказать, что 22 июля Временного правительства не было. Оставались на посту товарищ председателя Совета министров Н. В. Некрасов и большинство других министров и товарищей министров.
65. *Скворцов-Степанов* — Скворцов Иван Иванович (1870—1928), в описываемое время — председатель большевистской фракции Московской городской думы, которая отказалась войти в городскую управу и старалась дезорганизовать работу Думы. В речи на похоронах Скворцова-Степанова Бухарин с восхищением вспоминал о его выступлении, упомянутом в дневнике. Национальный конвент — революционный орган власти во Франции в 1792—1795 годах. В 1792—1793 гг., когда преобладающее влияние в Конвенте принадлежало жирондистам, их радикальные противники — якобинцы нередко использовали возбужденные ими уличные толпы для давления на Конвент и таким образом добились изгнания из него жирондистов и законодательного оформления якобинского террора 1793 года. Ленин положительно оценивал эти действия якобинцев, и большевики прибегли к тому же методу, пытаясь устроить Учредительное собрание.
66. Готье, вероятно, имеет в виду большое число генералов, уволенных Временным правительством. При военном министре А. И. Гучкове было уволено более 100 генералов.
67. *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант (почетное звание лиц, приближенных к императору). 22 мая — 19 июля 1917 г. — Верховный главнокомандующий; предпринятое им по настоянию Временного правительства июньское наступление успеха не имело, так как армия была уже в значительной степени развалена. После Октябрьской революции с мая 1920 г. — председатель Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Республики, затем инспектор кавалерии и инспектор для особо важных поручений при Реввоенсовете Республики. «*Утро России*» — ежедневная газета, выходившая в Москве в 1907—1918 годах. С 1912 г. — орган Прогрессивной партии. Издавалась П. П. Рябушинским.
68. *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870—1918) — генерал от инфантерии. В момент Февральской революции по инициативе Временного комитета Государственной думы назначен командующим войсками Петроградского военного округа и в этом качестве лично арестовал царскую семью (мнение, что он был «ярый монархист», ошибочно). В описываемое время — главнокомандующий Юго-Западного фронта; 19 июля назначен Верховным главнокомандующим.
69. Из поэмы «Последнее новоселье» (1841 г.); у Лермонтова речь идет о французях.
70. Называя царствовавшую в России династию Романовых Голштинской, Готье подчеркивает, с уничтожительным оттенком, ее немецкое происхождение. Петр III, по матери — внук Петра I, по отцу принадлежал к северо-германской династии герцогов Голштинских немецко-скандинавского происхождения. У всех последующих российских императоров матери были немецкими принцессами, за исключением Николая II, мать которого была датской принцессой, но того же Голштинского дома.
71. Права крестьян после реформы 1860-х годов были ограничены, главным образом: 1) в отношении подсудности, 2) в волостном и земском самоуправлении (до апреля — мая 1917 г.), 3) круговой поручкой сельских обществ за несение денежных и других повинностей (до 1904 г.), 4) общинной собственностью на землю (у большинства) и невозможностью (до столыпинской реформы 1906 г.) выхода из общины.
72. Неясно, что автор имеет в виду. Казнокрадство едва ли серьезно повлияло на обороноспособность страны.
73. Измена в юридическом смысле, как будто, не была в России особенно распространенной. Пораженчество, дезертирство, отказ от повиновения офицерам приняли массовый характер только после Февральской революции, а сепаратизм в окраинных частях империи (кроме Польши и Финляндии) — после прихода к власти большевиков. Возможно, тут Готье, во-первых, обобщает свое впечатление от дел Мясоедова и Сухомлинова, а во-вторых, воспринимает как измену интернационализм циммервальдского толка.
74. *Александра Павловна* — соседка Готье в Весьегонском уезде. *Николай Павлович* — ее сын. Высшее начальное училище — начальная школа повышенного типа (1912—1918 гг.) для детей 10—13 лет, примерно соответствовавшая неполной средней. *Завод Гартмана* — паровозостроительный завод в Луганске.

75. В результате сложных маневров, направлявшихся (по крайней мере, публично) Некрасовым, 22 июля Керенскому было предложено составить новое правительство по своему усмотрению.
76. Речь идет о совместном заседании в ночь с 21 на 22 июля Временного правительства с представителями ЦК входивших в него партий (кадетской, Российской радикально-демократической, Трудовой народно-социалистической, ПСР, РСДРП) и председателями Временного комитета Государственной думы, ВЦИК и исполкомов Советов крестьянских депутатов. На этом заседании было принято решение, упомянутое в прим. 75.
77. Schweine[s]chlacht (убой свиней. — нем.). Возможно, Готье имеет в виду здесь, как и в других местах дневника, выражение «русские свиньи», употребительное среди антирусски настроенных немцев.
78. Кроме партий и руководимых ими революционных и общественных организаций продолжали, в основном, функционировать аппараты министерств и ведомств, земских и городских учреждений.
79. *Лянунов Прокопий Петрович* — деятель Смутного времени, не раз менявший ориентацию. Весной и летом 1611 г., пытаясь вывести страну из кризиса, возглавил Первое земское ополчение и временное земское правительство; возбудил недовольство казаков, бывших до этого его союзниками, и был ими убит.
80. Готье как бы переворачивает здесь латинскую поговорку: «Qualis rex, talis grex» («каков царь, такова и толпа»).
81. Новое правительство, образованное 24 июля, состояло из членов пяти партий: кадетов, Радикально-демократической, Трудовой народно-социалистической, РСДРП и ПСР. Чернов вернулся на свой пост. Кадетская партия «разрешила» своим членам войти в правительство, не делегируя их; в числе вошедших были неприменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург и акад. В. И. Вернадский в качестве министра просвещения и товарища министра (по делам высшей школы и организации научных исследований). Другие партии заняли сходные позиции. В ходе переговоров Керенский старался по возможности расширить состав правительства, пытаясь, в частности, привлечь Г. В. Плеханова и П. А. Кропоткина (упустив из виду, по его словам, что Кропоткин анархист).
82. Генералом Корниловым. Эта запись Готье представляет интерес в связи с событиями, разыгравшимися месяц спустя.
83. Первый муж М. А. Куторги — артиллерийский офицер.
84. *Броды* — город в Восточной Галиции, к северо-востоку от Львова, у тогдашней российской границы.
85. Предметный урок (фр.).
86. То есть России; аллегория взята из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.
87. *Антипов Николай* — крестьянин из Мокей-Горы, знакомый Готье (писал свою фамилию «Антипов»).
88. *Щербово* — волостное село в Весьегонском уезде. Сандово — торговое село в Щербовской волости.
89. 28 июля Временное правительство приняло закон, дававший на время войны министрам внутренних дел и военному право запрещать и закрывать собрания и съезды, могущие представлять угрозу для успешного ведения войны или для безопасности государства.
90. «*Русские ведомости*» — ежедневная газета либерально-демократического направления «с народническим налетом» (по выражению Ленина), издавалась в Москве группой профессоров университета, пользовалась большим влиянием, особенно среди интеллигенции. *Б. Воронов* — Лебедев Борис Николаевич (1883—1919), экономист и публицист, до войны член ЦК ПСР; в описываемое время — член редакции правоэсеровской газеты «Воля народа». *Руднев Вадим Васильевич* (1879—1940) — правый с. р., с конца июня 1917 г. — московский городской голова.
91. *Андреев Леонид Николаевич* (1871—1919) — один из наиболее популярных русских писателей начала века; накануне и во время революции 1905 г. помогал большевикам. С начала первой мировой войны — сторонник войны до победного конца; в декабре 1916 — октябре 1917 г. — член редакции и активный публицист новой провоенной газеты «Русская воля». Революцию приветствовал, но скоро разочаровался во Временном правительстве; указывал на угрозу со стороны большевиков, которых характеризовал как «агентов Германии, провокаторов и честолюбивых безумцев, корыстно жаждущих власти» (см. Андреев Л. Перед задачами времени. Политические статьи 1917—1919 гг. Вenson Vt. 1985). *Брошюра «Гибель»* — очевидно, перепечатка одноименной статьи в «Русской воле» за 30 апреля 1917 года.
92. *Загранье* — вероятно, имеется в виду имение Старое Загранье близ усадьбы Готье, в котором жили его кузины М. А. Куторга и Е. Репман. *Шварц Григорий* — богатый помещик, бывший гвардейский офицер. Неясно: Юрьева, Капустина или Юрьево, Капустино.
93. «*Средняя*» («*Срединная*») *Европа*» (нем.) — политико-географическое понятие, которое в Германии некоторые близкие к промышленным и правительственным кругам публицисты использовали для пропаганды идеи экономического, политического и военного сplotчения средневропейских территорий (включая Австро-Венгрию, отчасти Балканы, Прибалтику, Польшу) под верховенством Германии.

94. Николай II и его семья были арестованы 8 марта и содержались под стражей в Александровском дворце в Царском Селе. 31 июля Романовы были отправлены в Тобольск.
95. *Котляревский Сергей Андреевич* (1873—1940/41 — умер в заключении) — историк и юрист, профессор государственного права Московского университета. Примыкал к правому крылу кадетов; во Временном правительстве ведал «иностранными исповеданиями». Инославные христианские исповедания (то есть все, кроме православного) и все нехристианские религии находились в ведении Департамента иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ходе реорганизации 25 июля — 5 августа 1917 г. он вошел в Министерство исповеданий, в которое в качестве Департамента православной церкви вошла и канцелярия Святейшего синода, ведавшая православной церковью. По-видимому, в дни реорганизации Котляревский числился товарищем обер-прокурора Святейшего синода. *Львов Георгий Евгеньевич*, князь (1861—1925) — до 7 июля, возглавляя Временное правительство, был также министром внутренних дел.
96. *Пасторат* — приходские церковнослужители (от лат. pastor — пастырь). Готье пользуется здесь термином, который обычно употребляется по отношению к протестантскому духовенству. *Терентьев Иван* — состоятельный крестьянин, житель села Мокей-Гора.
97. Крайности сходятся (*фр.*).
98. *Залужье* — волостное село в Весьегонском уезде. *Шура В.* — Веселаго Александр Михайлович, помещик, живший в Залужье.
99. До мая 1917 г. земские учреждения существовали только на губернском и уездном уровнях. Волостное самоуправление было чисто крестьянским; лица других сословий, проживавшие в сельской местности, в нем не участвовали и его власть на них не распространялась. В мае Временное правительство учредило бессословное волостное земство с широкими полномочиями. Выборы в волостные земские собрания проходили летом и осенью 1917 года.
100. Черного человека (*англ.*).
101. *Лялька* — Готье Владимир Владимирович, младший брат автора, юрист, товарищ прокурора Новгородского окружного суда.
102. Съезды деятелей важнейших отраслей промышленности, торговли, банков проводились с 1870-х годов. В мае 1917 г. в Москве был создан Всероссийский торгово-промышленный союз, о съезде которого идет речь.
103. *Лерик* — Веселаго Валерий (Валериан?).
104. Обращение «товарищи» было принято почти во всех социалистических группировках. Керенский этим обращением начал свое выступление 4 августа на заседании ВЦИК. Говорил он об угрозе контрреволюции и обещал не допустить ее. В тот же день на съезде губернских комиссаров Временного правительства Керенский сказал о необходимости твердой власти. Готье воспринимал эти две цели как противоположные.
105. *«Русский архив»* — ежемесячный исторический журнал, выходивший в Москве в 1863—1917 гг.; публиковал главным образом источники по истории России XVIII—XIX веков. *Лебедев Кастор Никифорович* (1812—1876) — юрист, служил в Министерстве юстиции, в Сенате, затем был сенатором; его записки печатались в «Русском архиве» в 1888—1911 годах. *Граббе Павел Христофорович* (1789—1875) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, наказной атаман Донского казачьего войска, член Государственного совета. «Записная книжка» Граббе печаталась в «Русском архиве» в 1888—1889 годах.
106. Готье имеет в виду «малое» Московское совещание (в отличие от «большого» — Государственного совещания) — неофициальное (подготовительное к «большому») совещание общественных деятелей 8—10 августа. Подавляющее большинство участников (более 300 представителей торгово-промышленных и землевладельческих кругов, интеллигенции и военных) было правее социалистов. Во многих выступлениях участников совещания и в его резолюции высказывались мысли о положении в стране, сходные с мнением Готье.
107. *Веселаго Юлия* — вероятно, жена А. М. Веселаго. *Шура* — А. М. Веселаго. *Колубакин М[ихаил?]* *Александрович* — помещик, живший в Залужской волости.
108. *Раменье, Крутецкое (?)* — села в Залужской волости. *Общество* — крестьянская поземельная община.
109. По-видимому, продовольственный комитет.
110. *Прасковья* — прислуга и кухарка в доме Готье.
111. Решающие бои в районе Риги начались 19 августа.
112. 6 августа два военных атташе при румынской миссии в Петрограде подверглись «оскорблению действием» и были задержаны «за то, что разговаривали по-французски в трамвае». Этот инцидент обычно считается показателем растущей враждебности к союзникам, которые, со своей стороны, разными способами выражали недовольство неспособностью России продолжать войну.
113. *«Революционная дума»* — 15 апреля Временное правительство установило новые правила выборов в городские думы, по которым избирательные округа были многомандатными, избиратели голосо-

вали не за отдельных кандидатов, а за списки, и мандаты распределялись пропорционально числу голосов, поданных за каждый список. На выборах в Московскую городскую думу 25 июня абсолютное большинство мест получила ПСР. В Москве, в отличие от Петрограда, Советы рабочих и солдатских депутатов существовали раздельно (слились после Октябрьской революции). В Совете рабочих депутатов в описываемое время преобладали меньшевики, эсеры и несколько мелких партий (главным образом, умеренно-социалистических); большевиков было там около 30%.

114. Лояльную оппозицию (*англ.*).
115. *Ильин Иван Александрович* (1882/83—1954) — философ, государствовед и публицист. Автор работ: «О монархии и республике» (Нью-Йорк. 1979) и «О сопротивлении злу силою» (Берлин. 1925; Изд. 2-е. Лондон (Канада). 1975).
116. *Статкевич Павел Григорьевич* — врач, профессор физиологии, один из руководителей Московского женского медицинского института П. Г. Статкевича и А. Б. Изачика, основанного в 1909 году. *Веселовский* — вероятно, Алексей Николаевич (1843—1918), историк литературы, профессор Московского университета и Лазаревского института восточных языков; в 1901—1906 гг. — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете; с 1906 г. — почетный академик.
117. Речь идет о выборах в городские думы в крупных городах Украины, где украинские партии и группировки (автономистские, федералистские и сепаратистские) нередко получали меньшинство голосов (например, в Киеве — 20%). Центральная рада была образована 4 марта 1917 г. в Киеве первоначально как координационный орган украинского национального движения с участием, главным образом, социалистических и леводемократических партий и течений; постепенно стала носителем украинской государственности. В июле Временное правительство утвердило созданный Радой исполнительный орган, Генеральный комисариат, в качестве временного высшего органа по делам местного управления для пяти губерний (Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и большая часть Черниговской), признав, таким образом, автономию Украины.
118. *Топорово* — станция на строившемся тогда участке Кабожа — Овнище частной Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги.
119. От bouge — пройдоха (*фр. разг.*).
120. В марте — апреле Временное правительство уничтожило полицию (включая Департамент полиции) и учредило милицию, официально подчиненную земским и городским управам. Однако в большинстве местностей милиция не была создана, а на остальных территориях обычно не выполняла полицейских функций из-за некомпетентности милиционеров.
121. *Пестово* — дачное место в Московском уезде к западу от железнодорожной станции Пушкино Ярославского направления.
122. Свидетельство Готье подтверждает широко распространенные в обществе ожидания скорого военного переворота. Мнение о вероятности контрреволюции отчасти объяснялось склонностью судить о событиях по аналогии с представлениями о ходе Французской революции конца XVIII века.
123. Готье как библиотекаря Румянцевского музея полагалось по штату три помощника; в описываемое время ими были, по-видимому, А. И. Яковлев, А. А. Борзов (зав. справочным бюро) и, возможно, Я. Г. Квасков, ведавший читальным залом. Кроме общего руководства библиотекой Готье ведал комплектованием ее фонда.
124. «*Русское слово*» — газета (1895—1917) демократического направления с огромным по тем временам тиражом (в 1916 г. — больше 700 тыс. экз.). Издавалась в Москве товариществом И. Д. Сытина, пользовалась популярностью среди левой интеллигенции. Закрыта Московским Советом 27 ноября 1917 года.
125. *Пичета Владимир Иванович* (1878—1947) — историк, ученик В. О. Ключевского и М. К. Любавского. В 1910—1911 гг. — приват-доцент Московского университета, в 1911—1917 гг. преподавал на Высших женских курсах, с 1918 г. — профессор Московского университета и «университетского отделения» Пречистенских рабочих курсов; в 1921—1930 гг. — профессор Белорусского университета, в 1921—1929 гг. — ректор; действительный член Института белорусской культуры (1922—1928 гг.) и Белорусской академии наук (1928—1930 гг.). В 1929 г. обвинен в национализме; в августе или сентябре 1930 г. арестован, 6 декабря постановлением СНК БССР вместе с рядом других белорусских ученых исключен из академии за «контрреволюционную деятельность»; его «дело» было присоединено к «делу Платонова», в августе 1931 г. приговорен к ссылке, которую отбывал в Вятке и (с 1934 г.) Воронеже.
126. Воскресные прогулки парижского буржуа (*фр.*).
127. «... У вас, вероятно, имеются часы? Да? Ну так сломайте пружину, отнесите часы к господину Корню и попросите починить. Он вам с бранью ответит, что он не часовщик. Между тем, когда что-нибудь испорчено в бесконечно более сложном механизме, именуемом «Франция», он считает, что он лучше, чем кто-либо другой, способен тут же, на месте, произвести починку. И сорок тысяч горлопанов

- того же сорта, что и он, думают то же самое и беспрестанно заявляют об этом» (Мопассан Ги де. Полн. собр. соч. Т. 1. М. 1958).
128. Рига была взята германскими войсками 21 августа.
 129. *Михаил Александрович* (1878—1918) — брат царя, великий князь. После отречения Николая II в его пользу отказался вступить на престол без решения Учредительного собрания и призвал население подчиниться Временному правительству. В описываемое время был подвергнут домашнему аресту в Гатчине. 2 августа Временное правительство приняло закон, дававший право военному министру и министру внутренних дел, по взаимному их соглашению, подвергать административному аресту или высылке за границу «лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завоеванной революцией свободе». Арест Михаила Александровича, а также аресты и высылка за границу ряда других лиц, в прошлом близких к царской семье или известных своими монархическими взглядами, были связаны со слухами о монархическом заговоре, хотя такового, по-видимому, не было.
 130. Автор имеет в виду волну беженцев, вызванную наступлением германских войск в районе Риги; были ли такая волна, сказать трудно.
 131. *Егоров Дмитрий Николаевич* (1878—1931) — историк-медиевист. Преподавал на Московских высших женских курсах, в Коммерческом институте и Университете Шанявского; в 1904—1911 гг. — приват-доцент, с 1917 (1918) г. — профессор Московского университета, с 1918 г. работал также на «университетском отделении» Пречистенских рабочих курсов; в 1919 г. — зав. отделом всеобщей истории в библиотеке Румянцевского музея. С 1928 г. — член-корр. Академии наук СССР. В августе (сентябре?) 1930 г. арестован по «делу Платонова» (по-видимому, выведен из Академии), сослан в Ташкент, где и умер. *Савин Александр Николаевич* (1873—1923) — однокурсник Готье, его сослуживец по Московскому университету. С 1921 (?) г. преподавал также в Институте красной профессуры (в связи с этим М. Н. Покровский позднее упомянул его в числе «близко к нам стоявших»).
 132. Великий страх (*фр.*).
 133. *Володя* — сын Готье (род. 14 августа 1911 г.). Очевидно, Готье думал, что его жена и сын поедут через Бологое, где им придется делать пересадку. В Бологом могли скопиться беженцы из района Риги.
 134. *Подолинский Сергей Сергеевич* (1879—?) — земский деятель, председатель Тульской губернской земской управы, затем саратовский и лифляндский вице-губернатор.
 135. В Мертвом переулке жили родственники Готье. Он расположен между Пречистенкой и Б. Власьевским переулком, в нескольких кварталах от квартиры Готье в Б. Знаменском переулке, находящемся между Волхонкой и Знаменкой.
 136. Через Кашин, Калязин и Савелово, а не через Бологое.
 137. Г. М. Катков в результате анализа опубликованных и некоторых архивных данных приходит к выводу, что такого требования не было и что Керенский и Корнилов были введены в заблуждение (см.: Katkov G. The Kornilov Affair. Lnd. 1980; Катков Г. М. Дело Корнилова. Париж. 1987).
 138. *Шамби* — Шамбинаго Сергей Константинович (1871—1948) — однокурсник Готье по Московскому университету, его близкий друг. Филолог, специалист по истории средневековой русской литературы; преподавал в различных московских вузах; в 1919 г. заведовал отделом русской литературы в библиотеке Румянцевского музея. *Гартунг А. Л.* — старый знакомый Готье.
 139. *Южин (Сумбатов) Александр Иванович* (1857—1927) — князь, после Февральской революции — комиссар Малого театра. *Собинов Леонид Витальевич* (1872—1934) — комиссар Большого театра.
 140. «Третий Рим» — религиозно-политическая теория, развивавшаяся церковным писателем первой половины XVI в., иноком псковского Елизарова монастыря Филофеем: после падения второго Рима (Константинополя) достоинство Рима — имперской столицы и религиозного центра — перешло к Москве (в то время столице единственного оставшегося независимым православного государства). Мнение, что эта теория была официально принята московским правительством, ошибочно. Многие славянофилы считали, что характер русского (теоретически — славянского) духовного склада и традиционного (допетровского, а позднее крестьянского) общественного строя качественно выше западноевропейского, и «славянской» цивилизации предстоит прийти на смену западноевропейской. «Гром победы раздавайся» — неясно, что Готье имеет в виду, ставя эту строку Г. Р. Державина в связь с мессианистским мирозерцанием.
 141. *Потугин* — персонаж романа И. С. Тургенева «Дым».
 142. Артистка, о которой идет речь, Е. И. Тиме, после Февральской революции принимала деятельное участие в театральном-общественной жизни Петрограда. *Se non è vero... —* начало итальянской поговорки «*Se non è vero, è ben trovato*» («если и не правда, то хорошо придумано»).
 143. *Георгиевский Григорий Петрович* (1866—1948) — кандидат богословия, археограф, в 1890—1937 гг. — хранитель отделения рукописей Румянцевского музея.

144. *Яковлев Алексей Иванович* (1871—1951) — историк, преподавал в Московском университете, на Московских высших женских курсах и в других учебных заведениях; сотрудник Готье по Румянцевскому музею. С 31 января 1929 г. — член-корр. Академии наук СССР. В августе или сентябре 1930 г. арестован по «делу Платонова». В 1931 г. осужден на 3 года ссылки, которую отбывал в Минусинске. Вернулся в Москву, по-видимому, в 1938 году. В 1943 г. получил Сталинскую премию за книгу «Холопство и холопы в Московском государстве 17 в.» (Т. 1. М.—Л. 1943).
- Бахрушин Сергей Владимирович* (1882—1950) — историк и общественно-политический деятель. Сотрудник «Русских ведомостей», член Московского комитета партии кадетов (принадлежал к ее левому крылу) и комитета Прогрессивной группы гласных Московской городской думы; секретарь «Известий Главного комитета Всероссийского союза городов», руководитель Всероссийского бюро труда при Главном комитете; зав. отделом русской истории в библиотеке Румянцевского музея (1919 г.); в 20-е годы — один из руководителей краеведческого движения в стране. В августе или сентябре 1930 г. арестован по «делу Платонова», в 1931 г. сослан в Семипалатинск, где был профессором в педагогическом и геологическом институтах; в 1933 г. вернулся в Москву.
- Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929) — историк, с 1898 г. — приват-доцент, с 1911 г. (после ухода Кизеветтера) — профессор Московского университета, был также профессором Московской духовной академии и Московских высших женских курсов.

Голод 1932—1933 годов в деревнях Поволжья

В. В. Кондрашин

Одной из самых трагических страниц в истории поволжской деревни явился голод 1932—1933 годов. Долгое время эта тема была запретной для исследователей. Когда запреты были сняты, появились первые публикации, касающиеся этой темы¹. Однако до сих пор не использовались для ее раскрытия нетрадиционные для историков источники. Это хранящиеся в архивах ЗАГС Саратовского и Пензенского облисполкомов и 31 архиве ЗАГС райисполкомов указанных областей книги записей актов гражданского состояния о смерти, рождении и браке за период с 1927 по 1940 г. по 582 сельским Советам. Кроме того в 46 деревнях 28 сельских районов Саратовской и Пензенской областей был проведен с использованием специально составленной анкеты «Свидетель голода 1932—1933 годов в деревне Поволжья» опрос испытавших на себе все его тяготы и невзгоды. Она содержит три группы вопросов: причины голода, жизнь деревни во время голода, последствия голода. Всего получено и обработано 277 анкет.

Районы Саратовской и Пензенской областей занимают примерно треть Поволжья. В начале 30-х годов их территория была разделена между Нижне-Волжским и Средне-Волжским краями; на значительной части современной территории Саратовской области располагались кантоны Автономной республики Немцев Поволжья (НП АССР). Специализировавшаяся на производстве зерна и являвшаяся одним из наиболее плодородных регионов страны, эта часть Поволжья в 1932—1933 гг. оказалась во власти голода. Смертность на территории всех исследованных сельских Советов в 1933 г. по сравнению с ближайшими предыдущими и последующими годами резко возросла. В 40 бывших районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в среднем в 1933 г. по сравнению с 1927—1932 и 1934—1935 гг. она повысилась в 3,4 раза. Такой скачок мог быть вызван лишь одной причиной — голодом.

Известно, что в голодающих районах из-за отсутствия нормальной пищи люди вынуждены были питаться суррогатами и это приводило к росту смертности от болезней органов пищеварения. Актовые книги за 1933 г. показывают резкое ее увеличение (в 2,5 раза). В графе «причина смерти» появились записи: «от кровавого поноса», «от геморройного кровотечения вследствие употребления суррогата», «от отравления затирухой», «от отравления суррогатным хлебом». Значительно увеличилась смертность и в связи с такими причинами, как «воспаление кишечника», «желудочная боль», «болезнь живота» и т. д.

Другим фактором, вызвавшим рост смертности в 1933 г. в данном районе Поволжья, стали инфекционные болезни: тиф, дизентерия, малярия и др. Записи в актовых книгах позволяют говорить о возникновении здесь очагов эпидемий тифа и малярии. В с. Кожевино (Нижне-Волжского края) в 1933 г. из 228 умерших 81 умер от тифа и 125 — от малярии. О масштабах трагедии села говорят следующие цифры: в 1931 г. там умерло от тифа и малярии

Кондрашин Виктор Викторович — аспирант Института истории СССР АН СССР.

20 человек, в 1932 г. — 23, а в 1933 г. — свыше 200². Острые инфекционные (тиф, дизентерия) и массовые инвизионные (малярия) заболевания всегда сопутствуют голоду.

В актовых книгах обозначены и другие причины смерти населения в 1933 г., отсутствовавшие в прошлом, а теперь определявшие рост смертности и прямо указывающие на голод: многие крестьяне умерли «от голода», «от голодовки», «от бесклетия», «от истощения организма на почве голодания», «с недоедания хлеба», «от голодной смерти», «от голодных отеков», «от полного истощения организма на почве недостаточного питания» и т. д. В с. Алексеевка из 161 умершего 101 погиб от голода³.

Из 61 861 акта о смерти, имеющегося в просмотренных актовых книгах, голод в качестве непосредственной ее причины отмечают лишь 3043 акта на территории 22 из 40 обследованных районов. Это, однако, не означает, что в остальных районах в 1933 г. никто не умер от голода, напротив, и здесь резкий скачок смертности свидетельствует об обратном. Несответствие записи в актах о смерти и реальной ее причины объясняется тем, что на работу органов ЗАГС в голодающих районах влияла общая политическая обстановка в стране. Устами Сталина на всю страну и на весь мир заявлялось, что в 1933 г. «колхозники забыли о разорении и голоде» и поднялись «на положение людей обеспеченных»⁴.

В этих условиях большинство работников загсов, регистрировавших смерти, просто не вписывали запретное слово «голод» в соответствующую графу. О том, что оно было недопустимым, свидетельствует распоряжение ОГПУ г. Энгельса городскому загсу о запрещении в 1932—1933 гг. фиксировать диагноз «умер от голода». Обосновывалось это тем, что «контрреволюционные элементы», якобы засорявшие статистический аппарат, «пытались всякий случай смерти мотивировать голодом, в целях гущения красок, необходимого для определенных антисоветских кругов»⁵. Работники загсов при регистрации умерших от голода были вынуждены подменять причину смерти. По Сергиевскому сельсовету в 1933 г. 120 из 130 умерших были зарегистрированы умершими «по неизвестным причинам». Если учесть, что в 1932 г. там умерло всего 24 человека и причины их смерти были в актовых книгах точно определены, а на следующий год смертность возросла более чем в 5 раз, то напрашивается вывод о наступлении сильного голода, жертвами которого стали умершие по «неизвестным причинам»⁶.

Факт наступления голода в 1932—1933 гг. в исследуемых районах подтверждается и таким демографическим показателем, всегда свидетельствующим о голоде, как падение рождаемости. В 1933—1934 гг. рождаемость здесь существенно упала по сравнению с ближайшими предыдущими годами. Если в 1927 г. на территории Первомайского сельсовета было зарегистрировано 148 рождений, в 1928 г. — 114, в 1929 г. — 108, в 1930 г. — 77, в 1931 г. — 92, в 1932 г. — 75, то в 1933 г. всего 19, а в 1934 г. — 7 рождений⁷.

В Новобураском, Энгельском, Ровенском, Красноармейском, Марковском, Дергачевском, Озинском, Духовницком, Петровском, Балтайском, Базарно-Карабулакском, Лысогорском, Ершовском, Ртищевском, Аркадакском, Турковском, Романовском, Федоровском, Аткарском, Самойловском районах Саратовской обл. и в Камешкирском, Кондольском, Никольском, Городищенском и Лопатинском районах Пензенской обл. в 1933—1934 гг. рождаемость упала в 3,3 раза по сравнению с ее средним уровнем за 1929—1932 годы. Причинами этого явления были высокая смертность во время голода потенциальных родителей; отток взрослого населения, уменьшивший число потенциальных родителей; снижение у взрослого населения способности к воспроизводству потомства вследствие физического ослабления организма в результате голодания.

Повлиявшая на уровень рождаемости в 1933—1934 гг. повышенная смертность в 1933 г. такой категории потенциальных родителей, как молодежь, подтверждается значительным уменьшением в те годы в сельской местности числа зарегистрированных браков. Например, число браков, зарегистрированных в 1927—1929 гг. в Петровском, Аткарском, Ровенском, Калининском, Марковском, Балашовском, Ершовском, Турковском, Аркадакском районах Саратовской обл. уменьшилось в среднем в 2,5 раза.

Эпицентр голода, характеризующийся наивысшим уровнем смертности и самой низкой рождаемостью, находился, видимо, на территории Саратовской обл., на Правобережье и в левобережных кантонах Автономной республики Немцев Поволжья. В 1933 г. уровень смертности сельского населения на Правобережье по сравнению со средним уровнем смертности в 1927—1932 и 1934—1935 гг. увеличился в 4,5 раза, на Левобережье — в 2,6 раза, на территории исследованных районов НП АССР — в 4,1 раза. Рождаемость в 1933—1934 гг. по сравнению с ее средним уровнем в 1929—1932 гг. упала на Правобережье в 4 раза, на Левобережье — в 3,8 раза, в районах НП АССР — в 7,2 раза. В результате голода были существенно подорваны жизненные силы поволжской деревни. Об этом свидетельствует резкое падение рождаемости во многих саратовских и пензенских деревнях: судя по записям в акто-

вых книгах, во многих деревнях уже не игралось столько свадеб и не рождалось столько детей, сколько в предшествующие коллективизации и голоду годы.

Голод 1932—1933 гг. оставил глубокий след в народной памяти. «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу», — вспоминали старожилы саратовских и пензенских деревень чашушку, в которой отразилась народная оценка этой трагедии. В ходе анкетного опроса 99,9% подтвердили наличие голода в 1932—1933 гг., подтверждают и то, что он был слабее голода 1921—1922 гг., но сильнее голода 1946—1947 годов. Во многих районах масштабы голода были очень велики. Такие деревни, как Ивлевка Аткарского района, Старые Гривки Турковского района, колхоз им. Свердлова Федоровского кантона НП АССР, почти полностью вымерли. «В войну не погибло столько в этих деревнях, сколько погибло во время голода», — вспоминали очевидцы.

Во многих деревнях были общие могилы (ямы), в которых, нередко без гробов, иногда целыми семьями хоронили умерших от голода. У 80 из более 300 опрошенных во время голода умерли близкие родственники. Очевидцами были засвидетельствованы факты людоедства в таких селах, как Симоновка, Новая Ивановка Баландинского района, Ивлевка — Аткарского, Залетовка — Петровского, Огаревка, Новые Бурасы — Новобураского, Ново-Репное — Ершовского, Калмантай — Вольского районов, Шумейка — Энгельского и Семеновка — Федоровского кантонов НП АССР, Козловка — Лопатинского района.

Американский историк Р. Конквест высказал суждение, что на Волге голод разразился «в районах, частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения». На этом основании он делает вывод, что НП АССР, «видимо, и была главной мишенью террора голодом»⁸. Действительно, в 1933 г. уровень смертности сельского населения в исследованных районах этой республики был очень высоким, а рождаемость в этом и последующих годах резко упала. О сильном голоде, фактах массовой смертности населения сообщала в специальном письме Сталину бригада писателей во главе с Б. Пильняком, вероятно, побывавшая там в 1933 году⁹. В голодающих кантонах были зафиксированы факты людоедства¹⁰. Воспоминания о голоде как немцев, так и представителей других национальностей, проживавших в то время на территории республики, говорят о массовом голоде, наступившем там в 1932—1933 годах.

Сравнительный анализ анкетных данных, полученных в результате опроса свидетелей голода в мордовском с. Осановка Балтайского р-на, мордовско-чувашском с. Еремкино Хвалынского р-на, чувашском с. Калмантай Вольского р-на, татарском с. Осиновый Гай и литовском с. Черная Падина Ершовского р-на, в украинских селах Шумейка Энгельского и Семеновка Федоровского кантонов и в 40 русских селах, показал, что острота голода была очень сильна не только в районах НП АССР, но и во многих саратовских и пензенских деревнях, расположенных вне ее границ.

«Что это было: организованный голод или засуха?», — этот вопрос прозвучал в письме в редакцию журнала «Вопросы истории» А. А. Орловой¹¹. Наступление голода в Поволжье, в том числе в исследуемых районах, обычно (в 1921 и 1946 гг.) было связано с засухами и недородами. Засуха здесь явление закономерное. 75% опрошенных отрицали наличие сильной засухи в 1932—1933 гг.; остальные указали, что засуха была в 1931 и 1932 гг., но не такая сильная, как в 1921 и 1946 гг., когда привела к недороду и голоду. Специальная литература в основном подтверждает оценку климатических условий 1931—1933 гг., данную свидетелями голода. В публикациях на эту тему при перечислении длинного ряда засушливых лет в Поволжье 1932 и 1933 гг. выпадают. Засуху, среднюю по принятой классификации и более слабую, чем засухи 1921, 1924, 1927, 1946 гг., ученые отмечают только в 1931 году. Весна и лето 1932 г. были обычными для Поволжья: жаркими, местами с суховеями, не идеальными для посевов, особенно в Заволжье, но в целом погода оценивается специалистами как благоприятная для урожая всех полевых культур¹². Погода, конечно, влияла на снижение урожайности зерновых, но массового недорода в 1932 г. не было.

Опрошенные старожилы саратовских и пензенских деревень засвидетельствовали, что, несмотря на все издержки коллективизации (раскулачивание, лишившее деревню тысяч опытных хлеборобов; резкое сокращение численности скота в результате его массового убоя и т. д.), в 1932 г. все же удалось вырастить урожай, вполне достаточный, чтобы прокормить население и не допустить массового голода. «Хлеб в деревне в 1932 г. был», — вспоминали они. В 1932 г. валовой сбор зерновых культур по всем секторам сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае составил 32 388,9 тыс. ц, лишь на 11,6% меньше, чем в 1929 г.; в Средне-Волжском крае — 45 331,4 тыс. ц, даже на 7,5% больше, чем в 1929 году¹³. В целом урожай 1932 г. был средним за последние годы. Его было вполне достаточно, чтобы не только не допустить массового голода, но и определенную часть сдать государству.

Коллективизация, существенно ухудшившая материальное положение крестьянства и приведшая к общему упадку сельского хозяйства, однако массового голода в данном районе Поволжья не вызвала. В 1932—1933 гг. он наступил не вследствие засухи и недородов, как это было прежде в Поволжье, и не из-за сплошной коллективизации, а в результате принудительных сталинских хлебозаготовок. Это был первый в истории поволжской деревни искусственно организованный голод.

Лишь 5 из более чем 300 опрошенных очевидцев событий 1932—1933 гг. не признавали связи хлебозаготовок с наступлением голода. Остальные либо называли их в качестве главной причины трагедии, либо не отрицали их негативного влияния на продовольственное положение деревни. «Голод был потому, что хлеб сдали», «весь, до зерна, под метелку государству вывезли», «хлебозаготовками нас мучили», «продразверстка была, весь хлеб отняли», — говорили крестьяне.

К началу 1932 г. деревня была ослаблена коллективизацией, хлебозаготовками 1931 г., не совсем благоприятными погодными условиями прошедшего года, вызвавшими в некоторых районах недород. Многие крестьяне уже тогда голодали. Очень тяжело проходили основные сельскохозяйственные работы. Начался интенсивный уход крестьян в города, другие районы страны, напоминавший бегство. И в этой ситуации руководство страны, которому было известно о положении в Поволжье, утвердило в 1932 г. явно завышенные планы хлебозаготовок для Нижней и Средней Волги. При этом не учитывались трудности организационно-хозяйственного становления только что созданных колхозов, о чем красноречиво свидетельствовали массовые протесты председателей колхозов и сельсоветов, районных партийных и советских органов, направляемые краевому руководству.

Несмотря на энергичные усилия партийно-хозяйственного руководства, практиковавшего в сентябре — ноябре снятие с работы и исключение из партии руководителей районов, «срывавших план»; занесение на «черные доски» не выполняющих план колхозов, населенных пунктов, районов; объявление им экономического бойкота и другие меры, планы хлебозаготовок не выполнялись¹⁴. Ситуация изменилась в декабре 1932 г., когда в регион по указанию Сталина прибыла комиссия ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии П. П. Постышевым. Думается, что оценка работы этой комиссии и ее председателя, которая имеется в литературе¹⁵, требует уточнения, если не пересмотра.

Комиссия и лично Постышев (так же как В. М. Молотов, побывавший на Украине, и Л. М. Каганович — на Украине и Северном Кавказе) несут ответственность за искусственно организованный голод в рассматриваемом районе Поволжья. Именно под давлением комиссии ЦК ВКП(б) (в ее состав кроме Постышева входили Зыков, Гольдин и Шкляр) местное руководство, опасаясь репрессий за срыв хлебозаготовок, чтобы выполнить план, пошло на изъятие хлеба, заработанного колхозниками на трудодни и имевшегося у единоличников. Это в конечном итоге и привело к массовому голоду в деревне¹⁶.

О методах работы Постышева и его комиссии, требовавших любой ценой выполнить план хлебозаготовок, говорят следующие факты. Только в декабре 1932 г. за невыполнение плана хлебозаготовок решениями бюро Нижне-Волжского крайкома партии, на заседаниях которого присутствовали члены комиссии ЦК и сам Постышев, были сняты с работы 9 секретарей райкомов и 3 председателя райисполкомов¹⁷; многих впоследствии исключили из партии и отдали под суд. Во время совещаний с местным партийно-хозяйственным активом по вопросам хлебозаготовок (об этом рассказали участники таких совещаний в г. Балашове И. А. Никулин и П. М. Тырин) прямо в зале, где проходили эти заседания, по указанию Постышева, за невыполнение плана хлебозаготовок снимали с работы секретарей райкомов партии и работники ОГПУ арестовывали председателей колхозов. На словах, в печати Постышев выступал против изъятия хлеба у выполнивших план колхозов, против нарушения законности во время проведения хлебозаготовок, на деле же занимал жесткую позицию, которая толкала местное руководство на противозаконные меры в отношении тех, кто не выполнял план.

В конце декабря 1932 — начале января 1933 г. началась настоящая война против колхозов и единоличных хозяйств, не выполнявших план. В решении бюро Нижне-Волжского крайкома партии от 3 января указывалось: «Крайком и крайисполком требуют от райисполкомов и райкомов районов, сорвавших план, безусловного выполнения плана хлебозаготовок к 5 января, не останавливаясь перед дополнительными заготовками в колхозах, выполнивших план, допуская частичный возврат от колхозников авансов»¹⁸. Районным советским органам было разрешено начать проверку «расхищенного хлеба» колхозниками и единоличниками¹⁹.

О том, каким образом в саратовских и пензенских деревнях выполнялись данные дирек-

тивы, говорят многочисленные свидетельства очевидцев. У крестьян отбирали хлеб, заработанный на трудодни, в том числе и оставшийся с прошлых лет; хлеб на трудодни не выдавали; вывозили семенной хлеб. Нередко в ходе хлебозаготовок к крестьянам применялось насилие. В с. Боцманово Турковского района уполномоченный по хлебозаготовкам из Балашова Шевченко, чтобы «выбить» хлеб, посадил в амбар под замок почти все село (свидетельствует М. Е. Дубровин, проживающий в рабочем поселке Турки Саратовской обл.). «Приходили, хлеб силком забирали и увозили», «дали, а потом отобрали», «ходили по домам, забирали хлеб и картошку; тех, кто противился, сажали на ночь в амбар», «из печки [хлеб] вытаскивали», — вспоминали старожилы саратовских и пензенских деревень.

Чтобы выполнить план, хлеб вывозили не только на лошадях, но и на коровах. Председателю Студено-Ивановского колхоза Турковского района М. А. Горюнову (проживает в Турках) уполномоченный по хлебозаготовкам приказал выделить колхозных лошадей для оказания помощи соседнему колхозу в вывозе хлеба. Лошади сделали два рейса, прошли свыше 100 км; посылать их в третий рейс председатель не соглашался: «Угробим лошадей!» Его заставили подчиниться, и вскоре 24 лошади пали. Председателя отдали под суд за то, что он отказался признать виновными в гибели лошадей колхозных конюхов (мол, плохо кормили), как ему советовал уполномоченный. Применялось насилие и при выполнении плана засыпки семян в общественные амбары. Местные активисты нередко ходили по дворам и искали хлеб; все, что находили, отбирали.

Организаторы заготовок объясняли крестьянам, что хлеб пойдет рабочему классу и Красной Армии, но в деревне ходили упорные слухи, что на самом деле хлеб отбирают для того, чтобы вывезти его за границу. Именно тогда в деревне появились невеселые частушки, поговорки: «Рожь, пшеницу отправили за границу, а цыганку-лебеду — колхозникам на еду», «Дранку, барду, кукурузу — Советскому Союзу, а рожь, пшеницу отправили за границу», «Наша горелка хлебородная — хлеб отдала, сама голодная». Хлебозаготовки и наступивший голод многие крестьяне связывали с именами Сталина и Калинина. «В 1932 году Сталин сделал засыпь, поэтому и наступил голод», — говорили в деревнях. В частушках, за пение которых грозило тюремное заключение, звучали слова: «Когда Ленин был жив, нас кормили Когда Сталин поступил, нас голодом морили».

В 1933 г. в поволжской деревне ходили слухи, что проводится «сталинская выкачка золота»: голодовка сделана для того, чтобы через магазины Торгсина за бесценнок, в обмен на продукты питания отобрать у населения золото, серебро, другие ценности. Организацию голода с помощью хлебозаготовок крестьяне объясняли стремлением Калинина наказать их за нежелание добросовестно работать в колхозах, приучить крестьян к колхозам. В саратовских и пензенских деревнях в 1933 г. шла молва, что подобно известному дрессировщику Дурову, который голодом приучал животных к повиновению, Калинин решил голодом приучить крестьян к колхозам: перенесут голод, значит, привыкнут к колхозам, будут лучше работать и ценить колхозную жизнь.

В ходе хлебозаготовок 1932 г., обрекавших деревню на голод, открытого массового сопротивления крестьян не было. Большинство опрошенных объясняло это страхом перед властью и верой в то, что государство окажет помощь деревне. И все-таки исключения встречались. В дер. Красный Ключ Ртищевского р-на, свидетельствует С. Н. Федотов (проживает в г. Ртищево Саратовской обл.), узнав о решении вывезти семенной хлеб, у амбара, где он хранился, собралась почти вся деревня; крестьяне сорвали замок и зерно разделили между собой. В с. Потьма того же района (рассказал проживающий в г. Ртищево И. Т. Артюшин) произошло массовое выступление крестьян, которое было подавлено милицией.

Основными формами протеста крестьян против принудительных хлебозаготовок стали скрытые действия: нападения на «красные обозы», вывозившие хлеб из деревень, воровство хлеба с этих обозов, разборка мостов. Отдельные крестьяне открыто высказывали организаторам хлебозаготовок недовольство; к ним применялись репрессивные меры (свидетельства М. А. Федотова из рабочего поселка Новые Бурасы, С. М. Берденкова из дер. Трубочино, Турковского р-на, А. Г. Семикина из рабочего поселка Турки Саратовской обл.).

Таким образом, данные архивных документов и опросы очевидцев событий свидетельствуют: принудительные хлебозаготовки 1932 г. оставили поволжскую деревню без хлеба и стали главной причиной трагедии, которая разыгралась там в 1933 году. Вызванный проведенными с нарушением закона и морали хлебозаготовками массовый голод, унесший десятки тысяч крестьянских жизней и подорвавший здоровье оставшихся в живых, является одним из тяжчайших преступлений сталинщины, ее организованной антигуманной акцией.

Примечания

1. См., напр., ЗЕЛЕНИН И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. — История СССР, 1989, № 2, с. 16—17; Проблемы устной истории в СССР (тезисы научной конференции 28—29 ноября 1989 г. в г. Кирове). Киров. 1990, с. 18—22.
2. Архив ЗАГС Петровского райисполкома Саратовской области, актовые книги о смерти по Кожевинскому сельсовету за 1931—1933 годы.
3. Архив ЗАГС Новобурасского райисполкома Саратовской области, актовая книга о смерти по Ново-Алексеевскому сельсовету за 1933 год.
4. Ленин и Сталин о труде. М. 1941, с. 547, 548, 554, 555.
5. Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР, ф. 8040, оп. 8, д. 5, лл. 479, 486.
6. Архив ЗАГС Аркадакского райисполкома Саратовской области, актовые книги о смерти по Сергиевскому сельсовету за 1932—1933 годы.
7. Архив ЗАГС Ртищевского райисполкома Саратовской области, книги записей актов гражданского состояния о рождении по Первомайскому сельсовету за 1927—1934 годы.
8. КОНКВЕСТ Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон. 1988, с. 409, 410.
9. ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 8, д. 5, лл. 479—481, 483, 485, 486, 488.
10. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 112, оп. 34, д. 19, л. 20.
11. Вопросы истории, 1988, № 12, с. 176—177.
12. Суховей, их происхождение и борьба с ними. М. 1957, с. 33; Засухи в СССР, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л. 1958, с. 38, 45, 50, 166—169; КАБАНОВ П. Г. Засухи в Саратовской области. Саратов. 1958, с. 2; Климат юго-востока Европейской части СССР. Саратов. 1961, с. 125; КАБАНОВ П. Г., КАСТРОВ В. Г. Засухи в Поволжье. В кн: Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго-Востока. Вып. 31. [Саратов]. 1972, с. 137; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М. 1936, с. 270—271. .
13. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935, с. 270—271.
14. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2550, лл. 29 об., 305; д. 3757, л. 161; д. 3767, л. 184; д. 3768, лл. 70, 92; д. 3781, л. 150; д. 3782, л. 11; Волжская коммуна, 12—14. XI. 1932; Поволжская правда, 15, 29. X. 1932; Саратовский рабочий, 2. I. 1933; Борьба, 30. XI. 1932.
15. См. История СССР, 1989, № 2, с. 16—17.
16. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3769, л. 9; д. 3768, лл. 139, 153.
17. Там же, д. 3768, лл. 118 об., 129, 130 об., 148, 153.
18. Там же, д. 3769, л. 9.
19. Там же, д. 3768, лл. 139, 153.

«Кровавое воскресенье» как исторический феномен

С. Н. Семанов

Одна из самых трагических дат российской истории — 9 января 1905 года. Значение этого события осознано не до конца: ведь именно после «Кровавого воскресенья» и покатило по Руси бесконечное наваждение насилий, взрывов, пожаров, казней и страшного разорения.

Трагические события 9 января 1905 г., когда была расстреляна мирная рабочая демонстрация, кладут глубочайший рубеж между предшествующим и последующим развитием политической истории страны. События эти относятся к числу тех сюжетов, которые принято считать изученными и не вызывающими серьезных споров.

На эту тему имеются многочисленные специальные исследования, в общих работах о первой русской революции также не обходили вниманием 9 января. Истолкование этих событий имеет давнюю и устоявшуюся традицию, существенных разногласий у различных авторов здесь, по существу, нет. Остается добавить, что опубликовано огромное количество документов, мемуаров и других источников самого разнообразного происхождения, всесторонне освещающих историю и предысторию «Кровавого воскресенья».

Общим местом является до сих пор тезис, что царское правительство сознательно провоцировало шествие к Зимнему дворцу, намереваясь устроить массовый расстрел рабочих и тем самым подавить разраставшееся стачечное движение в Петербурге и революционное движение в стране в целом. Об этом писали многие авторы¹, это затвержено в различных учебных пособиях. Согласно той же версии, орудием этого злощезего и обдуманного плана являлся священник Георгий Гапон — глава созданной им организации зубатовского толка. По словам А. М. Панкратовой, «полиция и охранка одобрили план Гапона, замышляя кровавую расправу над рабочими»².

Протографом, если можно так выразиться, данной концепции является «Краткий курс» истории ВКП(б), где четко и недвусмысленно говорится о провокационном устроении петиционного шествия 9 января и о том, что «Гапон взялся помочь царской охранке: вызвать расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение»³. Такая же оценка причин «Кровавого воскресенья» встречается во всех работах 60-х годов⁴. В наиболее характерном виде это выражено у В. И. Бовыкина: «Документы из секретных архивов царского правительства... полностью раскрыли историю кровавой провокации царизма. Теперь нет никакого сомнения в том, что Гапон выдвинул идею шествия к царю с ведома царских властей»⁵. При этом автор не называет эти секретные документы и вообще не дает каких-либо ссылок. Подобное же изложение событий повторялось и в 70-х и в 80-х годах⁶. Однако данная, предельно упрощенная схема не может дать объяснения такому сложному и противоречивому явлению, каким была трагедия 9 января 1905 года.

Семанов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, член Союза писателей СССР.

События развивались тогда стремительно: 3 января остановился Путиловский завод, в следующие два дня забастовали еще четыре предприятия. 6 января был праздничный день («Крещение»), а уже в пятницу, 7 января, стачка петербургских рабочих стала фактически всеобщей, охватив, по данным фабричной инспекции, 382 предприятия. На следующий день их было уже 456, а количество забастовщиков (по тому же источнику) составило почти 113 тысяч⁷. В это число не были включены рабочие казенных заводов, также охваченных стачкой. Общее число рабочих на 12 крупных казенных предприятиях (не считая нескольких мелких) составляло в ту пору свыше 32 тысяч⁸. К этому надо прибавить весьма значительное число рабочих мелких предприятий, строителей и т. п. Таким образом, общее число забастовщиков в канун «Кровавого воскресенья» в столице превышало 150 тыс. человек. Огромный индустриальный центр с полутора миллионным населением замер, столица империи внезапно оказалась в состоянии полного экономического паралича. Ничего даже отдаленно похожего на это история страны еще не знала.

Итак, всеобщая стачка разразилась внезапно и бурно. Поразительный размах ее застал врасплох всех главных действующих лиц будущей драмы: и правительство, и революционные организации, и сам петербургский пролетариат. Забастовочное движение рабочих развивалось совершенно стихийно, не имея никакого руководящего центра, вроде стачечного комитета, ни даже региональных центров.

Ни Гапон, ни созданное им «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» ни в коей мере не могут считаться вождами вспыхнувшей стачки, хотя влияние их в те дни было очень заметно. Еще А. Л. Фрайман писал, что верхушку «Собрания» составляла «рабочая аристократия»⁹. Это действительно были наиболее квалифицированные кадровые рабочие¹⁰. Именно в помещении, где размещалось «Собрание», происходили в те дни непрерывные митинги, а в роковое утро 9 января около него рабочие выстраивались в колонны для шествия к Зимнему дворцу — это, однако, не значит, что названная организация имела руководящее значение.

Сам Гапон в бурных событиях начала января играл сугубо второстепенную роль. Он страшился резко обострившегося положения дел и был влеком стихией, даже не пытаясь руководить ею. Об этом свидетельствует буквально все, что известно о его поведении в то время¹¹. Никто не вел рабочих от одного завода к другому с призывом присоединиться к стачке, они шли сами. Во всех работах за Гапоном тянется давнее клише — «агент охранки» (в моей давней работе это тоже отмечалось, хотя и с некоторыми оговорками). Да, Гапон вел переговоры в 1903 г. с министром внутренних дел В. К. Плеве, жандармским полковником С. В. Зубатовым (оба сошли со сцены до описываемых событий), с тогдашним петербургским градоначальником И. А. Фуллоном. Но общение с ними не означает непременно вербовки в «секретные сотрудники». Кстати, сам Гапон ни от кого этих связей не скрывал, о чем рассказали позже его ближайшие соратники по «Собранию» — рабочие Н. Варнашов и А. Карелин¹². Все это воспринималось рабочими реформистского толка спокойно — с властями лучше вести переговоры, чем воевать.

Больше всего сделал для утверждения памяти о Гапоне как агенте-provokatore П. М. Рубенберг, который 28 марта 1906 г. убил его с «группой рабочих»¹³. Кто были эти «рабочие», не выяснено до сих пор, зато связи Рубенберга с Е. Азефом и Б. Савинковым хорошо известны. Остается добавить, что после революции настойчиво искали в архивах прямые данные о связях Гапона с охранкой, но не нашли, как не выяснились и имена тех неведомых «рабочих». Сам Рубенберг (скончавшийся в 1942 г.) тоже их не назвал. Словом, вопрос не бесспорный, но в данном случае несомненно одно: в роковые дни января 1905 г. Гапон не имел связей с какими-либо полицейскими властями.

В массе стихийно поднявшихся пролетариев, имевших еще очень малый опыт политической борьбы, сильны были царистские настроения. В этих условиях Гапон и его окружение, выдвинувшие лозунг петиционного шествия к царю, лишь сформулировали настроения петербургских рабочих. 7 и 8 января, в ходе стремительно нараставшей забастовки, идея рабочей демонстрации обсуждалась на митингах, встречая большое одобрение. Никакого разработанного плана действий на 9 января рабочие не имели, не было его и у Гапона¹⁴. Утром того самого воскресенья, которое уже к вечеру стали называть «кровавым», огромные колонны рабочих двинулись с окраины в центр города. Во главе их шли зачастую случайные люди: никто из вожаков демонстрации не проявил себя в дальнейших событиях. Направляющая роль их была невелика, как и роль Гапона, являвшегося лишь символом вождя, — происходило стихийное, никем не руководимое движение тысяч и тысяч людей.

Выступление рабочих не смогла возглавить ни одна из революционных или оппозиционных организаций, действовавших в ту пору в Петербурге. Большевистский комитет РСДРП

выпустил листовку «Ко всем рабочим Путиловского завода» лишь 5 января, когда забастовка там была уже в полном разгаре, а листовку с призывом присоединиться к стачке — 7 января, когда она стала уже по существу всеобщей¹⁵. Остается открытым вопрос, как быстро эти листовки были отпечатаны и как широко распространены. Большевики приложили все силы к тому, чтобы удержать рабочих от участия в петиционном шествии, но петербургская партийная организация была малочисленна, ослаблена расколом и не смогла оказать решающего влияния на стихийно поднявшиеся массы¹⁶. Секретарь Петербургского комитета большевиков С. И. Гусев информировал в те дни В. И. Ленина о том, что «Собранию» и Гапону сочувствовали «не только старые рабочие, но даже сознательные рабочие социал-демократы, даже организованные рабочие»¹⁷. Так оно и было.

Разрозненные и раздираемые внутренними противоречиями группы меньшевиков и эсеров не играли почти никакой роли как в ходе забастовки, так и при подготовке рабочей демонстрации¹⁸. Некоторые связи с гапоновской организацией имелись у группы бывших «экономистов» (В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова), но и они шли за событиями, а не руководили ими. В воспоминаниях М. К. Лемке описан его разговор с Богучарским в канун 9 января, из которого отчетливо видно, как смутно представлял себе последний смысл и значение начавшегося движения рабочих¹⁹.

Руководители и активисты «Собрания» были типичными реформистами, явно отрицавшими революционный путь (об этом они прямо и откровенно рассказали сами). Полиция своевременно заметила это обстоятельство: начальник Петербургского охранного отделения докладывал в Департамент полиции 2 января, что в «Собрание» (видимо, в тот же день) явилось несколько интеллигентов, «в том числе три интеллигентных еврея и еврейки, по-видимому курсистки», их приняли настороженно, а попытку распространить листовки встретили враждебно²⁰. Можно сделать вывод, что в первую декаду января 1905 г. связь между широким рабочим движением и революционными организациями была слаба.

Правительственный бюрократический аппарат воспринял всеобщую стачку столичных рабочих, как гром среди ясного неба. Опубликованные А. Л. Сидоровым воспоминания ответственного чиновника канцелярии МВД тех лет Д. Н. Любимова содержат весьма красноречивые свидетельства на этот счет. События 9 января, пишет Любимов, «в той силе и объеме, в которых они себя проявили, были совершенно неожиданными для министра внутренних дел», Департамента полиции и самого петербургского градоначальника генерала Фуллона²¹. И это неудивительно. Правительство не имело никакой принципиальной программы по рабочему вопросу, законодательные акты в предреволюционную пору были посвящены более чем второстепенным вопросам²², никакие серьезные мероприятия в высших бюрократических сферах даже не намечались и не обсуждались.

Попытка создать противоестественный союз полицейского с рабочим, связанная с именем Зубатова, была оставлена еще при Плеве. 26 августа 1904 г. последнего сменил П. Д. Святополк-Мирский — личность во всех отношениях слабая и бесцветная. Вся его недолгая деятельность до рокового в его карьере января 1905 г. была отмечена лишь несколькими микроскопическими либеральными мерами, получившими у современников ироническое название «политики веснь». Самодержавная бюрократия имела весьма слабое представление о развитии рабочего движения, не предвидела его бурной вспышки, а главное — не имела никаких планов на этот случай. А ведь зловещий опыт уже имелся — «Обуховская оборона» в столице в 1901 г., батумская демонстрация 1902 г., политические стачки в Баку в 1903—1904 гг., многое иное. Был и соответствующий опыт Запада.

Уже после январских событий новый градоначальник столицы А. А. Дедюлин, сменивший Фуллона, представил Д. Ф. Трепову обширную докладную записку о действиях петербургского градоначальства накануне и в самый день «Кровавого воскресенья»²³. Записка эта, как пояснял Дедюлин, была «составлена на основании всех имеющихся в моей канцелярии материалов и сведений, а приводимые в ней некоторые объяснения, не имеющие письменных следов, подтверждены лично бывшим градоначальником Фуллоном». И действительно, названный документ наиболее точно и полно отражает правительственные мероприятия того времени и, что особенно любопытно, содержит совершенно не свойственное данному жанру материалов «критику и самокритику». Оказывается, градоначальство столицы с начала стачки и вплоть до ее трагического исхода не получило из МВД «ни одной бумаги или предписания по рабочему вопросу», но все это время «вплоть до 7 января включительно» столичная полиция «руководилась взглядом министра внутренних дел о невмешательстве в эту забастовку ввиду ее мирного течения и отсутствия насильственных действий»²⁴.

Итак, органы Министерства внутренних дел уже в самый разгар забастовки не дали должной оценки этому движению и никаких соответствующих мер не разрабатывали. Между

тем уже 5 января министр финансов В. Н. Коковцов, отражая беспокойство петербургских предпринимателей, докладывал царю, что он «признавал бы действительно необходимым» принять «действенные меры» как для «ограждения имущества промышленников», так и для безопасности «благоразумных рабочих»²⁵. Не было недостатка и в агентурных донесениях о бурном росте рабочего движения²⁶.

Кагастрофа назревала, и вот 7 января слячка властей резко сменилась лихорадочными суматошными действиями, не имевшими опять же никакого стратегического плана. Дело в том, что уже 6 января Гапон выступил перед рабочими с призывом идти общим шествием к царю²⁷ — решение об этом было накануне принято верхушкой его организации. Охранное отделение, пристально следившее за ходом событий, уже 7-го поставило правительство в известность о намерении рабочих устроить манифестацию у Зимнего дворца²⁸. Итак, намерения петербургских рабочих четко и ясно определились.

7 января правительство совершенно неожиданно для себя оказалось перед лицом решительного выступления народных масс. Каковы же были действия высших государственных органов в тот день? «Записка» Дедюлина дает нам довольно полную картину. Утром к Фуллону явился начальник штаба войск гвардии генерал-лейтенант Н. Ф. Мешетич и заявил, что «Петербург объявляется на военном положении и высшая власть переходит к князю Васильчикову»²⁹ (начальнику гвардейского корпуса). Встал в высшей степени серьезный политический вопрос, однако как не было дано никаких специальных инструкций военным и гражданским властям, так и не было сделано никаких разграничений между ними. Лишь относительно небольшие контингенты войск в этот день были направлены к электростанции, военным объектам города и т. д.³⁰. Вечером под председательством генерала Васильчикова состоялось второе совещание городских властей с гвардейскими офицерами и полицеймейстерами «о совместном действии полиции и воинских частей»³¹. Город был разбит на восемь районов, перед войсками не ставилось никаких конкретных задач, кроме обычного в таких случаях «поддержания порядка».

В тот же вечер состоялось заседание высших правительственных лиц, созванное Святополк-Мирским. Присутствовали: министр юстиции Н. В. Муравьев, товарищ министра внутренних дел К. Н. Рыздзевский, директор Департамента полиции А. А. Лопухин, Б. А. Васильчиков, В. Н. Коковцов, И. А. Фуллон³². Судя по «Записке» Дедюлина, совещание одобрило вызов войск, однако высказалось против объявления Петербурга на военном положении. Обсуждался также вопрос об аресте Гапона, но было решено, что при такой накаленной обстановке на рабочих окраинах эта мера является «нежелательной». Никаких данных о том, что на совещании было принято или хотя бы обсуждалось какое-либо обстоятельное решение по поводу назревающих событий «Записка» не содержит. Это полностью подтверждается весьма авторитетными мемуарными свидетельствами.

По воспоминаниям очень осведомленного в делах высших сфер С. Ю. Витте, «было решено, чтобы рабочих манифестантов... не допускать далее известных пределов, находящихся на Дворцовой площади», для этого и вызвали войска³³. «Не допускать» — и только. Более подробное описание совещания, но с подобной же оценкой дал и непосредственный его участник Коковцов: оно «было чрезвычайно коротким и имело своим предметом только выслушать генералов Фуллона и Мешетича³⁴ о тех распоряжениях, которые были сделаны в отношении воинских нарядов для разных частей города с целью помешать движению рабочих из заречных частей города... к Зимнему дворцу». А затем следует весьма важное добавление: «Все совещание носило совершенно спокойный характер. Среди представителей министерства внутренних дел и в объяснениях начальника штаба не было ни малейшей тревоги»³⁵. Наконец, последний штрих в эту очень согласную мемуарную композицию вносит Любимов. Объясняя своим сотрудникам значение вызова армейских частей, Святополк-Мирский говорил, что «благодаря особой дислокации войск никакие шествия рабочих к центру города, тем более на Дворцовую площадь, допущены не будут, все шествия будут остановлены у застав»³⁶.

Гапон в своих мемуарах, вышедших за границы в 1905 г. и являющихся скорее политическим памфлетом, а не желанием искренне поделиться о пережитом, пишет о встрече во второй половине дня 8 января с министром юстиции Н. В. Муравьевым и передаче ему копии своей «петиции». Тот якобы ответил: «Я исполню свой долг». Из приемной Министерства юстиции Гапон позвонил министру финансов В. Н. Коковцову и просил его содействия. Так все было или нет, но оба многоопытных политика ничего необычного в сообщениях Гапона не усмотрели³⁷.

Итак, виднейшие сановники не утруждали себя разработкой какого-либо тактического плана действий в связи с назревшей массовой рабочей демонстрацией — первой в истории

страны. Никто из них не смог осмыслить суть этого принципиально нового явления, понять его огромную важность, никто даже не задумался об этом. Было принято простейшее решение в духе вековых традиций бюрократии: «не пускать». (Характерно, что эта фраза в разных вариациях повторяется у всех трех высокопоставленных мемуаристов!) В данном случае не пускать народ на Дворцовую площадь, ибо это есть бунт, — чиновники авторитарного строя только так могли оценить мирное народное шествие. В этом, и только в этом и состоял весь нехитрый «план», разработанный властями. Выполнение его было поручено военному ведомству как наиболее приспособленному для данной цели.

Директор Департамента полиции Лопухин утверждал, будто «жители столицы были заблаговременно предупреждены» властями о недопустимости демонстраций³⁸. Действительно, 7 января какое-то количество таких объявлений от имени петербургского градоначальства было расклеено по улицам, но, по свидетельству осведомленного В. И. Невского, никто на них внимания не обратил³⁹. В любом случае, в той предгрозовой атмосфере подобная мера не могла произвести никакого впечатления на возбужденных людей и была типичнейшим проявлением бюрократического образа действий.

8 января штаб округа методично располагал войска вокруг центра города: уже в 6 часов утра на улицы Петербурга было выведено 26½ рот пехоты⁴⁰. Весь день в помещении градоначальства военные и полицейские власти уточняли диспозицию войск на 9 января и, наконец, вечером она была окончательно установлена⁴¹. Никаких специальных распоряжений командиры частей не получили и, следовательно, должны были действовать согласно общим уставным положениям. Фуллон отдал запоздалый приказ об аресте Гапона (что в любом случае уже никак не могло повлиять на ход событий), но приказ этот даже не попытались выполнить, боясь вызвать открытое сопротивление рабочих⁴². Единственной практической мерой правительства в тот день явилось опубликование в «Правительственном вестнике» и «Ведомостях Петербургского градоначальства» (только эти газеты и выходили в разгар забастовки) объявления о том, что «никакие сборища и шествия таковых по улицам не допускаются», а в противном случае будет осуществлено «применение воинской силы». Эта нелепая угроза не произвела решительно никакого впечатления на рабочих, как свидетельствуют все сохранившиеся материалы. Скорее всего подавляющая масса рабочих даже не знала о пресловутом запрещении «сборищ и шествий».

Вечером Святополк-Мирский отправился в Царское Село с докладом. На исходе этого дня Николай II записал в своем дневнике: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизонов. Рабочие до сих пор вели себя спокойно... Мирский приезжал для доклада о принятых мерах»⁴³. Эта бесстрастная запись как будто подтверждает, что царь не услышал в тот день ни о каких чрезвычайных планах и также не представлял себе всей опасности создавшегося положения.

Допустим, что исходя из каких-то своих планов, Мирский обманул царя и сгладил оценку грозной обстановки. Это предположение полностью противоречит всем имеющимся источникам — никаких особых целей у Мирского не имелось. Или может быть царь согласился с планами Мирского? Опять же нет никаких прямых данных, а молниеносная отставка Мирского косвенно подтверждает это. Конечно, царь и его окружение рассматривали предстоящие действия войск как обычную полицейскую операцию, какие уже не раз приходилось осуществлять в различных местностях империи. Вернувшись около полуночи в свою резиденцию министр счел даже возможным благодушно успокоить приближенных: «Все меры приняты. К центру города рабочие не будут допущены. Есть все основания думать, что завтра все обойдется благополучно»⁴⁴. Эти слова произносились за 12 часов до того, как на улицах Петербурга раздалась первая залпы.

Руководители государственной машины весьма смутно представляли себе возможные последствия вызова войск. Они даже не почувствовали какой-то озабоченности, вся обстановка в верхах носит совершенно будничного характера! Громадные политические последствия этого своего шага они осознали только тогда, когда «Кровавое воскресенье» стало свершившимся фактом, до основания потрясшим страну. В течение всего 9 января правительственный аппарат и столичное градоначальство пребывали в состоянии полнейшей растерянности и никак не влияли на ход событий.

По выразительным описаниям Любимова, Святополк-Мирский «в волнении ходил по кабинету и курил», а Фуллон вообще куда-то исчез и в течение нескольких часов чиновники Министерства внутренних дел никак не могли разыскать градоначальника Петербурга. Вечером он, наконец, появился, «видимо, с трудом передвигая ноги», и протянул Святополк-Мирскому «вчетверо сложенный лист бумаги» — прошение об отставке⁴⁵. Заметим, что отставка — причем в весьма оскорбительной форме — незамедлительно была дана обоим. Уже к исходу

9 января во главе правительства фактически стал Трепов — новоиспеченный генерал-губернатор Петербурга. Один только скоропалительный конец карьеры Святополк-Мирского и Фуллона заставляет усомниться в том, что они — самые ответственные лица в событиях «Кровавого воскресенья» — осуществляли свои действия 9 января по некоему заранее составленному плану.

Схема действий правительственного аппарата была предельно проста и повторяла — только в неизмеримо больших масштабах — многократно случавшееся. На всякое движение народа власти привыкли отвечать только одним — насилием. Никаких других способов общения с народом правящая бюрократия не могла себе представить. Витте, наиболее умный и дальновидный из тогдашних сановников, считавшийся даже «либералом», и тот в своих мемуарах, написанных много лет спустя, когда последствия кровавой и бессмысленной бойни 9 января были уже всем вроде бы понятны, без тени сомнения признавался, что и он не допустил бы к царю демонстрантов, а в случае их неповиновения «употребил бы против них силу»⁴⁶. Что же говорить о прочих сановниках, действовавших непосредственно в те трагические январские дни?! Их кредо с солдатской прямоотой выразил генерал Мешетич, заявивший вечером 9 января: «Что же касается стрельбы, то это неизбежное последствие вызова войск. Ведь не для парада их вызывали?»⁴⁷.

«Документально установлено, — писала Панкратова, — что правительство сознательно желало довести дело до применения силы»⁴⁸. Документов, которые бы прямо говорили о намерении самодержавия сознательно учинить расстрел, Панкратова не приводит, нам их также обнаружить не удалось. «Плана» расстрела не было, был только план расположения войск вокруг Дворцовой площади. Столкновение полных решимости идти до своей цели демонстрантов с вооруженными солдатами, получившими приказ не пропускать демонстрантов к Зимнему дворцу, неизбежно должно было вызвать бойню на улицах Петербурга.

Отсутствие пресловутого «плана» избияния рабочих ни в коей мере не уменьшает ответственности правящей бюрократии. Напротив, трагедия 9 января показывает, что деспотический режим произвольно действует только одним способом, только к нему приспособлен, только для него создан. Именно так и поняли значение кровавой бойни петербургские рабочие, да и не только они: причиной трагедии был весь антидемократический строй Российской империи.

Примечания

1. ПАНКРАТОВА А. М. Первая русская революция 1905—1907 гг. М. 1951, с. 58; КНЯЗЕВ С. П. К вопросу о событиях в Петербурге 9 января 1905 г. В сб.: 50 лет первой русской революции. М. 1956, с. 56; СМОЛИН И. С. Первая русская революция в Петербурге. В кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. 3. М.—Л. 1956, с. 253; Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 гг. Л. 1957, с. 45; и др.
2. ПАНКРАТОВА А. М. Ук. соч., с. 58.
3. История ВКП(б). Краткий курс. М. 1950, с. 55.
4. Курс лекций по истории КПСС. М. 1965, с. 144; Лекции по истории КПСС. Вып. 1. М. 1965, с. 163; БОВЫКИН В. И. Революция 1905—1907 гг. М. 1965, с. 31—32; и др.
5. БОВЫКИН В. И. Ук. соч., с. 31. В моей работе (СЕМАНОВ С. Н. Кровавое воскресенье. Л. 1965) была дана в общем сходная оценка намерений правящей клики, хотя и в более осторожной форме.
6. Назовем лишь две работы, наиболее солидные по жанру и составу исполнителей — обобщающую работу московских и книгу ленинградских историков, вышедшую несколько позднее: Революция 1905—1907 годов в России. М. 1975; Кризис самодержавия в России. Л. 1984.
7. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР. ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 2.
8. Подсчитано по материалам ЦГИА СССР (ф. 1326, оп. 5, д. 1, лл. 4—28, 55).
9. ФРАЙМАН А. 9 января 1905 г. Л. 1955, с. 12.
10. См. об этом подробнее: Историко-литературный сборник. Т. 1. Л. 1924, с. 194 сл.
11. Эта тема обстоятельно освещена в работе А. Шилова «К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г.» (Красная летопись, 1925, № 2 (13)).
12. Красная летопись, 1922, № 1, с. 107; Историко-литературный сборник. Т. 1, с. 193; АЙЗЕНФАТ С. Зубатовщина и гапоновщина. М. 1924, с. 36.
13. Былое, 1917, № 2 (24).
14. См. свидетельство одного из участников событий: ПАВЛОВ И. Из воспоминаний о «рабочем союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы, 1908, № 4, с. 83.

15. Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг. Т. 1. М. 1939, с. 151—153, 156.
16. Один из исследователей справедливо замечает по этому поводу: «Раскол, вызванный меньшевиками, расстроил на время нормальную работу всех партийных организаций столицы... Петербургский комитет РСДРП не мог взять на себя организацию этой забастовки» (КИРИЛЛОВ В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в период подъема революции 1905—1907 гг. М. 1961, с. 48, 49).
17. Начало первой русской революции. Док. и м-лы. М. 1955, с. 8.
18. Подробнее об этом см.: НЕВСКИЙ В. Январские дни в Петербурге. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 36. Такой же точки зрения придерживался Ю. О. Мартов (см. там же, с. 24).
19. ЛЕМКЕ МИХ. 9 января 1905 г. (Листок дневника). — Красная летопись, 1922, № 1, с. 121.
20. Начало первой русской революции, с. 4—6.
21. ЛЮБИМОВ Д. Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории, 1965, № 8, с. 124.
22. Например, 10 июня 1903 г. появился мертворожденный закон о фабричных старостах, почти не получивший практического применения; 9 июня 1904 г. — закон о пенсиях рабочим артиллерийского ведомства, кое-что еще, но все по частным вопросам.
23. Записка опубликована С. Н. Валком (Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись, 1925, № 1(12)).
24. Там же, с. 38.
25. Начало первой русской революции, с. 16.
26. Записки Петербургского охранного отделения об этом от 3—5 января см.: там же, № 2, 3, 4, 5, 6, 11.
27. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 595, оп. 1, д. 21, л. 11 об.
28. Начало первой русской революции, с. 24.
29. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 41.
30. Было выделено 7,5 рот и 2 батальона гвардейской пехоты и 2 сотни казаков (Начало первой русской революции, с. 19—20).
31. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 41.
32. Там же, с. 38—39.
33. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 343.
34. Очевидно, имеется в виду Васильчиков.
35. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919. Т. 1. Париж. 1933, с. 52.
36. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., с. 127.
37. См. ГЕОРГИЙ ГАПОН. История моей жизни. Л. 1925, с. 32—33.
38. Начало первой русской революции, с. 102.
39. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 38.
40. Начало первой русской революции, с. 33.
41. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 42.
42. Начало первой русской революции, с. 102.
43. ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 248, л. 71.
44. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., с. 129.
45. Там же, № 9, с. 116.
46. ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч., с. 341.
47. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., № 9, с. 116.
48. ПАНКРАТОВА А. М. Ук. соч., с. 60.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Газета «Луч»

Т. О. Максимова

«Луч» беспринципен, подл, это не газета, а «листок для срыва» кандидата с.-д. Но они умеют воевать, они живы, бойки... «Луч» воюет с бешенством, с истерикой, с бесстыднейшим отказом от своих принципов»¹. Так писал Ленин в 1912 г. о газете, которую издавали меньшевик-ликвидаторы. Не правда ли, трудно дать более уничтожающую характеристику печатному органу? Эта воинствующая ленинская фраза и была позднее воспринята советскими исследователями раз и навсегда однозначно отрицательно по отношению к газете «Луч». Если в СССР кто-то и пытался когда-либо переосмыслить эту оценку, то в широкой аудитории такой голос не был слышен. Желаящим получить некоторую информацию о «Луче» приходится даже сегодня собирать ее по крупицам.

Ежедневная газета «Луч» выходила легально в Петербурге с сентября 1912 по июль 1913 г.: увидели свет 237 номеров; идейное руководство изданием находилось в руках П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Л. Мартова, А. С. Мартынова; тираж составлял около 16 тыс. экз.; большевики и газета «Правда» вели ожесточенную борьбу с ликвидаторами и их органом. «Луч» был газетой с собственным лицом, трагической судьбой и блестящим кругом авторов-публицистов. В их число входили Ф. И. Дан, Л. Д. Троцкий, Л. Мартов, А. М. Коллонтай, В. И. Засулич, А. Н. Потресов и мн. др.

16 сентября 1912 г. петербургские разносчики получили для продажи не только «Копейку», «Речь», «Современное слово», «Русские ведомости» и «Правду». В тот день столичные жители впервые услышали возгласы: «Покупайте «Луч» — рабочую газету!» Средства на нее собирали по предприятиям, но переводы от частных лиц и групп сочувствующих были основным источником финансирования. Издание еле-еле сводило концы с концами. Редакция открыто признавала: «Луч» — не коммерческое предприятие, и потому ему нечего стыдиться тех убытков, которые пока приносит его издание»².

Задуманная для рабочих газета без их поддержки не могла бы просуществовать даже дня: это рабочие организовывали распространение тиража и собирали подписку, что было небезопасно. «Сегодня я рассчитан за распространение «Луча», — писал один из его активистов. — Мои обязанности будут выполнять товарищ такой-то!» (1913, № 64/150). Значение такой помощи переоценить трудно. «Наша газета встретила широкий сочувственный отклик в рядах класса, движению которого она посвящает свои силы, — писал «Луч». — Если материальная помощь, оказываемая газете рабочими, еще не достаточна, чтобы поставить ее на ноги, то многочисленные письма в редакцию, статьи и вся хроника рабочего движения, рабочих организаций и рабочей жизни свидетельствуют о том, что наша газета становится все

Максимова Татьяна Олеговна — член Союза журналистов СССР.

более и более делом самих рабочих, органом, не только обслуживающим рабочий класс, но им самим создаваемым и направляемым!» (1913, № 14/100).

Для понимания того, как создавался «Луч», особенно важны два материала из № 1. В одном, открывающем выпуск, говорилось: «Редакция ставит своей задачей быть организатором рабочего движения, содействовать самоопределению рабочего класса в России, развитию его сознательности и организованности. Направление газеты будет определяться общими идеями, выдвинутыми международным рабочим движением, его теорией и практикой, и нашедшими свое завершение в теории научного социализма». Эти идеи развивались в следующей статье: «Наша задача — идейный спор по принципиальным вопросам и единство боевых действий ...против врагов рабочего класса. Вооружить широкие рабочие массы сознанием своих исторических конечных целей и пониманием всей сложности общественно-политических условий, при которых приходится вести упорную борьбу за эти цели, — такова по нашему глубокому убеждению основная задача передовых слоев рабочей демократии. Пролетариат — наша стихия, с которой, как с живым источником, органически связаны и наши стремления, и наши взгляды, и наша работа».

Борьба за единство социал-демократического движения — вот идейный стержень, на который были как бы нанизаны все номера газеты. Понятно, что такая платформа нового издания не устраивала официальные власти. И хотя первые два номера благополучно дошли до читателя, уже на № 3 Санкт-Петербургский комитет по делам печати наложил арест, а редактора М. Диранова привлек к уголовной ответственности. Начались бесчисленные аресты или конфискации номеров этой рабочей газеты. Особое внимание к «Лучу» проявляли Комитет по делам печати и лично градоначальник. Уже в № 24 подводятся первые итоги такого «внимания»: из 23 номеров конфисковано 12, еще на один номер наложен штраф; из двух номеров до читателя доходит лишь один», — констатировала несколько позже редакция (1912, № 44).

Непросто было и распространителям газеты. Некоторые даже отказывались брать ее, сетуя: «Все равно отберут». На почтамте и железной дороге газету просто задерживали и не доставляли подписчикам. Не благоволил к «Лучу» и инспектор по делам типографий Бутовский. Правление «Петербургских артелей» получило его распоряжение не раздавать газетчикам «Луч» без «особого на то каждый день разрешения» (1912, № 28). Проявляла соответствующую инициативу и местные власти. Администрация Брянского завода запретила рабочим читать «Луч» (1912, № 86). Из Новгорода сообщали: «Луч» не найдешь. Содержатель единственного во всем городе газетного киоска говорит, что гонения на эту газету вынудили его прекратить продажу: «Шесть раз в неделю выходит эта газета, и шесть раз иногда у меня сделают обыск» (1913, № 15/101). Группа рабочих пишет из Константинова: «Просим редакцию газеты «Луч» не высылать ее по адресу подписчиков ввиду того, что мы ее не получаем с № 74. А получает за нас пристав Ревенко» (1913, № 83/169).

А вот сообщения из области курьезов. В статье «О рабочей печати» сообщалось, что администрация Петербургского патронного завода предупредила своих рабочих, что за чтение газет «Правда» и «Луч» она будет штрафовать их на 3 руб. каждый раз, а за «Копейку» — от 50 коп. до 1 руб. (1913, № 38/124). Или: «Молодой парень нес в починку галоши. Они были завернуты в «Луч». Один из ревнивых блюстителей порядка схватил парня за плечо и потащил в участок. Только там, убедившись, что в свертке нет крамолы, отпустил парня» (1913, № 79/165).

Обычно за допущенную «крамолу» цензурный комитет или градоначальник штрафовали редактора на сумму до 500 рублей. Штраф можно было заменить арестом. Но так как нарушений законов на страницах «Луча» цензоры находили много, а средств у газеты всегда было мало, то в тюрьме нередко встречались сразу несколько редакторов. В заметке «Освободили редакторов «Луча» (1913, № 44/130) сообщалось, что освобождены редакторы П. В. Чуев, Ф. М. Петров, Н. Е. Егоров, А. П. Аханин. Как-то градоначальник оштрафовал Аханина на 500 руб. за публикацию «Вокруг Думы. Трудовики об амнистии» (1912, № 51), хотя она представляла собой лишь перепечатку из газет «День» и «Русская молва», а редакторы тех газет за ту же публикацию не пострадали. Случалось, что с номера снимали арест, но делалось это спустя месяцы, когда материал устаревал. Неустойку же за материальные потери никто редакции не возмещал. Так было с номерами 34, 35, 41, 47 за 1912 г. (1913, № 44/130). Однажды против Аханина возбудили уголовное дело за то, что в № 48 он поместил наказ еврейских рабочих депутату Ягелло, причем со дня публикации минуло три месяца.

Все эти факты — пример откровенной предвзятости к рабочей газете социал-демократического толка. В борьбе с политическим противником пускались в ход любые средства, и все они считались дозволенными. Такова была судьба рабочих изданий: жить им приходилось

под жестким прессингом. В их защиту выступали только читатели. В знак протеста против преследования своих изданий забастовали 1 июля 1913 г. рабочие-путиловцы, две смены завода «Вулкан», 900 рабочих завода Семенова и других предприятий Петербурга (1913, № 149/235).

С самого начала «Луч» стал частично альтернативой первой рабочей газеты «Правда»: старшая сестра родилась, как известно, 5 мая 1912 года. Уже в № 1 «Луча» его издатели позволили себе крамольную мысль, которая затем превратилась в «яблоко раздора» между «правдистами» и «лучистами»: «Несмотря на обещания, сделанные в 1-м номере «Правды», последняя не только ничего не сделала для объединения вокруг себя всех сознательных рабочих, но отклонила все попытки к совместному ведению газеты с представителями других течений и превратилась таким образом в орган определенного кружка». Перчатка была брошена, и «Правда» подняла ее. А первое сражение двух газет началось вокруг выборов в IV Государственную думу.

Тема эта стала тогда ведущей почти для всех газет, от большевистской «Правды» до кадетской «Речи». Объяснять не приходится: борьба за власть была и останется двигателем деятельности политических партий, главной темой их печатных органов. Из номера в номер данной теме отводилась значительная площадь и в «Луче». Любопытна публикация в № 4 «Вдохновители и исполнители» за подписью «Кій». Она раскрывает механику выборов в Думу: например, в тех городах, где проживали евреи, выборы назначались на субботу, чтобы лица иудейского вероисповедания не могли пойти к урнам для голосования, а целые предприятия по рабочей курии не включались в списки для голосования и т. п.

«Луч» выступал за единую платформу социал-демократии на выборах. Этому посвящены многие публикации: «Это ли не единство», «Еще раз о выборах по рабочей курии» (1912, № 18), «Против раскола» (1912, № 12), «К. Каутский о двойных кандидатурах» (1912, № 14), «Единство или раскол?» (там же) и др. Слова «единство» и «раскол» в таких материалах преобладают. Дело в том, что «Правда», объявившая беспощадную войну ликвидаторству, не прекратила ее и перед выборами. Правдисты подчеркивали: главная борьба на выборах по рабочей курии будет вестись между ликвидаторами и партийцами.

У «Луча» было иное мнение. «Но очень нежелательно обсуждать платформы в той плоскости, в которой полагают некоторые товарищи, а именно, борьба течений внутри самой с.-д.... Рабочему классу нет дела до разного рода тонкостей (в политических платформах. — Т. М.)», — писал И. Т. Смилга в статье «Кого выбирать в Государственную думу» (1912, № 13). С его точкой зрения был согласен и К. Каутский (к которому за разъяснением и поддержкой обратился Троцкий): «Важнейшим вопросом для русского и тем самым также для всего международного пролетариата является... не то, какие течения будут представлены в Думе, а то, сколько пройдет в нее социал-демократов депутатов» (там же). «Выступать, как единая сила, сплоченная под единым знаменем!» — призывали «лучисты» (там же).

Казалось бы, простая мысль: уметь правильно определить задачу дня и сплотить во имя ее усилия. Но не всех она осенила и не всем была по вкусу. В статье «Кто последовательный рабочий демократ» редакция раскрывает суть платформ «Правды» и «Луча». Первая рассчитана на борьбу за решение глобальных задач пролетариата; вторая выдвигала ряд сугубо частных требований: всеобщее избирательное право, свобода коалиций и др., то, что способно немедленно привести массы в движение. Не отвергая программу «Правды», «лучисты» ставили на повестку дня решение минимальных задач, понятных всем и реальных для воплощения. «Если бы мы отказались от выставления «частичных» очередных лозунгов, а ограничивались бы только повторением трех больших требований, мы фактически предлагали бы массам сидеть у моря и ждать погоды» (1912, № 19).

Здравый смысл предельно нагляден в «Луче», в письмах рабочих, выступавших за единство. «Мы, группа рабочих Путиловского завода, стоящих на точке зрения единства нашей рабочей партии и принимавших горячее участие (идейное и материальное) в процветании и распределении рабочей газеты «Правда», заявляем свой решительный протест против систематической фракционной проповеди раскола этой газетой»; «Группа ростовских товарищей в числе 24-х приветствует выход «Луча» — органа, выступающего в защиту единства с.-д.» (1912, № 24); «Приветствуем и желаем! Но не желаем лишь грызни. Не только мы, леснеровцы, но и товарищи других заводов в большинстве случаев недовольны полемикой отдельных групп, полемизирующих зачастую не с точки зрения принципа, а из-за эгоистической защиты собственного я... Назначение рабочей печати не в пререканиях друг с другом — в просвещении и единении» (1912, № 31).

Выборы в Думу сопровождали многие перипетии, в том числе исключение из избирательных списков рабочих 22 петербургских предприятий и последовавшие затем многотысяч-

ные забастовки. «Луч» подводит итоги кампании: хотя Дума «будет черной», в ней есть социал-демократическая фракция; «за пятилетний период существования 3-й Думы соц. демократия сделала колоссальный шаг вперед — к завоеванию открытого существования», — говорилось в заметке «Первые результаты выборов» (1912, № 35). С № 52 в газете появилась рубрика «Государственная дума». В ней помещались отчеты о заседаниях, публиковались выступления социал-демократических депутатов. Другие газеты для такой информации не находили места.

Еще одна тема, на которой проверялись отношения между фракциями в российской социал-демократии, — забастовочное движение. Вокруг форм и методов борьбы рабочего класса за свои экономические и политические права большевики развернули бурные дебаты. Демонстрируя безупречность понимания рабочих проблем, монопольное право вести за собой массы, внушать им идею необходимости биться до полной победы, невзирая на жертвы, они проявляли глухоту или раздражительность по отношению к любому иному мнению и иной тактике действий. Именно «Луч» стал объектом их нападок.

В день открытия IV Государственной думы, 15 ноября 1912 г., по Петербургу прокатилась стихийная волна забастовок протеста. «Луч» откликнулся на события статьёй «Что же дальше» и навлек на себя гнев «правдивов». Статья эта важна для понимания позиции меньшевиков. В ней говорилось: «Забастовка 15 ноября может одновременно и огорчить и обрадовать друзей рабочего класса. Она может огорчить... потому, что она резко подчеркнула основную опасную болезнь — полную неорганизованность рабочих масс, при которой та или иная группа легкомысленных и азартных авантюристов может, используя повышенное настроение масс, двинуть их на забастовку. Но может и обрадовать, потому что этот день опять так же недвусмысленно подчеркнул, что влияние с.-д. печати и фракции настолько велико, что их предупреждающий голос привел к тому, что огромная часть петербургского сознательного пролетариата воздержалась от забастовки. Забастовка — орудие тонкое. От частого употребления оно изнашивается, тупеет. Еще 1—2 забастовки вроде последней, и они, кроме полиции, ничего внимания не заденут. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт. И если рабочие не укрепятся организационно, они неизбежно попадут в мертвую полосу полного бездействия» (1912, № 53).

Несколько раньше, в статье «Насущная задача», признавая стачку одним из самых сильных, но одновременно и самых дорогих орудий борьбы, «Луч» призывал считать ближайшей задачей завоевание права свободы собраний и союзов (1912, № 41). Не одобрил «Луч» и вспыхнувшей 17 июня 1913 г. стихийной забастовки. Поводом к ней послужила годовщина судилища над 52 восставшими матросами Черноморского флота. В связи с забастовкой газета писала: «Проповедовать господство стихийности во всем ходе рабочего движения — значит не выполнить своего с.-д.-го долга. Ведь такой проповедью мы лишь облегчаем работу врагов рабочего класса... Им... ничего не стоило бы в нужную минуту пускать какие угодно «сообщения» и вовлекать в нужное им «движение» рабочие массы. К организации — таков самый настоятельный урок нынешней забастовки!» (1913, № 139/225).

Ссылаясь на вышеприведенные публикации «Луча», «Правда» обвинила меньшевиков в отказе от стачек и назвала их «паразитами на организме с.-д.». Думается, что оппонент не был объективен. К тому же материалы о забастовочном движении буквально не сходили с полос «Луча». Отдел «Рабочее движение» изо дня в день помещал хотя и небольшие, но емкие сообщения о стачечной борьбе рабочих Петербурга, Москвы, Риги, Харькова. Экономических стачек проходило множество: бастовали металлисты и деревообделочники, связисты и кожевники. Газета сообщала обо всех. Уделила она внимание даже стачке портных. Поскольку они были рассеяны по небольшим мастерским, редакция завела рубрику «Среди портных» и из номера в номер давала сообщения о ходе стачки.

Редакция располагала разнообразной информацией о положении дел на местах, в трудовых коллективах. На нее работали, однако, и весьма широко мыслящие авторы, теоретики рабочего движения. Поэтому «Луч» мог позволить себе иметь собственный взгляд на вещи, самостоятельное их понимание, отличное от защищаемого «Правдой». Взгляд этот таков: в царской России забастовка в редком случае может завершиться успехом, хотя бы частичным удовлетворением требований; чаще она, увы, связана с поражением, а это спад настроения, депрессия, разочарование, отток рабочих от движения, материальные потери семей бастующих, торжество администрации и ее жажда морального возмездия при самых невероятных формах унижения забастовщиков за недавний испуг и финансовые убытки.

Вот почему в «Луче» звучали призывы действовать взвешенно и организованно, не «играть» в забастовки. Отличительной же чертой времени газета называла в статье «Забастовочное движение в России» рост политических забастовок протеста. Из каждых четырех ста-

чечников трое бастовали по политическим мотивам (1912, № 39). Показательно, что благодаря стачке протеста были назначены повторные выборы в Думу. Шквал недовольства вызвало известие о смертном приговоре 17 матросам-севастопольцам. С № 38 и до своей ликвидации «Луч» не снимал рубрику «Забастовки рабочих в Петербурге».

Ряд номеров газета отвела освещению стачки на заводе «Новый Лесснер», у которой было необычное начало. В № 93 (1912) «Луч» поместил некролог «Не вынес»: 17-летний подручный Яков Стронгин повесился после того, как мастер Лауль необоснованно обвинил его в краже гаек; рабочие потребовали увольнения мастера и после отказа администрации забастовали. «В борьбе за человеческое достоинство, за попираемые права рабочего класса, за рабочую солидарность — глубокий смысл новолесснеровской забастовки», — писал «Луч». Эту борьбу поддержали многие предприятия Петрограда. «Луч» сообщал о решении рабочих Металлического и других заводов отчислить половину дневного заработка в пользу бастующих. Стачка имела большое политическое значение. В статье «Дело чести» «Луч» спрашивал: «Где и кто после этой удивительной лесснеровской стачки осмелится с такой же легкостью, как это сделал мастер Лауль, нанести смертельное оскорбление наемному рабочему?» (1913, № 148/234). В умении организовать, чтобы защитить честь товарища, поделиться с друзьями последним публицисты газеты видели смысл стачки на «Новом Лесснере».

В поле зрения газеты попали и штрейкбрехеры, которые наносили вред рабочему движению, срывая забастовки. На страницах «Луча» можно было прочитать имена таких штрейкбрехеров. Эти люди навсегда теряли уважение в рабочей среде. Неудивительно, что в газете появлялись такие письма: «Два года назад, когда у нас в Риге была всеобщая забастовка жестянщиков, я был первым штрейкбрехером: последствия моего поступка отразились неблагоприятно на забастовке и на мне, в частности. У мастеров за мой поступок первое время я добился уважения. Я стал предметом смеха общего и презрения рабочих. И я решил через вашу уважаемую газету «Луч» просить прощения у рижских рабочих-жестянщиков» (1913, № 43/129).

Изучая сегодня номера «Луча», задумываешься, как умело учитывала редакция и политическую ситуацию, и психологию читателя, и степень сознательности рабочих, ставила задачи и близкие, и рассчитанные на более отдаленную перспективу. Вновь задаешься вопросом: так из-за чего же тогда разгорелся сыр-бор? За что судили так строго и беспощадно газету «Луч» большевики? «Правда» клеймила меньшевиков за отказ от нелегальной работы, за желание ликвидировать партию, за защиту частичных, а не всемирных требований, за игнорирование стачек. В ответ на это Ф. Дан в «Тактических заметках» писал: «Для марксизма все средства хороши, только каждое — в свое время и на своем месте. Вот почему он... одинаково отвергает и «отказ» от забастовок, и идолопоклонство перед ними» (1912, № 68); непрерывные забастовки уводят рабочих от борьбы политической к борьбе экономической (1912, № 71); «раньше у рабочих не было думского представительства, да и самой Думы не было... Раньше не было никаких зачатков открытой организации... не было легальной печати... Все это существует, и главное существует возможность борьбы за увеличение и укрепление этих новых орудий рабочего класса» (там же).

А вот мнения редакции о нелегальной работе: «Газета «Правда» сеет обман в рабочей среде, на все лады повторяя, что среди с.-д. есть противники нелегальной политической организации. Такая организация в настоящее время представляет собою безусловную, хотя признаться, тяжкую необходимость» (1913, № 47/133); «Легальная пресса и легальные экономические организации пролетариата должны дополняться конспиративным аппаратом» («Карл Каутский и наши разногласия» — 1913, № 53/139); «Меньшевики прекрасно понимали, что не всякая нелегальная организация есть организация подпольно-заговорщическая. Никто не сомневался, что при нашем лжеконституционном строе без нелегальных... коллективов невозможно ступить и шагу. Открытые выступления на основе нелегальных возможностей... конец той веревки, умело ухватившись за который, нелегальная организация может путем упорной борьбы выбраться из подполья» («Еще раз о т. н. «ликвидаторстве» — 1913, № 49/135).

Сравнивая позиции двух газет, убеждаешься: разногласий между ними вроде бы и нет; как будто и с той, и с другой стороны налицо одинаковое (или близкое к нему) понимание вещей. Сфера деятельности большевиков и меньшевиков-ликвидаторов, «правдивов» и «лучистов» одна и та же: Дума, профсоюзы, фабрично-заводские рабочие. Цели и методы борьбы ликвидаторов отличаются от большевистских лишь оттенками: в их тактике и поведении меньше категоричности и больше открытости, они предпочитают работу на сегодняшнее, а не на отдаленное будущее. Как заметила редакция «Луча», «ликвидаторы — все, кто

не думает, что спасение с.-д. в диктатуре ленинского кружка и в слепом подчинении рабочих масс указаниям этого кружка» (1913, № 53/139).

Кому же нужны были разжигание страстей и поиск разногласий? Похоже, что не «Лучу». А тем более не рабочим, на которых работали и «Луч», и «Правда». Рабочие прежде всего желали слаженности дел и практического руководства. Вот небольшой сюжет из «Луча»: «В ночь на 18-е января выход сотого номера «Луча» был отпразднован скромной пирушкой в тесном кругу редакции, сотрудников, конторщиков и наборщиков «Луча». В пирушке приняли участие наборщики «Правды». Тост за единство рабочего движения и с.-д. был восторженно принят всеми присутствующими» (1913, № 14/100).

Максималистскому лозунгу большевиков меньшевики противопоставили ряд частных требований: 8-часовой рабочий день, демократическая республика, всеобщее избирательное право, свобода печати — и тут же вызвали атаку на себя. В серии статей «Карл Каутский и наши разногласия» публицист «Луча» Троцкий писал: «Эта точка зрения — все или ничего — представляет самое роковое заблуждение, под которое может подпасть социалистическая партия. Она означает — парализовать силы пролетариата до момента, о котором никто не знает, когда он наступит» (1913, № 56/142). Троцкий подводит черту под серией статей зовущей к единству фразой: «То, что разделяет (большевиков и меньшевиков. — Т. М.), это скорее воспоминания прошлого, чем противоречия теперешней работы» (1913, № 66/152). Ленин высказывался иначе. И никогда потом меньшевики и большевики не слились вновь в единую партию.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 48, с. 95.
2. Луч, 1913, № 14/100 (далее ссылки на эту газету даются в тексте).

Трапезундский ученый Георгий Амирутци

С. П. Карпов

Греческий писатель и государственный деятель Георгий Амирутци (начало XV в. — около 1475 г.) жил в эпоху гибели византийской государственности и османских завоеваний. Он был современником и участником идейно-политической борьбы в Византии между латинофилами (сторонниками союза с Западом и заключения унии православной церкви с римско-католической), консервативно-православной группировкой и туркофилами. Неоднократно меняя политическую ориентацию, он пережил османское завоевание и стал одним из немногих византийских интеллектуалов, перешедших на службу к османам. В творчестве Амирутци отразился кризис едва развившихся в Византии гуманистических тенденций¹. До последних дней жизни он боролся за сохранение в условиях турецкого господства могучего наследия византийской культуры, стараясь найти ей место в новой системе ценностей.

Современники называли Амирутци «трапезундским философом» (он сначала жил в Трапезунде и занимал высшие государственные должности при дворе трапезундских императоров). Впрочем, в понятие «философ» вкладывался тогда широкий смысл: так именовали универсально образованного человека, занимавшегося одновременно многими науками. И действительно, как писал византийский историк XV в. Критовул, Амирутци отличался широкими и удивительными познаниями в физике и логике, математике и географии, учении перипатетиков и стоиков, риторике и поэтике². Ему принадлежат оригинальные решения различных проблем математики, а его трактат по этим вопросам стал известен благодаря переводу на латинский язык и комментариям, составленным в XVI в. немецким ученым Й. Вернером из Нюрнберга³.

Но Амирутци вовсе не был кабинетным ученым, отрешенным от мира созерцателем. Высокий и статный, прекрасный стрелок из лука, красноречивый оратор и галантный кавалер, дипломат и придворный, не стеснявшийся в средствах и не считавший зазорным круто менять политическую ориентацию, он напоминал скорее тот тип предприимчивого дельца и искателя приключений, который был так характерен для западноевропейского Возрождения. Не случайно генуэзский дож Лудовико ди Кампофрегозо в письме трапезундскому императору назвал Амирутци «воином», «достойным рыцарем и графом»⁴. Но не одни похвалы снискал Амирутци у современников и потомков. Над ним тяготело и суровое обвинение в предательстве, сдаче османам хорошо укрепленного Трапезунда и содействии гибели его последнего императора Давида (1458—1461 гг.) со всей его семьей.

Амирутци родился в греческой семье и получил хорошее образование в Трапезунде, процветавшем в XIV—XV вв. центре наук и искусств, столице небольшого, но густонаселен-

Карпов Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Московского государственного университета.

ного греческого государства — Трапезундской империи, существовавшей в XIII—XV веках. Он быстро продвигался по служебной лестнице, в 1437 г. был протонотарием, а к концу следующего десятилетия стал обладателем одного из самых высоких титулов — протовестиария. Это лицо возглавляло аппарат управления, ведало внешней политикой, было ближайшим советником императора. Выше по сану были только деспоты. Но последний титул присваивался лишь членам царствующей династии, наследникам и братьям императора. Амирутци владел крупной земельной собственностью: его виноградники были разбросаны по разным районам империи⁵. Он не принадлежал к семейству понтийской аристократии и своей карьерой был обязан знаниям наук и своей ловкости придворного.

Его слава уже в 30-е годы XV в. распространилась далеко за пределы империи. В то время шла подготовка к вселенскому собору, на котором намечалось объединить православную церковь с римско-католической. Византийский император Иоанн VIII Палеолог, нуждавшийся в опытных советниках, пригласил Амирутци принять участие в заседании собора в качестве эксперта. Прекрасно разбиравшийся в догматических вопросах Амирутци на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг. участвовал во встречах делегаций греческой и римско-католической церквей, присутствовал на тех беседах у императора и патриарха, где определялся подход греков к обсуждавшимся проблемам, и занимал последовательно пролатинскую позицию⁶. К этому же склонялся и византийский император, нуждавшийся в помощи Запада для отпора османской угрозе.

Но в случае с Амирутци в выборе им позиции помимо его сервиллизма не последнюю роль сыграло корыстолюбие. В одном из документов папской курии содержится свидетельство, что во время собора епископ Корона вручил «протонотарию Трапезунда Георгию» 100 золотых флоринов⁷. В поданном Иоанну VIII «Мнении» по поводу заключения унии Амирутци признал основное положение католицизма — доктрину об исхождении св. Духа и от отца, и от сына⁸, теоретически подготовив капитуляцию высшего византийского клира по главному, остро дебатированному вопросу.

Вернувшись в Трапезунд, Амирутци встретился с решительным сопротивлением унии, к заключению которой он был причастен, со стороны местного населения и главы церкви митрополита Досифея, а также трапезундского императора Иоанна IV (1429—1458 гг.). Тогда Амирутци круто меняет позицию и становится на сторону гневно осуждавшихся и высмеивавшихся им ранее поборников чистоты православия и врагов унии — митрополита Эфесского Марка и его брата, ригора Иоанна Евгеника. Именно Амирутци приписывается полемический трактат «О событиях, происходивших на Флорентийском соборе», адресованный некоему правителю Навплия Димитрию. В этом трактате критикуется отстаиваемое католической церковью положение о праве папы римского производить добавления к символу веры без санкции со стороны вселенских соборов, ибо папа не является главой всей христианской церкви. Флорентийский же собор, санкционировавший унию, не был вселенским ни в смысле представительности, ни из-за того, что на греческое духовенство оказали давление папа и император Византии.

В трактате отрицаются доктрины о непогрешимости пап и папском примате, отстаивается идея пятичлестности в церкви, равенства патриархов, основанного на равенстве апостолов. Первенствующее положение римских понтификов трактат признавал лишь «по чести»⁹. Эти суждения не представляли собой чего-либо нового по сравнению с более пространными и более тщательно обоснованными возражениями против унии Марка Эфесского и Геннадия Схолария.

Амирутци пользовался теперь репутацией столь же решительного противника унии, сколь решительным защитником ее он являлся десятью годами ранее. До конца своих дней он не утратил интереса к истории собора и, возможно, являлся одним из переписчиков (или редакторов) сочинения великого епископа Константинопольской церкви Сильвестра Сиропула об этом соборе¹⁰. В 1449 г. Амирутци был направлен трапезундским послом в Геную. Цель посольства — урегулирование финансовых и политических противоречий между Трапезундской империей и Лигурийской республикой, а также переговоры о заключении брака сына Иоанна IV с одной из дочерей дожа Лудовико. Приветствуя эту миссию, Геннадий Схоларий отмечал, что Амирутци распространил славу империи на все города и острова, через которые проезжал, и называл Амирутци «добрым и прекраснейшим»¹¹. Свидетельством сближения его с противниками унии может служить и то обстоятельство, что Иоанн Евгеник направил именно Амирутци эпитафию на смерть своего брата Марка Эфесского¹².

Прошло немного лет после возвращения Амирутци из Италии. В 1461 г. Трапезунд был осажден турецкими войсками. Их авангардом командовал двоюродный брат Амирутци по

материнской линии великий визирь Махмуд-паша, вступивший в переговоры через Амирутци о сдаче города султану. По совету протовестиария, император Давид открыл османам ворота, приняв тяжелые условия капитуляции. Трудно сказать, было ли это предательством со стороны Амирутци или же осознанием безвыходности положения, когда Трапезундская империя, брошенная ее главным союзником, ханом государства Ак-Коюнлу Узун Хасаном, оказалась лицом к лицу с османской армией и флотом, которыми командовал победитель Византии султан Мехмед II Фатих.

После капитуляции Амирутци вместе с императорской семьей и другими знатными трапезундцами был переселен в Адрианополь и оттуда послал своему соотечественнику, влиятельному кардиналу католической церкви Виссарияну Никейскому письмо с рассказом о военных действиях у Трапезунда и судьбе города. Амирутци просил Виссарияна помочь ему деньгами для выкупа своего сына Василия, которого султан забрал в сераль и принуждал принять ислам¹³.

Но вскоре, используя связи с великим визирем, Амирутци завоевал прочное положение при дворе султана. Греческие источники более позднего времени сообщают (возможно, не без преувеличения), сколь значительным стало влияние «трапезундского философа». Церковные власти воспрепятствовали заключению брака Амирутци, который еще не находился в разводе, со вдовой бывшего Афинского герцога Франко Аччайуоли. Тогда Амирутци добился через Махмуд-пашу смещения патриарха Иоасафа Коккаса и наказания его советника великого епископа Мануила Христонима (у него были вырваны ноздри)¹⁴. В 1465—1475 гг. Амирутци оказывал существенное влияние на политику Константинопольского патриархата. Он способствовал тому, что владения трех крупнейших понтийских монастырей в области Мацука были сохранены за ними и после османских завоеваний¹⁵. Амирутци, правда, не стал ренегатом, как оба его сына, но его принадлежность к туркофилам не вызывает сомнений.

Султан поручал Амирутци составление карты мира по Птолемею и переводы произведений этого античного географа, вел с философом беседы о сущности христианства (сохранился на латинском языке текст одного такого диалога¹⁶). Известны шесть поэтических произведений Амирутци. Четыре обращены к султану, причем первое относится к числу древнейших рифмованных светских стихотворений на греческом языке¹⁷. Философ как бы устами города Константинополя говорит благодарственную речь повелителю, украсившему древнюю столицу, как юную и прекрасную девушку, румянами и драгоценностями (намек на градостроительную деятельность Мехмеда II и переселение в город из других областей торгово-ремесленного населения)¹⁸. Основная новация заключалась в почти литургическом восхвалении неэллинского героя, победившего самих греков. В двух других стихотворениях, обращенных к даме сердца, Амирутци предстает как лирик, раскрывающий богатство интимных переживаний.

Политические и философские идеи Амирутци представляют большой интерес. Но мы чаще узнаем о них из писем корреспондентов философа, чем из немногих дошедших до нас его трактатов. Поэтому не всегда можно четко определить, как автор решает те или иные проблемы. Зато можно составить представление о круге его интересов и сфере занятий. Первый приписываемый ему трактат был создан незадолго до 1437 года¹⁹. Он облечен в форму ответа на вопрос, почему, сотворив человека слабым, немощным и предрасположенным к греху, Бог карает его за прегрешения вечным наказанием, не имеющим предела. Философ видит смысл человеческого существования в обуздании страстей, для чего у человека есть полная свобода воли, а в помощь ему дана добродетель. Грех — это плод бездеятельности, незнания божественных заповедей. Человек сам в силах избрать путь греха или спасения, следуя либо разуму, либо чувству. Здесь Амирутци ставит проблему свободы воли. Разум оказывается в центре нравственности. Мудр тот, кто сделал разум основой своей жизни. Философ опирается на авторитет не только св. Писания, но и на античную традицию, включая сочинения Платона.

Два других трактата Амирутци были написаны по заказу, имеют официальный характер и вряд ли обнаруживают истинные взгляды автора. Несколько больше мы узнаем о них из полного иносказаний и недомолвок письма к нему греческого гуманиста Михаила Апостолия, а также из переписки философа с мидийским митрополитом Феофаном Агаллианом²⁰. В этих сочинениях, созданных уже после турецкого завоевания, Амирутци склонялся даже к признанию мусульманского монотеизма, отказываясь от христианского догмата о троицности Бога. Такой ответ мог быть сугубо вынужденным²¹. Он считал, что человек должен любыми средствами оберегать себя от опасностей, и следовал этому принципу и в теории, и в жизни, именно суеверием страдание за веру.

Опираясь на античное наследие, Амирутци придавал определенное значение знанию, основанному на опыте. Занимаясь географией, медициной, астрономией и математикой, он стремился к рационалистическому истолкованию причинно-следственных связей в природе и обществе. Но, даже находясь под защитой султана, философ проявлял осторожность, избегая осуждения своих взглядов православной церковью, к которой принадлежал. Только после 1461 г., когда падение империи развязало ему руки, его позиция проступила отчетливее, и Амирутци заявил, что не все явления в жизни происходят по воле Бога и многие обусловлены естественными причинами. Он высказался даже в том смысле, что сам божий промысел произведен от природы и действует через нее. Здесь взгляды Амирутци приближаются к пантеизму. Недаром его современнику, клирику Феофану он казался эллинизирующим философом, близким к язычеству. Истоки этой концепции Амирутци встречаются уже в его ранних произведениях. В «Гимне Богу» он восхваляет Творца как «общего попечителя», но обходит вопрос о воздействии божественной воли на человека и общество²². Политические идеи Амирутци были порождены условиями крушения эллинской государственности и принадлежностью автора к туркофилам. В стихах к Мехмеду II Амирутци мечтает о превращении султана в вождя и царя эллинов, создателя всемирного могучего государства и лелеет надежду на обращение Мехмеда в христианство. Тут он не был одинок: о том же мечтали итальянские гуманисты Ф. Филельфо и Э. С. Пикколомини (папа Пий II).

С итальянскими гуманистами Амирутци поддерживал тесные связи. Л. Бруни Аретино адресовал ему свой трактат о Флорентийской республике²³. Из Милана к нему обращался Филельфо, рекомендуя отправлявшегося на Восток архитектора Антонио Аверулино. Проявлявшиеся у Амирутци черты религиозного скепсиса, индивидуалистические устремления, увлечение античными авторами, энциклопедичность познаний, широта интересов и шаги в сторону рационализма сближают трапезундского мыслителя с гуманистами Италии, хотя многое еще связывало Амирутци со средневековой догматикой. В его творчестве отразилась та гуманистическая тенденция в византийской общественной мысли, которая, зародившись в XIV в., просуществовала до падения Византии, несмотря на торжество там мистико-исихастских идей.

Но византийский ранний гуманизм подвергся деформации: гибкость теории граничит у Амирутци с эклектизмом, гибкость его этических принципов близка к беспринципности. Индивидуализм Амирутци эгоистичен. Это скорее свидетельство разложения старой, нежели становления новой морали. Тем не менее, творчество Амирутци — уникальная страница в истории византийской культуры, свидетельство наличия в ней внутренних потенций, несмотря на острый политический кризис и экономический упадок. Лишь иноземное завоевание породило такой поворот, как попытка Амирутци приспособить византийский гуманизм к османскому владычеству и исламскому мировоззрению.

Примечания

1. МЕДВЕДЕВ И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л. 1976.
2. Critobuli Imbriotae Historiae. Brl. — N.Y. 1984, pp. 165—166.
3. IOANNIS VERNERI NURENBERGEM recens interpretamentum in Primum librum Geographii Cl. Ptolomaei. Nuremberg. 1514.
4. Archivio di Stado di Genova. Archivio Segreto, 1789. Litterarum, 13, f. 407 v, 27.VI.1449; JORGA N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. — Revue de l'Orient Latin, 1900, t. 8, p. 58.
5. BELDICEANU N., BELDICEANU-STEINHERR I. Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487. In: Travaux et Mémoires. T. 8. P. 1981.
6. Les «Mémoires» du grand ecclésiarque de l'église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438—1439). P. 1971, pp. 259, 284, 316, 359, 420, 446.
7. Concilium Florentinum. Documenta et scriptores. Ser. A. Vol. 3, fasc 1. R. 1950, p. 110.
8. JUGIE M. La Profession de foi de Georges Amiroutzès au Concile de Florence. — Echos d'Orient, 1937, t. 36, № 186.
9. MOHLER L. Eine bisher verlorene Schrift von Georgios Amiroutzès über das Konzil von Florenz. — Orientalia Christiana Periodica, 1920, t. 9; JUGIE M. La lettre de Georges Amiroutzès au duc de Nauplie Demetrius sur le Concile de Florence. — Byzantion, 1939, t. 14. Имеются аргументы и против авторства Амирутци: GILL J. A Tractate about the Council of Florence Attributed to Georges Amiroutzes. — Journal of Ecclesiastical History, 1958, t. 9.

10. GAMILLSCHEG E. Der Kopist des Par. gr. 428 und das Ende der Großkomnenen. — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1986, Bd. 36, S. 287—300.
11. *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios*. T. 4. P. 1935, pp. 453—454.
12. LAMPROS S. P. *Palaiologieia kai Peloponnesiaka*, T. 1. Athenai. 1912, p. 157.
13. MIGNE J. *Patrologiae cursus completus*. Ser. gr. T. 161. P. 1861, pp. 723—728.
14. *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos*. Bonn. 1849, pp. 97—99.
15. *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*. Birmingham — Washington. 1986, pp. 83—86.
16. ARGYRIOU A., LAGARRIGUE G. Georges Amiroutzès et son «Dialogue sur la foi au Christ tenu avec le Sultan des turcs». — *Byzantinische Forschungen*, 1987, t. XI.
17. ПОПОВА Т. В. *Византийская литература XIII—XV вв. В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV вв.* М. 1969, с. 305.
18. LAMPROS S. P. *Poimata Georgiou tou Amoiroutze nyn to proton ekdidomena*. — *Deltion tes Istorikes kai Ethnologikes Etaireias tes Ellados*, 1885—1889, t. 2; REINSCH D. R. *Byzantisches Herrscherlob für den türkischen Sultan*. In: *Cupido legum*. Frankfurt a. M. 1985.
19. TOMADAKIS N. B. *Georgiou philosophou tou Amiroutze proston basilea Ioannea ton Palaiologon apore-santa*. — *Epeteris Etaireias Byzantinon Spoudon*, 1952, t. 22.
20. NOIRET H. *Lettres inédits de Michel Apostolios*. P. 1889, pp. 83—84; PAPAPOPOULOS-KERAMEUS A. *Theophanous Medeias kai Georgiou Ameroutze Epistolai*. — *Ho en Konstantinoupolei Ellenikos Philologikos Syllogos*. — *Parartema*, 1884, t. 15—18, pp. 18—19; PATRINELIS Ch. *Ho Theodoros Agallianos kai hoi anekdotoi logoitou*. Athenai. 1966; TURNER C. *On the Works of Theodore Agallianos*. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1968, Bd. 61.
21. TOMADAKIS N. B. *Etourkeusen ho Georgios Amiroutzes?* — *Epeteris Etaireias Byzantinon Spoudon*, 1948, t. 18, pp. 130—131; FRANGEDAKI A. *On Fifteenth-Century Crýpto-Christianity: a Letter to George Amiroutzes from Michael Apostolis*. — *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1984—1985, t. 9.
22. LAMPROS S. P. *Georgiou Ameroutze anekdotos euche pros ton Theon*. — *Neos Hellenomnemon*, 1906, t. 3.
23. LAMPROS S. P. *Leonardou Aretinou pros Georgion Amoiroutzen*. — *Ibid.*, 1925, t. 19, pp. 58—59.

Русские и немцы: представления друг о друге

М. В. Дмитриев, Н. Л. Пушкарева

Представления немцев о русских и России и русских о немцах и Германии — один из аспектов темы «Россия и Европа». Германия как ближайший и крупнейший западноевропейский сосед России всегда оказывалась для нее главными воротами в европейский мир. Поэтому взгляд немцев и русских друг на друга — важнейшая часть «западно-восточных отражений», если воспользоваться выражением, составившим общее название для ряда книг, выпускаемых в ФРГ по инициативе и под руководством известного германиста, писателя, переводчика Л. З. Копелева, вынужденного в 1980 г. эмигрировать из СССР. Рецензируемые книги¹ открыли две серии²: «Немцы и Германия глазами русских», «Россия и русские глазами немцев», которые по замыслу издателей и авторов охватят более чем тысячелетний период истории русско-немецких отношений.

Общим предметом всех задуманных книг Копелев называет «общественно-психологические представления» о России и Германии, сложившиеся в течение столетий в двух странах. Долгое время эти представления имели анахронический и мифологический остов, что получило отражение в стереотипах, клише и предрассудках. Вместе с тем в них отразились и реальные черты национального характера и особенности традиций двух народов. Задача предпринятого масштабного исследования видится Копелеву в том, чтобы беспристрастно объяснить происхождение стереотипов, выявить их иррациональные элементы и, в итоге, преодолеть мифологемы немецкого образа русских и русского образа немцев.

В первом из томов, которые складываются из ряда очерков, охватывающих разные аспекты темы, Г. Гекер оценивает положение Руси в средневековой Европе, подчеркивая, что нет оснований противопоставлять Русь, воспринявшую византийское наследие, остальной Европе, само понятие о которой не было выработано на протяжении всего средневековья. Преградой на пути интеграции древнерусской культуры в общеевропейскую он считает не принятие православной версии христианства, а монголо-татарское нашествие и изоляцию Новгорода от Запада в конце XV в., в результате присоединения к Московскому государству. Отличия Руси от Запада, сохранявшиеся на протяжении всего средневековья, вполне вмещались в европейский культурный круг, из которого Русь никогда полностью не выпадала. Вхождение Руси в европейскую семью народов Гекер связывает прежде всего с окончательным принятием христианства в конце X в., отмечая при этом, что установившиеся в дальнейшем связи Руси с Западной Европой отличались исключительным многообразием.

Пушкарева Наталья Львовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР;

Дмитриев Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета МГУ.

М. Келлер проанализировал представления о восточных славянах, сложившиеся в немецких хрониках IX—XIII вв., а также образ русов в немецкой средневековой литературе. Первоначально немецкие хроники не отличали восточных славян от славян вообще и видели в них только варваров, дикарей и язычников. Однако со временем, как показывает автор, этот стереотип стали теснить значительно более благожелательные и уважительные представления, зафиксированные, в частности, Титмаром Мерзебургским. Немецкие хроники стали находить у славян и у русских не столько варварские, сколько экзотические черты, а немецкая поэзия вносила в этот образ наряду с традиционными характеристиками и личные суждения и наблюдения. Например, Русь у Гартмана фон Ауэ, с одной стороны, это — нечто бесконечно далекое и потенциально враждебное, с другой — это сказочная, благословенная, богатая, чуть ли не обетованная земля. Очень важно указание Келлера на многозначность семантики слова «wild», которое чаще других фигурирует в стереотипных представлениях о русах в немецких текстах. Этот термин означает не только «дикое» или «грубое», но просто «далекое», а иногда «забавное чужое» (I, с. 92—94), в зависимости от контекста.

Анализ обширного круга источников позволил автору показать, как эволюционировало и обогащалось на протяжении средневековья представление о Руси и русах. Стереотипы и клише не разрушались, но становились богаче, содержательнее, разнообразнее, разностороннее, наполняясь позитивными оценками и индивидуализирующими чертами. Бывали и понятные движения, связанные с политической и военной конфронтацией. Характерно, например, что восприятие русских как греков, то есть православных, сменялось в поэзии крестоносцев навязчивым представлением о них как о язычниках.

Эпоха золотоордынского ига на Руси явилась продолжительной паузой в развитии немецко-русских контактов и отражающих их представлений. Однако эта пауза не свидетельствовала о взаимном отчуждении и забвении. В оценке этого периода книгам присуща известная разноголосица. Л. З. Копелев и Б. Конрад-Лютт пишут об изоляции Руси от Европы в XIII—XV веках. Однако изученный их коллегами материал не подтверждает такого мнения в полной мере. Не сталкиваемся ли мы здесь со стереотипами, к преодолению которых как раз и стремится рецензируемое исследование? «Второе открытие» Руси немцами произошло, по мнению В. Ляйча, в XVI веке. Большую роль в этом сыграло сочинение Герберштейна, оказавшее огромное влияние на других авторов, писавших позднее о России. В книге приведены наиболее существенные фрагменты из его произведений.

А. Кеппелер относит к XVI в. не только политико-дипломатическую, торговую и военную, но также духовную встречу России с Европой. Только в Германии во второй половине XVI в. было издано более 100 книг и брошюр, освещающих Ливонскую войну и внутреннюю политику Ивана IV. Автор использовал для восстановления образа России, сложившегося в немецком общественном мнении, материалы многочисленных брошюр, то есть сугубо публицистические источники. Их тенденциозность усиливалась обстоятельствами войны за преобладание в Прибалтике, известиями об опричном терроре, а также определенным влиянием европейской антитурецкой публицистики XVI в., поскольку на Россию переносились стереотипы, касавшиеся прежде всего турок. К сожалению, Кеппелер не оговаривает при этом, что Османская империя воспринималась в Европе XVI в. со смешанным чувством страха и восхищения, породившего даже волну своеобразного туркофильства.

Россия же, в отличие от Турции, как видно из собранных в книге материалов, представляла в сугубо негативном свете. Среди прочих причин Кеппелер называет влияние польской пропаганды. Репутацию России определили не реформы 50-х годов XVI в., не победы над осколками Золотой Орды, не внутренняя жизнь русского общества и не подъем русской культуры в первой половине и середине XVI в., а опричная политика двух последних десятилетий правления Ивана IV. «Московит» рядом с турком изображался как враг европейского христианства (I, с. 175) и европейской цивилизации. Таким образом, Россия и русские в общественном сознании немцев как бы отлучались от Европы. Вслед за брошюрами этот имидж закрепляли в сознании читателей немецкие газеты XVI в., о чем пишет в своем очерке И. Ауэрбах, опубликовавший послание И. Таубе от 24 ноября 1563 г. о событиях в Москве и в Ливонии и выдержки из сочинений А. Шлихтинга, Г. Штадена и Г. фон Гоффа.

В конце XVI — начале XVII в., несмотря на усилия Годунова, стремившегося преодолеть отчуждение прежних лет, восприятие России в Европе, как показывает Ф. Кэмпфер, было окрашено все теми же черными тонами. Образ России как оплота «варварства» и «анархии» стал еще «более негативным, чем образ Турецкой империи» (I, с. 222). В XVIII в. этот образ закрепился, во-первых, благодаря сочинению А. Олеария, которому посвящен очерк У. Лишковского, во-вторых, в связи с общим резким сокращением в Германии публикаций о

России в XVII в. сравнительно с XVI, на что обратил внимание в разделе, посвященном изображению Московского государства в немецких газетах XVII в., М. Вельке.

Олеарий, по мнению Лишковского, хотя и находился в России, фактически был лишен возможности по-настоящему познаться с русской жизнью и поэтому некритически воспринимал дошедшие до него известия. Вместо создания объективной картины он способствовал еще большему распространению предрассудков относительно русского народа. По мнению Лишковского, невозможно доверять Олеарию, подходившему к России с мерками немецкой культуры и ментальности. Необъективность Олеария отмечает и Вельке, который полемизирует с суждением, будто Россию в Европе Нового времени стали по-настоящему замечать и ценить только со времен Петра I. Хотя в европейской культуре и продолжал господствовать негативный образ России, тем не менее немецкие газеты второй половины XVII в. внесли в него немало корректив, показав постепенный процесс европеизации страны (I, с. 271). В центре внимания, далеко, впрочем, не пристального, были сражения в русско-польских и русско-турецких войнах, борьба за Украину, сватовство королевица Вальдемара к царевне Ирине. Созданный газетными сообщениями образ царя Алексея Михайловича, как можно заключить из очерка Вельке, был противоположен образу Ивана Грозного. И подобно тому, как последний олицетворял Россию для западного читателя своего времени, так и Алексей Михайлович воплощал в себе новый образ России в глазах просвещенных слоев западного общества XVII века.

Особого внимания заслуживают наблюдения Вельке над европейским восприятием народных восстаний середины XVII в. и Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Известия же обо всех этих выступлениях разрушали созданный предшествующей традицией миф о всемогущности и законопослушании русского народа, о его неспособности оказывать сопротивление произволу государства и господ. Рост уважения к Русскому государству и, в особенности, к его военным успехам, сказывался во все большей склонности немецких газет употреблять царский титул при упоминании московских правителей, чего прежде не было, и в использовании западноевропейской терминологии применительно к русским политическим порядкам. Не прошли незамеченными реформаторские начинания А. Л. Ордина-Нащокина, начавшаяся реорганизация армии и государственных учреждений. В целом, уникальный материал, собранный Вельке, приводит к выводу, что Россия действительно была на пути в Европу, когда началась политическая биография Петра I (I, с. 286).

Три очерка М. Гук, Д. Ломейера и М. Келлера посвящены образу России и русских в литературе немецкого барокко. В этой области изменение представлений было не столь заметно, как в газетной публицистике, поскольку в значительной степени подчинялось эволюции самого жанра. «Русская тема» богато отражена в немецкой художественной литературе XVII века. На ее осмысление, как показано в этих трех очерках, повлияли как сложившийся канон восприятия России, так и унаследованные поэтикой барокко образы античной литературы. Стереотип дикой, варварской, грубой и жестокой Московии в полной мере сохраняет свое значение, хотя и переживает в контексте барокко известное обновление.

Россия воспринималась и изображалась как дикая Скифия или Сарматия, ставшая эталоном варварства еще благодаря трудам Геродота, Страбона, других античных историков и географов. В то же время образ дикой Скифии становится все более условным, что особенно заметно в творчестве С. Даха и особенно у П. Флеминга, для которого, как убедительно показал Ломейер, тема «скифской дикости» — не более чем оболочка, в которую вложен совсем иной, нетрадиционный образ (I, с. 353). О России и русских крестьянах Флеминг пишет с очевидным дружелюбием и сочувствием, что, впрочем, обусловлено не только склонностью к реализму, но и приверженностью к античному идеалу безмятежной сельской жизни. На примерах Флеминга, Даха, а также протестантского пастора И. Грегори (одного из организаторов придворного театра Алексея Михайловича и сочинителя первой поставленной в нем пьесы) авторы показывают, как в XVII в. «при дружеской встрече незнакомое перестает быть чуждым» и утрачивает атрибут «дикости» (I, с. 370).

Как перемена представлений о России у Флеминга и Грегори была порождена их близким знакомством с Россией, так и приверженность Г. Гриммельсгаузена привычным шаблонам обусловлена тем, что главным источником сведений о России для него было сочинение Олеария. Это показал в своем очерке Келлер. Повествование о приключениях Симплициссимуса в России воспроизводит все еще живучие представления Олеария о глубокой отсталости России, невежестве русских и каждодневном ограничении их свободы, о принуждении иностранцев к переходу в православие и т. п. Позиция Гриммельсгаузена была заведомо европоцентристской, и нужно согласиться с Келлером, что его сочинение, будучи выражением предрассудков о России, само способствовало их утверждению (I, с. 384).

Проанализированные в книге представления немцев о России XVII — XVIII вв. показывают, как в результате установления более близких и более органичных контактов России с Западной Европой менялось восприятие этой страны. Вместе с тем, глубоко и разносторонне описана духовно-психологическая инерция, выразившаяся в привязанности к знакомому, упрощенному и тенденциозному образу «дикой», варварской страны, которая постепенно преодолевалась в петровскую и послепетровскую эпоху. Представители европейского Просвещения смотрели на Россию иначе, нежели их предшественники. Том завершается рассказом Келлера о связях Г. В. Лейбница с Россией и Петром I. Лейбниц одним из первых стал целенаправленно опровергать существующее на Западе представление о Петре I как «северном турке» и составил большой проект культурно-цивилизаторских преобразований в России, с которым ознакомил царя. Впрочем, разрушая ложные представления о «дикой» России, Лейбниц вместе с тем придерживался идеализированных взглядов на нее.

Во вводной статье Копелева ко второй книге дается общий очерк отношений Руси и Западной Европы в допетровскую эпоху. Полемизируя с В. Т. Пащутю, Копелев показывает, что вплоть до XV в. контакты между русскими и немцами были нерегулярными. Редкие упоминания летописей о династических браках еще не дают оснований говорить о формировании представления народов друг о друге. Первые систематические попытки русских оценить национальный характер, быт и нравы жителей Германии Копелев относит к XV в., ссылаясь при этом на анонимное «Хождение на Флорентийский собор» и приписываемое Григорию Цамблаку «Слово, како держат веру немцы», хотя под «немцами» здесь правильнее понимать просто католиков. Предложенная Копелевым периодизация русско-германских этнокультурных контактов и общепринятый хронологический рубеж конца XV — начала XVI в. обусловили разделение книги на две части: до XV в. включительно и XVI—XVII века.

Л. Мюллер представил целостную картину развития русско-германских контактов домонгольской эпохи. Ввиду скудости сохранившихся источников внимание пришлось сосредоточить на противостоянии православной и католической церкви и выявлении не столько этнических и культурных, сколько религиозных представлений древнерусских книжников о «немцах». Имеются, однако, резервы, чтобы воссоздать более полную историю светских контактов России и Германии в киевскую эпоху. Так, на основе сопоставительного изучения материала летописей и хроник можно расширить представления о Евпраксии-Адельгейде Всеволодовне, супруге императора Генриха IV. Народные легенды об «Апраксее-волочайке», составленные позже, «по мотивам» событий XII в., содержали, конечно, немало искажений, но являлись откликом на поступающую в Россию информацию о жизни Германии.

Важен вывод автора, что конфессиональное противостояние до XIII в. не оказывало заметного влияния на династические, политические контакты и повседневную жизнь. Однако со временем, особенно после событий 1054 г., влияние церкви, требовавшей остерегаться «латинян», усилилось и во многом способствовало отчуждению Руси от Запада, усугубленному монголо-татарским игом. Нарастание этого конфессионального, а вслед за ним и культурного отчуждения интересно и убедительно прослежено Мюллером по «Житию Александра Невского» и материалам, относящимся к формированию его культуры.

В очерке Н. Ангермана и У. Эндель, основанном на текстологическом и лингвистическом анализе весьма разнообразных источников, рассмотрены русско-ганзейские контакты и формировавшиеся в ходе их представления о немцах. Перед нами — удачная попытка отыскать как истоки дружеского и взаимоуважительного отношения новгородских и ганзейских купцов (последних «русинь» называли «приятелями» и «соседями милыми»), так и причины появления враждебных немцам повествований типа «Повести о новгородском посаднике Добрыне», в которой ганзейские торговцы предстают как тайные католические миссионеры. Противоречия экономических интересов торговых партнеров и конфессиональные различия выделены авторами в качестве причин этнических конфликтов и преубеждений.

В основу раздела, написанного Б. Дирксом, «Война и мир в Ливонии (XII—XV вв.)» положено новгородское и псковское летописание, а также «Житие Александра Невского». Автор стремится преодолеть стереотип германо-русских отношений рассматриваемого времени как отношений «захватчиков» (немцев) и «победителей» (русских), показывая многосторонность и невраждебность общей линии германо-русских контактов того времени. Исследуя динамику их развития, Диркс выделяет в качестве основного рубежа XIII век. До этого времени бурное развитие торговли, отразившись на усилении интереса к образу жизни другого народа, способствовало укреплению добрососедских отношений между Русью и Германией, формированию адекватных представлений друг о друге. XIII же век, отмеченный в немецкой истории как начало успешных завоевательных походов, в том числе и на Русь, сопровождался значительными переменами, нашедшими отражение в русском летописании.

Термин «немцы» заменился определениями типа «нехристи», «поганые», хотя конфессиональная принадлежность жителей Германии была хорошо известна. Неприязнь и страх формировали стереотипы, закрепленные позднее военными конфликтами.

Б. Конрад-Лютт охарактеризовала некоторые черты отношения правящих кругов Русского государства в XV—XVII вв. к Германии и немцам. Автор опирается на официальные источники — отчеты посольств. Эти памятники, как и источники предшествующих столетий, почти не отличают немцев, населявших Германию, от «немцев» английских, французских, «свейских», то есть от иностранцев вообще. Ближе всего современному слову «немцы» соответствовало понятие «имперские немцы». По мнению автора, в XVI и XVII вв. немцы и Германия воспринимались русскими как общность, объединенная династическими, а не этническими связями. Доводы в пользу этого усматриваются в том, что русских дипломатов более всего интересовал вопрос о прерогативах императорской власти, отношения между группами знати. Но вряд ли можно делать обобщающие заключения, учитывая односторонний характер использованных автором официальных источников. Думается, что Конрад-Лютт несколько преувеличивает степень политической и культурной изоляции Руси от Европы во время ордынского господства.

Очерк Г. Рюса о московских «западниках» и «диссидентах» XVI—XVII вв. посвящен таким фигурам, как А. М. Курбский, Г. К. Котошихин, И. А. Хворостинин, Б. И. Морозов, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын. Факт появления в России людей, симпатизирующих Западу и знающих его, по мнению Рюса, опровергает «совершенно неприемлемое клише», будто Петр Великий первым «открыл окно» в Европу. Этот вывод убедительно подтвержден всем материалом очерка. В XVII в. в России складывалось представление о немцах как о нации людей умных, прилежных, трудолюбивых, как об искусных мастерах, владеющих секретами техники и научными познаниями. Рюс считает, что именно Германия формировала в то время у русских основное представление о Западе в целом. Кроме того, близкие контакты с немцами вызывали у жителей Москвы гамму противоречивых реакций: любопытство и опасения, восхищение и ненависть, удивление, уважение и насмешливое презрение. Складывавшийся образ «немца» формировался не столько благодаря усвоению книжной информации и личным контактам, сколько через слухи, сплетни, устные рассказы.

Рюс справедливо подчеркивает, что нельзя думать, будто правительственные круги проявляли в отношении немцев заботу и уважение, а народные массы — ненависть и нетерпимость. Отношение к немцам было дифференцированным всегда. Хотя церковь делала все от нее зависящее, чтобы изолировать русскую культуру от контактов с Западом, ей с трудом это удавалось. Придворные круги и часть городского населения были весьма восприимчивы к влиянию западной культуры, что уже в 20-х годах XVII в. отмечал дьяк Иван Тимофеев. Однако, соглашаясь с автором в том, что в XVII в. не существовало духовно-культурного единства русского общества, отметим, что и XVI веку не знакомо такое единение. Достаточно вспомнить гневные обличения митрополита Даниила в адрес поклонников западных мод, европейски образованного и гуманистически мыслящего Федора Карпова, русских вольнодумцев середины XVI в. во главе с Феодосием Косым, авторитет Николая Булева, приглашение в Москву Ганса Миссингейма и пр.

Авторов можно упрекнуть в невнимании к восприятию Германии, немцев, Запада (в частности, немецкого протестантизма и самого Мартина Лютера) в русском обществе конца XV—XVI века. Эта эпоха оказалась как бы в тени опричнины и Смутного времени (которому, кстати, тоже не повезло в книге), составивших перерыв в развитии «западнической» и секуляризационной тенденции русской культуры, в то время как XVII век свидетельствовал о ее торжестве.

Рюс раскрывает своеобразие русского «западничества» XVII века. Если боярин Морозов не представляется ему в этом отношении фигурой противоречивой, ибо он не только подражал западной моде, но был человеком новой культуры по своим убеждениям и самосознанию (II, с. 202—203), то Ордин-Нащокин глубоко и разносторонне знавший западную культуру, отстаивавший проекты радикальных государственных реформ, оставался истинным православным, верноподданным апологетом царизма, принципиальным противником европейских религиозных новшеств, оценивавшим их не иначе, как ересь. Русский «европеизм», таким образом, выявлял способность органично уживаться во внутреннем мире первых русских «западников» с глубокой традиционностью. В то же время их индивидуальный и потому оригинальный стиль жизни и мышления порождал реакцию отторжения со стороны широких общественных слоев и оказывался на подозрении у церкви, что подтверждено мученической смертью Артамона Матвеева во время стрелецкого мятежа 1682 г., горестной судьбой Голицына и преследованиями Хворостинина.

Проблемы совместимости двух культурных традиций в рамках русского общества касается и С. Г. Барон в очерке о возникновении Немецкой слободы в Москве. Автор убедительно показал, что расширявшиеся связи и контакты с Западной Европой вызывали двоякую реакцию. Для одних они были положительным явлением, у других, в частности у купечества, видевшего в иностранцах прежде всего конкурентов, вызывали опасения. Создание в 1652 г. по решению правительства обособленной Немецкой слободы было ответом на волну ксенофобии, поднявшуюся в середине века и нашедшую отзвук, как считает автор, и в Московском восстании 1648 г., и в староверческом движении. Направленное не столько против иностранцев, сколько против иноверцев движение не достигло полного успеха. Немецкая слобода — это гетто для иностранцев — стала выражением компромисса между потребностью в контактах с Западом и общественным недоверием к нему, что отражало, как явствует из рассуждений автора, существенную черту взаимодействия России и Европы в XVII веке.

Й. Джембо и В. Кесслер обратились к хорошо и давно изученной теме — судьбе и творчеству Юрия Крижанича, взгляды которого, как считают авторы, не исчерпываются ни «панславизмом», ни ревностным служением Ватикану, ни христианско-экуменическим прожектерством, ни беспокойным духом авантюризма и подвижничества. Крижанич, «энциклопедист и полигистор эпохи барокко, католический интеллектуал, проникнутый сознанием своего славянского происхождения» (II, с. 241), — фигура исключительная. Его труды остались неизвестными современникам, а общеславянское самосознание Крижанича и вся его биография не позволяют видеть в его идеях, по мнению авторов, нечто характерное для духовной жизни России в XVII веке.

Ф. Оттен в очерке о восприятии русскими путешественниками Западной Европы в XVII в. в качестве отправной точки берет анонимный рассказ о поездке в 1438 г. на Ферраро-Флорентийский собор посольства митрополита Исидора и сравнивает с этим повествованием рассказы о путешествиях по Европе А. М. Апраксина в 1697—1699 гг., И. И. Чемоданова в 1656—1658 гг., В. Б. Лихачева в 1659—1660 гг., П. А. Толстого и Б. П. Шереметева в 1697—1699 гг., А. А. Матвеева в 1699 году. Автор приходит к выводу, что русский образ Европы менялся очень медленно, восприятие европейского опыта происходило с большим трудом. О каком-либо внутреннем, органичном контакте русских людей с европейской культурой даже в конце XVII в., по мнению Оттена, не может идти речи. Для русских путешественников Западная Европа оставалась миром чудес, чьи экзотические экспонаты заслоняли собой внутреннюю жизнь европейских обществ (II, с. 306—308).

В целом материал обеих книг создает картину взаимного притяжения и отталкивания двух родственных, но очень несхожих цивилизационных культурных традиций, двух исторических национальных судеб. Русский образ Германии представлен не столь полно и разносторонне, как немецкий взгляд на Россию и русских. Но взятые вместе два этих тома помогают лучше понять обе стороны проблемы, глубже и яснее описать и объяснить прошлое двух национальных культур, шедших по пути все большего взаимопонимания через осмысленный отказ от порожденных средневековым предрассудков.

Примечания

1. *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9.—17. Jahrhundert.* München. 1988 (2. Aufl.). 456 S. (I); *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.—17. Jahrhundert.* München. 1988. 366 S. (II).
2. *West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von der Anfängen bis zum 20. Jahrhundert,* Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A, B.

А. И. АЛАТОРЦЕВА. *Советская историческая периодика. 1917 — середина 1930-х годов.* М. Наука. 1989, 256 с.

Книга доктора исторических наук А. И. Алаторцевой (Институт истории СССР АН СССР) — по существу, первое обобщающее исследование по данной проблеме, которое к тому же может служить и хорошим историко-библиографическим справочником.

Алаторцева проанализировала более трех десятков названий журналов 20—30-х годов, привлекла значительное количество важных архивных материалов. И все же она не использовала возможности своего исследования для того, чтобы

раскрыть такой аспект, как «историография историографии». Ссылки на современную литературу об исторической периодике (с. 4—5) носят в книге не историографический, а скорее, историко-библиографический характер. А ведь было бы интересно узнать мнение автора об обширной литературе по данной проблеме, вышедшей в 60—70-е годы, которая, как известно, страдала односторонностью, поскольку развивалась еще под значительным влиянием идей и догм «Краткого курса». Историки не имели возможности сказать всю правду о влиянии сталинизма на советскую историческую науку и изображали 30-е годы как поступательный процесс дальнейшего развития всех ее отраслей и направлений. А ведь это было время, когда, скажем, история партии фактически прекратила свое существование как научная дисциплина, превратившись в орудие политической борьбы с инуюмыслящими и средство внедрения идей сталинизма.

В монографии рассматривается вопрос о партийном руководстве печатью, поскольку без анализа этого вопроса невозможно раскрыть и объяснить содержание и деятельность исторических журналов. Однако, к сожалению, именно эта, так сказать, «несущая конструкция» не выдерживает критики. Автор проявляет удивительную робость перед фактами суровой действительности. Неудачна та часть, где говорится о трудах Ленина как теоретико-методологической основе. Анализ здесь по существу подменяется перечислением некоторых ленинских работ, взятых к тому же в отрыве от исторической обстановки, в которой они создавались. Политика и практика, осуществляемые Лениным и большевиками в отношении немарксистской печати, особенно журнальной периодики, требуют более объективной и всесторонней оценки с учетом конкретно-исторической обстановки и эволюции взглядов Ленина.

Серьезного упрека заслуживает автор и тогда, когда обращается к партийным решениям по вопросам печати, исторической науки, журнальной периодики. К партийным документам Алаторцева относится как к фетишу: профессиональный историк уступает место «рядовому бойцу» партии. Она так и не смогла преодолеть укоренившееся за долгие годы сталинизма и застоя обожествление партийных документов, неумения подойти к ним с нормальных источниковедческих позиций. В партийных документах отразились процессы вытеснения плюрализма мнений (характерного для 20-х годов) и установления жесткой монополии партийного аппарата (и в первую очередь самого Сталина) на идеологическую и историческую истину, замены ленинизма сталинизмом и возведения Сталина в ранг классика марксизма. Даже в 20-е годы, когда еще существовал плюрализм как норма партийной жизни и научного творчества, в партийных документах проявился односторонне негативистский взгляд большевиков на мелкобуржуазные партии и их историографию. Эти документы отразили в себе и процесс усиления идеологизации (особенно в 30-е годы) исторической науки, сужение свободы творчества историка.

Обо всем этом автор умалчивает, и поэтому книга не может дать ответа на вопрос о причинах деформаций 30-х годов, коснувшихся и исторической периодики. В то же время содержащийся в монографии справочный материал поможет понять сложный и противоречивый процесс развития советской историографии. Однако и здесь возникает немало вопросов. Непонятно, почему вторая глава названа «Предыстория советской исторической периодики»? Фактически речь идет уже об ее истории, разумеется, на начальном этапе. Явным анахрониз-

мом звучит утверждение: «Несомненным препятствием в скорейшем усвоении ленинской концепции были взгляды М. Н. Покровского» (с. 108). Ссылка на работу О. Д. Соколова «Покровский и советская историческая наука» (М. 1970) при этом просто некорректна, поскольку эта монография говорит как раз об обратном, а именно, о вкладе этого видного историка-марксиста в развитии советской исторической науки.

Монография не раскрывает должным образом того влияния, которое оказала на содержание журналов внутрипартийная борьба 20—30-х годов. Вся эта борьба сводится в книге к полемике против троцкизма и Л. Д. Троцкого, а также Н. И. Бухарина, причем излагается история этой борьбы в старом, односторонне негативистском виде. Между тем все группировки в партии широко использовали тогда журнальную периодику. Журналы 20-х годов рецензировали труды Троцкого, Сталина, Бухарина, Зиновьева и других, причем работы Сталина никто не ставил в один ряд с трудами Ленина.

Обозначив «ведущие проблемы журнальной периодики первой половины 20-х годов», Алаторцева, однако, в дальнейшем не продолжила их историографического анализа. Вместо этого она увлеклась «кадровой чехардой» в редакциях журналов, не увидела за нею гораздо более важного, а именно, процесса «сталинизации» исторической науки. На примере публикации к 15-летию Великого Октября можно было бы показать внедрение «теории двух вождей революции», показать, как замалчивалась роль Троцкого в организации и проведении вооруженного восстания в Петрограде. Результатом такой переориентации был и выход книги Ем. Ярославского «История ВКП(б)» (вып. I, II, М. 1933). Уместным было бы отметить тезисы ИМЭЛ к 10-летию со дня смерти Ленина «Ленин — великий основоположник социалистического строительства», в которых замена ленинизма сталинизмом предстает особенно ярко.

История советской исторической науки и роль исторических журналов крайне обеднены автором. Не показано, что многие из них не желали «политизироваться» по-сталински. Примечательно то обстоятельство, что журналы, за исключением «Под знаменем марксизма», не поддержали кампанию восхваления Сталина в связи с его 50-летием, развернутую «Правдой», что, по-видимому, сыграло не последнюю роль в появлении письма Сталина в журнал «Пролетарская революция». Журналы были «побеждены» и подчинены воле Сталина лишь через два года после жесточайшего полигического и морального террора и травли историков, особенно историков партии.

Более удачным выглядит анализ исторической периодики первой половины 30-х годов. Алаторцева справедливо отмечает негативную роль упомянутого письма Сталина, его тяжелые последствия для исторических журналов и историков. Но и здесь сказалась робость Алаторцевой перед партийными документами. Отмечая тезисы ИМЭЛ к 50-летию со дня смерти К. Маркса и 30-летию II съезда РСДРП, она подчеркивает положительное их значение (с. 230). А между тем именно в этих документах впервые Сталин был возведен в ранг классика марксизма. В них ни слова не говорилось о провалах первой пятилетки. Основной их заряд был направлен против различных «уклонов» в партии, то есть они фактически были использованы Сталиным для укрепления своей власти.

Книга может рассматриваться как первый шаг в исследовании советских исторических журналов в изучаемый период.

В. К. Якунин

Данная публикация вышла в серии «Иностранцы путешественники о России XIV—XVIII вв.». Изданное в России последний раз в 1908 г.¹ сочинение австрийского дипломата XVI в. принадлежит к числу первых и наиболее обстоятельных описаний России, сделанных иностранцами. Стремительное возрастание международного значения России в конце XV — первой половине XVI в. значительно опережало рост осведомленности европейцев о ней, и сочинение Герберштейна призвано было заполнить этот информационный вакуум.

Начинаются «Записки» с очерка истории Руси, написанного по материалам русских летописей, переосмысленных Герберштейном с точки зрения тогдашних международных отношений. Автор предпринимает экскурсы в лингвистику: его интересуют этимологические корни названий «Руссия» и «Россия», ареал славянских языков. Конспективный пересказ исторических сюжетов оказывается прелюдией и ключом к детальному описанию событий, связанных с русско-литовским и русско-польским противоборством за западнорусские земли, посредничать в котором как раз и пыталось австрийское правительство через Сигизмунда Герберштейна. С помощью лингвистических изысканий, в свою очередь, выводится титулатура московских государей, болезненно воспринимаемая соседями России.

Отчетливо виден интерес австрийского посла к жизни русского двора, придворному церемониалу, а также к организации вооруженных сил. В то же время в «Записках» содержится скрупулезный анализ отличительных черт православия, положения церкви в России, государственных законов и народных обычаев, быта горожан и их занятий. Автор на склоне лет стремится поделиться с соотечественниками своими наблюдениями об этой экзотической стране. Вместе с тем, включенный в публикацию приказ эрцгерцога Фердинанда послан в России: тщательным образом исследовать веру и религиозную обрядность, вплоть до предписания раздобыть требник или какую-нибудь богослужебную книгу, изучать народные обычаи и т. п., заставляет по-иному взглянуть на все сочинение.

Во вступительных статьях доктора исторических наук А. Л. Хорошкевич, открывающих знакомство с Герберштейном и его «Записками», вместо традиционного набора сведений об авторе и о предмете его сочинения, написанного по следам пребывания в России в 1517 и 1526 гг., перед читателем открывается политическая панорама Европы 40-х годов XVI в., неожиданно сужающаяся затем до пределов Венгерского королевства. И такой подход вполне оправдан, поскольку содержание книги можно оценить и осмыслить, лишь распутав клубок австрийско-польско-венгерских отношений. Специальный очерк посвящен проблеме международного признания царского титула Ивана IV.

Во вступлении охарактеризована деятельность Герберштейна как австрийского посла в России, повествуется о целях, которыми руководствовался он при написании и публикации «Записок». Это, во-первых, оказание дипломатического давления на Польшу и нейтрализация ее противодействия Габсбургам в венгерских делах; во-вторых, желание, в разгар споров о титулатуре Ивана IV, освободить австрийское правите-

льство и себя лично от нареканий за создание прецедента в признании за российскими государями царского титула. В конечном итоге преследовалась цель оправдать позицию Габсбургов и осудить политику Ягеллонов.

«Записки» Герберштейна характеризуются во вступительных статьях как развернутый манифест «внешнеполитической линии Габсбургов по отношению к Венгрии, Польше и Русскому государству» (с. 28). Этот вывод вряд ли требовал столь развернутой аргументации, как это сделано во вступительных статьях. Думается, что в данном случае автор стремился предложить вниманию читателя серию эссе, посвященных малоизученным сюжетам, позволяющим лучше понять международные отношения в Центральной Европе в середине XVI в. и то, как воспринимал современник исторические события и явления.

Сюжеты, посвященные самому Герберштейну и его сочинению, это, по сути, — законченное источниковедческое исследование, настраивающее на критическое восприятие «Записок» и в то же время противостоящее поверхностным негативным оценкам достоверности содержащихся в них сведений.

В издание включен обширный и глубокий научный комментарий: более восьмисот одних только затекстовых примечаний на две сотни страниц. Основную часть комментария составляют исторические, биографические и хронологические справки и уточнения, сведения по исторической географии и демографии, интерпретация исторических терминов, их лингвистический и этимологический анализ. Рассчитанные на удовлетворение профессионального интереса, исторические справки несут концептуальный характер и снабжены библиографическими ссылками.

Содержание комментариев во многих случаях выливается в полемику по частным, но тем не менее принципиальным вопросам, таким, как атрибуция «Послания Спиридона-Саввы», вопрос об использовании в «Записках» помимо летописи, сходной с Ермолинской, летописца, основанного на Московском своде 1479 г., достоверность описания брачных обычаев и др. К сожалению, не всегда в таких случаях можно установить автора комментария, как, например, в отношении статьи о десятине, опровергающей точку зрения Я. Н. Щапова. Порой в комментариях присутствует и известная односторонность суждений (например, комментарий к пересказу Герберштейном летописного эпизода о призвании варягов снабжен ссылкой лишь на монографию Б. А. Рыбакова; не случайно, вероятно, среди двух сотен тщательно составленных энциклопедических именных справок об упомянутых в «Записках» исторических персонажах не нашлось места для Юрика — ключевой фигуры в «Сказании о князьях Владимирских» и, следовательно, — в вопросе о титуле правителя России).

И все же отдельные недостатки комментария не влияют на общее положительное впечатление от фундаментального текстологического анализа. Составители использовали практически все возможности для того, чтобы проследить сопоставимости «Записок» с другими источниками и выявить при этом те из них, которыми пользовался Герберштейн. Эта работа выполнена с большой тщательностью и на высоком источниковедческом уровне. В каждом

¹ В настоящем издании перевод «Записок о Московии» с латинского, сделанный в 1908 г. А. И. Малеиным, отредактирован и исправлен А. В. Назаренко.

случае либо аргументированно подтверждена достоверность того или иного сюжета, либо выявлена его ошибочность или сомнительность. Попутно показана и уникальность некоторых свидетельств Герберштейна, не получивших достоверного отражения в других сохранившихся источниках: о размерах церковного и монастырского землевладения в России XVI в., о Москве, как торговом перевалочном центре — с реки на сушу и наоборот, о нападении тюменского хана на восточные русские территории в начале XVI в. и др. Благодаря этому предупреждается возможность некритического использования «Записок»².

Новая публикация сочинения Герберштейна сулит открытия и благодаря новому прочтению текста, уточнению и исправлению перевода. Так, сообщение о том, что «все домашние работы считаются уделом рабов» (вместо прежнего: «делаются руками рабов»), проливает, по мнению составителей, новый свет на положение холопов. Подобные открытия возникают и благодаря кодикологическому анализу изданий книги Герберштейна. Так, пометка, сделанная на экземпляре «Записок», изданном в 1551 г., стала для Хорошкевич ключом к

2. См., напр., РАБИНОВИЧ М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. 1988, с. 216.

В. В. СОГРИН. *Джефферсон. Человек, мыслитель, политик*. М. Наука. 1989. 280 с.

Книга доктора исторических наук В. В. Согрина продолжает его исследования по истории становления американской общественно-политической мысли в период от войны за независимость XVIII в. до первой четверти XIX века. Находящаяся в центре внимания автора проблематика рассматривается им в аспекте той роли, которую сыграл в этой сфере признанный «отец-основатель» США Томас Джефферсон, сумевший дать адекватный ответ на вызовы своего времени. В соответствии с поставленной задачей значительное место в работе отведено историческому фону, эпохе, в условиях которой он жил и творил, взаимоотношениям его с другими лидерами молодой республики.

Джефферсон предстает в книге как глубокий и всесторонне образованный мыслитель эпохи Просвещения, много опередивший время, как мудрый и дальновидный политический деятель, отличавшийся способностью реалистически, трезво и самокритично оценивать текущие события и исторический опыт, как убежденный демократ и смелый реформатор. Автор подчеркивает убежденность Джефферсона в том, что «Американская революция должна не только покончить с колониальным гнетом, но и утвердить политическое равенство, наделить всех немущих и маломущих американцев землей... Главной фигурой американского общества должен был стать не промышленник, плантатор или купец, а мелкий независимый фермер» (с. 4—5).

Согрину удалось преодолеть достаточно распространенный в нашей историографии вульгарно-социологический стереотип этого крупного деятеля. Он выступает не как воплощение некоей социальной тенденции, но во всей самодостаточности и значимости своей личности, уникальной и непов-

новому пониманию значения термина «головной тать» в российском феодальном законодательстве.

Лучшему осмыслению исторического фона, на котором создавались «Записки», способствует и публикация ряда дипломатических документов, связанных с посольствами Герберштейна; оснащение издания многочисленными иллюстрациями, справочными материалами, обширной библиографией и указателями.

Правда, в довольно полном перечне изданий и переводов «Записок о Московии», включая фрагменты из них в различных сборниках и хрестоматиях, отсутствует упоминание об опубликованном в «Хрестоматии по истории СССР XVI—XVII вв.» под ред. А. А. Зимина (М. 1962) фрагменте «Сигизмунд Герберштейн о власти московского государя», против некритического использования которого предупреждают сами составители (с. 298, ст. 149 и 150 комментарий). В генеалогической таблице Ягеллонов в сведениях о Ядвиге Анжуйской допущена ошибка в указании даты вступления ее в брак, к указанному там времени она уже умерла (с. 385, табл. 3). Задача, поставленная составителями, успешно выполнена. Подготовленная ими публикация вносит заметный вклад в осмысление различных аспектов истории России.

А. А. Дворецкая

торимой. Главное внимание автора сосредоточено не на том, чтобы зафиксировать «буржуазную ограниченность» деятелей Американской революции, а на том, чтобы показать их реальный вклад в общественный процесс с учетом конкретно-исторических объективных возможностей и условий. Такой подход позволяет автору избежать идеализации своего героя, апологетизации или предвзято-негативного к нему отношения.

Привлекает в книге и то, что автор проследил судьбу политических «заветов» Джефферсона, получивших реализацию в последующей истории США: юридическое и политическое равноправие американцев, отмена рабства, наделение землей всех немущих, развитие гражданского общества и правового государства, принципы разделения, сдерживания и взаимного ограничения властей, политический плюрализм и состязательность партий. В книге подчеркнуто, что эти принципы выдержали проверку временем и, несмотря на все перипетии, воплотились в исторической практике.

Согласно выводам Согрина, общественно-политические идеалы Джефферсона, оформившиеся в революционный период, оставались в своей основе неизменными до конца его жизни. Вместе с тем совершенствовались и видоизменялись отдельные части его социально-политической философии, причем происходило это по преимуществу во время отхода Джефферсона от политической деятельности или тогда, когда он пребывал в оппозиции. В годы же губернаторства (1779—1781 гг.) и президентства (1801—1809 гг.) его взгляды отличались прагматизмом, не претерпевая доктринальных изменений. Именно в эти периоды происходило испытание «на прочность» единства «слова и дела» просветителя-демократа.

Вопрос о единстве «слова и дела» в жизни Джефферсона — один из центральных в книге. Автор полемизирует как с теми биографами, которые видели в этом деятеле беспринципного демагога, предававшего свои идеалы в годы нахождения у власти, так и с теми, кто доказывал, что он воплотил в США то «царство разума», о котором только мечтали европейские просветители. Джефферсон, и это хорошо показано в книге, являл собой редкое и удачное сочетание философа-гуманиста, выдвигавшего в качестве демократического максимума фундаментальные общественные идеалы, и практического политика, умевшего бороться за воплощение этих идеалов в жизнь (в той, разумеется, мере, в которой это позволяла жизнь). В годы своего президентства он сумел упрочить республиканско-демократические основы США и провести ряд эгалитарных экономических мер, несмотря на «откат» революционной волны и распространение консерватизма и внутри страны и на международной арене.

По мнению автора, наиболее серьезно изменились взгляды Джефферсона на роль революционного насилия в истории. Известно, что размышляя над восстанием Д. Шейса, Джефферсон пришел к выводу, что подобные «маленькие бунты» должны происходить не реже одного раза в 20 лет: «Дерево свободы должно от времени поливаться кровью патриотов и тиранов» (с. 122). Эти его слова историки часто приводят без дополнительных комментариев. Согрин же подчеркивает, что Джефферсону вовсе не было присуще особенное стремление к неперемennomu регулярному массовому кровопролитию. Будучи во Франции, он во время штурма Бастилии осудил безумство толпы и в 1789 г. сформулировал новую демократическую идею: «Каждое поколение людей имеет право на перезаключение общественного договора и принятие новой конституции, мертвые не вправе распоряжаться живыми» (с. 124).

Показательно приведенное в книге письмо, относящееся к 1816 г., которое Согрин считает своеобразным политическим завещанием Джефферсона (с. 259—260). Излагая свое понимание американского политического опыта, он уже не настаивает на том, чтобы регулярно орошать кровью дерево свободы. Он пишет, что «именно ради мира и блага человечества

конституцией должна быть предусмотрена возможность производить это по закону (речь идет о том, что каждое поколение «имеет право само выбирать ту форму правления, которая, по его мнению, больше всего содействует его счастью и, следовательно, приспособиться к условиям, доставшимся от предшественников») каждые девятнадцать или двадцать лет, с тем, чтобы она всегда могла передаваться дальше с периодическими поправками, из поколения в поколение» (с. 260).

В книге уделено большое внимание специфике американского Просвещения, которая, в частности, отчетливо обнаруживается в отношении Джефферсона к религии и церкви. Он в полной мере учитывал как то, что религия сохраняет прочные позиции в средневропейских поселенцах в Северной Америке, так и то, что «американцы проявляют все меньше интереса к религиозной догматике» — даже священнослужители считают своим долгом обсуждать в своих проповедях наиболее злободневные проблемы общественно-политической жизни. Отсюда — позиция веротерпимости, понимание веры как внутренней потребности человека, перед которой внешняя обрядность отходит на второй план, признание права верующих свободно и добровольно объединяться в свои общины. «Каждому человеку должно быть сохранено право самому позаботиться о своей душе» (с. 30).

По истории Американской революции и образования США существует обширная литература. Тем не менее многие и притом весьма существенные проблемы продолжают весьма оживленно дискутироваться. К числу этих вопросов относятся такие, как характер этой революции, специфика американского Просвещения, соотношение и позиции различных классов и социальных слоев, роль масс и политических лидеров, негритянская проблема, особенности становления партийной системы США. Книга Согрина еще раз показывает, что плодотворное исследование этих проблем невозможно без обращения к конкретным личностям, не только воплотившим определенные тенденции объективного исторического развития, но и повлиявшим на их направленность, формирование, осмысление их борющимися массами.

Р. Е. Кантор

R. DRONNE. *Vie et mort d'un empire. La décolonisation*. Paris. Éditions France-Empire. 1989. 419 p.

Р. ДРОНН. *Жизнь и смерть одной империи. Декolonизация*.

Раймон Дронн в 30-е годы служил колониальным чиновником в странах Французской Черной Африки, потом был военным служащим французских вооруженных сил в Чаде, Тунисе, Франции, послевоенной Германии, Индокитае. Позднее он переключился на политическую и публицистическую деятельность, стал депутатом Национального собрания и автором ряда книг по новейшей истории Франции. Его прошлое определило его взгляды, отразившиеся и в рецензируемой книге, касающейся судьбы Французской колониальной империи. Дронн симпатизирует всем тем, кто служил в заморских владениях его страны, поскольку убежден, что она играла там цивилизаторскую роль.

Эту мысль он проводит через всю книгу, подкрепляя ее конкретным материалом, который подобран так, что, с одной сто-

роны, нельзя упрекнуть автора, будто он забыл что-то важное, а с другой — позитивные факты, работающие на его главную идею, преобладают в книге. К национально-освободительному движению в колониях Дронн относится предубежденно, утверждая, что оно в значительной степени было инспирировано международным коммунистическим движением и СССР через Коминтерн, Коминформ и пр. При этом Советский Союз, по его мнению, призывая народы колоний к освободительной борьбе, сам вовсе не собирался отказываться от своих колониальных окраин, а после второй мировой войны навязал, к тому же сугубо «колониальными методами», удобный ему режим странам Центральной и Восточной Европы (с. 9).

В дальнейшем автор на эту тему уже не распространяется и

переходит к изложению конкретного материала: сначала он дал общий экскурс становления Французской колониальной империи (XVI—XX вв.), рассматривая его как неотъемлемую и закономерную часть исторического процесса (с. 11). Затем довольно подробно излагается история каждого из заморских владений Франции. Главное внимание уделено в книге событиям после второй мировой войны, которые справедливо именуются Дронном «деколонизацией». Здесь автором использованы некоторые новые документы и свидетельства участников событий, особенно в главах, посвященных Индокитаю и Алжиру.

Историю французского колониализма Дронн членит на следующие основные этапы. С XVI до середины XVIII в. — примитивные колониальные захваты. После того, как в результате Семилетней войны Франция потеряла Индию и Канаду, развернулось систематическое и углубленное проникновение метрополии в хозяйство и общество оставшихся у Франции владений. Этот этап длился до реставрации Бурбонов. Затем последовала (вплоть до франко-прусской войны) спокойная «пауза». С этим утверждением нельзя согласиться. Достаточно напомнить о прямом завоевании в 1830 г. Алжира и длительном, непрекращавшемся сопротивлении его населения колонизаторам. Даже «туземный кодекс» 1881 г. не прервал в Алжире ни кампаний пассивного неповиновения, ни возникновения движения «младалжирцев».

Во времена III Республики шел процесс реального становления и существования собственно колониальной империи Франции. В ее внешней политике, как считает Дронн, противоборствовали две тенденции — сухопутная и заморская. Первую олицетворял лидер радикалов Ж. Клемансо, осуждавший колониальную экспансию и полностью нацеленный на «континентальные интересы», прежде всего на возврат Эльзаса и Лотарингии. Вторую представлял Ж. Ферри, пропагандировавший поворот политики Франции к заморским ее владениям. К этому следовало бы добавить, что именно при Ферри были захвачены Тунис, Мадагаскар, долины Нигера и Конго, происходили вьетнамско-французская и китайско-французская войны 1883—1885 годов.

К продолжателям континентальной линии после второй мировой войны автор относит Ш. де Голля, а к продолжателям заморской линии — себя (с. 23—24). Алофеоз Франции как мировой державы приходится на 1931 г., когда она стояла во главе «пан-Европы» и, казалось, ничто не грозило ее величию (с. 37).

Очередной этап длился, по мнению Дронна, до Браззавильской конференции 1944 г., организованной такими «выдающимися цивилизаторами и администраторами», как правитель-

ственный комиссар колоний Р. Плевен и его сотрудники, стремившимися уравнять в правах заморские владения с метрополией. На этом этапе развернулась деятельность многих местных участников «цивилизационного процесса» во главе с близким сотрудником Плевена, гвианским негром Ф. Эбуз (с. 46—54), и в результате возник в 1945 г. Французский Союз, внутри которого освободительные идеи породили контртенения.

При IV Республике начинается постепенная деградация бывшей колониальной державы. Решающий удар нанесла ей война в Индокитае, открывшая процесс деколонизации и вызвавшая события в Северной Африке. Пробудился Магриб — птица, чье «тело» составлял Алжир, а «крылья» — Марокко и Тунис. Париж, как считает автор, допустил грубую ошибку, освободив в 1956 г. «крылья», но оставив «тело» за собой вместо того, чтобы решить магрибскую проблему целиком (с. 179). А возникновение в 1958 г. эфемерного Французского Сообщества уже не соответствовало в международном плане новым историческим реалиям (с. 292). Вместо франкоговорящей мировой державы появилась V Республика — «дерево с опадающими ветвями». Одни члены Сообщества покидали его сравнительно тихо, другие — бравурно, а в целом выстроилась «цепочка уходящих» (Того, Гвинея, Сенегал, Габон, Чад, Конго, Нигер, Камерун и т. д.), пока не обозначился окончательный крах колониальной державы (с. 315).

Касаясь истории территорий прежней Французской Черной Африки, Дронн заключает, что они образовали внутри «третьего мира» две группировки — западноафриканскую и экваториальную (с. 370). Однако на страницах книги нет убедительных доказательств того, что страны, входящие в первую из них, — Мавритания, Берег Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар), Дагомея (Бенин), Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Мали и др. — чем-то отличаются принципиально в своей политике от входящих во вторую группировку — Центральнаяафриканская Республика, Джибути, Коморы и др. Вся эта конструкция автора представляется искусственной.

Несколько особняком, с чем можно согласиться, стоят страны третьей группировки — арабоязычные. А к 70-м годам определилась пока еще бытующая франкоговорящая политическая система Дом-Том (Départements d'Outre-Mer et Territoires d'Outre-Mer), заморские департаменты и заморские территории, чья дальнейшая судьба пока неясна.

В данной книге отразилась позиция тех французских французов, кто сохраняет ностальгию в отношении колониального прошлого своей страны и доньяне составляет достаточно заметную часть ее общества.

Е. С. Яковцев

Возвращаясь к напечатанному

В «Вопросах истории» № 10 за 1990 г. помещено письмо О. М. Рапова по поводу моей рецензии на его книгу «Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства» (М. 1988). Мне вполне понятно стремление автора книги защитить от критики работу, которая является результатом его многолетних и скрупулезных исследований. Однако я не могу согласиться с утверждением О. М. Рапова, что в рецензии обойдена вниманием основная проблема книги и затрагиваются лишь частные сюжеты. Все мои замечания касаются главного вопроса, который сформулирован самим Раповым: «как, почему и когда насаждалась новая религия».

Вопрос, почему Русь приняла христианство, Рапов, по сути дела, подменяет вопросом, почему язычество перестало устраивать верхушку древнерусского общества. А это лишь часть проблемы. Ни в 3 главе книги Рапова, где рассматриваются причины христианства, ни в 12 главе, где идет речь об официальном крещении князя Владимира и выборе веры, нельзя найти определенного ответа на вопрос, почему на Руси распространился именно восточный вариант христианства, притом именно из Византии. Создается впечатление, что Русь была абсолютно независима в решении этого религиозно-политического вопроса. Между тем крещение Руси было важным шагом в распространении христианства среди народов Европы. Полагаю, что в таком обобщающем исследовании, каким является книга Рапова, нельзя не учитывать экономических, политических и культурных связей Руси с Византией и другими государствами и народами Европы. Разве Русь не принадлежала к европейской цивилизации, в рамках которой шел процесс распространения христианства?

Я допустил неточность в изложении взглядов Рапова на степень распространения христианства у восточных славян в первой половине IX века. Но все-таки не могу принять стремления к изображению массовых «крещений» народа на Руси в IX веке. Привлеченные Раповым византийские источники о событиях 60—70 годов IX в. могут интерпретироваться с учетом различных толкований этнического и социального значения слова «русь», в том числе как славянско-скандинавской дружины¹. Я

по-прежнему считаю более убедительным мнение, что «крещение Руси» во второй половине IX в. были для восточнославянского населения не «массовыми» явлениями, а лишь «эпизодами»². Мое мнение о возможности иной интерпретации указанных источников нашло недавно новое подтверждение и на страницах журнала «Вопросы истории»³.

Должен подчеркнуть, что сомнения вызывают не только и не столько конкретные факты и наблюдения, обоснованные автором книги, но сами подходы к источникам и к истории Киевской Руси в целом. Этот подход к источникам сформулирован в книге так: «Практика показывает, что нередко поздние летописи, составители которых старались привлечь как можно больше самых разнообразных источников, содержат в себе более достоверные исторические материалы, чем летописи древние» (с. 282). Думается, что предпочтение, которое автор отдает наполненным баснями и политическими легендами летописям XVI—XVII вв., а также материалам «Истории» В. Н. Татищева, соответствует вполне определенному направлению в современной историографии Киевской Руси, стремящемуся удешевить и «расцветить» раннюю историю Древнерусского государства. Эта тенденция видна не только в сюжетах, отмеченных в рецензии, но и, например, в попутно брошенных фразах о «русских феодалах IX века» (с. 75), о князе Святославе — «одном из крупнейших землевладельцев» (с. 157). Чтобы доказать более широкое распространение христианства при князе Владимире Святославиче, более чем на столетие «опускается» дата основания города Владимира-Залесского. И при этом позднему летописанию отдается предпочтение перед древними летописями. Я полагаю, что все это факты из того же ряда, что и «1500-летие Киева», «династия Кия» и т. д. Так можно прийти к признанию, скажем, «Синописиса» достовернейшим источником по истории Древней Руси.

Мне, конечно, известны сообщения арабских авторов (в первую очередь, Ибн Фадлана) об обычае погребать женщин вместе со знатыми мужчинами. Но полное молчание древне-

1. См. МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) — Вопросы истории, 1989, № 8.

2. См. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. 1988, с. 237.

3. См. Иеромонах НИКОН. Начало христианства на Руси. — Вопросы истории, 1990, № 6.

русских письменных источников о ритуальном убийстве жены при погребении мужа и неопределенные данные археологов на этот счет, на мой взгляд, не дают достаточных оснований к пересмотру целого ряда событий политической истории Руси. Еще меньше я вижу оснований для того, чтобы особенности

погребального обряда восточных славян рассматривать как основную причину такого важного и сложного события, как крещение Руси.

С. А. Мезин, Саратов

Франко-русско-китайские научные связи в XVIII веке

В № 10 журнала «Вопросы истории» за 1930 г. Л. А. Славникова («Сведения о Китае в первой русской печатной газете») пишет о планировавшейся членами Российской Академии наук «научной переписке с иезуитскими коллегиями в Пекине». Продолжая эту тему, надо отметить, что члены ордена иезуитов стремились к исследованиям, пытаясь согласовывать научные истины с догматами церкви. Иезуитом был и французский синолог Антуан Гобиль. В марте 1721 г. он, получив королевское breve «математика Восточных Индий и Китая», был послан в Пекин для «научных сообщений».

В китайской столице, куда он прибыл в 1722 г., с конца XVII в. существовала немногочисленная колония французских миссионеров-иезуитов, и в ее задачу входило не столько вовлечение аборигенов в лоно католической церкви, сколько изучение и осмысление китайской истории и культуры. В колонии образовался научный центр под названием «Математический трибунал», в ведении которого находилась неплохо оснащенная заботами Гобилья обсерватория, где проводились астрономические и метеорологические наблюдения. В 1739 г. Гобиль был избран иностранным членом Петербургской Академии наук, в 1751 г. — лондонского Королевского общества. Он умер в Пекине в 1759 г., оставив после себя труды по хронологии и сочинения, в которых впервые поведал европейцам о развитии и состоянии астрономии, математики и географии в Китае. Большую познавательную ценность представляет его эпистолярное наследие¹.

В ноябре 1726 г. он писал орденскому начальству в Париж, что «китайский император нуждается в нас из-за математического трибунала, московитских дел, кроме того из-за инструментов, которые поступают к нам из Европы»². Другими словами, «Математический трибунал» в известной мере выполнял функцию некоего банка информации о событиях, касающихся России. В письме генералу ордена иезуитов от 1 декабря 1732 г. Гобиль подробно доносил о состоянии торговых и культурных отношений между Китаем и Россией³. В пекинских письмах Гобилья, адресованных парижским академикам Ж. Н. Делилю и Ж. Ж. Дороту де Мерану, заметное место также занимает русская тематика. Делиль, плодотворно поработавший 20 лет на

берегах Невы в качестве члена Петербургской АН, и после возвращения во Францию интересовался событиями в России. В этом плане корреспонденция Гобилья, находившегося в переписке с русскими учеными, имела первостепенное значение.

Когда до Пекина дошли вести о воцарении Елизаветы Петровны, Гобиль посчитал своим долгом откликнуться на это событие. 19 июня 1743 г. он направил письмо в Петербургскую АН, в котором в частности писал: «Мы надеемся, что через посредство русских учеников, направляемых сюда, вы нам дадите знать о некоторых новостях. Мы очень желали бы увидеть географические карты и новые книги, которые ваша Академия не преминет издать. Во Франции и не помышляют посылать нам такого рода вещи»⁴. В письме Делилю от 18 ноября 1751 г. Гобиль жалуется на нерегулярное поступление почты из России, на то, что караваны застревают, теряются документы и подчеркивает: «В течение ряда лет нет ни караванов, ни курьеров, ни писем из этой страны»⁵.

Контакты между русскими учеными и пекинскими миссионерами несколько упорядочились после того как в начале 1753 г. президент Академии наук К. Г. Разумовский предписал академиком регулярно сообщать об их работах членам «Математического трибунала». Первыми на этот призыв отозвались механик Х. Г. Кратценштейн и физик Г. В. Рихман. Прибывший в Пекин вместе с долгожданным караваном некий хирург Слациц 12 января 1755 г. вручил Гобилью послание Разумовского руководству колонии, письма названных ученых с обстоятельным изложением выполненных ими исследований, письмо С. П. Крашенинникова и ларец от него же с семенами, атлас Российской империи, более десятка книг и журналов, изданных Академией наук⁶.

На эти письма и дары Гобиль ответил благодарственным письмом от 30 апреля 1755 года. Но оно не застало в живых Рихмана, эмигрировавшего, как известно, во время опытов с атмосферным электричеством, а Кратценштейн уже работал в Копенгагене.

Г. К. Церава,
Бокситогорск

1. GAUBIL A. Correspondance de Pékin 1722—1759. Genève. 1970. Микрофильм этой 1000-страничной книги имеется в ГБЛ, шифр ф 1—73/2900

2. Op. cit., p. VII.

3. Op. cit., p. VIII.

4. Op. cit., p. 557.

5. Op. cit., p. 657.

6. ЛО ААН, Р. II, оп. 1, № 187, л. 41; там же, № 187—а, лл. 109—112; GAUBIL A. Op. cit., p. 311.

Необходимое уточнение

Решение написать вам письмо вызвано напечатанной в журнале публицистической работой историка А. В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время», содержащей некоторые факты биографии Серафимы Ильиничны Гопнер — старейшей большевички, одной из тех, чье имя связано с революционным движением на Украине, установлением и укреплением здесь Советской власти, с деятельностью Коминтерна.

Один из этих фактов относится к позиции С. И. Гопнер в вопросе о заключении Брестского мира. Автор обратил внимание на то, что она, работая тогда в Екатеринославе, «провела на губернском пленуме резолюцию, осуждающую ленинскую линию»¹.

Действительно, Гопнер не сразу заняла ленинскую позицию. В статье «Война революционная и война империали-

стическая», опубликованной 6(19) января 1918 г., она писала об изменении характера войны со стороны страны, где политическую власть взял в свои руки пролетариат. При этом она подчеркнула, что в случае мобилизации международных и внутренних сил контрреволюции, есть один исход — принять брошенную перчатку, вести войну, защищая социализм». 26 февраля, выступая от имени президиума на пленуме Екатеринославского Совета по вопросу о подписании мира, Гопнер указала, что «условия, предложенные германскими хищниками, не только неприемлемы, но и невыполнимы» и призвала к организации сил для отпора контрреволюции. Однако в начале марта позиция ее изменилась. Об этом свидетельствует резолюция, принятая Екатеринославским уездным съездом крестьянских депутатов 2 марта по докладу Гопнер «О наступлении Германии и о предложенных ею условиях мира». В ней, в частности, отмечалось: «Шар СНК, согласившегося подписать мир, признан вынужденным, вызванным чрезвычайно тяжелым обстоятельством момента»².

Эти колебания можно понять. Ведь по условиям Брестского мирного договора Украина подлежала немецкой оккупации, и надо было доказать пролетариату, только что завоевавшему власть, правильность принимаемых правительством решений. Но в то же время, несмотря на колебания Гопнер была избрана делегатом на IV Чрезвычайный съезд Советов, который должен был решить судьбу Брестского мирного договора. Вместе с другими делегатами Екатеринослава она голосовала за ратификацию Брестского мирного договора. Однако сомнения не покидали ее. Вот почему Гопнер решила обратиться за советом к В. И. Ленину по волнующим ее вопросам. Беседа состоялась в первые заключительного заседания съезда 16 марта. Позднее о встрече с Лениным и других событиях она рассказала в своих воспоминаниях³. Однако они односторонне освещают события. Так, совершенно не раскрыты аспекты, связанные с выбором ею позиции по вопросу о Бресте, не говорится и о борьбе, происходившей в партийной организации Екатеринослава по вопросу о заключении Брестского мирного договора.

Следовательно, факт из биографии Гопнер, приведенный автором работы «Сталин и его время», не может дать объективной картины всего процесса осознания героиней необходимости, вынужденного характера грабительского мира.

Другой факт, который упоминает Антонов-Овсенко, связан с трагическими страницами в истории нашего народа — репрессиями 30-х годов. Назвав Гопнер «сталинским провокатором», он обвинил ее в предательстве бывшего мужа — Э. И. Квирина. По мнению автора, у нее «была веская причина для ненависти: незадолго до ареста Квириг ушел от нее и создал новую семью»⁴. Конечно, этот аспект касается личной жизни известных революционеров и требует значительного такта. До недавнего времени в литературе эта сторона их жизни практически не освещалась, что отнюдь не способствовало созданию объективного образа революционеров.

Факты же свидетельствуют о том, что Гопнер и Квириг состояли в супружеских отношениях с 1917 по 1925 год. Самые трудные годы были пройдены ими вместе. Но в 1925 г. Квириг создал новую семью с одной из племянниц Гопнер — Р. В. Сапиро⁵. Несмотря на это, дружба с Гопнер продолжалась, о чем свидетельствует их переписка (некоторые письма Квирина к Гопнер хранятся в личном фонде Гопнер в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

Как известно, Квириг был арестован в октябре 1937 г., а 25 ноября расстрелян. Заявление же Гопнер было написано 23 декабря 1937 г. по требованию парткома аппарата Исполкома Коминтерна в качестве объяснения о ее связи с «врагом партии и народа»⁶. После этого она была освобождена от должности зав. сектором подготовки кадров в ИККИ, выве-

дена из состава ЦК КП(б)У и оставалась без работы около года.

Подобные заявления в те годы были не редкостью. Наверное, здесь сказалась безграничная вера в правильность принимаемых партийных решений, невозможность допустить даже в мыслях каких-либо несогласий. Это было время не только бедствий и борьбы, но и веры в уже свершившееся пришествие наилучшей жизни, в то, что зло второстепенно, скоропреходяще. Видимо, не последнюю роль сыграл инстинкт самосохранения. Хотя в то же время, на протяжении всех этих страшных лет в доме Гопнер росли и воспитывались дочь Квирина и другой племянницы Гопнер — Р. К. Сандрацкой — Светлана, ее двоюродная сестра Галина, родители которой были репрессированы⁷.

Нельзя согласиться с утверждением Антонова-Овсенко о том, что Гопнер, якобы, восприняла реабилитацию «врагов народа» как личную трагедию. Вот что писала сама Гопнер своей «партийной дочери» А. Р. Подчасовой в письме от 15 декабря 1954 г.: «Живу сейчас в мире больших чувств. Идет волна возмущения. Многим приходится, естественно, помочь восстановиться, а главное морально поддержать»⁸. А немногим раньше, в сентябре 1954 г., Гопнер первой откликнулась на попытки сына Э. И. Квирина, Виктора Эммануиловича, восстановить честное имя отца. Она пригласила его в Москву. «Какое это было счастье, — писал В. Э. Квириг. — Где-то далеко заговорили друзья. Двое из названных в заявлении (Гопнер и Кржижановский. — Л. Б.) сами вышли навстречу». Гопнер проявляла инициативу для успешного решения вопроса о реабилитации Квирина. Именно она 7 марта 1956 г. известила В. Э. Квирина о положительном решении в отношении фальсифицированного дела его отца⁹.

Но если эти действия можно понять как попытку хоть немного смягчить удар, нанесенный заявлением, в котором она фактически отказалась от Квирина, от всего, что их связывало, то этого совершенно нельзя сказать о тех многих товарищах, чьи обращения к Гопнер за характеристиками, поручительствами, необходимыми для восстановления в партии, не остались без внимания. Свидетельством тому являются многие письма и документы, хранящиеся в личном фонде Гопнер.

Следует заметить, что эти события имели место еще до XX съезда партии, когда далеко не все гладко было в жизни самой Гопнер. В 1949 г. она была уволена из Института марксизма-ленинизма, где с 1945 г. работала над историей Коминтерна, причем все ее материалы, подготовительные документы были опечатаны и ей не позволили продолжить работу. Обращения в ЦК ВКП(б), к Молотову, Кагановичу остались без ответа¹⁰. И только в марте 1956 г. ей было разрешено вернуться к работе. Вот что она писала Подчасовой 12 марта 1956 г.: «Радости (если только это слово подходит?) валются на меня чуть ли не ежедневно. Восстанавливается моя работа над историей Коминтерна. Институту получено уже указание об обеспечении для моей работы всех условий». Вернувшись к научной, активной общественной работе Гопнер не оставляла ее до последних дней жизни. Жизнь Гопнер была сложной, противоречивой. Она, как и многие другие большевики, не смогла рассмотреть угрозы зарождавшегося сталинизма, а в 30-е годы сама приняла участие в раздувании культа Сталина. В результате ее политическая и научная судьба были деформированы.

Вместе с тем отдельный исторический факт становится понятным, если его рассматривать в контексте происходивших событий. Без этого понимания возникает угроза скатиться к поиску злых людей, новых «врагов народа».

**Л. Н. Бостан,
Запорожье**

Примечания

1. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО А. В. Сталин и его время. — Вопросы истории, 1989, № 10, с. 95.
2. Звезда, Екатеринослав, 13(6); 28.11; 6.III.1918.

3. ГОПНЕР С. Отклики на Брестский мир и последние дни Советов в Екатеринославе. В кн.: Борьба за Советы на Екатеринославщине. Днепропе-

тровск. 1926, с. 206—209; ЕЕ ЖЕ. Встречи в 1918 году. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М. 1990, с. 279.

4. АНТОНОВ-ОВСЕНКО А. В. Ук. соч. с. 95.
5. Партархив Института истории партии (ПА ИИП) при ЦК КПУ, ф. 59, оп. 1, д. 529, ч. 6, с. 231; ВАРГАТЮК П. Л. Посвятив себя революции. — Под знаменем ленинизма, 1990, № 5, с. 76.
6. ВАРГАТЮК П. Л. Ук. соч., с. 76.
7. ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 39, оп. 4, д. 45; САНДРАЦКАЯ С. Э. Воспоминания о С. И. Гопнер (рукопись. Хранится у автора). Эти сведения дополняет С. Э. Сандрацкая, также обратившаяся в редакцию с письмом. В нем, в частности говорится: «Квириг вступил в брак с Р. В. Сапиро в 1925 г., а к 1937 году у него от этого брака было двое детей: Ирина 1926 и Владимир — 1930 г. р. По рассказам матери и Ирины (мы с ней дружили, как сестры, после ее возвращения из ссылки в Караганду вплоть до ее смерти в 1976 г.), все они постоянно посещали наш дом, играли со мной (я и Вова были очень похожи). Я была слишком мала и не помню этого периода, но у меня даже сохранились игрушки, подаренные отцом, он приходил, играл со мной, встречался дружески с С. И. — вплоть до ареста. По возвращении из ссылки часто в нашем доме бывала и Р. В. Сапиро. С. И. поддерживала ее и Ирину и морально и материально. Такой дом, где бывшая жена принимала бы под одной крышей двух своих племянниц-сестриц, да еще пестовала их детей, надо поискать — это отдельный литературный сюжет для Достоевского или Татьяны Толстой! Хотя я и моя мать не были репрессированы в свое время (мама не решилась вступить в брак с отцом еще в 1925 г., когда он состоял в браке с С. И.),

- но и на мою биографию легла тень «дочери репрессированного». Я с огромной горечью узнала о письме, написанном Гопнер 23.12.1937 г. с фактическим отречением от отца. Можете мне поверить, как ужасно узнавать, что очень дорогой тебе человек (мы с тетей Симой очень любили друг друга) предал память своего бывшего мужа и соратника и моего отца... К сожалению, письмо Гопнер недоступно для моего прочтения, но, согласитесь, и хронология действий, и содержание ее покаяния существенно отличаются от изложения Антонова-Овсенко — письмо написано спустя 3 месяца после ареста и спустя месяц после расстрела отца 23.12.1937. Я еще раз повторяю, что никак не могу оправдать сам факт написания письма, тем более, что моя мать в аналогичной ситуации поступила иначе. Когда ей было предложено в парткоме отречься от арестованной сестры и ее мужа — контр-адмирала Балтфлота В. И. Горба, она не сделала этого, рискуя и партбилетом, и жизнью и благополучием своим и единственного ребенка. Более того она взяла из лагеря младшую дочь сестры Галю. Но зачислить С. И. Гопнер в ряды «сталинских провокаторов», «доносчиков», «воспринявших реабилитацию «врагов народа» как личную трагедию» тоже неправда: положительная роль С. И. Гопнер в реабилитации отца и других, невинно пострадавших в те годы, известна — об этом писал В. Э. Квириг еще в 1954 г., и я сама в те годы была свидетелем их встреч и обсуждений совместных действий по реабилитации отца» (Ред.).
8. Оригинал письма хранится у А. Р. Подчасовой, проживающей в Риге.
 9. ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 59, оп. 1, д. 529, ч. 6, с. 159.
 10. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 565, оп. 1, д. 74, л. 1.

Contents

Articles: **I. Y. Froyanov**. Historical Realia in the Story about Inviting Varangians to Russia as Told by the Chronicles; **J. R. Edelman**. The Cold War Prelude: on the History of Soviet-German Relations; **O. F. Suvenirov**. The Home and Defence Ministry on the Eve of the Second World War. Historical Profiles: **V. V. Kuleshova**. Felipe Gonzales. Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev; **Willi Brandt**. Reminiscences. Historical Journalism: **A. G. Avtorkhanov**. The Technology of Power. History and Lives: **General A. Denikin**. Essays on the Troubled Times in Russia; **A. F. Kerensky**. Russia at the Turn of History; Y. V. Gotie and His Diary. Communications: **V. V. Kondrashin**. The 1932—33 Famine in the Rural Volga Area; **S. N. Semanov**. "The Bloody Sunday" as a Phenomenon of History. People. Events. Facts. **T. S. Maximova**. The "Luch" Newspaper; **S. P. Karpov**. Georgy Amirutsi, a Scholars from Trapezund. Historiography: **M. V. Dmitriev, N. L. Pushkareva**. The Russians and Germans: Ideas about Each Other; A. P. Alatoritseva. Soviet Historical Journalism. 1917-Middle of the 1930s; S. Gerberstein. Notes about the Muscovite State; V. V. Sogrin, Jefferson—Man, Thinker, Political Figure; E. S. Yakovtsev. R. Dronn. The Life and Death of an Empire. Decolonisation. Letters to the Editor.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Академия наук СССР,
Издательство «Прогресс».

Главный редактор: А. А. Искендеров

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ», 1991, № 6, 216 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2.
Тел. 209-96-21.

Технический редактор *В. Паленцева*

Сдано в набор 13.05.91. Подписано в печать 26.07.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 18,9. сл. кр.-отт. 37,8. Уч.-изд. л. 27,12. Тираж 90 235 экз. Зак. 2275. Цена 2 р. 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул. 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Государственного комитета СССР по печати, 170024, г. Тверь, просп. Ленина, 5.

В Издательстве Иркутского университета в 1991 году выходят следующие книги по историческим наукам:

1. Ссылные революционеры в Сибири. Вып. 12. Под ред. Н. Н. Щербакова. 15 л.

Сборник посвящен малоизученным аспектам истории революционно-освободительного и общественно-политического движения, политической ссылке в Сибири в XIX—начале XX в. В нем представлены разнообразные материалы, освещающие жизнь и деятельность ссылных декабристов, их революционные связи. В статьях источник-историографического характера предметом исследования являются мемуары, дореволюционная печать.

2. ГРУДЗИНСКИЙ В. В., ОЛТАРЖЕВСКИЙ В. П. Новая Зеландия в международных отношениях 1939—1945 гг. 11 л.

В монографии показаны сложные коллизии отношений США, Австралии и Новой Зеландии по вопросам военных действий и послевоенных планов на Тихом океане.

3. МАШИН М. Д., СЕМЬЯНИНОВ В. С. Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала с внутренней и внешней контрреволюцией (1918—1919).

В монографии, привлекая новые архивные данные, авторы подробно освещают боевые операции по освобождению южноуральских городов и поселков, показывают создание политического союза рабочего класса с трудовым казачеством и крестьянством.

4. НАУМОВ И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии 1950-х—середины 1980-х годов. 8 л.

В монографии освещаются основные направления, особенности, противоречия, нерешенные проблемы советской историографии гражданской войны на Дальнем Востоке в указанный период.

5. Нелегальная публицистика социал-демократов Сибири (1907—1917). Под ред. В. М. Самосудова, Н. Н. Щербакова. 32 л.

Сборник документов и материала является первым изданием, наиболее полно отражающим нелегальную издательскую деятельность социал-демократического подполья Сибири в период между двумя буржуазно-демократическими революциями.

6. СОСНОВСКАЯ Л. П. Нелегальная печать сибирских организаций РСДРП (1907—февраль 1917 года). 22 л.

В монографии на основе анализа материалов нелегальных изданий сибирских организаций РСДРП, выходявших в период между двумя буржуазно-демократическими революциями, документов центральных и местных архивов раскрывается роль нелегальной печати как пропагандиста и агитатора ленинской тактики по вопросам войны, мира и революции.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ ВЫСЛАТЬ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (ИЛИ ПО СЧЕТУ) ПО АДРЕСУ:
664000, г. ИРКУТСК — ЦЕНТР, БУЛЬВАР ГАГАРИНА, 36.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

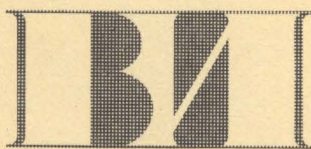
При поддержке советско-американского фонда «Культурная инициатива»
действует Исследовательский проект

**«Русская, украинская и белорусская
рукописная книга за рубежом»,**

ставящий своей целью создание Сводного каталога
хранящихся в СССР микрофотокопий восточнославянских рукописных книг.

Приглашаем исследователей, имеющих такие копии в личном владении,
а также сотрудников архивов, библиотек и научных учреждений,
обладающих указанными микрофотокопиями,
принять участие в любой приемлемой форме
в подготовке данного каталога.

117036, МОСКВА, УЛ. ДМ. УЛЬЯНОВА 19, ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АН СССР.
РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР Я. Н. ЩАПОВ.
КОординАТОР ПРОЕКТА М. Ю. НЕБОРСКИЙ: СЛ. 222-86-96, ДОМ. 492-82-76.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**